Медведев и развитие

Сергей Ервандович Кургинян

2008

Оглавление

1 **5**

2 **44**

3 **82**

4 **118**

5 **157**

6 **197**

7 **239**

8 **279**

9 **318**

10 **356**

11 **385**

12 **425**

13 **465**

14 **506**

15 **544**

16 **584**

17 **623**

18 **664**

19 **702**

20 **783**

21 **825**

22 **866**

23 **907**

24 **946**

25 **998**

26 **1044**

27 **1082**

28 **1122**

29 **1161**

30 **1202**

31 **1243**

32 **1284**

33 **1325**

34 **1366**

35 **1408**

1

(Первый — собственно политический — уровень исследуемой проблемы)

Часть 1. Что за странный «информовихрь»?

Выдвижение Д.Медведева состоялось 10 декабря 2007 года.

13 декабря 2007 года в газете «Коммер-

сант» была опубликована первая знаковая статья. Статья называлась «Россия и мир будут потрясены убийством Владимира Путина». Автор — собственный корреспондент газеты «Коммерсант» в Вашингтоне Дмитрий Сидоров.

В статье Сидорова рассказывалось о докладе группы высокостатусных американских кремленологов. В группу входили директор российской и евроазиатской программ Центра стратегических исследований Эндрю Качинс (в прошлом руководитель московского отделения Фонда Карнеги), бывший директор по России Совета по национальной безопасности Томас Грэм (занимавший в недавнем прошлом ещё и высокие посты в администрации Буша-младшего), профессор международных отношений университета Джорджа Вашингтона Генри Хейл, стар-

ший эксперт Института мировой экономики Питерсона Андерс Аслунд и другие.

Доклад американских кремленологов был представлен Центром стратегических исследований. Тем самым центром, чьими российскими и евразийскими программами ведает один из авторов доклада Эндрю Качинс.

В статье Сидорова всё внимание было сосредоточено на фрагменте доклада, который принадлежал перу Качинса. В этом фрагменте описывалось предстоящее убийство Владимира Путина. Причём в достаточно атипичном для политологии жанре. Процитируем вслед за Сидоровым:

«Россия и мир будут потрясены убийством Владимира Путина на выходе из Храма Христа Спасителя после полуночной мессы 7 января 2008 года».

Мои сограждане, начитавшиеся разных

залихватских отечественных материалов, спросят: «Ну, и что?»

А то, что политология в США не имеет ничего общего с нынешней российской политологией. В США господствует достаточно жёсткая жанровая регламентация. Именно жанровая! Политолог может рассматривать сценарии самого разного рода. В том числе и такие, в которых находится место теракту против главы государства. Но жанровая регламентация не позволяет автору ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО прогноза говорить: «Будет убит там-то тогда-то». Это может делать специалист другого профиля, имеющий оперативную информацию, или автор детектива.

Господин Качинс писал не детектив, а фрагмент политологического доклада. Ну, и? ..

В любом случае, уже через три дня по-

сле выдвижения (всего лишь выдвижения!) Д.Медведева на роль главного кандидата в президенты от правящей элиты (и партии) — первый раз возникла, и вполне нешуточным образом, тема убийства... Да, не Медведева, а Путина... Суть от этого не меняется. Выдвижение Медведева — и сразу тема политического убийства.

А дальше — тема стала тиражироваться. То Медведева могут убить в Белграде. То его должны убить «кадыровцы»... Ах, нет, не «кадыровцы», а «удуговцы»... Обвиняемые в подготовке силы открещивались и говорили: «Да, убьют! Но не мы, а наши конкуренты!» Вспоминается, как покойный О.Квантришвили звонил журналистке Л.Кислинской и говорил: «Я чувствую, что с вами произойдёт несчастье, но я в этом буду не виноват, о чём уже сообщил на имя проку-

рора Краснопресненского района».

Российским высшим должностным лицам сулят несчастья. Значит ли это, что будут несчастья? Отнюдь. Надо ли обращать на это внимание? Вроде бы и не надо... Но...

Но все видели выход В.Путина и Д.Медведева к зрителям рок-концерта на Красной площади в день выборов. И все слышали, что после обращения к публике Д.Медведева В.Путин спросил собравшихся, дают ли они ему минуту. И сказал: «Выборы президента Российской Федерации СОСТОЯЛИСЬ».

Для меня подтекст этой фразы был однозначен: выборы могли не состояться, но состоялись. Ошибочна ли моя трактовка?

12 марта 2008 года директор ФСБ Н.Патрушев на заседании Национального Антитеррористического комитета (НАК) за-

явил о том, что российским спецслужбам удалось благодаря полученной информации предотвратить несколько терактов во время президентских выборов 2 марта («эти террористическо-диверсионные акты планировались бандитами для дестабилизации ситуации в стране»).

14 марта на Ленте.ру выходит сообщение со ссылкой на газету «Твой день» о конкретно предотвращённом покушении на высших должностных лиц 2 марта 2008 года. Назван снайпер. Приведена карта, выделен сектор обстрела. Газета «Твой день» — вполне жёлтая и может написать что угодно. Но Лента.ру — не будет воспроизводить всё что угодно. А значит?..

А значит, смена лидерства в России происходит в тревожной обстановке. Можно сказать — беспрецедентно тревожной. И это надо

зафиксировать в качестве исходного пункта нашего анализа. Тревожность эта — не пиар. Всё происходит уже после выборов. И не нужен тревожный пиар! Кроме того, в пиаре не участвуют лица ранга Патрушева или Путина.

То есть — нет спокойствия. Его на самом деле нет. Говорится о том, что оно желательно в течение двадцати лет. А нет и трёх месяцев этого самого спокойствия. Что же есть? Есть некие смутные толчки — предвестники потрясений, которых, в соответствии с декларациями, не должно быть.

Часть 2. Развитие и стабильность

В патриотических кругах всегда с восторгом цитировали фразу Столыпина: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия». Иногда её воспроизводят иначе: «Нам не нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия». Первый вариант наиболее достоверен. Но по сути варианты тождественны. В любом случае, говорится о том, что есть добро — великая Россия, и есть зло — великие потрясения. Злым силам нужны великие потрясения. Силам добра нужно отсутствие этих великих потрясений. И именно это отсутствие синонимично великой России.

Я не буду говорить о том, что самую великую Россию (по несомненному факту гео-

политического величия) создали в итоге великие потрясения. Это, в конце концов, для кого-то так, а для кого-то совсем не так.

Намного более существенно то, что великие потрясения могут возникать не только потому, что они нужны какому-то «вам». Они могут возникать объективно. Никому они не нужны, а история накапливает взрывчатку противоречий. И они могут возникать в силу противоречивого поведения этого самого «нам». А также в силу слабости «нам», его неспособности снять внутренний раскол, приводящий к этой слабости, мобилизовать народ, встать на уровень новых исторических требований, отвечать масштабу большой игры и так далее.

Все эти слабости «нам» были налицо. Как налицо был и объективный характер накапливающихся противоречий, не учитывае-

мых элитой. А также её несоответствие Большой Игре. Элита была расколота. Материалов (даже открытых, а есть и другие) о том, кто в пределах этой самой элиты организовал убийство Столыпина, слишком много. И вряд ли кто-то из серьёзных людей сегодня решится утверждать, что данное убийство — дело рук маргиналов (Богрова и его непосредственных руководителей).

В любом случае, пока Столыпин говорил, что «нам нужна великая Россия», какое-то «нам-1» говорило: «Нам не нужен Столыпин». И это «нам-1» оказалось сильнее столыпинского. Кто-то считает, что в «нам-1» входили сам государь император и члены его семьи. Вопрос спорный. Но то, что сотворил сие высший круг российской имперской элиты, очевидно.

Итак, есть много вопросов уже к слову

«нам».

Но ещё больше вопросов к слову «нужны».

Повторяю, в Истории есть взрывчатка противоречий, приводящая к потрясениям. «Нам», конечно, они не нужны. Но это «нам» — не инопланетяне-прогрессоры из фантастических романов, и не высшие надчеловеческие инстанции.

Всё, что может «нам» — это оценить масштаб противоречий и скорость их накопления. Увидеть ту «риску» (красную черту), за которой произойдёт взрыв этих самых накопленных противоречий.

Оценив скорость накопления противоречий, их уровень в настоящий момент и тот критический уровень, за которым будет взрыв, надо решить простейшую арифметическую (и сложнейшую историческую) задачу.

Предположим, что противоречия-2008 находятся на уровне 65% от критических. Предположим, что накопление противоречий идёт со скоростью 5% в год. Тогда «нам» до взрыва осталось семь лет. И за эти семь лет «нам» надо сделать то-то и то-то. Обеспечить прочность системы, провести опережающие антикризисные мероприятия, — словом, ПРЕДУГОТОВИТЬСЯ.

Если элита, лица, отвечающие за государство, успевают предуготовиться, они спасают страну.

Скажи национальный лидер тогдашней Российской империи (лучше бы император, ну, ладно... пусть даже Столыпин): «У нас сейчас 1907 год. До мировой войны осталось семь лет. Нам надо ПРЕДУГОТОВИТЬСЯ. Меры таковы...» Какова была бы цена подобной смены семантики, её разворот от «нужны

— не нужны» к «надо предуготовиться»? Я думаю, что ценой было бы спасение империи. Вы не согласны?

Мне могут возразить, что в истории никогда никто так семантику не трансформировал. Как никто? А Сталин? «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят–сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма». Сказано это было 4 февраля 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. До начала Великой Отечественной войны оставалось ДЕСЯТЬ ЛЕТ. Ровно столько, сколько было названо.

И сказано было по сути только одно:

ПРЕДУГОТОВЬТЕСЬ.

Но во что была отлита эта фраза! В какую систему действий! В какую идеологическую и культурную всепроникающую работу, призванную трансформировать сразу и ментали-тет, и реальность! Это был не пиар. Это была мощнейшая система мобилизационных действий, направленная на преобразование сразу и бытия, и сознания. ДнепроГЭС и Магнитка... «Если завтра война, если завтра в поход...» и «Александр Невский» Эйзенштейна... Речь шла о сотнях тысяч элементов, трансформирующих изнутри сразу всё. Это и есть Проект. И этим Проект отличается от прагматически-назывных действий. Этим же Идеология (и её основа — мобилизационный миф) отличается от пиара (основанного на брендах).

Часть 3. О брендах

Пренебрежительное отношение к брендам несовместимо с актуальной политологией.

Во-первых, потому, что слишком многое является именно брендами. Откинешь это многое — вообще ничего не поймёшь.

Во-вторых, потому, что какие-то компоненты бренда всё же перетекают в реальность.

Бренд державности и стабильности (порядок, вертикаль власти) что-то как-то угомонил в нашей крайне неблагополучной реальности. Мы хотя бы «огрызнулись» в Чечне и смыли позорное клеймо хасавюртовского предательства.

Так что давайте не будем пренебрегать брендами. Но и отождествлять их с идеологией давайте тоже не будем. Бренды — они и

есть бренды. Не больше, но и не меньше.

Рассматривая бренды как систему (а они всегда складывают систему), мы должны не просто подчёркивать отдельные слова и говорить: «Вот один бренд. Вот другой, третий». Система брендов — это не набор брендов, а принцип организации. Чтобы раскрыть принцип, надо дополнительно к понятному слову «бренд» ввести ещё два менее понятных слова: «генерализованный бренд» и «супербренд».

Генерализованный бренд — это тот бренд, вокруг которого организуется политическая речь. То есть это главный бренд, доминирующий над другими. Он так же заявлен, как и другие. Так же внятен или даже более внятен. Он просто главнее других.

Супербренд — это нечто большее. Он может быть не задан явно в политической ре-

чи. Но может неявным образом управлять и этой речью, и подходом, порождающим речь, и связью между речью и поведением, и политическим мироощущением.

Бренды предыдущего периода (2000–2008) — общеизвестны. Стабильность, державность, предсказуемость, вертикаль власти.

Генерализованный бренд — это всё же «стабильность».

А вот супербренд...

Чтобы выявить супербренд, нужны специальные исследования. Супербренд может и не являться стержнем деклараций или даже ядром политической лингвистики. Кроме того, при такой социальной (да и не только) дифференциации нет единого супербренда для всего общества. Есть супербренд элиты... Супербренд неэлитных слоёв нашего общества...

По нашим оценкам, элитным супербрендом периода с 2000 по 2008 год («Э–00/08») является связка поименований «Брежнев» и «застой».

Я никоим образом не хочу этим сказать, что Путин — это «Брежнев» новой эпохи. Путин — во многом антипод Брежнева (молодость, здоровье, решительность). У него другой (по сути альтернативный) политический стиль. Наконец, Путин аккуратно использует даже адресацию к совсем иному прецеденту (в том числе и говоря о том, что надо развиваться, «или нас сомнут»).

Но Путин не захотел мобилизационно «раскурочить» унаследованную реальность. Не захотел — и всё. Он отнёсся к этому наследству как к чему-то, что надо упорядочить. И упорядочил, причём достаточно жёстко.

Возникла сумма двух слагаемых. Одно — Путин как тот, кто упорядочивает. Другое — реальность, откликающаяся на это упорядочивание.

Реальность откликнулась на упорядочивание с провокативной податливостью... В любом случае, сумма двух слагаемых даже в арифметике не равна одному слагаемому. А уж в политике тем более.

Процесс упорядочивания и встречная реакция упорядочиваемого породили нечто. Внутри этого «нечто» и возник «Э–00/08» в качестве неявного супербренда.

Присмотримся к тому, что свидетельствует в пользу такой гипотезы. Например, к риторике правящей партии — «Единой России».

Одним из наиболее внятных, заметных и молодых функционеров этой партии является господин Мединский. Подчеркну во из-

бежание недоразумений, что, по моей оценке, господин Мединский ДАЛЕКО НЕ ХУДШИЙ представитель данной партии и её высшего эшелона. Он хороший полемист. У него есть позиция и есть желание её высказать. Но позиция как раз и состоит в том, что Брежнев и застой — это совсем неплохо. А может быть, и не просто неплохо, а хорошо. А может быть, и не просто хорошо, а... Ну, скажем так, идеально в рамках возможного. Господин Мединский много раз высказывал такую позицию по телевидению.

Но поскольку большинство фигур масштаба, равного Мединскому (или большего), позицию вообще не высказывают с надлежащей глубинной развёрткой, то по прямым высказываниям ничего доказать нельзя. Скажут, что это мнение Мединского — и только.

Но я могу приложить к этому мнению

многое другое. Например, мониторинг государственного телевидения. В массе передач осуществляется глубокая ревизия образа Брежнева, содержания так называемого «брежневизма». Я же не говорю, что это всё директивно управляется из Кремля... Я не столь наивен... Кроме того, если бы это управлялось из Кремля, было бы неинтересно. То-то и интересно, что это делает элита, а не истеблишмент. Масс-медийная элита, и не только она.

К этому могу добавить ещё способ оперирования историческими прецедентами. Госпожа Слиска, например, никогда ничего не говорила о том, что Брежнев — её любимый герой. Для неё это недопустимо эксцентричное высказывание. Но она предлагала бороться с нынешней организованной преступностью (да и криминальностью в целом) с помощью вос-

крешённых народных дружин. То, что эти дружины не могут, оказавшись погружёнными в нынешний контекст, не стать перифериями банд, она не учитывает. При этом её высказывание — это и не проект, и не пиар. Это мироощущение. Невнятное предъявление чего-то типа долженствования. Надо бы, чтобы было так...

Речь идёт не о том, чтобы бросить камень в чей-то конкретный огород. Почему бы Слиске не предъявлять такое «надо бы»? В любом случае, оно на порядок лучше того, что предъявляет Ксения Собчак. У которой совсем другое «надо бы».

Но даже антагонизм этих «надо бы» не подрывает единства супербренда. Константин Устинович Черненко и специфический журналист Виктор Луи, являвшийся посредником в международных (американо-

советских и иных) элитных коммуникациях брежневской эпохи, могли быть полными антиподами по части «надо бы». Но супербренд был единым. Эксцентрика Виктора Луи (в том числе, и в виде автомобиля марки «Порш») допускалась супербрендом эпохи, предполагавшим как субукладность и субкультурность, так и сцементированность всего этого многообразия какими-то правилами общей социальной игры.

Внятные формулировки Мединского... Менее внятные адресации Слиски... Что ещё привести в доказательство? Нарастающую «канцеляритность» речи? Генерализованный интонационный стандарт?

В конце концов, все, наверное, понимают, что я говорю не о буквальном копировании той эпохи — оно невозможно. Я о чём-то, что разлито в воздухе этой эпохи. И не только в

воздухе, которым дышат обитатели элитных особняков ценой в десятки миллионов долларов. Тем же воздухом дышат обитатели гораздо более скромных коттеджей. И даже сайдинговых строений с аккуратно подстриженными газончиками и умильными гномиками посреди оных.

На расширенном Госсовете Владимир Путин говорил о развитии, а элита слушала. Она не фыркала, упаси бог. Она умилялась, восторгалась. Но содержание было ей абсолютно чуждо. Не говорю об отдельных людях — говорю о социальном целом. Целое ведёт себя совсем не так, как отдельные люди. Целое вело себя совершенно так же, как на XXV Съезде КПСС.

И что дальше? Можно ли противопоставить элитному бренду — народный? И сказать, что «Н–00/08» — это «Сталин»?

И да, и нет. В народных массах рейтинг Сталина кроет все остальные рейтинги. И это неслучайно. Но функционирование супербренда «Сталин» в неэлитных слоях общества весьма специфично. Нынешний способ функционирования этого супербренда — мечтательно опаслив. Мол, хорошо бы... Эхбы... Но... Словом, нужно, чтобы «этот Сталин заявился во все дома, кроме моего собственного».

Никакого отторжения Сталин не вызывает. Вызывал, но не вызывает. Восхвалять его, адресоваться к его опыту... Всё это не только допустимо, а стало хорошим тоном... Лезть же снова в холодную воду реального сталинизма... Нет уж, лучше тёплая субстанция статус-кво.

Пока надо всем доминирует желание сохранить статус-кво. Или, ещё точнее, не ока-

заться ещё раз в водовороте перемен.

Присказка брежневской эпохи — «Только б не было войны». Присказка нынешней — «Только б не было реформ». Присказки разные, но сходство есть. Рёв площадей конца 80-х годов: «Мы ждём перемен!» — заменён на сдержанное всеобщее рычание: «Никаких перемен! Никаких вообще! Ни на йоту!» Зюганов и Жириновский — это тоже перемены. Хотя...

Представьте себе кандидата по фамилии «Зюриновский». По официальным цифрам, он набрал бы примерно 30%. Оторвать от «партии власти» наиболее патриотическое крыло он бы мог. А это ещё 15–20%. Кроме того, никто не знает, кого бы он мобилизовал из «непришедших».

Мне скажут, что такого кандидата нет. Я отвечу фразой эпохи Кромвеля: «Такие лю-

ди, как молния — о них узнаёшь, когда они поражают». Так хотят люди перемен или не хотят? А вам никогда не случалось чего-то не хотеть (причём очень страстно) и одновременно...?

Словом, всё, что ниже «элиты» (и очень условного среднего класса), находится в крайне неустойчивом состоянии. Поэтому я предлагаю всё же для начала сосредоточиться на этом самом «Э–00/08».

Часть 4. Бренды и суть процесса

Есть супербренд. И есть генерализованный бренд.

Генерализованный бренд — новый. И он очевиден: развитие. Прежний генерализован-

ный бренд — стабильность. Новый — развитие.

Прежний маркируется личностью Путина. Новый — личностью Медведева.

Ничего плохого нет в этом самом новом генерализованном бренде. Нам действительно позарез нужно развитие. Хотелось бы не бренда, а чего-то большего. Но, во-первых, есть то, что есть. Во-вторых, бренд, как я уже говорил, — это совсем не мало. Хоть что-то из него перетечёт в реальность. А в-третьих... В-третьих, надо попытаться ухватить суть текущего процесса. Размышления же о должном — адресуют к другому жанру.

Суть же весьма масштабна. И то, что мы доберёмся до неё через бренды, никак не девальвирует результат.

Масштабная суть собственно политического процесса состоит в том, что

новый генерализованный бренд порождает нечто, отдалённо сходное с перестройкой.

Ведь что такое была перестройка? Это был уход от застоя. Хочу ли я этим сказать, что Медведев — это Горбачёв-2? Совершенно не хочу этого сказать. По крайней мере, он не в большей степени Горбачёв-2, чем Путин — Брежнев-2.

Медведев — волевой, жёсткий и быстро развивающийся политик. О содержании этой политики говорить рано. Оно крайне вариативно. А вот что-то уже понятно. Например, что разговоры о марионеточности Медведева, мягко говоря, весьма и весьма наивны.

Но дело не в политиках, а в политике. То есть в тенденциях, выявляемых, в том числе, и через генерализованные бренды. Была — стабильность... Теперь — развитие.

Мне возразят: «Говорится о сочетании стабильности и развития».

Так-то оно так. Но сочетать это крайне трудно. А кто-то считает, что невозможно в принципе.

Пока речь идёт только о словах — всё в порядке. Более того, такой разговор (при всей его проблематичности в философском и практическом смысле) имеет внятный третий — собственно политический — смысл.

ЭТОТ РАЗГОВОР МАРКИРУЕТ СОБОЙ ЕДИНСТВО КУРСА ПУТИНА И КУРСА МЕДВЕДЕВА.

Путин говорил о развитии на расширенном заседании Госсовета. Путин, а не Медведев. И политически это крайне важно. Медведев же, говоря о развитии, всё время подчёркивает, что оно должно быть стабильным. И это тоже политически важно.

Но такой разговор — не более чем разминка.

А дальше начинается главное. Приходит новый лидер... Если он просто приходит и продолжает курс — это одно. Но если он — лидер развития, а предыдущий лидер — это лидер стабильности, то это другое.

Представим, что этот новый лидер осуществляет какие-то кадровые изменения. Если он просто новый лидер, то ничего особенного. Известное дело, «новая метла».

А если новый лидер предъявляет себя через новый генерализованный бренд («лидер развития»), то и новые кадры — это «кадры развития», а старые — «кадры стабильности». Но рано или поздно окажется, что старые кадры — это плохие кадры, а новые кадры — хорошие кадры. А как иначе?

И тоже, вроде, ничего особенного. Однако

если старые кадры — это кадры стабильности, а новые кадры — кадры развития, то оказывается (понемножку, по миллиметру), что стабильность — это плохо, а развитие — хорошо. Но плохая стабильность — это в каком-то смысле застой (застой-2). А альтернатива застою-2 (хорошее — всегда альтернатива плохому) — это перестройка-2.

А тут ещё та самая суть... Может быть, суть не так уж и интересна. В политике такое часто бывает. Но от этого суть не исчезает и не перестаёт «ворожить».

Устойчивое развитие — миф. Точнее, фигура речи, прикрывающая неразвитие.

«Ни один из нас бы не взлетел
Покидая землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья».

Теория равновесия, «теория баланса» —

это одно. Теория развития — другое. Впрячь в одну телегу коня и трепетную лань не удалось даже Альберту Гору, творцу этой самой идеи устойчивого развития.

Застой-2, перестройка-2... Повторение, о котором я говорю, ни в коем случае не будет буквальным. Но тонкое сходство в ситуациях может возникнуть. А для того, чтобы точнее разобраться в подобных тонкостях, нужно вспомнить детали перестройки-1.

Внутри неё ведь было несколько фаз.

Первая фаза называлась «ускорение».

Если бы перестройка реально пошла по пути ускорения (мобилизации возможностей системы под цели форсированного развития), то перестройка не только не оказалась бы крахом Советского Союза. Она спасла бы СССР и вывела на новые горизонты.

ЕСЛИ ХОТЕТЬ ФОРСИРОВАННОГО

РАЗВИТИЯ, ТО ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ УБИЙСТВА НОВОГО УСКОРЕНИЯ. И ВСЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА — ЖЁСТКОСТЬ, РАЦИОНАЛИЗМ, СИСТЕМНОСТЬ, — ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАПРАВЛЕНЫ НА ТО, ЧТОБЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ТАКОМУ УБИЙСТВУ.

Так что убило ускорение?

Бренд под названием «сталинщина». И у меня есть самые серьёзные основания считать, что этот бренд и был специально придуман для того, чтобы не допустить ускорения. Мобилизовать систему нельзя без элементов правильного, гибкого авторитаризма. Отнюдь не какого попало, а именно нужного. Потому что есть и такой авторитаризм, который несовместим с развитием и даже уничтожает все его предпосылки. Но если сходу

сказать, что любые элементы гибкого авторитаризма, соединённые с развитием, это мерзость, рецидивы сталинизма, — оказывается, что система немобилизуема.

Ещё раз подчеркну, что все параллели условны. Но если их проводить (а это необходимо делать во избежание худшего), то получается следующее.

Ускорение перекрывалось брендом «сталинщина».

Ускорение-2 может перекрываться брендом «чекизм».

«Чекизм» в функциональном смысле равен «сталинщине-2».

Теперь вдумаемся: на самом деле система немобилизуема потому, что перекрыты её мобилизационные возможности. Но говорить об этом «не положено» (кстати, главное правило застоя, которое продолжает действовать).

А о чём-то говорить надо. И надо продолжать по инерции искать возможности мобилизации, уже зная, что их нет. Как это сделать?

Тогда начинается следующая фаза перестройки — очищение. Что это такое в системном смысле?

Система на самом деле немобилизуема потому, что единственная возможность её мобилизации (гибкий и эффективный дозированный авторитаризм) убита. Но об этом не говорят. И ищут, ищут... Что же мешает? В ходе фиктивных поисков выясняется: «Батюшки! Мешает-то засорённость системы! Давайте её очищать». Начинается борьба с коррупцией.

Борьба с коррупцией без развития и гибкого дозированного авторитаризма (а) невозможна, (б) разрушительна.

Рушащейся системе выносится оконча-

тельный диагноз: неулучшаема. Дескать, «и ускоряли, и очищали, сами видите — ничего не выходит, надо менять систему». А как менять? Система сопротивляется. Нужна «демократизация» (третья фаза). Её энергию надо направить на подавление сопротивления системы (активизировать «живое творчество масс»). Направляют. Система рушится полностью (четвёртая фаза).

Что я хочу сказать? Что это ОБЯЗАТЕЛЬНО повторится? Нет! Я хочу сказать СОВСЕМ другое. Что для того, чтобы это НЕ ПОВТОРИЛОСЬ, тот печальный опыт НАДО УЧИТЫВАТЬ. Причём не на уровне буквальности (тут всё совсем разное), а на уровне коварных системных аналогий. Их ни в коем случае нельзя воспроизводить.

ЛЮБЫЕ ОТДЕЛЬНЫЕ БЛАГИЕ ДЕЙСТВИЯ МОГУТ ОБЕРНУТЬСЯ СВОЕЙ

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬЮ, ЕСЛИ СТРАТЕГИЯ И СИСТЕМНОСТЬ ПОДХОДА ОТСУТСТВУЮТ.

Это первый — собственно политический — шаг к развитию. Не повторить опыт демонтажа ускорения. Такова первая задача. Но — не единственная.

2

Что важнее — идея или страна?

Были и те, кто сказал «идея». Разве не было в 90-е годы демонстраций под красными флагами с лозунгами «Дудаев лучше Ельцина»? Разве не говорили, что и Басаев лучше Ельцина? Так говорили одни.

Другие сказали, что страна важнее идеи. Поставили страну НАД идеей (а значит, и идеологией как средством проведения идеи в жизнь). И сохранили страну.

Для того, чтобы от сохранения страны перейти к развитию, надо совершить нечто сходное. То есть поставить развитие НАД идеологией.

Если развитие не станет для нас в 2008 году такой же точкой надидеологической сборки, какой государственность стала в 1994-м, не будет никакого развития. Развитие не бывает без жертв. В жертву развитию должно быть принесено очень многое — карьерные и клановые интересы, идеологические предпочтения, расхождения по принципу «свой — чужой»... В каком-то смысле даже и социальные интересы. Но именно в каком-то смысле. Потому что нельзя требовать от сброшенных на социальное дно масс жертв во имя развития — и предъявлять этим массам антижертвенную, гипергедонистическую «шикующую» элиту. Такая сборка невозмож-

на.

Конечно, можно сказать, что нам уже не придётся чем-то жертвовать ради чего-то, что развитие будет сопровождаться «неуклонным ростом благосостояния всех тру...», прошу прощения, всего российского населения.

Сегодня 26 марта 2008 года. Выборы состоялись 24 дня назад. Да и те, кто голосовал за неуклонный рост всеобщего благосостояния, опуская бюллетень в урну, понимали — в жизни надо платить за всё. Платить — значит жертвовать.

В чём основной закон жертвы? То, чем жертвуют, находится ниже того, ради чего жертвуют. Сказав в 1918 году «страна выше идеи», рощины и телегины пошли к «красным». Шли они — «через не могу». Алексей Толстой назвал это «хождением по мукам».

Но почему удалось вынести муки, которые, конечно, были неизмеримо страшнее тех, что описал Толстой? Потому что «белый», приходивший к «красным», видел в чуждом — невероятно чуждом и бесконечно враждебном ему — комиссаре некую жертвенную страсть. Он понимал, что это не пиар, а страсть. Что и этот «гад в кожанке» тоже готов умереть за какую-то свою Россию. Но ведь за Россию!

То же самое с развитием. Люди, чуждые друг другу во всём, могут сойтись на территории развития, только увидев, что есть эта страсть... Не пиар, не умствования, не конъюнктурные соображения, не подспудные (и к развитию отношения не имеющие) политические намерения. А именно страсть. То есть готовность поставить развитие над всем остальным.

Страсть — это не истерика, не пафос, не трескучая болтовня. Русская классика давно тут всё определила с абсолютной точностью: «Я знал одной лишь думы власть, одну — но пламенную страсть». Где думы власть — там и страсть. Человек может быть сух и конкретен. Но при этом абсолютно сосредоточен на этой — главной и единственной — думе. А раз так сосредоточен, то и серьёзен.

Герой Лермонтова не будет шутить по поводу своей всевластной думы. Он будет рваться к её осуществлению. И прорвётся.

А тот, кто будет шутить, никогда и никуда не прорвётся.

Не допустить превращения самоценной идеи развития в подручное средство для тех или иных политических манипуляций — это первая задача.

Вторая задача — не позволить с этим са-

мым развитием шутки шутить.

Застой всё превращает в шутки (если резче и конкретнее — в пошлость). Для застоя любая серьёзность и страсть — комичны. На то он и застой.

В недрах брежневского застоя оставались люди, готовые говорить о развитии серьёзно. Их было немного, но они были. Были и философы, и системщики, и технократы, и деятели культуры... Да и управленцы тоже были. Развитие ещё могло говорить о себе на серьёзном политическом языке.

Почему всё это не было растворено до конца в пошлости? Почему брежневский застой не растоптал это окончательно и не выкинул на свалку? Потому что застой — это короста на живом теле. Телом же является проект. Брежневский застой был застоем советского проекта, а не застоем вообще. Пока есть тело

проекта — тело, а не труха, — есть и серьёзность.

Если я прав, и застой является нынешним супербрендом, то хотелось бы понять, о застое какого проекта идёт теперь речь? Пусть проект предъявит себя и преодолеет застой. Пусть покажет, что есть что-нибудь, кроме коросты.

Короста же налицо. Обнаружить её всегда очень просто. Нам ли не знать, как именно!

Приснопамятная шутка застойных лет: «Ранний репрессанс, поздний реабилитанс и сю-сю-реализм». Короста — это «сю-сю» на нужную тему. Хрущёв у власти — одна тема. Брежнев — другая. Переход от одной темы к другой осуществляется «на раз». Разговор же на любую тему ведётся на этом самом «сю-сю языке». Потому что никакого интереса к теме нет. Есть интерес к чему угодно другому

— карьере, интригам. Но только не к теме.

Что такое «сю-сю-стабилизанс» — мы знаем. Знаем, как вдруг обнаружили в себе непоколебимых патриотов и даже националистов люди, которые перед этим говорили о патриотизме (а уж о национализме — тем более) с отвращением и ненавистью.

Если «сю-сю-развитанс» заменит «сю-сю-стабилизанс», то развития не будет. А в силу специфики тематики развития (поверьте, эта специфика есть!) будет очень быстрое и сокрушительное фиаско.

Мы же знаем, что такое «сю-сю»... Это средство от серьёзности. Сначала обнаруживается эта несерьёзность (отсутствие интереса к теме). Потом... Все мы знаем, что бывает потом.

От прецедентной логики перейдём к аналитике нашего сегодняшнего конкретного бы-

тия.

Готовится некая «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года». Её уже поносят почём зря. Мол, до 2020 года... Нынешнее поколение будет жить при... И так далее.

Мне этот тип поношений глубоко несимпатичен. Я хочу серьёзно разобраться с концепцией. И серьёзно отнестись к ней. А что, может быть, люди с другими представлениями о том, что такое развитие, всё-таки хотят это развитие обеспечить? И они понимают, как это сделать? И пусть тогда они сделают это совсем не так, как мне хочется. Пусть это будет даже не совсем то развитие, которое нужно. Пусть только это развитие сохранит страну — и всё.

Если страна сохранится (а страна — это государство и народ), то заработают законы

интраистории. Их когда-то очень убедительно изложил Мигель де Унамуно, показавший, что если страна сохраняется и восстанавливается, наносное уходит. Ядро цивилизации переваривает ту периферию, в которой были осуществлены самые противоестественные трансформации исторической жизни. И исторический опыт России показывает, что это так. Главное, чтобы страна сохранилась. Сохраниться она может только в условиях развития. А значит, не только страна НАД идеологией, но и развитие.

Ну, так что сказано в Концепции? И есть ли достоверные данные?

В неких кулуарах обсуждаются некие версии... Какому-то журналисту удалось добыть вариант Концепции объёмом аж в 112 страниц... и оказалось... Какой вариант? Как удалось добыть?..

Гораздо лучше зайти на официальный сайт Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) и посмотреть, что там сказано. Сказано там, что официального текста готовой Концепции ещё нет, что этот текст «дорабатывается с учётом выступления В.Путина на расширенном Госсовете 8 февраля 2008 года», а также ходит «для уточнений и согласований» по министерствам, ведомствам и бизнес-корпорациям.

Для того, чтобы Концепция была обсуждена и утверждена, должны быть изготовлены, кроме Концепции, ещё два документа: — долгосрочный план развития России до 2030 года, — некий «пошаговый план действий» Правительства для реализации Концепции. (Что за план, на какую глубину по времени он должен быть развёрнут — об этом ничего не говорится).

Ну, не говорится — и не говорится. Посмотрим, о чём говорится. И как.

Пока на сайте МЭРТ есть два официальных материала. Это, прежде всего, первая часть Концепции — «Стратегические ориентиры долгосрочного социально-экономического развития». Объём текста — 18 страниц. Не 112, а 18.

Кроме того, есть информация о работе над Концепцией, где перечисляются её последующие части: — этапы инновационного развития; — развитие человеческого потенциала; — развитие экономических институтов и поддержание макроэкономической стабильности; — развитие национальной конкурентоспособности; — внешнеэкономическая политика; — региональное развитие.

Ну, будут последующие части — прочтём. Пока есть одна часть — и наиважнейшая. Ес-

ли хотим обсуждать развитие как политическую проблему, то без анализа официальных стратегических ориентиров не обойтись. Назвался груздем — полезай в кузов.

Ну, я и полез в этот 18-страничный «кузов»... Полез с самыми что ни на есть благими намерениями. Отнюдь не ради того, чтобы похихикать по поводу того, что нынешнее поколение... будет жить при путинизме... Поскольку я, увы, не уверен, что нынешнее поколение будет жить — не только на территории России в виде поколения её суверенных граждан, но и вообще, — то по мне хоть «при путинизме», хоть как. Почему бы нет?

Один мой преуспевающий и очень толковый знакомый как-то разоткровенничался. «Представим себе, — сказал он, — что никаких реформ в СССР бы вообще не было. Что не приходили бы к власти никакие яркие лич-

ности, а один Черненко сменял бы другого. Сколько было процентов роста? 3 процента в год. Сколько лет прошло с 1985 года? Больше 20. Сколько это с накопленным ростом? Ровно удвоение ВВП! Ну, и были бы у всех хорошие квартиры, приличные дачи и машины в диапазоне от «Запорожца» до «Волги».

А дальше мой знакомый (у которого есть несоизмеримо больше) наклонился ко мне и яростно прошептал: «А что, обязательно надо больше?»

Так что я не против того, чтобы жить вместе с нынешним поколением «при-МЭРТиально». Я просто должен быть уверен, что поколение будет жить. И хоть в сколь-нибудь уважаемом и узнаваемом государстве. А уж в великом — так тем более. ВЕЛИКАЯ Россия обязательно должна быть РОССИЕЙ. Иначе не бывает. Мне другого

и не нужно. А кто там будет рулить, кто не будет... Переживём.

Так что я начал читать документ МЭРТ с большим энтузиазмом. Но вскоре обнаружил... Чтобы не растекаться мыслью по древу (документ хоть и не на 112 страниц, но всё же большой), буду формулировать по пунктам.

Первое, что я обнаружил, это полное отсутствие анализа реализации предыдущей Концепции развития до 2010 года. Той Концепции, которую группа Г.Грефа делала в 2000–2001 годах. То есть, анализа нет ВООБЩЕ. Вообще, понимаете? Абсолютно неясно (я бы сказал, непристойно неясно), в чём состоят достижения, провалы, заделы, что нуждается в корректировке, что требуется продолжать, а что менять, на чём настаивать и от чего отказываться.

Западная бюрократия — не Гегели. Реальные западные концерны и корпорации не состоят из яйцеголовых (хотя и яйцелоголовые там есть). Но даже самая кондовая бюрократия или самый упрощённый корпоративный менеджмент не вывесит новую Концепцию без анализа предыдущей.

Второе, что я обнаружил, — это отсутствие мало-мальски внятного (пусть не детального, но сколь-нибудь вразумительного) анализа текущего социально-экономического состояния России. То есть образа реальности, от которого необходимо отталкиваться при любом долгосрочном планировании.

Мне рассказывают, в какой точке Б я должен оказаться, но при этом не говорят, в какой точке А я нахожусь. Я понимаю, что культура стратегического проектирования претерпела за последние двадцать

лет страшный и во многом невосполнимый урон, да и в 1985 году была не ахти какая. Но элементарные нормативы чиновно-бюрократического описания утеряны быть не могут. Согласно этим нормативам, без точки А нет точки Б.

Так что это всё значит?

Третье, что я обнаружил, — отсутствие серьёзного обсуждения возможных сценарных вариантов развития России, связанных с общемировым социально-экономическим и военно-политическим контекстом и его возможной динамикой. Между тем, это решающий момент.

Мне скажут: «Да это всё заморочки, политология, а люди серьёзным экономическим делом занимаются».

Прежде всего нужно установить, что это не заморочки, а стандарт. Не бывает серьёз-

ной Концепции без сценариев. Все это понимают. И вряд ли кто-то станет отрицать, что мир переживает непростой экономический период. Это тоже вроде все понимают. Что же касается того, что люди занимаются не заморочками, а очень серьёзным делом, то... как не согласиться?

Они очень серьёзным делом занялись, эти люди.

Они, например, выдвигают в качестве безусловного позитива то, что Россия — ура! — достигла беспрецедентной для развитых стран открытости своей экономики. И называют цифру — внешнеторговый оборот в 2007 году составил 45% ВВП.

Я не экономист, и у меня железные нервы. Но тут мне захотелось, чтобы налили... То ли десять грамм нитроглицерина, то ли 250 грамм спирта... Лучше второе. Потому

что (сообщаю для справки) у ЕС внешнеторговый оборот со странами за пределами сообщества около 18% ВВП. Примерно столько же у США. А в Китае он составляет около 17% валового внутреннего продукта.

Для неспециалиста поясню. Если вы качаете нефть, продаёте ВСЁ, что выкачали, а на выручку ввозите ВСЁ необходимое для жизни, то у вас внешнеторговый оборот составляет 200% ВВП. В каком-нибудь Тайване внешнеторговый оборот даже намного больше тех 45% ВВП, от которых так «балдеют» в МЭРТ. Но это страна без амбиций, страшно зависящая от экспорта и импорта. Это не США, не Китай и не Европейский союз. Так от чего балдеть-то? От того, что экономический суверенитет подорван? От того, что пропорции, которые имеют абсолютное значение для передовых стран мира, глубоко смещены

в сторону зависимости, в сторону неспособности выстоять в условиях сколь-нибудь неблагоприятной конъюнктуры?

Но может быть, такая конъюнктура исключена? Так ведь нет!

Четвёртое, что я обнаружил, — это констатация возможных изменений конъюнктуры. В Концепции прямо говорится, что «предстоит глобальная структурная перестройка мирового хозяйства», что налицо «борьба противоречивых тенденций глобализации и регионализации», что неизбежно будут расти риски, и возможны кардинальные перестройки в мировой финансовой системе.

Так мы от чего балдеем-то? От того, что при изменении внешней конъюнктуры (а прогнозируются изменения на уровне глобальной структурной перестройки мирового хозяйства) всё затрещит по швам? В США и

Китае затрещит, а у нас не затрещит?

Пятое, что я обнаружил, — это успокоительное утверждение, согласно которому у нас почему-то не затрещит. У всех затрещит, а у нас нет. Потому что, как утверждает Концепция, российская экономика защищена от воздействия внешних шоков «резервными активами в почти 500 млрд. долларов».

Минуточку!

В той же Концепции говорится, что наш ВВП по паритету покупательной способности составляет 1,9 трлн. долларов. Внешнеторговый оборот, как мы уже узнали — 45% ВВП. То есть около 850 млрд. долларов. Если затрещит как следует (а в истории бывали внешние шоки, приводившие к сокращению внешнеторгового оборота вдвое и более), то «подушка» наших резервов может быть «съедена» года за полтора-два. А такие шоки по-

рой длятся по несколько лет. Так почему у нас не затрещит? И что надо сделать, чтобы не затрещало? Накопить «подушку» втрое большего объёма? А если (и об этом сейчас все говорят) произойдёт резкое обесценивание наших резервов, размещённых в разного рода бумагах, номинированных в долларах и евро? Чем тогда мы будем гасить внешний шок?

Шестое, что я узнаю, касается стратегической цели. Оказывается, стратегическая цель — «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века». Что значит «статусу»? Почему у всех ведущих мировых держав XXI века внешнеторговый оборот меньше 20% ВВП, а у нас уже 45%? Это означает, что мы стремительно движемся в сторону завоевания этого

самого статуса?

Цель — декларативно-неопределённа. Сопряжённые блоки описания никак не увязаны с целью. Считать это всё полноценным «образом будущего» для Концепции как документа, регламентирующего нашу жизнь, невозможно. Для этой прискорбной констатации совершенно не нужно быть злопыхателем или таким ревнителем свободы, которому на развитие наплевать. Для этой констатации надо просто относиться серьёзно к развитию, а не сюсюкать по его поводу.

Между тем сюсюканье (в духе этого самого «сю-сю-реализма») в Концепции не исчерпывается вышеизложенным. И постепенно приобретает гротескно-фантасмагорический характер. Потому что вдруг оказывается, что «достижение этой (стратегической — С.К.) цели означает формирование качественно но-

вого образа будущего России к концу следующего десятилетия». То есть к моменту завершения срока реализации данной концепции? Значит, настоящий образ будущего мы сформируем после того, как дойдём до цели? А идти к ней мы будем без образа будущего?

Прочтя это, я зауважал не только Константина Устиновича Черненко (которого я, в общем-то, всегда уважал). Я зауважал самые кондовые комсомольские и партийные бумаги, рождённые в недрах глубокого брежневского застоя. Потому что там были хоть какие-то представления о концептуальной обязательности...

Седьмое, о чём я узнал, касается конкретных целевых ориентиров.

Назову наиболее показательные: — «выход на стандарты благосостояния развитых стран», — «высокое качество и комфортные

условия жизни населения», — «изменение социальной структуры в пользу среднего класса», — «инновационное лидерство в мире».

Ничего против этого я не имею. Я просто не понимаю, за счёт чего это будет достигнуто. И не понимаю, как можно об этом не сказать. Ведь за всё надо платить, не так ли? Какова мобилизационная (как минимум, трудовая, если кто-то боится слова «мобилизация») ЦЕНА? Кто её заплатит? Почему будут платить и нести издержки? Народ не может получить «на халяву» такие показатели жизни и такое лидерство. Ну, так?

Восьмое, о чём я узнал, — это что государство не должно подменять бизнес своей активностью, но должно лишь «создавать условия для успешного развития бизнеса», и что «именно частный бизнес является основной движущей силой развития».

Тем самым государству фактически запрещается роль реального Субъекта Развития даже в ключевой — экономической — сфере, которой в основном и посвящена Концепция. А при обсуждении проблемы инновационного развития — в качестве «субъектов развития» перечисляются компании, разрабатывающие новые технологии, работники науки, образования, здравоохранения и т.д.

Интересно узнать, кто так осуществлял развитие, преодолевая весьма проблемную ситуацию в короткие сроки? И почему государство не должно быть Субъектом Развития? Что это за фобия? И как она соединяется с державностью и вертикалью власти? Если развитие является сверхцелью и основным ориентиром, то почему государство должно самоустраниться от реализации своей же сверхцели? И чем оно тогда занимается?

— вот главное, что меня волнует!

ЗАЧЕМ ОНО ТОГДА ВООБЩЕ НУЖНО?

Никто не оспаривает необходимости частного бизнеса. Есть огромное количество направлений, востребованных жизнью. Жизнь не может быть сведена к одному стратегическому направлению (развитию). Пусть бизнес работает там, где надо. И пусть чиновники ему не чинят препятствий. Пусть бизнес конкурирует или соучаствует с государством и в том, что касается стратегических направлений развития.

Но любой мировой опыт — хоть в развитых, хоть в развивающихся странах, — показывает и доказывает, что не иметь механизмов реализации стратегического целеполагания в виде мощного государственного предпринимательства и управления большим

бюджетом (особенно в условиях, когда ставятся цели выхода из кризиса и развития) — эффективное государство НЕ МОЖЕТ. Ну, не может и всё.

Посмотрите, как в нынешнем кризисе британское государство национализирует крупнейший «просевший» банк, и как американское государство меняет законодательство и «нерыночно» вливает в экономику многие сотни миллиардов долларов. Послушайте главу МВФ Доминика Стросс-Кана, который твердит, что «рыночные» меры для выхода из кризиса недостаточны, и призывает развитые страны к наращиванию антикризисной активности госбюджетов.

То есть везде, включая наиболее последовательно-либеральные «рыночные» развитые страны, государство от обладания инструментами решения таких проблем отка-

заться не может. (О странах вроде Китая или Индии, заявивших своим исключительным приоритетом форсированное развитие, я уж и не говорю). А у нас, согласно рассматриваемой Концепции, государству от них нужно отказаться. И как я должен к этому относиться? Серьёзно?

Девятое концептуальное откровение состоит в том, что лишь глубоко демократическая Россия может осилить задачу быстрого развития. Тут же уточняется: «Только реализовав формулу «демократия — человек — технологии» и воплотив её в повседневную практику жизни общества, Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занять достойное место среди ведущих мировых держав».

Ребята, кто подменяет высший приоритет идеологическими «заморочками»? Но ведь и

подменять надо уметь! Студенту известно, что все успешные быстрые модернизации — как старые (вроде голландской, британской или французской), так и новые (японская, корейская, тайваньская, малайзийская, китайская), — это авторитарные модернизации, с решающей ролью государства в управлении развитием и достаточно жёстким сокращением пространства для демократических процедур.

Одесский автомобилист-частник хотел подвезти женщину за умеренную мзду. А та негодовала, что он не таксист. Частник ей возразил: «Мадам, вам об шашечки или ехать?»

Вот и хочется спросить: надо ли «ехать»? Или нужны «шашечки» демократии? Ведь никто не возражает против демократии. Никто не хочет заменять её авторитаризмом ра-

ди авторитаризма. Но либо развитие действительно высший приоритет, и идеологии умолкают. Либо... Либо все будут навязывать свои идеологические приоритеты, и тогда не будет никакого развития.

В памятной мне телевизионной дискуссии Г.Резник и В.Никонов спорили о том, совместима ли свобода с традицией. Г.Резник утверждал, что наша традиция несовместима со свободой. В.Никонов ему оппонировал. То есть, дискуссия шла между сторонниками формулы «свобода минус традиция» (либеральная партия) и сторонниками формулы «свобода плюс традиция» (консервативная партия). Я, будучи третьим участником дискуссии, кожей ощущал наличие ещё одного молчащего персонажа. Того, для которого желанной формулой является «традиция минус свобода». Вы скажете, что его нет? Ну, го-

ворите, говорите... Прячьте голову под крыло... Дождётесь... Ждать осталось недолго.

Между тем, дискуссионное пространство из двух переменных (свобода и традиция) — это тупик. Вырваться из тупика мы можем, лишь введя пространство из трёх (трёх, а не двух!) переменных:

СВОБОДА, ТРАДИЦИЯ и РАЗВИТИЕ.

Нам надо не сюсюкать о развитии. Нам надо понять, что без развития обессмысливаются и традиция, и свобода. Что же касается несвободы, то она всегда отвратительна. Но может быть хотя бы отчасти оправдана только развитием. И чем больше несвободы, тем больше должно быть развития, чтобы хоть как-то несвободу оправдать. Да и преодолеть.

Пока СССР форсированно развивался, несвобода была как-то терпима. Хотя весьма и весьма издержечна. Но когда СССР пере-

стал ускоренно развиваться (застой), то даже меньшая несвобода (а несвободы при Брежневе, конечно, было меньше, чем при Сталине) стала абсолютно невыносимой. И мы получили то, что получили.

Первая задача — не подменить развитие политическими играми.

Вторая задача — не подменить развитие странными «сю-сю» на тему развития. Отнестись к развитию серьёзно. Без пафоса, без восклицательности, но серьёзно. Авторы Концепции называют много прекрасных конкретных долженствований. Например, стабилизация численности населения и занятых в экономике. На основе чего? Оказывается, что на первом месте «эффективное регулирование миграции». А затем уже следует повышение здоровья нации и уровня социального оптимизма. Ну, ладно, миграция так миграция.

Что ещё должно состояться к 2020 году?

ВВП на душу населения должен увеличиться с 13,7 тысяч долл. в год до 30 тысяч... Средний уровень обеспеченности жильём должен составить 30–35 кв. м. на человека... Россия должна занять не менее 10% на мировых рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям... Доля высокотехнологичного сектора в ВВП должна подняться с 10 до 17–20%... Производительность труда должна увеличиться в 2,4–2,6 раза... Среднемесячная зарплата должна подняться с 526 долл. до 2700 долларов... Должна быть создана разветвлённая транспортная сеть, обеспечивающая высокую территориальную мобильность населения и глобальную конкурентоспособность на рынках транспортных услуг... Должно быть завоёвано лидерство

в интеграционных процессах на евразийском пространстве... Россия должна превратиться в один из глобальных центров мирохозяйственных связей... Она должна стать одним из мировых финансовых центров... Должна, должна, должна...

Простые расчёты показывают, что для такого рода «комплексных прорывов» ни у какой России не хватит никаких денег и других ресурсов. Приходится предположить, что «долларовые» цифры названы «лукаво», в надежде на неуклонную и быструю девальвацию доллара.

Кроме того, ни сегодня, ни в обозримом будущем у частного российского капитала нет и не будет тех триллионов, которые нужны на реализацию перечисленных амбициозных задач. И (что показывает весь мировой опыт) частный капитал никогда не инвестирует да-

же те (скромные по сравнению с такими задачами) деньги, которые у него есть, в проекты с огромными сроками окупаемости и низкой нормой прибыли. А именно такие проекты и предполагает в большинстве сфер деятельности и отраслей рассматриваемая Концепция.

Частный капитал не может реализовать поставленные задачи. А государство (единственный возможный «генеральный субъект» мобилизационного развития!) не должно их реализовывать. Но, как мы прочли в этой Концепции, должно... помогать частному капиталу реализовать то, что он не может реализовать по определению. Мы же должны радоваться тому, что реализовывать будет тот, кто не может реализовать. А также тому, что внешнеторговый оборот составляет у нас 45% от ВВП.

Тут уместен только один главный вопрос:

А ЭТО РАЗВИТИЕ КОМУ-ТО НУЖНО? МЭРТу ОНО НУЖНО? ЕСТЬ ЛИ СЕРЬЁЗНОСТЬ В ЭТОМ ВОПРОСЕ? И ЧТО БУДЕТ С РАЗВИТИЕМ, ЕСЛИ ЕЁ НЕТ?

Возможно, ответ поможет получить ещё одна формулировка Концепции: о том, что мы должны сочетать «догоняющее» и «опережающее» (прорывное) развитие. Причём опережающе развивать нужно «секторы, которые определяют специализацию России в мировом хозяйстве и национальные конкурентные преимущества».

Поскольку специализация постсоветской России уже сложилась в сфере таких её «национальных конкурентных преимуществ», как огромные запасы энергоносителей и сырья, приходится предположить, что именно в этих отраслях (где, в принципе, экспортных доходов частного бизнеса и привлечённо-

го зарубежного капитала может оказаться достаточно для масштабных долгосрочных инвестиций), и будет «по факту» происходить «опережающее развитие».

Но это очень оригинальное «опережающее развитие». Что оно опережает? Нынешние темпы исчерпания ресурсов на территории РФ?

Впрочем, всё, что касается типа развития (опережающее, догоняющее и т.д.), требует отдельного рассмотрения. Пока мы только поговорили о столь важной вещи, как серьёзность. И не вообще поговорили, а на конкретном примере.

Нет её, этой серьёзности, — не будет ничего остального.

А об этом остальном (и, конечно, самом главном) — отдельно.

3

Идея развития не должна быть (а) отсечена от «технологий» (мобилизационных — каких ещё?), (б) разменяна на частные политические приобретения, (в) оторвана от реальности, (г) «пиаризирована», (д) застойно бюрократизирована.

(А), (б), (в) и так далее — это рамка. Вышел за рамки — погубил проект. Стоп. А проект-то в чём?

Рост валового внутреннего продукта —

прекрасная вещь. Но это рост, а не развитие. Бабочка — это не разросшаяся куколка.

Самолёт сложнее телеги. Тут всё понятно. Нынешний Шанхай — не первобытная африканская деревня. Тоже понятно. Стоп. Сравните «Мону Лизу» Леонардо да Винчи и «Чёрный квадрат» Малевича. Не правда ли, уже непонятно? Вам покажут и скажут: «Где развитие? И нужно ли оно, если оно такое?» Вы сошлётесь на теорию эволюции. То есть на это самое «или нас сомнут». Развившееся съедает (или порабощает, в любом случае, сминает) неразвившееся. Источник развития — борьба за выживание.

Но тогда развитие всего лишь рок, а не ценность. В чём ценность (если она есть)? Органическая молекула сложнее обычной молекулы. Кристалл сложнее аморфных некристаллических соединений. Молекула сложнее

атома. Атом сложнее элементарной частицы. Борьбы за выживание нет, а усложнение есть. В чём источник?

Кто-то пытался доказать, что действует всемирный закон экономии энергии. Мол, электронам и протонам экономичнее собираться в атом, и так далее. Пробовали проверить. В самых простейших случаях — доказуемо. А дальше не только недоказуемо, но и наоборот. Нет экономии энергии. А усложение есть.

А раз оно есть, значит, у него есть источник. И по определению — не дарвиновский. Естественно предположить, что этот же источник действует при переходе от неживого к живому. А также от животного к человеку. А от человека...

Верующий скажет вам, что для него ценность развития — восхождение к Богу. Но

другой верующий назовёт развитие грехов-ным отпадением от принципа. Вот я прочитал у Малера, что история — это грех. Что порож-дена она изгнанием из рая. Звоню коллегам-религиоведам, спрашиваю: «А что, семь дней Творения — это не история?» Они отвечают: «А у него такая позиция». Для одних христи-ан Большой Взрыв, создавший Вселенную, — это сотворение мира (то есть благо). Для дру-гих — это первогрех.

Лет пятнадцать назад я говорил о разви-тии в кругах высшей советской (тогда уже не находящейся у власти) элиты. Я был для этих кругов «своим». Но начав апеллировать к развитию, натолкнулся на очень мощное от-торжение. Мне сказали, что хорошо было в России только при Победоносцеве и Алекса-дре III. Я возразил, что если бы при Побе-доносцеве было так хорошо, то не было бы

Ленина, а был бы «Победоносцев нон-стоп». Ведь исторический опыт — это как эксперимент в физике. Против него не попрёшь.

Ответом был разрыв коммуникаций. Ибо речь шла о символе веры.

Короче — оппонирование развитию (причём очень и очень жёсткое) является у нас уделом отнюдь не только отдельных учёных и публицистов.

Не люблю Поппера. Но его исследование политической мотивации Платона является и блестящим, и доказательным. Платон действительно считал историю повреждением. И хотел использовать идеальное государство для противодействия истории, понимаемой как повреждение.

Хорошо ли будет нам всем в платоновском государстве — вопрос спорный. Кому-то будет хорошо, кому-то нет. Но что апелляции нашей

элиты к платоновскому государству несовместимы с форсированным развитием, достаточно очевидно. Для форсированного развития государство должно быть субъектом развития. Нельзя форсированно развиваться и подмораживать (концепция Победоносцева). Нельзя форсированно развиваться, используя в качестве главного инструмента нечто, созданное для противодействия развитию как греху.

Нет религиозного консенсуса в данном вопросе. И элитного тоже. А ведь многие наши сограждане по определению ищут ответы на такие вопросы вне религии. Как быть с ними?

Нужен научный ответ на вопрос о смысле развития, его генезисе, источнике и так далее. Но, увы, наука предпочитает обсуждать не смысл и не источник, а типологию.

Что ж, и на том спасибо. Как говорит-

ся, всё же лучше, чем ничего. Типологический подход позволяет установить, что есть линейное однонаправленное развитие (оно же — прогресс). Но что на самом деле линейная теория прогресса — это большое упрощение. Что есть тупики, катастрофы, откаты. Их наличие не отменяет развития.

Такой (нелинейный) вариант развития предполагает скачки, фазовые переходы, турбулентности, бифуркации. Нет в этом варианте стабильности. А в каком варианте она есть?

Есть она у Альберта Гора («устойчивое развитие»). Ухватились за эту «прелесть» сразу все — от Ельцина до Зюганова. На самом деле, у Гора речь идёт о «sustainble development». «Development» — развитие. «Sustainble»?..

Sustainble growth (growth — рост) — это

и впрямь устойчивый экономический рост. Устойчивый — в смысле неинфляционный, с полной занятостью. А главное — самодостаточный. То есть поддерживаемый без привлечения дополнительный займов или новых эмиссий акций.

Гор хотел отыскать такое развитие, которое не потребовало бы новых займов и эмиссий у матери-природы. А поскольку такое развитие — маниловщина, то разговоры о нём камуфлируют борьбу с развитием, обоснование права на остановку развития. Во имя природы, экологии и прочих долженствований.

Такая борьба с развитием началась давно. Мальтузианцы, неомальтузианцы... Мол, терзаете природу, просите её о дополнительных займах... А она уже почти банкрот.

Серьёзное политическое звучание разговор этот приобрёл в эпоху «Римского клуба».

А подготавливался он чуть ранее — в недрах диалога Косыгин — Джонсон, поездок в Москву Макджорджа Банди как представителя Джонсона, и так далее. Тогда же начали выстраиваться и специфические мосты между «двумя системами с различным социальным строем». Кто не верит — пусть прочтёт книгу Джермена Гвишиани «Мосты в будущее».

Есть все основания считать, что мосты наводились для того, чтобы заключить (внимание!) СТРАТЕГИЧЕСКУЮ ДОГОВОРЁННОСТЬ ОБ ОСТАНОВКЕ РАЗВИТИЯ. Почему диалог «систем с различным социальным строем» начался выведением за скобки идеологий? Ведь их-то и надо было бы обсуждать (мы понимаем развитие так, вы — этак). Вместо этого — экология... пределы роста... «В доме повешенного не говорят о верёвке»?

В любом случае, в итоге данного диалога одна система оказалась разрушена. А другая? Другая претерпела странные метаморфозы. Очень странные!

В самом деле, именно развитие (в простейшем варианте — прогресс и гуманизм) было аргументом в пользу лидерства западной цивилизации. Именно за счёт развития она могла легитимировать свою экспансию. Даже если экспансия шла в духе Киплинга («несите бремя белых») — всё равно, речь шла о бремени, о том, что в чужие неразвивающиеся миры будет привнесён великий дух развития. Иезуиты говорили: «Для вящей славы Господней». Западные прогрессоры (прошу не путать с нашими реформаторами, любителями братьев Стругацких) говорили: «Для вящей славы Развития». Вокруг этого имени — Развитие — выстроился проект. Он называет-

ся проект «Модерн». Это очень сложный комплекс идей, принципов управления, подходов, ценностей, легитимаций, форматов, текстов, внетекстуальных культурных явлений и прочего.

Рассуждать о метафизике Развития — можно и должно. Но если за исходную точку взять не метафизику, а концептуально-доктринальные основания, имеющие прямое отношение к большой политике, то говорить нужно о том, что происходит с самим Модерном и вокруг него.

Это не означает отказа от обсуждения смысла развития. Но как искать этот смысл? На страницах газеты... В концептуально-аналитическом очерке, пусть даже и многосерийном... В соотношении с темой преемственности...

Ну, изложу я разные философские подхо-

ды... Получится хрестоматия... Её надо будет сократить до дайжеста. Дайждест — до реферата. Реферат — до выжимки. Понятно, что это — контрпродуктивно. Но что же тогда продуктивно?

Сконцентрироваться на чужой непродуктивности (обсуждать не только МЭРТ, но и другие заходы такого типа)? Анализировать политические игры, ведущиеся вокруг развития? Всё это можно и должно делать. Но понятно, что зацикливаться на этом нельзя. Ну, и?

Коль скоро тема — МЕДВЕДЕВ и развитие (а не развитие как таковое), коль скоро жанр — концептуально-аналитический очерк, то адекватный ответ на столь фундаментальный вопрос может быть получен только за счёт предельной политизации темы развития. Ни дайджесты, ни хрестоматии не помо-

гут. А выжимки так и повредят (недопустимо сгладят тему, уведут от наиболее острых вопросов). Только нагрев темы до предельно высокой политической температуры может позволить выйти из концептуальной ловушки, пройти между всеми Сциллами и Харибдами (теоретизирование, прагматизирование, редукция до игрового начала и так далее).

Нагрев тему (но не подменив её суррогатами), можно получить нечто небанальное и одновременно политически важное. Этакий «сухой остаток» в аналитическом тигле. Да, многое испарится. Но оставшееся не будет ни прописью, ни нравоучением, ни авторской заумью.

Предельная политизация темы «развитие» позволяет довольно быстро установить, что у нынешнего человечества есть один жи-

вой и актуальный мегапроект развития. И называется он — «Модерн». Человечество так или иначе соотносит себя с этим мегапроектом (не надо путать мегапроект с проектами типа национальных). Человечество может тянуться к Модерну (сценарий #1 — собственно модернистский). Оно может отвергать Модерн (сценарий #2 — контрмодернистский). И оно может устало отмахиваться от Модерна (сценарий #3 — постмодернистский). Но во всех трёх сценариях человечество как-то себя отстраивает от этого самого Модерна. Потому что на сегодняшний день отстраиваться больше не от чего.

Многие возразят мне: «Откуда такой монизм? Почему автор считает, что есть только один мегапроект развития? А вот это, это...» Отвечаю. Автор сам может запросто «нарисовать» несколько мегапроектов, в соответ-

ствии с известной присказкой: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем — будем жить!» Но ведь дело не в том, кто что нарисует. Никто ведь не захочет и не сможет жить в нарисованном доме. Мегапроект «Модерн» потому и мега, что он состоит из сотен тысяч научных трудов, произведений искусства, подходов к управлению обществом, регулятивных норм, принципов понимания происходящего. Это гигантский банк данных (и не только данных, но и знаний), к которому подключено человечество.

Сценарий #1 — собственно модернистский — предполагает именно эту подключенность. Она не имеет ничего общего со слепым копированием (вестернизацией). Давно уже к модернистскому банку знаний и информации страны подключаются с учётом своей специфики. Индия, Китай, Япония, другие во-

сточные страны сделали именно это. А кто этого не сделал, тот погорел. Вот, например, шах Ирана начал подменять модернизацию вестернизацией — и погорел.

Одним из «ноу-хау» Модерна является национальное государство. И нация как таковая. В Индии есть масса племён и несколько конфессий. Поэтому индиец — это не индус и не тот, кто принадлежит к самому главному племени. Индиец — это индиец в смысле Модерна. Индия уйдёт от Модерна? Куда? В конфессиональную идентичность? Тогда неминуемы страшные войны между индуистским, исламским, сикхским, буддийским населением Индии. В племенную идентичность? Тогда место нескольких главных войн займут сотни малых этнических и субэтнических войн.

То же самое справедливо даже для относи-

тельно моноэтнического Китая. Потому что никакой моноэтничности нет. А есть «принцип пяти лучей», сформулированный когда-то Сунь Ятсеном и свято поддерживаемый КПК. Если этот принцип, конституировавший китайскую нацию и проникнутый духом Модерна, изъять или подорвать... Если поставить, например, знак тождества между китайцем и ханьцем... то кровавая междоусобица по своим масштабам сможет конкурировать с индийской. Кто-то, наверное, этого хочет. Но не китайцы. Поэтому они будут жёстко двигаться в русле Модерна, понимая себя как нацию. И чётко осознавать при этом, что нацией они могут быть, только развиваясь, то есть действуя в русле этого самого Модерна.

Кроме того, каждый, кто был в Индии и в Китае, знает, что жажда развития (причём не какого-то вообще, а аутентично модерни-

зационного, соединяющего свою уникальную культуру с Модерном) пронизывает отнюдь не только местную элиту, но и всё общество снизу доверху. Элиты могут удержать политическую стабильность только за счёт развития, потому что массы вкушают плоды этого развития во многих смыслах. Как напрямую, за счёт повышения уровня общего благосостояния, так и косвенно, за счёт открытия новых социальных перспектив (новых каналов вертикальной мобильности, как сказал бы Питирим Сорокин).

Никуда Индия и Китай из Модерна не уйдут. Они вправе, перефразировав северокавказского поэта, сказать, что добровольно они в Модерн не входили, поэтому добровольно они из него не выйдут. Япония — вопрос более сложный. Но в принципе это тоже так. И для Малайзии это так. И для Тайваня. И для

Бразилии. И для Аргентины. Для огромного большинства человечества. Но не для всего человечества. Потому-то и есть несколько сценариев, что не для всего...

Сценарий #2 — контрмодернистский. Право, затрудняюсь назвать страны, которые активно его исповедуют. Стран, наверное, и нет (скажешь Саудовская Аравия — тебе аргументированно возразят). Стран нет, но элиты есть. И массы тоже. Есть радикальный исламизм. Весьма искусственная конструкция, сооружённая с далеко идущими целями и ничего общего не имеющая с исламом как таковым. В этом смысле надо сразу оговорить, что Модерн и Просвещение — вещи разные. Просвещение — это светский концентрат Модерна. Но Модерн гораздо шире. Он вполне совместим с религией. Есть модернистское христианство, модернистский ислам, модернист-

ский иудаизм... Всюду, где вера ищет диалога с разумом, вступает с ним в сложные отношения, есть место модернистским течениям в религии.

А как не вступать в такие отношения?

Даже фундаментализм (то есть очищение основных констант религии от наносного — предыдущих религий, суеверий, смертельно опасных компромиссов) — это ещё не антимодернизм. Антимодернизм начинается там, где отрицается История как положительное начало. Да и Бытие тоже. И уж, безусловно, Творение. Впрочем, все эти интеллектуальные изыски уведут нас от политики. А в плане собственно политическом для нас важно одно. Что сразу несколько влиятельных элитных групп, адресующихся к разным религиям, проклинают развитие как мерзость. И что одна из этих элитных групп — ис-

ламистская — подключила к себе страстную энергетику огромных масс. Масс, которые не тянутся к развитию на тот или иной манер, больше или меньше учитывая свою культурную специфику, а развитие отрицают. Оплёвывают. Называют изобретением дьявола. И требуют его недопущения. И даже обращения вспять исторического времени.

Сама по себе эта вторая группа решающего значения не имеет. Если бы не наличие третьей, апеллирующей к совсем другому сценарию.

Сценарий #3 — постмодернистский. Он завоёвывает всё большие позиции на Западе. Его «святая святых» — не талибский Вазиристан, а Нью-Йорк и Лондон. А также другие европейские столицы. Подробно описать, что такое постмодерн, в аналитическом очерке нельзя. Но речь идёт о далеко иду-

щей затее. О разрушении наций, разрушении морали, дискредитации развития и проекта как такового, глубоком подкопе под новизну («новизна — в невозможности новизны»), воспевании прав меньшинств вообще и разного рода извращений в частности, глубокой дискредитации идеи гуманизма (как светского, так и религиозного), культе насилия, фактическом расчеловечивании (безусловном отрицании человека как венца творения, да и человека как проекта, уравнивании человека с животным, а то и вознесении животного над человеком.

Назвать опять-таки страны тут невозможно. Общества страшно расколоты. На Западе уже сломана рамка модернистского консенсуса, объединявшего либералов и консерваторов вокруг идеи Модерна. Идёт «холодная гражданская война». Если кто-то хочет

представить себе, что такое триумф Постмодерна на государственном уровне, пусть присмотрится к опыту Дании или Голландии... Хотя и в Голландии постмодернистские заходы по части легализации разного рода извращений воспринимают с глубоким отвращением чуть ли не 80 процентов общества.

Наиболее коварное явление собственно политического характера состоит в том, что Постмодерн явно заключает некий договор с Контрмодерном. История этого договора давняя. Внимательное наблюдение за конфликтами внутри разных религий (например, того же ислама), показывает, что субъект под названием Запад далеко не всегда поддерживал на Востоке сторонников модернизации и даже умеренной вестернизации (оговорюсь в очередной раз, что субъект этот неоднороден, но он ведь, тем не менее, субъект, не так ли?).

Самый яркий пример — шах Ирана. Есть уже много серьёзных доказательств того, что определённая часть западных элит поддержала аятоллу Хомейни против шаха Ирана. И что не будь этой парадоксальной поддержки, шаху удалось бы завершить тревожившую кого-то модернизацию Ирана, которую, конечно же, шах проводил весьма неадекватным образом.

И, тем не менее... Весьма продвинутые (в моей терминологии — постмодернистские) западные силы сделали ставку на враждебную им радикальную антизападную культуру с тем, чтобы не допустить модернизации. То же самое было сделано при создании «Братьев-мусульман» в Египте и ваххабитов на Ближнем Востоке.

А что такое, в конечном итоге, бен Ладен? Всё далеко не так просто. И уж ни-

как не сводимо к банальной гипотезе о «вышедшей из-под контроля марионетке». Но и к конспирологическим теориям (мол, договорились Буш с бен Ладеном) всё тоже никаким образом сводиться не может. Всё намного сложнее! КАЧЕСТВЕННО сложнее! И внутри этой сложности, которая сейчас политически актуальнее любых прописей, ГЛАВНОЕ — ЭТО ПРОБЛЕМА ОСТАНОВКИ РАЗВИТИЯ С ПОМОЩЬЮ ЛЮБЫХ СИЛ. Пусть даже и несовместимых с теми, кто планирует остановку.

И тут я возвращаюсь к «Римскому клубу» и тому, что ему предшествовало. Я предлагаю проследить всё это, как единую линию. И соотнести с кажущейся дикой идеей «демократизации Ирака» с помощью ковровых бомбардировок. Ведь у тех же американцев есть богатый опыт осуществления нужных им

модернизаций в условиях послевоенного оккупационного периода. Это и план Маршалла для Германии, и план Мак-Артура для Японии. Почему никто не стал осуществлять такой план в Ираке? Или, точнее, почему всё сделано было прямо обратным образом?

Между тем, о необходимости идеологии модернизации мы говорили с весьма солидными американскими политиками незадолго до бомбардировок в Ираке, когда было понятно, что отменить бомбардировки уже нельзя. Позже я неоднократно заявлял то же самое на международных контртеррористических семинарах, на которых присутствовали весьма серьёзные и авторитетные люди. Так что происходит? И не является ли происходящее фактически отказом от проекта «Модерн» со стороны части Запада?

Да-да, того самого Запада, для которого

этот Модерн был флагом и символом лидерства, и если уж доводить до предела, то «бременем белых» (не разделяю данную формулу, но предлагаю в неё всмотреться). Не идёт ли речь об отказе от бремени? От обязанностей по развитию остальной части человечества? Не идёт ли речь о том, чтобы не позволить остальной части человечества развиваться, ссылаясь на любые аргументы, от экологии до демократии? Ведь если осуществляется проект «Модерн», то любая форсированная модернизация опирается на определённых фазах отнюдь не на демократию — и это общеизвестно. Понятие «авторитарная модернизация» является абсолютно строгим. И абсолютно позитивным, в отличие от авторитаризма как такового.

Так почему Запад забыл об авторитарной модернизации как позитивном понятии? По-

чему он требует демократизации в Узбекистане или Египте? Почему он двусмысленно ведёт себя даже в Турции (а это очень легко показать)? Идёт ли речь только о Большой Игре, описанной тем же Киплингом в романе «Ким» и ставшей концептуальной осью западной стратегической разведдеятельности? Или о чём-то большем?

Да-да, большем! Потому что Большая Игра — это «всего лишь» инструментальное использование некоего зла. Берётся зло (например, радикальный ислам) и запускается в качестве деструктора на территорию стратегического противника (ислам против Российской империи, ислам против СССР, ислам против Османской империи, в перспективе, возможно, ислам против Китая). Такие программы подробно описаны. Доказательства по сути неоспоримы. Самый мощный против-

ник подобных игр находится внутри самого исламского мира. Ненависть к так называемым «бородатым» в исламских элитах (суфийских и не только) огромна. Не было бы этой ненависти — России пришлось бы заплатить гораздо большую цену за победу в Чечне.

И тем не менее — Большая Игра инструментальна, манипулятивна, а не концептуальна. Концептуальна же лишь ревизия мегапроектности. Если же ревизуется мегапроект «Модерн», то речь не об использовании тех же исламистов против ненужных враждебных стран (главных геополитических конкурентов). Речь не о переделе, а о фундаментальном ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ мира. О запуске процессов, обратных развитию. Процессов не прогресса (в том числе, осуществляемого по западным калькам), а регресса.

Управляемый регресс — это «ноу-хау», отработанное на территории СССР в эпоху конца 80-х — начала 90-х годов. Этот регресс до сих пор не преодолён. Он только отчасти сдержан, и не более того. Историческая заслуга Путина в том, что регресс оказался сдержан. Но непереломленный, непреодолённый регресс — это регресс, накапливающий потенциальную разрушительную энергию. Мы все на этой пороховой бочке.

Но зачем её соорудили? Причём не только на нашей территории? Посмотрите, что творится в Африке. В советский период общество по этому поводу хоть как-то информировали. Сейчас в поле зрения только Запад и немногочисленные актуальные для него «горячие точки».

Между тем, на периферии «цивилизованного человечества» разворачивается нечто

беспрецедентное. Это беспрецедентное называется «вторичная архаизация». Она же — управляемый регресс. Когда американцы в эпоху Клинтона обещали сербам: «Мы вбомбим вас в средневековье» — ощутил ли кто-то концептуальный размах этой формулы?

А Косово? Даже если были какие-то сомнения в наличии управляемого союза Контрмодерна и Постмодерна, направленного на разрушение основ современного мира (мира Модерна), то история с Косово должна бы была «подвести черту». В центре Европы с помощью так называемого этнического оружия разрушается национальное государство под названием Сербия. Бог с ним, с международным правом (хотя благоговение перед правом, законом — это основа проекта Модерн). Ну, нарушалось это право не раз — из песни слов не выкинешь. Но каким способом

и в каких ситуациях?

Здесь оно нарушается с тем, чтобы запустить механизм деструкции национального европейского государства. Причём ясно, что деструкция носит долгоиграющий характер. Ни один албанский лидер не посмеет сказать прямо своему народу (в том числе, например, в телепередаче), что Косово — это финальный успех. Все они говорят о «естественной Албании», включающей в себя территории других государств. На повестке дня уже раздел Македонии между болгарами и албанцами. И это тоже — не завершение «долгоиграющей темы». Тема же заключается в том, что нацию хотят подменить этносом. А каждому этносу дать по государству. Но почему этносу, а не субэтносу? Тысячи спящих конфликтов могут вспыхнуть, подведя черту под проектом «Модерн». И что тогда?

Кому-то снится новая система, напоминающая идеи Мао Цзэдуна о мировом городе и мировой деревне. В «мировом городе» должен воцариться постмодерн, в «мировой деревне» — контрмодерн. Модерн же должен быть уничтожен, миссия модернистов (в пределе — «бремя белых») отменена. Представить себе масштаб тех процессов, которые способна запустить такая затея, довольно трудно. Но ясно, что никаким новым мировым порядком дело не кончится. Это будет не порядок, а нечто другое. «Колесо истории вертится, и никто не смеет повернуть его вспять», — говорил на процессе Георгий Димитров. Тут это колесо не просто решили повернуть вспять. Его вертят во все стороны, и вспять, и вбок. Ему ломают спицы, прокалывают шины. Сусальный конец истории, объявленный Фукуямой, превращается

в грубое изнасилование истории. И ещё непонятно, чем она на это ответит. Воистину — «процесс пошёл». И возникает вопрос о том, как на этот процесс ответит Россия.

В принципе, у неё сейчас появились уникальные (и при этом простейшие) возможности. Для их использования не надо даже особенно напрягаться. Надо использовать Косово не для одной лишь критики, а для стратегической интеллектуальной атаки. Надо заставить оппонентов договорить до конца. Нужно вырвать из них признание в отказе от проекта «Модерн». Нужно сделать этот отказ достоянием всего мира.

И тогда окажется, что часть Запада ПРЕДАЛА, да, именно предала свою историческую миссию, своё бремя, свою ответственность перед человечеством, свою роль и свой проект. Но ведь ни Индия, ни Китай, ни мно-

гие другие страны это не предадут. И не все элиты Запада согласны на такое предательство.

Тогда можно собирать союзников не по принципу «против», а по принципу «за». Можно собирать ВОКРУГ неких проектных ценностей. Ценностей проекта «Модерн». А ведь помимо ценностей, есть и сопряжённые с ним принципы. Нация, суверенитет, национальное государство. Только нельзя путать нацию с племенем, а национальное государство — с архаизированным этническим гетто. Этой путанице будут радостно аплодировать враги — и постмодернистский, и контрмодернистский. Допусти мы только эту путаницу — и шанс на инициативу будет потерян.

Союз новых стран Модерна может сложиться. Это не обязательно должен быть союз против старых стран Модерна. Все союзы

«против» — весьма неустойчивы. А этот союз может быть вполне устойчивым. И его противники окажутся в тяжёлом положении — в положении людей, предавших свою идентичность, свой смысл, свою миссию.

Это только один — самый очевидный и далеко не самый стратегический — вариант трансформации идеи развития в геополитику. Есть более сложные, проблематичные и перспективные варианты. Но о них — в следующий раз.

4

Гений дипломатии Талейран сказал, что «язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». Этот глава внешней политики наполеоновской Франции имел в виду человека своей профессии. Вряд ли он считал, что Гомеру или Данте, Савонароле или пророку Исайе язык дан для сокрытия мыслей.

Сокрытие мыслей с помощью языка называется «семантическое прикрытие». Чем «семантическое прикрытие» отличается от эле-

ментарной бытовой лжи? Если друг говорит жене друга, что её муж находится на работе, зная при этом, что он находится в другом месте, то он просто лжёт. А если глава аналитического управления президентской администрации Азербайджана говорит, что принятие Албании в НАТО означает расширение клуба постиндустриальных стран, то он «прикрывается». Мягко говоря, не вполне искусно — но всё-таки прикрывается.

Есть разного рода семантические прикрытия. Грубейшие из них — идеологические. Ведь говорил же Геббельс, что нужна очень большая ложь, чтобы народ в неё поверил. Однако прикрытия бывают и гораздо более тонкими. Учёные, работающие в оборонных отраслях, постоянно спорят о том, что именно должно засекречиваться, а что нет. Если всё засекретить — отрасль работать не смо-

жет. Но если всё рассекретить — какая «оборонка»? Так что надо секретить? Изделия? Ноу-хау?

Есть очевидные вещи. Истребитель как изделие можно засекретить, а законы аэродинамики — нельзя. Вроде бы всё ясно, но... Что только не секретили в ядерной физике!

А теперь от оборонки перейдём к ещё более серьёзным вещам. К национальной стратегии. Эту стратегию создают специалисты на основе определённого знания.

Знание — это не всегда наука. В той мере, в какой знание является наукой, кирпичиками этого знания являются понятия. Если же знание — не наука (или не вполне наука), то корректнее говорить о других кирпичиках этого знания. Тех, которые в военной науке, прямо адресуя к «военной хитрости», называют стратегемами.

Стратегемами могут быть не только понятия, но и концепты, образы, метафоры, символы. Но предположим, что кирпичики — это «всего лишь» понятия. Что с ними-то прикажете делать? Уподобляться анекдотическим персонажам, наделяющим тайные документы сопроводительной надписью «перед прочтением сжечь»? Ясно, что так нельзя. Но и выставлять напоказ понятия, с помощью которых ты создаёшь стратегию, тоже нельзя. Твоя стратегия — на то и твоя, чтобы противник имел о ней неверное представление.

Вот тогда-то и используются наиболее сложные семантические прикрытия. Понятия искажаются. Создаются ложные понятия. Такие искажения и имитации — часть интеллектуальной войны. А как иначе-то?

Никто не станет обнажать перед противником ядро собственной стратегии. И, наобо-

рот, все будут пытаться добраться до ядра чужой стратегии и посеять там семена деструкции, внедрить враждебный стратегический вирус.

Предположим, что у вас нет полноценной стратегии. То есть вы не являетесь стратегическим субъектом. Но вы хотите им стать. И потому стремитесь обзавестись неким знанием. Если у вас есть противник, что он будет делать, поняв, что вы к этому стремитесь? Он будет отсекать вас от нужного знания и подсовывать вам знание ненужное.

Воспрепятствовать превращению потенциального субъекта (возжелавшего стратегии политического класса) в актуальный субъект (класс, соединившийся с необходимым знанием) — обязательная задача противника. Как решается такая задача? Самыми разными способами.

Компрометируются те или иные слагаемые необходимого знания (понятия, нормы, подходы, образы, символы). Уничтожаются или дискредитируются обладатели знания. Разрушается среда, в которой знание может сформироваться. Уничтожается потребность в знании. Разрушается инфраструктура, позволяющая соединять потенциального потребителя знания — с потребляемым.

Политический класс может стремиться к стратегической субъектности, а может испытывать к ней глубочайшее отвращение. Скажете — так не бывает? А что такое наш бомонд конца 80-х — начала 90-х годов? О «вашингтонском обкоме» говорили тогда «ужасные патриоты из газеты «День»». А бомонд... Тот просто подымал с пола платочки высоких зарубежных гостей.

Ельцин... Козырев... Увы, определён-

ным образом вёл себя почти весь тогдашний политический класс. Страстное желание сбросить с плеч крест стратегической субъектности было разлито в воздухе. Оно стало своего рода синдромом. До безумия хотелось НЕ заниматься судьбами мира, НЕ нести стратегической ответственности за мир. НЕ думать о его перспективах и болевых точках. Не... не... не... не...

Истеблишмент, который в начале 80-х не обсуждал ни один вопрос без апелляции к содержанию всемирно-исторической эпохи, к концу 80-х возненавидел всё, что пахло стратегией. В том числе и знание, с помощью которого она вырабатывается. А также среду, в которой такое знание выращивается. Всё это отвергалось, отбрасывалось, растаптывалось, поносилось, высмеивалось.

Но ещё до начала той позорной антистра-

тегической оргии знание, о котором я говорю, по сути, оказалось «нон-грата». Оно само — и те, кто им обладали. А ведь уже тогда, при Брежневе, обладателей было совсем немного.

Я пишу эти строки, а перед моими глазами — лица. На лицах — отпечаток судеб. Это очень нелёгкие судьбы. Иногда они абсолютно трагичны, как у Эвальда Ильенкова. Иногда чуть менее трагичны, как у Побиска Кузнецова. Да и у Александра Зиновьева, в каком-то смысле, тоже.

Я не могу назвать трагической судьбу Георгия Петровича Щедровицкого. Но это очень нелёгкая судьба, не имеющая ничего общего с тем, каковой должна была быть судьба стратегического политического интеллектуала масштаба Георгия Петровича.

Называю отдельные яркие личности. Их, конечно, было несколько больше. Но не на-

много больше. Узок был этот круг. И не только узок, но и страшно далёк от политического класса.

Виновен в этом был, конечно же, класс. Но сводить его вину к качествам отдельных людей (их уму, кругозору, структуре интересов и пр.) — негоже. В чём системные причины, не позволившие классу (то есть политическому субъекту) соединиться со знанием, без которого полноценной субъектности быть не может?

В начале своей карьеры Владимир Путин едко сказал об одном из олигархов, что если этот олигарх — «исполнительный секретарь», то пусть он «что-нибудь исполнит». Исполнительная... судебная... законодательная...

ГДЕ ВЛАСТЬ ВО ВСЕЙ ЕЁ ПОЛНОТЕ? ВЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ СТРАТЕГИИ?

Это президент? Увы, сменяемый глава

власти не может быть субъектом стратегии. Он сменяемый. Персонифицированным субъектом стратегии в какой-то степени может быть национальный диктатор или абсолютный монарх. Но именно в какой-то степени! Потому что подлинный субъект стратегии, представляющий власть во всей её полноте, находится по ту сторону персонификации.

Такой субъект и такая власть (концептуальная, стратегическая, доктринальная — то есть высшая) — это не человек, а КЛУБ.

Но те, кто воскликнет: «Ах, мировое правительство, Бильдербергский клуб!» — должны сразу принять от меня извинения. Я о другом. Бильдербергский клуб — это почтенная элитная организация с бюджетом в несколько миллионов долларов. А даже если сот миллионов — и что? Помните истерику по поводу облачения Ельцина в мальтийскую ман-

тию? Ну, помогли Б.Н. со здоровьем, а он в ответ принял сомнительный подарок. Он-то принял, а завопили-то не только недруги, но и разочарованные конкуренты: «Да это же не тот орден! Что он надел! Мы — настоящие! Да мы бы с радостью! Зачем ему суррогат?»

Короче, клуб-то клуб, но другой. И легче всего объяснить, какой именно, — на советском примере.

Стратегическим Клубом для Советской России и СССР была ВКП(б) эпохи стратегических дискуссий. ВКП(б) была субъектом стратегической (а значит, полной и целостной) власти только в эпоху таких дискуссий: о мировом коммунизме, о построении социализма в отдельно взятой стране, о типе индустриализации и так далее. А потом субъектом стратегии стал не Клуб, а национальный диктатор — Сталин. Но он мог им стать только

по двум причинам.

Прежде всего, в силу свойств личности. Сталин был отдан делу целиком. И он был человеком незаурядным и в интеллектуальном, и в волевом смысле. Но и это не превратило бы Сталина в субъект стратегии, если бы не специфичность той исторической ситуации. Специфичность состояла в том, что стратегия могла быть и линейной, и эффективной. Слишком уж ясны были приоритеты (даже помимо того, что их уже «размял» Клуб), и в ранней индустриальной системе было обозримое количество элементов. Да, Сталин лично расписывал посменную работу особо уникальных станков. Но станков было немного. Было бы их побольше — никакая чудовищная работоспособность Сталина не помогла бы.

К концу 40-х стало ясно, что линейный персонифицированный стратегический субъ-

ект уже не может отвечать на вызовы времени. Что нужно возвращаться к нелинейному стратегическому субъекту — Клубу. Но Клуб уже был вырван с корнем, вместе с грибницей. Так родилась кукуруза вместо стратегии. На первых порах — вместе с великими космическими свершениями. Но это происходило во многом по инерции. Никакие — самые фантастические, самые величественные, — собственно технические свершения не могут подменить отсутствие (или истощённость) высшего целевого комплекса, состоящего из метафизики, концепции, доктрины... и — стратегии как их воплощения.

Я говорил о трагедии хранителей знания, способного поддерживать и развивать этот самый высший целевой комплекс. Но корни этой трагедии — в катастрофе Клуба. Да и формата власти...

Хрущёв ещё пытался быть национальным диктатором (как это кому-то ни покажется странным). А Брежнев уже был типичным консенсусным политиком. Тут-то всё и «навернулось»... По сути — тут. По факту — немного позже.

Однако дело не в политических перипетиях советского периода, а в некоторых системных уроках. Касающихся, прежде всего, этого самого знания.

Как и любое целое, оно состоит из элементов (понятий, стратегем и т.д.).

В нём есть подлинные элементы своего собственного неафишируемого знания.

Есть столь же подлинные элементы стратегического знания, используемого твоим врагом (противником, конкурентом).

Есть фигуры прикрытия, которые твой враг использует для репрезентации элемен-

тов своего знания (а не репрезентировать их он не может).

Есть элементы-вирусы, которые враг хочет внедрить в твоё знание.

«...И дай мне разум, дабы отличить одно от другого», — молился герой Курта Воннегута. Разум...

С начала перестройки всё, что касается стратегического знания, вообще отторгалось. Истеблишмент стремительно опрощался, освобождался от стратегической миссии, исторической инициативы. Переходил на язык прагматики, общемировых «рыночных панацей».

К 2005 году это безумие, запущенное в 1987 году, как-то «сдулось». Не до конца, конечно, и ни о какой необратимости такого «сдутия» говорить не приходится. Паратройка политических пассов — и всё это опять

«надуется». Да ещё как! Но почему же всё-таки сдулось?

Потому что «московский райком» почувствовал, что «вашингтонский обком» замыслил недоброе. В том числе, и в отношении «райкомовской» элиты. Вроде ты и свой в доску, и по-английски бойко говоришь, и всё прочее при тебе — а ты для них всё равно «русская нелюдь». Курьёзы наподобие того, который случился с Прохоровым в Куршевеле, — это частности. А почуяли освобождённые от стратегии элитарии нечто более общее и недоброе.

И закрутилась вихрем новая мода. Вместо огульного отрицания всего, что пахнет стратегией, началось огульное же заглатывание всего подряд. В основном — этих самых вирусов и прикрытий. А также вообще словечек. Возник специфический спрос на специфиче-

ские словечки — главное, чтобы покруче и помоднее.

Где спрос, там и предложение. Портные из андерсеновского «Голого короля» отдыхают. В страну с презрительными, скучающими и одновременно ждущими лицами один за другим въезжают иноземные корифеи прошлого. Корифеи ждут гонораров (мол, говорят, что эта жуткая Россия — новый Клондайк), но и презирают дающих.

Презирают за всё. За то, что эти дающие почему-то всё ещё считают их корифеями. За то, что эти дающие «ни ухом, ни рылом» в том, что им говорят, и говорить можно что угодно. А можно, например, и не говорить, а петь. Что и сделал один из таких корифеев, выступая перед высоким политическим собранием и сказав, что ему проще спеть песню, чем объяснить, что такое демократия (инте-

ресно, ему бы могло прийти такое в голову в Оксфорде?).

Невроз имён соединяется с неврозом подходов. Напоминает пока ещё даже не чуму, а грипп. То есть быструю и бесследно уходящую эпидемию.

Вдруг заговорили о будущем. Что говорить о будущем? Да всё, что угодно! Это ещё одно свойство подобных дискуссий. В плохой актёрской массовке, когда ей надо изобразить шум толпы, каждый член массовки говорит очень быстро и не в такт с другими: «Что говорить, когда нечего говорить? Что говорить, когда нечего говорить?» Примерно так же заговорили о будущем. За этим массовочным неврозом маячит одно — невротики не справились с прошлым и теперь хотят говорить о будущем.

Но если нет прошлого — нет будущего.

И это все понимают. Чем больше понимают, тем более невнятно говорят о будущем. Но ведь говорят! Бессмертный Шаляпин высказался по сходному в чём-то поводу: «Бесплатно только птички поют»... «Птички» чувствуют, что истеблишмент беспокоится, — и поют. Надо — о будущем, надо — о чём-то ещё.

Например, можно и о развитии. Надо — так даже и с философской подоплёкой. Можно Тоффлера привезти. Тот давно уже надоел и западной публике, и самому себе. Но если привезти, то он зевнёт и что-то расскажет. А «пипл» — «схавает»... «Информационное общество, постиндустриальное общество, технотронное общество»... Мало? Пожалуйста — «нетократия». Мало? Можно и другие слова использовать. «Что говорить, когда нечего говорить?»

Я не хочу сказать, что нет постиндустри-

альных проблем или информационных вызовов. Всё это есть. Но есть и другое. Эти самые вирусы и «фигуры прикрытия». А вот чего нет, так это возможности, о которой молил герой Воннегута. Возможности различать.

Года за полтора до атак на башни ВТЦ ко мне приехал высокий американский чин. И стал звать в Спасо-хаус послушать Хантингтона. Чин явно выполнял задание: пусть русские слушают Хантингтона.

Хантингтон был уныл, изумлён и испуган. Испуган он был тем, что вдруг оказался нужен. И даже понимал, что это не к добру. Про себя он точно знал, что он компилятор. То есть классический академический профессор, который как-то и зачем-то препарировал идеи Тойнби. Он-то их просто взял и препарировал. У него профессия такая. А кто-то сказал: «О! Это-то нам и нужно!» Появился

«конфликт цивилизаций».

Его разминали, разминали, разминали... Бац — «найн-элевен»! Горит ВТЦ, и все начинают кричать о «конфликте цивилизаций» и о величии «угадавшего Хантингтона».

Семя упало на хорошо подготовленную почву. Даже Фукуяма (предыдущая «залепуха» с «концом истории») стал фактически каяться и говорить, что конца истории нет, а есть конфликт цивилизаций. На всех конгрессах по контртерроризму людей начали делить на своих и чужих по тому, поддерживают они концепцию «конфликта цивилизаций» или нет. Что сильно напоминало психбольницу.

Ирак — конфликт цивилизаций... Афганистан — конфликт цивилизаций... Всё — конфликт цивилизаций. Ах, нет, забыл, не всё. Босния с Сербией — это не конфликт ци-

вилизаций. Это борьба боснийского (забываем, что мусульманского) «добра» с сербским (забываем, что христианским) «злом».

Но бог с ней, с такой примитивной лживостью. Важнее обсудить лживость более тонкую. Она же — семантическое прикрытие.

Предшественники Хантингтона говорили о цивилизации более или менее уклончиво. Но всё же признавали, что это общность, задаваемая религиозной идентичностью. Современная Индия — это индуистская цивилизация? Китай — это... наверное, даосская цивилизация? Или конфуцианская? А со светским населением — что прикажете делать? А с межконфессиональным миром в странах, подобных Индии или России?

Игроки, осуществляя семантическое прикрытие, прятали от «лохов» главное. Что там, где есть проект Модерн, не может быть ника-

ких цивилизаций. Что либо Модерн и нация — либо домодернистские формы идентичности. А поскольку миллиарды людей уже перешли от домодерна к Модерну, то их, видимо, надо вернуть обратно, чтобы создать цивилизации. Ну, так это и называется — архаизация и регресс. А также контрмодерн.

Однако и это ещё не всё. Для России цена вопроса намного выше. Россия — это либо больше, чем цивилизация, либо меньше. Она либо имперский (шире — сверхдержавный) конгломерат, либо недостроенное национальное государство.

Но «лохотрон» — он для того и нужен, чтобы не думать, а болтать. «Что говорить, когда нечего говорить»...

Ведущие западные теоретики цивилизаций участвовали в большой интеллектуальной войне. Они эти самые «цивилизацион-

ные монады» не выявляли, а конструировали. Их стратегическому субъекту (под названием Британская империя) цивилизационные монады были нужны для того, чтобы «управлять мировым балансом». Потом Рузвельт «похоронил» этот субъект. (Кто-то, правда, считает, что субъект похоронил Рузвельта. Но это экзотическая конспирологическая точка зрения, хотя в целом и не такая уж беспочвенная). Потом появились американские неоконсерваторы.

Почему появились? Потому что демократы не смогли справиться с Китаем. Появившись, неоконсерваторы вынули теорию цивилизаций из пронафталиненного сундука. Обнаружили Хантингтона, слегка отряхнули нафталин — и началось. Они-то знали, что делают. А наши? «Что говорить, когда нечего говорить»...

Сходным образом обстоит дело с пресловутым тоталитаризмом.

Тоталитаризм — это семантический вирус, выведенный в лаборатории Поппера для того, чтобы отнять у Советского Союза победу во Второй мировой войне и дискредитировать коммунизм. Ежу было понятно, что коммунизм и фашизм диаметрально противоположны. Что коммунисты клялись завершить дело конвента и Великой французской революции, чтобы двигаться выше по спирали развития, а фашисты хотели вбить в это дело осиновый кол. Но чужаки «впаривают» потому, что им надо. А наши «хавают» потому, что им всё равно. «Постиндустриальное общество»? Ростоу надо было бороться с Марксом. Противопоставить свой подход его формационному и классовому подходу. А противопоставив — ещё в него и мину «конвергенции систем» за-

ложить. Чем закончилась конвергенция — мы видим.

Все эти словечки надо не заглатывать, а расковыривать. «Информационное общество»... «технотронное общество»... «глобализация»...

Глобализация — это интернет и мобильные телефоны? Только идиот и провокатор может подменять социальное качество явления его техническими атрибутами. Глобализуются труд и капитал. Труд движется туда, где больше платят. И — разрушает западную цивилизацию, создавая общеизвестные миграционные феномены. Капитал движется туда, где надо меньше платить за труд. И — добивает западную цивилизацию до конца. Принося главный приз («на блюдечке с голубой каёмочкой») Китаю.

Феномен Косово показал ещё раз, что сло-

во «глобализация» — это фигура прикрытия, а на самом деле осуществляется «глокализация». То есть соединение глобального с локальным. Государства рвутся на части. Подменяются племенными региональными образованиями. Над ними что-то надстраивается («Европа регионов», кстати, была проектом Ваффен СС). Идёт война с национальным государством как таковым. А значит, — уничтожение проекта Модерн.

Информационное общество... Ах, мы перестанем воевать за ресурсы... Информация принадлежит всем...

Любая информация? Вы «опера» спросите, поделится ли он агентом с другим «опером»...

Меритократия... Государство экспертов...

Платон и Аристотель тоже описывали

нечто вроде меритократии. А уж в средневековом Китае она временами была налицо. И что?

ДЕМИШУРИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ — ВОТ ЕЩЁ ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ. Не сумев её решить, не выйдем из бессубъектности. А это чревато не теоретическими, а сугубо практическими издержками. Стратегия — не умствование. Это вопрос национальной судьбы.

Что, если Россия, не разобравшись, что к чему, впрыгнет в отцепленный вагон? Поясню на самом элементарном примере. Россия хочет войти во Всемирную торговую организацию (ВТО). Очень упорно хочет. Кто-то говорит, что это хорошо, кто-то — что это плохо. Но никто не говорит главного: будет ли ВТО через несколько лет?

Не я, а Вулфовиц и его разработчики (зна-

менитая альтернативная группа стратегической оценки «Би-2») сказали, что последний срок для победы США над Китаем — это 2017 год. Потом будет поздно.

Китай-2008 — это как бы Германия-1908. То есть молодая капиталистическая супердержава, рвущаяся использовать закономерности неравномерного развития при империализме. А ведь никто эти закономерности не отменил, их на время сдержал коммунизм, который выбил полмира из империализма. Но теперь весь мир опять там!

США-2008 — это как бы Великобритания-1908. То есть старая капиталистическая супердержава, пытающаяся сдержать молодую в условиях этого самого неравномерного развития. Сдержать в условиях глобализации — невозможно. То есть, конечно, возможно, но недопустимо издержечно для самих США.

Если очень высоко поднять нефтяные цены (примерно ещё вдвое), то возникнут очень серьёзные проблемы и у Америки. Значит, задирать цены нельзя. Тогда что делать? Натравливать на Китай тибетцев, уйгур? Дело бросовое. Китайцы сепаратистов вырежут и продолжат «триумфальное шествие». Начинать разыгрывать против соперника старую карту «большой игры» (то есть стратегически «затачивать» на Китай ислам)? Дело более перспективное, но для современных США неподъёмное. Воевать с применением ядерного оружия? Согласитесь, пока это чисто умозрительный сценарий.

Мои зарубежные знакомые говорят: «Американцы в итоге найдут правильное решение. Но только после того, как попробуют реализовать все неправильные». Неправильные и как бы очевидные, добавлю я.

Такое неправильное, но как бы очевидное решение, — остановить триумфальное шествие китайских товаров на мировых рынках и, прежде всего на рынке американском. А как остановить? Только через закрытие национальных внутренних рынков (конечно, прежде всего американского) тарифными и другими барьерами. Это несовместимо с правилами ВТО? Ну, сначала это будут как-то — косо-криво — совмещать. А потом, если не получится, доломают ВТО.

Именно к этому моменту мы сделаем всё для того, чтобы в него вступить. Мы потратим огромные деньги, немеряные административные усилия, сломаем об колено кое-что из жизненно важного — ради сомнительных приобретений. Прыгнем в ВТО — и окажемся в отцепленном вагоне.

Хотел бы ошибиться в своём прогнозе. Не

хочу его никоим образом абсолютизировать. Да мне это и не так интересно, потому что ситуация относительно мелкая. Но она яркая, и на ней удобно показать, что такое прыжок в отцепленный вагон.

Но какие ещё могут возникнуть прыжки более важного типа?

Почему не считать таким «прыжком в отцепленный вагон» прыжок в Модерн, понимаемый как западный мегапроект? А Запад-то от этого мегапроекта отказывается (смотри Косово)! И что нам делать? Я уже показывал, что. Защищать Модерн вместе с теми, кто от него не хочет отказаться. Но, во-первых, это вовсе не называется входить в западную цивилизацию. Это прямо обратное. И, во-вторых, надо понимать, что с самим-то Модерном действительно всё не вполне благополучно!

Следующий отцепленный вагон — капитализм. Надо честно себя спросить: капитализм — это совершенный общественный уклад? Но тогда он знаменует собой конец истории. Просто вместо слова «коммунизм» ставим «капитализм», и всё.

А если капитализм вскоре станет несовместим с прогрессом, с духом Истории (который не умер, вопреки Гегелю), с идеей Развития как такового? Почему это могло произойти с феодализмом — и не произойдёт с капитализмом? Ведь те, кто изобретали слова «постиндустриальное общество», «технотронное общество» etc, делали это не только для атаки на коммунизм, но и потому, что отчётливо видели тупики этого самого капитализма!

Что теперь планируется? Модерн пронизан духом Великой французской буржуаз-

ной революции и других великих революций того же типа, включая американскую. Так революции-то были буржуазные! Что теперь?

Стал ли капитализм тормозом? Если стал, то в чём именно? Мы, уходя от социализма, принесли колоссальные жертвы на алтарь построения капитализма. Если что-то и построили, то капитализм эпохи первоначального накопления. Да и это сомнительно. Хорошо, предположим, что построили. Нам надо выходить из первоначального накопления? Или что нам надо делать? Мы выйдем из него через десять лет, когда вожделенная для нас западная цивилизация поставит крест на капиталистическом проекте? Что, например, нет серьёзных западных разговоров о перспективе отмены денег? Это моя фантазия?

Так не прыгнет ли Россия в отцепленный вагон? Ах, да, забыл, она начнёт «строить

капитализм в отдельно взятой стране». И с опозданием на двести лет... Это — солидное ноу-хау по части стратегического развития.

Мир входит в фазу турбулентности. Неопределённость стремительно наращивается. Она наращивается сама, или её кто-то наращивает? И чем она порождена? Развитием как таковым? Неравномерностью этого развития? Или же... Или же торможением развития?

Ах, ох, будущее! Будущее — это не футурологическая, а политическая проблема. За будущее всегда отвечали левые силы. Правые же — отвечали за то, чтобы в погоне за будущим не разорвали цепь времён, не подорвали потенциал традиции.

Так кто нанёс такой удар по левой идее вообще? А значит, и по политической базе будущего? Я не про разгром коммунизма, тут всё

понятно. Я про тотальный кризис всего левого. Например, про изымание из этого левого — любого морального содержания. Конечно же, и в 30-е годы XX века коммунистические западные движения позволяли себе определённое моральное легкомыслие (чего о реальном советском коммунизме сказать было вообще нельзя). Но это было легкомыслие как фон.

Теперь речь идёт о другом. О том, что ничего, кроме легкомыслия, нет. Что борьба за права трудящихся подменена борьбой за права всех разновидностей извращенцев. Что стратегическая идея будущего вырвана с корнем. Что государственная страсть сведена к нулю.

Увидев призрак Банко, Макбет спросил: «Кто это сделал, лорды?» Не могу я здесь подробно обсуждать, кто это сделал. Но кто бы

это ни сделал, мир входит в очередную турбулентность без субъекта будущего, субъекта стратегии, субъекта развития.

Иногда я сталкиваюсь с текстами, в которых обсуждается бесконечная сложность этих турбулентных потоков. Что сказать? Мир никогда не бывает прост. Он всегда бесконечно сложен по факту. А вот по идее он всегда прост. И потому эффективная модель может содержать в себе шесть, семь, восемь кластеров, но не более. Идея обозрима, мир — нет. Констатация сложностей турбулентного мира и даже описание сложностей не избавляют от необходимости моделирования. И от ответа на вопрос о том, что такое эта турбулентность? Это действительно конец Модерна? Тогда что «по ту сторону»?

Постмодерн? Так он и есть смерть развития! Концептуалистика не имеет права быть

всеядной. Я готов преодолевать идеологические расхождения, но война — это война. И пока мы не скажем «постмодернистский враг», ясности не будет. Пока мы не осознаем, что этот постмодернизм тащит за собой суррогатную архаику, тащит не случайно, а чтобы уничтожить развитие, — мы будем кораблём без руля и ветрил, втягиваемым в самую чудовищную из всех турбулентностей, переживавшихся человечеством.

Как только мы скажем, что есть враг (и кто союзники врага), многое прояснится. И тогда в этих сложностях турбулентного мира можно будет разобраться. Можно будет различить, где кризис, а где катастрофа. Где исчерпание, а где бифуркация. И в чём генезис всего этого.

Если начнём этим заниматься всерьёз, мы разберёмся. Перестанем любоваться всем но-

вым в его вариативности. И установим, где действительно новая ткань, а где элементарный гной.

Восстановить стратегическую культуру. Опираясь на неё, восстановить стратегическую инфраструктуру мысли. Отсеять шлаки и шумы. Освободиться от вирусов. Нащупать ось проблемы. Восстановить, наконец, стратегическую субъектность.

Вот то, без чего никакое развитие не начнётся, и никакая историческая инициатива к России не вернётся. Если действительно хотим вернуть эту инициативу — найдём в себе силы для преодоления интеллектуальной прострации, сна стратегической мысли, рождающего разнообразных (глубоко вторичных и глумливо-провокативных) чудовищ.

А сделав это — может быть, вернёмся к сути своей?

5

Насмешки над «особым путём» в целом не беспочвенны. Нередко риторика особого пути призвана решать очень частные политические задачи. А то и задачи чужих центров сил. Да, бывает и так. Но подобная констатация никак не позволяет обнулить очень серьёзное (и абсолютно позитивное) содержание, добытое величайшими умами России в мучительных поисках смысла собственной истории. И смысла истории вообще. Ибо эти

искания осуществлялись в рамках стратегической линии, препятствующей и автаркии, и растворению в чужом и чуждом историческом содержании.

Восторг того же Томаса Манна перед Толстым, Достоевским и Чеховым — не похлопывание по плечу: «вот, мол, дикари, а как пишут». В основе этого восторга — страстный интерес к возможностям России как исторической личности сказать что-то новое о развитии. Причём не только новое, но и всемирно значимое.

Так что же мы имеем теперь?

Увы, советник Ельцина Ракитов и его подельники преуспели в своём начинании, рекламируемом как «смена ядра российской цивилизации».

Никакого нового ядра они не создали, да это и не планировалось. А вот то, что истори-

ческой личности по имени Россия (цивилизация там, или нет — это вопрос семантического лукавства) была нанесена беспрецедентная травма... Что удар, пробив защитные оболочки, достиг ядра исторической личности... Это — печальный факт.

Считать, что твоя историческая личность, в отличие от остальных исторических личностей, почему-то не может умереть, — глубоко наивно. И в чём-то антипатриотично. Потому что такая аксиоматика полностью исключает понятие смертного боя («вот этот рубеж сдадим — и возврата не будет»). Если можно сдать любой рубеж и после этого вновь взлететь под небеса... Если тем самым всё «сдаваемо», и точек невозврата нет, — то зачем бороться, жертвовать?

С чего начинаются любые переговоры, носящие фундаментальный характер? С того,

что на что можно обменять? Полная чушь! Серьёзные переговоры начинаются с неброской, но очень внятной манифестации, касающейся того, что НИКОГДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТДАНО. НИКОГДА И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. Это неотдаваемое и есть ядро. Всё остальное — периферия. «Такие-то и такие-то уступки несовместимы с жизнью моей исторической личности и потому совершены быть не могут». Без этой экзистенциально-политической установки — какая большая политика? И откуда возьмётся такая установка, если властвует дежурный оптимизм («и не такое ещё бывало», «кривая вывезет», «ништяк, прорвёмся!» и так далее)?

Нет потерь, несовместимых с жизнью исторической личности? Ну что ж, тогда, в каком-то смысле, возможны любые уступки! И по этому поводу есть лукавые псевдопатри-

отические заходы (мол, была Золотая Орда, ярлыки на княжение, «и через такое проходили, и ничего»).

На самом деле произошедшее с Россией за последние двадцать лет — беспрецедентно. Конечно, у исторической личности есть глубочайшая потаённость. А значит, и защищённость. Её ядро (или то, что Мигель де Унамуно называл «интраисторией») очень устойчиво и может пережить колоссальное количество различного рода травм. Но не любые травмы! Есть и несовместимые с жизнью.

Государство — не фетиш, каковым его считают «ура-патриоты». И не враг личности, каковым его считают «ура-либералы». Оно не аппарат классового насилия, каковым его отрекомендовывали марксисты. И не средство согласования классовых интересов (оппонирующая марксизму социал-демократическая

и «попперианская» точка зрения). И даже не средство обеспечения максимального процветания и благосостояния населения (так называемая «прагматическая» точка зрения).

ГОСУДАРСТВО — ЭТО СРЕДСТВО, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО НАРОД СОХРАНЯЕТ И РАЗВИВАЕТ СВОЁ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

То есть, во-первых, это средство.

Во-вторых, это средство, используемое народом.

В-третьих, это средство, связанное с историческим предназначением.

Нет исторического предназначения — нет народа (равно как нет нации, если нет проекта Модерн).

Племя превращает в народ наличие этого самого исторического предназначения. А как только историческое предназначение рушит-

ся, народ распадается на племена. Или превращается в старчески утомлённое суперплемя («жизнь после жизни»).

Соответственно, любой умный враг, желающий уничтожить народ и государство, будет старательно и настойчиво уничтожать некий потенциал мыслей и чувств, связанных с историческим предназначением, выдавая эту войну на уничтожение за «смену цивилизационного ядра».

Значит ли это, что у исторической личности нельзя сменить ядро? Что её обновление может носить только чисто периферийный характер? Конечно, это не так. В принципе смена ядра возможна. Но только в условиях особо прочной связи с эгрегором. Хочешь стратегического обновления? Ещё больше припади к историческому потоку, нырни вглубь его, найди подводные ключи, питаю-

щие жизнь живую.

Если же некто заявляет о качественном обновлении исторической личности и одновременно перекрывает каналы к её эгрегору — он не обновляет ядро, а наносит ему смертельную травму. Ну, так это и было сделано. И никто теперь не может однозначно ответить на вопрос о том, что на самом деле происходит с исторической личностью. Только сама личность ответит на этот вопрос. В тех формах, в которых отвечают подобного рода личности.

Итак, мы не знаем точно, что такое сегодняшняя Россия. Но мы знаем, что в каком-то смысле приближаемся к точке невозврата. Может быть, медленнее, чем десять лет назад. Может быть, не столь губительным образом. И, тем не менее, приближаемся.

В условиях подобного приближения речь

должна идти не о развитии вообще, а о мобилизационном развитии. Что есть такое развитие для России?

Прежде всего, рассмотрим, что для России в этом смысле представляет мобилизация. Речь идёт ведь не о формальной мобилизации (началась война — объявили мобилизацию), а о мобилизации культурно-исторической («мобилизационная модель существования»).

Подо что мобилизовывалась историческая Россия? Вот тут-то почвенные блестящие умы сформулировали наиболее ясные и глубокие ответы. Причём без тех обычных расхождений, которые существуют по другим вопросам.

Квинтэссенция подобного ответа состоит в том, что РОССИЯ МОЖЕТ ИСТОРИЧЕСКИ МОБИЛИЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО АБ-

СОЛЮТНЫМ ОБРАЗОМ И ПОД АБСОЛЮТНУЮ ЦЕЛЬ. В этом состоит специфика так называемого «русского чуда». Это признали фактически все (за очень редкими исключениями). Кто-то признал подобное с отвращением, кто-то с восторгом. Но признали!

Что такое абсолютная мобилизация под абсолютную цель? И как она осуществлялась в исторической жизни России?

Абсолютная цель (в разных её исторических вариантах) всегда была связана у нас с новой и благой жизнью. Мобилизация шла под возможность новой и благой жизни. И в этом смысле советская (в том числе сталинская) мобилизация традиционна. Был предложен некий вариант новой и благой жизни. Предложен и в значительной степени осуществлён. А также явлен миру в нескольких своих ипостасях. Включая «благую весть» —

спасение этого самого мира от Гитлера.

Стоило ли спасать такой вот мир — отдельный вопрос. Этим вопросом уже давно задавалась наша культура, в том числе и народно-песенная (почти фольклорная):

«Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
А на груди его светилась
Медаль за город Будапешт».

В утешение можно сказать, что Россия спасала и спасла не только мир, но и себя.

Мобилизация на абсолютное спасение — безусловное «ноу-хау» нашей истории. Победа в Великой Отечественной войне — высшее проявление этого исторического духа. Но и она адресует не к своей уникальности, а к традиции («с фашистской силой тёмною, с проклятою ордой»).

Характер такой мобилизации в другом её

варианте описал Лев Толстой в «Войне и мире». Вспомним знаменитые сцены, когда вдруг начиналось глубинное инстинктивное отречение от всего личного ради такого спасения.

То, что наша историческая личность держится на суперкоде подобной абсолютной мобилизации, — в общем-то, очевидно. То, что внутри мобилизации есть какое-то накалённое представление о новом и благом, — тоже очевидно.

ГОРАЗДО МЕНЕЕ ОЧЕВИДНО ТО, В КАКОЙ СТЕПЕНИ МОЖНО ГОВОРИТЬ О ПОВТОРЯЮЩЕЙСЯ МОБИЛИЗАЦИИ ИМЕННО ПОД АБСОЛЮТНУЮ ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ.

Повторю: то, что абсолютной целью может быть буквальное спасение от метафизически трактуемого нашествия («проклятой

орды», «силы тёмной»), очевидно. Очевидно и то, что абсолютной целью может быть некая благая (и новая в смысле победы благости) жизнь. Наконец, очевидно то, что эти инварианты относятся к нынешней России только в случае, если травма последних двадцати лет не носит фундаментальный характер (не взорвала суперкод, не сломала смысловую ось, не вызвала историческую мутацию с помощью органических или искусственных социокультурных вирусов).

Но что с развитием-то? С развитием?!

Первый опыт мобилизационного развития связан с Петром Великим. Что это за опыт?

Величие Петра не вызывает сомнений. Стоит посмотреть на Петербург. Стоит постоять у Медного всадника или прочитать великие строки:

«Красуйся, град Петров, и стой

Неколебимо, как Россия».

Но нельзя же не признать, что опыт этой мобилизации под развитие располосовал Россию на века в социальном смысле. Что он уж никак не был опытом только освобождения. Что старообрядческая реакция на этот опыт имеет свои глубокие основания.

Никогда у нашей патриотической мысли, обсуждающей особый путь, не было единства в оценке личности Петра, его исторической роли, смысла петровского этапа в истории России. В сущности, оказывается, что чуть ли не большинство сторонников особого пути проявляет крайний скептицизм в отношении личности Петра. Давать тут количественные оценки наивно. Но то, что внутри группы сторонников особого пути есть противники Петра, — несомненно. Как несомненно и то, что этих противников много.

Но тогда встаёт ребром основной и самый жгучий вопрос, являющийся и историософским, и политическим: «Сторонники особого пути для России являются сторонниками ПРОСТО особого пути или особого пути РАЗВИТИЯ? Предполагает ли концепция особого пути развитие? И если предполагает, то идёт ли речь об обычном развитии в дополнение к особому пути, или же именно об особом пути развития?»

Если же речь всё же идёт об особом пути развития, то в чём ОСОБОСТЬ РАЗВИТИЯ? Является ли особость — особостью развития, или же обычное развитие как бы «пришивается» к ткани особости? И если даже речь идёт об особости развития, то является ли эта особость тактической или стратегической?

Потому что тактическая особость развития — это учёт культурной специфики в каче-

стве некоей «модулирующей частоты», дополняющей импульс развития как такового, но не меняющей параметры этого импульса. А стратегическая особость развития — это фундаментальная инаковость развития, а не примесь инаковости, вытекающая из учёта культурной специфики.

Так кем же всё-таки был Пётр? Вестернизатором, модернизатором или кем-то ещё? Если Пётр был догоняющим вестернизатором (а его яростная борьба с традицией — пресловутыми бородами и прочим — как бы говорит об этом), то понятно, что он, решив великие государственные задачи, одновременно нанёс колоссальную модернизационную травму исторической личности. Тогда придётся признать, что эта травма частично задела ядро. И что дальнейшие беды вытекали из указанной травмы.

Но Петра можно трактовать и как модернизатора, далёкого от обычной догоняющей вестернизации. Для этого даже не нужно прибегать к проблемному завещанию Петра Великого и столь же проблемным рекомендациям взять у Европы технологии и повернуться к ней задницей.

Неистовый патриотизм Петра, его мистический порыв к морскому модусу существования России, очень нетривиальная синкретика русскости и западничества, при их детальном изучении позволяют утверждать, что Пётр реально осуществлял нечто фундаментально особенное. Что Россия при нём не обезьянничала на западный манер, а давала собственные ответы на саму возможность форсированного развития, альтернативного тому, которое выбрал для себя классический Запад.

Для исторического будущего России борь-

ба за глубину понимания образа Петра и петровских реформ имеет решающее значение. Если без спекуляций и подтасовок удастся извлечь из этого исторического опыта фундаментальную особенность развития, а не особенность вообще, то возникнет совершенно иная база для поиска новой стратегии развития.

Пока этой базы нет. И почти все, кто анализирует Петра, понимают его деятельность либо как державно-обусловленную вестернизацию, либо как догоняющую модернизацию со слабым учётом культурной специфики. И кто-то за это хвалит Петра, а кто-то ругает.

Пожалуй, единственный, кто глубоко понял Петра именно как «новую весть о развитии», — это Пушкин. Да ещё город на Неве стоит как живая весть и живая загадка, адресованная потомкам. Но для проартикули-

рованной стратегии, направленной в 2020 год, этого мало. Понять глубже Петра, повторяю, это не историческая или культурная, а именно стратегическая задача.

Но пока — есть то, что есть. А в пределах имеющегося петровское начало не трактуется как фундаментально особенное развитие. Причём при абсолютной мобилизации населения. Пётр чего только не вытворял, но ведь никто всерьёз не покушался на него после стрельцов, на что справедливо указал, например, Белинский.

Но если Пётр не есть особая весть России миру касательно развития, то где такая весть? Ведь не реформы же это Александра II или Столыпина?

Да, была накоплена гигантская энергия ожиданий, связанных с освобождением крестьянства от крепостного права. Мечтали

об этом освобождении не только сами крестьяне. Вся страна видела в факте порабощенности части своего народа что-то горько-унизительное. И хотела это избыть.

Только очень опрощённая нынешняя интеллигентщина, кокетничающая своим псевдопатриотизмом, может огульно поносить декабристское движение. Не обязательно симпатизировать движению по-пушкински и писать «Во глубине сибирских руд». Можно быть совсем далёким от него и при этом ощущать масштаб. Так, как ощущал его Тютчев:

«О, жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что хватит вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —

И не осталось и следов».

Россия ждала освобождения крестьян. Но признаём, что эта мера, ставшая на нашей земле благой вестью, была, по сути, догоняющей Запад реформой, и не более. Да, это было сделано не так жестоко, как английское огораживание. Но видеть в этом всемирно-историческое послание России миру по части развития — нельзя. То же самое со Столыпиным. Да и с чем угодно ещё, кроме... Да, хочет кто-то или нет — кроме нашего коммунизма.

Россия приняла коммунизм в силу глубочайшей — и метафизической, и исторической — призванности к такому принятию.

Дело в том, что проект Модерн, уходящий вглубь веков и имеющий, в том числе, и религиозный смысл (религиозная модернизация — это единство веры и разума), политиче-

ски оформился в ходе Великой Французской революции. И знаменовал собой одновременно и новый общественный уклад без непреодолимых сословных ограничений, и новый тип развития. Триумф проекта Модерн связан с первой половиной XIX века. Тогда же Модерн начали проклинать все, кто угодно — и революционеры, и поклонники средневековой традиционности.

Конец триумфа маркируется Парижской коммуной. К этому времени призрак действительно бродит по Европе. Политической свободы оказывается явно недостаточно. Нужна ещё и свобода социальная. Это потом окажется, что их сочетание — почти недостижимый идеал. Что для этого нужна мировая, и именно мировая, коммунистическая революция. Да и много что ещё.

Но к 1875 году классический Модерн по-

казал свою недостаточность даже на обычном, социально-политическом, уровне. Заговорили о свёртывании Модерна. Декадентство... Увлечение Вагнером и Ницше... «Закат Европы» Шпенглера — всё это отдельные молекулы фундаментального социально-политического разочарования.

Соединяясь в ткань, они одни остановили бы Модерн. А тут ещё невиданный (и не понимаемый сегодняшним человечеством) кошмар Первой мировой войны. И сразу за ней — ростки стратегического контрмодерна. Эти посеянные и буйно взрастающие «зубы дракона», обернувшиеся метафизическим мраком, имя которому Третий рейх.

Всё это уничтожило бы Запад и идею развития, если бы не процессы в России. Россия взяла на себя труд «отмолить» развитие как таковое, показать, что есть альтернативы, в

рамках которых будет такое развитие, которое поселит в сердцах нечто далёкое от скуки Модерна.

Ведь когда мы обсуждаем конец триумфа Модерна, то мало социально-политических моментов, чтобы понять глубину процесса. Модерн окончательно раздробил целостность человеческой воли, направленной на постижение и изменение бытия. Началось это в незапамятные времена. Но Модерн придал этому несоизмеримо более масштабный и завершённый характер. Катастрофа мифа как целостной формы постижения привела к дроблению этих самых форм постижения.

Поделить власть на исполнительную, законодательную и судебную — это ещё полбеды. Хотя, как мы видим, и тут возникает вопрос: где же власть как таковая? Но поделить единство воли к постижению и изме-

нению бытия на гносеологию, в которой есть только истина, эстетику, в которой есть только красота, и этику, в которой есть только справедливость, — это травма совсем иного порядка.

Травма эта дала возможность развиваться на протяжении многих столетий. Но только потому, что религиозный культ всё же согревал культуру, являясь её ядром. Когда же Модерн окончательно воспрепятствовал этому согреванию, то оказалось, что культура может очень быстро остыть. И что в самой этой схеме из трёх несочетаемых видов постижения бытия нет главного — УТЕШЕНИЯ.

Отсутствие же этого утешения может поддживлять человечество в течение одного поколения, не более. А дальше начинаются судороги, подобные тем, которые возникают у человека, испытывающего нарастающее кис-

лородное голодание. С этим надо было что-то делать! Модерн задыхался. Человечество требовало от Запада, как носителя идеи развития, чего-то альтернативного. И угрожало в противном случае просто остановить развитие. Причём остановить любым образом — в том числе и через серию общемировых катастроф.

Новая весть или смерть — вот о чём говорили сразу все (Ницше, Вагнер, Шпенглер и тот же Маркс).

Новой вестью стала Советская Россия. Потрясающие достижения сталинской индустриализации — это второй этап. В нём всё же есть много понятного. Сталин добился новой державной мощи. Россия стала великой в материальном плане, продолжая быть великой в плане духовном. Но при Ленине Россия в материальном плане абсолютно слаба. А её

духовный авторитет таков, что никто с ней не может справиться вопреки её материальной слабости.

Кто там кого и откуда привёз в каких вагонах — это дело частное. И обусловленное чем-то вроде помноженного на миллион нынешнего Компромат.ру. А вот то, что в ноябре 1918 года под влиянием Русской революции все, кто зачем-то кого-то вёз в вагонах, оказались не у дел — это вам не мега-Компромат.ру, а несомненный исторический факт. И не в том смысле факт, что есть отдельные документальные подтверждения. А в том смысле факт, что была кайзеровская Германия — и «спеклась». Причём при огромной помощи «зарева на Востоке». И совершенно было неясно, куда ещё распространится огонь (тут стоило бы прочесть одноимённое произведение Барбюса).

Ленинское предложение локализовать огонь в обмен на сохранение России как государства носило стратегический характер. И ничего общего не имело с ползучей дипломатией. Предложение формулировалось сухо, корректно. С полным пониманием слабости своего положения. И при этом не без внутренней угрожающей ноты. Оно было принято в Рапалло и заложило основу принципиально нового мира. Россия стала маяком развития. На неё, затаив дыхание, смотрела вся Европа. Такого ощущения духовного лидерства в вопросе развития (при, повторяю, очень глубокой материальной слабости) не было никогда.

Да и вряд ли можно назвать в истории что-нибудь сравнимое в плане лидерства. Паломничество в новое царство, указующее пути миру, было непререкаемой обязанностью

для тех, кто хотел мирового обновления. Маяковский назвал новую Россию «весной человечества», но ведь не он один.

Если мы ищем, когда же всё-таки Россия сказала что-то особенное и исторически значимое именно по поводу развития, — то, при любом отношении к советскому периоду, мы обязаны признать, что это произошло именно тогда и никогда более.

При этом у общепризнанного «русского чуда» было два измерения.

Одно, при всём его значении, всё же — более понятное и частное. Оно касалось форсированной индустриализации, прорыва в сфере образования, достижений в сфере науки и техники. Недопустимо какое-либо преуменьшение фантастичности этих свершений. Эту фантастичность признавали все, включая такого врага России, как Уинстон Черчилль.

Причём и эта (частная, подчеркну ещё раз) компонента «русского чуда» совсем не так проста, как кажется.

Во-первых, речь идёт о буквальном содержании данного чуда. Никто никогда в такие сроки ничего подобного не делал.

Во-вторых, речь идёт о всемирно-историческом значении чуда. Потому что на его основе победили в Великой Отечественной войне. А поскольку вызов фашизма был беспрецедентен и ни с чем не может быть сравнён по масштабу и инфернальности, то и советский ответ на этот вызов является беспрецедентным триумфом всего на свете. Духа, организационного и военного таланта, мужества и жертвенности, мобилизационной сплочённости народного большинства.

В-третьих, речь идёт о своеобразии. Даже индустриализация, коллективизация и куль-

турная революция (классическая сталинская триада советского развития) уже обладают огромным своеобразием в плане развития как такового. Речь ведь идёт о модернизации без тотального разрушения традиционного общества, и даже в сочетании с какими-то элементами укрепления этого традиционного общества. Возникает вопрос: можно ли это называть модернизацией, или уже следует определить как фундаментальную альтернативную модель развития?

Однако все эти великие достижения носят частный характер по отношению к чему-то большему и менее заметному. Оно-то и имеет невероятно важный характер сегодня. Причём не как буквальность эпохи, а как фундаментальность. Речь идёт, конечно же, о коммунизме. Но не том, который сводится к ограниченным, при всём их благородстве, общеиз-

вестным прописям. Под этой «прописной поверхностью» находились другие уровни инноваций во всём, что касалось развития как такового. Это касалось целей развития, метафизики развития, онтологии развития, антропологии развития.

Угадать всё это в исторических (очень быстро отменённых) эскизах достаточно трудно. Но речь, конечно же, шла о совершенно новой религиозности. Причём такой, которая позволяла имеющимся религиозным традициям найти для себя какое-то место в новом, далеко не эклектическом, синтезе. Осью всей этой новизны был именно вопрос о развитии. Развитие — идеологизировалось. Да что там идеологизировалось — трагедизировалось, доводилось до сверхидеи. До блоковского «вечного боя».

Что такое сам этот вечный бой? В каком

соотношении находится идея вечного боя с идеей покоя (который «нам только снится»)? В центре какой полемики стоял вопрос о вечном бое? Ясно, что «дайте Мастеру покой» у Булгакова — это прямая и нескрываемая антитеза блоковскому «вечному бою». Но не находился ли Блок (да и не он один, если говорить о метафизике и стратегии, а не о поэзии как их выражении) ещё и в более масштабной полемике? «Пора мой друг, пора! Покоя сердце просит...» «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» Принципиальная невозможность и недопустимость покоя, а значит, немыслимая напряжённость во всём, что касается развития. Откуда это? Это нечто большее, чем внешнее по отношению к системе требование развития (надо развиваться — «или нас сомнут»).

У развития есть метафизический враг. Его

масштаб не позволяет называть его ни вселенским, ни даже бытийственным. Частным выражением этой более масштабной враждебности является так называемый «второй закон термодинамики». Мир остывает. Недаром же Эвальд Ильенков, да и некоторые другие, полагали, что нужно взорвать планетарную систему, чтобы согреть Вселенную, — и видели в этом жертвенную миссию человечества.

Но и такие рассуждения имели частный характер (у Ильенкова, например, были явным образом связаны с его увлечением Вагнером). Общий же характер имеет нечто другое.

Что такое развитие вообще? Это восхождение форм. Формы восходят от неживого к живому, от живого к разумному и дальше. Дальше, дальше, дальше... Интеллигенция «балдела» от «Антимиров» в театре «На

Таганке». И от последней фразы спектакля: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Но почти ни у кого не хватило драйва задать ответный, резкий до безобразия, вопрос: «А на фиг нужен ваш человек, если нет прогресса?» Почему этот человек должен забивать и есть скот, топтать ногами цветы? В чём его особое право, если он не становится локомотивом всеобщего восхождения? Да и не только восхождения, но и спасения. Потому что само по себе восхождение — это восхождение куда-то. Не так ли? А иначе зачем восходить? Разум обязан восходить к сверхразуму!

Сегодняшний вопрос о тупике индивидуальной человеческой эволюции (росте потенциала мозга отдельного человека и росте возможностей этого самого мозга) — гораздо более мучителен, чем вопрос о новых источни-

ках энергии. Являются ли пресловутые «дети индиго» спекуляцией или отрицанием эволюционного тупика — неясно. Но то, что вопрос мучителен, — ясно как никогда.

Человечество находится у барьера Питерса. Суть барьера — в том, что развитие человека и развитие технологий не могут оказаться принципиально разноскоростными. Если технологии развиваются быстрее, чем человек, то рано или поздно разрыв между человеческим потенциалом и потенциалом технологий станет критическим. И сам этот разрыв уничтожит человечество.

Питерс, кстати, считал, что многие инопланетные цивилизации исчезли именно так, и в этом причина космического одиночества человечества. То есть надо либо научиться развивать человека быстрее, либо начать сдерживать технологический рост.

Однако и проблема Питерса — носит не окончательно масштабный характер. Ну, спасётся человечество — и что дальше? Спасутся ли формы? Будет ли преодолён «рок конца»? Удастся ли бросить вызов этому самому второму закону термодинамики, то есть тлению и рассыпанию? Будет ли «пресуществлена» материя?

А главное — где источник этого самого рассыпания? Рассыпается ли всё само (и тогда враг — энтропия)? Или же есть «энтропизатор» (и тогда именно он является врагом)?

Исследования, связанные не с рассыпанием форм, а с их превращением, смутно намекают на наличие «энтропизатора». На то же самое намекают некоторые астрофизические исследования. Да и три великих учёных-мониста классической эпохи (Эйнштейн, Фрейд и Маркс) остановились где-то

у этого края. И то ли не захотели, то ли не смогли идти дальше.

Фрейд, например, в конце своей научной карьеры вдруг написал статью «Эрос и Танатос», опровергающую всё его прежнее творчество, основанное на концепции Эроса. А научный мир как бы этого не заметил.

С Эйнштейном что-то произошло не в связи с тупиками общей теории относительности (их-то он преодолел), а в связи с чем-то, касающимся антигравитации и сходных проблем (лямбда-член в уравнениях поля, который позже вывел на идеи «тёмной материи» и «тёмной энергии»).

Метафизический коммунизм, реально прораставший сквозь коммунистические буквальности, был заряжен именно этим. То есть особостью развития, доведённой до предела. И именно на эту особость развития откли-

нулась с невероятной страстью историческая личность под названием Россия.

Сейчас, когда налицо новый этап остывания Модерна, любой альтернативный ответ на вопрос о развитии — невероятно ценен. И дело даже не в том, как это сопрягается с буквальностями исторического прошлого и с реальным историческим коммунизмом. Любые реставрации обречены. Дело в том, возникнет ли фундаментально новый сценарий. Кто скажет что-то новое — совсем новое — о развитии. И каково право России на данную решающую смысловую территорию.

Без этого права — нет России и мира. И не потому ли кто-то так свирепо ринулся добивать этот самый коммунизм вместе с советским историческим опытом, что «бронепоезд» развития стоял «на запасном пути», и нужно было «грохнуть» этот запасный путь

до того, как начнётся расправа над путём основным?

Теперь — расправа началась и идёт.

6

IX съезд «Единой России»... Я слушаю выступающих. Вглядываюсь в лица слушающих. Говорятся хорошие слова о любви к России, о борьбе за её перспективы в XXI столетии. Может быть, словам этим и не достаёт глубины и подлинности. Но, по крайней мере, в них нет яростного презрения и ненависти к своей стране как исторической личности.

И не надо говорить, что было бы странно, если бы политическая элита была пропита-

на подобной ненавидящей страстью. Она была ею пропитана. И я ещё помню совершенно другие слова, изливаемые на общество победившей демократической властью.

Почему я не должен радоваться тому, что те слова ушли в прошлое? Почему я должен с особой придирчивостью вслушиваться в интонации говорящих? Почему именно в данном случае нужны особо взыскательные тесты, проверяющие соответствие слов и дел? Ну, нет в словах предельной искренности, и что? Предельной неискренности в них тоже нет. И все мы понимаем, что слова — искренние они или нет — это уже полдела. Что, будучи произнесёнными, они что-то за собой приносят в реальность. Хотя бы в виде предпосылок для изменений общественного мнения, сформированного предыдущим «псевдовластвующим субстратом».

Пусть хотя бы с обществом поговорят какое-то время не на языке ненависти. Пусть хотя бы ненамного расширится коридор допустимых тем, оценок, подходов. Даже это отнюдь не мало.

И почему я должен бояться того, что «Единая Россия» станет новой КПСС? Пусть этого боятся те, кто ненавидел КПСС, Советский Союз и всё, что с ним было связано (советский проект, коммунистический проект и так далее). А я считал и считаю, что та — советская — реальность, которая несла на себе отпечатки этой идеальности, была совместима с жизнью, а нынешняя реальность — нет.

Нынешняя реальность при этом намного комфортнее, вольготнее, прошу прощения, свободнее. В ней нет многих идиотизмов прошлого, которые я болезненно переживал. Но нет в ней и другого! Причём не только то-

го, что предполагал великий Проект (этого-то уже давно не было), но и того, что предполагает любая живая и здоровая социальная жизнь.

Нет морального чувства (на уровне элементарных разграничений — воровать плохо, жить честно хорошо). Нет уважения к труду. Нет (по крайней мере, в высших стратах — об этом просто анализы говорят) основополагающих социальных инстинктов, таких, как сострадание и солидарность. Нет, наконец, внятных приоритетов, имеющих, в конце концов и материальное выражение. Профессор, доктор наук в СССР жил вдвое (а то и втрое) лучше среднего гражданина страны. Это означало, что страна нуждается в знании, научно-техническом и ином развитии.

Сейчас этого нет. Никто не замечает, что этого нет. Что угодно обсуждают, кроме несо-

мненности отсутствия здоровой социальной иерархичности. Мои учителя по Московскому геологоразведочному институту — профессора и заведующие кафедрами — получают уж никак не больше 500 долларов в месяц. Это я знаю точно. Между тем, речь идёт о геофизиках, которые должны вести разведку новых нефтяных, газовых, рудных месторождений. Не нанотехнологиями заниматься, а этот самый «хлеб насущный» обеспечивать всем, включая энергетических олигархов.

Как и в любом другом сегодняшнем институционализированном сообществе, рассматриваемый мною профессорский слой, конечно, имеет ещё и очень узкую «успешную» верхушку. Но ведь ни у кого не вызывает сомнения, чем обеспечена её экономическая успешность. Воровством, вот чем. И это не в счёт.

А то, что не ворующая часть просто по факту профессии обречена на социальное прозябание... Как прикажете к этому относиться? Может быть, внутри этого прозябания есть какая-то относительная комфортность. Хотя какая комфортность при 500 долларов в месяц? Не до жиру — быть бы живу. Но, в любом случае, нет никаких шансов на социальное воспроизводство для входящих в жизнь молодых профессионалов (они ведь люди... цены на квартиры запредельны... как при таких ценах заводить семьи... и так далее).

Короче, если бы из воздуха вдруг соткалась новая КПСС и восстановила даже ту ущербную реальность, которая мне знакома до боли, я бы в чём-то возликовал. Я понимал бы, что лично мне будет жить хуже. Но я знал бы, что страна и народ будут как-то

жить, и боролся бы за улучшение этой жизни. Сейчас страна и народ не живут. Они движутся в потоке регресса. Регресс этот в чём-то сдержан Путиным. Если бы он не был сдержан, страны бы уже просто не было. Но сдержать регресс не значит переломить его. А если он не переломлен, то он накапливается. А если он накапливается, то он рано или поздно изольётся со всеми вытекающими последствиями.

Переломить регресс можно только на основе контррегрессивной мобилизации. Для контррегрессивной мобилизации нужен полноценный мегапроект («Что делать?») и полноценный же мегасубъект («Кто будет делать это «что»?»).

КПСС была поздним и ущербным мегасубъектом под условный и уже достаточно выхолощенный советский мегапроект. Так,

может быть, «Единая Россия» станет мега-субъектом (несовершенным, ущербным — тут особенно выбирать не приходится) для мегапроекта контррегрессивной мобилизации? Пусть она при этом воспроизведёт любые гримасы советской номенклатуры, в том числе, и самые отвратительные. Пусть только переломит регресс.

Я понимаю, что подобные надежды наивны. Что КПСС двигалась по инерции и лишь потому могла сочетать социальную неразрушительность с этими самыми номенклатурными гримасами. И что всё равно в итоге гримасы так надоели, что всё «загремело под фанфары».

Я понимаю, что нельзя восстановить мегасубъект в инерционной фазе, скопировав брежневизм. Что брежневизм — порождение остывающей мегапроектной воли. Что для то-

го, чтобы воля могла остывать, она должна иметь высокую начальную температуру. Нечто формируется только при высокой температуре, а потом как-то функционирует при более низкой лишь потому, что когда-то была высокая. . .

Я всё это понимаю. Но надежды всегда в чём-то наивны. И я всё равно всматриваюсь в слова и лица участников IX съезда «Единой России». Тем более, что в этом моя профессия. Иначе зачем я здесь?

Нет, это не новое издание КПСС. . . Не похоже. Это не нео-номенклатура. В чём-то это лучше. Свежее, по крайней мере. И в каком-то смысле живее. А в чём-то. . . Видите ли, в тех позднесоветских номенклатурных фигурантах (очень разных, между прочим, были и совсем приличные — интеллигентные и честные — люди) была не только властная са-

новитость, но и другое. Стёртые, искажённые черты какой-то проектности.

И даже сама эта властная сановитость не была простой барственностью. То есть и барственность, конечно, тоже была — в том числе, и вполне отталкивающая. Но оторвать барственность от усталой и истощённой проектной самости не удавалось почти никому из тогдашних политических бонз. Может быть, лишь немногим, совсем ушедшим во внутренне ненавидящее подполье и сочетавшим его с официальным пребыванием в Системе. Они-то потом Систему и грохнули.

То, во что я всматриваюсь двадцать лет спустя, не создано ничьей проектной волей. Оно создано конвульсией остаточной российской державности, которая и породила Путина. Летело всё в тартарары под фанфары. И не без некоего ликвидационного шика... Но

почти в каждом из тех, кто летел в это самое «тартарары», оставалась какая-то затаённая рефлекторная государственность. Иногда самая странная, причудливая. И что-то через неё стало склеиваться.

Знаю точно, когда это началось. Сразу же после Хасавюрта, когда самые разные и самые случайные элитные персонажи начали говорить в один голос: «А вот это, трамтарарам, уже чересчур!». Подобное «чересчур» не оформлялось ни в какую внятную идеологию. Но его одного хватило, чтобы криво-косо, но ответить в Чечне. Да так ответить, что желание ещё раз попробовать «похасавюртить» отпало как-то сразу у очень многих. Даже удивительно, как мало оказалось нужно, чтобы это отпало. Надолго ли отпало? Не знаю.

Как власть использует подобную пере-

дышку? Считаю, что весьма сомнительным способом. Никогда не идеализировал данный результат. И не абсолютизировал его. Ни одна стратегическая проблема не решена. Но «чересчурщики» как-то консолидировались, от чего-то (пусть весьма условно) освободились, и создали некий протосубъект. А поскольку ничего другого просто не было, то этот протосубъект победил. А, победив, немедленно успокоился, занялся разного рода «лакомыми» делами, превратился в сервисный придаток к политической воле своего лидера. И почил на лаврах. Не почил бы он на этих сомнительных лаврах, может быть, и сформировалось бы что-то более дельное. Но он почил, да ещё как.

А теперь лидер вызывает этот почивший протосубъект из сладкого небытия. «Вот он начинает говорить об этом, — фиксирую я

очередной содержательный и интонационный ход Путина. — Вот он опять к этому возвращается... И опять... Ему аплодируют... И снова аплодируют... Ну, и... ?!»

Аплодировали, кстати, не так уж и много. На американских и иных западных партийных съездах аплодируют гораздо больше и встают чаще. Не в этом дело.

Старая притча повествует о том, что волки совсем заели зайчиков. И зайчики послали делегацию, чтобы посоветоваться с самым мудрым из лесных обитателей — великим филином. Делегация дошла до филина. Филин выслушал делегацию и сказал: «Я знаю, что нужно делать. Надо переделаться из зайчиков в ёжиков, тогда волки не смогут вас съесть, а сами вы начнёте такую-то и такую-то новую жизнь».

Делегация зайчиков очень обрадовалась.

И вернулась к своему заячьему народу. «Слушай, народ! — сказала делегация. — Филин предложил решение. Мы должны переделаться из зайчиков в ёжиков. И тогда всё станет хорошо».

Народ выслушал делегацию, сказал, что он полностью согласен, и спросил, что нужно сделать, чтобы переделаться в ёжиков?

Эта «технологическая» проблематизация поставила делегацию в тупик. И она снова отправилась к филину за «технологическими» уточнениями. Филин же уточнений не дал, сказав, что он стратег и «технологиями» не занимается.

Я внимательно слушал призывы Путина к «зайчикам»: «превратитесь в «ёжиков»!» Я смотрел на лица «зайчиков». Они не понимали, как им превратиться. И зачем превращаться — тоже не понимали. В отличие

от зайчиков из притчи, они даже ещё не ощущали, что приходят какие-то волки... Какие, на фиг, волки? Западные? Они далеко. Оранжевые? Их вроде нет. Зачем превращаться в «ёжиков»? Кто фактор и актор этой проблематичной трансформационной необходимости?

Фактором и актором очевидным образом был сам Владимир Путин.

Он почему-то не захотел избираться на третий срок.

Почему он не захотел — это великая тайна.

Видимо, скоро сам Путин перестанет понимать, почему.

Климент Ефремович Ворошилов был совсем не таким слабым политиком, как это живописалось в постсталинских апокрифах. Но он зачем-то вошёл в знаменитую антипартийную группу (Молотов, Маленков, Каганович

и другие). Когда группа провалилась, то Никита Сергеевич Хрущёв (тоже совсем не слабый политик с чётко выраженными диктаторскими наклонностями) спросил Ворошилова, почему тот вошёл в этот блок. Вопрос был очень толковый. Что именно хотели получить Молотов и Каганович — было понятно. Что хотел получить Ворошилов — не было понятно. Постепенно это перестало быть понятно и самому Ворошилову. И когда его Хрущёв спросил об этом самом «почему», он ответил: «Бес попутал, Никита Сергеевич!». Судя по всему, Хрущёва этот ответ вполне удовлетворил.

Любого, даже очень сильного политика, иногда путает бес.

Это может быть очень разный бес. Персонифицированный или нет.

Обычно имя этого беса — замкнутая среда

коммуникаций.

Крупный политик по роду деятельности не может не попадать в ситуацию особой элитной изоляции. Как только изоляция становится близка к абсолютной, приходит бес. И путает. Например, возникает ощущение беспредельных возможностей. И в самом деле — вокруг все кланяются... Мировые властители — все эти Буши, Шрёдеры и так далее — в чём-то ниже тебя по уровню. И ты вполне продвинутым образом можешь играть на их вполне элементарных страстях (феномен Шрёдера войдёт в историю XXI века, да и Буш недалеко ушёл, остальных и обсуждать не стоит). Рейтинг — запредельный. Все вокруг непрерывно выражают концентрированное восхищение твоей политической личностью. И начинает порою казаться, что они выражают это восхищение искренне.

Почему бы не осуществить тогда изящный сложный сценарий вместо простого и примитивного? Зачем уподобляться среднеазиатским лидерам или Лукашенко? Почему не сыграть гораздо более тонко при таком избытке возможностей? Третий срок предлагают те, кто не умеет сложно играть. А мы сыграем сложно. Игровые ресурсы — такие-то. Коммуникационные потенциалы, потенциалы отношений — такие-то. Дополнительно можно сделать то-то и то-то.

Задумали, просчитали, решили. А как только решили — услышали довольный хохот этого самого беса, который попутал. Сначала отмахнулись. Но тут возникли первые свидетельства чего-то нового и непредсказанного... Потом вторые, третьи, четвёртые...

И уже нужно идти к «зайчикам» и говорить им, что, мол, пора переделываться

в «ёжиков». Почему пора? Потому что нужен определённый политический баланс, а он без этой переделки не вытанцевывается? Во-первых, кому он нужен? «Зайчикам» он совсем не нужен. Во-вторых, ну, даже если они поверили и решили переделываться... Как это сделать?

Постараюсь перевести притчу на язык конкретных факторов.

Фактор #1 — отношения между Путиным и Медведевым. Кто-то считает, что эти отношения далеко не безоблачны. Я так не считаю. Я, напротив, считаю, что отношения очень прочные, качественные. Два политика глубоко доверяют друг другу. Ролевые функции соблюдаются. И так далее. Но у любого элемента конструкции есть пределы прочности. Если вы на какую-нибудь самую качественную балку положите несопоставимый с

её возможностями вес, то она лопнет.

Отношения между Путиным и Медведевым — и есть такая балка. Это очень прочная балка. Но её сейчас начнут испытывать. Её начнут испытывать привелегированные бюрократии, «внутренние» партии, дворцовые кланы, аппараты... На эту балку начнут накладываться колоссальные нагрузки тех или иных интересов, расколы элит, внешние факторы. Да мало ли ещё что! Ясно, что отношения «Путин — Медведев» являются точкой максимальной уязвимости системы. Или, как говорят системщики, «узлом уязвимости». Обычно такие узлы прячут вглубь системы, тщательно маскируют. Вместо реальных «узлов уязвимости» врагам демонстрируют ложные узлы и предлагают атаковать их.

Реализованное сложное и изящное реше-

ние (а я не спорю, что оно и сложное, и изящное) в качестве основного изъяна имеет ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ ОЧЕВИДНОСТЬ этого «узла уязвимости». При такой очевидности на него набросится кто угодно. Можно и должно постоянно повторять, что это угрожает интересам Российского государства. Но особенности нашей элитной игры состоят в том, что играющим элитам глубоко наплевать на интересы их государства. Если бы это было не так, не было бы распада СССР, а был бы глобальный триумф коммунистического проекта. А перед этим мог бы быть и триумф предшествующего проекта... Этой самой «православной симфонии».

Элиты будут играть по своим правилам. И за рамкой национального консенсуса. А при такой игре любой прочности человеческих отношений МОЖЕТ И НЕ ХВАТИТЬ. Дай бог,

если хватит. Буду искренне и глубоко рад. А если не хватит?

И ПОЧЕМУ ВООБЩЕ НУЖНО СТАВИТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ (А ЗНАЧИТ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ) КОНСТРУКЦИЮ В ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ФАКТОРА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ? Что это за конструкция такая? Кто её выдумал? Какой бес попутал?

Фактор #2 — балансировка выбранной конструкции в принципиально новых условиях. Ну, попутал бес и попутал. Попережи-вали по этому поводу, забыли. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Оглянулись вокруг себя, протрезвели... И поняли, что осуществлять ответственнейшее политконструирование, ставя всё в зависимость ТОЛЬКО от фактора межличностных отношений, как-то несолидно. Но что тогда делать?

Конституция Российской Федерации, созданная Ельциным и дополнительно модифицированная Путиным, носит ультрапрезидентский характер. По мне, так это хорошо. Чем ближе конструкция к абсолютистской — тем лучше. И не потому, что мне дорог этот абсолютизм сам по себе. А потому, что именно он даёт шансы на контррегрессивную мобилизацию. А распределённая демократическая система таких шансов не даёт. Для благополучных стран она близка к идеальной. Но благополучия-то нет и в помине (смотри выше).

Поскольку власть построена так, и менять её незачем (а иначе за что ПО СУТИ, А НЕ ПО ФОРМЕ сидят в тюрьме некоторые ревнители парламентаризма в России?), то пост президента РФ (между прочим, почти царя) весит... ну, скажем, аж одну тонну (тысячу

килограммов). А пост премьера (как, впрочем, и любой другой пост) весит в лучшем случае килограмм. То есть в тысячу раз меньше.

Если конструкцию надо строить не только на межличностных отношениях, но и на чём-то другом, то необходима балансировка. На одной чаше весов — гиря в тысячу килограммов. А на другой — один килограмм. А надо уравновесить чаши. Как их уравновесить? Положить другие гири! Причём так, чтобы они весили ровно 999 «политических килограммов». Что это за гири? Конечно, это авторитет Путина в обществе и элитах. Его разного рода социальные капиталы. И многое другое. И всё это, конечно, очень весомые гири. Но... как бы это сказать... Они из быстро тающих материалов. Скажем так, изо льда. Слепящее солнце... Гири тают. Ба-

ланс теряется. В каком-то смысле, «операция «Снегурочка»».

Значит, нужны какие-то нетающие, институциональные, собственно системные «гири». Причём весом ровно 999 килограммов. То есть гири чудовищные. Что это за гири?

Выясняется, что главная и может быть единственная из таких «гирь», — это правящая партия с конституционным большинством. Если возглавить эту партию и не упустить административный ресурс, то есть соединить руководство партией с постом премьер-министра, то можно попытаться уравновесить неуравновешиваемое — пост президента и пост премьера. Замысел настолько очевидный, что дальше некуда.

И абсолютно решающий в плане ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ТЕНДЕНЦИИ. Той тенденции, от которой зависит всё.

Между тем, тенденция была до сих пор неоднозначна. Можно ведь было трактовать всё происходящее и иначе. Мол, президенту Путину надоела власть. Он просто хочет уйти. Но уйти он хочет так, чтобы преемник успел простроить новую преемственную властную систему. Для этого надо успокоить умы. Путин делает это, становясь премьер-министром или заявляя о желании стать таковым. Умы успокаиваются, преемник получает элитную и аппаратную (главное — элитную!) фору... А потом В.Путин уходит. Так или иначе, но уходит. Кто только об этом не говорил!

Если бы это было так, то все мои рассуждения о том, что «бес попутал», не стоили бы и ломаного гроша. Путин в этом случае сделал точно то, что хотел. И если он правильно выбрал преемника, то в чём, собственно,

дефект? Суперпрезидентская республика сохраняется, преемственность курса сохраняется, единоначалие сохраняется... Мало ли что ещё сохраняется! А раз всё это сохраняется — зачем нужны третьи, четвёртые и пятые сроки? Издержки понятны, приобретения — сомнительны.

15 апреля 2008 года ВСЁ СТАЛО, НАКОНЕЦ, ЯСНО. Если бы В.Путин (в чём его, повторяю, подозревали многие) хотел просто плавно передать власть, он не становился бы председателем правящей партии с конституционным большинством. При том, что на съезде этой партии ВСЕ ГОВОРЯТ О ПРЕМЬЕРСТВЕ ПУТИНА КАК ОБ АБСОЛЮТНОЙ НЕСОМНЕННОСТИ.

Понятно, что абсолютной несомненности в политике вообще не бывает. Она возникает только в момент выхода соответствующих

документов. Вплоть до этого момента всегда идёт политическая борьба с непредсказуемым результатом. Но вероятностный-то метод это не отменяет! Каждое новое заявление о том, что Путин будет премьером, повышает вероятность того, что он им станет. На настоящий момент вероятность уже крайне велика. И отказ от премьерства был бы воспринят крайне резко даже в нынешнем безразличном российском обществе.

Если бы Путин хотел побыть премьером только для того, чтобы завершить плавную передачу власти, он не становился бы главой партии власти. А он им стал. Причём в ускоренном порядке, ещё до назначения премьером. Значит, партия рассматривается им как фактор балансировки.

А раз нужна балансировка, значит, уже нет ставки ТОЛЬКО на межличностные от-

ношения. То есть ставка на отношения ещё есть. И она носит решающий характер. Но уже нет, повторяю, ставки ТОЛЬКО на отношения. И это правильно. Не потому, что кто-то сомневается в отношениях. А потому, что ставка ТОЛЬКО на отношения слишком романтична, а значит, политически несерьёзна.

А если всё это так, то, повторю, В.Путину и опирающимся на него элитным группам ТЕПЕРЬ нужна партия «Единая Россия» как ФАКТОР БАЛАНСИРОВКИ. Та же самая партия «Единая Россия» РАНЕЕ в этом качестве не нужна была ни Путину, ни пропутинским элитам. А нужна она была им (а) как электоральный фактор и (б) как фактор исполнительский (политически-сервисный).

Партия как сумма электорального и политически-сервисного фактора — это и есть метафорический «зайчик» из нашей притчи.

Партия как фактор балансировки — это метафорический «ёжик» из нашей притчи. «Зайчикам» приказано срочно переделываться в «ёжиков» в связи с возникшей необходимостью введения фактора балансировки в новую политическую игру. Необходимость же эта возникла потому, что «бес попутал».

А как «зайчикам» переделываться в «ёжиков»? И будут ли они в них переделываться? Это и есть основной вопрос. Можно, конечно, продолжать размышлять о развитии, как бы не обращая внимания на то, что происходит на собственно политической сцене. Но это означает, что наши размышления становятся философским эссе, а не концептуальной аналитикой. Для того же, чтобы они остались оной, надо связать развитие с острейшими коллизиями собственно политического процесса, что я и пытаюсь делать.

Фактор #3, возникающий в ходе этого самого политического процесса, можно назвать «фактором капитализации». Если бы Путин пошёл на третий срок или ушёл, оставив всю полноту власти Медведеву, то партия «Единая Россия» имела бы «зайчиковую» капитализацию... ну, скажем, в миллиард условных политических долларов.

А в условиях необходимости балансировки та же партия «Единая Россия» получает «ежиковую» капитализацию... ну, условно, в триллион тех же политических долларов. Капитализация возрастает в тысячу раз.

Эта коллизия ещё не полностью дошла до сознания многих конкретных «зайчиков». В том числе, и высокопоставленных. Но, во-первых, коллизия может не только внятно осознаваться (артикулироваться). Она может ещё и ощущаться. Если она кем-то и не

осознаётся, то она всеми ощущается. И, во-вторых, она существует независимо от чьих-то осознаний и ощущений. Она просто парит над головами осознающих и ощущающих в качестве новой странной политической (а на самом деле и чуть ли не исторической) необходимости.

Что вызывает эта необходимость в мозгах и душах — не знаю. Но на лицах можно прочитать различные комбинации растерянности и восторга. У кого-то это растерянный восторг. У кого-то восторженная растерянность. Но нечто подобное наличествует у всех. По крайней мере, мне кажется, что я улавливаю реальную, плохо формализуемую тенденцию, а не предаюсь абстрактным фантазиям.

IX съезд «Единой России» не понимал до конца, что ему уготовано. Но он понимал, что ему что-то уготовано! И смутно ощу-

щал, что это «что-то» связано с необходимостью превращаться из «зайчиков» в «ёжиков». Необходимость в политическом смысле была очень невнятной. Всё вообще было очень, очень, очень невнятно именно в политическом смысле.

Сначала говорилось, что у «Медведя» (он же «ЕР») «не будет никаких крыльев». Потом возникли клубы, хартия. Так будут «крылья» или не будут?

Сначала говорилось, что и Путин, и Медведев войдут в «Единую Россию». Потом оказалось, что Путин возглавил партию, не войдя в неё, а Медведев поблагодарил за честь и, по сути, отстранился. «Что день грядущий нам готовит?»

Игрался гимн, а в ушах в каком-то смысле звучало именно это.

Кому не понравится, если за один день ка-

питализация акционерного общества, в котором у тебя есть доля, повысится с миллиарда до триллиона? Отсюда — восторг. Точнее — смутная, пульсирующая восторженность...

Растерянность же была родной сестрой этой восторженности, её политическим близнецом.

Ведь никто не знал, что значит переделаться из «зайчиков» в «ёжиков» и можно ли переделаться.

Никто (или почти никто) не готовил себя к такой взрывной и загадочной «рекапитализации». Даже в бизнесе получить на руки сумму, в тысячу раз большую, чем ожидал, в каком-то смысле «напряжно». А уж в политике... Чем это кончится? Удастся ли удержать партию от раскола? Не последует ли за подобным бумом дефолт? Не окажется ли партия политической «пирамидой»?

Во-первых, колоссальная и почти невыполнимая задача немедленного превращения партии из электорально-сервисного фактора в фактор баланса не была чётко сформулирована. Она и не могла быть чётко сформулирована. На съезде выступали оба политических лидера. Отношения между ними были явным образом глубоко дружественными. Как можно было в подобных условиях формулировать такую задачу сколь-нибудь внятно?

А задачи такого рода без внятных формулировок до сознания вообще не доходят. «То ли дождик, то ли снег... То ли будет, то ли нет».

Во-вторых, чёткий перевод проблемы на язык этого самого «фактора баланса» был бы, по сути, почти крамольным. И в любом случае дышал бы никому не нужным политическим риском. Вот и мне, например, со-

вершенно не хочется переводить проблему на этот язык. Но поскольку её уже перевели на этот язык реальными действиями — то как оставить эти действия без осмысления? Оставишь — опять же вместо концептуальной аналитики возникнет философская эссеистика. Словом, я всё же осмысливаю реальность. Мне бы хотелось, чтобы реальность эта не сдетонировала. Но от того, что я не буду её осмысливать, риск детонации не станет меньше. В каком-то смысле, даже наоборот.

Итак, если вводится в игру фактор баланса, то приходится рассматривать его в собственно политическом измерении. В данном виде он означает, что президент может ВПОЛНЕ ПРАКТИЧЕСКИ отправить правительство в отставку и распустить Думу. Это его конституционные прерогативы. И Ельцин их прорабатывал безумно подробно. Он ничто

другое не прорабатывал. Но это прорабатывал «от и до».

Дума может ТЕОРЕТИЧЕСКИ объявить президенту импичмент. Ельцин понимал, что без этого Конституцию не нарисуешь. Но он сделал всё возможное, чтобы затруднить эту процедуру. Каких только он рогаток не понаставил на данном пути. Всё, что мог, сделал, чтобы этому воспрепятствовать.

Короче, баланс между президентом и парламентом — принципиально не равновесен и недоопределён. В политике все неравновесные и недоопределённые балансировки (а также все балансировки не до конца равновесные и недоопределённые) чреваты чрезвычайщиной того или иного типа. Президент что-то сделал... Парламент что-то сделал в ответ (или наборот)... Вроде и одна сторона права, и другая... Кому решать? Известно,

кому. В 1993 году мы все это проходили!

Вы только вдумайтесь: всё, чего хотела страна, идя на последние думские и президентские выборы, — это спокойствия. Она не хотела нового 1993 года в качестве даже одно-процентной возможности. Она никакого развития не хотела. Она хотела, чтобы не было перемен. Хотела предельной устойчивости. И вдруг, откуда ни возьмись — неустойчивость. Пока ещё это только призрак неустойчивости. Но даже о нём думать не хочется!

И никаких рисков не хочется! Никому не хочется! Но этой самой электорально-сервисной системе, именуемой «партия», рисков не хочется больше, чем кому бы то ни было. Даже если они связаны с совершенно новой капитализацией. А её тянут, тянут, волокут в эти риски! Причём невнятно, неявно.

Элита страшно предрасположена к кон-

фликтам. Она «конфликтизируется» по любому, даже минимальному, поводу. Возникли две кремлевско-электоральные наработки — «Единая» и «Справедливая Россия». Ясно было, что альтернативность этих наработок имитационная, периферийная. Но даже этой имитационной периферийности хватило для того, чтобы в регионах начались серьёзные элитные конфликты.

А тут начинает маячить нечто совсем другое. Повторяю — это маячит крайне призрачно. Говорю без всякой иронии: «Да минует нас чаша сия». Но это же маячит! Если возникает фактор баланса — вместе с ним сразу приходит этот самый призрак. И начинает бродить, бродить.

Сначала он бродит по периферии страны. Можно разными способами понимать конфликт Кадырова и Ямадаевых в Чечне. И

есть основания надеяться, что это, так сказать, случайное облачко, а не предгрозовая туча. Но можно всё рассматривать и под другим углом зрения. Потому что у Ямадаевых есть элитный бэкграунд, и он известен. И элитный бэкграунд Кадырова в целом понятен.

После 2 марта 2008 года (а, в общем-то, с самого начала 2008 года) Кадыров сделал одну московскую политическую ставку. Одну и только одну. Иначе и быть не могло. Кадыров по своему положению в Чечне не может делать сразу несколько московских ставок. Его просто не поймут. Теперь через Ямадаевых ему намекают, что ставка сделана не вполне корректно. И что ему делать? А также всем остальным?

Призрак ещё не успел соткаться из политического воздуха, а всё это уже началось.

Но для того, чтобы призрак соткался, — не нужно нескольких лет. Достаточно нескольких месяцев.

Во всей этой череде острейших перипетий (как состоявшихся, так и маячащих на политическом горизонте) важнее всего всё же именно переформатирование «Единой России» на IX съезде. Оно важнее всего по факту. Но оно вдобавок важнее всего для нас, если мы хотим сопрягать собственно политическую коллизию с темой развития.

А ведь мы хотим это делать, не так ли? Но есть ли для этого какая-то возможность? Представьте себе, она есть. И она полностью укладывается в метафору «зайчиков — в ёжиков!».

Политическому истеблишменту не сформулировали новую задачу баланса. Но ему сказали, что он должен в принципе переде-

лываться. Переделываться через эти самые клубы и хартию... А главное — через форум «Стратегия 2020», который предварял съезд. По мне, так незримым лозунгом форума было именно «даёшь ёжиков!». А вот что из этого получилось...

7

Переделать животное «заяц» в животное «ёж» может либо эволюция, либо генная инженерия. А не само животное. Но человек-то ведь не животное... В каком смысле?

Теперь уже неопровержимо доказано (Конрадом Лоренцем и другими), что животные способны на солидарность, сострадание, взаимоподдержку и даже любовь. Так столь ли принципиально их отличие от человека?

Волк может съесть зайчика, но не может

съесть камень. Человек может синтезировать пищевые продукты из неорганических материалов. Для волка граница между съедобным (зайчик) и несъедобным (камень) фатальна и непреодолима. Суть человека — в отрицании любой фатальности и в попытках перешагнуть любые границы. Человеку дано это стремление к трансцендентному и эта способность. Он платит за неё огромную цену. (Животное, например, не знает, что оно смертно, а человек — знает).

Если человек потеряет эту способность к самотрансцендентации, отделяющую его от всего остального, — ему конец. Он или превратится в «больного зверя», или потеряет живую жизнь и станет «антропокуклой» (машиной, роботом).

Компьютеры — и те уже скоро превратятся в саморазвивающиеся системы. А человек

всё топчется у порога... В простейшем случае — у порога своих же собственных «резервных возможностей». Топчется, побаивается и... лишь в исключительных (экстремальных, катастрофических) ситуациях кое-кто из представителей рода человеческого рискует обратиться к своим резервам. Но ведь эти резервы есть у всех!

«Поднимайся в небесную высь,
Опускайся в глубины земные...»

Спору нет, дело важное. Но есть и территория этих самых резервных возможностей. Научитесь регулярно и осмысленно посещать её — и потенциал человечества увеличится многократно. Так ведь нет — «в час по чайной ложке». Ах, мобильный телефон... Ох, интернет... Боится человек, топчется у этого самого «порога резервности».

А ведь есть и более сложные пороги! В их

числе — порог самотрансцендентации.

У вас есть разного рода «заданности». Но вы — личность, и вам дано преодолевать оные. Воспользуйтесь!

Вас «просчитали»... Определили эти самые заданности и «загоняют в угол»... Но если вы вышли за границы заданностей, то все просчёты — псу под хвост, и вы победили.

Человек, смирившийся со своими заданностями, — это антропос.

Человек, преодолевающий заданности, — это Человек с большой буквы. Иначе — настоящий человек. «Повесть о настоящем человеке» — отнюдь не тривиальна. Маресьев преодолел заданности и вернулся в строй. Сотни столь же героически, как и он, воевавших людей, — кончали свой земной век в артели для инвалидов. «Хомо политикус» — он ведь ещё

и «Хомо». Если он только «Хомо политикус», тогда «пиши пропало». Тогда не пытайтесь преобразовывать «зайчиков» в «ёжиков». Хотите иметь вместо «партии зайчиков» «партию ёжиков» — переберите людишек... Наберите «ёжиков», уберите «зайчиков», научитесь выявлять этих «зайчиков» раньше, чем они вас сдадут. А они на то и «зайчики», чтобы сдавать.

Это простейший и наиболее адекватный путь.

Но в принципе есть и другая, проблематичная, но возможность.

Она, возможность эта, и впрямь проблематична до химеричности. Как говорил один мой знакомый: «Я не нанимался переделывать пятидесятилетнего матёрого элитария, прошедшего сложнейший жизненный путь». Я, возражая, напомнил о превращении Савла

в Павла. Знакомый мой мгновенно отреагировал: «Вот-вот! Пусть это делают те инстанции, которые задействованы в Вашем примере. А я, извиняюсь, только человек».

Он был, конечно, прав. Но не до конца. Ибо между его констатацией принципиальной невозможности переделывания личностей и социальных систем, и превращением Савла в Павла, — есть нечто и фундаментальное, и собственно человеческое.

Внутри этого «нечто» человек способен на рукотворное чудо.

Неудачник превращается в победителя, раб — в борца, трус — в героя, растерянная толпа — в армию-освободительницу. Это и называется «перейти из царства необходимости в царство свободы».

Внутри каждого человека есть оба этих царства. И он сам может перейти из одного

в другое. А раз это может человек, то может и человечество. Это «может» и увлекло за собой Россию в 1917 году. «Может» ли? А если не «может», то какой смысл говорить о свободе воли?

Есть точка зрения, согласно которой кто-то «может», а кто-то нет. Мол, люди антропологически, онтологически, даже метафизически неравны друг другу. Причём ФУНДАМЕНТАЛЬНО неравны. Есть звероподобные антропосы (гилики). Есть антропосы чуть более сложные (психики). А есть подлинные люди (пневматики).

Эта точка зрения никак не сводится к гностической ереси. Она древнее канонического гностицизма и гораздо разнообразнее. Говорить об истоках тут весьма трудно. След тянется в глубочайшую древность. Есть потаённое подполье, хранящее этот «чёрный огонь».

И время от времени огонь этот вырывается на поверхность.

Последний раз он вырвался в 1933 году. Речь шла буквально об этом самом фундаментальном неравенстве. Никак не сводимом к расовому. Орденский фашизм был намного сложнее. «Это» удалось изгнать и «опечатать» с помощью советского воинства и советской альтернативной проектности.

Потом спасителя приравняли к погубителю. И «исключили из истории». А затем встал вопрос о «конце истории». И «это» — в новом обличье — стало заигрывать с потерявшим память и погружённым в сладкий кайф человечеством. На сей раз «это» стало называть себя «глобализацией».

Глобализация... «Зайчикам», преобразующимся в «ёжиков», нужно было обнаружить в себе амбиции (державные и прочие

разные) и отнестись к данному непростому феномену.

Один из участников дискуссии на форуме «Стратегия 2020» заявил: «Спорить с глобализацией всё равно, что спорить с законами всемирного тяготения. Глобализация объективна. Она является неснимаемым контекстом для всех... В глобализации нет никакой благости. Кто-то прорвётся в высшие лиги, а перед кем-то двери закроются навсегда. И именно навсегда. При этом кого-то не просто оставят за дверью... А жёстко отрегулируют».

Оставят за дверью... Н-да... А если у них амбиции?

«Стояли звери
Около двери.
В них стреляли -
Они умирали».

Амбиции... Секция форума «Стратегия 2020», в работе которой я участвовал, называлась «Глобальный мир: АМБИЦИИ суверенной России».

Так в чём амбиции? Один участник обсуждения предъявляет некий неумолимый рок в качестве контекста амбиций, другой — не без внутреннего трагизма возражает ему: «Я не хочу самоопределяться в рамках такого контекста, заданного в качестве фатума! Я не хочу жить в мире, где ЭТО будет происходить!»

Сказавший так заявил некий масштаб амбиций.

А его оппонент, улыбнувшись в ответ на данное восклицание, эти амбиции... Ну, как бы это помягче сказать... Проигнорировал... В самом деле, если «это», названное глобализацией, объективно, то при чём тут амбиции?

Кого интересует это твоё «не хочу»? Ну, не хоти!

История, однако, свидетельствует в пользу амбиций. В Древнем Риме нашлась одна амбициозная группа, сказавшая «так я жить не хочу». «Христиане» назывались. Потом эта группа — и «грохнула» Древний Рим, и одновременно парадоксальным образом спасла его, предложив человечеству другой мировой проект. А разве большевики не сделали то же самое?

Человек и фатум (он же «необходимость»)... Не в пространстве ли между этими двумя противоположностями размещена вообще проблема «амбиций» (она же «из зайчиков — в ёжиков», и так далее)? И как, не обсудив проблему амбиций вообще, обсуждать амбиции России?

Предположим, что глобализация — объек-

тивная необходимость... Но несовместимая с жизнью России. В чём тогда амбиции России? Согласитесь, вопрос не лишён актуальности! Ответ же на него очень зависит от того, каков в принципе статус амбиций как таковых. Как они соотносятся с необходимостью?

В той мере, в какой человек не антропос только, а Человек, он никогда не капитулирует НИ ПЕРЕД КАКОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ. Не в этом ли глубинный смысл гегелевской фразы, повторённой Марксом: «Свобода есть познанная необходимость»?

Из сути творчества Маркса ясно, что смысл отнюдь не в том, что, мол, «познали и успокоились». Нет, познали — и преодолели необходимость. Победили её. В каком-то смысле — изгнали... В каком смысле? Тут опять надо размышлять об амбициях. Я уже предлагал в этом плане подумать о нетри-

виальности утверждения: «Философы лишь различными способами объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить». А ведь стоит соотнести эту нетривиальность с утверждением о «познанной необходимости», которая вдруг оказывается свободой. А также с односмысленным к этому «из царства необходимости в царство свободы»...

Нет, не признаёт Человек никакого рока, в том числе и рока необходимости (то бишь этих самых «объективных законов»). Да, он будет эти законы познавать. Но лишь для того, чтобы преодолевать. «Что? Вселенная сначала расширяется, а потом начнёт схлопываться и всё кончится? А у нас амбиции! Мы за оставшиеся миллиарды лет найдём способ этому помешать! Что? Температура во Вселенной должна выравниваться? Второй закон термодинамики, энтропия? Всё остынет,

жизнь прекратится? А у нас амбиции. Мы сознательно будем разогревать Вселенную, взрывая звёздные системы! Что? Наше Солнце скоро погаснет? А у нас амбиции! Мы зажжём новое Солнце!»

Человек фундаментально амбициозен... А мир?

Уже не только так называемые «паранормальщики», а серьёзные учёные говорят об амбициозности и странности мира. О том, что царство энтропии (оно же — царство статистических закономерностей, а значит, между прочим, и рынка), конечно же, существует, но... В общем, не одно оно существует. Есть отклонения от пресловутого статистического «нормального закона». Они связаны с фактором воли. События, модулированные волевой амбициозностью, случаются чаще, чем положено по этому самому нормальному зако-

ну, царствующему на территории энтропии. А значит, есть территории так называемой «странности». Астрофизики говорят о «щелях странности».

Человек — высшее выражение амбициозности Формы. Это она, будучи когда-то ничем, хочет стать всем. Религиозные люди называют мир форм — Творением. Амбиция Творения — это амбиция Формы (самосовершенствование структур, контрэнтропия).

Человек венчает Творение лишь постольку, поскольку является экстремумом подобной амбициозности. А также экстремумом Формы. Разум — самая сложная из структур. И самая амбициозная.

Уберите амбициозность (причём не амбициозность вообще, а именно экстремальную) — и что останется?

Глобализации плевать на ваши амбиции,

потому что она столь же объективна (то есть необходима), как и законы гравитации?

Объективна ли она — это отдельный вопрос. И между прочим, очень серьёзный. Но предположим, что она так же объективна, как законы гравитации — и что?

Человек познал законы гравитации как необходимость — и эту необходимость преодолел. Для того и познал, чтобы преодолеть. Суть человека в амбициозности. А суть амбициозности именно в этом: познать и преодолеть. Сначала человек бился в эту необходимость, как бабочка в стекло. Падал, смотрел на птицу. Не понимал, почему она летать может, а он нет. Сочинял миф об Икаре. Потом разобрался, что к чему (неумолимый закон гравитации). А потом открыл законы аэродинамики, то есть нашёл «щели» в его неумолимости. И полетел.

Человек открывает законы затем, чтобы себя раздразнить. Закон говорит: «Ну, теперь-то ты понял, что этого, этого и этого нельзя сделать по таким-то объективным причинам?» Человек отвечает: «Понял!» И тут же начинает думать о том, как превратить «нельзя» в «можно».

Так они и «бодаются»... Человек и Объективный Закон.

Достоевский очень точно это описал, рассказав о фортепьянной клавише. В рассказе этом русское начало открывает что-то человечеству о своей сути (ну, не фортепьянная клавиша человек... ну, не даст он на себе играть этим самым законам природы... не даст, и всё тут). Сказав что-то всечеловечески значимое, русское начало только через это и открывает само себя. И не абы как, а именно как амбициозный экстрим.

Объективность есть. Возражать против этого глупо и смешно. Недаром романтизм так густо настоян на инфантильности. Нет, возражать можно только против АБСОЛЮТИЗАЦИИ объективности. Да и то примерно так, как это делал Василий Иванович Чапаев: «Психическая, говоришь? Хрен с ней, давай психическую!» «Объективная глобализация, говоришь? Хрен с ней...» Даже если и объективная, то всё равно «хрен с ней».

Но ты ещё докажи, что не врёшь. Что она и впрямь объективная. Ты нас объективностью в любом случае не стращай — это первое. И ты вообще-то не стращай, а доказывай — это второе. Доказывай, откуда берётся фатум необратимой глобализационной дифференциации, согласно которому кто-то пройдёт в какие-то двери, а кто-то нет. А потом эти двери раз и навсегда захлопнутся... Почему

это они так захлопнутся?

Проект Модерн такого захлопывания КАТЕГОРИЧЕСКИ не предполагал. Так значит, глобализация — это уже не модерн? А что это? Другой проект? Назови — какой. А заодно признай, что если это проект, то об объективности (безусловном выполнении неких закономерностей) говорить не приходится. Гравитация — это не проект. А вот фашизм — проект.

Если глобализация — это проект, то надо разобраться, чем подлинное отличается от семантического прикрытия.

Ведь уже часто и откровенно говорят о том, что нет «глобализации», а есть «глокализация» (то есть соединение наднациональных интеграций с дроблением наций на этносы, субэтносы и племена). Но и «глокализация» не окончательное имя. Что под этими

масками?

Под ними — очень знакомая и, мягко говоря, отвратительная харя так называемого «многоэтажного человечества». Причём человечество должно быть не просто многоэтажным (кто-то живёт в квартире-люкс на пятом этаже, а кто-то в грязном подвале). На этот раз допуск с одного этажа на другой должен быть закрыт окончательно. И именно НЕПРЕОДОЛИМЫМ образом.

А те, кому не нравится, что двери заперты раз и навсегда? Им что-то надо объяснить? Что? Что они не люди, а звери. И потому стоят у двери. А если начнут ломиться, куда не положено, и «возникать», то их будут убивать. Причём именно как зверей («Почти как люди», — сказал когда-то Клиффорд Саймак, описывая нечто, похожее на управляемый регресс, запущенный на нашей территории и на-

званный «реформами»).

Подобное объяснение называется легитимацией фундаментального человеческого неравенства. Как его легитимировать — известно. И вряд ли тут будет изобретено что-нибудь новое. «Гилики, психики, пневматики»...

А если и возникнут другие слова, то они окажутся лишь семантическими прикрытиями, то бишь масками. И очень скоро маски будут сняты. А то, что за ними, обнажит свою — именно фундаментально фашистскую — суть. А какую же другую? У фашизма был его — вглубь веков уходящий — гностический и прагностический предок. Теперь появляется потомок. Но линия-то одна.

Человечество может быть единым (и в этом смысле антифашистским) лишь до тех пор, пока у него есть определённый гра-

дус амбиций. Называйте этот градус амбиций «общим делом» или как-то иначе — суть от этого не меняется. То, что нужно свершить, согласно амбициозности замысла, не под силу отдельному человеку или малым человеческим группам. Это не под силу даже отдельным нациям и странам, которые могут обозначить замысел и возглавить процесс, но не могут осуществить его в одиночку. Нет, нужен потенциал всего рода человеческого. И этот потенциал надо наращивать. Ибо амбиции! Да ещё какие — ПРЕДЕЛЬНЫЕ!

Как только такие предельные амбиции исчезают (а это не раз бывало в истории), возникают все классические фашистские вопросы: «А зачем так много людей? Зачем их всех развивать, в том числе помимо их воли? Будет ли им лучше в условиях развитости? Заслуживают ли они этого? Почему во имя этого

развития надо создавать новую социальную структуру общества? Прежняя не справляется? А зачем вообще развитие, если нет амбиций? В чём наше единство с плебеями? Зачем им надо больше платить? Зачем их учить и лечить? Зачем им вообще коптить небо, если они плебеи?»

Либо — проект «амбициозное человечество», либо — проект «многоэтажное человечество». Третьего и впрямь не дано.

Причём градус амбициозности поднять не просто. Человечество ещё должно зажечься этими самыми предельными амбициями. Если не зажжётся — рассуждай об амбициозности в башне из слоновой кости. Ты будешь сам по себе, человечество — само по себе.

Последний раз огонь гуманистических амбиций удалось зажечь с помощью коммунистического проекта. А в противовес такому

(красному) огню и был зажжён огонь чёрный (то есть фашистский).

Победа коммунизма над фашизмом не была окончательной. Можно ли вообще победить окончательно силы, стремящиеся погасить огонь амбициозности в человечестве — это отдельный вопрос. Но то, что в 1945 году враг отступил весьма организованным образом и вскоре начал контрнаступление, вряд ли требует развёрнутых доказательств.

Для реванша врагу нужно было (а) свернуть амбиции внутри коммунистического проекта (подмена коммунизма социализмом и так далее) и, (б) погасив коммунизм как источник амбиций, начать нашёптывать остывшему человечеству все заезженные фашистские вопрошания. Они же — глобализация (или Четвёртый рейх).

Тут главное было — погасить предельные

гуманистические амбиции.

Кто-то скажет, что у тех, кто прочит себя в пневматики, есть свои амбиции. Да ещё какие! Я не согласен. И утверждаю, что предельных амбиций у пневматиков нет. А раз нет предельных, значит, нет никаких.

В самом деле, какие у них амбиции?

Отделиться от всего остального человечества? И что дальше? Они соединятся с какой-то, проблематичной по качеству, надчеловеческой сущностью? Но это не амбиции! Это желание быть привилегированным слугой этой сущности.

Они уничтожат мир? Это более серьёзно. Но тоже никак нельзя назвать амбициями высшего разряда. Потому что потом они во что-то вольются. И ясно, что в весьма неамбициозной роли каких-то там «искр» в каком-то там «высшем».

Предельная амбиция может заключаться только в том, чтобы преодолеть любую заданность, любой рок и любую необходимость... «...Духом окрепнем в борьбе, в царство свободы дорогу...» А что, не так? Докажите! Но только без обычного юродства — «совок», репрессии, пустые прилавки... Коммунизм зажёг огонь предельных амбиций? Да или нет? Этот огонь победил фашизм? Да или нет? И опять же, пожалуйста, без юродства вокруг темы второго фронта и лендлиза...

Но если так, то в чём метаисторический смысл? Коммунизм и фашизм — исторически обусловленные феномены. Каков конфликт предельных сущностей, имеющих метаисторический смысл? И что это за сущности?

Одна из них — конечно же, гуманизм. Поскольку это имя «зализано» и опорочено одновременно, то тут нужны какие-то прилага-

тельные. Ведь у нас уже и некоторые церковные лидеры стали крайне пренебрежительно говорить о гуманизме...

Сила гуманизма в том, что он может быть и светским, и религиозным. Он может иметь разные религиозные выражения и оставаться собой. Вы можете сказать, что «Человек — это звучит гордо!», рассказать «О настоящем Человеке», — или сказать о человеке как венце Творения. Суть — в амбициях.

Однако гуманизм в XX веке (и особенно во второй его половине) очень сильно девальвирован. Подменён жалостливыми сюсюканьями, разменян на частности. Поэтому, видимо, не лишним будет добавить к слову «гуманизм» ещё один атрибут, который в принципе от него неотделим. И говорить не о гуманизме вообще, а об АМБИЦИОЗНОМ ГУМАНИЗМЕ.

Коммунизм и был историческим проявлением данной метаисторической сущности. Он спасал её в момент, когда огонь классического Модерна начал угрожающе угасать. Уловить катастрофичность этого угасания можно, прочитав подряд два романа Золя — «Дамское счастье» и «Жерминаль». И сопоставив прочитанное с нашей действительностью.

Итак, по одну сторону баррикад был амбициозный гуманизм в его исторически обусловленном качестве. А по другую сторону?

По другую сторону был фундаментальный антигуманизм. Фашизм — это лишь исторически обусловленная ипостась данной метаисторической сущности, проникнутой глубочайшим презрением ко всем человеческим амбициям (возможностям и готовностям). А также презрением к чему-то большему («Тво-

ренье не годится никуда», — сказал Мефистофель).

С незапамятных времён и до тех пор, пока человечество, сохраняя амбициозность, остаётся Человечеством с большой буквы, будет продолжаться вечный бой между теми, кто несёт через все разочарования и тяготы огонь собственных амбиций, и теми, кто этот огонь хочет погасить. И враг знает: главное — погасить этот самый огонь. И всё будет «тип-топ». Сразу появятся и фюрер, и рейх, и вся прочая ДЕГУМАНИЗАЦИОННАЯ МЕРЗОСТЬ.

Проект «многоэтажное человечество»... Ахи и охи по поводу объективности глобализации как триумфа неравенства... Что в самой сердцевине этой «психической», к которой так точно отнёсся Василий Иванович Чапаев? В сердцевине — проект фундаментальной и необратимой ДЕГУМАНИЗАЦИИ

этого самого человечества. Это, и только это.

Нельзя разделить человечество непреодолимыми перегородками фундаментального неравенства, — и не дегуманизировать его. И нельзя дегуманизировать человечество, не создав коллизии фундаментального непреодолимого неравенства, легитимированного всем, чем угодно — онтологией, антропологией, метафизикой, наконец.

В ответ на специфическое воспевание глобализации на форуме «Стратегия 2020» было сказано: «Я не хочу жить в таком мире!» Оставалось добавить — в каком. В МИРЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ДЕГУМАНИЗАЦИИ.

Этот мир предопределён? Он объективен, как законы Ньютона? А почему это? В силу каких новых знаний о человеке? Но даже если вы считаете этот мир объективным — на-

зовите подлинное имя: ДЕГУМАНИЗАЦИЯ. Назовите это имя, а не сюсюкайте! И тогда многое встанет на свои места.

Возникнет серьёзный разговор о судьбе гуманизма в XXI столетии. Чуть-чуть яснее станет, почему ДАЖЕ СЕЙЧАС, после краха СССР и всего остального, что было связано с коммунизмом как проявлением гуманистических амбиций в XX столетии, так яростно борются с тем, что может об этих амбициях напомнить.

Яснее станет и то, что такая борьба в её предельном выражении всегда носит гностический (или, если хотите, парагностический) характер. Что суть её в том, чтобы дискредитировать любые предельные амбиции гуманизма, в каком бы историческом обличье они ни предстали.

Яснее станет и «общий знаменатель» раз-

ных форм борьбы с коммунизмом как проявлением амбициозного гуманизма. Потому что различия этих форм являются лишь способом сокрытия этого самого «общего знаменателя». Пробейтесь от видимости, с её кажущимся многообразием, к сути — и многое станет ясно.

С амбициозным гуманизмом боролись, говоря, что коммунизм и фашизм — это одна и та же гнусность под названием «тоталитаризм».

С ним боролись, выворачивая данное лживое уравнение наизнанку и утверждая, что коммунизм и фашизм — это два «благих» брата-близнеца.

Да мало ли ещё как воевали гностики, стремящиеся девальвировать человеческие амбиции (и развитие как их порождение), с коммунистами, стремившимися ре-

вальвировать эти самые предельные человеческие амбиции!

Главный же метод борьбы — замутнение всего и вся. Нет в сегодняшнем общественном сознании ясной картины, в которой «либо-либо». Либо новый огонь предельных амбиций, — либо Четвёртый рейх. Либо реваль-вация гуманизма, — либо его девальвация. И в этом замутнении наиболее циничные провокаторы доходят до отождествления коммунизма с гностической ересью. «Психическая, говоришь?»...

Антигностический пафос коммунистов — СЛИШКОМ ОЧЕВИДЕН.

Антикоммунистический пафос гностиков — тоже.

Неоднократно говорилось о том, что «Мастер и Маргарита» Булгакова — величайший гностический роман XX века. Согласитесь,

отрицать гностический дух данного романа, мягко говоря, некорректно. Но если всё обстоит так, то понятно, откуда взялись «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Писатель сам называл себя «чёрным сатириком».

Чёрная сатира всегда была средством разрушить то, на что она направлена. Сейчас это назвали бы «чёрным пиаром». На что была направлена та чёрная сатира, тоже понятно. На метафизический коммунизм. На Богданова с его «Тектологией» и богостроительством. На концепцию нового человека и нового гуманизма. На Пролеткульт с его индустриальной метафизикой, призванной выдвинуть концепцию форсированного развития, альтернативную классическому модерну.

Чем это закончилось, тоже знаем. Это закончилось погаными словечками «совок» и «шариков». Словечки эти взяла на вооруже-

ние перестройка. В изящном виде слово «совок» было модифицировано Зиновьевым и превращено в «homo soveticus». В конечном счёте, всё это атаковало уже не только коммунизм и его метафизические (небезусловные, кто спорит) модификации, но и просто русского человека, принявшего мерзкую (понятно чью) «красную веру». Это его назвали «шариковым», то есть недочеловеком.

Когда орды (Третий рейх, например), желающие уничтожить русского метафизического геополитического конкурента, говорят о «русской свинье» или «унтерменше», о «народе рабов» или «славянском неандертальце», то это понятно. Мерзость от этого не уменьшается, но понятность есть — люди воюют на уничтожение.

А когда то же самое было сделано и продолжает делаться силами, которые называют

себя русскими, то мерзость возводится в квадрат и при этом помножается на злобное «антисмыслие». Одни делают понятно зачем (в их действиях смысл есть). А другие — просто так? Чтобы поджиться да поучаствовать?

Это всё явным образом соотносится с нынешними экстазами по поводу самых разных сил, шедших вместе с Гитлером под якобы русским знаменем. Ни под каким русским знаменем идти вместе с Гитлером было нельзя. Потому что Гитлер явно и недвусмысленно говорил об уничтожении русских. Не коммунизма только, а русских.

Прибалты в принципе могли идти с Гитлером в едином строю. Это было ничуть не менее омерзительно (любой фашизм омерзителен). Но тут мерзость приобретала какие-то легитимационные обертона. Потому что Прибалтика могла остаться на карте победивше-

го Третьего рейха. В виде порабощённой территории, но могла. А Россия — не могла. И Русь не могла — при любой уменьшительности. Прибалты получали «антропологическую квоту» и социальные позиции в Третьем рейхе. Русские — нет.

И что же это за русские, которые, тем не менее, шли вместе с Гитлером?

История показала, что вопрос — идти или не идти вместе с Гитлером на Москву — расколол людей, одинаково не симпатизирующих коммунизму. Деникин заявил, что он не может соучаствовать в уничтожении своего народа, которое явно замыслил Гитлер. А Краснов сказал, что пойдёт за Гитлером. Но оговорил, что пойдёт потому, что он (Краснов) не русский, а казак, а Гитлер может соорудить Казакию. Но почему тогда Краснов — русский патриот?

Казалось бы, старый спор. Однако он не утерял, как мы видим, историософской и политической актуальности.

Восславить Краснова и даже оправдать его можно при трёх условиях:

А) При беспредельной ненависти к коммунизму и готовности заключать в объятия всех его врагов.

Б) При глубокой симпатии к фашизму. Причём такой глубокой, которая не может сводиться к принципу «люблю всех, кто воевал с красными — вплоть до Гитлера». Нет, надо любить Гитлера и другой любовью, пусть не абсолютно фашистской, но сходной. Гностической, например.

В) При огромном внутреннем отвращении к русскому народу, который, как считал Краснов, принял внутрь себя «страшный антропологический вирус коммунизма», и пото-

му должен быть истреблён в назидание человечеству и в недопущение новой вирусной эпидемии.

Вопрос на засыпку: совместимы ли эти А, Б и В с амбициями суверенной России? Амбиции невозможны в силу В. Суверенность — в силу всего остального (Казакия, Идель-Урал и так далее).

Любителям всеядности напоминаю, что Казакия и Идель-Урал — отнюдь не химеры Гитлера, ушедшие в небытие вместе с ним. Это не потерявшие актуальности планы по отделению от России её Юга (Казакия) и Поволжья (Идель-Урал). Они перешли из гитлеровской доктрины в Декларацию о порабощённых народах, принятую Эйзенхауэром в 1959 году и не отменённую до сих пор.

Жена Ющенко — курировала в Белом доме элитных антирусских антикоммунистиче-

ских украинцев. В точности тех, которым все мы обязаны этой самой Декларацией о порабощённых народах.

Вокруг России — неостывающая ненависть к тому, без чего у России нет и не может быть никаких амбиций. «Красновщина» и многое другое нужны нашим врагам для окончательного уничтожения источников нашей амбициозности.

А мы-то сами что делаем?

8

Мы говорим на форуме «Стратегия-2020» о суверенной России и её глобальных амбициях.

Но говорим, увы, выдавая проблему за аксиому и тем самым перекрывая путь к собственной мобилизации. То есть превращению из «зайчиков» в «ёжиков».

Дано: суверенная Россия.

Проблематизация: суверенная ли?

Аксиоматизация: конечно же, суверенная.

А почему «конечно же»? Рассмотрите хотя бы альтернативы! Выделите формы реального поведения, отвечающие полной суверенизации, частичной суверенизации, а также скрытому и явному внешнему управлению. Сопоставьте эти формы реального поведения с тем, что происходит в России. Но только с одним условием — отличая риторику от реального поведения.

При этом, конечно же, риторика — ЧАСТЬ реального поведения. Но это же не ВСЁ реальное поведение, а именно ЧАСТЬ! За вычетом этой части — что происходит? И что должно происходить?

Дано: амбиции.

Проблематизация: а есть ли на них право?

Аксиоматизация: конечно, есть! Хотим — и амбициозничаем.

Ничего нет для меня более ненавистного,

чем проведение параллелей (всегда невероятно пошлых и лживых) между СССР и Третьим рейхом. Но ради проблематизации давайте всё же сыграем в эту пошлую и лживую игру. И что тогда получится?

$1991 + 17 = 2008$

$1945 + 17 = 1962$

Могла ли в Германии в 1962 году проходить конференция «Амбиции Германии»? То есть в подполье, или даже в культурном андеграунде, — могло происходить всё, что угодно. Но на уровне съездов ХДС/ХСС это могло происходить? Безусловно, нет.

Гельмут Коль вспоминал о том ликовании, которое испытывал немецкий народ в период воссоединения Германии. О своих чувствах в момент, когда его приветствовали восточные немцы. А вскользь — и о своём испуге по поводу возможности того, что толпа

запоёт «Дойчланд, Дойчланд юбер алес». И объяснял свой испуг: «НАС НЕ ПОЙМУТ».

После 1945 года прошло уже более сорока лет! Германия воссоединялась. Она становилась в результате преступной и идиотской политики США фактическим гегемоном Европы. «Дойчланд, Дойчланд юбер алес» — не гимн «Хорст Вессель». И всё равно Коль боялся: «НАС НЕ ПОЙМУТ».

Тут либо-либо. Либо коммунизм — это великий и не потерявший глобальной актуальности проект, исторически обусловленная ипостась предельно амбициозного гуманизма, победившая антигуманную нечисть. И тогда — любые амбиции. Но ЗАЯВИТЕ ЭТО! ОСМЕЛЬТЕСЬ ОТКРЫТО СКАЗАТЬ ЭТО МИРУ И УБЕДИТЬ ЕГО. ВЫРАЖАЙТЕ ПРЕДЕЛЬНОЕ НЕСОГЛАСИЕ С ЛЮБЫМИ ФОРМАМИ СУЖДЕНИЙ, ЗАДЕВАЮ-

ЩИХ ХОТЬ КАК-ТО ЭТОТ ВАШ ВЕЛИКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ.

Тогда понятно, почему вы говорите об амбициях. У вас есть гордое прошлое. Вы спасли мир. У вас есть великие заслуги и опыт великих свершений («русское чудо» и так далее). Вы родом из этого прошлого. И на этой основе вы предъявляете амбиции, адресованные будущему.

Если же это не так, если ваш исторический капитал — это «коммунистический бред», то картинка совсем другая. Тогда соглашайтесь, что вы такие же негодяи-тоталитаристы, как и фашисты. Вам повезло. Вас не разбомбили. Нет Нюрнбергского процесса. Вы проиграли ВСЕГО ЛИШЬ «холодную войну», а не Вторую мировую. Вам оставили место в Совете безопасности ООН и изобрели для вас «восьмёрку». Сидите и не

чирикайте. Никаких разговоров об амбициях! Нет у вас на них психологического и морального права.

Мне понятно, почему «политики 90-х», бросавшиеся поднимать платки американских «мессий» или заполнявшие свои министерства американскими вороватыми консультантами, говорили ОДНОВРЕМЕННО о безамбициозности и чудовищности «совка». Мне это отвратительно, но понятно.

Мне понятно, почему люди, гордящиеся советским прошлым (или способные увидеть подлинный провиденциальный лик этого прошлого, очистив его от случайных черт), говорят ОДНОВРЕМЕННО об амбициях, устремлённых в будущее, и величии этого самого прошлого.

Единственное, что мне непонятно — как можно, опять же ОДНОВРЕМЕННО, гово-

рить о чудовищности советизма и о глобальных амбициях суверенной России. А ведь именно этим наполнена сейчас огромная часть интеллектуально-политических дискуссий, призванных переделывать «зайчиков» в «ёжиков».

Но так переделывать нельзя! Неизвестно, можно ли вообще переделать, но так переделывать нельзя наверняка.

Мало указать — «так нельзя». Надо сказать, как можно. Ну, так я уже и начал об этом говорить.

Условие #1, при котором «зайчик» всё-таки может превратиться в «ёжика» (а может не превратиться), — это обязательный сущностный отказ от комплекса исторической неполноценности и... вины! (За что — никогда не мог понять. Но, в общем, за всё.) То есть нужен не просто отказ, а отказ сущ-

ностный. Этот отказ как раз и может переделать «зайчика» в «ёжика». Не переход от морковки к капусте, а такой сущностный отказ, глубоко и трагический пережитый.

Для того, чтобы встать на путь развития, нашей элите и всему обществу надо категорически разорвать с навязанным комплексом неполноценности. А также с теми, кто его исповедует. И разрыв должен быть не просто перерезанием пуповины. Разорвал — начинай интеллектуальную войну.

Я уже упоминал не отменённую до сих пор «Декларацию о порабощённых народах», сочинённую продвинутыми антикоммунистическими и антирусскими украинцами и возведённую в статус официальной американской доктрины. Как минимум, эта декларация должна быть отменена. Как минимум-минимморум, надо потребовать, чтобы её отме-

нили. И начать проводить необходимые действия. Отнюдь не обязательно в духе лобовой конфронтации. Ведь добились же, например, олимпиады в Сочи. И вовсе не за счёт лобовой конфронтации, а иначе.

Но здесь ничего нельзя добиться без разбирательства в вопросе об этом самом порабощении. Народы-то были порабощены чем? Коммунизмом! Порабощены ли? Что значит «порабощены»? Наполеон тоже поработил народы? Или принёс им свет Великой французской революции? Ах, это был не свет! Ну, тогда настоящий свет принесли, наверное, царь Александр и Меттерних? Чувствуете, какая может возникнуть путаница?

Я не хочу обсуждать конкретные технологии. Их не обсуждать надо, а осуществлять. Я привожу пример, рассматривая сам принцип, который намного важнее примера.

Но почему «или-или» (или пример — или принцип)? Пример как принцип. Единство общего и частного. Что из этого единства вытекает?

Принятие той Декларации сразу «поставило ребром» перед антикоммунистическими силами, считавшими себя выразителями своеобразно понимаемого русского интереса, вопрос об их собственных позициях. После принятия Декларации надо было признать, что никакого русского интереса, сколь угодно своеобразно понимаемого, тут уже быть не может. Своеобразный украинский или иной интерес — может быть. Русский — нет.

Русские — все скопом, без различий между коммунистами и антикоммунистами, — по этому «американскому вердикту» получили не какое-то, а просто нулевое место в будущем мире. И дальше перед всеми русскими

антикоммунистами встал выбор: либо сотрудничать с теми силами, которые так ставят вопрос, либо, не приняв ни коммунизм, ни силы поддержки этой Декларации, доминировавшие на антикоммунистической сцене, оказаться меж двух огней. При этом было нельзя только декларативно осудить «Декларацию о порабощённых народах». Надо было — опять-таки, сущностно, — отмежеваться от всех, кто реализует этот замысел. Причём отмежеваться не виртуально, а реально. Не на словах, а на деле.

Этого не произошло. То есть, русские антикоммунисты не только не отмежевались от антирусского пафоса этой самой декларации, но и неявно признали допустимость и правомочность дробления народа и территории России через создание всяческих «казакий», «идель-уралов» и т.д. Тем самым стёрлись

сразу несколько граней, позволявших бороться за мобилизацию тех, кому дорого русское будущее.

Нет граней — какая мобилизация, какое развитие? А значит, грани надо восстанавливать. Да, аккуратно — гибко и корректно — но восстанавливать. ПОКА ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ.

Вряд ли, наконец, перспективен и другой вариант девальвации коммунистических позитивов, распространённый в советско-патриотическом лагере. Согласно утверждениям из этого лагеря, Сталин — это антикоммунист, «новый скрытый русский царь», который ушёл от пагубной ереси. Дальше говорится о зазвонивших колоколах, о патриотических фильмах с православной тематикой, вышедших перед войной («Александр Нев-

ский» и так далее) и о многом другом.

Никто не спорит с тем, что Сталин извлёк русскую тему из небытия и интегрировал её в свой, существенно новый, политико-культурный и идейный мейнстрим. Никто не спорит также с тем, что это нужно было сделать. И что без этого итоги Великой Отечественной войны могли быть другими. Но чем это всё было в действительности? Добавкой к реально существовавшему идеологическому потенциалу, или альтернативой этому потенциалу? Конечно же, добавкой. Встань Сталин на другой путь, займись он глубокой антикоммунистической ревизией идеологии, — фашисты были бы в Москве уже в сентябре 1941 года.

Ядром тех ценностей, вокруг которых сплотились народы СССР, были ценности коммунистические, советские. Всё остальное

тонким образом прилеплялось к этому ядру, обогащая потенциал системы. Но не более того. Каждый, кто видит процесс иначе и считает, что только альтернативная идеология в её религиозной ипостаси спасла ужасную ситуацию, должен объяснить, почему эта идеология не спасла ситуацию в 1914–1917 годах. Притом, что тогда ситуация была намного более щадящей.

В той войне союзники реально воевали под Ипром и под Верденом. Наш фронт был не первым и главным, а вторым (хотя и весьма существенным). Церкви звонили во все колокола. Религия была не легитимированной инновацией, а нормой. Основой офицерского корпуса были дворяне (образованные люди, интегрированные в традиционные ценности, хранящие семейные воинские реликвии и так далее). Почему всё это «навернулось»

тогда, а в 1945 году мы, наоборот, оказались в Берлине? Откуда взялась в Великую Отечественную сверхмобилизованная поддержка всего народа, претерпевшего невероятные тяготы?

Стыдно обсуждать «решающую роль заградотрядов» и прочие расхожие пошлости. Народ не мобилизуют подобным образом. Это может быть нужной или вредной (или вредно-нужной, или нужно-вредной) добавкой к мобилизации. Но не более. Кроме того, кто мешал предшественникам сделать нечто подобное? У них, что, пулемётов не было?

Я рассмотрел главные — как абсолютно зловредные, так и паллиативные — варианты отчуждения нашей страны от её исторического капитала, который сегодня нужен как никогда.

А теперь «вопрос на засыпку». Политиче-

ская партия создаёт интеллектуальный клуб (секцию, группу — неважно) под названием «Глобальный мир: амбиции суверенной России». Тем самым предлагается рассмотреть вопрос об амбициях. Амбиции не могут не быть связаны с исторической ролью, «историческим капиталом». Можно ли одновременно продолжать проблематизировать (а по сути, конечно, дискредитировать) этот исторический капитал — и всерьёз говорить о своих амбициях? «Зайчик» может не иметь своего лица. «Ёжик» — не может. Нельзя сочетать амбиции и потерянное лицо. Ну, нельзя и всё тут!

Вдумайтесь — было НЕЧТО. Для того, чтобы не ввязываться в споры, не буду конкретизировать. Конечно, историческое имя этого «НЕЧТО» — коммунизм. Но только назовёшь — сработают все «негативные автома-

тизмы» предшествующей эпохи. И ради того, чтобы они не срабатывали, — абстрагируйтесь от названия. Признайте, что было НЕЧТО. И что за это НЕЧТО было пролито много крови. Так много, что дальше некуда. Что НЕЧТО было предложено, как высшая правда, остальному человечеству. Что часть человечества пошла за этой правдой — и тоже принесла соответствующие жертвы на этот алтарь.

Потом, без проигрыша в войне или какой-либо другой катастрофы, на это жертвенное НЕЧТО взяли и наплевали. Походя как-то наплевали, и отбросили. Непонятно даже ради чего. Ради увеличения приусадебных участков? Так ведь китайцы увеличили приусадебные участки, а НЕЧТО — не отбросили. Ради каких-то высших ценностей? А нельзя ли уточнить, что это за ценности? Да так,

чтобы при уточнении стыдно не стало?

Конечно, всё, что произошло, называется «первородство за чечевичную похлёбку». И что с этим делать? Если есть амбиции, то это надо отмаливать. То есть буквально отмаливать — снимать печать самоизмены, потери лица. Между прочим, для тех же китайцев потеря лица хуже смерти. И зря кто-то считает, что они без презрения смотрят на тех, кто это лицо потерял.

В любом случае — ТОГДА ЭТО НАДО ОТМАЛИВАТЬ. Не буквально восстанавливать! Осквернённая икона не протирается тряпочкой, а отмаливается и освящается заново. Она не вещь, а символ. Но это невозможно делать, позволяя господам типа Пряшникова снимать порно на крейсере «Аврора» (между прочим, корабле нашего Балтийского флота), и объясняя отсутствие за-

прета на показ подобной «продукции» тем, что, мол, это не порнография, а «идеологическая эротика». Привожу навскидку только самый простой пример — их вокруг нас тысячи.

Итак, в этом случае самоизмену надо отмаливать. А отмолив — восстанавливать амбиции. Сами собой они не вернутся.

А если называть это не самоизменой, а «обретением самих себя после коммунистического кошмара», то, повторяю, нет места никаким амбициям. Тогда декоммунизация как денацификация, «покаяние за советизм» нонстоп. И скромность, скромность, скромность.

Хотите практического совета (у нас ведь теперь обожают ПРАКТИЧЕСКОЕ)? Ну, так вот. Бросьте все силы не на то, чтобы рассказывать о позитивах современной России (поддерживать «позитивный имидж», будь

он неладен), а на то, чтобы отстаивать всё великое в СССР как позитив, возвращая себе исторический капитал. Кому-то это покажется и неразумным, и непрактичным. Но на самом деле только это и практично сразу по нескольким причинам.

Прежде всего, пока вы родом из «ужасного СССР» (а не из великой страны, спасшей человечество), у вас не может быть серьёзного позитивного имиджа. Даже если вы непрерывно от той великой страны открещиваетесь (несмотря на массовые глубокие симпатии вашего собственного населения к тому величию), это не поможет. Ну, скажут враги, что лично вы «продвинутый недочеловек», дети которого, может быть, перевоспитаются в следующих поколениях. А может быть, и не перевоспитаются, кто знает? Почитайте, что нынче пишут на Западе или на Украине

последователи маркиза де Кюстина. «У этих русских есть что-то такое в генах...»

Далее, если вы «родом из совка», вам перекрыты все пути, связующие вас с органикой собственного развития. Все эти пути — не «русское чудо» (как называл это весь мир), а «пакостный ГУЛАГ». Вы не можете обратиться ни к опыту бериевского атомного проекта, ни к королёвскому взлёту в Космос, ни к свершениям индустриализации, ни к опыту мегапроектов вроде «администрации Севморпути». Рузвельт — учился на этом опыте. А потом другие учились у Рузвельта. Но вам этот путь — заказан.

И, наконец, есть же чувство моральной правды. Если вы так относитесь к своему прошлому (а оно ведь материализовано ещё и в ваших семьях), то и впрямь не надо говорить об амбициях. Откуда они возьмутся?

Помните Лаевского в «Дуэли» Чехова? Он, когда опомнился и понял, кто он такой, стал скромненький-скромненький, тише воды, ниже травы. И это правильно.

Решили, что у вас нет исторического капитала и вытекающих из него прав? Станьте скромняшками, не говорите об амбициях. А иначе будет ОЧЕНЬ СМЕШНО. А это страшно, когда так смешно. Как говорил Достоевский, некрасивость убьёт.

Итак, первое, что надо сделать, если и впрямь переделывать «зайчиков» в «ёжиков», это встать с колен. И смело адресоваться к своему историческому капиталу.

Я не могу сказать, что непрерывно посещаю разного рода интеллектуальные форумы. Но тем не менее я посещаю их достаточно регулярно. И делаю в блокноте заметки. Какое-то время я не структурировал эти за-

метки. А потом обнаружил в них некое универсальное начало. И стал внимательнее его изучать.

90 процентов высказываний самых разных людей (вновь подчёркиваю, что речь идёт о разных научных аудиториях) строится по общему принципу: «Тра-та-та-та-та... Но, как мы все понимаем...» «Тра-та-та-та-та» могут быть разными. Ну, например (я не шучу), «тра-та-та-та-та» #115 в моём блокноте: «У нас в отрасли сейчас средний возраст квалифицированных рабочих — 52 года, а в СССР был 32». Дальше «тра-та-та» заканчивается. И начинается вторая часть заклятия: «...Но, как все мы понимаем, нельзя возвращаться назад». «Тра-та-та-та-та» #118: «У нас средний возраст макроэкономиста — 62 года. Мы теряет школу, которая была». А дальше — то же самое: «...Но, как все мы понимаем...»

И так до бесконечности: мол, было несравненно лучше, чем сейчас, но, как все мы понимаем, возвращаться в прошлое нельзя, потому что оно было чудовищным.

А почему это в него нельзя возвращаться, если было несравненно лучше? Ну, хорошо, все умные, а я идиот. И я не понимаю, почему, если было лучше, то нельзя вернуться. Но главное даже не это. ГЛАВНОЕ — КАК ЖЕ ПЛОХО СЕЙЧАС, ЕСЛИ ДАЖЕ ТОГДА БЫЛО НАМНОГО ЛУЧШЕ? А ЕСЛИ ТОГДА БЫЛО ТАК УЖАСНО, ЧТО ВОЗВРАЩАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ, ТО СЕЙЧАС-ТО ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Условие #2 состоит в том, что «зайчик» должен признать, в какой именно ж... он находится в настоящий момент. Он должен перестать называть это «ж...» возрождением и процветанием. Пусть он скажет себе: «Ну, как

вляпались! Ну, как залетели!» И заскрипит зубами. Пусть он переживёт это по-мужски. Может быть, и колючки на нём появятся. Если он молодой «зайчик», то как он может отвечать за то, что сделано до него? А даже если он немолодой, уяснение трагизма ситуации, переживание её как фундаментального унижения, — могут изменить личность. А вот убаюкивающее словоблудие — никогда.

Условие #3 состоит в том, что «зайчик» должен не просто констатировать качество ситуации, в которой находится он сам вместе со страной. Он должен ещё и системно описать это качество. Сколько ни говори «ж...» — ничего не изменится. Ну, скрипнешь развторой зубами. Ну, поломаешь даже пару зубов. И дальше будешь жить в том, что есть...

Значит, для того, чтобы что-то менять, надо сначала дать правильное название этой са-

мой ситуации на букву «ж», в которой мы все оказались.

Она называется «системный регресс». Россия находится в состоянии системного регресса. Она продолжает деградировать. Можно и должно мечтать о пяти или десяти «и» (инновации, информатизация и так далее). Но пока что есть три «д» (деиндустриализация, декультурация, десоциализация). Вместе эти три «д» и есть системный регресс. Признай, что ты в нём находишься. Ощути его признаки. Ослепни, читая, как его вызывают и как прекращают. И тогда, может быть, ты станешь «ёжиком». А иначе ты им точно не станешь.

Условие #4 — правильное соотношение между диагнозом и рецептами лечения. Если диагноз таков, то и средства должны быть соответствующими.

Изрядная часть нашей патриотической научно-технической элиты просто рехнулась на концепции устойчивого развития. Сначала казалось, что это только изолированный интеллектуальный эксцесс, порождённый спецификой КПРФ и её руководства. Но постепенно данное умопомешательство стало распространяться по всё более широким научным кругам. Разумеется, не без помощи Запада.

Я и мои коллеги устали объяснять очевидное. Что устойчивого развития вообще не бывает. Что либо устойчивость, либо развитие. Что термин этот придуман А.Гором с очень определёнными целями. Что одна из целей — сокращение населения (за конференцией в Рио-де-Жанейро, где заговорили об устойчивом развитии, последовал Каир, где говорили уже только о демокоррекции). А другая

и главная цель — остановка развития. Или, как минимум, навязывание странам, пытающимся ускоренно развиваться, безумно дорогих «экологических» технологий с тем, чтобы развитие было сдержано.

А раз нельзя говорить об устойчивом развитии как прорывном... Раз надо связывать его с демокоррекцией... То это — смерть России. Ну, так и создавайте устойчивое «министерство смерти», «ликвидком»! Объявите, что вам наплевать на чудовищную демографическую депрессию в России, несовместимую с целостностью страны. Сожгите в печи ваши нацпроекты. Или не смешите людей. Устойчивое развитие — это очень точная и зловещая вещь, одно из слагаемых глобализации.

Но и это не самое главное. Ну, ладно... Есть какая-нибудь маленькая благополучная

страна. У неё высочайший уровень жизни, нет острых социальных проблем, нет геополитических амбиций. И она хочет, чтобы воздух был посвежее. С наукой всё в порядке. Учёных много — занять нечем. С бюджетом — денег куры не клюют. Ускоренно развиваться не надо. Проблем, вроде приближения НАТО к границам, не существует. Есть одна проблема — экология. Начинаются поиски сколь угодно дорогих средств очистки. «Экопаиньки» освобождаются от налогов. «Экозлодеи» — жёстко караются. И постепенно и впрямь всё вокруг становится менее загажено индустриальными «выхлопами».

Можно такую страну понять? Можно. Потому что у неё всё действительно «в шоколаде», и она балуется.

НО У НАС-ТО СИСТЕМНЫЙ РЕГРЕСС! НАМ ЕГО НАДО ПЕРЕЛАМЫВАТЬ! ПУ-

ТИН ЕГО КОЕ-КАК СДЕРЖАЛ! ТЕПЕРЬ НУЖНО ПЕРЕХОДИТЬ К ЧЕМУ-ТО БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОМУ. ВЫ ЧТО, НЕ ЗНАЕТЕ, КАКИМ РАЗВИТИЕМ ПЕРЕЛАМЫВАЕТСЯ РЕГРЕСС? ОН ПЕРЕЛАМЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО МОБИЛИЗАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ. ТОЛЬКО МОБИЛИЗАЦИОННЫМ!

Ну, так и ищите возможности и варианты мобилизации. Если спор о том, может ли развитие в принципе быть устойчивым, это всё же теория, то спора о том, совместимо ли устойчивое развитие с мобилизацией, — просто быть не может. Устойчивое развитие — это вне- и антимобилизационное развитие. Если вы его начнёте применять на территории регресса, то у вас и будет регресс, и ничего кроме него.

Видите, как много следствий вытекает из

того, что вы честно назвали качество вашего настоящего и стали бороться не за будущее вообще, а за переход в будущее (точку Б) из этой самой точки А, в которой вы находитесь, а не неизвестно откуда?

Условие #5 — мотивация самих «зайчиков» и средства трансформации.

Форум «Стратегия-2020» был рекомендован «зайчикам» для того, чтобы они могли стать «ёжиками». Но для того, чтобы форум мог выполнить такую эксцентрическую задачу, он должен быть по-настоящему нужен тем, кому он всего лишь рекомендован. Это главное правило трансформационной психологии (об «инициациях» как-то даже и говорить неудобно).

Правило это формулируется так: средство трансформационного воздействия эффективно только в том случае, если воспринимаю-

щий его субъект (а) страстно хочет трансформации как таковой и (б) столь же страстно верит именно в это средство воздействия. Словом, «жаждешь ли ты», и так далее.

А как сделать, чтобы «зайчик» возжаждал? Какой-то замкнутый круг получается. Но и по части разрывания подобных замкнутых кругов человечество какой-то опыт накопило. Собирают «зайчиков», соединяют их с «трансформационными средствами», и начинается нелинейный процесс. «Надираются» ли эти самые «трансформационные средства» вместе с «зайчиками» до беспамятства... Орут ли они друг на друга до утра... Идёт ли какой-то (почему-то обязательный) сверхмарафон... Способы бывают разные. Но в итоге что-то с «зайчиками» может произойти. А вот если им сказать, что перед тем, как они будут голосовать, к ним при-

дут «умы», сядут и осуществят некий интеллектуальный «междусобойчик» при необязательном и невнятном присутствии «зайчиков», то качество воздействия заведомо будет нулевым или отрицательным.

Произойдёт ли что-нибудь в другом случае — тоже неясно. Но то, что «с этого рая не выйдет ни... чего» — это ясно любому, кто занимался трансформационными технологиями.

В каком-то смысле это ясно даже самим «зайчикам».

Словом, школа в Ланжюмо или на Капри — это школа. Кстати, для вполне уже «обыгоженных ёжиков», а не для «зайчиков». Но это эффективная партийная школа с элементами отрыва от привычной среды, мозгового штурма, нелинейных воздействий и прочего. В те далёкие годы Ленин опередил своё время.

Потом были найдены гораздо более эффективные технологии. Но они не имеют ничего общего с академическим круглым столом, в результате проведения которого появятся, наверное, какие-нибудь стенограммы. И отдельные «зайчики» их, может быть, и прочтут («он пописывает, а читатель почитывает»).

Мне скажут, что и это лучше, чем ничего. И я категорически соглашусь. Меньше всего я хочу что-нибудь уценивать в нынешней (для меня, кстати, не лишённой трагичности) ситуации. Я никогда не умениваю никаких попыток что-то улучшить. Ненавижу, когда по этому поводу фыркают. Сам всегда говорил, что «путь осилит идущий». Главное — сделать первый шаг, увидеть, где ты оказался, и оценить результаты.

Ну, так я и пытаюсь помочь оценить эти

самые результаты. А заодно и пробиться к пониманию чего-то ещё более существенного.

Нужны ли амбиции «Единой России», я не знаю. Хочу, чтобы они оказались ей нужны. Но уж как получится. А вот то, что России эти амбиции нужны, — я знаю точно. Знаю, что ничего без них не будет. Что они есть альфа и омега любого небезнадёжного начинания, направленного на то, чтобы спасти страну, которую затягивает трясина безвременья, бессубъектности, безжертвенности. Сколько там ещё «без»?

Если мегапроектом является контррегрессивное мобилизационное развитие, то мегапроекту нужен мегасубъект. А мегасубъекту — язык, логос. Языком же этим является язык стратегирования (есть и более сложные языки, но будем говорить хотя бы об этом).

Стратегирование и академическая наука

— вещи разные. А в чём-то и диаметрально противоположные. О различиях можно говорить долго. Разбирая некий конкретный пример, я, как мне кажется, показал на практике, в чём состоит одно из этих отличий. Стратегирование в качестве обязательного фундамента и исходной точки предполагает проблематизацию. Проблема — это знание о незнании.

Академическая наука (да и наука вообще) имеет право абстрагироваться от незнания и говорить только о знании. Такое отделение знания от незнания (или от недостоверного, не подтверждённого опытом, знания) иногда называют позитивизмом.

Стратегирование не может быть позитивистским. Где позитивизм, там нет стратегирования, и наоборот. Спросите учёного: «В чём амбиции суверенной России?» — и он схо-

ду начнёт говорить вам о том, что он знает. О типах подобных амбиций, об их реализуемости, об издержках и приобретениях, связанных с той или иной амбициозностью.

Но как только вы решите погрузиться в интеллектуальную среду, связанную со стратегированием, вас обязательно начнут выводить из состояния инерции, в котором говорится как бы на автомате: «Да... у нас есть амбиции. Ну-те-с, разберёмся, в чём они... Так сказать, разложим по полочкам».

Я над всем этим не иронизирую. Но это другой этап! Принципиально другой. А на первом этапе стратегирование предполагает другую отправную точку. Совсем другую!

Какова она? А вот какова.

1. Что такое вообще амбиции? Нужны ли они и зачем? Какого они бывают качества? В чём укореняются?

2. Есть ли у нас право на амбиции? И на чём оно базируется? В каком случае мы имеем на них полное право, а в каком этого права нет и в помине?

3. Есть ли у нас амбиции? И почему их нет? Или почему они находятся в заторможенном состоянии? Как тогда их растормозить? Чем это чревато? В каких социальных средах как надо действовать?

4. В чём эти амбиции заключаются? В том, чтобы вписываться в процесс? В том, чтобы влиять на него?

5. Чем эти амбиции подкреплены? Есть ли ресурсы — материальные и нематериальные?

6. Могут ли эти ресурсы быть задействованы? И каким образом? Притом, что без задействования ресурсов амбиции становятся беспочвенными мечтаниями или неврозами, и лучше их тогда не будить?

7. Какой ценой могут быть задействованы ресурсы? Да и амбиции тоже? Ведь амбиции — это всегда небесплатное удовольствие?

Находясь на форуме и участвуя в нём, я всё время думал о том, почему нет ни тени подобного вопрошания. Вглядываясь в лица и вслушиваясь в слова, чураясь любого рода иронии, я всё время пытался понять, почему эти «пп.1–7»... ну, я не знаю... не стоят на первом месте в ряду проблем (беспафосная формулировка)... не жгут душу (пафосная формулировка, но куда от пафоса в этом случае денешься?)... И в итоге я кое-что всё-таки понял.

9

С чего начинается строительство большого многоквартирного дома? Что находится в его фундаменте? Без чего успешное строительство невозможно?

Постараюсь ответить тезисно с тем, чтобы не превращать аналитический очерк в трактат. И с той максимальной конкретностью, которая не дискредитирует тему. Притом, что тема, как мы понимаем, в принципе сопротивляется любой линейной конкретиза-

ции (начни её — сразу получатся «нацпроекты»). В каком-то смысле линейная конкретизация, эта мечта любого прагматика и позитивиста («давайте не толочь воду в ступе, а брать быка за рога»), — означает запрет на концептуализацию. А значит, на власть как таковую.

Произойдёт адекватная концептуализация — из неё прорастёт конкретика. Причём такая, что дальше некуда. Однако её-то уж никто не станет обсуждать ни в газетах, ни на «круглых столах».

Но до того как такая конкретизация особым («нелинейным») образом проистечёт из общего (и тут же станет стратегической «спецтематикой»), — нужны «страсти» по этому самому «общему». Нет этих «страстей» — не будет никакой власти. Катастрофа Горбачёва была не в том, что он занимался общи-

ми рассуждениями, а в том, что он оказался абсолютно вторичен и недостаточен в содержательном осмыслении этого «общего». (Новое мышление? В чём именно оно новое? Гуманный демократический социализм? Он не здесь — он в Швеции!).

Триумф отцов-основателей Советского государства был основан на их страстном желании ответить на общие вопросы. Масштаб триумфа определялся накалом этой страсти и её политичностью, то есть властностью. Он определялся мерой выхода за рамки ползучего прагматизма, эмпирики, позитивизма, «объективничанья», наконец. Маркс открыл объективные законы? Да-да! И тут же изрёк то, что позже так взбесило Поппера: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Ну, не были марксисты позитиви-

стами. И прагматиками тоже не были. Амбиции у них были совсем другие. «Домостроительные».

Нельзя начать «строить дом», не поняв, что в фундаменте. И не признав, что в фундаменте — «страсти по человечеству». Не по себе — по человечеству как предельному, в том числе и метафизическому, субъекту.

Что происходит с человечеством? Куда и почему оно движется? В силу чего? И где здесь, в этом движении, соотношение объективного (кто спорит, что оно есть!) и миропроектной воли? В том числе и злой... А как без этого?

В 2020 году Россия станет пятой по величине экономической державой мира? Извините! Раньше, где-то в 2017 году, мир переделят сверхдержавы. Они же — в зависимости от того, кто и как победит, — определят вам всё.

Место, границы. Количество овец в этом вашем заго... Прошу прощения, на суверенной процветающей территории. Вы на это согласны?

Так не говорите тогда об амбициях! И о суверенности тоже! Стыдно слушать! Пусть тогда МЭРТ поговорит о внешнеторговом обороте... Его право... В конце концов, ведомство.

Давайте наберёмся смелости говорить о судьбах человечества и фундаментальных коллизиях бытия! Этот разговор должен быть для нас не функционален, а самоценен. Он должен не уводить от политики, а приводить в неё.

Да, нас «сделали»... Страшно и в каком-то смысле окончательно. Но если этот смысл не относителен, а абсолютен — то зачем вообще говорить? А если он относителен, то надо

указать — в чём. В том, что мы с вами живы. Но живы ли мы? И что значит живы?

Мы живы в той степени, в какой можем нести в себе огонь всечеловеческой страсти! Если он погаснет — виновны будут не злые силы, а мы сами. Страшно не то, как именно нас душат. Страшно то, что у нас теряется потребность в воздухе. В каком-то смысле, банк интеллектуальных возможностей сегодня неизмеримо мощнее, чем в 30-х, 40-х, 50-х годах XX века. Что было тогда? Радиоточка, читальный зал библиотеки и голодный паёк отцензурированной интеллектуалистики. Но была ещё и страсть!

Да, в России страшно мало развивающих телепрограмм! Но они есть. На том же Пятом канале, да и не только. Беда не в этом, а в том, что рука нации всё настойчивее тянется к кнопке ТНТ... И всё больше людей

«балдеет» от программ типа «Наша Раша» и «Дом-2»... Беда в том, что подаваемый стране в очень ограниченном количестве интеллектуальный кислород — тоже цензурирован. Только более коварным образом! «Хотите данных о культурных кладах? Мы вам их дадим! Но вы примите ответные обязательства. Не лезьте к народу! Да и в политику тоже. Хотите в политику? Вот вам другой формат и ассортимент. А народ оставьте с тем, что ему нравится. Нра-вит-ся! Слышите! Потому что мы этот ваш народ сде-ла-ли! Сделали! Ха-ха-ха, сменили цивилизационные коды! И что вы дёргаетесь? Национальная культура? Да ради бога! В американском фильме «Телохранитель» будут говорить об экзистенциальной ответственности и чести... А в отечественном фильме «Бригада» — ха-ха-ха! — понятно о чём. И вы тут ничего не измените!»

Так изменим или нет? И начнём ли с самих себя? По большому счёту?!

Что происходит с человечеством?

В чём наш ответ на этот вопрос?

Буду отвечать тезисно с тем, чтобы не превращать концептуальную аналитику в академическую назидательность.

Первое. Классический вариант развития (проект Модерн) надорван. Его добивают. Но и сам он изношен так, что дальше некуда. Кто его добивает? Почему он объективно ослабевает? Вот с чего надо начинать разговор.

Второе. В невероятной степени окрепли враги Модерна как варианта развития и враги развития как такового. Врагов два — Постмодерн и Контрмодерн. Между ними есть явный сговор против развития вообще.

Третье. Всё, что было связано с альтернативными Модерну вариантами развития,

находилось в теснейшей исторической связи с принятым Россией «Красным проектом». Можно длить эти связи или искать новые осмысления развития, но без работы на этом направлении мы из фундаментальной ситуации тупика не выпрыгнем.

Четвёртое. Фундаментальная же ситуация связана с «пороговостью» самого разного типа. Человечество топчется на пороге и не хочет (да, именно не хочет, боится) через него переходить. Оно боится самого себя, своих нераскрытых потенциалов. Оно боится нового фундаментального знания о себе и мире. И подменяет это знание — трагикомической «инноватикой». Так называемый «прогресс» теряет сначала смысл, а потом и управляемость. Наука дробится на бесконечное число дисциплин. Синтез — проблематичен и как бы неосуществим. Или же он осуществляется

весьма странным и специфическим образом. Некая неявная «новая инквизиция», пасуя перед такой ситуацией, объявляет форсированное развитие врагом человечества и начинает это развитие сдерживать.

Но и сдержать его она не может. Можно «вбомбить в Средневековье» Югославию или Ирак. Но не Китай! И, в общем-то, даже не Индию.

Пятое. Человечество топчется ещё и на антропологическом пороге. Проблема развития мозга человека, проблема развития вида «хомо сапиенс» как такового, — стоит так остро, как никогда.

Шестое. Есть ещё и классовый порог. Старые классы не хотят терять господство, но и сохранять его в условиях качественно иного развития не могут. Феномен «железной пяты» нависает зловещей тенью над челове-

чеством.

Седьмое. Это обостряет все возможные типы конфликтов. Финансовые, энергетические и прочие войны имеют своим источником Великую смысловую войну XXI века. Россия пытается уклониться от участия в этой основной войне и уже в силу этого теряет право на жизнь. Восклицание «Россия, вперёд!» само по себе прекрасно. Но только «вперёд»-то — это куда?

Восьмое. Вперёд — это всегда «вперёд к себе»! К своим резервам, своему историческому предназначению. Этот самый «перед» находится не в Швеции, Калифорнии или Сингапуре. Он рядом с нами. В нашем же параллельном мире! Прорвитесь туда! Наши деды и прадеды расскажут об этом больше, чем книжки о «нетократии». Нельзя подменять коллизию прошлого коллизией будуще-

го. Это — невроз! Нет будущего без прошлого! Справьтесь с ним, с этим самым прошлым. И тогда раскроется будущее. И наше — и человечества. И уж согласитесь, в любом случае как-то смешно сегодня говорить о капитализме как о «светлом будущем». Или как?

Девятое. Путь к себе перекрыт исторической самоизменой. Насколько хорошим или плохим было наше прошлое — оно, в любом случае, было оплачено огромной, страшной ценой. И отбрасывать его походя (ради чего?) было чревато. Это случилось. И это надо избыть, а не усугублять.

Десятое. Не будет дома без такого фундамента. А если хотим не только заложить фундамент, но и возвести свой дом — надо восстанавливать язык мегапроектности. Ведь мы с вами понимаем, что речь идёт о *мега*проектном языке, а не о прагматических

«мерах по улучшению», излагаемых на языке позитивизма и прагматизма. Можно улучшать каждый элемент системы — и при этом окончательно добить систему как целое.

Политика стратегического развития соединится с интеллектуалистикой оного только на таких, сущностно волевых, основаниях. Дальше можно говорить о технологиях. Они многообразны. Совершенно не обязательно разрушать всё до основания. Можно поступать совсем иначе.

Но перепрыгивать в «технологический» этап, не осуществив этапа предшествующего, — как минимум, наивно. Так не играют в Большую Игру. Так жуют жвачку очередного бессмысленного пиара. Логос (тот самый, который «был в начале») — не рекламный клип. И не товар, выставляемый на прилавок...

Не успел я произнести «прилавок» в этом (поверьте мне, не сочинённом постфактум) диалоге с самим собой, как вдруг, очнувшись, понял, что нахожусь не где-то, а в Гостином дворе, где проходит этот самый форум «Стратегия-2020».

Гость — это купец. Гостиный двор — это место торговли и товаров, а не антагонистичных им логосов.

Очнувшись, я снова стал наблюдать. Подчёркиваю ещё раз — с большой симпатией и без тени иронии. «Люди так хотели простых решений, — думал я, наблюдая за «зайчиками», которым не хочется терять и ушки, и хвостики... Да и морковки тоже. — Ну, был бы третий срок. Что, нельзя менять Конституцию? А почему это её нельзя менять? Её нельзя нарушать. А менять её можно. И нет Конституций, в которые не вводились бы по-

правки. В американскую Конституцию, что, не вводились поправки?

Да и вообще... Если стратегической целью развития является осуществление в России проекта Модерн, то абсолютно легально и легитимно даже применение авторитарных форм правления. На то и существует термин — «авторитарная модернизация».

Где только не было этой самой «авторитарной модернизации»! Кромвель занимался «авторитарной модернизацией», Наполеон занимался ею. Масса стран шла этим путём в XX веке и продолжает идти в веке XXI. Этап авторитарной модернизации в рамках модернизационного цикла считается почти обязательным.

А если в России осуществляется не проект Модерн, то ЧТО В НЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ?

Обсуждать глобальный мир и амбиции суверенной России — это и значит отвечать на такой вопрос, не так ли? Ещё раз подчеркну, что обсуждение на форуме было здоровым — острым и дружественным одновременно. Никакой партийной заорганизованности не было и в помине. Точки зрения высказывались самые разные, иногда диаметрально противоположные. И с каждой десятиминуткой обсуждения становилось всё яснее, что высказать-то эти противоположные точки зрения можно и даже в чём-то полезно. Но собрать их воедино — очень трудно. А честно говоря, вообще невозможно.

Прежде всего, невозможно было добиться внятного определения того, что такое глобальный мир: каков этот мир, каковы тенденции, управляющие его динамикой? И что, собственно, мы хотим делать по отношению

к этим тенденциям, даже если нам удастся установить их характер?

Совместимы ли эти тенденции с существованием суверенной России? И как далеко распространяются амбиции этой самой суверенной России? Она хочет участвовать в текущих процессах? Она хочет влиять на эти процессы? Она хочет управлять этими процессами?

А если процессы не будут отвечать её стратегическим целям, что она будет делать? Понятно, что в этом случае она может или умирать, или менять характер процессов. Но может ли она его менять?

Либерально настроенная часть присутствовавших на форуме интеллектуалов тут же начала настаивать на том, что спорить с глобализацией — это всё равно, что спорить с законом всемирного тяготения. Мол, есть

«мировая повестка дня». И мы должны на неё реагировать.

Понятно, что нельзя не реагировать на мировую повестку дня. Но как? Совершенно непонятно, почему нельзя менять мировую повестку дня, если она тебя не устраивает. И разве не этим занималась Россия в варианте СССР? То есть она буквально этим и занималась! И ничем другим не занималась! И нет в мире более яркого примера на тему о том, что жила-была одна повестка дня... А потом случилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и возникла абсолютно другая мировая повестка дня. В рамках которой все начали отстраиваться от нового события. Кто-то начал отстраиваться со знаком «плюс», кто-то со знаком «минус». Но отстраиваться начали все.

В сущности, так и поступает любая сверх-

держава.

Сложившийся в последнее время «державный» информационный климат продиктовал семантику участникам обсуждения на форуме. Почти все дружно соглашались с тем, что Россия — сверхдержава. Немногие, возражая, говорили, что Россия — особая цивилизация. Но их тут же спросили: что делать этой цивилизации в нынешнем глобальном контексте? И в чём контекст? Кто-то говорил о том, что Россия — только ядерная сверхдержава. А ей надо ещё стать и сверхдержавой экономической.

Но беда в том, что сверхдержава не бывает ядерной, экономической или какой-либо другой в отдельности. Либо твоя страна сверхдержава, либо нет. Если она сверхдержава, то она формирует мировую повестку дня. И не просто формирует, а при необходимости кру-

то меняет. В противном случае она не сверхдержава. И никакие ядерные или экономические возможности тут ничего не изменят.

Точнее, они, конечно, необходимы. Но абсолютно недостаточны. Для того, чтобы стать сверхдержавой, Россия должна взять на себя миропроектную роль. Но чтобы взять её, необходимо признать наличие внутри глобальной процессуальности «миропроектных воль».

Между тем, есть гигантский соблазн трактовать эту процессуальность не как проектно обусловленную, а как тотально объективистскую. Мол, увы и ах!.. Есть объективные законы... Они ничем не отличаются от законов Ньютона... Глобализация... Впрочем, это я уже описал.

Тут-то и нужно было бы добиваться ясности. Мол, есть одна позиция, согласно ко-

торой всё подчинено объективности и только ей. А есть другая позиция, в рамках которой существует ещё и воля, она же — миропроектность. В пользу одной позиции говорит то-то и то-то. А в пользу другой позиции — то-то и то-то. Если будет доказана правота одной позиции, то веер стратегий для России — таков. В противном же случае он другой.

Но дискуссия развивалась в варианте классического «круглого стола». Высказывались точки зрения. Что дальше с ними делать? Как и во что их политически трансформировать?

Внутри этих самых объективных процессов обнаруживались некие «мировые центры сил». Возникал сакраментальный вопрос: на какие центры сил можно и должно ориентироваться? Нужно ли ориентироваться на все центры сил? Или на один из них (например,

западный)?

Вопрос о том, на кого ориентироваться, явно преобладал над всеми остальными вопросами. «Ориентация-Запад» (читай — США) в целом, конечно, преобладала. Но в воздухе уже попахивало и «Ориентацией-Восток» (читай — Китай).

Трагедия состояла в другом: острота вопроса о том, чьим «младшим братом» нужно быть (США или Китая), лишь закрепляла сам принцип существования в качестве «младшего брата». Я не хочу сказать, что такая точка зрения на форуме тотально преобладала. Но по факту, как мне кажется, она превалировала. И как-то странно сочеталась с тезисом о сверхдержавности.

Но дело даже не в сверхдержаве. До тех пор, пока обсуждаться будет вопрос о том, НА КАКИЕ СИЛЫ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ,

а не вопрос о том, КАК САМИМ СТАНОВИТЬСЯ СИЛОЙ, — ничто не сдвинется с мёртвой точки.

Между тем, дискуссия в значительной степени строилась по принципу: «Да, мы сила! Мы становимся всё сильнее! Мы уже стали совсем сильными! (Пауза.) . . . ТАК НА КОГО МЫ БУДЕМ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ?»

Я меньше всего хочу иронизировать по поводу происходившего. Вопрос этот — больной и абсолютно открытый. Освобождаясь от империи и нескольких поясов сверхдержавности (мировая коммунистическая система, национально-освободительные движения, страны социалистического блока, СССР), Россия демонтировала то «многоквартирное здание», в котором она могла выбрать себе «квартиру», да ещё и управлять «ЖЭКом». Она скукоживалась до размера постояльца,

которому в принципе нужна лишь квартирка в каком-то чужом здании. И было ясно, в каком именно. Не было бы ясно, — наверное, и не стали бы разрушать СССР и всё остальное.

Здание это называлось «мировая цивилизация» (читай — западная цивилизация, читай — мир под эгидой США). Прямым политическим эквивалентом метафоры здания был НАТО. Если бы Россию приняли в НАТО (например, в 2001 году, когда об этом шёл наиболее серьёзный разговор), стало бы окончательно ясно — есть квартирка в данном здании, и в этой квартирке надо обустраиваться.

Но возникло два обстоятельства...

Первое обстоятельство состояло в том, что квартирка, о которой зашла речь, оказалась «не ахти». Не того качества, не на том этаже,

окна не туда выходили и так далее. Начались разговоры о том, что квартирка неподобающая. В ответ хозяин дома стал тактично намекать, что дом-то его! И что он его строил не одно столетие, причём оппонируя новому жильцу по всем направлениям. Не только в части коммунизма, но и, например, в вопросах о модусе христианской веры. А поскольку теперь жилец свой дом развалил и хочет въезжать в чужой, то фыркать — как-то «не того»...

Второе обстоятельство было намного серьёзнее. Оно состояло в том, что все разговоры о будущей квартирке носили сугубо риторический характер. А на самом деле России не предлагалась не только квартирка, но даже хотя бы подвальное помещение. А в это время в тот же «западный дом» въезжали новые и новые жильцы. И стало как-то не по

себе.

Однако, завалив собственный гигантский дом, объяснив выселенным из дома жильцам, что им этот дом был не нужен и даже вреден, очень трудно призывать их строить гигантский новый дом заново. Это фактически почти невозможно. Я, опять же, не иронизирую. Я пытаюсь в максимально мягких формах выразить ту суть, которая проступает за всеми этими дискуссиями. Потому что суть в том, что жить во чистом поле, не имея ни дома многоквартирного, ни коттеджа, ни чего-либо ещё, нельзя. Можно, конечно, лечь посреди улицы, накрыться одеялом и заявлять, что так лучше всего, потому что воздух чистый и не надо беспокоиться о состоянии коммуникаций. Но это известно как называется. И чем кончается, тоже известно.

И вот тогда-то возникает острое желание

въехать в какой-нибудь другой многоквартирный дом. А такого дома-то, по существу, нет.

Ну, не строит Китай многоквартирный дом! Не строит, и всё тут! Китай — это огромная семья, занятая строительством колоссального семейного коттеджа, а вовсе не многоквартирного дома. По габаритам коттедж больше дома, потому что семья уж очень большая. Но это всё равно коттедж. При нём есть какая-то инфраструктура. Подключиться к ней можно, но это же не значит, что мы въезжаем в коттедж. В нём чужих жильцов никогда не примут.

ТАКОВА ТРАГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА, ВИСЯЩАЯ НАД ВСЕМИ ДИСКУССИЯМИ ПО ПОВОДУ ПОВЕСТОК ДНЯ И ПРОЧИХ ВАЖНЫХ ВОПРОСОВ.

С одной стороны, надо признать, что стро-

ительство своего многоквартирного дома — безальтернативно.

А с другой стороны, это признать невероятно страшно. Потому что сразу возникает вопрос: «На фига же предыдущий дом рушили? Потому что обои не устраивали?» И это очень больной вопрос. Рушили потому, что хотели въехать в чужой дом. И не в какой-то вообще, а в очень определённый. И как хотели туда въехать, так и сейчас хотят. А не получается. Ну, не получается, и всё. И с каждым годом (а теперь уже чуть ли не с каждым месяцем) всё яснее, что нет для России в этом доме места вообще. Ориентируйся ты на эти силы, на другие... Понимай ты мир так или этак — а места нет.

Но ведь многоэтажные дома строятся не быстро. И не от безысходности они строятся, а от сверхдержавного драйва. Где он, драйв-

то? И откуда его взять после случившегося?

Западные коллеги, говоря об амбициях России, восклицали по поводу недопустимости конфликта между Россией и Западом... Российские западники каменели лицами и отвечали: «Мы не помним, когда за последние годы Россия конфликтовала с Западом. Это Запад исключает Россию не только из Европы, но и из клуба цивилизованных стран».

Ну, исключает, и что дальше? Дальше говорится о том, что надо ориентироваться на собственную цивилизацию, но при этом не конфликтовать с Западом, а капитализировать свои отношения на основе противоречий... У говорящих в глазах тоска...

Говорится о том, что нельзя настраиваться на благостный лад, но одновременно нельзя допустить глобальной конфронтации идеологий. Что надо маневрировать так, как Ки-

тай маневрирует в вопросе о Тайване... А в глазах всё та же тоска...

Говорится о том, что надо пообещать адекватные меры, но что никто не верит в нашу готовность принять адекватные меры. И та же тоска — бездонная и бездомная...

Время от времени восклицают: «Да хватит о суверенной демократии говорить! Мы выросли из этой модели! Мы снова стали великими! Нам не надо суверенизаторских комплексов! Они — реакция на десуверенизацию 90-х годов!».

И тут же говорится: «Эпоха суверенизации закончена. Глобальный мир порождает десуверенизацию! Ничего другого нам не дано! Это объективно, как законы физики!» ...Проходит минута — и звучит признание: «Нам некуда отдавать свой суверенитет! Нет силы, которая готова его взять, дав нам что-

то взамен. Мы обречены на суверенитет и не понимаем, что с ним делать».

Я сознательно не говорю о том, кому принадлежат какие реплики. Мне намного важнее общая картина, в которой реплики являются не чёткими позициями, структурно-функциональными блоками в неких мировоззренческих системах, а мазками на гигантском полотне, разрисованном художником по имени Постсоветская Трагедийность. Художник этот колеблется между импрессионизмом и экспрессионизмом. Иногда картина напоминает плач, иногда крик (есть такое полотно у Мунка). А иногда и плач, и крик одновременно.

Стряхивая этот морок, участники дискуссии начинают говорить о конкретике. Мол, хватит всей этой концептуальной лабуды. Надо конкретно говорить, что будем делать с

Украиной, Грузией и так далее. Но всем понятно, что никакая конкретика вне стратегии невозможна. Что эффективную конкретику может породить только внятный концепт. Что из частностей стратегия не рождается. Что в частностях она запутывается. Что концепт (и его более детальные, но всё равно абстрактные модификации) не умственная химера, а единственно возможное руководство к практическим действиям.

Описанная мною в начале политическая коллизия и эта интеллектуальная зарисовка — не существуют отдельно друг от друга. Нельзя сказать, что кто-то подлаживается под политическую конъюнктуру. Но и связь интеллектуализма с политикой, безусловно, имеет место. Тема о безальтернативном западном союзнике, безальтернативном западно-либеральном (конечно же, здоровом,

державном, а не абы каком) сценарии для России, — не снята с повестки дня. Скорее, она пребывает в особом — перенессансном, если уж продолжать художественные сравнения, — состоянии. И это состояние тоже не случайно. А вдруг политика повернётся в неожиданном направлении? Тогда надо заявить, что всегда хранил верность этому направлению. А как иначе?

Гостиный двор... Мне скажут, что система случайных и донельзя прагматических обстоятельств привела к тому, что съезд «Единой России» проходил в этом самом Гостином дворе. Но, во-первых, мы не в 1987 году. Уже, вроде, все научились выбирать для своих публичных мероприятий такие места, которое не должны вызвать двусмысленных ассоциаций. Потому что противник уцепится за название места и начнёт строить вокруг него негатив-

ные конструкции из этих ассоциаций.

А во-вторых, случайность — это ведь тоже «мессидж». За любыми подобными случайностями может стоять великая наблюдательница Клио — муза истории. Стоять и подмигивать: «Вам бы все товары... Обычные, политические, интеллектуальные... До поры до времени это сходит с рук... А потом...» Товар имеет эквивалент — цену. Он создан для того, чтобы быть проданным. Но ведь не всё продаётся и покупается. Никто из моих читателей, включая самых завзятых рыночников, не будет говорить о продаже своих близких (например, детей). И каждый, включая скептика и даже циника, понимает, что любовь не продаётся. И дружба тоже. А то, что продаётся — это не любовь и не дружба, а суррогаты.

Время суррогатов позади. Эпоха благополучия кончилась. А вместе с нею кончилась

и эпоха товаров. Наступает эпоха, когда труднее всего отличить товарное от нетоварного. То есть неподлинное от подлинного. Но это предстоит сделать.

Путин призывал «Единую Россию» отсеять лишних людей. Это очень важно. Но свести всё к этому невозможно. Нам придётся отсеивать лишнее в себе. И оставлять лишь то, в чём нет товарного суррогата. Я имею в виду сразу очень многое — и политику, и интеллектуальную деятельность. Да и человеческую позицию тоже.

Всё это, безусловно, есть. И только это — нетоварное, сокровенное — может сыграть спасительную роль. Только это поможет нам выйти из ситуации «стратегического бездомия». Только это сможет вывести очень многих за рамки нынешней антагонистической двойственности, усугублённой ощуще-

нием фундаментальной вины. Ведь был дом — и нет его. Просто нет — и ничего взамен. Что делать тогда всем сразу — интеллектуалам, политикам? А главное — народу-то что делать? Народу...

Общего ответа нет и не может быть. Наверное, кто-то продолжит стучаться в двери чужого дома. И даже нельзя обвинить его в неправоте. Но если двери будут закрыты наглухо? Что тогда? Найдёт ли общество в себе силы для настоящей, в высшем смысле слова нетоварной, стратегической дискуссии о развитии? Ведь мы когда-то умели дискутировать. Могли спорить до хрипоты много часов подряд, умели услышать друг друга, отсеивали тех, кому нечего сказать. Мы перешагивали через формальные регламенты и уходили от частностей. И во всём этом тогда была живая жизнь. Успеем ли мы вернуться к её ис-

токам, или окончательная беда настигнет нас раньше этого возвращения?

У меня нет однозначного ответа на этот вопрос.

А если бы он у меня и был, то вряд ли стал бы я опрометчиво разбалтывать такую «военную тайну». В одном я абсолютно уверен — данный ответ лежит за рамками любых операций «купли-продажи». Он находится там, где размещена нетоварная, глубинная подлинность. Она же — окончательная серьёзность. Её время ещё не настало. Но оно стремительно приближается.

Мне хочется верить во всё хорошее. Но я не могу спрятать от себя самого и других ощущение нарастающего неблагополучия. Неблагополучие это пронизывает все сегодняшние успехи, которые я совершенно не хочу девальвировать. И его нельзя избыть,

заглушая в себе экзистенциальную и политическую тоску по своему дому. Большому Дому Развития.

Не надо бояться этой тоски. Тоска пробуждает дух странствия. Дух этот толкает в путь. И как остаться на месте, если он тебя ТАК ТОЛКАЕТ? Ну, труден путь, ну, мало шансов пройти его... И что? Имеем ли мы право отказаться от этих шансов, сколь бы малы они ни были, если других шансов у нас просто нет?

10

Представьте себе, что вы являетесь миноритарным акционером какого-нибудь очень крупного предприятия. Ну, например, того же «Газпрома». У вас — 1 процент акций этого предприятия. В связи с тем, что предприятие очень крупное, этот 1 процент делает вас достаточно богатым. Но ваша миноритарность порождает массу проблем. С вами никто особенно не считается... Более крупные акционеры могут ущемлять ваши экономиче-

ские права. И, что ещё хуже этого, ваше чувство собственного достоинства... Вас это может злить. Злость может накапливаться. И оформляться в проект — проект выхода из этого самого «Газпрома».

А что? Взять деньги за этот свой 1 процент акций... Солидная, между прочим, сумма должна быть выплачена. А что, если на эту сумму создать свою фирму? Не тот масштаб проблем, не тот размах? Правильно. Но зато вы хозяин. Никто вами не помыкает, достоинство ваше не ущемляет, ваши здравые рекомендации не посылает «куда подальше».

Наверное, читатель уже понял, что я не проблему малых долей в крупных экономических предприятиях рассматриваю. Я рассматриваю (со всеми множественными оговорками, которые уже не раз делал) проблему, так сказать, геополитических «акционер-

ных обществ». И их миноритарных «акционеров». Они же — малые и средние государства.

Я понимаю всю условность параллели между государством и акционерным обществом. Я много раз сам критиковал подобные параллели. Но я же не собираюсь пользоваться данным сравнением как рабочей моделью, позволяющей делать далеко идущие выводы. Я использую сравнение как метафору. Не более, но и не менее.

Итак, жил да был один огромный геополитический «Газпром». Назывался он СССР. И в этом колоссальном геополитическом «Газпроме» были миноритарные акционеры. Ну, например, та же Армения. Или Киргизия. Миноритарные акционеры имели массу преимуществ, вытекающих из того, что миноритарность миноритарностью, однако есть малая доля в очень большом деле. Но они мог-

ли сетовать на то, что доля малая. Что главный акционер ведёт себя слишком директивно. Что они не могут использовать свои малые доли органичным для них образом.

И кто-то оформлял эти сетования в очень внятный, накалённый и абсолютно при этом лживый миф — МИФ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ МАЛОЙ ДОЛИ В ОГРОМНОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ «ГАЗПРОМЕ» В НЕБОЛЬШУЮ ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ ФИРМУ, ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ АБСОЛЮТНЫМ ХОЗЯИНОМ.

Это очень соблазнительный миф. Ведь и в экономике самореализация значит ничуть не меньше, чем прибыль. А уж в геополитике — тем более. Живёшь ты у себя в небольшом или среднем государстве. У тебя свой язык. Никто тобой не помыкает. Твоя нация определяет, куда идти, как рулить. И никакой «стар-

ший брат» в это не вмешивается. Если бы это было в принципе возможно, то парад суверенитетов, приведший к развалу СССР, был бы в чём-то оправдан.

Но на протяжении многих веков история вроде бы учила малые народы одной печальной истине — что их малость НИКОГДА не обеспечит им абсолютного суверенитета. Что им всё равно придётся вступать в какие-то союзы и оказываться миноритарными акционерами в каких-то крупных геополитических предприятиях. Нигде история не давала на этот счёт таких суровых уроков, как на Кавказе. Те же Армения или Грузия могли оказаться либо под властью Персидской империи, либо под властью Османской империи, либо под властью Российской империи. То есть они всё равно всегда оказывались втянуты в тот или иной «геополитический супер-

концерн». Не «Газпром», так «Осман-газ»... или «Иран-газ»...

Можно, конечно, и в «Бритиш петролеум»... Но тогда уже даже не на правах внятного миноритарного геополитического акционера (стали провинцией той или иной империи, и живём по её правилам). Тогда — по схеме псевдоавтономности, чреватой особой кровавостью: и законы общности, под которую «лёг», соблюдай, и общность эта за тебя никакой ответственности не несёт.

Она ответственности не несёт, а сам ты отвечать за себя не можешь. По причине исторически заданной миноритарности. И что дальше? Дальше рано или поздно ты либо истекаешь кровью в «разборках» с аналогичными по масштабу миноритариями, польстившимися на сходную псевдоавтономность, либо входишь на внятных основаниях в какое-

то масштабное геополитическое предприятие. Такова судьба не только мелких, но и большинства средних «геополитических акционеров».

В этом смысле я уже не первый год пытаюсь понять, чего в принципе хотят ДЛЯ СЕБЯ, например, те же украинцы. Я имею в виду тех украинцев, которые ценят свой суверенитет, своё национальное государство. Я очень хорошо понимаю, почему они его ценят. У этих украинцев есть счёт к Российской империи (озвученный тем же Тарасом Шевченко, и не только). И у них есть менее мне понятный счёт к СССР (почему они чувствовали там себя ущемлёнными — неясно, их доля в данном геополитическом предприятии была огромна).

Но, всё-таки, это была только доля. А хотелось не общинной доли, а своего хутора. И

чтобы на нём абсолютным хозяином... и так далее.

Хотеть не запретишь. Но исторический опыт-то куда денешь? Ну, не бывает так. Не бывает, и всё! Выйдя из геополитического «Газпрома» под названием СССР, Украина (как, впрочем, и все остальные вышедшие) немедленно должна будет войти в какой-то другой геополитический концерн сходного размера. Так она и входит! Все вышедшие и кричавшие об абсолютном суверенитете, как только получили свой пай, тут же рванулись передавать его в другие «мега-кооперативы».

Крик о том, что пай будет изъят и никому не отдан (в украинском варианте — концепция самостийности), нужен был только для того, чтобы выйти. Ровно в момент выхода оказалось, что пай немедленно надо передавать в другие руки. А «абсолютная самостий-

ность» — это абсолютный же блеф.

И тогда, конечно, возникает вопрос: «Что же именно не устраивало пайщиков, изымавших свои паи? Ради чего они их изымали? И кто были эти пайщики? Это были народы или элиты? Применительно к советской ситуации — народы или номенклатуры?»

Упрощать ситуацию вряд ли стоит. Народы, конечно, не были совсем уж слепыми марионетками в руках номенклатур. Но что-то в моём вопросе, согласитесь, есть. И вот почему.

Возьмём тот же проект Модерн. Для среднеазиатских государств советский вариант модернизации был самым щадящим и эффективным. Каждый, кто в это не верит, должен с минимально кратким временным разрывом посетить сначала Таджикистан, а потом близкие к нему районы Афганистана, и сравнить

образ жизни. Не жизни элиты, а жизни народа.

Конечно, этот опыт надо было проделать лет 25 назад. Тогда результат оказался бы наиболее впечатляющим. Но и сейчас огромный разрыв в пользу республик, входивших в состав СССР, налицо.

Советский сценарий модернизации (то бишь развития) был очевиден и по целям, и по результатам. Столь же очевидно было, что не только ранние коммунисты (те-то просто грезили развитием), но и вполне обрюзгшие, однако хотя бы по минимуму сохранившие идеологический код номенклатурщики позднесоветского периода, — реально хотели именно РАЗВИВАТЬ союзные республики.

Правильно ли они хотели их развивать или нет... Какие там были перегибы... В какой степени это делалось за счёт коренной

России (главный упрёк в адрес СССР со стороны так называемых «почвенников», требовавших выхода России из состава Советского Союза)... Можно и должно дискутировать по этому поводу, освобождая историю от мифов со знаком «плюс» и «минус». Но очевидность почти автоматической обусловленности советских поздних элит вялым и смутным для них самих долженствованием, согласно которому надо что-то ИМЕННО РАЗВИВАТЬ, вряд ли вызывает сомнения.

Ну, хорошо, покритиковали мы вялость и смутность этого ушедшего в прошлое долженствования. Осудили ошибки в выборе вектора и модели, так называемые перекосы и прочее... Прошли годы. Что стало ясно?

Стало ясно, что теперь-то нет даже этой воли к развитию. Если говорить о воле, понимая, чем она отличается от благих поже-

ланий. И дело даже не в среднеазиатских лидерах (беру Среднюю Азию только как самый яркий пример) или среднеазиатских элитах. Дело в гораздо более глубоких вещах. Как внутренних, так и внешних, как историософских, так и культурных.

Понимаю, что отдельные наблюдения ничего не доказывают, и никоим образом не хочу ими ограничиваться. Но и игнорировать бытовые зарисовки глупо. Это почти то же самое, что игнорировать в физике всё, связанное с экспериментом.

Итак, вначале зарисовка. В дачном посёлке, где я живу, непрерывно идут какие-то стройки. На стройках много среднеазиатских рабочих. В большинстве своём это вполне милые и абсолютно неагрессивные люди. Они вступают в контакт достаточно легко. В моём же случае возможность контакта, бесед об-

легчена наличием у меня собаки — среднеазиатской овчарки. Когда я с ней гуляю, рабочие узнают породу, относятся к собаке с опасливым восхищением. А с вашим покорным слугой, как хозяином собаки, особо охотно разговаривают и о собаках, и о многом другом. Чем я пользуюсь. И по-человечески (мне это приятно), и с профессиональными целями.

Все мои собеседники приехали на стройку не от хорошей жизни. Но одна их категория с удовольствием приехала бы и при советской власти. А другая — никогда бы не приехала с нынешними целями, поскольку в советское время была хорошо устроена — имела высшее образование, инженерскую зарплату, достойную работу на местных предприятиях (как относящихся к ВПК, так и других). Теперь она ничего этого не имеет. Не её вина. Хотя в историческом плане, наверное, и её тоже.

Но я не об этом. Я о том, с какой лёгкостью этот контингент освобождается от привнесённой советским модернизационным проектом цивилизационной плёнки. Как быстро люди, родившиеся в городских семьях и проработавшие чуть не десятилетия инженерами, переходят к традиционным позам сидения во время отдыха на корточках у стены и привыкают спать на голых матрацах в малоприспособленных для жизни помещениях.

Конечно же, модернизация в странах с рассматриваемой мною спецификой — это дело вообще трудное. Где оно оказалось удачным? Разве что в Турции, да и то в весьма относительной степени. Ну, Марокко... Ну — совсем уж в малой степени — Пакистан... Что дальше?

Между тем, сейчас на среднеазиатские страны очень медленно, но почти неумоли-

мо надвигается нечто совершенно другое. Не имеющее никакого отношения к Модерну и ненавидящее его. Я имею в виду пресловутый халифат. Возможен ли он после ранних постсоветских попыток радикальной исламизации региона? В какой степени накалённому контрмодернистскому исламу удастся преодолеть субконфессиональные и племенные противоречия?

Всё это — вопросы открытые. Но то, что модернизационно ориентированные элиты того же Узбекистана в условиях роста (пусть даже и плавного) подобных тенденций ожидает политическая и витальная катастрофа — понимает каждый, кто побывал, например, в Ферганской долине.

Итак, отпали от СССР... Попробовали впасть в халифат... Отпрыгнули... Попробовали какой-нибудь неоосманизм (Великая

Турция и всё прочее)... Отпрыгнули... Поиграли с американцами... Отпрыгнули... Задумались о Китае... Отпрыгнули... Постепенно возникает фантом «множественного отпадения». И вспоминается «Солярис»... Даже не в текстуально-лемовском варианте, а в том модифицированном, которое предлагает талантливый фильм Тарковского. Наблюдая сходные фантомы (то одни, то другие), напоминающие разное (то одно, то другое), герой спрашивает своего более опытного товарища: «А что эти фантомы хоть как-то стабилизирует?» Товарищ отвечает: «Их стабилизирует поле Соляриса». Вот так...

Поглощение халифатизмом... Поглощение Китаем... Для Казахстана этот сценарий более чем актуален... И что? Предположим даже, что Нурсултану Назарбаеву, политику далеко не слабому, удастся перейти от

поверхностной модернизации к более глубокой... Эта глубокая модернизация разве избавит его от китайской оккупации, коль скоро такая оккупация покажется Китаю необходимой в рамках ведущейся им большой игры?..Игры, ставкой в которой является мировое господство?..

Однако главное даже не это. Главное, что развитие — уже не является хоть в каком-то смысле обязательным всемирно-историческим контекстом. А развиваться, не имея подобного контекста, малые и средние страны не могут. Но ведь всемирно-исторический контекст (назовите его, если хотите, глобальным) не исчез. Он изменил вектор. И из контекста «обязательности развития» постепенно превращается в контекст «обязательности неразвития». Или даже регресса.

Есть страны, для которых выход из СССР обернулся крайним неблагополучием. А есть страны, где этот выход был пережит с относительным благополучием. Прибалтика, например, очень хотела выйти. И распорядилась выходом если не оптимальным, то хотя бы объяснимым образом. Возникли вполне пристойные по ряду параметров задворки Европы (хулиганства на антирусской и нацистской почве в рамках данного обсуждения я сознательно вывожу за скобки). Но ведь именно задворки!

Где все эти утопии о «новых Афинах» в Великой Балтии, будоражившие общественное мнение в момент выхода из СССР? Нет никаких «новых Афин». Нет никакой постиндустриальной Балтии.

Всё тихенько, приемлемо — но не более того. И уж никак не суверенно! Один хозяин яв-

ным образом поменялся на другого. Того хозяина не любили, а этого вроде бы полюбили. Сказки о суверенитете оказались отброшены на следующий день после получения долгожданного суверенного пая. Пай тут же передали в соседний кооператив. И далеко не бесплатно — заодно получив соответствующие обязательства.

Теперь возьмём Украину. Недавний эксцесс вокруг вопроса о Севастополе ещё раз обнажил все болевые точки рассматриваемой проблемы.

С одной стороны, избыточное обострение эксцесса с российской стороны, вкупе с его абсолютной риторичностью, может сыграть роль негативного побудителя, позволяющего добиться нужных «оранжевым» результатов на референдуме по вхождению Украины в НАТО.

С другой стороны, вхождение это уже и так началось. И, видимо, состоится при любых умонастроениях украинского народа. На элиты надавят... Они поддадутся... Всё остальное, как мы понимаем, дело техники. А наблюдатели ОБСЕ подтвердят, что всё прошло легитимно.

Что ж, предположим, что подобная техника (она же — административные технологии в «оранжевом» исполнении) сработает. Что дальше?

Борьба за Украину между Европой и США (а точнее, между Германией и США) никогда не прекратится. Уйдёт Россия из этой игры (а зачем, собственно, ей уходить?) или нет — игра будет вестись всё равно. Турция от претензий на Крым не откажется. Уже сейчас турецкий флот (черноморский и средиземноморский) намного сильнее российско-

го Черноморского флота. Но уж и подавно он сильнее украинского. А Крым в сколь-нибудь серьёзном историческом смысле принадлежал лишь двум государствам — Османской и Российской империям.

Добиться одноразового электорального результата (административным, в том числе, образом) и ввести Украину в НАТО — это одно. Тут тоже шансы «пятьдесят на пятьдесят», но это «политический спринт», где легче отманипулировать. А вот дальше начинается политическая же «стайерская» дистанция.

Югославию — можно было ввести в НАТО как целое? Она что, сопротивлялась бы? Да никоим образом! Она готова была входить. Но её раздробили на части. И продолжают дробить.

Кто сказал, что на Украине произойдёт

что-то другое? И почему там должно произойти что-то другое, если в Большой Европе на повестку дня поставлен вопрос «глокализации» (то есть соединения глобального и локального в противовес национальному)? Кто это так особенно будет хлопотать по поводу самостийности Украины? И в чём формула этой самостийности? То бишь единства нации? Чем будет достигнуто единство нации?

Какие-то наработки в этом вопросе есть у так называемых «западенцев». Они боролись за самостийность — причём вполне решительно. Боролись веками. Лили кровь — чужую и свою. У них есть проект, есть этос (святыни, герои, мифы), вокруг которых они могут попытаться что-то строить. Но всё это — проникнуто ненавистью ко всему русскому. Оно так и выстраивалось. Причём очень опытными католическими руками.

Согласно данному этосу (а ничего другого — накалённого, исторически обусловленного — просто нет), русский (он же «москаль») — вообще не человек. Существо второго или третьего сорта. Аргументация на сей счёт подробно разработана. И вот уже заместитель представителя самого Ющенко (президента страны!) по Крыму, по фамилии Пробейголова, — дарит на юбилей Симферопольской библиотеке книгу украинца по фамилии Штепа, эмигрировавшего в Канаду. В книге подробно рассказывается, почему «москаль» — существо неполноценное. Такой вот подарок официальное киевское лицо делает крымчанам. Крымчанам!

Представьте себе официального представителя российского президента, который дарит в Казани татарской библиотеке книгу о неполноценности татар... Или представи-

теля индийской власти, который дарит в Кашмире мусульманской библиотеке книгу о неполноценности мусульман. И так далее...

Может быть, Пробейголова — это курьёз? А переписывание на украинский лад Гоголя? Не хочу смаковать детали. Скажу только, что унизительная комичность этого переписывания может конкурировать только с его же вызывающей оскорбительностью. Причём не по отношению к России, а по отношению к мировой культуре. Её нормам, правилам и всему остальному.

Так можно ли построить нацию на подобном этосе? И откуда возьмётся другой?

И что можно сделать без этоса?

И ориентирован ли имеющийся этос, по большому счёту, на создание нации? Или самостийность была лишь способом изъять пай из российского геополитического «Газпрома»

и тут же передать этот пай в иной геополитический концерн. То ли в заокеанский, то ли в тот, который когда-то назывался Австро-Венгерская империя.

Но Австро-Венгерской империи, буде она появится вновь (разумеется, в модифицированном варианте), совершенно не нужна огромная самостийная Украина. И никому она не нужна. То есть сейчас, конечно, станут говорить, что она нужна. Но на деле понятно, что не нужна.

Американцам нужны базы и минимальная устойчивость вокруг баз. Будут эти базы не в украинском, а в турецком Крыму — и что? Турция — надёжный союзник по НАТО. Европа сама себя понимает, как Европу регионов. И процесс явно идёт в этом направлении. Чехию со Словакией можно разделить, а Восточную Украину с Западной — нельзя?

Почему?

Но самый больной вопрос для меня всё же не в этом. Кто-нибудь в каком-нибудь из «самостийных кооперативов» удосужился подумать о форсированном развитии? О постиндустриальных перспективах? Об этом говорили, пока нужно было вынимать пай из геополитического «Газпрома». Но когда пай вынули, то реально, на уровне государственной воли, этим не стал заниматься никто. Ни лояльные России мини-образования, ни сходные образования, торгующие нелояльностью, ни сама Россия. НИКТО!

Собственной дееспособной Силиконовой долины, на которую молится нация, не возникло ни в Армении, ни в Грузии. Ни в Азербайджане, ни в Узбекистане. Ни в Прибалтике, ни на Украине. Нечто пристойное как-то сохраняется в Белоруссии. Но прорыв не осу-

ществлён НИГДЕ.

Разобщённые народы не смогли форсировать ни свой Модерн, ни, тем более, свой постиндустриальный (не путать с постмодернистским) сценарий развития. Который, например, пытается реализовать Индия. Пытается, скрипя зубами, отбрасывая самые насущные необходимости. И прокладывая — почти по телам ночующих на улицах многомиллионных масс — какие-то траектории форсированного развития. Причём массы, между прочим, смотрят на это не с отвращением, а с восторгом.

Национализмы, развалив СССР, показали в итоге, что они не являются национализмами в строгом смысле этого слова. Что они больны этнократизмом. Что у них нет воли к Модерну. Притом, что нация — это субъект и продукт модернизации одновременно.

Где-то эти псевдонационализмы сразу обнаружили свой архаизаторский смысл. А где-то они просто почили на лаврах неразвития. Подменив развитие чем-то другим. Ещё раз подчеркну, иногда в чём-то «как бы приемлемым». Но всё равно тупиковым.

Потому что без форсированного развития народы, которые соблазнили суверенизацией, превращаются в «зверей, стоящих у дверей» одной из самых жестоких эр в истории человечества — эры глобализации. «Стояли звери около двери. В них стреляли, они умирали». Так что же элиты, вроде бы «сходившие с ума от любви к освобождаемым народам», на самом деле готовы холодно смотреть на то, как эти народы, как «звери», будут стоять «около двери» и так далее? Что же это за элиты такие?

Вопрос, который я задаю, отнюдь не три-

виален. На протяжении многих веков элиты не могли быть безразличны к своим народам. Да и сейчас... Что, например, больше всего поразило меня в поездках по Китаю? То, что представители китайской элиты (отнюдь не лишённые особого высокомерия) очень тепло смотрят на людей из своих народных масс. У них в глазах, когда они смотрят, появляется что-то специфическое — совсем не презрительное и холодное, а наоборот. Чтобы так смотреть, нужно иметь настоящую связь с народом. Причём не только на уровне эмоций, но и на уровне целей. В Китае это в основном так. Но уже в Шанхае — это не вполне так.

Что-то новое носится в мировом воздухе. И касается оно глубоких перемен в отношениях между элитами и народами. Что же это за перемены?

11

Есть несколько типов понимания. Один — когда умом понимаешь, а сердце в этом не участвует. Другой — когда на уровне переживаний тебе кажется, что твоё понимание носит абсолютный характер. А сформулировать что-либо трудно.

Для многих тот или другой тип понимания является высшим. Но для меня высший тип понимания — такой, когда разлада между умом и сердцем нет.

Разлад же является следствием отсутствия того, что я называю «точкой сборки» или «фокусировкой». Без этой точки нельзя собрать воедино противоречивые начала (чувства и мысли, образы и понятия и т.д.). Найти же такую точку совсем непросто. Но если разлад и порождённая им МУТНОСТЬ твоего понимания тебя не устраивают, ты будешь вести себя как та самая лягушка из притчи, которая, попав в горшок со сметаной, начала бить лапами.

И рано или поздно добьёшься искомого — «собьёшь масло и выпрыгнешь». На что-то натолкнёшься, с чем-то встретишься. И вдруг возникнет эта самая фокусировка. А остальное — дело техники. Фокусировку надо удержать. Вокруг неё надо выстроить систему точного понимания происходящего. Это — известно, как делать.

А вот сама фокусировка... Тут надо «бить лапами» и быть готовым к самым неожиданным мессиджам, превращающим мутное (сметану) в ясное (сбитое твоими лапами масло).

Элита и народ... Постсоветский процесс нёс в себе нечто качественно новое в отношениях между этими «макросоциальными величинами». И новизна была существенной. В каком-то смысле, глобально значимой. Мы опять оказались слабым звеном в некоей цепи. Какой?

Что-то я понял достаточно быстро. Но ясности в моём понимании не было. Не хватало этой самой фокусировки. Я понимал, что добьюсь её, и терпеливо ждал нужного мессиджа. И дождался. «Круглый стол» в одной газете... То, что называется «элитные интеллектуальные посиделки»... Все

выступили... После этого хозяева накрыли стол... А люди ещё достаточно интеллектуально разогреты и не готовы перейти на светскую болтовню... Шлейф спора тянется из конференц-зала в зал банкетный... Но, конечно, спор меняет качество. Обязанности жёстко спорить уже нет, закуска и выпивка...

Я ещё на «круглом столе» задел собеседников. Начал рассказывать о том, что такие-то и такие-то элиты (отнюдь не либерального толка) допустили распад СССР, обещая классическую модернизацию России (модернизация — это всегда буржуазный процесс), создание нации (нация — субъект и продукт модернизации) и прочие позитивы, невозможные в советской империи. Что трудность борьбы с этими элитными группами состояла в том, что они выступали как радете-

ли о благе России. И обвиняли противников в корыстно-инородческом нежелании сделать государство национальным.

И вот перешли мы из одного зала в другой. Собеседники, раздражённые такой моей формулировкой (либералов приятно и привычно обвинять во всём, а я посягнул на другое), продолжают меня атаковать. Я переходжу в контратаку. Привожу аргументы. И ещё больше раздражаю собеседников. Наконец, я беру быка за рога и говорю: «Ладно, дело прошлое. Империи нет. Издержки чудовищные. Но где обещанная модернизация? ГДЕ ОНА, я спрашиваю? Вот по этим признакам её нет, и по этим, и по этим!»

Собеседники, понимая, что я прав, заводятся ещё больше. Хотя казалось, что дальше некуда. А тут ещё накрытый стол, отсутствие микрофонов. Компания тесная. И один

из собеседников говорит: «Да что Вы несёте ахинею! Вы ничего не поняли в самом проекте! Речь шла не о модернизации страны, а о модернизации элиты».

Застольный шум как-то сам собой затихает. Я в этой тишине спрашиваю: «ЗА СЧЁТ ЧЕГО?»

Собеседник, услышав тишину, делает паузу. Но поскольку страсти кипят и внимание обращено на него, он не может не ответить. И после паузы отвечает: «ЗА СЧЁТ ВСЕГО!»

И вот тут я всё понимаю. Точнее, в моём понимании, наконец, возникает давно искомая фокусировка. Я потому и рассказываю так подробно, что надеюсь это фокусировочное, почти неуловимое, «интеллектуальное ощущение» как-то передать читателю.

Если продолжается модернизация элиты «за счёт всего» — тогда какое развитие? И

что такое эта «модернизация за счёт всего»? Что входит во «всё», за счёт чего должна происходить модернизация?

Модернизация всегда происходит за счёт традиционного общества. Это касается и английской, и советской модернизации. Сталин не мог проводить индустриализацию без коллективизации. Как не мог он проводить её и без ПОДЛИННОЙ культурной революции (маоистский вариант — это, как мы понимаем, другое). Поскольку сталинская модернизация не была буржуазной (и в этом смысле её нельзя считать классической), то и с традиционным компонентом общества происходило нечто далёкое от канона.

С одной стороны, этот компонент ломали (так ведёт себя любая модернизация). А с другой стороны — восстанавливали. Что такое колхозы и совхозы? В каком-то смысле

— это модерн (тракторы и всё прочее). Тем более, что дальше были проекты индустриализации сельского хозяйства (вплоть до агрогородов). А в каком-то смысле — это возврат к общине, то есть к традиционному обществу.

Кто-то скажет: «вторичное закрепощение». И для этого есть определённые основания. Хотя назвать это закрепощением у меня лично язык не поворачивается. Да, паспорта были отняты, и многое другое свидетельствует о возвращении к «добуржуазному». Но... как бы это сказать? Фильм «Свинарка и пастух» в крепостной России был бы невозможен. Я не хочу сказать, что реальная свинарка и реальный пастух напоминали показанных в фильме. Конечно, это был культурный миф. Но в крепостной России и миф такой был бы невозможен. Был бы другой миф.

Впрочем, что об этом спорить? Одни гово-

рят, что в спорах рождается истина. Другие — что она в них гибнет. Тут всё зависит от типа спора. Кто хочет добыть в споре истину, тот её и получит. А кто не хочет — с тем, сколько ни спорь, всё бессмысленно.

Но то, что в данном случае является предметом исследования, инвариантно к оценке социального качества сельскохозяйственного сектора при Сталине. Достаточно признать, что это качество было атипичным. Конечно, это был новый вид общинности, а не возврат к традиции в чистом виде, — но, в любом случае, это не было превращением традиционности в прах, в выметаемый мусор. А именно так поступает классический модерн с тем укладом, который должен сыграть роль жертвы, положенной на алтарь модернизации.

Подчеркну ещё раз, что любая — да, имен-

но любая! — модернизация предполагает такую жертву. И не надо мне говорить, что в Америке не было уклада, приносимого на алтарь модернизации. Был он! Весь Юг был принесён в виде жертвы на алтарь модернизации. Миллионы людей убиты. Определённый уклад разрушен. Негров, конечно, освободили, и это хорошо. Но уклад разрушили, и притом беспощадно. А ранее в обители либерализма, в Великобритании, беспощадность такого разрушения была ещё больше.

Принцип модернизационного проекта в этом смысле очень прост. Есть некая многоукладность. Одни уклады — тормозят развитие. Другие (или другой) его стимулируют. В какой-то момент оказывается, что без развития нельзя. Потому ли оно нужно, что иначе страну завоюют соседи... Или без развития социальное загнивание перейдёт в стадию

гангрены... Или произойдёт и то, и другое сразу... Но развитие нужно.

Кроме того, уклад, стимулирующий общее развитие, сам себя развивает ускоренным образом. У тех, кто интегрирован в этот уклад, появляются новые возможности, а также желание этими возможностями воспользоваться. Обладатели возможностей знают, что им нужно делать: им нужно брать власть.

И они, раньше или позже, в большей или меньшей степени, её берут. Либо сметая упрямые косные классы (французский вариант). Либо договариваясь с менее упрямыми классами (английский вариант). Но, в любом случае, без «кровопускания» дело не обходится. Вопрос в масштабах и беспощадности кровопускания. Кромвель — это тоже кровопускание. Меньшее, чем Робеспьер и Сен-Жюст. Но очень существенное.

Хорошо, взяли власть... Монопольно или на паях. Огляделись. И поняли, что кого-то надо экспроприировать. А экспроприируемое направить на модернизацию.

Кого экспроприировать? Тех, кто (а) имеет нечто, могущее быть предметом экспроприации, и (б) трудно совместим с той модернизацией, для которой нужна экспроприация.

Исторический опыт показывает, что экспроприация в колониях (внешняя, или аллохтонная) может смягчать экспроприацию в метрополии (внутреннюю, или автохтонную). Но решающей всё равно оказывается автохтонная экспроприация.

Если модернизация носит догоняющий характер, то экспроприация должна быть максимально быстрой и потому особо интенсивной. А экспроприировать надо такой ресурс, который можно конвертировать в техноло-

гии. Вывезти из страны, продать, на полученную валюту купить то, что нужно для модернизации, и начать укоренять купленное в стране.

Сталинская (вновь подчеркну, что не до конца типичная по многим параметрам) модернизация поступила именно так. Продать можно было сельскохозяйственные продукты. Других не было. Для того, чтобы их продать, нужно было изъять их у своего населения. Изъять их у населения было можно, только изменив ту социальную матрицу, в которую население было «упаковано».

Матрица эта называлась НЭП. Она дала возможность накормить страну после разрухи, порождённой гражданской войной и так называемым военным коммунизмом (который только и позволил выиграть гражданскую войну). Но она, эта нэповская матри-

ца, не позволяла изъять у крестьянства за низкую плату излишки сельскохозяйственного продукта, который можно экспортировать.

Достоверна ли исторически известная притча о сибирском мужике, якобы сказавшем Сталину: «Ты мне, рябой, спляши, а тогда я, может быть, тебе и дам хлебушек», — сказать трудно. Может быть, да, а может быть, нет. Но то, что эта притча достоверна историософски, — вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

Коллективизация сломала нэповскую матрицу. И позволила изъять и продать на Запад колоссальное количество сельскохозяйственной продукции. А где ещё можно было взять станки, паровозы, трактора, прокатные станы и прочее? И на какие деньги надо было это всё покупать?

Дополнительным трагическим обстоя-

тельством, подхлестнувшим процесс, стал мировой кризис капитализма, начавшийся в 1929 году. Для марксистской политической элиты СССР этот кризис означал точку бифуркации. Либо за кризисом последует мировая коммунистическая революция, и тогда Советский Союз должен её оседлать, для чего нужна индустрия, соответствующая армия и всё остальное. Либо за кризисом последует буржуазная реакция и война. И тогда главный, на кого нападут, — СССР. А что, на самом деле марксистская наука была для тогдашней элиты СССР, да и страны в целом, плохим компасом? Ведь напали!

Кризис капитализма требовал ускорения модернизации. Будет всё развиваться позитивно или негативно — всё равно ускорение необходимо. Но ведь кризис-то был ещё и кризисом снижения спроса и перепроиз-

водства. Капиталистическое хозяйство само ломилось от избытка сельхозпродукции. Западные корпорации сжигали и закапывали продукты, чтобы избежать обрушения цен. «Вломиться» на этот перенасыщенный рынок СССР мог, только (а) используя умелых посредников, и (б) играя на понижение. В экономической истории это вторжение советских сельхозпродуктов на мировой рынок называют «советский демпинг».

К чести тогдашней советской элиты (и к стыду нынешней) могу сказать, что деньги, полученные за тот, политый кровью и слезами хлеб, — никто не украл. Они пошли по назначению. Никто не завёл часть денег на западные счета. А различного рода мифы по этому поводу — грязные пиар-агитки, не выдерживающие столкновения с точными историческими данными. Никто также не иг-

рал в «отстёжки», «откиды» и прочее. Западным фирмам, строившим наши индустриальные объекты и ввозившим нужное для их работы оборудование, платили хорошо. Но не более того.

Посредники — наживались. Но где вы найдёте посредника, который не захочет нажиться? Поэтому «ужастики» про Хаммера и многих других — недостоверны и являются пошлой бытовухой. Заводы построили? Электростанции построили? Войну выиграли? Раз это всё сделали, то в макросоциальном смысле — ничего не украли.

И вообще, не этим жили. Было растущее элитное социальное высокомерие, породившее феномен номенклатуры. Были конфликты, игры, интриги. Но всё это тонуло в сумасшедшем, ненормированном труде. И чётком понимании того, что попробуй только не ре-

шить поставленные задачи... Потеряешь разом всё — и высокомерие, и качество жизни, и жизнь как таковую. Но, опять же, не это главное.

Первый элемент модернизации — экспроприировать уклад-донор (или уклад-жертву) и аккумулировать некий товарный потенциал.

Второй элемент модернизации — превратить этот товарный потенциал (экспортируемое зерно или что-нибудь ещё) в деньги.

Третий элемент модернизации — купить на эти деньги нужный для модернизации ассортимент товаров (станки, прокатные станы и т.д.) и ввезти его в страну.

Но... но станки и прокатные станы в чистом поле не поставишь. Их надо размещать в заводских корпусах, а корпуса сопрягать с инфраструктурой. Нужно строить корпуса,

создавать инфраструктуру. Платить за это строителям так, как делали на Западе, невозможно. Все деньги пошли на станки и прокатные станы. Значит, надо так надавить на уклад-донор, чтобы люди из него сами побежали в нужную сторону, на эти самые стройки, и стали работать за минимальную или нулевую плату. За нулевую плату — это значит арест и Беломорско-Балтийский канал. То есть ГУЛАГ. За минимальную плату — это значит голод в деревне и попытка выскочить оттуда любым способом, не торгуясь о цене с помогающим выскочить работодателем.

Не хватает всего этого? Энтузиазм, комсомол, всё, что угодно, чтобы рыть котлованы, месить цемент и строить корпуса. Быстро! Быстро! Иначе зачем машины? Таким образом, четвёртый элемент модернизации — выдавливание в нужном направлении дешё-

вой рабочей силы. Вы хотите сказать, что англичане так не делали? Да делали, и с какой беспощадностью! Вспомните знаменитые «огораживания». Но англичане, всё-таки, в основном делали это веками. А тут некий грубый модернизационный проект был реализован за десять лет. Вы подумайте — ДЕСЯТЬ ЛЕТ!

Но и это не всё. Построили корпуса, поставили станки... Кто работать будет? Зэки тут доминировать не могут. На лесоповале могут, а тут нет. Значит, нужен многомилионный (допускаемый и фильтруемый) поток сообразительных беглецов из колхозов. А как они побегут, если не надавить на эти самые колхозы? И не впрямую, а через уровень жизни и прочие элементы социальной фрустрации. Что может быть в этой ситуации эффективнее такого давления? Возникнут отсрочен-

ные стратегические издержки? Так они потом возникнут, потом! А сейчас надо быстро строить и выигрывать войну.

Итак, повторяю, четвёртый элемент модернизации — это форсированная управляемая миграция собственного населения из уклада в уклад.

Пятый элемент — культурная революция (вновь подчеркну — не которая по Мао Цзэдуну, а реальная и вполне удачная). Бежать-то из колхозов бегут. И это в чём-то поощряется, а в чём-то сдерживается. Но кто бежит? Люди социально активные, соображающие, что к чему, но не готовые к работе на заводах. Так их надо подготовить! Обучить. Вышколить. А поскольку обучить и вышколить за короткие сроки нельзя, то надо ещё и вдохновить.

Однако вдохновляй — не вдохновляй, но плохо обученный и плохо вышколенный ра-

ботник будет ошибаться. Значит, надо беспощадно наказывать за ошибки. А над массой не до конца готовых людей ставить надсмотрщиков, контролёров. А что ещё делать?! В противном случае промышленность захлебнулась бы в бракованных изделиях.

А она — не захлебнулась. Наши танки и пушки были бракованными или нет? Если бы они были бракованными, мы бы как победили — останавливая танковые дивизии СС вместо снарядов американской ленд-лизовской тушёнкой?

Шестой элемент — качество жизни. Может быть, это решающий элемент. Народ должен видеть, что формируется новая жизнь. Что его не только гонят в ГУЛАГ, колхоз или на завод. Ему ещё и дают что-то безусловное, ощутимое, нужное и одновременно благое. Народ должен плакать от радости при

виде ДнепроГЭСа или Магнитки. Он должен понимать, что развитие — это его развитие. И он должен что-то получать. От дешёвых продуктов и дешёвой одежды — до мечты. Какие-то двери в будущее должны быть распахнуты. Какие-то каналы социальной мобильности грамотно выстроены и притягательны: «Иди туда — и будет хорошо». Куда — туда? В уголовку? В ларьки? Нет, на заводы, в ПТУ, на рабфаки, в армию.

Что значит «будет хорошо»? Сытно? В чём-то и сытно. Но ещё и потрясающе интересно! Вспомним прозу более позднего Гранина: «Эй вы, люди, знаете ли вы, что вас ждёт? А я знаю, я только что оттуда».

Седьмой элемент — военно-мобилизационное сознание. Мы кладём жертвы на великий алтарь. Мы защищаем себя как священное царство, как великую

весть, посылаемую человечеству («весну человечества» — скажет Маяковский).

Никому на свете не удавалось провести модернизацию без этих семи элементов. Всмотритесь в мировой опыт — и вы везде увидите каждый из них. Их композиции будут разными, будут меняться пропорции, структурные качества. Но принцип останется одним и тем же. И как этот принцип соотносится с приведённой выше «фокусировочной» фразой: «Модернизируется не общество, а элита. За счёт чего? За счёт всего!»?

Сталин модернизировал (постоянно буду оговаривать, что на самом деле речь шла об альтернативной, а не типичной модернизации) элиту и народ за счёт потенциалов традиционного общества. Но в интересах общества. И не поддержало бы его общество, если бы этого не понимало. А оно его поддержа-

ло. Победа или поражение в крупной войне, идущей несколько лет с предельным напряжением народных сил, — вот единственное неопровержимое доказательство поддержки или неподдержки. Сталина общество поддержало — и потому он победил. Николая II не поддержало — и потому он проиграл.

Французские модернизационные элиты... Английские, германские, любые... Они были беспощадны к части своего народа. Но народ они выводили на новые рубежи. Потому что народ, в каком-то смысле, был им нужен. И тут надо понимать, в каком именно смысле (или смыслах). Однако, прежде всего, нужно провести грань между этим «нужен» (вроде бы, как иначе, как может быть народ элитам не нужен?) — и «НЕ нужен».

Может, может быть не нужен! Странно это, но факт. Только вот одно при этом на-

до уточнить... Когда народ НЕ нужен — это модернизация? В каком смысле наша элита модернизировалась «за счёт всего»?

Она обогатилась — это понятно. Но почему она «модернизировалась»? Какие тут есть социальные критерии?

Макс Вебер — классический авторитет в этой области. Новый рационализм, протестантская этика, абсолютное значение норм права... Вот что такое критерии модернизации — и общества, и элиты. Какие-то элементы буржуазного общества могут жить по принципу «гуляй, Вася» даже в условиях форсированной модернизации: могу адресовать к романам Золя, да и много к чему ещё. Но это — какие-то элементы.

Локомоционные группы, они же ядро элиты, живут иначе. Был такой Крупп, родоначальник знаменитой индустриальной дина-

стии. И была у него горячо любимая жена. Она была тяжёлым лёгочным больным. Но Крупп хотел жить на территории своего завода. И не только потому, что нужно было надзирать за рабочими. Но и потому, что он любил этот завод и заводскую среду с её атмосферой, даже запахами. Он любил её целиком и радостно вдыхал угольную пыль и дым труб. Жена Крупа, вдыхавшая эту же пыль, в итоге умерла. Жестоко? Да. Но вся поэзия и проза эпохи пронизана этим. А также презрением к выставляемой напоказ роскоши.

Вандербильты — «гуляли и ни в чём себе не отказывали». Но они и догулялись. Это во-первых. А во-вторых, рядом с ними были другие, для которых шиком было — отнюдь не гульба, а нечто прямо противоположное. Изношенный сюртук, стоптанные ботинки и очень много работы... А потом эти «другие»

приходили к роскошествующему собрату, показывали вексель, собрат бледнел, плакал — и садился в тюрьму. А «другие» всю его роскошь продавали с молотка, и в том же сюртучке и ботинках дальше — топ-топ — строить новый завод.

Скажете: «Это прошлое, отрыжка протестантизма и родственных ему Шейлоков»? Не вполне. Сколько стоит самая дорогая яхта? Сейчас цены меняются, но я вряд ли сильно ошибусь, если скажу, что миллион долларов за линейный метр. Это если совсем новая, с иголочки, или, точнее, с соответствующей голландской верфи. Яхта длиннее ста метров — это уже не яхта, а крейсер. А зачем заводить себе крейсер? Ну, пусть супер-яхта стоит двести миллионов долларов. Не верю, что это возможно, но со всеми «прибабахами» — пусть.

Это самое дорогое, что можно купить. Уже дворцы стоят дешевле. Самолёты — тоже дешевле. А всё остальное — тем более. Жить сразу в десяти дворцах невозможно. Сойдёшь с ума. Есть три раза в день в суперресторанах тоже нельзя — быстро заболеешь. Но даже если ежедневно обедать в «Максиме» и заливаться коллекционными винами, — всё равно, больше двух-трёх миллиардов долларов не требуется.

Мир не провёл социальной грани между миллиардерами и мультимиллиардерами. Между миллионерами и миллиардерами — провёл. А дальше — стоп! Имея пару миллиардов долларов, наращивать капитал ради гедонистических оргий — бессмысленно. Тогда что такое обладатели состояний в сто, двести и более миллиардов?

Такие деньги — в чистом виде потенци-

ал Большой Игры. Игроку нужны деньги как фишки на великом покерном столе (это мотивация-минимум) или как ресурс для великого проекта (мотивация-максимум). Проект может быть очень разным. Одна великая нефтяная семья считала (считает ли сейчас — не знаю), что пока не овладеет седьмой мировой нефтяной провинцией под названием «Россия», — её миссия не закончена. Ну, так ведь всё-таки миссия!

Российская же элита заражена чумой гедонизма. Не нравится слово «чума»? Скажите СПИДом... или холерой... Люди, которые заказывают чашку кофе и дают на чай сто долларов, должны твёрдо знать, что западный официант сразу же пишет на них донос налоговику. Если история в Куршевеле ещё не показала, что к чему, какая-нибудь следующая история покажет это с абсолют-

ной беспощадностью.

Российская элита не называет себя модернизированной. Она говорит, что стала «цивилизованной», потому, дескать, что научилась разбираться в сервировке и пить вино за тридцать тысяч евро бутылка. Если бы она знала, как на неё смотрят! Нет, не тогда, когда можно что-то от неё заполучить, а в следующий момент. В глазах реальных «сильных мира сего» — жестокая издёвка. Мол, гуляйте, гуляйте. Пускайте, пускайте пыль в глаза. Всё равно придём и всё заберём. В сюртучках и стоптанных ботинках. С векселем в руках. Или как-то иначе.

Западная элита веками культивировала в себе беспощадную способность экспроприировать гедонистических «лохов», кичащихся роскошью. Она это не только умеет делать. Она это делать ещё и любит. Ну, есть же на

свете племена, которые считают достойным и упоительным грабить, а всё остальное — считают унизительным, скучным и презренным. Это частный феномен так называемого «набегового сознания».

Об общем случае того же самого феномена наши псевдоэлитарии могли бы кое-что понять, если бы внимательно читали Жака Аттали, описывающего будущую мировую «элиту кочевников». Так вот, где элита кочевников, — там и набеговое сознание. Одно без другого не существует. Но поскольку Аттали читать не хотят, то расскажу анекдот.

Бандит поймал золотую рыбку. Золотая рыбка просит: «Отпусти, и тогда исполню три твоих желания». Бандит не понимает — какие ещё желания, и зачем отпускать? Золотая рыбка объясняет на конкретном примере. Мол, недавно её поймал рыбак и попро-

сил дворец, яхту и миллиард долларов. Она всё это исполнила, и он её отпустил. Бандит говорит, что всё понял, и у него тоже есть три желания. «Какие?» — спрашивает золотая рыбка. Бандит отвечает: «Фамилия этого рыбака, его адрес и телефон».

Поскольку фамилии наших олигархов (как старых, так и новых), а также их адреса и телефоны известны, то даже не нужна золотая рыбка. А криминальность их богатства (реальная или выдуманная — неважно) — вполне может стать «законным основанием» для направления олигархических состояний наших гедонистических псевдоэлитариев на какое-нибудь «благое дело». Например, на финансирование «мировых экологических фондов» XXI века — типа Фонда борьбы с глобальным потеплением.

Но сами по себе эти печальные перспек-

тивы ничего не значат. В ответ всегда могут процитировать Толстого: «Он пугает, а мне не страшно». И потому, что гедонистическое сознание не оперирует большими временными интервалами. Гедонист всегда живёт настоящим. А что там будет... Начнёшь расширять интервал — окажется, что там старость, смерть... Какой тогда гедонизм? И потому, наконец, что страх сам по себе — людей не переделывает. Людей переделывает страсть.

Речь всё-таки идёт о глобальном игровом столе и возможности за ним оказаться. И не просто оказаться, а выиграть. И не просто выиграть, а выиграть крупно. Наша элита за этим столом оказаться не может по двум причинам. Она ментально не в состоянии вести Большую Игру. Не понимает правил. Вообще отторгает правила. Не овнутряет сложность как особое состояние личности. Да, именно

личности целиком. А не только ума.

Такое состояние личности рождается в среде, которую создаёт та или иная изощрённая духовная культура. Какая-то часть западной элиты пока ещё погружена в такую среду. Как классическую религиозную, так и иную, соседнюю. А наша элита такую среду игнорирует или превращает в забаву. Ну, в лучшем случае, в успокоительный ритуал.

И, наконец, фишками в Большой игре являются отнюдь не только деньги. Есть то, что стоит (да-да, в нашем случае именно стоит) больше, чем любые триллионы. Есть ещё и то, что находится выше любой стоимости, даже той высшей, о которой я сейчас говорю.

Но сейчас я — о том, что высшую стоимость имеет, а к обычной стоимости не сводится. Специально скажу предельно грубо для того, чтобы не быть заподозренным в ро-

мантизме: «Сколько СТОИТ государство, занимающее седьмую часть суши и обладающее ядерным оружием?» Понятно, что Родина бесценна. Но я спрашиваю: сколько стоит такое государство?

Мне могут сказать, сколько стоит его земля, заводы, нефтяные и прочие месторождения и так далее. Но я спрашиваю о другом: сколько стоит государство?

И тут — смотря для кого. Понятно, что человек Идеи вообще в последнюю очередь думает о стоимости, включая высшую. Но человек Большой Игры — высшую стоимость учитывает. Он понимает, что если у него есть такая «фишка», как государство (а желательно — супергосударство), то он в глобальной игре. А в противном случае он бомж. С миллиардами или сотнями миллиардов — неважно.

Гедонисту вы это не докажете. Гедонистическому невротику — тем более. Он вам наверняка скажет, что продать какое-то государство и получить огромные бабки — это «классный проект». А если вы ему начнёте объяснять, что при такой продаже он потеряет возможность быть в игре, а значит, потеряет главное, то он уставится на вас, как баран на новые ворота. Мол, какая игра, помилуй! Яхта классная, дворец классный. «Оттягиваться» можно сколько угодно...

Такого «привилегированного барана» могут приберегать для будущих шашлыков или зарезать сразу. Но он всё равно один из баранов. Баранов много. Эти блеющие существа заполняют собою причалы Средиземноморья, приторные курорты и эксклюзивные бутики. Ельцин, помнится, ногу сломал на Сардинии — в цитадели элитного шопинга.

Цитадель эта — невероятно пошлая и скучная, до тошноты. Однако очень, очень престижная. По ней бродят престижные курдюки. И блеют, блеют... А на них смотрят, смотрят...

Очень много у нас этой элитной субкультуры удовольствия («курдючной» субкультуры). И немало элитной субкультуры ненависти (той самой, которая с отвращением говорит о России «эта страна»). Но ведь бывает ещё субкультура Идеи и субкультура Большой Игры!

Конечно, нужны нам, прежде всего, «люди идеи». Зачем лично им деньги? Смешно... Но где сейчас найдёшь этих самых людей идеи? С ними и впрямь не густо.

Человек Большой Игры — тоже далеко не бросовый ресурс. Ты хочешь играть? Нужны способности и «фишки». Развивай способно-

сти и создавай фишки. Фишки — это не деньги. Точнее, не только они. У тебя есть страна? Если нет — пшёл вон! Есть — показывай! И показывай не старые ракеты, которые через несколько лет можно будет блокировать с помощью новых супертехнологий. Показывай своё развитие, развивающийся народ. Нет государства без развития и народа. Сумей это всё соткать и связать между собой. И тогда играй.

Ну ладно, нет у тебя высшей идеи. А большая игровая страсть — есть? Даже если есть, не реализуешь ты эту страсть без народа и государства. Или у тебя не страсть, а только курдюк для будущих чужих шашлыков?

Четыре элитные субкультуры борются в современной России. Субкультура ненависти («эта страна»), субкультура удовольствия (она пока доминирует), субкультура игры и

субкультура идеи. От того, какая победит, зависит судьба народа и государства. А в каком-то смысле — и судьба человечества.

12

Есть известный анекдот про диссидента, который пишет объявление о пропаже любимой собаки: «Пропала собака, сука... б... КАК Я НЕНАВИЖУ ЭТУ СТРАНУ!» «Элите ненависти», живущей в соответствии с этим анекдотом, удалось оседлать протестные процессы конца 80-х годов и на паях с номенклатурой разрушить «эту страну».

Какие архетипические начала были разбужены в народе для того, чтобы включить

энергию отрицания всего на свете, — дела отцов, пролитой крови, жертв, свершений... Как можно было эту энергию включить... И остаётся ли народ народом после того, как включена и «эффективно реализована» именно эта энергия, энергия контристорического танатоса...

Здесь я ограничусь констатацией наличия «элиты ненависти». А значит, и «субкультуры ненависти». А также констатацией того, что именно эта элита и эта субкультура возглавили разрушительный процесс, — как напрямую, так и под разными, в основном, весьма очевидными и аляповатыми, масками.

Возглавив же процесс и получив беловежский результат, «элита ненависти» продолжила разговор с обществом на всё том же языке.

Иногда казалось, что значительная часть

общества, далеко зашедшая в плане содействия этой элите, пойдёт за ней до конца. Но этого не произошло. Возникло какое-то вялое, но глубинное сопротивление. Возникли и какие-то «оформители» этого сопротивления. Да, слабые... Да, внутренне противоречивые... Но ведь всем понятно, что в итоге языком других элит, не запрограммированных на ненависть, оказалась некая комбинация заимствований из газеты, называвшейся сначала «День», а потом «Завтра». А кому это неясно, я могу дать доказательства вполне количественные и неопровержимые. Это называется — «анализ политической семантики».

Культурная борьба слагалась из глубинного вялого импульса («ну, вы, гады, ващще!») и его достаточно отчётливого, хотя несовершенного, противоречивого и слабого

оформления. Но культурной борьбы было мало. Нужна была ещё борьба политическая.

Не хочется патетики. Не хочется называть группу, к которой очевидным образом отношусь, «элитой любви», «элитой идеи» или даже «контрэлитой». Чтобы избежать патетики, я буду называть эту группу «слаботочниками».

Было ясно, что такая группа, как её ни назови, существует. И, при всём своём несовершенстве и всей своей малости, может повернуть процесс. Но только при одном условии. При условии, что она не будет «вариться в собственном соку» и уповать на свою самодостаточность. Если же она начнёт делать нечто подобное, то никаких исторических позитивов достичь не удастся. Их место займёт последнее и окончательное фиаско.

Ясность этого обстоятельства вытекала из

элементарной политической зрячести. А дополнялась весьма специфическим поведением политических субъектов, заявивших, что они-то и есть настоящие (то есть политические) оппозиционные «могущества», вокруг которых должны вращаться интеллектуальные и культурные оппозиционные «слаботочники».

На самом деле «могущества» были абсолютно трухлявыми. Интеллектуальные и культурные «слаботочники» обнаружили это не сразу. Кто чуть раньше, а кто чуть позже. Но «могущества» вели себя беспардонно, разнузданно, заголяясь. И рано или поздно все поняли, что слабые оппозиционные токи (интеллектуальные и культурные) хоть что-то сотворяют. А оппозиционные политические «могущества» всё, до чего дотягиваются, сливают в унитаз. И созданы они вполне руко-

творно и именно под задачу такого слива.

Однако это обнаружение ничего кардинальным образом не меняло. Элитный расклад был неумолим. Ворох «слаботочных» газетных полос с противоречивыми текстами, напечатанными на плохой бумаге и распространяемыми немногочисленными энтузиастами, — что-то сделал. Оппозиционные политические партии, обещавшие победу на выборах... Могла ли победившая элита, развалившая СССР и начавшая гайдаровские реформы, допустить создание эффективной компартии?

Значит, компартия должна была быть другой. И её извлекли из небытия («суд над КПСС» и т.д.) именно под «слив в унитаз» накапливавшейся протестной энергии.

Немногочисленные «держатели» дышащих на ладан газетных полос и прочих мик-

роскопических интеллектуально-культурных величин, лишь условно способных выполнить роль контрэлиты и контркультуры, были обречены на одиночество. На одиночество, но не на поражение. Передавая некие слабые импульсы в общество, они уже в чём-то побеждали. Культурно, интеллектуально. Но для политической победы надо было открыть глаза и увидеть, что такое подлинный элитный расклад. И не фыркать на несовершенство этого расклада, а его использовать.

Есть элита ненависти, а есть элита гедонизма. Скверно, что всё так? Конечно, скверно. Но есть то, что есть.

Каковы отношения между двумя этими элитами? Элите ненависти надо добить страну и народ. Она этим и живёт. Это её «окоп», ради удержания которого она продолжает находиться на территории «этой» страны. А

элита гедонизма?

Она рассуждает совсем иначе. Нам не нравится, как она рассуждает? И что? Из её рассуждений будут вытекать скверные результаты? И что? Важно другое. Важно, что скверные результаты не будут той безусловной смертью, ради которой элита ненависти сидит в своём окопе. Они будут какой-то другой жизнью. Может быть, весьма и весьма прискорбной, но жизнью. Так давайте сначала отодвинем смерть, а потом разберёмся в качестве жизни. Альтернатива-то просто в том, чтобы допустить смерть.

Не надо солидаризироваться с элитой гедонизма. Надо открыть глаза, увидеть реальный расклад и действовать. В нашем распоряжении только слабые токи? И что? В компьютерах тоже действуют очень слабые токи. Но если компьютеры подключены к пультам

электростанций, то они управляют токами в сотни тысяч ампер.

Итак, каково отношение элиты гедонизма к государству? Она против него? Нет. Государство для неё — очень лакомый объект.

Во-первых, можно «доить» данный объект. А тогда зачем его добивать? Зачем забивать корову, которую можно так отдаивать — на десятки, а то и на сотни миллиардов долларов? Затем, что диссидентам хочется завершить начатое дело? «Конечно, диссиденты — люди очень почтенные. И дело их правое. Но перебирают господа, перебирают... Да и вообще... И вид не тот, и ухватки совсем не те... Не рубят фишку... Не знают, как осуществлять вожделенный процесс отдаивания... Снимем шляпу, поблагодарим за труд по развалу «совка», натравим, когда надо, на гадов, желающих восстановить «совок», но...

Но у нас совсем другая игра! Мы не мясники, мы из доильного цеха. А это большая разница».

Во-вторых, при наличии объекта под названием «государство» можно ещё и что-то «разруливать». А без объекта — нельзя. «Это диссидентам хочется добить и уехать в разные благородные страны на низкие зарплаты... А то и вообще на бедствование, ха-ха-ха... А мы-то понимаем, что нужно социализоваться в этой самой, как её? — мировой элите. А как социализуешься, если они там фыркают? Надо предъявить объект. Вот, мол, и ракеты ядерные есть, и мало ли ещё что... Мы держим объект под контролем. А если придут всякие там негедонистические элементы, они такого натворят! Значит, мы вам — контроль, а вы нам — социализацию. Диссиденты-то что могут? Добить? И что бу-

дет? Хаос на территории, начинённой ядерным и иным оружием? Переход сырьевых ресурсов Сибири под контроль Китая? Вам, господа американцы или европейцы, это нужно? Нет. А мы контролируем в ваших интересах. Вы сами проконтролировать не можете. И повторяем: мы вам — контроль, вы нам — социализацию. И инфраструктуру гедонизма. У вас мы хотим оттягиваться, у вас! В ваших Ниццах, Монте-Карлах, Лихтенштейнах, Баден-Баденах и т.д. Дворцов мы хотим на вашей территории — бабки есть. Хотим, чтобы допускали к себе и не фыркали. Чтобы бабки эти не проверяли без конца вашими Интерполами. Мы вам — вы нам».

Как это без объекта под названием «государство» разрулить? А без разруливания — как туда вписаться? Значит, объект нужен? Нужен. Хотя бы для одного этого нужен. Но

и для дойки тоже. Да и вообще...

В-третьих, при наличии объекта можно кайфовать. «Ну, проедешь ты на «Роллс-ройсе» по Лондону — и что? Будьте добры, соблюдайте правила уличного движения... И так далее. А если хочется со спецномерами (пусть даже и коммерческой серии)? Да с мигалками? Да кортежем? Да с вооружённой охраной (хоть помповые — всё равно ружья)? Да так, чтобы все улицы перекрывали? А если какие-нибудь «жигули» по дороге, то чтоб сразу в сторону. Это вам уже не деньги, не скука в дворцах и виллах. Это кайф! Адреналин!»

Не так давно по телевизору показывали одного такого адреналинщика... Тот прямо говорил: «Кайф! Купил поместье... Сижу, чай пью, а мужички докладывают... Ну, про погоду и вообще». Попробовал бы он сказать

во Франции что-нибудь подобное. А тут — можно. Что, анекдот эпохи, в котором политический лидер увещевает олигархов: «Вы же всё приватизировали — нефть, золото, уголь, пора и о людях подумать», — а лидеру отвечают: «Да, душ по триста не мешало бы!» — не имеет корней в реальности? Имеет, имеет! Это и есть кайф, адреналин или третье основание для сохранения объекта, как его ни назови — государство или дойная корова. Что для гедониста одно и то же.

Раздавить или отбросить элиту ненависти своими силами оппозиционные «слаботочники» не могли. В этом и была фундаментальная унизительность ситуации. Но соединить свои слабые токи с элитой гедонизма и дать ей хотя бы потеснить элиту ненависти. . . в каком то смысле это удалось. Таков весьма проблемный (вновь подчеркну — и позитивный,

и унизительный) промежуточный результат.

Нынешнее государственное состояние — это частичное обнуление элиты ненависти за счёт триумфа элиты гедонизма. Обнуление, конечно, носит относительный характер. Элита ненависти занимает достаточно прочные позиции. Она чуть-чуть отступила, чуть-чуть забилась в очень (очень-очень) элитные щели, чуть-чуть сменила лексику, «молотя» под патриотизм, а то и под социальную справедливость.

Но все эти уступки, которых удалось добиться невероятной ценой, отнюдь не означают окончательного исторического поражения элиты ненависти. Она ещё будет пытаться брать реванш, и не раз. И именно как элита. В России оранжевая улица может возникнуть только как добавление к совсем другому — собственно элитному — оранжизму. В

этом принципиальное отличие от Украины, где улица всё-таки значила чуть больше, а элита чуть меньше.

Даже в конце 80-х годов, когда квазиоранжевые страсти кипели в Москве, выплеснуть оранжевую энергию на улицы можно было только с высочайших элитных благословений. Сегодня, когда энергии намного меньше, это ещё труднее. Поэтому оранжисты будут искать элитного реванша. Они будут творить по этой части чудеса, опираясь на противоречивость элиты гедонизма, своего врага и собрата. Оранжисты понимают, что только в этом их шанс в России! Ох, как понимают! Потому что люди неглупые. А ещё, вдобавок, идейные. Идейка сверненькая («эта страна» и прочее), но всё же идейка. А у гедонистов-то и этого нет.

Отпихнуть «ненавистников» гедонисты

могут. Начать лакомиться государственностью (и бабки, и разруливание, и кайф) тоже могут. Но дальше-то что?

Коллизия, которую я рассматриваю, касается отнюдь не только России. Запад создал третьесортные, но очень лакомые и достаточно широкие элитные ниши. Ниши гедонизма. Теоретически можно себе представить, что в России какие-то немногочисленные представители элиты захотят государства как инструмента не гедонистического, а иного. Например, инструмента Большой игры.

Вот, скажем, элиты Зимбабве не могут видеть в своём государстве инструмент Большой игры. Потому что государство маленькое. Так зачем им государство вне вышеназванной триады (дойка, разруливание, кайф)? Либо они почему-то любят свой народ и относятся к государству не инструмен-

тально (тогда они — элита идеи). Либо оно им за пределами вышеназванной триады абсолютно не нужно. Но у триады есть ограничения. Ну, продержалась у власти определённая элитная группа лет двадцать — двадцать пять. Надоила... Разрулила... Покайфовала... Что дальше? Позиции в гедонистической западной нише — есть. Никакая другая гедонистическая ниша не конкурентоспособна. Запад монополизировал гедонистическую инфраструктуру, знаки и фигуры престижа. Что тебе шейх, что вождь... «Оттягиваться» он хочет в местах престижного западного релакса, а не в своём северо- или центральноафиканском дворце. А вот ловить кайф доминантности он может только на своей территории.

Но если он гедонист, и ему предложат выбирать между удовольствием-1 (су-

перроскошное размещение на европейской гедонистической суперэлитной территории) и удовольствием-2 (вытирание ног об автохтонных рабов), то он в итоге выберет удовольствие-1. Он, конечно, повыпендривается и сначала скажет, что не хочет выбирать, а хочет всё сразу. Но ему возразят, что выбирать надо. Что он, конечно, может выбрать второе (это самое «вытирание ног»), потеряв первое (Монте Карло и так далее), но при таком выборе у него потом и второй кайф отберут с помощью очередной оранжевой революции.

И почему это гедонист, поняв, что с ним не шутят, и выбор действительно таков, будет артачиться? Потому что он хочет играть в мировой преферанс, используя фишки под названием «народ и государство»? Но если это всё Зимбабве, то фишки такие невозможны.

К тому же, если он гедонист, то он не игрок.

Используя пошлую и жалкую в своей неказистой роскоши инфраструктуру, сделав себя монополистом по части этой инфраструктуры гедонизма, Запад гениальным образом решил проблему. Он оторвал элиты от народов, с которыми они должны быть связаны, интегрировал элиты в себя и снял с них груз исторических обязательств перед их народами. Элиты гедонизма, меняясь и кривляясь, превращали народы в слизь, в гной истории. Развитие народов оказалось ненужным.

Такие смены элитных масок и типов кривляния, конечно, можно попробовать назвать модернизацией элит за счёт народов. Но только абсолютно не понимая, что такое модернизация. «Я вижу рабство и гнёт, произвол и насилье повсюду, безмерный чувствую стыд, ибо народ мой унижен и этим

унижен я сам», — писал Уолт Уитмен от лица элиты модернизации. Обучавшаяся на Западе и пропитанная его культурой латиноамериканская интеллигенция возвращалась в свои нищие страны для национально-освободительной борьбы (синоним стартовой фазы догоняющей модернизации). Она теряла завоёванные на Западе позиции, возможности процветания, культурного самовыражения... Ради чего? Ради полунищеты и с трудом осваиваемой массами проповеди... А то и ради жертвенной смерти... Ради отрубленных рук доктора Че Гевары, вполне способного к преуспеванию на Западе, но выбравшего другое.

Народ... Если он для элиты является источником мелких, вторичных по отношению к гедонизму, лакомостей, то его можно использовать, но не более. Да и то недолго. По-

тому что и от дойки можно устать, и от кайфа властвования. А на «разруливание» (оно же укоренение на западной элитной территории) не нужно исторически длительного периода. Дети вписываются в чужую элиту, получают позиции в бизнесе, правильным образом строят собственные семьи (включая в них представителей западного элитного сообщества). Ну, и всё...

А что ещё надо-то гедонисту? Решил он эти задачи — народ становится чистым обременением. Страна — тоже. И чем тогда гедонист будет отличаться от ненавистника? Тем, что просто наплюёт и сдаст, а не будет отплясывать джигу на трупе? Невелика разница, если мы говорим о жизни, а не о смерти.

Для «слаботочников» элита гедонизма была инструментом. Средством отодвигания (а по возможности, избывания) элиты нена-

висти. Но и для гедонистов «слаботочники» были инструментом. Так сказать, средством самолегитимации.

И вот, получив такой культурный и социальный результат, мы говорим о развитии... А есть ли на него хоть какой-то шанс? Ведь речь не об отдельных фигурах. И не о политических лидерах даже. Речь о социальных группах и элитах. На что мы надеемся? Есть ли на что надеяться?

В случае, если мы встанем на позиции романтизма, то надеяться не на что. Ситуация исторического поражения (а оно несомненно) обрекает нас на абсолютно другую — глубоко неромантическую — логику поведения. Я не хочу сказать, что мы должны предать идеалы, стать циниками. Нет, конечно же, мы можем что-то изменить, лишь сохранив в себе идеальное. Но это сохранение не имеет ниче-

го общего с романтизацией реальности.

Наши надежды следующего десятилетия, как и надежды предыдущего десятилетия, будут нести горький привкус унижения. И чего-то добиться мы можем, только игнорируя несовершенство наших надежд. Отказавшись от их воспевания и, вместе с тем, трезво их перечислив. Причём начав с самых, так сказать, несовершенных. И потому самых реальных.

Надежда #1 — на то, что западная ниша окажется «не того». Условно можно назвать это надеждой в духе «Куршевеля и Прохорова». Разумеется, «Куршевеля и Прохорова» помноженных на тысячу — и количественно (в смысле количества случаев и персонажей, ими задетых), и качественно (в смысле объёма проблем, которые будут возникать у наших гедонистов в столь желанной западной

нише).

Никакого рационального основания для такой надежды нет. Но к рациональному жизнь не сводится. Рационалистический в целом Запад — зачастую совсем не рационален. Кто сказал, что он уравняет в правах русских и африканских элитных гедонистов? (При том, что русскими будут считаться одинаково Прохоров с Потаниным и Авен с Фридманом). Не настаиваю, что поражение в правах, при котором то, что позволено африканскому элитарию, не позволено русскому, обязательно состоится. Но считаю это высоковероятным. Потому что Африку снисходительно презирают, а Россию — исторически ненавидят. И тут-то как раз и возникает переход за черту рационального.

Если дела будут разворачиваться так (вновь подчёркиваю, что это никак не пред-

определено, но возможно), то остаться в западной нише русский элитарный гедонист сможет, только переквалифицировавшись не просто в ненавистника, а в эффективного киллера. Кое-кто, может, на это и готов, но... надо ещё суметь. А кое-кто — не готов. Или в силу темперамента, или в силу структуры способностей, или даже в силу смутного русского потаённого и малопросветленного рефлекса, выражаемого ёмким словом «западло».

В любом из этих случаев возможна охота западных «волков» на русских наиболее курдючно-аппетитных «баранов». Бараны тогда побегут в Россию. Причём вместе со своими курдюками, то бишь, наворованными миллиардами. А что им ещё делать? Как говорил герой Достоевского, «а коли идти больше некуда?».

Напустить на баранов местных русских «волков» невозможно по причине отсутствия оных. Баран-то он баран, этот высококурдючный гедонистический элитарий, но только по отношению к Рокфеллеру или «Голдман и Сакс». А в своём Отечестве — он сам «кого хошь схарчит». Такова унизительная историческая реальность нашего поражения.

Значит, дело вовсе не в том, чтобы здесь пускать бегущих оттуда баранов на общенародные шашлыки. Это всё романтика. Реальность в другом. В том, что бараны прибегут и принесут с собой самое дорогое — эти курдюки, то бишь бабки. Принесут они с тем, чтобы тут спрятать, потому что в другом месте отберут. Россия и народ станут нужны не только для того, чтобы доить, разруливать и кайфовать. Они окажутся нужны для того, чтобы защитить надои от «ужасных иноземных го-

нителей».

Это совершенно новая историческая коллизия, которая потребует своего оформления и будет оформлена. Кое-кто уже успел её оформить в модели разного рода «автохтонных крепостей». Но можно не сомневаться, что реальным подобное оформление станет только в случае, если за поэзией будет стоять именно вышеназванная проза.

Не сомневаться можно и в другом. В том, что прежде всего побежит прятаться в искомую российскую крепость именно тот элемент, который (при использовании абстрактных, освобождённых от груза исторической необходимости критериев) было бы справедливо назвать самым грязным. Именно его ТАМ «прижмут» наиболее сильно и в первую очередь. И именно он будет наиболее склонен к архетипическому поведению, выражаемому

как уже названным выше словом «западло», так и ещё более сочными, но уже совсем непечатными выражениями.

Хотим мы или нет, мы можем оказаться на рандеву с такой вот «элитой». Назвать её героем моего романа я никак не могу. Но не я же буду организовывать её «обратное десантирование». Я просто предвижу такую возможность. Как только возможность возникнет, священные символы прежних эпох, используемые ныне в виде пиар-конструкций («Родина», «Держава», «народ» et cetera) наполнятся ёмким содержанием, адресующим к слову «общак». Речь не о прямой криминальной аналогии, а о метафоре. Чтобы провести грань (и вместе с тем не потерять ёмкость образа и вытекающее из него понимание существа ситуации), назовём это «общаком» в кавычках и с большой буквы. Так ска-

зать, не обычный заурядный общак, а «Общак». Не надо иллюзий, нынешний инвестиционный бум в России порождён, в том числе, и данной закавыченной сущностью.

Сущность же принесёт с собой не только минусы, но и плюсы. Вернувшиеся деньги (а это ведь не только деньги, это позиции, судьбы и многое другое) — почему вернулись? Потому что почувствовали ТАМ угрозу. Но оказаться ЗДЕСЬ мало для того, чтобы угроза исчезла. Чтобы она исчезла, надо это самое «ЗДЕСЬ» сделать защищённым. А это, между прочим, и называется построить дееспособное (в элементарнейших смыслах этого слова) государство. А дальше начинается «суп из топора».

Для того, чтобы было хотя бы такое государство, нужен народ. Для того, чтобы был народ, нужно, чтобы дойка сократилась,

а кое-что из фондов (прежних надоев), которыми располагает рассматриваемая весьма небезусловная сущность, было отдано на нужды страны. «Оборонка» нужна, чтобы защищать эту сущность? Нужна. Так пусть сущность поделится. Сытые и достаточно образованные солдаты нужны? Нужны. Они должны быть здоровыми? Должны. Но нельзя сделать здоровыми только солдат. Значит медицина в целом нужна? Нужна. И спорт. И культура. Идеология нужна? Нужна. А оружие? А технологии? А это самое, будь оно неладно, развитие? Абсолютно дистрофичное в иных условиях Развитие может обрести в новой ситуации весьма грязную, но реальную опору в виде вышеназванной сущности. Она, повторяю, не герой моего романа. Сооружали сущность гарвардские консультанты, продиктовавшие так называемые «либеральные

реформы». А нам теперь с этим жить...

Воспевать это отвратительно. Но отворачиваться и игнорировать ещё более отвратительно. Потому что глупо. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»...

Во что мы превратим этот сор — вот главное. Ведь может быть и так, что сор во что-то превратит нас...

Но к таким мрачным надеждам дело сводить нельзя. И потому — о Надежде #2. Надо собирать по крупицам элитные элементы, способные стать носителями не гедонистического, а иного — хотя бы игрового, а лучше бы и игрового, и идейного — отношения к народу и государству.

Всего этого, конечно же, в наличии крайне мало. А то, что есть — крайне незрело. Я могу согласиться с тем, что для кого-то из нынеш-

них очень богатых наших соотечественников государство уже является чем-то большим, нежели объектом дойки, возможности «разруливания» на Западе и здешнего кайфа. Эти соотечественники (подчеркну ещё раз, что они в категорическом меньшинстве) в чём-то созрели для понимания роли государства в их большом бизнесе. Но именно в большом бизнесе, а не в Большой Игре. Большой бизнес — это крохи для Игры. Игра начинается там, где на стол кладут даже не миллиарды, а триллионы. Ну, хорошо, сотни миллиардов. А у нас такого бизнеса нет.

Нет и инфраструктуры, в рамках которой огромные состояния могут превратиться в Фишки. Автоматически это не происходит. Нет очень многих других слагаемых — как материальных, так и иных. Многое определяется типом сознания. А также понима-

нием и ощущением (последнее имеет решающее значение) своей неразрывной связи с государством. Государство должно ощущаться как своё по факту. Таковым должно быть глубинное самосознание элиты, вырастающее из тысячи мелких и крупных данностей.

В нашей стране даже те, кто могли бы стать игроками, государства своего побаиваются. И страх этот с годами не убывает, а скорее наоборот. Даже отдельные молекулы такого страха уже препятствуют формированию игрового самосознания и игровой самости. Разумеется, когда я говорю о самосознании и самости подобного типа, то я имею в виду именно совсем большую Игру.

Ещё одно препятствие — страшное недоверие друг к другу, порождённое как трезвостью (и то ведь — «война всех против всех»), так и эгоцентризмом, находящимся на грани

безумия. Инфраструктура, позволяющая осуществить идентификацию (кто я? где я? зачем я?) разломана и исковеркана. А без неё нельзя собрать никакую общность. В том числе и искомую — «негедонистически элитарную».

Мы должны формировать предпосылки для возникновения подобного типа сознания. Но помнить, что процесс это долгий, неблагодарный и непредсказуемый по своему результату. А также — ну, что греха таить — уж очень, очень нерусский. Нет в архетипе развёрнутой базы для игрового начала (в смысле Большой Игры, разумеется). В англо-саксонском архетипе эта база доминирует. В русском находится в латентно-разобранном состоянии, близком к тонкодисперсному. Собрать-то базу в принципе можно, но тут её надо собирать, а там она и собрана,

и отшлифована, и непрерывно используется. Такая вот диспропорция. Не было бы её — не проиграли бы Советский Союз.

Как ни странно, в этой ситуации легче уповать на идейное, перескакивая через промежуточную — игровую — элитную «номинацию». Перескакивая к Надежде #3.

Прыжок из гедонистического в идейное в принципе возможен. Потому что даже в самом порочном нашем элитном гедонизме есть какой-то надрыв, невроз. Иногда складывается впечатление, что кое-кто из тех, кто с невероятной цепкостью и жадностью накапливает и изощрённо — с надсадным хамством — шикует, может сорваться в новое (позитивное) качество под воздействием любого, самого ничтожного, повода.

Конечно, тоненькая пунктирная линия, разделяющая гедонизм непоколебимый и ге-

донизм трансформируемый, почти не видна. Но лично я её ощущаю. И абсолютно убеждён, что при глубоком кризисе группа наших элитных гедонистов расколется. Когда будет предложен выбор между пребыванием ТАМ, в тёплой ванне гиперпотребления, даруемого ИХ гедонистической нишей, и пребыванием ЗДЕСЬ, — начнётся иррациональный процесс.

Он будет протекать в каждом из обитателей нынешнего «царства Цирцеи», как бы тот ни оброс щетиной гедонизма, и какой бы яхтно-дворцовый пятачок у него ни вырос. Этот процесс захватит не только отцов, которые ещё помнят про манную кашу в детском садике и пионерский отряд, но и детей, окончивших западные элитные колледжи. Для того, чтобы он начался, нужно только произнести страшное «навсегда» (forever). Или же

«never more» («никогда»), которое прокаркал страшный ворон Эдгара По.

Надо будет сказать: «Ты выбери! ТАМ или ЗДЕСЬ. И не катайся в истериках, что хочешь и там, и здесь, а выбери. Но выбери «forever». И пойми, что после выбора уже «never more»».

Когда такие слова войдут в душу, в ней начнётся страшный процесс. Я ничего не идеализирую. Я знаю, что большинство холодно выберет «там» и наплюёт на «здесь». Но это будет лишь большинство. Если хотите, всего лишь большинство, а не «всемство», о котором когда-то говорил Достоевский.

То, что я сейчас начинаю обсуждать, называется «возвращенчество». Поскольку долгое время героем некого условного общественно-политического романа у нас был «невозвращенец», я считаю важным подвести

под этим романом черту. Установив, что время предыдущего общественно-политического романа, в каком-то смысле, уже позади. «Невозвращенец» понят, описан, обмусолен. Он надоел и другим, и самому себе. Кому он интересен сегодня? Желающим обрести западный покой девицам лёгкого поведения?

А вот «возвращенец» и не описан, и интересен. НАСТОЙЧИВО ОГОВОРЮ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ НЕ ВНЕШНИЙ ПРОЦЕСС, КОГДА КТО-ТО ИЗ ЖИВУЩИХ ТАМ ЗАХОЧЕТ ВЕРНУТЬСЯ СЮДА, А ПРОЦЕСС ВНУТРЕННИЙ, В ЧЁМ-ТО МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ. ПРОЦЕСС, ПРИ КОТОРОМ ПОКИНУВШИЕ НЕКИЙ ВНУТРЕННИЙ ДОМ В НЕГО МУЧИТЕЛЬНО ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ЭТО СТРАШНЫЙ ПРОЦЕСС — И АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫЙ. ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН? «Я вернусь», — писал Есенин. «Я

вернулся», — говорил Одиссей. Кто ты, будущий возвращенец? И что ты с собой принесёшь? А главное, за счёт чего ты сможешь превратиться в возвращенца, отряхнуть щетину с загривка своего, избавиться от пятачка, снять проклятие Цирцеи?

То, о чём я говорю, можно назвать трансформирующим катарсисом. Его нет и не может быть без определённых метафизических предпосылок. Так их и надо обсуждать... «Разбудить», — говорил Гурджиев, повторяя своих великих метафизических учителей.

Я убеждён, что сформируется активное меньшинство, которое испытает трансформирующий катарсис и выйдет из спячки. А поскольку это возможно (на мой взгляд, так даже и предопределено), то вопрос о МЕТАФИЗИКЕ — да-да, именно метафизике, задающей тип связей между элитой и народом —

очень важен. В каком-то смысле он намного важнее разного рода практических вопросов. И я предлагаю это метафизическое слагаемое классовой теории развития внимательно рассмотреть.

13

Опасно слиться с процессом. Но опасно и изолироваться от него в башне из слоновой кости. «Опасность башни» возрастает пропорционально непрагматичности обсуждаемой проблематики. Начнёшь обсуждать социальную метафизику (развитие как спасение, нужны ли человеку для спасения другие и так далее) — и фьють! . . ты в «башне». Во избежание подобного я прочитал внимательно свежие газетные материалы.

Тема №1 — развитие. О нём спорят Дискин и Проханов. Дискин говорит о «мягкой модернизации», Проханов о «жёсткой». Это вяло комментируют репортёры.

Тема №2 — война кланов. О ней говорят Хинштейн и Соловьёв. Комментируют это несколько менее вяло. Но...

В 1927 году никто не смог бы отделить обсуждение темы №2, то есть внутрипартийной борьбы, от темы №1 (одна модель индустриализации, другая). А как отделишь?

Начнёшь обсуждать конфликт кланов (Сталина, Троцкого)... Вокруг чего конфликт? Только вокруг развития. Начнёшь обсуждать развитие — сразу натыкаешься на кланы («товарищ Сталин опроверг товарища Троцкого в вопросе о развитии...», «товарищ Троцкий опроверг товарища Бухарина в вопросе о развитии...»).

Что теперь? Зюганов опровергает Путина по вопросу развития? Жириновский опровергает Зюганова по вопросу развития? Внутрипартийная дискуссия (клубы-то зачем созданы?) идёт по вопросу развития? НЕТ политической дискуссии! НЕТ её и в помине! А то, что ЕСТЬ (некий полуакадемический спор), натыкаясь на подобное фундаментальное НЕТ, тонет, как «Титаник».

Кто-то скажет: «И слава богу, значит, не будет 37-го года». Кто-то всплакнёт и скажет: «Эх, не дождёмся мы славного 37-го».

Слова, слова... По сути же, как мне кажется, Проханов ХОЧЕТ 37-го года ничуть не больше, чем Дискин. Да и кто, кроме однозначных пациентов Кащенко, может ХОТЕТЬ крови, насилия, унижений, страха, лязгающих зубов, чёрных воронков и всего остального? А также всего, что с этим прочно

связано (начинается с борьбы кланов, а кончается доносами на соседей, с которыми что-то не поделили).

Вменяемый человек, даже тяготясь своей социальной ролью (местом в элите, среднем классе и пр.), никогда не захочет менять это место по технологиям ГУЛАГа и 1937 года. Потому что эти технологии имеют слишком очевидный изъян: «Сегодня ты, а завтра я. Сегодня прорвался в комдивы по чьим-то костям, а завтра захрустят твои косточки».

Всем хочется такой модели развития, при которой нормальный законопослушный человек получит сразу — и гарантии от неправового насилия, и открытые каналы вертикальной мобильности, но...

Но Кромвель... Но Робеспьер... Но Линкольн и генерал Грант... Но... Но... Но...

Почему развитие чаще всего сопрягается с

диктатурой и её — большими или меньшими, но неизбежными в любом случае — издержками? Конечно, это не всегда так. В Индии идёт развитие по какой-то очень своей модели. И никакой диктатуры нет. В Бразилии идёт развитие (более сомнительного качества, но ведь идёт). И тоже нет диктатуры. Но чаще всего ПЕРЕХОД от неразвития (крайний случай — регресса) к развитию действительно использует авторитарные инструменты. Правда, и неразвитие их тоже использует. Может быть и диктатура регресса (смерти нации, наконец).

Но и демократия, как мы видели, может быть демократией регресса и даже смерти. Она не ОБЯЗАНА приобретать такое качество в силу демократичности как таковой, но она МОЖЕТ оборачиваться подобными штуками. А у нас — ими и обернулась. Причём

не без форсированной зарубежной помощи. «Анархия 90-х породила у русских отвращение к демократии»... Кто только об этом сейчас не пишет! А анархию-то кто поощрял? Не Гарвард ли?

Серьёзные и страстные споры 20-х годов породили кровь 1929-го и 1937-го. А также некий исторический результат (индустриализация, выигранная война, космос).

Трёп, шедший с февраля по ноябрь 1917 года, породил ещё большую кровь — и кровь гражданской войны, и (в смысле исторической логики) кровь, связываемую со Сталиным.

Без серьёзности нет и не может быть ответа на вызовы. Неспособность же ответить на вызовы обрекла на гибель (горькую или сладкую) уже несколько наших элит — царскую, февральскую, горбачёвскую. А уж ка-

кую цену за это заплатил народ... Снова на те же грабли?

Мы всерьёз хотим развития (пусть даже в усечённом варианте модернизации)? Если так, необходимо констатировать следующее.

1. Модернизация — это не СИНОНИМ развития. Это ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ развития. ЕСТЬ И КАРДИНАЛЬНО ИНЫЕ ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ. Почему надо их с ходу отбросить и говорить только о модернизации (мягкой, жёсткой)?

Ведь даже сталинская модель развития лишь с трудом может быть уложена в матрицу классической модернизации. Потому что модернизация в сочетании с элементами возврата к традиционности (очень трансформированной, но традиционности) — ЭТО УЖЕ НЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ. И пока мы не осмыслим свой опыт всерьёз (показав, где и в ка-

кой мере сталинские трансформации являются модернизационным развитием, а где и в какой мере — это развитие, но другое), мы никуда и никогда не сдвинемся.

Такое осмысление требует статистических рядов, компаративных построений, классификаций, типологий, моделей. «Ах, нет ГУЛАГу!»... «Ах, да ГУЛАГу!»... Нельзя, поймите, девяносто лет кряду (и даже двадцать постфактум) проклинать и прославлять. Понять, понять, понять наконец-то надо! Не исторической правды ради (хотя и без неё мы никуда не денемся), а с ориентацией на будущее.

Немодернизационное развитие возможно! И именно на нашей территории хранятся какие-то остатки памяти о том, что это такое.

Отождествляя модернизацию с развитием, мы сразу отбрасываем всё наиболее суще-

ственные для XXI века нематериальные активы нашей, как говорят прагматики, «суперкорпорации Россия». А можно ли, отбросив нематериальные активы, быть эффективными менеджерами?

Шанс России на признание и, простите за грубость, ПРОСТО НА ЖИЗНЬ в XXI веке (да-да, не на достойное участие в разделении труда, а на жизнь) полностью зависит от этих — отбрасываемых при зауженных дискуссиях — нематериальных активов.

Потому Что только они и нужны миру, как западному, так и незападному. Проект Модерн «загибается» по многим причинам. Запад от него отрекается. Мир без развития проблематичен. У России есть ноу-хау в плане альтернативного развития, не сводимого к Модерну. Она это (возможно, спасительное!) ноу-хау — в глобальный мусоропровод

выкидывает?

В любом случае — нельзя всерьёз обсуждать тему развития, ставя знак равенства между развитием и модернизацией. Что дальше?

2. Нельзя обсуждать тему развития, не признав, что модернизация как раз и является НАИБОЛЕЕ СВИРЕПЫМ способом осуществления развития.

Вот она-то как раз хуже, чем любой другой вариант развития, сочетается с понятием «свобода». Это так происходит вовсе не потому, что модернизация является злом («тлетворным влиянием Запада» и так далее). Это так происходит потому, что модернизация начинает входить в неразрешимое (в окончательном варианте — именно ценностное) противоречие с домодернизационными принципами существования общества.

Модернизация не знает, что ей делать с остатками традиционного общества. Она боится этих остатков. Она понимает, что фактически всегда находится в меньшинстве. Всем, я думаю, знакомы советские дискуссии 20-х годов по поводу того, что рабочий класс является меньшинством населения, страна крестьянская, и потому пролетариат, являясь передовым классом, просто обязан осуществлять диктатуру. Но ведь эти дискуссии ПО СУТИ повторяют общемировую норму. Так же рассуждали якобинцы. Так же рассуждали представители победивших национально-освободительных движений в странах третьего мира.

Модернизация, справедливо страшась «социального монстра» под названием «ущемляемое традиционное общество», начинает этого монстра подавлять. А заодно и разрушать,

чтобы ему не повадно было. Разрушенный монстр — это не база, а шлаки модернизации. Эти шлаки надо переваривать или отбрасывать. И то, и другое не совместимо ни с какой демократией.

3. Нельзя провозгласить модернизацию (жёсткую или мягкую), одновременно возвращая религии (или религиям) несвойственные им функции.

Я даже не буду подробно доказывать, почему. Тысячи томов по этому поводу написаны. В учебниках соответствующего профиля есть соответствующие разделы. Иначе это не модернизация. В Турции модернизация, в Саудовской Аравии — нет. Уважение к религии обязательно. Всё остальное — недопустимо.

4. Агрессия модернизации по отношению к традиции всегда сочетается с накалённой до исступления светско-моральной проповедью.

Модернизация ВСЕГДА должна создать определённый климат, в котором ЧЕСТНОСТЬ становится краеугольным камнем в фундаменте осуществляемого проекта. Нечестность же презренна до крайности и до крайности же жёстко карается (руки рубят на площади за украденный пирожок и так далее). Видим ли мы нынешнюю Россию в подобном качестве? И как, если всерьёз говорим о модернизации, хотим это качество получить?

5. Модернизация требует, чтобы производство — оно и только оно — являлось тем ЯДРОМ, вокруг которого складываются все остальные формы жизни и деятельности.

Производство — а не потребление! Нельзя путать модернизацию с построением общества потребления. В обществе потребления социальная роль под названием «офици-

ант» (или «официантка») имеет совершенно не то содержание, которое она же имеет в обществе производства (то есть модернизации). Мне неоднократно жаловались на Западе на наших «новых русских»: «Они лапают официанток так, как будто бы живут в начале XX века. А ведь сейчас всё изменилось! Эти девочки — студентки из элитных семей! Работать в модном ресторане официанткой очень престижно!»

Таков только один малюсенький штрих. Он не касается каких-нибудь аристократических ресторанов класса супер-люкс, в которых подают по-прежнему выхоленные лакеи (чаще всего мужчины среднего возраста). Такие рестораны тоже существуют — но не они являются нормой и лицом общества потребления. Лицом же является молодая, очень сдержанная, но почти высокомерная девуш-

ка в фартуке, любезно подающая еду и понимающая, что она участвует в отправлении КУЛЬТА нового потребительского общества. Унизительные детали советского общепита и сервиса в целом были порождены ещё и ролевой социальной матрицей. Согласно которой престижно — в сфере производства (если не у кульмана, то у мартеновской печи), а вовсе не в сфере «подай-прими-пошла вон».

6. Основа модерна — не только культ производства, но и культ труда.

Богатый бездельник, купающийся в роскоши — не герой романа под названием «Модерн», а антигерой. К труду как высшей добродетели апеллируют все. Оглянитесь вокруг — высокий уровень уважения к труду уж никак не составляет содержания постсоветской эпохи. А без него модерн невозможен.

И как мы хотим вернуться к трудовым

идеалам? Хотим мы к ним вернуться или нет, понимая, что модерна без этого быть не может? Каков ответ на этот вопрос? Но только — ответ, а не уклончивый благотрёп?

7. Общество, ставшее на путь модернизации, карает коррупцию беспощадно и системно, опираясь при этом в позитивном плане не на свирепые правоохранительные органы только, а на две фундаментальные ценности — честность и труд.

Эти параметры не являются столь фундаментальными в традиционном обществе. Его разрушают ещё и в силу этого. А оно сопротивляется. Почему, если это не так, модернизация на Сицилии оказалась столь трудно реализуемой? И что такое мафии, как не сопротивление модернизации?

Отсюда вопрос на засыпку: если у вас сложился гипермафиозный (или, жёстче,

криминально-социокультурный) мейнстрим, то кто субъект модернизации? Нечто, не вписанное в мейнстрим? Как иначе? А как оно, не будучи мейнстримом, будет поворачивать мейнстрим? Демократически?

Демократия — это по определению власть мейнстрима! Так что вы хотите сказать? Что у нас не такой мейнстрим, а другой? Так ведь это же мало сказать. ДОКАЖИТЕ! Если вы учёные, то вы должны не вещать, а доказывать.

Доказательств того, что наш мейнстрим носит криминально-социокультурный характер — что называется, «до и больше». Есть объективные данные. А есть и нечто другое. Мы ведь не марсиан хотим модернизировать, а своих сограждан. Мы здесь живём. Нынешняя реальность знакома нам не только по цифрам и статьям. Мы в неё погружены, как

говорят, «по самые-самые». И что же? Этот опыт — отдельно, а рассуждения — отдельно?

8. Модернизация предполагает фундаментальную переструктуризацию идентичности. Не де-структуризацию с варварской ломкой любых идентификационных матриц, а переструктуризацию.

Традиционное общество может позволить себе племенные и региональные типы идентификации, дополняемые идентификацией конфессиональной. Если, например, подавляющее большинство жителей Франции — католики, то они одновременно могут быть бургундцами, лотарингцами, окситанцами, бретонцами и так далее. Но как только возникает конфессиональный раскол (например, между католиками и гугенотами), возникает вопрос — чем спаять общность. Уже не конфесси-

ей... А чем?

Традиционное общество не имеет ответа на этот вопрос. Да оно в нём и не нуждается до поры до времени, потому что конфессиональный жар достаточен, чтобы обеспечивать минимум «спаянности» в пределах традиционной социоконструкции. Но тут ещё и жар остывает. И оказывается, что короли и феодалы уже не могут обеспечить никакой спаянности (даже полуформальный абсолютизм выдыхается), а робеспьеры и сен-жюсты могут.

А за счёт чего они могут? За счёт модернизации и тех форм решения вопроса об идентичности, которые она порождает (и которые, в свою очередь, её подпитывают). Нет уже в пределах новой идентичности ни окситанца, ни бретонца — есть стандартный француз, который (А) является гражданином Франции,

(Б) говорит на её языке, (В) интегрирован в её культуру при абсолютной свободе совести, (Г) имеет что-то наподобие этоса (это называлось «благоговение перед Францией»).

А, Б, В и Г — это максимальный из возможных наборов, который характеризует так называемую культурную нацию (Германия, Франция). Англо-американский набор выводит за скобки В и Г. И это называется «политическая нация». Поэтому националист в понимании модерна — это не чудик, который будет рассуждать о том, кто во Франции галл, а кто не галл. Нет никаких галлов и франков. Есть французы. И без такого перехода от галльской идентичности к общефранцузской — нет ни модерна, ни нации.

А после того, как это зафиксировано, начинается очень жёсткий процесс. Вандея настаивает на своей локальной бретонской

идентичности? Соединяет такое упрямство с политическим своеволием? Адресует всё это к традиционному обществу? Ну, что ж, туда идут революционные дивизии. Они везут с собой гильотину. Их сопровождает для острастки комиссар Конвента с особыми полномочиями и мандатом, подписанным «триумвиратом» (Робеспьер, Дантон, Марат). А дальше начинается кровавая мясорубка, по отношению к которой Чечня — это детский лепет. Это известно по архивным источникам. Но тем, кому лень лезть в архивы, достаточно прочитать классический роман Гюго «1793 год».

Линию Конвента продолжают все. Марата убивают, Дантона и Робеспьера казнят. Но на их дело никто не посягает. Ни более поздние ревнители революционной демократии, ни Наполеон, ни его последователи. Модерн

сделал своё дело — создал нацию. И начинает на этом фундаменте реализовывать свой проект.

СЛОМАТЬ БАЗУ СОПРОТИВЛЕНИЯ, ИМЕНУЕМУЮ «ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО», ПОСЕЛИТЬ В ОБЩЕСТВЕ НОВЫЕ СИСТЕМНЫЕ ИДЕАЛЫ, НОРМЫ И ПРИНЦИПЫ — ВОТ ЧТО ТАКОЕ «ДЕЛО МОДЕРНИЗАЦИИ».

9. Никогда и никакой модерн не может быть развёрнут в обществе без того, чтобы каждая пора социальной ткани не оказалась заполнена глубоким и искренним почитанием Закона.

Причём не абы какого Закона, а формального права, одинакового для всех, всеми выполняемого и разделяемого. Право должно быть именно формальным. В этом основа модерна. И перед этой формальностью долж-

ны склоняться все. Буква закона — не презираемая хаотизированным обществом козявка, а священный символ, на который молится общество, упорядоченное этой — особой — «светской сакрализацией».

Ни рассуждениям о том, что право вторично по отношению к правде, ни разного рода присказкам (мол, как телеграфный столб — перепрыгнуть нельзя, обойти можно, как дышло — куда повернул, туда и вышло), в модернизации места нет. Те, кто этого не понимает, проведут жизнь в тюрьмах или быстро прервут её на гильотине или электрическом стуле. Никаких разговоров о том, что «кто силён, тот и прав» быть не может. Ты силён, богат и нарушил право? Получай по закону! Именно уравнивание всех в правах становится коронным номером нового «монстра» под названием «модернизационное государство».

В соответствии с этим абсолютным приоритетом, самым тяжёлым из всех возможных преступлений является ТОРГОВЛЯ ПРАВОМ, то есть коррупция. Потому что превращение права в товар — это конец модерна. И модерн это понимает. Отсюда расстрелы на стадионах, выставляемые напоказ набитые чучела и всё прочее. Внутри очень разубоженной новой социальной ткани, создаваемой модерном, остаётся мало «склеивателей». И право из них является основным. Оно становится одной из главных «скелетных» конструкций модерна. И его системообразующее значение осознаётся всеми — элитой прежде всего.

Это не вопрос наказания. Точнее, не о нём только идёт речь. Забейте коррупционерами все лагеря, создайте новый супер-ГУЛАГ, расстреливайте и сжигайте огнемё-

тами (жёсткий вариант)... Пугайте потерей места в обществе и высоких зарплат (мягкий вариант)... Совершенствуйте институты (гибкий вариант)... Ничто не поможет, если нет культуры. КУЛЬТУРЫ, В КОТОРОЙ УКОРЕНЁН ВЫСОКИЙ МОРАЛЬНЫЙ ДУХ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НОРМЫ, ТАБУ И ПРОЧЕЕ.

10. Модерн немыслим без культурной ревальвации. Как в узком смысле (новое, более высокое качество культурной продукции), так и в смысле широком (новое, более высокое качество образования, новое понимание КАЧЕСТВА жизни, не сводимое к КОЛИЧЕСТВУ материальных благ и так далее). Модерн — отнюдь не царство количества, как его уничижительно называл Генон. Модерн меняет требования к качеству, но не отменяет качества как такового.

Нет модерна без классической литературы, повышающей культурное «качество». Нет Александра Освободителя без Пушкина и нет Сталина без Шолохова. Нет западного модерна без классического романа. И так далее. Сейчас наши политики говорят о чём угодно, кроме культуры. А сама культура не говорит, а мычит, и это все слышат. Иногда она мычит жалобно, а иногда свирепо. Иногда благородно, а иногда подло. Но она мычит. Нельзя не вспомнить Маяковского:

«Гримируют городу Круппы и Круппики
грозящих бровей морщь,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея —
«сволочь»
и ещё какое-то,
кажется — «борщ».

Совсем никто из политиков всерьёз не говорит о культуре. И из интеллектуалов тоже. А происходит-то именно это. Какой тогда модерн? Регресс, декультурация, постмодерн. И что дальше?

Нам всё время рассказывают, как много сажают коррупционеров, разного рода «оборотней» — в погонах и без них. Можно сажать в десять раз больше и порождать всеми этими «посадками» ещё более высокий уровень коррумпированности. Потому что сами по себе эти «посадки», сколь бы свирепы они ни были, лишь повышают цену товара под названием «право» (или «правовая услуга»), находящегося в руках лишённого морали и не укоренённого в культуре чиновника. Платите ему сколько хотите, следите за ним хоть из космоса, карайте хоть четвертованием — он всё равно украдёт, если нет в нём самом соот-

ветствующих культурных и моральных табу.

11. Нет серьёзного разговора о модерне вне анализа его социокультурной укоренённости в модернизируемом обществе. Иначе это называется — базовый уклад, социальный актив.

КТО будет следить из космоса за коррупционерами и ворами, КТО будет их четвертовать, КТО будет поощрять честных? Вряд ли кто-то полагает, что это может делать человек, не укоренённый в соответствующих ценностях, не имеющий адекватных таким действиям моральных и культурных самоограничений. Такой человек возьмёт взятку за то, чтобы временно отключить спутник и не обнаружить коррупционера и вора... За то, чтобы не четвертовать вора, а просто зарезать (или притвориться, что четвертовал, а на самом деле спрятать за деньги, а четвер-

товать другого)... Такой человек будет награждать за честность не действительно заслужившего награду борца с коррупцией, а своего родственника (или кореша). Такой человек любую борьбу с коррупцией превратит в межклановую грызню.

Для победы модерна нужен человек модерна, уклад модерна, модернистская социальная энергетика.

НЕЛЬЗЯ ПОДМЕНИТЬ ПРОБЛЕМУ ПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕКА ПРОБЛЕМОЙ ПРОИЗВОДСТВА ИНСТИТУТОВ. ЭТО — ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ.

Каким образом в условиях криминального мейнстрима могут сформироваться институты модерна? Институты борьбы с коррупцией? Институты адекватной социальной мобильности? Судьба модерна зависит от наличия актива модерна. Нельзя бороться с ре-

грессом, опираясь на регресс. Необходимые активы не преобладают в сегодняшнем обществе. Их надо собирать по крупицам. Может быть, кто-то уповает на то, что можно такие некриминализованные активы откуда-то ввезти? Опыт наших современных строек показывает, что ввезённые из-за рубежа югославские, турецкие или даже финские фирмы начинают вести себя «перпендикулярно» собственным национальным культурным нормам примерно на третий месяц. А если они этого не делают, то оказываются выброшены с нашего специфического рынка.

Молодёжь? Один миллиардер с печальной послеельцинской судьбой очень хотел прочитать лекцию элитным студентам, занятым юриспруденцией и финансами. А студенты очень хотели послушать живого миллиардера. Миллиардер был в чести... И на-

чальство тоже требовало, чтобы студенты послушали... Миллиардер начал с воспевания ценностей модерна. Аудитория недоумённо вздохнула. Как бы почувствовав это недоумение, миллиардер быстро произнёс: «Да-да, мы были другими. Мы не соблюдали правовых норм. Но этот этап позади. А вы теперь будете соблюдать». Суперприличная аудитория, несмотря на то, что над ней здесь же надзирало начальство, начала дружно гоготать. И массово покидать зал.

12. Нельзя прийти в конечную точку (успешная модернизация), не отдавая себе отчёта в том, откуда стартуешь, какова отправная точка.

ПОЧЕМУ НИ ОДИН ПОЛИТИК ИЛИ ЭКСПЕРТ МОЕГО ОТЕЧЕСТВА НЕ ОСМЕЛИВАЕТСЯ ГОВОРИТЬ О НАШЕЙ ОСОБОЙ СИТУАЦИИ, СИТУАЦИИ

НЕОРГАНИЧНОГО ВЗРЫВНОГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ? ЧТО ТАКОЕ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ НЕ ТОЛЬКО МОДЕРН, НО И ЛЮБАЯ, МЕНЕЕ ЖЁСТКО ПРАВОВАЯ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НОРМА? И КАК СИТУАЦИЮ ПРЕОДОЛЕВАТЬ?

Почему об этом не говорят вообще? В доме повешенного не говорят о верёвке?

Но если мы не будем об этом говорить, если мы СЕГОДНЯ не осмелимся зафиксировать плачевные стартовые условия, в которых надо что-то как-то развивать какими-то способами (модернистскими или другими), то ЗАВТРА об этом заговорят наши враги. Но они-то сформулируют проблему так, как им нужно. Они не будут говорить о первоначальном накоплении, тем более, что у них-то (Гарвард тут лишь один пример) — ох, насколько

рыльце в пушку! Они будут говорить о России как о КРИМИНАЛЬНОМ (не криминализованном, а криминальном — понимаете?) государстве.

А сформировав этот образ на основе (признаем, весьма богатого) фактического материала, они получат некие легитимные основания для всего чего угодно, включая интервенцию. Потому что легитимной базы для борьбы с нашей антидемократичностью в принципе не существует — сначала надо бороться с нею, например, в Саудовской Аравии. А вот легитимная база для борьбы с криминальным государством зафиксирована многократно.

Страх перед нашим ядерным оружием? Разве страх перед советским ядерным оружием запретил подписывать соответствующие директивы в период с 1946 по 1986 год? И не только подписывать, но и исполнить? «Побе-

да в холодной войне» называется.

Да мало ли что можно сделать после того, как образ криминального государства сформирован и протранслирован всему миру? А как избежать этого в XXI веке? Перекрыть Интернет? Отключить западные спутниковые каналы? Отменить намеченный переход на новые цифровые форматы вещания с расширением набора каналов до 700–800? Ясно же, что это сделать нельзя. А если и можно было бы, то, во-первых, с издержками, превышающими приобретения. А во-вторых, ненадолго и с абсолютно сокрушительными отсроченными последствиями.

Значит, нужен другой образ — более правдивый, ёмкий, убедительный. Но он не может сформироваться в недрах гламурной доктрины и её гламурного интеллектуального сервиса. Ну, не может, и всё.

Приглядитесь к оговорённым выше двенадцати пунктам. Убедитесь, что всё должное, относящееся к модерну, противоречит всему, что мы имеем в наличии. И как это противоречие преодолевать? И с чьей помощью?

13. Не может быть серьёзного разговора о модерне, если всё сводится к сакраментальному «что делать?» и «как делать?». Жёстко, мягко et cetera. Любой серьёзный разговор требует ответа на вопрос: «КТО это будет делать?» Это называется «рефлексия на субъектность».

Такая рефлексия фактически сведена к нулю. И это начинает приобретать буквально вопиющий характер.

Впрочем, иногда в качестве отговорки адресуют к чему попало (народ, средний класс, гражданское общество), вообще не обсуждая при этом содержание собственных адресаций

и их связь с сегодняшней российской ситуацией (где гражданское общество, например, СИСТЕМНО замещено криминалитетом).

В более серьёзных случаях роль этого самого КТО (субъекта модернизации) делегируется власти. Но это абсолютно некорректно. Для такого КТО нужна не власть как таковая, нужны массовые опоры, социальный базис. Любая власть не может функционировать, не опираясь на определённые группы. Но уж проводить модернизацию, не имея классовой опоры... Об этом можно говорить только у нас и только сейчас. Больше нигде, никто и никогда не мог вести дискуссию в таком формате без подрыва собственного интеллектуального престижа в глазах элиты и общества.

У нас же это оказывается возможно, прежде всего, потому, что Маркс, который был

и остаётся классическим авторитетом хоть в Гарварде, хоть Сорбонне, в России стал жупелом. И само слово «классы» — глубочайше скомпрометировано. Но к этому, конечно, всё не сводится.

Ну, не классы... Элиты... Массовая опора... Социальная база... Эти термины ведь никто отменить не сможет. Значит, дело в чём-то другом. Значит, есть какая-то загадка в тоне наших дискуссий. И тут я прошу читателя ещё раз закрыть глаза, перенестись в 20-е годы и вернуться в нынешний климат обсуждения проблем развития. Загадочный контраст, не правда ли? Я не о конкретных темах, и не о лингвистике даже. Я о серьёзности. А также о связи собственно властной тематики (в её предельном — клановом — преломлении) и тематики развития. Нет связи. Почему? Загадка? Ну, так и надо её разгады-

вать.

14. Ещё одно обстоятельство, категорически требуемое для успеха модерна, — консенсус элит.

Если речь идёт о модерне, то консенсус должен быть не абы какой, а модернистский. Западные консерваторы и западные либералы могут вместе рулить нациями лишь постольку, поскольку они внутренне абсолютно солидарны в вопросе о модерне. Это называется — «рамка». Нет рамки — забудьте о развитии. Вот сейчас исчезает эта рамка — какой модерн?

У нас же консенсус модерна отсутствует. Та тема №2, заявляемая Хинштейном и Соловьёвым (она же война кланов), с которой я начал статью, — это не отдельная планета (Марс), по отношению к которой тема №1 (она же развитие) — это другая планета (Ве-

нера). Нет, речь идёт о двух теснейшим образом сопряжённых темах.

Элита ненависти отодвинута. Но элита гедонизма разруливает ситуацию в пределах своей — гедонистической — элитной субкультуры. Причём субкультуры, тесно сочетаемой с особыми формами групповой идентификации, порождающей если не кланы классического образца, то их диффузные аналоги (паракланы).

Структурируясь таким — принципиально не сочетаемым с модерном — образом, элита ведёт жесточайшие подковёрные бои. Я разобрал их в книге «Качели» и не могу ничего добавить к тому, что там написал. Кроме того, что качели после избрания Медведева, как я и предсказывал, закачались ещё надрывнее. Назревает олигархическая мясорубка. Она превращает все стратегические про-

блемы государства (те самые, которые так остро обсуждались в 20-е годы) в невыносимое для кланов ОБРЕМЕНЕНИЕ.

У вашего клана есть 20 неких, так сказать, «условных дивизий». И вы должны 10 послать на территорию развития. Но у противника ведь тоже 20 «дивизий». А у вас для схватки с ним останется 10. Вывод: нельзя посылать на эту самую территорию развития никаких реальных «дивизий». Территория в политическом плане оказывается пустой (в этом-то и состоит отличие от 20-х годов).

Вопрос не в том, кто какие слова говорит о развитии. А в том, что слова эти тут же превращает в мёртвые льдинки безжалостно холодная элитная Пустота. Можно относиться к этому прагматически и превращать льдинки в товар. Можно в ужасе замолкать. Что ещё можно? В ПРИНЦИПЕ МОЖНО

СОГРЕВАТЬ ПУСТОТУ. Но это адресует к особому «трансформационизму», который, в свою очередь, обусловлен наличием или отсутствием социальной метафизики. Так значит, не она, не эта метафизика является уходом в самоизоляционную «башню»? Не она, а всё остальное?

14

Заявлена ли тема «развитие»? Заявлена ли она властью, — внятно и с абсолютной категоричностью? Да или нет? Ни один вменяемый человек не может отрицать, что эта тема заявлена, причём и Путиным, и Медведевым.

Можно обсуждать качество этой заявки. Это ответственное волеизъявление (проект)? Это пиар? Это благопожелание?

Можно обсуждать также содержание, вкладываемое в заявку. Пойдёт ли речь дей-

ствительно о спасении через развитие... или же речь пойдёт о чём-то, аналогичном народной присказке «что мёртвому припарки»...

Можно (и должно) обсуждать также, во что превратится заявленная тема в связи с так называемой «войной элит». Не окажется ли, что заявка на развитие в нынешнем прискорбном элитном контексте тождественна борьбе за «распил» тех или иных ресурсных потоков?

Не окажется ли, наконец, что эта заявка превратится в начало какой-нибудь очередной «перестройки»? Мол, имела место путинская стабильность, а теперь эту (в чём-то схожую с брежневской) благополучную инерционность начинает раскурочивать, апеллируя к развитию, нечто, сходное с горбачевизмом? Сначала скажут о развитии... Потом вернут нам неких новых Сахаровых, и понесёмся мы

все к очередному жуткому хаосу?

Такой вариант возможен? А почему бы нет? Сейчас возможно всё, что угодно.

Следует ли из этого, что надо перестать обсуждать тему развития? Или же, продолжая обсуждать, перестать хотя бы сопрягать обсуждаемое с проблематичным властным контекстом? Нет, и ещё раз нет.

Потому что властный контекст всегда проблематичен. А его изъятие стерилизует тему развития, лишает её политического обертона, а значит и смысла. В таком стерилизованном виде тема развития никого не пугает. Обсуждайте её сколько угодно. Чем бы интеллектуальное дитя ни тешилось, только бы нос в политику не совало.

Обсуждение темы развития на страницах газеты «Завтра», появление на телеэкранах «ужасных лиц» (редактора газеты, вашего

покорного слуги etc), нарастание внутри- и внешнеполитической неопределённости, ряд иных тонких и малозаметных для общества обстоятельств... всё это многих и беспокоит, и раздражает.

Беспокоятся реальные игроки. Я никоим образом не склонен преувеличивать роль своих интеллектуальных упражнений, отдельно взятой газеты и так далее. Конечно, всё это в совокупности не более, чем мини-фактор. Но этот мини-фактор игроков очень тревожит. Поверьте, я знаю, что говорю. Знаю, что данный «мини-фактор» обсуждается теми, кто по роду службы должен заниматься только глобальными факторами.

Одним словом, я просто не имею права не зафиксировать наличие беспокойства, а также того, кто и почему беспокоится.

Что же касается раздражения, то это дру-

гое. Раздражается наше «приличное общество». Оно всегда раздражается, когда возникает что-то не вполне стерилизованное. Раздражаясь, оно реагирует привычным для него смердяковским образом. Для того, чтобы так реагировать, ему не нужны заказы высоких международных персон. Смердяковщина — это естественный и безальтернативный способ существования данных «болтливых белковых тел». (Кто-то сочтёт, что я в слове «белковых» пропустил две буквы, но я всего лишь перефразировал классика).

Беспокойство надо анализировать — ибо оно малое слагаемое Большой Игры. А в Большой Игре нельзя пренебрегать малыми компонентами. Раздражение же надо игнорировать.

Конечно, в какой-то степени беспокойство инициирует раздражение, а раздражение под-

питывает беспокойство. ТАМ начинают больше беспокоиться — ЗДЕСЬ больше раздражаются. И наоборот. Но не в этом главное. Главное в том, что именно беспокоит.

Беспокоит не чей-то радикализм. Беспокоит (цитирую близко к тексту некие «материалы») возможность появления на патриотическом поле хотя бы одного фактора, несводимого к однозначному лубку — наглядному и крикливому пособию на тему об «ужасном русском фашизме». Высокие «тамошние» инстанции настаивают — не должно быть НИ ОДНОГО такого патриотического «фактора». Почему-то (беспокоящимся виднее, почему именно) особо нервирует альянс вашего покорного слуги и газеты «Завтра». Ибо в этом альянсе видится возможность возникновения подобного фактора.

Я не вдаюсь в рассмотрение причин та-

кого видения процесса. Я только фиксирую его наличие. А также наличие предельной обеспокоенности возможностью выхода газеты «Завтра» за пределы отведённой ей роли. Роли самого известного — модного, и в чём-то даже «приличного», — ЖУПЕЛА.

Такой выход за пределы роли не только беспокоит игроков, но и раздражает смердяковых. Почему раздражает — слишком понятно, а потому неинтересно. А вот в чём генезис беспокойства? Это весьма серьёзный и далеко не тривиальный вопрос. Мелкий? Конечно, мелкий. Но рассмотрите эту капельку под аналитическим микроскопом — и вы такое увидите, что мало не покажется. Именно это я и постараюсь сделать.

Буквально несколько слов о формах, в которые отливается беспокойство. Беспокойство ли? Когда какой-то псих, смердяковству-

ющий маргинал, выявляет в вас тягу к царедворству, якобы толкающую вас на обсуждение темы развития, — что сие знаменует? И знаменует ли хоть что-то?

Есть простой количественный метод, позволяющий ответить на вопрос. Даже если занявшийся вашей персоной субъект — абсолютный параноик, который не ест, не спит, а только пишет и пишет, он может написать столько-то. Если он пишет намного больше — то он не раздражённый бескорыстный псих, а нанятый работник. А если, например, он пишет в десять раз больше, то это уже нанятый коллектив. Есть ли логический дефект в таком методе рассмотрения? Это количественная дедукция — один из наиболее надёжных аналитических методов.

Но есть ещё и самый точный метод — опора на надёжные данные. Такие данные — это

не сплетня, а достоверное знание, умножающее скорбь. Иногда такое знание, от которого... как бы покультурнее выразиться... Словом, окунаешься ты в стихию чужого сленга и чужой смачно-стукаческой логики: «Сейчас мы втянем X в то-то и то-то, и тогда Y либо отскочит, либо замарается! Задачу мы решим в любом случае». Сначала ты в это конкретно окунаешься в связи с «ХАМАСовской темой» и откровениями её «операторов», затем в связи с ещё более мелким сюжетом.

Ну, поговорил редактор газеты «Завтра» с журналистом на тему «люди, годы, жизнь» (имеется в виду не жизнь Ильи Григорьевича Эренбурга, а жизнь редактора). Разговор шёл много часов. Наговорённого журналисту хватило на книгу. Ну, книга и книга... Много часов говорить «за жизнь» всухую дураков нет (даже исламист не сможет, не то, что рус-

ский человек с широкой душой).

Так что бытовой контекст абсолютно ясен. Стиль — тем более. Ну, право... не в суд же подавать на то, что в книге этой назван я аж «референтом Берёзы»... Речь о 1996 годе, «письме 13-ти», других сюжетах. Как ни старается журналист препарировать задушевный разговор, всё равно видно, что никакой я не референт (увы). А больше, чем я сам о себе уже рассказал, никакой журналист не сумеет. Делов-то!

Но затем ты снова окунаешься в ту же самую «стихию точных данных». И обнаруживаешь (причём с абсолютной доказательностью) буквально те же стукаческие заходы: «Мы сейчас таким-то образом отпрепарируем высказывания X, тогда Y или «заведётся», или умоется! Задачу мы решим в любом случае».

Да что ж так неймётся-то?

В происходящем, как в капле воды, отражается два макро-феномена. Культурный и политический.

О культурном исчерпывающе сказано Грибоедовым:

Чацкий: Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов: Строжайше б запретил я этим господам

На выстрел подъезжать к столицам.

Есть Лица, сделавшие заявку на развитие. А есть само это развитие, то есть Дело. Если мы отмахнёмся от заявки — мы, провозгласившие, что Дело важнее Лиц, — то грош цена и нам, и символам нашей веры. Начав же обсуждать Дело (Дело вообще и Дело развития в особенности) — мы должны ждать всех низостей, на которые способно наше специфическое «приличное общество».

Потому что — чего греха таить — общество это ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ низкое. Спрос его — это ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ спрос на низость. Язык его — ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ смердяковский. Тянется оно ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ к тому, что «с душком-с».

А теперь о ещё более важном — политическом — макро-феномене, который выявляет вся эта мышиная возня, рассматриваемая мною через аналитический микроскоп.

Что обнажает в наибольшей степени и наиболее вопиющим образом высочайшая заявка на это самое «развитие»? Что обсуждать его всерьёз КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ХОТЯТ. Не могут, скажете? Ну, не знаю... Мне-то кажется, что могут. Но в силу убеждения (причём — «железобетонного»), что заявка эта пиаровская («шутейная», как сказал бы царь-модернизатор Пётр Алексеевич), — не под-

ставляются. Но и беспокоятся при этом: «А вдруг неверно оцениваем?»

Короче — сказать что-то по поводу развития, причём всерьёз, это «ни-ни». Преобладает молчание. Оно, молчание это, не просто преобладает. ОНО УЖЕ БУКВАЛЬНО ВОПИЕТ. Разбавлено оно, в лучшем случае, очень скудным трёпом «через губу». А ПОЧЕМУ? Ну, шутейно что-то сказали. Но ведь сказали. Почему молчание в ответ такое, что впору говорить об обструкции? Только потому, что не верят в серьёзность сказанного?

Мне кажется, что дело всё же в другом...

Много лет назад на высоком (и по составу в основном иноземном) собрании я впервые услышал: «Дверь модернизации захлопнулась для России в середине 90-х годов. И это навсегда». Кто говорил об этом? Иностранцы? Нет. Они слушали. Говорили же

высоколобые элитарии из России. Причём вовсе не в алармистском ключе, а «с чувством глубокого удовлетворения и облегчения». А почему они так об этом говорили? И есть ли корреляция между тогдашней констатацией по поводу захлопнувшейся двери и нынешней обструкцией (ПО СУТИ, конечно, именно обструкцией) темы развития (хотя бы в плане развития модернизационного).

Я считаю, что корреляция есть. Перефразировав одного ныне покойного грузинского политика, можно сказать: «Модернизация — это вам не шутка! Это вам не лобио кушать».

Поскольку очень хочется именно «кушать лобио» (то есть предаваться гедонистическим радостям), то на кой чёрт эта модернизация... Можно в виде издёвки сказать о мягкой модернизации. То есть о том, чтобы и лобио кушать, и... Но это именно в виде издёв-

ки.

Серьёзный разговор о модернизации неизбежно рано или поздно повлечёт за собой разговор о том, что лобио должно быть поменьше. Что ресурсы надо взять у поваров, привыкших готовить лобио, и передать кому-то ещё (ВПК или кому-то другому). А ещё эти ресурсы надо использовать на заявленные цели, а не разворовывать.

А что это значит? Что тем, у кого ты забираешь ресурсы, — обидно. У них становится меньше этого самого лобио. А тем, кому даёшь ресурсы... Им тоже обидно. Потому что хотелось бы превратить перераспределённые ресурсы в своё лобио, а говорят, что нельзя. Кому не обидно!?

Родине? Она молчит. Но, опять же, если ей предложат на выбор — либо с тобой поделятся лобио, либо «вперёд и с песней» (паши

на модернизацию, пусть даже и за приличную зарплату), то... Уверены ли вы, что электорат за это проголосует? И что электоральная поддержка, даже если она будет, превратится на следующем этапе в поддержку социальную и политическую? Я не уверен.

Так кому не обидно? Учёным и инженерам, которым заплатят в два-три раза больше? Они, конечно, зарплате обрадуются, но... Настроения в этой среде самые разные. Человек ведь существо не до конца рациональное. Кто-то и впрямь поддержит (причём до конца). А кто-то станет осуждать жёсткость политических технологий, с помощью которых произойдёт такое перераспределение ресурсов в пользу модернизации. Ведь «мягких» технологий тут по определению быть не может. Разве что в виде издёвки.

ТАКОВО СОЦИАЛЬНО-

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, КОТОРОЕ ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО ВЛИЯЕТ НА ТИП ОБСУЖДЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Всё остальное — это сопутствующие обстоятельства, не более того. Отмашка есть... Отмашки нет... Отмашка дана по полной программе... Не по полной... Это всё не главное. Главное, что существующий политический класс, в массе своей, развития не хочет. А «сервис» это чувствует. И тоже развития не хочет. Отсюда то, что я называю СУЩНОСТНОЙ ОБСТРУКЦИЕЙ.

То, что я прав, — легко доказуемо.

Возьмите всю существующую социально-политическую (да и экономическую) информацию. Оцените этот массив в мегабайтах. Введите весовые коэффициенты. И оцените,

какой процент от данных мега- и гигабайт центрирован на вопросе развития. Потом оцените, как именно этот малый процент центрирован. А потом спросите себя: если это не СУЩНОСТНАЯ ОБСТРУКЦИЯ, то что это?

И тут я перехожу от неслучайных мелочей к гораздо более крупным сюжетам.

Не так давно я оказался на одном элитном мозговом штурме. В приглашении тема штурма формулировалась так: «Энергетическая война. Роль России».

Мозговой штурм начался с надрывного крика высоких газпромовских интеллектуалов о том, что никаких разговоров о войне быть не должно. Что надо говорить только о дружбе и сотрудничестве. Высокие газпромовские интеллектуалы орали буквально, как резаные. К ним подключился высо-

кий газовый босс из соседней могущественной корпорации. Босс тоже требовал, чтобы «никаких войн»! Зачем было собирать мозговой штурм по данной теме — так и осталось для меня загадкой. Но то, что визг был аномально-нервным — это я зафиксировал. Визг был настолько нервным, что председательствующий сказал: «Ну, хорошо. Давайте изменим название. Не война, а...» «Конкуренция», — предложил один. «СОТРУДНИЧЕСТВО!!!» — завопили возбуждённые газовщики.

Являясь следующим по очереди выступающим, я сказал, что можно, конечно, не говорить о войне в данном высоком собрании. Однако в Лондоне, Нью-Йорке, Амстердаме etc. у всех ТЭКовцев (от студентов и преподавателей до корпоративных боссов) на столах лежит книга Даниэла Ергина «Добыча», в ко-

торой говорится ИМЕННО О ВОЙНЕ — нефтяной, газовой, энергетической и так далее. А в соседних финансовых офисах лежат книги Джорджа Сороса, в которых говорится о финансовой войне и рефлексивности финансовых рынков. То есть опять-таки О ВОЙНЕ. «Так как, — спросил я, — не потеряв лицо, ЗДЕСЬ можно не говорить о войне, если ТАМ все говорят только о войне?»

Побледневший газовый босс мне ответил: «Вот Вы ТАМ и говорите о войне. А ЗДЕСЬ — пожалуйста, не надо».

Председательствующий промолчал. Я встал и вышел.

Рассказываю это совсем не для того, чтобы похвалить себя и поругать кого-то. Я предлагаю вникнуть в мотивы истерики, которую я описал. Эти мотивы очень непросты. Они не сводятся к тому, что нервничающие лица

уже живут по сути ТАМ, а ЗДЕСЬ лишь добывают сырьё. Этот уровень мотивации тоже присутствует. Но если бы всё сводилось к нему...

Соединённые Штаты Америки беспокоят не Иран или Ирак.

Их беспокоят центры сил, способные в принципе оказаться более мощными, чем сами США. В ближайшей перспективе таких центров сил два — Европа и Китай. Китай — это отдельная песня. А вот Европа... Европа никогда не была единой. А в последние десять лет она у нас на глазах раскалывается на две Европы — старую и новую.

Старая Европа — это, прежде всего, Франция и Германия. Ну, Италия. Ну, Австрия, ставшая периферией Германии.

Новая Европа — это бывший соцлагерь. И примыкающие к нему бывшие союзные рес-

публики. Прежде всего, речь идёт об Украине, Прибалтике, Молдове. Белоруссия пока выпадает из этого «санитарного кордона». Но лишь пока. Запевалами в процессе являются Польша и Украина. Польша — явный и очевидный лидер новой, очевидным образом проамериканской, Европы.

Задача новой Европы — мешать структуризации старой Европы. А также отношениям между старой Европой и Россией. Прежде всего, между Германией и Россией. Но и между Францией и Россией тоже. Франция пока не оторвана от Германии. А там — кто знает. . .

Самой главной задачей новой Европы является препятствование энергетическим коммуникациям между Россией и старой Европой. Особенно, если эти коммуникации идут мимо новой Европы. Тут задевается уже не

только политический, но и экономический интерес. Исчезает плата за транзит, возможность коллективного воровства энергоносителей, и так далее.

Для того, чтобы блокировать инициативы старой Европы по укреплению союза с Россией, — новой Европе нужен соответствующий образ России. В пределе это должен быть образ однозначно фашистской, причём гнилостно-фашистской, страны. Страны и криминальной, и ненадёжной, и грозящей ракетами, и антисемитской, и... и... и...

Если этот образ будет создан, то старая Европа окажется в сложном положении. А только это и нужно и американцам, и новой Европе. Разрушение коммуникаций со старой Европой грозит огромными неприятностями нашим энергетикам-экспортёрам. Газовым, в первую очередь. Нефть так или ина-

че, но продадут. А вот газ... Для того, чтобы диверсифицировать продажу газа, нужны огромные вложения и годы напряжённого труда. Нужно иметь флот для транспортировки сжиженного газа... Заводы по сжижению... Инфраструктуру... Или же тянуть колоссальные газопроводы не на Запад, а на Восток.

Оптимисты считают, что Европа от нашего газа никогда не откажется. И что угрозы нет. А газовщики нервничают. И поди тут разбери, отчего они больше нервничают — от того, что фокус их интересов, фокус, конечно, гедонистический, уже находится ТАМ, или же от того, что они имеют для этой самой нервозности более серьёзные и масштабные основания? Я в таких случаях всегда выбираю наиболее комплиментарную версию.

В последнее время бывшие главы го-

сударств старой Европы ездят в Москву, как эмиссары, и буквально умоляют русских быть паиньками. Они при этом осуждают американцев, называют НАТО инструментом чужой для европейцев политики, говорят ещё много разного рода приятных вещей. Но рефрен у них — один: «Ради бога, будьте паиньками! Потерпите, поулыбайтесь... Во имя общего дела и наших газовых успехов! Не ставьте нас в сложное положение! Покажите цивилизованное лицо! Пойдите на уступки! Пожалуйста!»

Теперь я прошу читателя кое-что сопоставить.

Первое. Мой рассказ о некоем семинаре, на котором так нервничали газовщики и который должен был называться «Энергетическая война», но был срочно переименован в «Энергетическое сотрудничество». Помните,

что там было сказано? «Вы ТАМ говорите об энергетической войне, а ЗДЕСЬ не надо».

Второе. Регулярные собеседования бывших глав старой Европы, причём наиболее лояльных к России, и рефрен: «Ради бога, мягче, мягче! Ради бога, помогите нам! Уступите! Продемонстрируйте хоть что-нибудь, так сказать, а ля Горбачёв».

Согласен ли читатель с тем, что первое и второе — это просто части одного, очень внятного, целого? Если он в этом сомневается, то пусть поверит моим трудно рационализируемым ощущениям. Это именно одно и то же, понимаете? Тот же тон. Та же лингвистика. И так далее.

Итак, согласимся, что это одно целое. И добавим к его двум названным слагаемым ряд других.

Третье — это начавшиеся разговоры об ам-

нистии, которую должен получить Ходорковский, и о возвращении в Россию Гусинского. Пока это только невнятные разговоры. Переход к делу планируется якобы на октябрь. Досужие сплетни? И да, и нет. Есть уклончивые официальные заявления по этому поводу. Это обсуждается. Я сам участвовал в передаче Пушкова на эту тему. И у меня хватает аналитического опыта для того, чтобы понять подоплёку такого рода обсуждений. Так что называть сплетнями «октябрьский сценарий» я бы не стал. Скорее, это ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ.

Четвёртое. Не лишённые внутренней нервозности успокоительные заявления Генри Киссинджера, утверждающего, что в России обязательно будет глубокая разрядка а ля Горбачёв. Киссинджер — не эмиссар старой

Европы. Но американская игра со ставкой на «дикий русский оскал» и «великую антирусскую Восточную Европу» — это не игра Киссинджера. Он для этого слишком близок и к Китаю, и к Израилю, которых такой вариант игры одинаково не устраивает.

Пятое. Вихрь страстей вокруг Севастополя.

Шестое. Заявления Д.Медведева, сделанные им в Китае (23–24 мая), в Германии (5 июня) и на Санкт-Петербургском экономическом форуме (6–8 июня). И там, и там, и там — рыночная успокоительная риторика. Но и там, и там, и там как бы вскользь говорится о неких силах, противостоящих сближению России с Китаем (вряд ли это Тайвань) и Европой. Поскольку эти анонимные силы ещё и тяготеют к однополярному миру, то разночтения по сути невозможны.

При этом говорится о максимальной прозападности России (смотри выше — о том, что надо быть паинькой)... Но ещё и о том, что «атлантизм, как единственный принцип, изжил себя. Теперь речь должна идти о единстве всего евроатлантического пространства — от Ванкувера до Владивостока. Сама жизнь подсказывает именно такую форму нашего взаимодействия». От Ванкувера до Владовостока... Нда... Поскольку по сути (кто бы что бы ни говорил) это синоним «Европы от Дублина до Владивостока», то большего кошмара для американцев просто не может быть. Ахмадинежад во главе новой империи Чингисхана менее опасен...

Седьмое. Само избрание Д.Медведева президентом, необходимость построения политического диполя «Медведев — Путин», расстановка кадровых фишек на административно-

политической доске и так далее.

Восьмое. Уже начавшиеся неприятности на Северном Кавказе.

Девятое. Непрекращающаяся борьба элитных кланов, которую я подробно описал в книге «Качели».

Десятое. Немного странная и сильно карикатурная, но не лишённая политического смысла организация с гордым названием «Национальная Ассамблея».

ЧТО, ЕСЛИ ДЕСЯТЬ ПУНКТОВ, КОТОРЫЕ Я НАЗВАЛ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОБРАЗУЮТ ЕДИНОЕ (СИСТЕМНОЕ!) ЦЕЛОЕ?

Вопрос ведь никак не сводится к гуманитарно-нравственному аспекту! В эпоху перестройки я вовсе не мечтал о том, чтобы А.Д.Сахаров продолжал пребывать в городе Горьком. И сейчас я не мечтаю

о том, чтобы продлились чьи-то злоключения. Я рассматриваю происходящее не как роман чьих-то конкретных судеб, а как гигантский политический механизм с взаимно-уравновешивающимися блоками. Как только блок под названием «чьи-то судьбы» переместится из точки А в точку Б, соседний блок переместится из точки В в точку Г. Я не хочу следом за ажиотажными пиарщиками говорить, что место Ходорковского на нарах займёт обязательно кто-то другой. Я просто обращаю внимание на неизбежность перебалансировок, возникающих при любых трансформациях такого масштаба.

Поскольку в этих перебалансировках участвуют не шестерни и гири, а автономные элитные субъекты (центры политических сил), то процесс может приобрести нели-

нейный характер. Разве не говорилось многократно о том, что горбачёвские смягчения, сопровождаемые борьбой с коррупцией, в качестве фигуры контрбаланса породили ряд горячих точек — как на Кавказе, так и в других регионах? Каким именно образом тут совпали противоречивые интересы?

Что такое в игровом плане был Ельцин, заявивший, что он прозрел, пролетев над статуей Свободы? Ельцин, о чьём пребывании у Рокфеллера было сказано избыточно много? Никоим образом не считаю, что сегодняшняя игра будет слепо копировать предыдущую. Но некоторые черты сходства есть. А почему бы, собственно, им не быть?

Теперь я могу, наконец, выполнить данное читателю обещание и соотнести разного рода «мелочи», которыми утомлял в начале (X и Y, «дедукция» и «надёжные данные») с

Большой Игрой, то есть с несопоставимым по объёму макропроцессом. В Большой Игре нет мелочей. Однозначная расстановка фигур на «русской шахматной доске» — не мелочь, а одно из главных условий, при которых игра будет выиграна ИМИ и проиграна НАМИ. И ОНИ придают этому условию огромное значение.

Для ИХ выигрыша фигуры на русской шахматной доске должны быть расставлены так.

На одном краю этой доски должны разместиться однозначные до карикатуры «шустрики» — «русские фашисты», крикливые, плакатно-лубочные, глубоко криминализованные и... насквозь гнилые, не способные ни к чему за рамками публичного дизайна. Они могут быть очень разными: тут найдётся место и радикальному исламизму, и этниче-

скому радикализму, и мало ли чему ещё.

Важно, чтобы это был именно дизайн. И чтобы «окно ужаса» открылось ненадолго. «Дизайн» может стать и достаточно далеко идущим... вплоть до какого-нибудь локального ядерного удара по «нужной» точке. Но должна быть гарантия надёжного, быстрого и окончательного «закрывания окна». А «коллектив», созданный для дизайна, не должен обладать ни масштабным проектом, ни позитивной идеологией, ни, тем более, философией развития.

На другом краю той же доски должны находиться столь же однозначные «мямлики». «Мямлики» эти должны, по замыслу, быть абсолютным раздражителем для большинства населения, жупелом, символом возврата ко всему ненавидимому. И политически абсолютно обесточенными. У них на лбу долж-

ны быть соответствующие этикетки, причём такие, чтобы хоть солдату российскому, хоть офицеру одинаково захотелось в эти этикетки засадить всё, что есть под рукой.

Если «мямлики», поняв, что обречены на заклание, захотят избежать этой участи и... ну, я не знаю... поискать опору внутри страны (не рыхлую электоральную, а социальную и политическую), сменить для этого имидж, заявить какую-то программу... Словом, если это им придёт в голову, то сразу возникнет вой. («Ой, что вы! Потерпите! Смягчите! Не надо, вы нам мешаете!»)

Выше я описал, что такое этот вой в исполнении, например, фигур из «Газпрома». Но это — мелочь по сравнению с тем, что начнётся, если приготовленные для заклания фигуры крупнейшего внутриполитического калибра станут таким образом «дёр-

гаться». Они скорее всего и не станут... Но если станут, то одёргивать их будут весьма авторитетные для них элиты — весь их совокупный международный бэкграунд.

И опять-таки — зачем «мямликам» развитие? «Мямлики» должны поставлять энергоносители в нужное место, и из этого нужного места привозить туземцам всё, что угодно. Шмотки, машины... продукты питания, наконец.

Политическая элита не может не знать, что продовольственная зависимость Москвы и Санкт-Петербурга превышает 80%, по большим городам колеблется между 60 и 70%, а в целом по стране составляет (по разным оценкам) от 45 до 52%. Что среднее потребление населением животного белка сейчас вдвое меньше, чем в эпоху СССР. Что восстановление животноводства потребует многих лет

и колоссальных вложений в инфраструктуру (фабрики по производству продуктов, дороги, свинарники, коровники и так далее, а также люди, которые будут готовы во всём этом профессионально и эффективно участвовать, производя качественный необходимый продукт).

Я не хочу говорить, что эти неприятности фатальны. Но они огромны. А в рамках гедонизма, который преобладает, — непреодолимы. Так гедонизм и не собирается преодолевать эти неприятности. ТАМ — технологии, ЗДЕСЬ — сырьё. С приветом от реального комфортно-колониального бытия, сопровождаемого вялым пиаром на тему развития!

Если я прав в своих построениях (а я их рассматриваю лишь как гипотетический сценарий), то врагу до зарезу нужно иметь этот самый однозначный и безальтернатив-

ный расклад с «шустриками» и «мямликами».

Патриотическое движение в очередной раз волокут в определённую сторону. Только ли враги его туда волокут? Если бы! Его волокут туда регрессивные процессы, запущенные социал-дарвинистами. Его волокут туда многочисленные «заморочки», фобии, синдромы, фантазии. Его, как мы видим, волочёт туда и глобальная конъюнктура.

Всё это надо суметь преодолеть. И потому серьёзное обсуждение вопросов развития сегодня важнее, чем когда-либо ранее. Ну, так и продолжим обсуждение. Причём именно в том формате, который так кому-то не нравится.

15

Нет развития без опоры на прошлое. Но как прикажете на него опереться?

Советская идеология слишком долго являлась предметом острейшей полемики. Эта полемика сформировала несколько несовместимых друг с другом систем оценки всего на свете: коммунизма, социализма, советизма, марксизма-ленинизма. Такие системы оценок никоим образом не сводятся к простейшему «за» и «против». Они представ-

ляют собой развёрнутые мировоззренческие комплексы или «субкультуры».

Субкультура, укореняясь в личности, приобретает определённую самодостаточность. Хорошо ещё, если субкультура не добралась до ядра личности. А если добралась? Вы ведёте полемику с человеком, который не просто принял на вооружение антикоммунистическую или антисоветскую субкультуру, но и позволил оной разместиться в личностном ядре. А коль скоро это произошло, то в принципе невозможно провести грань между личностью и рассматриваемым особым (антисоветским, антикоммунистическим) «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ ОРГАНИЗМОМ», поселившимся в ядре этой личности. Этот специфический «организм» становится частью личности.

Представьте себе, что по каким-то при-

чинам вам удалось добраться до «организма» своими аргументами (как рациональными, так и ценностными). Вы, так сказать, ухватились пинцетом своей аргументации за этот самый «мировоззренческий организм». И хотите вырвать его из личности. Но такой «организм» — это паразит особого рода. Он не просто поселяется в ядре личности. Он многочисленными своими ответвлениями («лапками») зацепляется за те или иные личностные ткани (ценностные, нравственные и иные).

Личность, в которой рассматриваемый «организм» так укоренился, — не просто несёт в себе это цепкое «мировоззренческое существо». Она руководствуется наличием данного «существа» в своей деятельности. То есть, под влиянием этого «существа» совершает разного рода поступки. В том числе,

и поступки с далеко идущими последствиями. Например, она эмигрирует из страны. Или садится в тюрьму. В любом случае, личность кормит собой паразитарный по сути «мировоззренческий организм». Она приносит нечто ему в жертву. И, принося в жертву, ещё сильнее сращивается с тем, на алтарь чего принесено столь многое.

Оговорюсь, что использую здесь слово «паразит» в прямом системно-биологическом смысле, а не в смысле оценки качества. Внутрисистемный паразит — это существо, действующее в системе таким-то образом. Не более и не менее. Если система — это сознание («ментал»), то и паразит — ментальный.

Пусть даже вы почему-либо можете добраться пинцетом аргументации до этого самого «ментального паразита». Ну, добрались вы, ну, ухватились за него. Вам кажется, что

надо дёрнуть и, дёрнув, выдернуть. Если вы действительно начинаете это делать (а начать это делать может только абсолютный психологический тупица и невежда), то ваше рвение приведёт к уничтожению личности. Многочисленные лапки «паразитарного ментального существа» не отпустят клеточки ментала, в которые они вцепились. Вы будете тянуть сильнее и сильнее и порвёте в клочья ментал, оставив в нём частицы «паразита». Которые (если ментал не погибнет одномоментно), к тому же, вскоре регенерируются.

Но поскольку личность умеет себя защищать, то такой результат вряд ли будет достигнут. Вы дёрнете «организм» пинцетом аргументаций... Многочисленные лапки «ментального паразита» уцепятся за разные клеточки личностного ментала... Личность почувствует боль... Вы потянете ещё силь-

нее... Боль многократно усилится... Наконец, личность поймёт, что болевые сигналы предупреждают её о смертельной опасности: «Сейчас этот садист ещё сильнее потянет, и сразу во многих точках произойдут непоправимые разрушения».

Проинтерпретировав таким образом болевые сигналы, личность мобилизует потенциал агрессии, направив этот потенциал не на собственные представления и не на тех, кто их породил, а на «садиста с пинцетом».

Итак, при подобном — вроде бы правильном, а на деле тупом и контрпродуктивном — «пинцетировании» вы можете получить результат-максимум и результат-минимум.

Результат-максимум — вы разрушите личность, которую хотите избавить от инородного (с вашей точки зрения, враждебного) «ментального паразита».

Результат-минимум — вы породите в личности фундаментальный, могучий в силу своей иррациональности, импульс агрессии. Если этот импульс будет направлен только на вас, то это полбеды. Хотя, согласитесь, и в этом нет ничего хорошего. Но если этот импульс будет направлен на всё, что грозит возвратом к «пинцетированию», — это намного хуже.

Пациент может возненавидеть конкретного врача. Это плохо, прежде всего, для врача и в чём-то для пациента (вдруг именно этот конкретный врач ему и нужен). Но пациент может возненавидеть и медицину как таковую. Он может выработать в себе безусловный агрессивный рефлекс не только на физиономию конкретного медика, но и на белый халат, медицинские запахи... Мало ли ещё на что. При этом если пациент болен и помощь

ему может оказать только медицина, то абсолютное отторжение от оной, ставшее итогом вашего благородного «пинцетирования», погубит пациента.

Что результат-максимум, что результат-минимум... В любом случае, ни о каком выздоровлении речи быть не может.

Сразу же оговорюсь, что не считаю каждого яростного антикоммуниста или антисоветчика больным человеком, в которого вгрызся ментальный паразит «антикоммунистического и антисоветского абсолютного зла». В равной степени не считаю абсолютным благом каждую строчку, написанную классиками марксизма-ленинизма, и любую букву «Коммунистического манифеста», а также все программные документы всех съездов коммунистической партии.

В принципе, я бы предпочёл вариант, при котором тема благости или злостности коммунистической (социалистической, советской etc.) идеологии была бы сугубо периферийной. И не касалась судьбы сегодняшней России. Затрагиваю же данный предмет только потому, что, к моему глубокому сожалению, он не теряет судьбоносности. А скорее, даже усугубляет её.

Я мог бы привести массу весьма серьёзных доказательств в пользу того, что это действительно так. Но поскольку имеет смысл лишь адресация к тому, кто уверен в противоположном, — то как быть с вышеописанным феноменом «пинцетирования»?

Поклясться всем, дорогим сердцу моему, что я никогда не стал бы сопрягать рассмотрение данной проблемы с теорией развития, если бы речь шла о развитии Индии или Бра-

зилии? А почему, собственно, мне должны верить?

Присоединиться к хору антикоммунистических, антисоветских голосов, а потом начать дозированные оговорки? Мол, «гадость ужасная, но...» Так это значит соврать. Не считаю я коммунистическую идеологию «гадостью ужасной»... Не считаю, и всё тут.

Как только признаёшься в этом, сразу начинается: «Вот-вот... Подбрасывает свою любимую тему!» Да не подбрасываю, не подбрасываю... И обсуждать сейчас собираюсь не идеологию как таковую... Может, позже скажу о ней пару слов — но ГЛАВНЫМ ПРЕДМЕТОМ для меня сейчас является вовсе не эта самая идеология с её плюсами и минусами. А нечто, находящееся на стыке между психологией (и даже психиатрией) — и метафизикой.

Разворачивающаяся у нас на глазах трагедия предполагает обсуждение именно этой — особо травматической — проблематики. И желательно без всякого «пинцетирования». Во избежание оного предлагаю рассмотреть не тему «Россия и коммунизм», а тему «Историческая Личность и Идеал».

Историческая Личность влюбилась в Идеал. Неважно, в какой. Хоть в какой. Важно, что влюбилась. Влюбившись, стала приносить на его алтарь невероятные жертвы. Лить немерено кровь — свою и чужую, демонстрировать чудеса аскетизма и жертвенности. Она убедила в невероятной ценности Идеала не только соседей, но и Кубу с Вьетнамом. Она напугала своим «идеалолюбием» весь мир, заставив трепетать Европу и США... А потом она вдруг встала утречком, глянула на Идеал, смачно плюнула на него — и выкину-

ла в мусорный ящик.

А теперь вопрос на засыпку: что после этого должно случиться с Исторической Личностью — вне всякой связи с тем, каково качество Идеала?

Мне возразят, что перед этим та же Историческая Личность в иной своей ипостаси, влюбившись в данный Идеал, отбросила другой, на который раньше молилась. Столь же грубо отправив его в мусорный ящик.

Я даже не буду отвечать на это возражение привычным способом — обсуждая цену, заплаченную за такой способ обращения с Идеалом. Я обращу внимание на другое. На то, что в предыдущий раз Историческая Личность сменила один Идеал на другой Идеал. И все согласятся, что при огромной разнице в Идеалах, новый Идеал (сколь бы ложным и ужасным его кто-то ни считал) был именно

Идеалом. Можно даже сказать, Идеалищем.

Сменив один Идеал (белый) на другой Идеал (красный), Историческая Личность сменила ядро. Она из Российской империи превратилась в СССР.

Если вы меняете идеал на идеал (или жвачку на жвачку), то это обмен с сохранением качества. Если вы меняете идеал на жвачку, то это обмен с понижением качества. А если вы меняете, ну например, жвачку на идеал, то обмен с повышением качества. Каков тип обмена — такова и трансформация Личности.

Если бы Историческая Личность сменила прежний Идеал (красный) на какой-то новый Идеал (вопрос, какой), то, определив этот новый Идеал, мы могли бы говорить об обмене с сохранением качества. А значит, и о личностной трансформации, сохраняющей качество:

Личность сохранилась, но стала другой, не перестав при этом быть Личностью. Но тогда мы должны ОТВЕТСТВЕННО назвать этот новый Идеал.

Кто-то может это сделать? Причём ОТВЕТСТВЕННО? Пиарщики вам по этому поводу любые сказки расскажут. Но нужны-то нам не сказки, а правда! И пока она не будет сказана, ни за что мы из нынешнего тупика не выйдем. Хватит ли у нас на эту правду мужества?

Меня спросят: «А если она, правда эта, будет сказана, то мы из тупика выйдем?»

Отвечаю: если вы, задаваясь трагическими (а в пределе — метафизическими) вопросами, заранее хотите знать, какой результат принесёт правда, вы никогда не получите никакого результата. И тогда лучше вам такими вопросами не задаваться.

Вы сначала встретьтесь с трагедией лицом к лицу и правильным образом. Переживите её. Кто знает, может быть, она вас раздавит. А может, вылечит. Это, между прочим, от вас зависит. «...Так тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат». Вы продлите это переживание — и, МОЖЕТ БЫТЬ, оно изменит вас... Если переживание правильное, то оно либо вас изменит, либо уничтожит. «При своих» вы, в любом случае, не останетесь.

Если оно, переживание это, вас изменит, то, МОЖЕТ БЫТЬ, вы найдёте путь из тупика. А МОЖЕТ БЫТЬ, и не найдёте. Но если вы обрекаете себя на отсутствие переживания, отсутствие внутренней трансформации — то никакого выхода из тупика быть не может. Из таких тупиков линейным способом не выходят. Линейным я называю способ, при котором путь и личность — отдельно («мы-то

будем такими же, но вот напишем пару сотен законов — и путь откроется»). Не откроется! Называется всё это «невроз прагматизма».

Итак, в чём правда? В том, что в 1917 году одна Историческая Личность (Российская империя) сменила один Идеал (универсальная православная монархия) на другой Идеал (универсальный красный проект). Возникла новая Личность (СССР). Можно обсуждать степень связи одной Личности с другой. Но процедура обмена с сохранением качества (смена Идеала на Идеал) предполагала возможность возникновения новой Личности, а также преемственность между прежней и новой Личностями (тут всё зависит от анализа Идеалов).

А в 1991 году одна Историческая Личность (СССР) сменила один Идеал (универсальный красный проект) на... НА ЧТО? НА

ЧТО??!!

По факту получается, что она сменила Идеал на нечто, не имеющее идеального измерения вообще. Потому что разговоры о том, что новый Идеал был Идеалом свободы (либерализм) или Идеалом традиции (консерватизм), надо предоставить пиарщикам. А честный ответ, конечно же, намного более печален.

Что такое обмен, свершённый Личностью в 1991 году? Это обмен с очевидной потерей качества. Ведь красная Идеальность (хороша она или нет) это всё-таки Идеальность, и она в обмене участвовала. Ещё и ещё раз подчёркиваю — я не лезу в чью-то личность своим «пинцетом» и не воспеваю позитивов этой Идеальности. Предположим даже, что Идеальность чудовищна. И что? Она ведь всё равно Идеальность! Идеальность обменяли на

что? На заполнение прилавков? На растущее благосостояние? На рынок? Ну, так это и есть обмен с потерей качества.

Если бы я был Зюгановым (холодный пот пробил меня при одном подобном предположении), то я бы сейчас начал голосить по поводу того, что прилавки заполнили дорогими товарами, что благосостояние досталось немногим, что рынок оказался липовым.

Но я не буду по этому поводу голосить. Я, более того, предлагаю рассмотреть условную ситуацию, при которой прилавки оказались бы заполнены дешёвыми товарами, благосостояние стало всеобщим, а рынок — функциональным.

И что? Коллизия-то всё равно в чём? В том, что Идеальность обменяли на Материальность. А у этого есть название. Это называется «отдать первородство за чечевичную

похлёбку». Вы скажите эту правду. И найдите в истории пример, когда Историческая Личность совершила бы подобный обмен с потерей качества и при этом осталась Личностью.

На момент обмена НИКТО таких фокусов НИКОГДА не осуществлял — ни Кромвель, ни Робеспьер, ни Линкольн... НИКТО! Это — запрещённый фокус! И для того, чтобы его осуществить, нужно было не просто разрушить какой-то там Красный Идеал, который кому-то не нравится. Нужно было разрушить Идеальность вообще. А также предпосылки Идеальности.

Это и было сделано. Я уже неоднократно — по пунктам и с конкретными примерами — описывал, КАК ИМЕННО ЭТО БЫЛО СДЕЛАНО. Но сколько ни говори при этом об оргоружии, о манипулятивности, в метафизическом варианте — о совращении... Никуда

при этом не исчезнет ужасный факт того, что Личность подобный «обмен с потерей качества» совершила САМА. И никакое участие в этом ЦРУ, любых других зловещих сил, собственной элиты, — не отменит того, что Личность это совершила. Ну, хорошо, её совратили. А она что сделала? Она пала. Именно в метафизическом смысле.

А дальше — либо-либо. Предположим, что есть «кто-то», для кого метафизика просто не существует. Ему всё понятно. Этот «кто-то» пожмёт плечами, говоря, что Историческая Личность вовсе не пала, а разумно обменяла какое-то там Идеальное («чушь собачью») на подлинную правду жизни — шмотки, ресторанчики, пляжи, развлечения, раскрепощения... «Однова живём». Но если «однова живём», то какая Родина, какие проекты (модернизация и т.п.)? И почему вообще раз-

виваться надо? Можно жить и неразвитыми. «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше».

По миру мечется уже чуть не миллиард людей, ищущих, где лучше. «Новые кочевники» называются. Вы попробуйте, объясните что-нибудь таким «кочевникам» про Родину. Вы попробуйте, соедините их с высокими культурными образцами. Со всякими там Гамлетами («Что значит человек, когда его заветные желанья — еда да сон? Животное — и всё») или королями Лирами («Сведи к необходимостям всю жизнь, и человек сравняется с животным»)... А также с более авторитетными персонажами, говорившими, что «не хлебом единым»...

Хороши или плохи эти «кочевники» — не о том речь. Ясно, что не они являются опорой государства и носителями тех патриоти-

ческих мотиваций, без которых невозможно никакое проектное усилие, предполагающее солидарность. Какая солидарность? Зачем? С чем? На чём? «Кто-то» хочет государственности с опорой на рыночные атомы, свободно перемещающиеся в зоны наивысшей зарплаты? Во-первых, где эти зоны? Во-вторых, наивысшая зарплата ВСЕГДА коррелируется с нарушением закона, а не с его соблюдением. А, в-третьих...

Наверное, этот «кто-то» и впрямь считает, что солдат умирает не за Родину, а за зарплату. Что возразить? Предложить самому попробовать? Но «кто-то», утверждающий подобную чушь, сам в армию не пойдёт. Он скажет, что у него другая профессия. И сошлётся на США. Мол, профессиональная армия. Во-первых, ты создай её, эту самую, профессиональную... Во-вторых, учти, что за «бабки»

убивают, а не умирают. А, в третьих... В третьих, перестань хотя бы лепетать о том, что ты копируешь США. В США солдаты и офицеры (при совсем не наших зарплатах) умирают не за зарплату, а за Идеал («священный град на холме»).

Люди, которые, находясь в российском окопе, воспевают миф о «прагматичных США», вовсе не хотят, чтобы Россия стала «США Восточного полушария». Они хотят, чтобы Россия гнила. Потому что какие-то силы в США почему-то заинтересованы в таком гниении и выдают его за приоритет #1 американской национальной политики. Соответственно, пребывающие в российском окопе «солдаты демократии» — являются в полном смысле слова солдатами американской демократии. И если их любимые США закажут такую песню, под аккомпанемент которой в

России будет сооружён гнилой деградирующий фашизм, — наши окопные демократы будут петь эту песню. И сооружать этот гнилой фашизм, ахая по его поводу.

Но это всё — по части ненависти. Ведь отношения между элитой ненависти и элитой гедонизма отнюдь не сводятся к конфронтации. Конфронтация — это лишь первый уровень отношений. Где интересы расходятся. И ненавистники проклинают олигархических конформистов, перекрасившихся в патриотов. А уж олигархов в погонах — тем более.

Однако на другом уровне тех же отношений всё выглядит иначе. Элита ненависти прекрасно понимает, что элита гедонизма в итоге всё равно добьёт Россию. Но только более медленно. Элите ненависти не нравится, что это происходит медленно. Да ещё и под

аккомпанемент ненавистного для неё суррогатного патриотизма. Но ей нравится, что это происходит. А в том, что процесс затягивается, есть свои позитивы. Можно нюхать и нюхать этот тлен, смрад, наслаждаться организованным на территории «бобком».

Гедонизм — отсрочка гибели России, а не коренной перелом. А раз он всего лишь отсрочка гибели — то какое развитие?

А если нам нужно развитие, то... То элиту гедонизма можно ситуационно использовать, «разруливая» отдельные ситуации или создавая более вязкую среду, понижающую скорость протекающих процессов деструкции. Понижающую, но не отменяющую деструкцию как таковую.

Противодействие деструкции, невозможное без форсированного развития, может быть обеспечено лишь по другую сторону. Не

только по другую сторону ненависти, но и ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ГЕДОНИЗМА.

Причём всяческого гедонизма. Как элитного, так и не очень. Если желания — «еда да сон», то какая разница, где едят и спят. Едят ли в «Максиме» или в «Макдональдсе», спят на яхте или в турецких трёхзвёздных пляжных отелях... Чего можно ожидать, если к этому всё сводится? Если «животное — и всё»?

Как только мы начинаем думать о развитии, мы спрашиваем себя: что находится по другую сторону гедонизма? И мы никоим образом не можем сказать, что по другую сторону вообще ничего не находится. У меня есть один близкий родственник, который в конце 80-х годов очень даже симпатизировал демократическим силам, да и сейчас никак не является апологетом Зюганова или Жиринов-

ского. Но, в отличие от многих других, он после катастрофы 1991 года не ушёл из своей любимой науки и обрёк этим себя на полунищенское существование. Поскольку родственник этот — учёный достаточно крупный, то он работал по международной тематике, получая личные гранты. При этом, вопреки рыночной логике, отдавал деньги от грантов на то, чтобы его лаборатория в Москве могла работать.

Родственник этот — не средневековый аскет. Он не стремится к истязанию плоти и не считает радости земные бесовскими соблазнами. Но он не готов продать за эти радости своё научное первородство. И не только научное. Наукой он мог бы заниматься и в других местах. И с языком английским у него всё в порядке, и с востребованностью. Но что-то соединяет его с этой самой Исторической

Личностью. Причём соединяет без патетики, без модных ныне лукавых самообольщений («возрождаемся» и так далее).

Что соединяет-то? И имеют ли историческое значение эти ниточки? Даже если их много миллионов... Дело ведь не в количестве, а в способности повлиять на макропроцесс.

А макропроцесс развивается в логике, заданной условиями осуществлённого обмена. Историческая Личность обменяла (в силу чего — отдельный вопрос) первородство на чечевичную похлёбку? Да или нет? Она подписала некий договор по этому поводу? Да или нет?

Легче всего воскликнуть: «Нет, это не она!» Или: «Её коварно обманули, завлекли!» Или: «Это всё социокультурный шок, устроенный элитой». Всё так, кто спорит? Но зна-

чит ли это, что Личность не обменяла? Конечно, важно, В КАКОМ КОНТЕКСТЕ осуществился этот обмен с потерей качества. Но контекст не отменяет ФАКТА, СОБЫТИЯ. Обмен с потерей качества произошёл.

Если мы — не гедонисты, не ненавистники, то мы не можем не оценивать этот обмен и эту потерю качества с позиций социальной метафизики. Которая совершенно не обязательно должна носить трансцендентальный характер. Социальная метафизика может быть вполне светской. Дисфункция идеального в общественном сознании и метафизическое падение — это, по сути, одно и то же. Что такое аномия (множественное поражение ценностно-нормативного пласта общественного сознания)? Это, опять же, — метафизическое падение, ПОРЧА.

Психоаналитик не изгоняет бесов, как мо-

нах. Но в методологическом смысле проводимые настоящим психоаналитиком процедуры и экзорцизм имеют много общего. Кто только ни говорил об этом, начиная с Юнга...

Что такое описанный мною выше «ментальный паразит», вцепившийся своими лапками в ядро личности? Для экзорциста это бес. А для системщика? Для системщика-биолога — это паразитарный организм особого рода. Подобный вирусу, усложнённому микроклещу, другому микробиологическому образованию. Для системщика, занятого компьютерами, — это особая программа, которую, опять-таки, называют «вирус». Программа, призванная поселиться в чужом софтвере («ментале искусственного разума»).

А для системщика-психолога, занятого индивидуальной психологией, психологией групп или общественным сознанием? Для

него это тоже программа, но создаваемая не в искусственном разуме, а в разуме обычном (индивидуальном или коллективном). Это — «ментальный вирус». И поскольку речь идёт не о естественном организме, а о конструкции, то её наделяют очень сложными свойствами. Такой саморазвивающийся ментальный организм, созданный для того, чтобы поразить среду (органический ментал личности или общества), должен уметь вгрызаться в жертву, выпускать из своего тела новые и всё более длинные лапки, давать потомство, ускользать от «пинцетов», с помощью которых его хотят «фронтально» удалять из сознания...

А почему он поселился в сознании? Только ли потому, что его туда загнали нехорошие дяди, занятые теми или иными подрывными программами в иноземных специнсти-

тутах? Остерегаясь прямых метафизических параллелей, я всё же должен спросить: почему возникает грех? Только из-за инсинуаций дьявола? А откуда тогда святость?

Говорят, что Россию развратили «антисистемы» (агенты ЦРУ и прочая нечисть).

Люди, которые дают такие разъяснения! Обращаюсь к вам с простым лобовым вопросом: СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ПРИ ОПРЕДЕЛЁННОЙ МОЩНОСТИ ПРОМЫВКИ МОЗГОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И ДРУГИХ СМИ ВЫ ЛИЧНО МОЖЕТЕ ПОМЕНЯТЬ СВОИ УБЕЖДЕНИЯ? Не какие-то абстрактные сограждане, которыми зловеще манипулируют, а ВЫ ЛИЧНО?

Поскольку до сих пор ВЫ убеждения не поменяли, то как прикажете понимать ваше утверждение об абсолютном манипулировании сознанием ваших сограждан и, соответ-

ственно, об абсолютном же отсутствии исторической вины этих сограждан?

Должен ли я понимать это так, что вы — существа высшего сорта, не подвластные манипулированию, а сограждане — существа низшего сорта, подвластные манипулированию? Куда во всех этих построениях надо деть метафизический принцип свободной воли? Что надо вычеркнуть из культуры и метафизики, на которую она опирается? Свободу? Волю? Что ещё? Трагедию? Удел человеческий? И что тогда останется?

Так не пора ли признать другое? Что падение Исторической Личности всё же произошло. Указав при этом, что падение и обмен с потерей качества — это одно и то же. Идеал — это «первородство». Материальные соблазны — это «чечевичная похлёбка». Смена Идеала на материальные соблазны («первород-

ства на чечевичную похлёбку») — это обмен с потерей качества, или падение. В конце XX века произошло падение НАШЕЙ (не «этой», а НАШЕЙ) Исторической Личности? Да или нет?

В начале XX века Историческая Личность, отчуждаясь от одних ценностей, немедленно «регенерировалась» вокруг других (обмен без потери качества). А в конце XX века регенерации на новой ценностной основе не произошло вовсе (обмен с потерей качества).

В начале XX века народ получил, конечно же, поддержанную им, но всё-таки диктатуру. И волю свою был способен выявить лишь КОСВЕННО (например, в акте неслыханного подвига Великой Отечественной войны). А в конце XX века народ обрёл формальное право на ПРЯМОЕ выражение своей воли. И, вы-

разив напрямую волю, открепился от одних ценностей, не интегрировавшись в другие.

В 1991 году всё можно было как-то списать на то, что Личность захватили врасплох. У народа отсутствовал опыт отстаивания социальных прав. У него не было также опыта ущемления этих прав. Он был увлечён новой утопией. Он находился в состоянии революционного угара. Он был испуган странным ГКЧП. У него после краха ГКЧП совсем не осталось реальных альтернатив Ельцину. Разве что полный распад всего... Не Горбачёва же было поддерживать после августовских событий!

Кроме того, народ был загипнотизирован антиправовой ситуацией ГКЧП. Танки на улицах... Добавьте к этому несобранный гэкачепистами Съезд народных депутатов, который надо было собрать прямо 19 ав-

густа... А также двусмысленность гэкачепистов, продолжающих парадоксальным образом апеллировать к Горбачёву... Янаев так прямо говорил: «мой друг Михаил Сергеевич»...

Но в 1993 году народ, делая исторический выбор, уже не был захвачен врасплох. Его социальные права уже были чудовищно ущемлены гайдаровскими реформами. Утопия уже рухнула. Жестокая социальная правда уже обнажилась. Танки на улицу вывел Ельцин, а не Верховный Совет. Сам этот Верховный Совет, худо-бедно, стал политической альтернативой (Руцкой хотя бы не говорил: «мой друг Борис Николаевич»). В конце концов, альтернативной политической воли, при всей её проблематичности, хватило на какое-то сопротивление, доведённое хоть до беспомощной, но стрельбы.

Говоря об уроках октября 1993 года по горячим следам событий, я достаточно подробно разбирал особые обстоятельства, в какой-то мере оправдывающие Историческую Личность (крайняя невнятность оппозиционных политических сил... неоднозначность лидеров... совершенно особый феномен Зюганова и КПРФ... коварство спецслужбистских игр...).

Но, оговаривая всё это, нельзя это превращать в индульгенцию. Революционные силы ВСЕГДА невнятны. Политические лидеры ВСЕГДА неоднозначны. Внутри революционных действий ВСЕГДА есть спецфеномены. Что, Каменев и Зиновьев не опубликовали в газете заявление против ленинского плана вооружённого восстания, фактически «сдавая» тех, кто это восстание планировал?

Но внутри революционных действий все-

гда есть ещё одно: накалённая энергия масс.

К 1993 году у меня уже был немалый опыт работы в «горячих точках». Я внимательно отслеживал массовые шествия и митинги во многих городах СССР в эпоху так называемой перестройки (1989–1991 годы). Их организаторы всегда преувеличивали численность участников в несколько раз. Так возник миф о миллионных демократических митингах на Манежной площади. На Манежной площади не может разместиться миллион человек. (То же самое, кстати, и с Майданом Незалежности, со всеми прилегающими к нему «рукавами», во время «оранжевой революции»). Миллионный митинг я видел один раз — в Баку с десятого этажа гостиницы, рядом с которой этот митинг проходил.

Тот, кто это увидел и пережил, вряд ли стал бы говорить о миллионах на Манеже и

Майдане. Миллионов человек там не было. Но ведь сотни тысяч действительно были!

Вы умеете погружаться по-настоящему в среду массовых накалённых страстей? В эту клокочущую магму истории? Суметь погрузиться в эту магму, извлечь из неё некий метафизический материал и этот материал осмыслить — вот что такое «социальная метафизика как источник развития». Как, впрочем, и источник регресса. Это невероятно глубоко выявил и выразил гений Пушкина:

«Но смерть... но власть... но бедствия народны...

Сюда! кто там? Коня! Трубите сбор!»

Историческая Личность, совершая инициатическое социальное таинство (модернизацию или иное развитие), восходит. А совершая контриницатическое социальное таинство (регресс), нисходит. Нет и не может быть

теории развития без социальной метафизики, исследующей связь Личности с этими самыми «социальными таинствами». Ну, так и надо исследовать эту связь.

16

Самое трудное — не потерять связь между теорией развития и текущей политикой. Теория развития интересна сама по себе. И так легко увлечься ею... Мне — так, наверное, ещё легче, чем моему читателю.

Столь же легко превратить обсуждение развития в предлог для тех или иных политических игр. Или даже для сведения каких-либо счётов: политических, идеологических и так далее.

Кто-то скажет: «А вы не шарахайтесь из крайности в крайность! Избегайте и метафизических абстракций, и участия в слишком злободневных дискуссиях». Мудрый совет... Только вот понятно, каков будет интеллектуальный продукт, если его создатели к такому совету прислушаются. Тот, кто будет избегать крайностей, никогда не получит никакого синтеза. Ибо синтез как раз и требует работы с этими самыми крайностями (тезисом и антитезисом — так ведь?).

И опять-таки кто-то скажет: «А тот, кто увлекается крайностями, не получит вообще ничего». Совершенно справедливая констатация. Увлекаться крайностями ни в коем случае нельзя. С ними надо работать. Весь вопрос в том, ради чего.

У меня на этот вопрос ответ есть. Я работаю с крайностями для того, чтобы построить

политическую теорию развития. Именно политическую! Само это название — «политическая теория развития» — как раз и связывает крайности: теорию развития и политику.

Другой вопрос, зачем нужна политическая теория развития. Понятно, что, вообще-то говоря, она нужна. Но зачем она нужна сейчас? Почему сейчас есть особая необходимость в построении именно данной теории?

Академическому учёному такой вопрос покажется диким. Политическая теория развития — это «терра инкогнита». Желание посетить такую «терра» для учёного столь естественно... Но я не академический учёный. И никогда не стал бы десантироваться на эту «терра» из одного лишь интеллектуального любопытства. Не хочу сказать, что оно отсутствует. Но оно никак не исчерпывает мою мотивацию.

Мне кажется, что ход вещей неумолимо требует этой самой политической теории развития. Именно политической! Без неё мы можем оказаться в положении, не намного лучшем, чем в конце 80-х годов XX века. Мотив «не оказаться в этом гнусном положении» — для меня ничуть не менее силён, чем самодостаточное интеллектуальное любопытство.

Как связывают крайности?

Всё начинается с организации формально-лингвистической связи. Связи слов, обозначающих крайности, через соединительный союз «и».

Есть «политическое слово» — Медведев.

И есть «высоколобое слово» — развитие.

Поставь между ними соединительный союз «и» — и формальная связь возникнет («Медведев И развитие»). Но толку ли от этой формальной связи?

Для того, чтобы такая связь наполнилась хоть каким-то содержанием, надо от лингвистической формализации перейти к чему-то другому. К чему?

Если не перейти ни к чему по-настоящему содержательному, то слова съедят друг друга. И неважно, какое из слов окажется поглощённым. Важно, что никакой связи между словами не будет. И политической теории развития не будет. Будет либо нечто сугубо конъюнктурное («отдадим дань новой политической моде»). Либо что-то из разряда тех или иных игр. Когда одно из слов произносится с пафосом, а другое с уничижением.

Но если не игра и не мода, то что?

Поиск смыслов! Только за счёт такого поиска может возникнуть политическая теория развития. И если ради нахождения смыслов надо работать с крайностями (метафизикой

и политической злобой дня), то и надо работать. А как иначе?

Итак, каковы политические смыслы, востребованные разговором о развитии, который повели сразу два (подчёркиваю — два) главных действующих политических лица текущей российской политики — Путин и Медведев?

ПЕРВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ — прямой и буквальный. Политики, отвечающие за страну, которая их избрала (все видели, что страна именно их избрала), говорят, что нужно развитие. Почему нужно считать, что они несерьёзны? А что, развитие не нужно? Мы можем без него обойтись? Нет, не можем. Нет сейчас для России более острой проблемы, чем проблема развития. Но — «ох, какой моветон!». Об этой проблеме заговорили ключевые официальные лица. Разве мож-

но после этого проблему серьёзным образом обсуждать?

Можно, можно. И без разговора этих лиц можно и до́лжно было её обсуждать. Но коль скоро разговор состоялся, то тем более. Какой бы смысл высокие официальные лица в своё заявление ни вкладывали — буквальный или иной. Они имели в виду буквальный смысл — то есть что развитие нужно нам дозарезу? Тогда нужно переводить обсуждение в политическое русло. Они не вкладывали в своё заявление этот буквальный смысл? В принципе, такое возможно. Никто не может доказать, так это или нет, ибо сие по определению недоказуемо. Но если возможность отсутствия буквального смысла есть, то и её надо рассматривать.

Начинаем рассматривать — и что получаем? А то, что и в этом случае обсуждать раз-

витие необходимо ничуть не в меньшей степени. Ибо ВТОРОЙ МАСШТАБНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ, который может быть вложен в обсуждение развития, носит операциональный характер. (Есть такая дисциплина — теория операций.)

С операциональной точки зрения, слово есть способ влияния на реальный процесс, а значит, и способ управления этим процессом. Как именно вы влияете на процесс с помощью слова — это отдельный вопрос. Слово «развитие», разным образом вбрасываемое в процесс, может оказать на процесс то или иное воздействие.

Оно может (а) ускорить развитие, (б) замедлить развитие и (в), коварно легитимировав нарушение функциональной нормы, породить очередную деструкцию.

Ведь функционирование и развитие — это

два абсолютно разных (системщик скажет — ортогональных) «вектора». Возможно интенсивное развитие при минимуме функциональной активности. И наоборот — можно так наращивать функциональную активность, что для развития места вообще не останется.

Любой, кто занимался этим самым развитием профессионально — поймёт меня с полуслова. Но ведь им мало кто занимался подобным образом. И потому необходимы поясняющие примеры.

Ребёнок находится под опекой родителей, которые частично избавляют его от трат энергии на обеспечение функционирования. Но ребёнок — существо с огромным профицитом энергии. Зачем ему профицит? Для развития. Старик, став беспомощным, тоже находится под опекой. Но по причине дефицита

энергии. Есть разница?

Больному человеку облегчают функционирование в санатории или на больничной койке потому, что у него дефицит энергии. Но отшельник — часто полный сил человек — тоже начинает экономить энергию, переходя на упрощённое функционирование. Это называется «освободиться от суеты». У отшельника огромный профицит энергии. На что он её тратит? На развитие.

Что такое нынешняя Россия? Старик, дитя, отшельник, белка, крутящая гигантское функциональное колесо? Есть ли энергетический профицит? Если нет, то какое развитие? А если есть? Любой специалист знает, что профицит энергии или будет направлен на развитие, или взорвёт систему. У СССР 1985 года был профицит энергии. И что же произошло?

В апреле 1985 года состоялся пленум ЦК КПСС, вошедший в историю под названием Апрельский. На нём был провозглашён абсолютно позитивный и спасительный для страны курс на УСКОРЕНИЕ социально-экономического развития страны. Рычагами ускорения назывались научно-техническая революция, технологическое перевооружение и активизация «человеческого фактора». Если бы хватило политического мужества не отступать в дальнейшем от заявленных целей, страна не только бы сохранилась, но и завоевала новые позиции.

В любом случае следует констатировать, что в апреле 1985 года началась короткая, но важнейшая в политическом и историческом плане фаза периода перемен. И борьба за оценку этого исторического периода является политической борьбой, имеющей значе-

ние для будущего. XXVII съезд КПСС (февраль 1986 года) тоже, по сути, был съездом, проходившим под флагом этого самого совершенно позитивного УСКОРЕНИЯ.

Всё подорвал Октябрьский пленум 1987 года, на котором Ельцин бросил вызов Горбачёву. Профицит энергии перенаправили — с развития на деструкцию, с «ускорения» на «перестройку».

И когда я слышу о деструктивных силах, вбивающих клин между Путиным и Медведевым, я сразу вспоминаю этот самый Октябрьский пленум. Тогда мы поняли — РАЗВИТИЕ подорвано. Окончательный демонтаж РАЗВИТИЯ происходил на XIX партийной конференции, состоявшейся в июне 1988 года. Тут-то страна и завалилась в перестройку как таковую («гласность», сведение политических счётов, «Борис, ты не прав!»... и по-

неслось).

Итак, с апреля 1985 года началась недолгая позитивная фаза процесса перемен... Она не была свободна от самых разных двусмысленностей и внутренних противоречий. Но она БЫЛА. И содержала она в себе, в числе прочего, вполне серьёзную и единственно спасительную заявку на РАЗВИТИЕ. Как только энергию перенаправили с развития на что-то другое (политическое «бодание» на высшем уровне) — этот позитив обнулили. Игра случая? Или спецтехнология? «УСКОРЕНИЕ»... То бишь пролог к РАЗВИТИЮ! Сначала научно-техническому, а потом и другому... Если это произойдёт, Советский Союз сохранится, укрепится, получит новый исторический шанс! Госдеп США, ЦРУ, Пентагон, администрация президента США, спецслужбы НАТО захлебнулись в экспертных запис-

ках, живописующих «ужасные последствия» этого самого ускорения. Наш геополитический противник бросил все силы на то, чтобы сорвать ускорение. Точнее, не допустить, чтобы оно перешло в нечто большее. Во что же большее?

В ПРОРЫВ.

И тут необходимы определённые теоретические пояснения.

Слово «ускорение» может сбить с толку тех, кто не понимает различия между сложными системами (например, автомобилем) и системами сверхсложными (человеческим обществом). Для того, чтобы детально разъяснить эти различия, нужно написать отдельную книгу — а значит, уйти от политической теории развития к теории развития как таковой. Но если вообще эти различия не обсуждать, то общество окажется сбитым с толку.

Ну так вот, даже в самых сложных автомобилях всё обстоит очень просто. И совсем не так, как в сверхсложных системах. В автомобиле вы жмёте на газ и за счёт этого ускоряетесь. Машина едет быстрее... Потому что вам нужно быстрее добиться определённой цели. Какой цели? Если совсем буквально — то некоего географического пункта (например, вашего загородного дома, в котором вас гости ждут).

Но ведь никто, надеюсь, не находится в абсолютной зависимости от такой избыточно банальной буквальности... В принципе речь идёт о любой цели. Например, о прибытии нашего общества в точку определённого материального благополучия. Для прибытия в эту точку нужно иметь такой-то валовый внутренний продукт и таким-то образом его распределять. Но искомого валового внутрен-

него продукта нет. И движение от имеющегося продукта к искомому идёт слишком медленно. А значит, движение надо УСКОРИТЬ. То есть осуществить формальное ускорение.

Низкая скорость движения экономического автомобиля? Например, три процента роста ВВП в год? УСКОРЯЕМСЯ! Обеспечиваем рост в четыре, пять процентов. Мало? Жмём ещё сильнее на педаль нашего экономического автомобиля. Получаем шесть процентов. Мало?

Жмём ещё сильнее. Но оказывается, что «педаль» нажата до предела, а «скорость» (рост валового внутреннего продукта или другой материальный показатель) не увеличивается. Что вам надо делать? Вам надо менять конструкцию автомобиля. То есть, останавливать движение и переходить к созданию другой конструкции. Например, рыноч-

ной экономики. Или политической демократии.

НО ЭТО В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВЫ ИМЕЕТЕ ДЕЛО С АВТОМОБИЛЕМ КАК С ОБЫЧНОЙ СЛОЖНОЙ СИСТЕМОЙ, А НЕ С ОБЩЕСТВОМ КАК СО СВЕРХСЛОЖНОЙ СИСТЕМОЙ. И ЕСЛИ ВЫ ПУТАЕТЕ АВТОМОБИЛЬ С ОБЩЕСТВОМ, А СЛОЖНУЮ СИСТЕМУ СО СВЕРХСЛОЖНОЙ, ТО ВЫ ОБРЕЧЕНЫ.

В сверхсложных (социальных и иных) системах наращивание задания, увеличение нагрузки (прессинг, разогрев или же социальное ускорение) не выводят систему в простой режим насыщения. Автомобиль выводят — нажал газ до конца, и всё. Но это потому, что он сложная система, а не сверхсложная. А в сверхсложных системах это самое наращивание задания, как его ни назови, подводит си-

стему не к точке насыщения, а к точке СОВСЕМ ИНОГО РОДА...

Увы, сейчас все говорят о точке бифуркации. Но вряд ли хотя бы один процент говорящих понимает, что конкретно имеется в виду. Гуманитарии, впрочем, и не обязаны понимать. Не обязаны-то они не обязаны... А как без этого понимания разобраться в политическом процессе? И потому я хотя бы «на пальцах» попытаюсь что-то объяснить, прося прощения у тех, кто и без объяснения «на пальцах» всё понимает.

Если правильный рост задания, даваемого сверхсложной системе, называть её ускорением, то по ту сторону ускорения наступает не насыщение, а прорыв. Или же коллапс... Но это если задание будут наращивать неправильно.

Как же происходит прорыв?

Вы даёте задание сверхсложной системе: надо, мол, перенести столько-то тепла с уровня А на уровень Б. Система, приняв ваше задание, использует известный ей механизм передачи тепла. И до тех пор, пока она его использует, она является сложной, а не сверхсложной. То есть её потенциал сверхсложности спит. Но систему можно разбудить! Как?

Вы наращиваете задание. Система не хочет использовать свой потенциал сверхсложности. И пытается с помощью привычного механизма выполнить ваше задание, то есть передать больше тепла с уровня А на уровень Б.

Но вы ещё наращиваете задание! Причём правильным образом, то есть понимая, чего хотите. Понимая, что система сверхсложная, что её надо разбудить, и в этом ваше спасение. Понимая, что разбудить спящий потен-

циал сверхсложности — это совсем не то же самое, что сломать, растоптать, отжать досуха, повысить норму эксплуатации и так далее.

Итак, вы настойчиво и правильно повышаете задание, а система уже не может — ну, совсем не может — с помощью привычного для неё механизма выполнить задание, передав столько, сколько вы требуете, тепла, с уровня А на уровень Б. Если вы НАСТАИВАЕТЕ на своём задании, причём настаиваете именно ПРАВИЛЬНЫМ образом, и если ваша система сверхсложная (даже обычная, физическая, но сверхсложная), то сверхсложная система, разбудив свой потенциал сверхсложности, сама найдёт новый механизм передачи тепла, обеспечивающий выполнение вашего задания. Например, система начнёт передавать тепло не хаотически (нормальным термодинамически-стохастическим

образом, что для неё привычно), а через механизмы турбулентности, создавая упорядоченную структуру шестигранных или цилиндрических вихрей (так называемые «ячейки Бенара»).

Что значит подойти к точке бифуркации? Это значит разбудить спящий потенциал сверхсложности. Что значит начать прорыв через зону бифуркации? Это значит правильно задействовать потенциал сверхсложности (например, через эти самые «ячейки Бенара»). Задействовали его правильно — прорвались.

ЗА УСКОРЕНИЕМ СЛЕДУЕТ ПРОРЫВ.

ПРОРЫВ — ЭТО РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ СВЕРХСЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ ЗА СЧЁТ ПРАВИЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕЁ ПОТЕНЦИАЛА СВЕРХСЛОЖНОСТИ.

И тут обязательно надо понимать, как устроен потенциал сверхсложности данной сверхсложной системы. Тут нельзя с дрожащими губами говорить о «живом творчестве масс». Или же, играя волевыми желваками на скулах, признаваться, что «мы не знаем общества, в котором живём».

Сверхсложная система может осуществить прорыв, задействовав свою тонкую структуру, которая и является хранителем её потенциала сверхсложности. Важно подчеркнуть, что эта тонкая структура является не структурой вообще, а структурой именно той системы, к которой вы адресуетесь. Вы адресуетесь к своей, а не чужой, сверхсложной системе. К её особым точкам, ключевым потенциалам, сеткам возможностей. Если вы вместо этого адресуетесь к соседней системе (американской или какой-то другой) или

к своей ложной догме по поводу реальной системы, вы провалитесь. И тогда и впрямь лучше не ускоряться.

Кстати, надо отметить, что рынок как таковой не имеет ничего общего с потенциалом сверхсложности. Рынок — это не «ячейки Бенара». Это классический термодинамический перенос. Рыночные атомы суетятся, толкают друг друга, температура растёт. Но и план — это не потенциал сверхсложности. Это, в лучшем случае, нагрузка на систему. Если вы способны сделать так, чтобы нагрузка была.

А вот если нагрузка правильная, и система начинает переносить тепло не за счёт столкновения атомов, а за счёт более или менее регулярных струй, вихрей, протуберанцев — то это значит, что вы добились прорыва. По какой именно из веток бифуркационного альтернативного разветвления пойдёт

процесс, зависит от того, как именно вы его будете подталкивать. Но для этого вы должны знать тонкую структуру системы. И понимать, что использовать уравнения линейной термодинамики (рынка) в зонах бифуркации бессмысленно. Что тут начинается другая термодинамика. Та самая, которой занимается вполне конкретная наука под названием «синергетика».

Я понимаю, что слово «синергетика», как и слово «бифуркация», бесконечно замылено, и при этом у современного пиарщика-логомана абсолютно лишено содержания. Но что прикажете делать? Прорыв — это действительно синергетический процесс. А ускорение — это первая стадия прорыва. В сущности, ускорение и прорыв образуют единое синергетическое целое.

Чтобы наиболее просто и ёмко раскрыть

смысл невероятной трагедии, случившейся с нашим любимым Отечеством и скупо называемой «распадом СССР», я использую одну присказку и один анекдот.

Присказка: «Если бы у моей тёти были колёса, то была бы не тётя, а дилижанс».

Анекдот: «Слушай, ты знаешь, кто такие Маркс и Ленин? — Нет, не знаю. — Если бы ты побольше ходил на политучёбу, то ты бы знал! — А ты знаешь, кто такой Розенблюм? Если бы ты поменьше ходил на политучёбу, знал бы, кто спит с твоей женой».

Если бы Горбачёв и другие поменьше ходили к рыночникам, то знали бы, что такое прорыв. Знали бы, что всё не исчерпывается альтернативой «рынок — план» («иного не дано!»)... если бы они посещали хотя бы мозговые штурмы, которые шли в (не слишком даже узком) кругу советских синергети-

ков (физиков, химиков, биологов и так далее), то у нас был бы шанс. И он назывался бы «от ускорения — к прорыву».

Но если бы Горбачёв и другие ходили к синергетикам, то «была бы не тётя, а дилижанс». И в этом смысле, может быть, у нас шанса и не было. Но тогда у нас его не было вообще. Потому что единственным нашим шансом на спасение СССР был новый виток развития. А единственным нашим шансом на новый виток развития являлось двуединство ускорения и прорыва. И в этом был позитивный потенциал периода перемен. Я подчёркиваю, что он был. И это для меня является тем осевым утверждением, вне которого мы ничего не поймём в том, что происходит сейчас. «Ах, ох, открытое общество!» Кому мозги пудрите? Абсолютное открытие общества — это превращение сверхсложной системы,

которой является общество, в бесструктурный газ, подчиняющийся только законам линейной термодинамики. Такое превращение в принципе лишает общество малейшего шанса выбираться из тупиков застоя. Сейчас в таком тупике находится западная цивилизация. Если она раздробила свою сверхсложность до этого газа, у неё нет никаких шансов на выход. То есть на ускорение и прорыв. И тогда мир ждут весьма мрачные перспективы.

Но я не знаю, можно ли в принципе добить такую сверхсложную систему, как общество, превратив её в лишённую сверхсложности открытую примитивность, так восхваляемую Карлом Поппером и его последователями. Наверное, в принципе это можно сделать с какими-то капитулировавшими социумами. Но не все сдадутся без сопротивления.

А сопротивление будет опираться на фун-

даментальную амбициозность сверхсложных систем. На их нежелание упрощаться, превращаясь в атомарный газ. «Не ставьте из себя! Открывайтесь!», — говорят идеологи открытого общества, рекламируя свой проект невероятного упрощения как наращивание сложности. А человечество в целом и большинство народов — «ставит из себя» вопреки этим грозным призывам.

Россия же — особенно «ставит из себя», и этим особенно раздражает. Но если она перестанет «ставить из себя», то она уже не будет Россией. Тогда забудьте о государственности. Да и о развитии тоже. Потому что развитие как единство ускорения и прорыва адресует только к тому началу, которое «ставит из себя». Самое таинственное, что это начало, называемое «синергийным» людьми, достаточно чуждыми религии, присуще не толь-

ко сверхсложным социальным сообществам. Оно каким-то и впрямь таинственным образом пронизывает мир.

Синергия — это воля к образованию и усложнению форм. Ещё раз подчеркну, что об этом синергийном начале говорят не только религиозные люди, но и свободные от религиозной заданности нобелевские лауреаты... Они говорят, что смысл слова «синергия» отнюдь не исчерпывается его религиозным значением... Что источники, порождающие образование и усложнение форм, анализируются сейчас с помощью математических формул и тончайшей аппаратуры...

И при всём при том, конечно же, связь синергетики с синергией, о которой говорят люди религиозные, присутствует. Это не такая простая связь... Но она есть. И здесь мы опять-таки сталкиваемся с анализом крайно-

стей. Есть математика — и есть чудо. Казалось бы, где есть математика, там нет чуда — и наоборот. Ан нет. Есть специальные отрасли знания, связанные с одним из так называемых «парадоксов Питерса». Суть парадокса в том, что некоторые — модулированные волей — события случаются чаще, чем это должно быть в соответствии с так называемым «нормальным» (иначе — гауссовым) распределением вероятностей. Далеко не просто объяснять что-то подобное людям, которые этим специально не занимаются, но... Одним словом, бутерброд, если этого очень хотеть, странным образом и впрямь чаще будет падать маслом вниз. Подчёркиваю — странным образом.

Специалисты называют это «эффектом странности». Две крайности — математика и чудо — связаны между собой словом «стран-

ность».

Развитие — процесс актуализации странности. Странность — это способность самых разных организованностей (сверхсложностей) выявлять своё синергийное или синергетическое начало. Выявление этого начала происходит за счёт актуализации спящих возможностей, приводящих к развитию и без того сверхсложных организованностей (уже упоминавшиеся «ячейки Бенара» и прочее).

Развитие — принципиально нелинейный процесс, который может быть осуществлён только при наличии спящих потенциалов в сверхсложных организованностях.

Эти спящие потенциалы не похожи на «дремлющие силы рынка», к которым пытался адресоваться Ельцин, или на план, к которому адресовался Брежнев. По крайней мере, корректировка пятилетних планов, ставшая

синонимом застоя, уж никакого отношения к развитию не имела. Но даже если бы корректировок не было... И если бы план носил напряжённый некорректируемый характер — этого тоже мало.

План должен был становиться в чём-то сверхнапряжённым и одновременно — тонким и гибким. А главное — правильным образом сочетаться с тонкой структурностью ИМЕЮЩЕЙСЯ сверхсложной системы. И-МЕ-Ю-ЩЕЙ-СЯ! Не желанной («чтобы было как в США»), и не химерической («развитой социализм»), а ИМЕЮЩЕЙСЯ.

Итак, сверхсложную систему можно разбудить, наращивая напряжённость правильного задания (ускорение), и побудить к самоизменению, выходу за собственные границы, к самотрансцендентации. Если это побуждение будет реализовано, то произойдёт про-

рыв. Но реализовано побуждение будет, только если сверхсложная система начнёт «СТАВИТЬ ИЗ СЕБЯ», то есть задействует свою спящую сверхсложность.

Как помешать этому? Если враг хочет помешать этому, то что он должен сделать? Он должен помешать этой сверхсложной системе СТАВИТЬ ИЗ СЕБЯ. Он должен убедить эту сверхсложную систему в её ничтожности и чудовищности. Он должен разбудить в ней не спящие силы, а комплекс неполноценности.

Вот это-то и сделала перестройка.

В ЭТОМ СМЫСЛЕ ПРОЦЕСС ПЕРЕМЕН СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЮСЫ. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ — ЭТО УСКОРЕНИЕ ПЛЮС ПРОРЫВ (обращение к спящей сверхсложности с тем, чтобы она пробу-

дилась). ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ — ЭТО ПЕРЕСТРОЙКА (обращение к спящей сверхсложности с тем, чтобы она, проникнувшись своей ничтожностью и виновностью, уснула навсегда).

Перестройка — не всеобъемлющая характеристика процесса перемен, не синоним перемен как таковых, не олицетворение духа развития. Она извращение этого духа. Она отрицание собственного начала, которое и есть ускорение плюс прорыв.

Давать сегодня какую-либо интегральную оценку процессу перемен — это безумие. И это полный политический тупик.

Вы скажете, что процесс перемен весь целиком омерзителен? Вы заснёте застойным сном, и разбудят вас «оранжисты», управляемые врагами.

Вы восславите процесс перемен весь цели-

ком? Вам подсунут эту самую перестройку, и вы проделаете путь от Горбачёва к Ельцину во второй раз. Путь развала и деградации.

Мне интересна теория развития сама по себе. Но политическая теория развития — это создание аппарата дефиниций и методов, позволяющих избежать повторения перестройки. И в этом смысле такая теория не блажь и не произвольная «терра инкогнита», а острейшая политическая задача. Насущнейшее требование, вытекающее, увы, из самого хода вещей.

Носится нечто скверное в воздухе? Да или нет? Я считаю, что носится.

Это скверное что-то напоминает? Я считаю, что напоминает.

Оно адресует к событиям двадцатилетней давности? Адресует.

Нужно эту адресацию учесть? Нужно.

А как её учесть? Проклясть скопом всё, что тогда было, и заснуть? Это аморально и бесперспективно.

Значит, надо анализировать то, что было. И выявлять в нём погубленные возможности. А также конкретный потенциал этой самой «скверны». А как иначе? Вот я это и делаю. И что на выходе?

Что в почти неощутимом зазоре между ускорением и перестройкой была нереализованная возможность ПРОРЫВА. Что УСКОРЕНИЕ не было обречено на провал. Что провалило его директивное подавление той тонкой структуры, которая одна лишь и позволяла превратить ускорение в прорыв.

И оно-то — это директивное подавление тонкой структуры — как раз и называется «перестройка».

Обсуждая катастрофу распада СССР, ча-

сто задаются сакраментальным вопросом: «Глупость или измена?» А почему «или»? Глупость и измена — вот единственно возможный ответ.

Глупость — это капитуляция номенклатурных хозяев системы. Кто-то внушил этим хозяевам, что общество — это автомобиль, а не сверхсложная система с саморегулятивными возможностями, определяемыми её тонкой структурой. Хозяева жали-жали на газ, потом разочаровались, что «Запорожец» быстро ехать не может, и нужен то ли «Мерседес», то ли самолёт. Остановили «Запорожец», стали его раскурочивать, надеясь, что получится «Мерседес». Получилась груда металлолома. Что делать с металлоломом? Утилизировать через пункт вторсырья. Хоть денежки получить. Это глупость. А что такое измена?

Измена — это осознанные действия тех, кто понимал, что общество — не автомобиль. Кто, насаждая рыночные утопии («ах, нам нужен новый автомобиль!»), видел и ненавидел реальную сверхсложность данной социальной системы, способной плодоносить. А видя и ненавидя, наносил продуманные удары по «акупунктуре» этой сверхсложности. И тем самым уничтожал возможность перехода ускорения в прорыв.

Удары эти наносились в точности тогда, когда ускорение МОГЛО перейти в прорыв. То есть прорыв срывали с помощью перестройки. Нужно очень хорошо понимать, какова система, и очень хотеть её убить, чтобы так действовать.

Предлагаемый мною метод — это медицинский зонд.

Процесс перемен 1985–1991 годов — это

некое тело. Вам предлагают оценить его как целое? Не соглашайтесь! Это ловушка. Возьмите зонд и рассмотрите тело детально. Вы увидите, что оно не просто неоднородно. Оно состоит из УТВЕРЖДЕНИЯ и ОТРИЦАНИЯ, ЖИЗНИ и СМЕРТИ.

Отрицать следует лишь отрицание. Зачем ненавидеть тело? Ненавидеть надо опухоль, которая, поселившись в теле, притворяется его нормальной здоровой частью.

Перестройка — и есть опухоль: подлейшая и тончайшая мимикрия отрицания под утверждение, смерти под жизнь. Мимикрия, имеющая под собой и политическую, и социально-метафизическую основу. Какую?

17

Скажешь, что перестройка является социальной скверной — люди пожмут плечами и решат, что меня прельщают лавры Савонаролы. А то и Нины Андреевой, с которой меня уже сравнил Александр Сергеевич Ципко. А что если и впрямь, говоря о скверне (пусть и социальной), мы переходим с языка науки на другой язык — с другими законами и другим радиусом действия?

Это было бы непростительно. Но на самом

деле это не так. И вводя термин «социальная скверна», я не отменяю сделанную заявку на теорию политического развития, а, напротив, подтверждаю её. В том числе и давая строгое определение вводимому мною понятию «социальная скверна».

Скверна — это внутрисистемный Танатос (потенциал смерти системы).

Но что такое Танатос? Допустимо ли вводить строгие определения, адресуя к божествам из греческой мифологии? Конечно же, нет. Для того, чтобы раскрыть научный потенциал понятия «Танатос», мне понадобится короткий исторический экскурс.

Триумф классического прогресса приходится на период с 60-х годов XIX века по 30-е годы века XX-го. Он связан с тремя великими именами — Маркс, Эйнштейн и Фрейд. Это не гении, а сверхгении. У сверхгениев есть сверх-

задачи, ради решения которых они приходят в мир. Маркс, Эйнштейн и Фрейд хотели вывести Всё из одного Принципа. Это называется «научный монизм» (или универсализм). Человек может быть абсолютно светским. И при этом глубоко обусловленным своей культурой, опирающейся, в свою очередь, на религию. Были ли эти трое абсолютно светскими людьми — в конце концов, неважно. Их монотеистическая религия и культура породили научный монизм как сверхзадачу, которой они посвятили жизнь.

Гений находится в рамках науки, а значит, ищет истину. Сверхгений плюёт на классическое разделение гносеологии (поиска истины), этики (поиска справедливости) и эстетики (поиска красоты). Эйнштейн не раз говорил о красоте, не отделяя её от истины. И потому он сверхгений. То же самое двое других.

Неважно даже, что они говорили. Важно, как они творили и жили. «Самое прекрасное в мире чувство — это ощущение тайны. ...Я испытываю самое сильное волнение перед загадкой жизни. Это чувство создаёт красоту и истину, порождает искусство и науку» (Альберт Эйнштейн).

Содержание рассматриваемого мною периода триумфа классического прогресса — поиск тремя сверхгениями возможности выведения Всего из одного Принципа. Какого Принципа?

Маркс хотел всё вывести из Принципа под названием «отношения труда и капитала».

Эйнштейн — из Принципа под названием «пространственно-временной континуум».

Фрейд — из Принципа, который он называл «Эрос».

Объединяло всех троих «волнение перед

загадкой жизни». Светские люди... Не светские... Вам бойко процитируют Эйнштейна: «Бог не играет в кости». На самом деле Эйнштейн сказал нечто гораздо более сложное. В своём письме Дж.Франку он написал: «Я могу ещё, если на то пошло, понять, что Господь Бог мог сотворить мир, в котором нет законов природы. Короче говоря, хаос. Но то, что должны быть статистические законы с вполне определёнными решениями, например, законы, вынуждающие Господа Бога бросать кости в каждом отдельном случае, я считаю в высшей степени неудовлетворительным».

Чувствуете метафизический замах?

Монизм Эйнштейна и дуализм Бора—Гейзенберга (замечу, что Гейзенберг не случайно заигрывал с фашизмом) — это не борьба людей или теорий. Это борьба метафизик.

С квантовым дуализмом Эйнштейн так и не согласился до самой смерти. Но Эйнштейна победило нечто другое. Та физическая Реальность, которая заставила его ввести в монистические уравнения собственной Общей теории относительности дополнительный «лямбда-член». Тот самый «лямбда-член», который разрушил монизм теории и который впоследствии был назван «тёмной энергией» — Танатосом в его физическом воплощении.

Взявшись за построение политической теории развития, я не могу подробно описывать все перипетии этой борьбы Эйнштейна с Реальностью, оказавшейся более сложной, нежели предполагал классический монизм. Тем более, что история этой борьбы, скажем так, далеко не прозрачна. Но нам и не нужны все перипетии. Достаточно конста-

тации того, что Эйнштейн в итоге всё-таки столкнулся с какими-то частями Реальности, фундаментально противоречащими его жажде единства мира. И ему стало скучно. Или страшно — кто знает.

Маркс тоже столкнулся с какими-то кусками Реальности, которые не укладывались в то, что было его сверхзадачей. Я имею в виду не мировую революцию, а возможность выведения Всего из одного Принципа. Маркс назвал то, с чем он столкнулся, «азиатским способом производства». И замолчал. Ему тоже стало или скучно, или страшно... Неважно.

Но наиболее ярким этот процесс был у Фрейда. Где-то под конец своей научной карьеры (и вопреки делу всей своей жизни) он вдруг публикует статью с названием «Эрос и Танатос». Можно много рассказывать об истории этой статьи, о персонажах, содейство-

вавших её написанию, а значит — и самоотказу Фрейда. Да, именно самоотказу! Потому что для Фрейда написать в заголовке статьи «Эрос и Танатос» значило уничтожить дело своей жизни — выведение Всего из Эроса. Фрейд в этой статье признал, что Смерть (вдумайтесь!) — не умаление Жизни (это-то всем понятно!), а нечто абсолютно отдельное от неё, невыводимое из неё.

Так что не я ввожу Танатос как научное понятие. Это сделал уже давно Фрейд. Это делали и до него. И (многие) после него. Кстати, Фрейд заговорил о Танатосе на фоне развёртывания ненавистной ему нацистской оргии. Но она не была только лишь фоном для его интеллектуального поиска. Она стала вызовом, на который он ответил введением понятия Танатос.

Итак, зафиксируем, что Танатос после

этой статьи Фрейда вполне оформился как научное понятие. И что дело не ограничилось Фрейдом. После статьи «Эрос и Танатос» начался подъём как новых, так и ранее существовавших наук (танатографии, например), занятых выявлением Танатоса, а значит, и управлением Танатосом.

Подчёркиваю — наук! Не богемных полухудожественных упражнений, а наук! Да, их развитием воспользовался постмодернизм. Но ведь не он один. Воспользовались, например, все, чьей специальностью является смерть чужих систем. Специалисты этого профиля поняли, что можно использовать три приёма, позволяющих уничтожить враждебную систему.

Первый приём — отделение внутрисистемного Эроса (потенциала Жизни) от внутрисистемного Танатоса (потенциала Смерти).

Второй приём — активизация такого отделённого от Эроса Танатоса.

Третий приём — засовывание Эроса в мясорубку отделённого от него и активизированного Танатоса.

Если перевести огромный корпус религиозных представлений о «мертвечине» и «скверне» на светский системный язык, то эти три приёма как раз и называются «осквернение». Так что введение понятия социальной скверны и социального осквернения — разрушения системы за счёт активизации внутрисистемного Танатоса — мне представляется вполне корректным. И я берусь доказать, что «перестройка» — это и есть социальное осквернение, активизация внутрисистемного Танатоса с целью ликвидации системы.

Была система — некий кристалл. Некто

запустил Танатос и получил булькающую беспомощную слизь. Получил — и радуется...

Кто-то скажет, что такой подход всё же в большей степени использует язык искусства, а не язык науки.

Что ж, и искусство немаловажно. Оно ведь тоже технологично. Образы — это импульсы, воздействующие на сознание. Так ведь? И что, если систему под названием «дом» разрушит импульс под названием «взрыв», то это — наука, и даже техническое ремесло (подрывное дело)? А если систему под названием «культура» разрушит импульс под названием «образ», то это — не наука, а искусство? Но если речь идёт о разрушении систем, то так ли важно данное разграничение? Одни системы разрушаются атомными бомбами, другие — образами. Неужели тот,

кто разрушает, не сведёт это воедино во имя достижения своей цели? Обязательно сведёт, и давно уже свёл.

Знаю это отнюдь не понаслышке. Знаком с соответствующими разработками, которые осуществляли как зарубежные специалисты, так и наши умельцы, выехавшие за рубеж. Разве Александр Зиновьев, вернувшись на российские развалины, не признавался в том, что занимался на Западе чем-то подобным? Признавался, и не он один. А многие и не признавались — по вполне понятным причинам.

Но разве можно всё сводить только к иностранцам и эмигрантам?

Разве Александр Николаевич Яковлев, всесильный идеологический шеф коммунистической партии, не говорил после краха собственной партии и СССР о том, что «удалось переломить хребет»? Кто-то скажет, что

он оперировал метафорой, а не адресовал к технологии? Но почему тогда так успешно был сломан этот самый хребет? И почему я должен считать, что это метафора, если я знаю, что специалисты по теории систем называют технологии, обеспечивающие демонтаж оси системы, — «ломкой хребта»?

А что, Анатолий Ракитов, советник Ельцина, не призывал к смене ядра российской культуры? Или тут тоже надо говорить об искусстве, а не о науках особого рода? А почему? Ведь абсолютно понятно, что речь идёт именно о науках.

Есть люди, кончающие жизнь самоубийством. Они могут делать это по разным причинам. Многие трактуют террориста-смертника как человека, стремящегося заслужить место в раю. Мол, гурии и всё прочее. Это в огромной степени задано тем, что та-

кие «многие» избыточно зацикливаются на исламском суицидальном терроризме (шахиды). Но в других культурах вообще нет понятия рая, а суицид и суицидальный терроризм — наличествуют. И метафизически обосновываются неприятием такого скверного дела, как жизнь вообще, и тем более жизнь вечная.

Короче, наука о суициде (наука! слышите?) уже достаточно подробно разобрала автономную от Эроса (воли к жизни) суицидальную мотивацию (волю к смерти). А начали этот разбор не учёные (психиатры, психологи и т.д.), а философы. Прежде всего, Артур Шопенгауэр, для которого подлинная свобода — это ещё и независимость от необходимости.

При этом независимость от необходимости (не «познанная необходимость» Гегеля,

а НЕЗАВИСИМОСТЬ от необходимости) не может быть связана для Шопенгауэра просто с проявлением воли, направленным вовне (волей как «волей-явлением»). Она связана с абсолютностью воли, направленной сразу и вовне, и внутрь себя — повсюду. То есть с волей как «волей-сущностью».

Животное на это не способно. Оно может направить волю вовне, но подлинной свободы достигнуть не может. Ибо животное принадлежит только природе. В природе есть только необходимость. Значит, животное находится в сфере необходимости, которой и подчиняется. Свобода же обитает в благодати. Но как тогда она может обнаружиться в явлении?

По Шопенгауэру, она может обнаружиться, только когда «воля-сущность» (дух) вступает в противоречие с «волей-явлением» (телом). И отрицая последнее, уничтожает те-

ло как своё проявление. Самоубийство тем самым для Шопенгауэра (конечно, не любое самоубийство, а добровольная смерть, вызванная крайним пределом аскетизма) представляет собой единственное проявление абсолютности воли. А значит, и единственное, что позволяет обрести свободу и благость. Такое отношение к самоубийству заслуженно закрепило за Шопенгауэром не только славу «величайшего пессимиста» и певца самоубийства, но и статус первого теоретика так называемой «воли к смерти».

Именно в связи с этим особо буйствовал двойник и оппонент Шопенгауэра Фридрих Ницше. Мол, какая смерть?! «Над жизнью нет судьи» — и так далее... Но жизнь, над которой нет судьи, жизнь как отрицание справедливости, — это феномен, восславление которого, по сути, подтверждает, а не опровер-

гает правоту Шопенгауэра. Так что отношения Ницше с Шопенгауэром (а также Ницше с Вагнером) отнюдь нельзя назвать тривиально антагонистическими.

Танатос — это и есть воля к смерти... Тема эта разобрана уже не только в том, что касается человека. Проанализировано, что такое «контуры смерти» и «точки смерти» в разного рода сверхсложных системах. Введён термин «программа самоликвидации». Самопрограммирующиеся сверхсложные системы изучены и с точки зрения возможности их побуждения к «программированию на самоликвидацию».

Обсуждён, причём подробно, феномен так называемых «превращённых форм». Это философское обсуждение (блистательно осуществлённое, например, советским философом Мерабом Мамардашвили) было впослед-

ствии переведено на язык теоретической биологии и общесистемный язык. Этим пользуются медики, обсуждающие ряд заболеваний (системная красная волчанка и так далее). И зачем притворяться, что всё это не доведено до комплекса технологий? Да, эти комплексы технологий не продаются на «Горбушке» и не находятся в открытом доступе. Ну и что?

Совершенно очевидно, что уже сейчас обиходными являются понятия «суицидальные группы», «суицидальные секты» и так далее. А лет через двадцать к самопрограммированию на смерть будут побуждать сверхсложные компьютерные системы. Да и сейчас есть специалисты, которые далеко продвинулись в этой, пока ещё достаточно закрытой, размытой и проблематичной сфере.

Словом, Танатос — это на современном Западе уже не только наука, но и технологии.

Восток же занимается технологиями Танатоса, в соответствии со своей интеллектуальной и культурной спецификой, тысячелетиями. И достаточно далеко в них продвинулся.

А теперь вопрос на засыпку: если можно так запрограммировать систему... А также личность... А также группу... То почему нельзя так запрограммировать более крупное сообщество (народ, нацию, цивилизацию)?

Почему нельзя выявить тонкую структуру этого сообщества, его системные коды, его потенциалы сверхсложности? Почему нельзя, выявив, начать это самое «программирование Танатоса»? Или кто-то считает, что термин «социкультурные коды системы» — это тоже метафора?

Ракитов говорил о культурном ядре, но ядро — место, где содержатся эти самые коды. Если можно попасть в ядро и начать

работать с кодами, то почему нельзя (если очень хочется) поработать с этими кодами так, чтобы актуализировался спящий потенциал Танатоса?

В каждой культуре, обладающей своим ядром, этот потенциал устроен по-разному. Ну, так и танатизируют их в соответствии с устройством конкретной культурной системы. А также в соответствии с общесистемными принципами.

Не может работа по актуальной политической теории стать одновременно пособием по проблеме Эроса и Танатоса. Да и не факт, что в условиях современной интеллектуальной войны так уж стоит всё раскладывать до конца и по полочкам. Я так в этом абсолютно не уверен.

А для развития заявленной темы достаточно и приведённого выше. Ибо теоретиче-

ские сведения необходимы мне здесь для того, чтобы раскрыть понятие «перестройка», и не более. Когда я захочу рассматривать вопрос Танатоса или превращённой формы в общетеоретическом плане, я буду писать принципиально другие сочинения.

Итак, я утверждаю следующее.

Во-первых, «перестройка» — это активизация внутрисистемного Танатоса.

Во-вторых, работа с внутрисистемным Танатосом (автономным потенциалом смерти системы) для кого-то уже является не искусством, а технологией. Или же гибридом искусства и технологии.

В-третьих, опыт работы с внутрисистемным Танатосом наращивается.

В-четвёртых, нет никаких оснований считать, что этот опыт (а также новые разработки) не будут применены для активиза-

ции внутрисистемного Танатоса страны под названием Российская Федерация. Если такой опыт был применён успешно для активизации внутрисистемного Танатоса страны под названием СССР... Если его применение (и именно оно) называется «перестройка» (прошу не путать с периодом перемен, развитием, ускорением и прорывом), то почему невозможна «перестройка-2»? Конечно, с учётом новой специфики: степени повреждения культурного ядра, глобального контекста, особенностей имеющихся осевых функций и так далее.

В-пятых, если тогда «перестройку» (как отрицание развития) осуществляли под маской развития, если за все эти годы «перестройку» как «Танатос периода перемен» так и не рассмотрели отдельно от «Эроса периода перемен» (развития, ускорения и прорыва), —

то почему сейчас кто-то не может попробовать осуществить «перестройку-2» (новое отрицание развития) под маской развития-2?

Ну, и что делать? Отрицать идею развития? Бороться с головной болью методом отсечения головы? Это глупо. И кто-то, наверное, рассчитывает на то, что возобладает подобная глупость.

А в чём альтернатива? Бежать, очертя голову, за всем, что будет рекламировать себя в качестве Эроса, являясь на деле Танатосом («То кости лязгают о кости» — Блок)? Уже добегались в конце 80-х годов...

Ну и что делать-то? Голову беречь, вот что!

Надо не только понять, но и ценностно ощутить отличие «перестройки» от развития (ускорения и так далее) как отличие Танатоса от Эроса. А пережив и поняв, вооружиться

«датчиками скверны», способными уловить, где дух живой, а где мёртвый, где развитие, а где «перестройка» как его антитеза. А к датчикам этим подключить сирену — чтобы она выла при первых отклонениях стрелки за «красную черту». И чтобы все и каждый поняли, что значит вой этой сирены. Да, каждый!

Нужны не внешние, а внутренние датчики (хотя хотелось бы, чтобы внешние тоже были). Если вы понимаете, чем одно отличается от другого, вас не «возьмут на хапок», не захватят врасплох, как в конце 80-х годов. Но и в пугливого стагнационщика, лепечущего «хочу Брежнева, чтобы не было Горбачёва!», тоже не превратят.

Политическая теория развития — это выявление ряда смыслов, которые содержит в себе сама идея развития. Зачем нужно обсуж-

дение развития?

Первая и основная цель — теоретически проработать возможность движения в векторе «ускорение — прорыв».

Вторая цель — не дать нашим противникам в руки тех карт, которые им так нужны. Не дать им низвести группу оппонентов «перестройки» к группе ретроградов, враждебных переменам. Если мы правильно задаём альтернативу между линией на ускорение и прорыв — и линией на «перестройку», то мы сумеем избежать этого капкана. А противникам нашим, повторяю, очень хочется, чтобы мы в него угодили.

Третья цель — добить «перестройку». Добить её до конца. Это актуальная политическая задача. И, чтобы её решить, нужен соответствующий новый понятийный аппарат. Существующего аппарата категорически

недостаточно.

Четвёртая цель — в защите подлинных ценностей развития и Восхождения человечества. Только отделив ускорение и прорыв от «перестройки», как зёрна от плевел, мы можем спасти подлинность развития. А значит, и свою Родину.

Только так мы спасём идеалы прогресса и гуманизма. А может быть, и идеалы свободы и демократии (хотелось бы, чтобы и их). Но, в любом случае, это спасение возможно лишь при абсолютном размежевании с духом «перестройки» как «духом мёртвым». Если же мы и «дух живой», и все эти нуждающиеся в спасении ценности будем ассоциировать с «перестройкой», то есть «духом мёртвым», то ценности погибнут, а мы окажемся в клоаке абсолютной реакции. Может быть, кому-то именно это и нужно?

Согласитесь, что четыре вводимых мною цели не чужды идее развития, но одновременно являются целями политическими. И в этом смысле можно говорить о политической теории. Но политическая теория только тогда имеет право на существование, когда сопрягается хоть с какой-то практикой.

Есть ли эта практика? Иначе говоря — запахло ли «перестройкой» как очередной социальной скверной?

Если я просто скажу, что запахло, — то я инквизитор. Это отвратительная роль, которая мне претит более, чем любая другая. Есть люди, которые к ней тянутся, и даже пишут по этому поводу модные сочинения. Но я знаю, что развязывание охоты на ведьм — вернейший путь к разрушению своей страны и своего общества. Дух охоты на ведьм вообще омерзителен. Но он ведь ещё имеет

свойство превращаться в корыстный промысел. У вас сосед по коммуналке слишком долго в туалете сидит и вам мешает... Почему не назвать его врагом народа, если вы можете? Почему он враг народа? «А у меня нюх такой — я чую...» Короче, нужны не отсылки к интуиции (чую... не чую...), а доказательства. И нужны они не для того, чтобы кого-то прищучить или даже осудить. Они каждому нужны для себя. Если вы понимаете, что к чему, то в вас этот «дух смерти» не разбудят. Вы себя спасёте и другим поможете.

Займитесь не ущучиванием других, а самими собой. Не дайте взять себя тёпленькими этому самому новому Танатосу, научитесь ставить соответствующие защиты, — и не будет никакой «перестройки-2». Ухмылки будут и пожимания плечами, а не очередной самоубийственный покаянный массовый вой.

Кому-то не нравятся смыслократы. Но что плохого в смыслократии? Какая-то «кратия» всегда будет... или что — нужна плутократия? А может, танатократия?

Сталин был неизмеримо кровожаднее Горбачёва или Ельцина. Но он не мог дать товарищу по партии задание и потом наказать товарища за то, что тот его прямое указание выполнил. Потому что Сталину нужно было, чтобы система работала. А в этом случае она работать перестаёт немедленно. Горбачёву же, как минимум, не нужно было, чтобы система работала. А как максимум, ему нужно было, чтобы она не работала. При чём тут Макиавелли? Макиавелли не рекомендовал государю покупать политическое выживание (власть как форму) ценой уничтожения власти как содержания. Макиавелли рекомендовал государю презирать людей, а не

государство, которое он возглавляет...

Да, в связи с известным скандалом по поводу корпорации АНТ Николай Иванович Рыжков плакал. А почему он плакал? Он был слабым человеком? Директор Уралмаша не может быть слабым человеком. Рыжков, спасая Армению после землетрясения, ну никак не проявил себя в качестве слабого руководителя. Так почему он плакал?

Рыжков увидел, как Горбачёв сделал то, после чего их, как ему казалось, общая собственность — система — уже не будет работать. И ещё Рыжков услышал хохот товарищей по системе. Почему-то по-идиотски радовавшихся тому, что система работать уже не будет. В этом была скверна. Она дохнула на Рыжкова. И он заплакал.

Но так вести себя с системой Горбачёв мог только после того, как шабаш «перестрой-

ки», то бишь дебольшевизации, освободил его от любых социальных обязательств по отношению к тому благому, что было в системе и создавало из неё социальный космос. Ибо шабаш убил всё благое. Погасил все звёзды Идеального. А после этого — какие обязательства? Шабаш дебольшевизации превратил советский социальный космос в ад, в место без звёзд. А в аду царит ненависть. Обитателей подпитывает только энергия Танатоса — углубление и обострение разрушения.

Дело не в том, что Ельцин и Горбачёв конфликтовали жёстче, чем их предшественники. Нет, они конфликтовали несравнимо мягче. Но с использованием технологий, которые, например, Сталин и Троцкий (вполне достойные ученики Макиавелли) никогда бы не могли даже попытаться использовать. «Ты из-под меня РСФСР выбиваешь? А я из-под

тебя Татарстан с Башкирией выбью». Так не конфликтуют даже самые свирепые властолюбцы, желающие «оседлать», а не разрушить государство. Так конфликтуют только танатократы, оказавшиеся в социальном аду.

Но что сделало партократов танатократами? «Перестройка», скверна истерической дебольшевизации, погрузившая всё во тьму и погасившая звёзды Идеального. Это она лишила их мир (систему) статуса социального космоса. Это она погрузила всё в адскую тьму. А погрузив, высвободила весь потенциал танатократической ненависти. Чем иным можно пробавляться в аду?

Есть ли шанс, что нечто подобное повторится? Увы, шанс есть. Я не хочу сказать, что оно обязательно повторится. Но шанс, повторяю, есть. И он реализуется в одном-единственном случае. В случае «перестройки-

2», когда новые «дебольшевизаторы» начнут новую ломку хребта, убивая слабые позывы нынешней, не до конца превращённой в ад, реальности к тому, чтобы хоть в малой степени снова стать хоть каким-то космосом. Если новые «дебольшевизаторы» внушат политической элите, что она обитает в месте без исторической благодати, без звёзд Идеального (то бишь, в социальном аду), то политическая элита скажет: «Ах, в аду? Ну, раз так...» И тогда начнётся...

В самом начале этой работы я, исходя из теоретических выкладок и здравого смысла, предположил, что такое возможно и сейчас. И даже связал с попытками системного подкопа под (как мне кажется, весьма прочные) отношения между В.Путиным и Д.Медведевым. Тогда же я утверждал, что идеологическим основанием для такого под-

копа будет подача фигуры Путина как творца чекистского застоя, а Медведева — как освободителя от застоя во имя развития.

С момента этого предсказания прошло примерно четыре месяца. И вот уже такой ответственный и аккуратный политик, как первый заместитель главы кремлёвской Администрации В.Сурков, говорит о деструктивных силах, пытающихся подорвать союз Путина и Медведева. Для того, чтобы политик ранга Суркова публично высказался на столь жгучую тему, нужны специальные основания. Причём такие, что уже даже прагматически, сугубо конкретно, — «нельзя молчать». Так значит, скверной пахнет?

Но новый разгул скверны может обеспечить только очередная «перестройка». А что, если пахнет и ею тоже?

Элиты конфликтуют (смотри мою книгу

«Качели»)? Что ж, они всегда конфликтуют. Но если они начнут конфликтовать по модели социального ада, — тогда конец. Будут новые неостановимые политические пожары на окраинах, социальные протесты и так далее.

Так зря или нет мы обсуждаем тот Танатос («перестройку-1») с оглядкой на возможность следующего («перестройки-2»)? Хоть я не инквизитор, но... этот новый Танатос, к сожалению, улавливаю.

Улавливаю и другое. Четыре цели, которым мы пытаемся подчинить обсуждение идеи развития, ГЛУБОЧАЙШЕ ВРАЖДЕБНЫ тем силам, которые хотят навязать происходящему одну-единственную потаённую логику — логику новой «перестройки» как очередного Танатоса.

Заявленные четыре цели настолько враждебны этим силам, что даже очевидная

скромность нашей попытки заняться теорией политического развития вызывает всё более серьёзное и «системное» бешенство. А также противодействие. Я уже пунктирно отследил это противодействие, обсуждая мелкие подрывные игры, призванные заклеймить все силы ускорения и прорыва как сплошную «Нину Андрееву-2». Чтобы потом в очередной раз сказать: «Либо эта ужасная «Нина Андреева-2», либо наш прекрасный Танатос-2».

И я обсудил возможность новой бешеной антикоммунистической истерии, описал структуру этой истерии и её почву в сознании.

Я понимал, что одними провокационными играми (например, вокруг ХАМАСа) и совсем уж мелкими «разводками» всё не ограничится. Что когда эти игры будут сорваны, начнётся переход к фронтальной атаке. «Кто-то»

окажется в цейтноте. Этому «кому-то» надоест устраивать разводки, загонять тех, за кем он охотится, в тупиковые международные лузы. И тогда этот «кто-то» начнёт подменять дискуссию о развитии новым антибольшевистским шабашем. То есть «перестройкой-2».

Не поленитесь, проверьте — номер газеты «Завтра», в котором я предсказал и разобрал с общих позиций новую (в том числе и адресованную нам) антикоммунистическую истерию, вышел в свет 25 июня 2008 года. Никто ещё не призывал на этот момент к дебольшевизации (а значит, к очередной «перестройке»). Но я точно знал, что это произойдёт, и потому с опережением описал структуру сознания возможных новых «дебольшевизаторов».

И вот — пожалуйста. В тот же день, ко-

гда вышел номер «Завтра», где я это описал, появилась (в «Литературной газете») откровенно «дебольшевизаторская» статья Александра Сергеевича Ципко «Снова «Красный проект»?». Как вам такое совпадение?

Тон статьи Ципко, отчётливо инквизиторский, тоже о многом говорит. И очень напоминает похожие статьи двадцатилетней давности. Если в «разговоре о левой идеологии» считается приемлемым такой ТОН РАЗГОВОРА, — то РАЗГОВОРА в принципе быть не может.

Но что это вообще за разговор? В чём его сокровенный смысл?

Выступая в газете «Завтра» и в других местах, я несколько раз предлагал не обсуждать красных, белых или кого-либо ещё, а обсуждать только идею развития. Не я один говорил, что время формального красно-белого

синтеза — в прошлом. И что синтез может быть только содержательным, то есть основанным на понимании объединительной роли развития, столь необходимого для страны. Что же касается красно-белых полемик, то они себя во многом исчерпали. Прошло время, когда можно было проклинать или восславлять. Нужно научиться понимать. Нужно отказаться от расхожих клише и категоричностей. Это не значит отказаться от принципов. Но негоже быть рабами прошлого и его страстей в момент, когда страна вновь находится в такой опасности.

Выводя на сцену Ципко и его «Снова «Красный проект»?», авторы начинания бросают вызов идее любого консенсуса. Ципко в восхитительно развязной интонации будет обсуждать этот самый «снова «Красный проект»?». Наверное, кому-то хочется, чтобы

кто-то в такой же интонации опять начал обсуждать «снова «Белый проект»? А результат? Разве неясно, чем это обернётся? Это-то и есть «перестройка».

А собственно, почему нельзя обсуждать развитие? Нечего о нём сказать? Когда нечего сказать, то молчат.

Ну, не хотят молчать... Пусть обсуждают то, что им нравится. Пусть те, кому нравится Белый проект, — обсуждают Белый проект. Пусть тот же Ципко расскажет о Белом проекте. Расскажет умно и с любовью. И я об этом прочитаю. И в ответ постараюсь что-то рассказать о Красном проекте.

Но если Ципко с ненавистью рассказывает о Красном проекте, то значит, он зовёт дух ненависти. Зачем? И куда ведёт эта дорога? В лаборатории мысли? Да полно!

Пахнет именно «перестройкой» с её психи-

ческими атаками, призванными вновь и вновь придавить нашего несчастного соотечественника. Разбудить в нём комплекс вины, довести этот комплекс до так называемого «бреда вины» (вполне строгий термин, используемый в психиатрии). Это всё называется — удар на поражение.

По кому удары наносите, господа? Потом опять скажете, что целили в коммунизм, а попали в Россию?

18

Апологеты дебольшевизации («перестройки-2») всё время спрашивают: «А что, денацификацию тоже нельзя было проводить?» Что ответить?

Никто не запрещает патриоту России ненавидеть большевиков. Но это ещё не значит, что этот патриот может позволить себе призывать к дебольшевизации («перестройке-2») и остаться патриотом. Потому что такая дебольшевизация — активи-

зация внутрисистемного Танатоса — нанесёт почти невосполнимый урон его народу, культуре, всей его цивилизационной системе.

Для того чтобы патриот России призвал к дебольшевизации, он должен считать большевизм абсолютным метафизическим злом, а не крупной исторической неприятностью. И быть готовым применять страшные средства с открытыми глазами.

Те, кто призывали к денацификации Германии, прекрасно понимали, что призывают к применению страшных средств. Но были твёрдо уверены, что абсолютное метафизическое зло нацизма легитимирует применение даже таких средств.

А дальше возникает фундаментальный вопрос, который действительно разводит по разные стороны баррикад. Что следует называть абсолютным метафизическим злом? На-

цизм или большевизм (коммунизм, Красный проект)? Понятно желание назвать злом и то, и другое. И зло действительно может быть разным. Но абсолютное метафизическое зло может быть только одно.

Два зла могут воевать друг с другом.

Два абсолютных метафизических зла вообще невозможны. И воевать друг с другом они, тем более, не могут.

Либо Россия (СССР) победила абсолютное метафизическое зло нацизма. И тогда денацификация морально оправдана, а дебольшевизация — нет.

Либо наоборот. Денацификация не оправдана морально, а дебольшевизация оправдана. Ну, так что выбирает Ципко?

Есть третий вариант. При котором речь идёт не о моральном оправдании тех или иных активизаций внутрисистемных Танато-

сов (немецкого — денацификация, российского — дебольшевизация), а об «обвинении по праву победителя». Это цинично и отвратительно, но возможно. Однако вряд ли Ципко рассматривает себя в рамках этой возможности. Потому что тогда он должен действовать по праву победителя в «холодной войне». То есть как американец, а не как русский патриот (белый или любой другой).

Начав такой разговор, я не могу обойти Карла Поппера и его тезис о том, что нацизм и коммунизм — это два «равномерзких» тоталитаризма.

Не буду здесь заниматься детальным обсуждением Поппера. Несколько раз уже обсуждал его в различных работах. Во-первых, для Поппера метафизики нет вообще. Во-вторых (вот почему я адресуюсь именно к Попперу), работы Поппера о тоталитариз-

ме — это чисто служебное начинание, призванное придать будущей дебольшевизации не прагматический, а псевдоморальный (так сказать, научный) характер. Это агитка, имеющая своей задачей легитимацию «холодной войны», демонтаж памяти о Победе и СССР как спасителе от нацизма.

Поппер делает это надрывно, истошно, и у него это плохо получается. Ему ужасно не хочется упаковывать в свою лукавую матрицу Маркса и марксизм. Ибо на самом деле он любит Маркса потаённой любовью либерала. Исповедоваться в ненависти к Гегелю — пожалуйста. А к Марксу — очень не хочется. Но раз приказали...

Далее — Поппер проклинает любой национализм. И вообще любую макросоциальную идентичность, мешающую распылению социума на отдельные индивидуумы. При чём тут

тогда патриоты — хоть бы и белые? Присягнули концепции Поппера — становитесь в оголтело-либеральный ряд.

Ведает ли каждый, кто призывает сейчас к дебольшевизации, что он творит? Понимает ли, что призывает к цинично-прикладной дебольшевизации, к актуализации внутрисистемного Танатоса, которую победитель (иноземец) хочет осуществить, чтобы дорастоптать побеждённого (наше Отечество)? Что другой дебольшевизации не было и не может быть. Что и в конце 80-х годов это была дебольшевизация («перестройка»), осуществляемая под диктовку иноземцев (США и НАТО) ради победы над нашим Отечеством — СССР — в «холодной войне».

А значит, новая дебольшевизация («перестройка-2») будет окормляться теми же иноземцами ради добивания Российской

Федерации, которая начала проявлять какой-то норов (какой — обсуждать не буду, есть много вопросов к этому норову, ну и что?).

Понимает ли теперь этот самый белый патриот, что в конце 80-х годов дебольшевизация-1, она же «перестройка-1», она же «скверна-1», она же активизация внутрисистемного Танатоса в СССР, была соучастием в войне против своей страны и страшным преступлением перед своим народом? И понимает ли он, что двадцать лет спустя дебольшевизация-2, она же «перестройка-2», она же «скверна-2», она же активизация внутрисистемного Танатоса в РФ, будет соучастием в такой же войне на окончательное добивание своей страны и своего народа?

Разве это СЕЙЧАС не очевидно даже самому яростному антикоммунисту, если он патриот? Разве нельзя ненавидеть большеви-

ков и при этом понимать, что дебольшевизация — это подлая спецоперация, уничтожающая не идеологию, а народ? НАРОД!

Зафиксируем это — и двинемся дальше.

Дебольшевизация-1, она же «перестройка-1», она же «скверна-1» и так далее, имела «актив-1», состоящий из так называемых демократов.

Эти демократы — «мавр, сделавший своё дело». Использовать их по второму разу очень трудно. А значит, дебольшевизация-2, она же «перестройка-2» и так далее — должна использовать «актив-2». Какой актив? Понятно, что антикоммунистический, но какой? Такой, который ещё не стал до конца «мавром», не замарался до крайности, не потерял какой-то, пусть и минимальной, общественной привлекательности.

Что это за актив? Александр Сергеевич

Ципко говорит о белых патриотах. Ему виднее — белые или не белые. Но каждый, кто хоть как-то заботится о народе, а не ненавидит его, не станет раскручивать антисистемный Танатос по второму разу. Ведь слишком очевидно, что если удастся раскрутить, то после этого народа уже не будет. Так что же это за патриоты такие?

Не те ли это патриоты, которые открыто призывали Соединённые Штаты Америки нанести ядерные удары по Москве, Ленинграду и ещё десяткам городов СССР?

Не те ли это патриоты, которые подстроились к знаменитой Декларации о порабощённых народах, сочинённой бандеровцами и принятой в 1959 году Конгрессом США? Притом, что в этой декларации перечислены все народы СССР, кроме русских, то есть русские — всеобщие «поработители»? Я знаю,

что часть эмигрантского русского движения выступила против данной декларации. Это не помешало данной части сотрудничать с создателями декларации. Но ведь выступила всё-таки против! А кто-то не выступил. Может быть, те, кто не выступил, и есть эти патриоты?

Или же это те патриоты, которые говорили, что они казаки, а не русские, а русские — это погубленный народ? Мы знаем таких патриотов и их мотивацию участия в гитлеровском движении. Они хотели «Казакию», а не Россию. И готовы были сотрудничать хоть с бандеровцами, наиболее сочно говорившими о «москальской нечисти», «москальских нелюдях», хоть с кем угодно ещё, предлагавшим окончательное решение «русского вопроса».

А может быть, это те самые бандеровцы

и есть? В чуть обновлённом варианте? Может, это по их отмашке должна идти вторая «дебольшевизация под белыми знамёнами»? Может, людей, которые встали под эти знамёна, на деле лукаво используют для добивания всё тех же самых «москалей»? Добивания — под лозунгами «духовного очищения народа» и его «спасения от большевистской скверны»?

В мои планы совершенно не входит атаковать конкретного Александра Сергеевича Ципко. Сразу по очень многим причинам. В том числе и потому, что любая такая атака предсказуема и очевидна по своим последствиям. Какая там после этого теория развития, тем более, политическая! Обмен ударами... Красные, белые — и поехало... Я в этом участвовать категорически не хочу. И сделаю всё, чтобы такого обмена ударами не

было.

Но, начав заниматься политической теорией развития, я не могу не обсуждать, (а) как противники развития будут стравливать белое и красное для того, чтобы развития не было даже на уровне обсуждения (это называется «переключением внимания»), и (б) как во имя срыва развития могут организовывать «перестройку-2». Она же — дебольшевизация-2.

Александр Сергеевич Ципко по собственной воле стал рупором дебольшевизации-2. И это всем очевидно. Не я приписал ему эту роль — он её исполнил. Страстно и определённо. Соответственно, он является для меня крайне важным феноменом (не объектом, не предметом — феноменом). И я обязан анализировать феномен. Иначе я не политической теорией развития занимаюсь, а непонят-

но чем.

Рассматриваемый мною феномен активиста «перестройки-2» (назовите её белой, если хотите — я так называть её не хочу) шире личности Александра Сергеевича Ципко. Но и Александр Сергеевич Ципко к феномену до конца сводиться не может. Любая личность богаче феномена, обобщённого типажа или «идеального типа». Разбирать я буду именно феномен, потому что всё остальное неинтересно. И я этот феномен не намерен обсуждать публицистически. Я намерен его ОСМЫСЛИВАТЬ.

Если в ходе этого осмысления удастся получить интеллектуально значимый материал, то я сам себе могу сказать — «удалось». В противном случае скажу — «провал». Подчёркиваю — сам себе скажу и буду перед собой честным.

Я использую текст Ципко так, как физик-теоретик использует физический эксперимент. Чем был бы Эйнштейн без опытов Майкельсона? Я благодарен Александру Сергеевичу за то, что он предоставил мне нужный текст (факт высказывания). И я постараюсь с этим фактом обойтись предельно корректно. Конечно, в рамках, задаваемых занятием под названием «политика». Александр Сергеевич сам понимает, что у этого занятия есть свои законы. Оно не для слабонервных.

В любом случае, Александр Сергеевич должен отметить, что я как политический публицист его личностью (типажем, феноменом) вообще никогда не занимался. В его адрес ничего, кроме сугубо корректных высказываний, не допускал. Даже после порыва Александра Сергеевича к обсуждению моих качеств и обстоятельств (личных, семейных

и прочих) я ничего подобного никогда бы не стал делать. И не сделаю.

Всё, что я должен сделать и не могу не сделать, это описать «перестройку» как таковую (1, 2, 3 и так далее) с точки зрения «социального физика». Представив эту самую «перестройку» в качестве волны, содержащей в себе ряд частотных вибраций. Я должен выделить каждую вибрацию. То есть провести спектральный анализ. То, что использую при этом текст Ципко «Снова «Красный проект»?», феномен Ципко и так далее — это не публицистика, а социальная физика.

Так каковы же вибрации в пределах этой самой смрадной волны?

Вибрация #1 — обнуление чужого содержания. Когда-то один знакомый иностранный профессор сформулировал суть этой вибрации с поразительной чёткостью: «Вы

думаете, что есть только декартовский способ думать: cogito ergo sum (я мыслю, то есть я существую)? Уверяю вас, есть и совсем другой способ: я мыслю, то есть вы — не существуете».

Вибрация #2 — дегуманизация. Носитель перестроечного Танатоса обязательно должен не только обнулить содержание оппонента, но и расчеловечить его самого. При этом всегда апеллируя к гуманистическим ценностям. В «перестройке-1» речь шла об общечеловеческих ценностях. Теперь их называют моральными. Можно ещё как-нибудь. Суть в том, что перестройщик (1, 2, 3 и так далее) к этим ценностям апеллирует и тут же сам их растаптывает. Для него они абсолютно необязательны. Даже напротив. А другие... Как они ни вертись, всё равно окажется, что они эти ценности нарушают. Читайте «Волк и ягнё-

нок» Крылова, это блестящее пособие по перестроечной публицистике. — Ты хочешь лишить русский народ права изучать иностранные языки! — Помилуй, где это написано? — Значит, Юрьев хочет, а вы одна шайка-лейка! Кто-то ведь хочет! Твой политический кум, сват... Словом, кто-нибудь из вашего же роду! — А я чем виноват? — Тем, что мне нужно проводить перестройку (1, 2, 3 и так далее)...

Перестроечный полемист не будет доказывать, что его противник — вор. Он скажет — «как известно, вор». Кому известно? Почему известно? Или «как известно, человек без совести». Или «человек непорядочный». Или «шарлатан». Кто, когда на Западе может себе позволить что-то подобное? И как вообще такое может сходить с рук? Почему читатель не спросит: «А где доказательства? Почему это вы ругаетесь? И кто это вы такой,

если просто ругаетесь? И почему, собственно, я должен читать ваши ругательства, а не ваши глубокие мысли по поводу той или иной проблемы?»

Вибрация #3 — культурно-криминальная. Без неё перестройки нет.

Отцы перестройки (А.Н.Яковлев и другие) очень любили награждать оппонентов словечками типа «шпана». Но сами говорили на языке, внутренне причастном к криминальной семантике. И это — не случайность, а вибрация перестройки.

Где с особой силой действует закон расчеловечивания? В криминальном мире. Как, впрочем, и в мире специфических следователей, которые так не нравились перестройщикам. Что значит расчеловечить? На криминальном языке это значит «опустить». А на языке неправового следствия — «сломать»,

«расколоть». Что значит оклеветать? «Шить дело». Перестроечный публицист купается в семантической уголовщине.

Уловили вибрацию? Улавливайте следующую.

Вибрация #4 — узурпация абсолютной моральной позиции. В этом суть «перестройки». Нет вибрации #3 без вибрации #4, и наоборот.

Перестроечный публицист постоянно преподносит себя, как «приличного человека». Чувствуете, как вибрации переплетаются (мультиплицируют)? Они ведь не могут не мультиплицировать. Ибо никто так не любит отрекомендовываться приличным человеком, как матёрый уголовник, понимающий, что другой тебя приличным человеком не назовёт, и поэтому ты сам должен себя таковым объявить. Как там в Одессе пелось?

«Я джентльмен, запомните-ка, дамы!
Мы с лордами большие кореша.
Но если надо — достану шпалер,
Не будет шмона, тишина и ша!»

Почитайте перестроечные тексты. Проанализируйте семантику, как филологи. И вы увидите, что я прав. А если у вас остаются сомнения, задумайтесь над тем, как именно перетекала эта самая семантика в политику. Как легко благородные интеллигенты-перестройщики обнимались с ворами в законе.

Вибрация #5 — презрение к читателю. Перестройщик глубоко презирает читателя, ибо читатель для него — элемент бесконечно ненавидимого и презираемого советского социума. То бишь «совок» (быдло, лох, недочеловек). Поэтому перестройщик не ждёт, что читатель его одёрнет. Для того, чтобы одёр-

нуть, нужно быть гражданином — мыслящей личностью, интегрированной в культурное поле. Перестройщик уверен, что нет ни личности, ни культурного поля. Есть «пипл» — то есть социальный пластилин. И он, перестройщик, будет делать с этим пластилином всё, что угодно. Опять же — по известному уголовному принципу, прекрасно описанному Шукшиным («ша, пацаны, я его делаю»).

Перестройщик знает, что «сделает». Он знает, что есть «пипл», «хававший» развитой социализм, и этот пипл и теперь схавает всё подряд. И даже не заметит, что с ним не разговаривают — его «делают».

Вибрация #6 — пропагандизм. Кем бы ни был перестройщик по профессии — он всегда представитель отдела агитации и пропаганды. Чего он хочет от ситуации? Чтобы ему сказали: «Фас!». Чтобы показали: «Вот

враг. Вот она, большевистская гадина». Именно враг и именно гадина. Не носитель спорных позиций или заблуждений, не обладатель парадоксальных альтернативных идей — враг. А поскольку враг, то с ним можно делать всё, что угодно. Его можно шельмовать, как угодно. Всё, что угодно, извращать. Как угодно мухлевать, говоря о совести. Ведь это же война! Это не танцы-шманцы. История — не тротуар Невского проспекта. «Ша, мы делаем»!

Вибрация #7 — стрельба по хорошо привязанным мишеням: «Я могу всё, а ты ничего». Перестройщик почему-то уверен, что никто к нему его технологий не применит. Это глубоко антихристианская по своему культурному духу вибрация. Нет никакого «не пожелай ближнему того, чего себе не желаешь».

Вибрация #8 — освобождение себя от хи-

меры под названием «совесть». Рекламировать себя как абсолютную моральную инстанцию — ради бога! Обсуждать других как бессовестных — тем более. Произносить «совесть» на каждом шагу... А как без этого?

Но совесть предполагает единство критериев, применяемых тобою к себе и к другим. А это невозможно для перестройщика. И тут вибрация #8 и вибрация #7 тоже мультиплицируют. Почему невозможно-то? Потому что тот, с кем работают и кого «делают», — не ближний. Он вообще не человек, он большевик. А раз так, то тебе можно всё, а ему ничего. Словом, нет не только Христа, но и Канта.

Вибрация #9 — воспалённая ассоциативность. Перестроечный публицист хочет казаться чуть ли не учёным, но работает он всё время не с логическими, а с ассоциативными связями, причём глубоко произвольными.

То, что я говорю, вызывает у Ципко ассоциацию с репрессиями... А потому... и так далее. А я вот, например, если у меня возникает произвольная (в духе школы сюрреалиста Андре Бретона) ассоциация Ципко с поленом, никогда не буду её репрезентировать в тексте, претендующем на логику, да и в жизни применять не намерен. Например, засовывая в печь уважаемого мною Александра Сергеевича, я не завоплю: «А вы, гады, нашего Лазо куда засовывали?!» Мне стыдно станет, перестройщику — никогда. Он о совести всё время говорит, но стыда в нём нет никакого. То есть вообще никакого. И это глубоко закономерно. Какой тут стыд, если речь идёт об активизации внутрисистемного Танатоса! Это — из другой оперы. Воины перестройки освобождены от «химер» совести и стыда. Это вам ничего не напоминает?

Вибрация #10 называется «и потому». Строится она так: «Я порядочный человек, имярек негодяй, И ПОТОМУ я буду делать, как имярек». Как иронизировали ещё в XIX веке, — человек, мол, произошёл от обезьяны, И ПОТОМУ все люди братья... Типичная перестроечная логика! Она не формальная, не диалектическая. Она танатическая: «Кургинян зовёт к репрессиям? Ну, не он, а его сообщники. Ведь если эти сообщники не говорят прямо, как они без этого обеспечат мобилизационное развитие, — то, наверное, зовут к репрессиям... Раз «наверное» зовут, то значит и наверняка. А раз наверняка зовут, то негодяи. А значит, и Кургинян негодяй. Да что негодяй! Раз репрессии, то он — Вышинский. Вышинский — абсолютный негодяй. Я должен спасти мир от абсолютного негодяя Кургиняна, И ПОТОМУ я, как абсолютно по-

рядочный человек, буду действовать так, как абсолютный негодяй Вышинский».

Вибрация #11 — отсутствие даже тени чего-то, напоминающего ответственность. Нет ответственности за других (ты зовёшь к дебольшевизации — что будет с твоим народом?). Но нет ответственности и за себя, своё прошлое, свой Путь. Это, наверное, важнее всего. Потому что Путь — это суть и фундамент социальной метафизики. Скажи мне, как ты относишься к Пути, — и я скажу тебе, какова твоя метафизика.

Каждый человек имеет право строить свою жизнь так, как хочет. Но нет права в отрыве от ответственности. Строя свою жизнь определённым образом, человек отвечает за сделанный выбор. Построенная определённым образом жизнь — это выбор. Человек, построивший определённым образом жизнь,

должен сказать себе и другим: «Это МОЯ жизнь. И я за эту, мною ответственно прожитую, жизнь — отвечаю».

Человек может этой жизнью гордиться. Он за право гордиться платит определённую цену, иногда весьма высокую.

Человек может стыдиться прожитой жизни или её части. Он может страдать, сходить с ума по этому поводу. А как же! Он служил «большевистской химере»? Как он мог?! Он соучаствовал в зле, не по назначению использовал драгоценный дар — жизнь и её ВОЗМОЖНОСТИ.

Но человек, испытывающий подобные чувства, не может не отдавать себе отчёт в том, что это ОН, ОН САМ использовал не по назначению дарованные ему вместе с фактом жизни ВОЗМОЖНОСТИ.

Это ОН, данный человек, использовал

часть СВОЕЙ жизни не по назначению! А раз это сделал ОН, то что-то в нём не так. И человек начинает, осознав это, вести себя ответственно. Он осознаёт, что НЕЧТО в нём (не вне него, а в нём) дало сбой и породило ошибку. И тогда он сосредотачивается на самом себе. Он спрашивает себя: «А что же есть это НЕЧТО?»

Он не сразу себя об этом спрашивает.

Сначала он просто признаёт, что часть его пути была неправильна. Уже это очень трудно. Человек шёл-шёл, а потом должен сказать себе: «А ведь я неверным путём шёл». Он должен суметь это сказать, суметь увидеть неправильность и признать её. Великий, решающий шаг к исправлению. Но не единственный.

Затем он приходит к выводу, что внутри него есть некий механизм сбоя, приводящий к

тому, что он пошёл неверным путём. Что это ЕГО механизм сбоя. Что он находится внутри ЕГО личности, а не где-то вне неё. Что не злые силы волокли его неверной дорогой, а сам он пошёл не туда.

Очень трудно придти к такому выводу. Да и не всегда он абсолютно правомочен. Невинного человека взяли и в юном возрасте в тюрьму ни за что посадили. Это что, он сам выбрал путь в зону, или его туда пихнули? И почему он должен за это отвечать?

Но в принципе человек за всё случившееся должен отвечать сам. А такие случаи, как тюрьма для невинного юноши, — это аномалия. В определённые страшные эпохи очень частая аномалия. Но аномалия. Норма же состоит в том, что человек в существеннейшей степени идёт тем путём, которого хочет. И если он потом понимает, что он хотел не того,

так это ОН хотел не того. Точнее, что-то в нём этого хотело. И это что-то — внутриличностный механизм сбоя.

И вот только тогда начинается познание этого механизма сбоя. Человек сосредотачивается на себе. На себе, а не на других. И начинает постигать своё «я», просвечивать себя рентгеном, исследовать под микроскопом. Подобное исследование не должно превращаться в пустое самокопание. Человек не вообще любопытствует. Он ищет этот самый механизм сбоя, это скрытое повреждение. Он может всю жизнь искать и не найти. Он может не получить доступа к технологиям самопознания, позволяющим осуществить такой поиск. Но если он пробился к этим технологиям, использовал их правильно и нашёл повреждение внутри себя, то и это ещё не всё.

Затем начинается работа по исправлению

повреждения. Ведь мало обнаружить механизм сбоя, его ещё надо ликвидировать. Сделать это можно, только опершись на альтернативные ресурсы в собственной личности. Поди ещё нащупай эти ресурсы! И если нащупал — обопрись на них! Сооруди на этой территории нечто для работы с имеющимся механизмом сбоя. Используй это нечто правильным образом и добейся результата.

Иногда человек делает это с помощью религиозного Учителя.

Иногда он это делает с помощью очень мудрого и профессионального психолога.

А иногда он делает это сам. Это бывает очень редко, но бывает. Начинается всё обычно с какого-то потрясения. Подобное потрясение и всё, что за ним последовало, подробно описал великий Чехов в рассказе «Дуэль». Чехов не был почвенником, сторонни-

ком «особого русского пути». Он оппонировал по этому вопросу таким великим (и очень разным) сторонникам особого пути, как Достоевский и Толстой. Чехов был настоящим патриотом России и одновременно либералом и западником. Не провалившиеся деятели февраля 1917 года, а гений Чехова указует путь каждому, кто захотел стать в России либералом и западником, оставаясь патриотом.

Ну, так вот, в «Дуэли» главный герой, Лаевский, идёт по жизни неверным путём. Идёт в направлении фундаментальной человеческой катастрофы. Он при этом непрерывно рассуждает, всем и всеми недоволен. А сам на полных парах движется к человеческой гибели. Наконец, он подходит к ней вплотную — и что-то происходит. Лаевский понимает, что шёл неверным путём, поворачивает в самый последний момент и... и АБСОЛЮТНО

МЕНЯЕТСЯ.

Чехов блестяще описывает это изменение. Лаевский перестаёт красиво говорить, углубляется в себя, приобретает какую-то несвойственную ранее нерешительность и неловкость. Чехов тончайшими средствами раскрывает суть этой неловкости. И вдумчивый читатель понимает — Лаевский так поглощён поиском этого самого механизма сбоя и возможностью его исправления, что ему не до внешнего. Ему надо нечто исправить в себе самом и начать новую жизнь. Точнее — одновременно начать новую жизнь и исправление. Одно без другого не бывает. Это и есть метафизика Пути.

Перестройщик же действует в рамках другой — альтернативной и антагонистичной такой ответственности за свой путь — метафизики.

Да что там Лаевский! Мы же говорим о разного рода «де»: дебольшевизация, денацификация... И кто-то призывает к омерзительной для меня дебольшевизации, ссылаясь на денацификацию. Этот «кто-то» хочет дебольшевизации для других или для себя? Ципко меня будет дебольшевизировать или себя? Никогда не приму никаких уравниваний большевизма с нацизмом, но раз кому-то неймётся, то в качестве «задачи на понимание» и это могу использовать.

Есть прекрасный фильм Стенли Крамера «Нюрнбергский процесс». Его герой — вошедший в нацистскую элиту судья Эрнст Янинг — вдруг понимает, что выбранный им путь абсолютно ошибочен. Он признаёт эту ошибку. Он не говорит: «Они ошибались». Он говорит: «Ошибался я». И следом за этим признанием он испивает чашу до дна. Он полу-

чает пожизненный срок. Он оказывается изгоем среди остальных, абсолютно нераскаявшихся, подсудимых. И он становится другим. Он, гордый интеллектуал, зовёт давшего ему срок провинциального американского судью, и как школьник, говорит с ним о своей ошибке. . .

То, что Чехов описывает словами, герой фильма делает всей полнотой данных кино тотальных средств выразительности. Походка, манера, пластика, интонация. Выжидательная вопросительность. Человек понял, что большую часть пути шёл абсолютно не туда. Что не кто-то вёл его не туда, а он сам шёл не туда. И теперь надо поворачивать и нести ответственность. Все ресурсы человеческой личности направлены на поиск механизма сбоя. То есть вовнутрь, а не вовне. Осознать свою ошибку — это не бесплатное удо-

вольствие. Тут уж не до поучения других. Надо самим собой заниматься. И, признав ошибку, отказаться от права поучать других.

Как ты можешь поучать кого-либо, если сам так ошибался? И ведь, признав ошибку как СВОЮ ошибку (а как иначе?), ты, продолжая учительствовать, становишься просто смешон. Это понимает Эрнст Янинг. Но не Ципко.

Александр Сергеевич Ципко родился 15 августа 1941 года в Одессе.

В 1963 году он вступил в КПСС. Ему было 22 года. Его в КПСС тянули на аркане? Мой отец вступил в КПСС под Ельней в 1941 году. Мать, работая на гуманитарной ниве (Институт мировой литературы Академии наук СССР), не только не вступала в КПСС, она в страшном сне не могла бы об этом подумать.

Александр Сергеевич вступил в КПСС

по собственной воле. Это его ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР. Но это же ЕГО жизненный выбор! И он за него отвечает.

В 1968 году Александр Сергеевич Ципко окончил философский факультет МГУ. Все даты, которые я привожу, взяты из его официальной биографии. Если верить этой его официальной биографии, он с 1965 по 1967 год работал в газете «Комсомольская правда». А с 1967 по 1970 год — в аппарате ЦК ВЛКСМ. То есть, ещё не окончив философский факультет, он уже работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Прошу прощения у Александра Сергеевича, если я пользуюсь неверными данными. Но это официальные данные.

Мы все жили в 1968 году. И знаем, что страшные дяди не приехали на чёрных воронках к Александру Сергеевичу, что они не скрутили ему руки и не приволокли на фи-

лософский факультет МГУ. А также в газету «Комсомольская правда» и в аппарат ЦК ВЛКСМ. Что его в этот аппарат не заперли зловещие силы, что он не был лишён возможности альтернативного самоопределения. То есть выбора другого жизненного пути. Что этот путь ему не навязали.

Конечно, время всегда навязывает какие-то рамки. Но оно не лишает свободы. По крайней мере, в 1968 году. Это Александр Сергеевич Ципко САМ РЕШИЛ пойти в «Комсомольскую правду», на философский факультет МГУ и заняться философскими основаниями социализма. Это он САМ РЕШИЛ пробиться в ЦК ВЛКСМ. Или, по крайней мере, согласился на сделанное предложение. А мог бы не согласиться.

19

Итак, своё самое дорогое — молодые годы жизни — Александр Ципко отдал ЦК ВЛКСМ. Отдал добровольно. А я не отдал. И тоже добровольно. Вы когда-нибудь бывали в ЦК ВЛКСМ? Вы видели функционеров ЦК ВЛКСМ? И вы понимаете, что захотеть быть вместе с ними — это жизненный человеческий выбор? Система не требовала, чтобы человек стал частью её. Человек мог только сам захотеть стать частью системы. И надо

было очень захотеть. А также суметь. И заплатить за это соответствующую моральную и экзистенциальную цену.

В ЦК ВЛКСМ бывали вполне приличные люди. Но эти люди почему-то хотели стать частью системы. Потому ли, что они верили в неё. Или из конъюнктурных соображений. Но когда люди НЕ ХОТЕЛИ становиться частью системы, видя в ней, например, зло, то они и НЕ СТАНОВИЛИСЬ. По хорошо известному принципу: «Почему верблюд не ест селёдку? Не хочет и не ест».

Ципко «съел селёдку» потому, что он ХОТЕЛ её «съесть». И он не однажды «оскоромился», он «ел» эти «селёдки» одну за другой.

С 1970 по 1972 год А.Ципко учится в аспирантуре философского факультета МГУ.

С 1972 года с перерывами работает в Ин-

ституте экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР (ныне — Институт международных экономических и политических исследований РАН). Не знаю, как другие, но я родился в Москве и вырос в гуманитарной семье. И для меня такая биография — как открытая книга. Я не хочу сказать, что это плохая биография. Это абсолютно системная биография.

В этой биографии есть ещё более системное звено. Когда Ципко с 1978 по 1981 год работал в Институте философии и социологии в Варшаве. Мы же не на Луне в это время жили. И понимаем, что это суперсистемный фрагмент системного пути. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. А скептики, которые пожмут плечами и скажут: «Да всё бывает в жизни», — должны соотнести это звено с предшествующими и последующими.

И честно признать, что так бывает только тогда, когда люди хотят, чтобы так было. Когда ответственно и продуманно выбирают определённый жизненный путь.

Путь Ципко, выбранный им по собственной воле, привёл его в аппарат ЦК КПСС, в ядро системы, в её святая святых. Этот путь сделал Ципко не только консультантом Международного отдела ЦК КПСС, но и ещё более крупной фигурой.

И что хочет сказать Александр Сергеевич Ципко? Что за это вхождение в ядро системы не надо было платить высочайшую цену? Что можно было войти в ядро, не стремясь туда? Или что его туда на аркане приволокли некие «вертухаи с овчарками»?

С 1988 по 1990 год Ципко — перед этим оперившийся консультант Международного отдела ЦК КПСС — работает аж помощником

секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева... Помощником по теоретическим вопросам!

Вряд ли есть наивные люди, которые могут не понимать, что это значит. Это значит, что Ципко под эгидой всесильного тогда (и знавшего толк в кадрах) Александра Николаевича Яковлева начинает разгром той самой системы, которой он посвятил 25 лет жизни. На этот момент он находится в ядре партийной элиты. И осуществляет разгром особым образом — изнутри. Это не бесплатное с моральной точки зрения занятие. Особенно для тонкого и неглупого человека, каковым Александр Сергеевич, безусловно, является.

Из партии Александр Сергеевич Ципко выходит в 1990 году. Он не с белым билетом вылетает из неё в 1970 году за нонконформизм. Он в 1990 году, когда от неё бегут, как от чумы, гордо покидает ряды, назвав боль-

шевизм, который восхвалял 25 лет (а что он ещё мог делать в системе?), главной причиной исторической трагедии России XX века.

Чем по своей биографии Ципко отличается от Янинга, упомянутого мною ранее героя фильма «Нюрнбергский процесс»? Янинг кается и замолкает. Его подельники не каются и «режут правду-матку». Ципко же, сам не кается (в отличие от Янинга). И не замолкает (в отличие от Янинга). Он начинает проповедовать обратное тому, что проповедовал, когда был частью системы. И без всякой оглядки на своё прошлое.

Но, может быть, Ципко хотя бы в момент выхода из КПСС заплатил за этот выход какую-то цену? Может быть, он хоть на короткое время схлопотал «белый билет», стал работать кочегаром? Ничего подобного не произошло. Ципко после очень свое-

временного, мягко говоря, выхода из КПСС стал аж заместителем директора того Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР, в котором работал прежде. И в этом благополучно-привилегированном статусе начал учить нас ненависти к большевизму, встав в позу чуть ли не жертвы оного.

Казалось бы, если 25 лет своего — да-да, своего собственного! — жизненного пути были ошибкой, поклонением злу, то ещё 25 лет надо искать механизм сбоя, приведший к тому, что ты сделал эту ошибку. А не учить других. Не тут-то было!

Роль Александра Николаевича Яковлева в жизни страны понятна. Он ломал ей хребет, понимая, чем это кончится. И добился цели. Но он всегда потом говорил, что хотел этого. Всего целиком! Развала КПСС, развала си-

стемы, развала страны под названием СССР.

А вот Ципко через какое-то время начинает яростно проклинать развал СССР и преступные силы, которые его осуществили. Он имеет в виду Яковлева? Себя? Кого?

Ципко-1 — это функционер коммунистической системы.

Ципко-2 — это активист системы радикального перестроечного антикоммунизма, то есть некоего информационного шабаша, управляемого из кабинета его шефа и приведшего к распаду СССР.

Ципко-3 — это почвенник и защитник СССР (а как же ненавидимый Красный проект?).

Ципко-4... Ципко-5...

Что это всё такое?

Теперь Александр Сергеевич Ципко люто ненавидит проекты, которые он называет ле-

выми. Но левизна у него — понятие слишком растяжимое. Виталий Третьяков оказался заподозрен им в любви к Константину Леонтьеву. Но Константин Леонтьев... как говорят в таких случаях на разных языках мира, «правее только Чингисхан». Ан нет... Видите ли, Леонтьев антибуржуазен — и Ленин антибуржуазен... И потому — что Ленин, что Леонтьев. Это называется «кто не с нами, тот против нас».

А вы-то кто? -1, -2, -3... -25... -134...

У меня с Глазычевым или Юрьевым ничуть не больше общего, чем у Ленина с Леонтьевым, но Ципко и тут улавливает связь. Кстати, скептики, которые упрекали меня за излишнее внимание к статье Ципко в «какой-то там Литературной газете», после статьи того же автора в «Российской газете», где он разносит Виталия Товиевича за антибуржу-

азный уклон, звонили и извинялись. Ну, куда уж дальше в сторону официоза! «Российская газета»... Аналог газеты «Правда» эпохи Ципко-1...

Но под каким номером идёт Ципко, которому нравился проект «Русской доктрины», изданной Андреем Кобяковым и Виталием Аверьяновым? Это Ципко-3? Ципко-4?

Поскольку я уже запутался, то предлагаю другую индексацию. Это Ципко-2005. Именно тогда был обнародован проект «Русская доктрина». Ципко-2005 назвал проект Кобякова и Аверьянова — событием, следующим по важности за знаменитым сборником статей российских публицистов и философов «Смена вех», а его авторов — будущей национальной элитой.

Авторов соседних проектов Ципко-2008 подразделяет на «людей или слабых, боль-

ных душой, или откровенных шарлатанов». Не означает ли это, что Ципко-2008 рвёт в клочки Ципко-2005?

Я плохо знаю Аверьянова. Но Кобякова знаю хорошо — это умный, милый, патриотичный человек. Однако его «Русская доктрина» вполне могла бы быть порвана в клочки Ципко нынешнего образца. Ибо она преисполнена всех тех «недостатков», которые Ципко-2005 казались достоинствами. Доказать это текстуально так же просто, как отнять конфету у ребёнка. И потому вряд ли стоит этим заниматься.

Гораздо важнее уловить смысл политического таинства, превратившего Ципко-2005 в Ципко-2008. Таинство это называется «перестройка-2». Ципко её чувствует и ржёт, как боевой конь при звуке неояковлевской трубы. Что за труба-то? Аналитик элиты мо-

жет о чём-то догадаться по списку «негодяев», который составляет Ципко-2008. Ципко-2008 знает, что Ципко-2005 мог бы легко попасть в такой список. И поэтому он хочет вовремя из списка выпрыгнуть. Люди, прошу вас, доверьтесь нюху Александра Сергеевича Ципко! И поверьте мне, что я не о мелочах говорю, не об отдельных демаршах отдельных личностей. Я о тенденции говорю. О ТЕНДЕНЦИИ!

Ципко филигранно составляет список «негодяев». Не буду указывать на очевидные лакуны. Любой, кто прочитает внимательно, их обнаружит. Ох, как Ципко комически аккуратен! И в этой аккуратности — ещё одна (сбился уже со счёту, какая... ах да, *12-я!*) вибрация перестройки — улавливание тенденции! Перестройщик дерзко бьёт по тому, что не вписывается в тенденцию. А по тому,

что вписывается, не бьёт. Как никак, школа ЦК КПСС. Как говорил мне один высокий партийный журналист, в «Правде» работают не по директивам. Директивы — это для «Сельской жизни». В «Правде» работают ПО ТЕНДЕНЦИЯМ. Когда нет логики (мешанина правого и левого, коктейль из ничем не связанных между собой имён), нет последовательности (критикую нечто, неотличимое от того, что сам же вчера расхваливал), но есть определённая псевдоморальная исступлённость — то это перестроечная вибрация. Улавливайте — и предуготовляйтесь.

А ещё одна такая вибрация (*13-я* по счёту) — характеризуется сакраментальным словечком «не нравится». «Нравится»... «не нравится»... Люди вроде бы политологией занимаются, а ведут себя, как невесты на выданье. Я не жених Ципко, чтобы ему нравить-

ся... Между тем, оперирование вышеназванным «нравится, не нравится» — не прерогатива отдельного человека. Это коллективная мода, она же вибрация.

Марк Урнов, с которым я когда-то дискутировал по телевидению (и который, по моему мнению, и умный, и вполне порядочный человек), не имея аргументов в споре, с неподражаемым видом сказал мне, что ему нечто не нравится. Ну, скажи, что противник не прав, вскрой содержание этой неправоты... Ах нет, «не нравится»! Вы вообще-то понимаете, что это значит? Даже Лигачёв — и тот говорил Ельцину: «Борис, ты неправ». Он же не говорил ему: «Борис, ты мне не нравишься».

Искусствовед или театровед — и тот не имеет права сказать «не нравится». Он должен оценивать объективные эстетические до-

стоинства и недостатки, хотя речь идёт о такой субъективной вещи, как искусство. А тут люди называют себя учёными! Учёными! И упоённо оперируют словечком «не нравится». Ну, напечатайте в «Литературной газете» (и уж тем более, в «Российской») крупными буквами: «Граждане России! Знайте, что Ципко не нравится то-то и то-то!» Граждане кивнут головой и проникнутся.

Вибрация #14 — это... Ну, как бы сказать помягче... Фундаментальная неделикатность. «Не нравится» — это, знаете ли, такая особая «фенечка». Синоним понятия «сволочь». «Не нравится» — это зачин. Вам сказали, что вы «не нравитесь»? Сейчас вам начнут рассказывать, какая вы сволочь. И не просто сволочь. Вы — человек, лишённый совести. Доказательства не нужны. Поскольку Ципко — это абсолютный камертон совести

(смотри описанную мною биографию), то ему виднее.

Но мало сказать «нет совести», надо ведь и порассуждать на эту тему. А аргументов — нет. Тогда их заменяют ассоциациями.

Ассоциативность — это вибрация #9 в моей классификации. Я её уже описал. Почему у меня нет совести? Потому что Юрьев якобы не хочет, чтобы русские изучали иностранные языки. А я ассоциативно напоминаю Ципко Юрьева.

Однако всё не исчерпывается ассоциативностью как таковой! Вибрация #9 («мне кажется, что похож на...») сплетается с вибрацией #13 («мне не нравится») и с вибрацией #14 («раз мне не нравится, то сволочь»). Такая мультипликация даёт вполне однозначный результат. Строятся «антипартийные группы». Тут хоть Афанасьев, хоть

Ципко — это одна и та же «дженерейшн». Партноменклатура, ставшая авангардом дебольшевизации.

Антипартийные группы... Их произвольным образом создают те же люди, которые проклинают Сталина как создателя этих самых (как им кажется, произвольных) антипартийных групп. А также Гайдара, который, как им кажется, похож на Сталина. Но им никогда не покажется, что они сами похожи и на Гайдара, и на Сталина — причём в их собственном описании.

Люди эти ссылаются на какие-то эталоны (ну, Струве, или кто-то ещё...). Если бы эти эталоны, воскреснув, могли прочитать тексты тех, кто к ним апеллирует... Тех, кто называет себя западниками и индивидуалистами, и одновременно закатывает истерики в стиле шельмования произвольно объявляемых ими

«групп» (а рекомендуемая западниками индивидуализация каждого случая? а доказательность?).

Демонтаж высоких западных норм осуществляется под аккомпанемент их истеричного восхваления. Альбац хочет быть западницей и носителем западных норм. А люди, преподающие журналистику в Гарварде, публично говорят, что её метод диалога с собеседниками — это набор примеров попрания всех норм западной журналистики. И что они будут на этих примерах — как нельзя делать — учить своих студентов.

Скажут: «Так то Альбац, а не Ципко». Извините, я не о людях, — о нормах. Я и в Альбац вижу симпатичные человеческие качества, например, хоть какой-то нонконформизм (штука редкая у нас сегодня, увы). И Ципко совершенно не собираюсь демонизиро-

вать. А главное, меня люди в данном разбирательстве вообще не интересуют. Меня интересуют вибрации.

Лишь посему продолжаю заниматься «политической сейсмологией».

Итак, вибрации...

Если вы следите за тем, как они накладываются друг на друга, у вас не может не возникнуть потребность в каком-то объяснении таких психологических «дифракций и интерференций». За объяснением я предлагаю обратиться уже не к Чехову, а к Достоевскому. Конкретно, к «Запискам из подполья».

Источники вибраций, они же актив перестройки, слишком долго жили двойной, подпольной, жизнью. Они уже не могут жить иначе. Они впитали в себя определённые стереотипы подпольного поведения, и воспроизводят их уже автоматически, полубессозна-

тельно. Вчера они знали, что ненавидят Ленина, но отрекомендовывались верными ленинцами. Сегодня они знают, что Струве к ним никакого отношения не имеет, но отрекомендовываться будут, апеллируя к Струве. Держать в руках некое знамя — и ненавидеть его... Не в этом ли общий корень всех исследуемых мною вибраций?

Вибрация #15 — патент на любовь к народу. Патент выписывают себе сами перестройщики. Александр Сергеевич Ципко сам наделяет себя правом судить, кто любит русский народ, а кто нет. При этом он, конечно же, любит. А его оппонент, конечно же, не любит. Доказательства, опять же, не нужны и даже вредны.

Предположим, кто-то сказал, что «Россия — сука». Если этот «кто-то» свой, если он «нравится» и, соответственно, не «сволочь»

(тут нужно добавлять дату: «нравится-2008», «сволочь-2008» и так далее), то он это сказал от избытка любви к России. От боли за неё. А также по причине своей бескомпромиссности, своего гордого нонконформизма, своей прямоты, готовности говорить правду-матку и так далее.

Ципко, например, фактически говорит, что русский народ — это вор, который всё разграбил и в 1917, и в 1991 году. Но он это делает от любви к русскому народу. А также по причине наличия в нём, Ципко, других вышеуказанных благородных качеств.

В конечном итоге оказывается, что каждый, кто восхваляет русский народ (приписывает ему, знаете ли, какую-то там жертвенность, мессианство), его ненавидит. А каждый, кто народ хлещет по щекам, называя «шариковым» или вором, — его любит.

Так сказать, выражает своё нутряное чувство страдания по поводу недостатков любимой страны.

В итоге, конечно, окажется, что больше всех русский народ любит Новодворская. Но, во-первых, если нечто, неудобное для перестройщика, вдруг «окажется», то перестройщик этого не заметит. Или назовёт казуистикой. А во-вторых, мало ли что когда «окажется»? А ну как для Ципко-2009 Новодворская станет идеалом? Или наоборот, какой-нибудь ультрапатриот? В 2009 году узнаем...

Но может быть я что-то приписываю Ципко?

Может быть, он не говорил о шарлатанах и людях без совести?

Не говорил о некоем «сообществе» (в котором я, по его мнению, занимаю важное место) — как о людях, собирающихся бросать

русский народ в очередную мясорубку?

Может быть, это я поминал всуе предков Ципко, а не он моих?

Увы, я-то как раз оперирую конкретными высказываниями, а не произвольными ассоциациями. И я не просто оперирую этими высказываниями. Я хочу добраться до чего-то крупного, что маячит за ними. И лишь потому продолжаю скрупулёзно анализировать.

Мне нужен не Ципко. Мне нужна феноменология и логика «перестройки» (-1, -2, -3 и так далее). Это не формальная, не диалектическая, не парадоксальная, а иная логика. Но это логика. И важно понять, какая. В этой логике (читайте Ципко о Красном проекте), если я рассуждаю о Красном проекте, то явным образом хочу запихнуть русский народ в кровавую мясорубку, завершая (Ципко и до этого договорился) дело своих предков. О предках

чуть позже. А пока — об этой самой народофобческой мясорубке.

Коммунистическая партия Китая, которая осуществляет мобилизационный проект (ни один сумасшедший сегодня не будет лишать мобилизационный проект рыночной периферии — глобализация не позволит) тоже народофобствует и крутит эту самую мясорубку?

А все остальные (некоммунистические) мировые авторитарные модернизации — это тоже свидетельство нелюбви лидеров и политических систем к своим народам? Южнокорейские лидеры свой народ не любили, сингапурские — свой народ не любили. Наполеон — французов не любил. То, что Пётр Первый не любил русских — понятно. Но Линкольн не любил южан, а значит, и народ американский... В итоге выяснится, что свой народ

любит только Ципко. А также те, кто ему нравится. А кто ему нравится — поди угадай. Ему сегодня нравятся одни, а завтра другие.

Скажут — улавливайте так же чутко тенденцию. А если я не работал в ЦК КПСС, то что мне делать? Ещё мои друзья по ЦК КПСС (отличные люди, широкие, культурные, ироничные) говорили мне, что не надо ругать «цекизм» вообще, что есть «цекизм» и «ципкизм». И что «ципкизм» — это отдельная разновидность «цекизма». Я не верил. А после такого неслучайного шедевра начинаю верить. Но всё равно приобщиться уже не могу — поздно. Надо только ждать, когда кому не понравлюсь, и заранее посыпать голову пеплом.

Вину за перестроечный смрад возложили на интеллигенцию. Не хочу сказать, что она была абсолютно безвинна. Она, конечно, со-

участвовала в уничтожении народа и самой себя. Но... но причём тут интеллигенция? А также интеллигентность? Интеллигентность — это совокупность очень важных и ценных человеческих качеств. При этом одно из таких качеств, безусловно, скромность. Я не хочу сказать, что интеллигентность — это высший идеал и средоточие всех достоинств. Но это... Это опять же Чехов. Чехов интеллигентен. А Достоевский нет.

Написать в статье, что Проханов не патриот, а ты патриот — интеллигентно? Перестройка не интеллигентна — она антиинтеллигентна. И может быть, вся её суть в этой глубочайшей антиинтеллигентности. «Перестройка» — это война с любым и всяческим тактом, скромностью, чувством меры, внутренней сдержанностью. «Перестройка» — это апофеоз бесцеремонности. Ведь в принципе,

казалось бы, есть предел этой самой бесцеремонности, через который никакой вменяемый человек (да и никакой вменяемый печатный орган), не может перешагнуть. Ну, не стану я говорить о семье Ципко. Пусть Ципко говорит, а я не стану. Я о семье Ципко говорить не буду, он о моей — будет. Причём бессмысленно, безграмотно, предельно некомпетентно. Так, что возникает странное чувство... А может, это и не Ципко говорит, а кто-то ещё? Может, это кому-то другому неймётся?

Ведь неймётся же! Ох, как неймётся!

Впрочем, о том, как именно неймётся, — позже. Я, может, и Ципко-то занялся для того, чтобы перебросить мост к этой теме. А пока — об этой самой бесцеремонности и безграмотности, за которой маячит нечто другое. Если бы не маячило — слова не сказал бы.

Ципко, упражняясь в перестроечной логике, говорит, что Егор Гайдар, как «необольшевик», продолжил большевистское дело своей семьи. И что ваш покорный слуга поступает таким же образом.

Во-первых, я не вижу ничего плохого в том, чтобы продолжать дело своей семьи, своего рода. Почему это чудовищный большевистский (или — азиатский) атавизм? Это то свойство британской, например, аристократии, которым я восхищаюсь. И не только британской. И не только аристократии. Буржуазные семьи тоже на этом становились атлантами, держащими на своих руках великие государства. Враги советского общества говорили о том, что пролетариат лишён семейной традиции, и потому он хам. Так что, теперь оказывается, что морально быть хамом?

Кроме того, пролетариат никогда не был

лишён семейной традиции. Я не поклонник Кочетова (то есть совсем не поклонник, нельзя быть одновременно поклонником Томаса Манна и Кочетова). Но то, что он описал в «Семье Журбиных», очень близко к тому, что я наблюдал в семьях высококвалифицированных питерских рабочих. Между прочим, это и называлось «рабочие династии». И они были.

В доиндустриальном обществе (аграрном, например) род — это всё. И семья — это высшая ценность. Если мне что-то и понравилось в Гайдаре, так это то, что он не стал говорить, что его дед сволочь, не стал открещиваться от семейной традиции. В этом он повёл себя как человек, а не как падаль. Как человек, а не как падаль, повёл себя Серго Берия, написав о своём отце. А как падаль повёл себя герой фильма «Покаяние», выкинув отца из

могилы.

Были люди, которые вступали на путь конфронтации со своими семьями. Но это мучительный путь для людей, не лишённых идеального. И обычно на этот путь становились очень последовательно революционные люди. Те, кого ненавидит Ципко. Они-то как раз рвали с семьями, но ради высшего идеала. И, разрывая (причём мучительно) семейные узы, никогда не переходили грань, за которой человек превращается в падаль. А где находится эта грань, указал Шекспир устами тени отца Гамлета. Тени, дающей уроки сыну.

Двадцать лет активных занятий политикой научили меня улавливать нечто недоартикулированное: невнятное, но существенное. К разряду таких «невнятных существенностей» относятся появляющиеся время от времени странные, не лишённые адресности, ис-

терики. Они отличаются от всех собственно перестроечных вибраций.

Чем отличаются? Это трудно сформулировать. Тем, что более невнятны и одновременно как бы более основательны. В общем, отличаются, и всё. Источник (или источники) этих странных истерик мне почему-то хочется назвать «бэкграундом перестройки». Не собственно «перестройкой» (-1, -2, -3 и так далее), а именно бэкграундом. У истерик, о которых я говорю, есть что-то наподобие внутренней структуры. Они построены по бихевиористскому принципу «импульс — реакция».

Импульсом всегда является очередное обсуждение Красного проекта. Чаще всего такое обсуждение производится на страницах газеты «Завтра». Я могу участвовать в этом обсуждении или нет. Но если оно идёт, то рано или поздно обсуждающий выходит на

некий метафизический уровень... Ну, Богданов и его «Тектология», богостроительство, Фёдоров, Вернадский... И так далее.

И вот тогда — ответная реакция... Обличительные сюжеты о «мерзких опытах Богданова по скрещиванию людей и обезьян»... А также прочая чушь. Но не она одна. Более или менее явно затрагиваются те самые «дела семейные», на которые намекает Ципко.

Идя по ложному следу, Ципко, наверное, считает, что моя семья имеет некое сходство с семьёй Гайдара. Но это не так. Кстати, если бы это было так, то элитная субстанция, которую я называю «бэкграундом перестройки», никогда бы к теме моей семьи не обращалась. Но она обращается. И эти обращения становятся чем-то вроде симптома. Может быть, когда-нибудь я объяснюсь на эту тему подробнее. А сейчас скажу буквально несколько

слов, поскольку это очевидным образом перестаёт носить частный характер. Право, не хочется говорить, но приходится.

Ну, так вот. Если бы Ципко основательно ознакомился с биографиями моих предков, то с ним могло бы случиться какое-нибудь психическое несчастье. Поэтому я, заботясь о нём, говорю вкратце. «Дело моих предков» отнюдь не противоречит западной традиции в том виде, в каком её восхваляет Ципко. Когда мой предок по поручению Ивана Грозного исполнял миссию в Англии и хотел добиться династийной связи между царём Иваном Васильевичем и английским царствующим семейством, то вряд ли это было антизападным поступком, не так ли? И вряд ли это можно назвать свидетельством генетической склонности к большевизму (необольшевизму и так далее)?

Значит, Ципко имеет в виду что-то другое. И не один Ципко. Что именно? Вряд ли по линии необольшевизма была засвечена моя родственница Шушаник Кургинян... Разве что её дружба с Мартиросом Сергеевичем Сарьяном должна вызывать какие-то реминисценции по поводу большевизма?.. Но всё же вряд ли. Так в чём же дело? А в том, что в моём семейном древе (и это кому-то хорошо известно — вряд ли Ципко) есть некая графиня Бонч-Осмоловская.

Есть и более высокие аристократические семейства. Но волнует, видимо, всё же именно эта графиня. А точнее — два её родственника по фамилии Бонч-Бруевич. И не так даже тот, который был с Лениным, а тот, который руководил армейскими спецструктурами в Российской империи. И не только ими руководил, но и имел наглость рассылать шиф-

ротелеграммы, призывая военную спецэлиту под знамёна большевиков.

А поскольку в вопросе о военспецах и РККА никак не обойдёшь Троцкого (который, из песни слов не выкинешь, РККА и создавал, и возглавлял), то возникает особый комок претензий. Дополняемый разными обстоятельствами совсем уж нетривиального характера. Близость этого самого Бонч-Бруевича к Николаю Николаевичу Романову... Его вклад в арест Сухомлинова...

В последнее время (что характерно — на одном и том же телевизионном канале) всё чаще начинаются очень знаковые элитные игры. То этот самый Бонч-Бруевич появляется 23 февраля вкупе с Троцким под страшные проклятия авторов сюжета — видимо, призванные «повысить» авторитет Красной Армии и её праздника... То тема убийства

царской семьи совсем уж по-особому начинает обсуждаться — слишком уж упрощённо, глупо и оголтело... «Перестройка-2», как я уже показал, может быть только специфически белой. Но в чём тут специфичность?

Господа, играющие на этой клавиатуре! Чем более оголтело вы будете на ней играть, тем более внятным будет ответ. Все ваши апелляции к Юровскому и другим — слишком уж лукавы. Еврейские, кавказские и иные этнополитические слагаемые революции 1917 года абсолютно очевидны. Их не могло не быть. Но они имели бы нулевую результативность, если бы не было решающего русского слагаемого. И никуда вы его не денете. Будённый — не кавказец и не хасид. И Чапаев тоже. Бурлящий русский народ, народ, слагающий ядро империи (да и державы тоже), никогда и никто не мог бы силком

привести в «коммунистическое узилище». Народ, ушедший с фронта с винтовками и пришедший снова в Красную Армию... Народ, который не в демографической депрессии находился и не в состоянии полусонного потребительства...

Вы знаете, что этот народ принял ТОГДА Красный проект. И вы видите, что он ТЕПЕРЬ снова к нему приглядывается. Что все перестроечные радения (с их дальним и далеко не либеральным прицелом) не сумели «решить поставленную задачу». СССР — любим народом, который вы пропустили через перестроечную мясорубку. Создатели СССР имеют рейтинг, свидетельствующий об очень и очень многом. И никакие социологические лукавства ничего не в состоянии исказить, ибо слишком уж этот рейтинг зашкаливает.

Любой политический лидер, желающий

народной поддержки, будет так или иначе опираться на неосоветский электорат. Который — и это надо понимать — резко шире зюгановского. Путинский электорат — на 60 процентов является неосоветским. Просто Путин играл на неосоветском поле лучше, чем Зюганов, — современнее, ярче, точнее, конкретнее (вплоть до возвращения музыки гимна СССР). Да и возможностей у него, ясное дело, было больше. С годами неосоветский электорат только нарастает. Надежды на то, что молодёжь забудет и отвернётся от советского, — не сбылись.

Не может быть в России демократии (не только абсолютной, но и относительной) в сочетании с накалённым антисоветизмом. К тому же, антисоветизм с какой-то социальной востребованностью — это не либеральный антисоветизм, а белый. Причём «накалено-

белый». Со всеми вытекающими для нынешнего политического класса последствиями. Белая перестройка («перестройка-2»)... Что это такое? Это белый реванш, при котором белое антисоветское меньшинство (примерно 15 процентов электората) навяжет свою волю 30 процентам конформистского электората и 55 процентам неосоветского электората?

И что оно будет делать после того, как навяжет? Ведь навязать эту волю оно может только достаточно свирепыми репрессиями (той же «сталинщиной», которую оно проклинает). Объяснения, почему Сталин негодяй, а репрессии нужны, у этого меньшинства есть. Но они носят очень, очень особый характер. И любое введение их в оборот создаст предпосылки для быстрой гибели политического субъекта, затеявшего такую игру. Вместе со страной.

Итак, для успеха подобных репрессий нет никаких исторических предпосылок. Ни внешних, ни внутренних. Так может быть, успех и не планируется? Планируется провал? «Белые начинают и... проигрывают»? А вот что находится по ту сторону этого проигрыша — понятно. Не «красный реванш», а полная историческая катастрофа. Может, нужна именно она?

Так что вы навязываете новой властной конфигурации в целом и молодому лидеру, прежде всего? Что вы ему навязываете вместо развития? Белый дефолт по аналогии с тем, неизмеримо более щадящим дефолтом, который соорудил молодой Сергей Кириенко? Но тут-то всё не закончится скромным уходом с поста и последующей карьерой в атомной промышленности. Тут-то всё развернётся совсем иначе!

Вы играете в очень странные игры, господа. И поскольку эти игры столь странны и опасны, то какой-то разговор о них, видимо, назрел.

Итак, Красный проект был принят русским народом, а не инородцами, отщепенцами и антисистемными элементами. Это принятие не могло не вызвать у врагов Красного проекта специфического отношения к своему народу. У кого-то это отношение не переросло в ненависть к народу, а у кого-то переросло. Смысл параполитической игры Булгакова (прежде всего, в «Собачьем сердце») абсолютно понятен. Булгаков и не скрывал, о чём идёт речь.

Речь идёт о том, что русский народ — это «шариков», то есть недочеловек (человек-зверь, гилик). Сумасшедшие красные проектанты пытаются превратить гилика в психи-

ка или пневматика, делают операции. Они же работают с какими-то там «роковыми яйцами». А это всё — не просто от лукавого. Это противоречит фундаментальным основам бытия, коими для Булгакова однозначно являются основы сугубо гностические.

Белая трагедия состояла в том, что народ признал Красное. Кого-то эта трагедия привела к гностицизму, а кого-то нет. Но те, кого она привела к гностицизму, не могли не сделать из него фундаментальных политических выводов: «У такого народа нет перспектив». Да и впрямь — какие перспективы у народа как коллективного «шарикова»? Только назад в конуру, да и то дело не гарантированное... Испорченный гилик — это не просто гилик, а бесполезный урод.

Теперь представим себе, что в ядре «перестроек» (-1, -2 и так далее) лежит нечто

подобное. Разве не называли «шариковщиной» и «совком» всё советское? Разве не было в этом очевидных реминисценций указанного типа? Да, они не имели решающего характера. Потому что были очень сильно растворены в либеральных настроениях и рыночно-демократических ожиданиях. Но сейчас-то нет ни того, ни другого. А значит, «перестройке-2» придётся руководствоваться известной рекомендацией: «Хода нет — ходи с бубей». Она и ходит.

Делать подобные выводы на основе одной или даже нескольких статей Ципко — дело гиблое. И комическое. Но кто сказал, что речь идёт об одном Ципко? Речь идёт о потоке новых явлений. И только выявив этот поток, можно признать гипотезу о «белой перестройке» достойной рассмотрения или же, или же её отвергнуть. В науке негативный результат

— это тоже результат. Но нет науки без фактов. И я обязан эти факты предъявить, если занимаюсь наукой, а не сведением личных счётов с Александром Сергеевичем Ципко.

Не независимый интеллектуал Ципко, а все основные российские телеканалы в течение недели вели по своим гражданам прицельный огонь на поражение из антибольшевистских орудий всех возможных калибров. Судите сами.

14 июля, понедельник, 22.55, канал «Россия». Фильм «Штурм Зимнего. Опровержение». Очередная и ничего нового с собой не несущая раскрутка темы «большевики — немецкие шпионы». Тема дополнительно осложнена разного рода спекулятивными сюжетами (борьба Ленина с Троцким, финский «спецназ» Ленина и так далее). Используется привычный ход: то, что говорили большевики

о штурме Зимнего, абсолютная ложь... А НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЁ ОБСТОЯЛО ТАК...

Общество готово поверить, что большевики говорили ложь по поводу штурма Зимнего. Но насчёт того, что «на самом деле»... Почему общество должно верить, что на самом деле всё обстояло так, как это рассказывает телеканал «Россия» и режиссёр фильма — госпожа Галина Огурная? Тогда общество уже никому не верит. Или всем сразу. Или тем, кому хочется. Никаких доказательств по телевидению представить вообще невозможно.

Что такое доказательность в условиях идеологической борьбы — неясно в принципе.

Эксперты что-то говорят по телевидению? А что за эксперты? А кто им заплатил и на кого они работают? А почему надо считать, что это эксперты?

Архивные документы показываете? Кое-кто тоже врал по поводу того, что работал в архивах, и называл количество репрессированных. Потом оказалось, что их несопоставимо меньше. Чьи архивы? Почему надо считать, что это архивная подлинность, а не фальшивка?

Сталкиваете фильм Эйзенштейна «Октябрь» со своими ироническими комментариями? Это действовало двадцать лет назад. А теперь смотрят и говорят: «А что? Фильм-то клёвый! Может, и правда всё так и было?»

А если чей-то дед реально брал Зимний? И потом без всякого пафоса подробно рассказывал об этом своим родным и близким? Что победит? Новый иронический официоз — или это семейное знание?

А главное... Ну, даже поверили, что не брали большевики Зимний — и что? Тогда

оказывается, что Временное правительство — ещё большее барахло, чем мы думали. Его не свергли — оно без боя сдалось! А поскольку монархия сдалась без боя Временному правительству, то она ещё большее барахло, чем Временное правительство.

Ну, и на что потратили деньги Российский фонд культуры и канал «Россия»? На то, чтобы дискредитировать монархию, пытаясь пропеть ей осанну? На то, чтобы обозлить неосоветский электорат (основную опору власти)? На то, чтобы ещё чуток снизить рейтинг главного инструмента власти — гостелевидения?

Таков политический результат. Но есть ещё и результат социокультурный. Хаос в умах нарастает... Наращивание социальной энтропии... Если нужно это, то всё в порядке. НО КОМУ ЭТО НУЖНО И ДЛЯ ЧЕГО?

16 июля, среда, 22.55, канал «Россия». Фильм «Галлиполийское стояние». Тот же режиссёр — Галина Огурная. Ведущий — Никита Михалков. Автор — Елена Чавчавадзе. Фильм — абсолютно правильный. Белые хвалят белых. Ничего больше не говорится. Но сразу становится ясно, что если в фильме нет «истерического накрута», то заменить его просто нечем. Ну, хорошие были люди «галлиполийцы» — и что? Наверное, действительно хорошие... Или, как всегда бывает в таких случаях, разные... «В войне гражданской победителей, как известно, не бывает», — говорит Н.Михалков. Что значит — не бывает? Кому известно, что не бывает?

У одной силы — один проект. Линкольн хочет освободить негров. А у другой силы — другой проект. Южане хотят, чтобы негры остались рабами. Победил Линкольн — стра-

на пошла одним путём. Победили бы южане — страна бы пошла другим путём. Конечно, травма была чудовищная, и её залечивали более ста лет. И неизвестно, залечили ли. Но что значит «победителей не бывает»? Ещё как бывают!

А ещё Михалков говорит: «Полуостров Крым — «белой армии оплот», как пели в советских песнях». Кто пел, что остров Крым — «белой армии оплот»? Наверное, кто-то пел — Никите Сергеевичу виднее. Но на слуху у нации другая песня: «Чтобы с бою взять Приморье, белой армии оплот». Там, кстати, ещё есть абсолютно мистические строки: «Наливалися знамёна кумачом последних ран». В гражданской войне победили те, у кого была ЭТА мистика.

В среду, 16-го, и в четверг, 17 июля, показаны в одно и то же время (08.55) по каналу

«Россия» две серии «Ожидание императрицы». Абсолютно комплиментарный документальный фильм с ведущей Аллой Демидовой. Что, просмотрев его, можно понять? Что Мария Фёдоровна была женщиной мужественной и достойной. И, наверное, все остальные тоже. Ну, просмотрят... Ну, признают это, не сочтут новой официозной агиткой... Но дальше-то что? Её прах в конце концов похоронили, как она завещала, на российской земле? Замечательно.

Но фильм-то не существует сам по себе. Он находится в ряду других фильмов и неизбежно принимает их политическую окраску, интегрируется в единое полемическое поле. И что в итоге остаётся в сознании зрителей?

В лучшем случае, говорится: «Да, они были хорошие. Но они проиграли. Например, Первую мировую войну. А также политиче-

скую конкуренцию с теми, кого вы называете «злыми силами». В результате начался ужас. Ну и толку, что они были хорошие, а Сталин плохой. Но войну мы выиграли. А если бы он был хороший, но мы бы при этом её проиграли? Хороший человек и хороший политик — вещи разные».

17 июля — день расстрела царской семьи. На канале «Культура» (13.50) показан фильм «Путь на Голгофу. Тобольские дневники Николая II». Спокойный документальный фильм, где на фоне старых фотографий зачитываются, в частности, фрагменты дневника, который Николай II вёл во время тобольского заключения. Человек показан таким, какой он есть. И видно, что это очень позитивный и достаточно ординарный человек. Но даже если бы он был неординарным (а когда зачитывают дневники, то ясно, какой

он)... Ну и что? Он проиграл. И видно, почему проиграл. Человеку можно сочувствовать. Политику?..

В четверг же, 17 июля, на Первом канале (15.20) — фильм «Николай II. Плаха». И это уже серьёзнее. А заодно и издержечнее. Потому что однозначно оказывается, что проиграл Николай II мировому злу, сотворившему ритуальное убийство.

Фильм пронизан пророчествами, поэтому назвать его документальным очень трудно. Как и всегда, когда речь идёт о телевидении, встаёт вопрос о доверии к информации. Но если верить информации, некий монах Авель пророчествовал: «Наказание божие, гнев господен за отречение России от своего богопомазаника». А дальше ведущий Вячеслав Разбегаев объясняет, что отреклись-то — БЕЛЫЕ! Они были республиканцами, они ца-

ря свергли, арестовали, отправили со всей семьёй в ссылку. И при этом приводятся мистические параллели между гибелью царской семьи и убийством фаворита Александры Фёдоровны Распутина.

Царь здесь — жертва. Но как ни опростился нынешний российский зритель, он понимает, что никто за Николая II от престола не отрекался. Он САМ отрёкся. Это его, Николая II, решение. Он мог не отречься и принять мученическую смерть, оставаясь царём-помазанником. Он в итоге и так принял смерть. Но если бы он её принял, НЕ ПОДПИСАВ ОТРЕЧЕНИЕ, то можно было бы говорить о политическом герое. И строить полноценную систему политической же героизации. Однако он же подписал отречение! Совершил этот грех.

Но ведь его подталкивала к этому белая

элита. Высшее духовенство, в том числе. Оно молилась за Учредительное собрание и Временное правительство. Так чей же всё-таки грех? И кто судия? Элита КПСС будет карать Россию за грех коммунизма? А элита монархии будет карать Россию за грех монаршего отречения? А не проще ли покарать элиту, а не Россию? По мне, так и проще, и естественнее.

Подробности убийства царя и его семьи, приведённые в фильме, претендуют на шок. Но это пустая претензия. Потому что в нынешней России зверские убийства шока уже не вызывают. Их показывали в сотнях фильмов («Бригада», «Парни из стали»... несть им числа). В 1986–1987 годах люди бы рыдали до рвоты. Сегодня — «Ну, «замочили», и ладно. А что ещё было делать? Да и вообще — кто «мочканул», тот и прав. Не фиг было

ушами хлопать».

А вот заявления ведущего: «Белым не нужен был царь... Царя предали все...» — дорогого стоят. ЭТО АБСОЛЮТНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРИГОВОР И ЦАРЮ, И БЕЛЫМ. И какой же предстаёт ситуация при такой оценке?

Политический лидер никому не нужен.

Политический класс, на который только и может опираться лидер, — полностью сгнил и пропитан предательством.

В этих условиях систему может снести любой среднегабаритный «политический дворник». Зачем нужен мировой заговор могучих сил? Система обречена. Идеал потерян. Социальная связность равна нулю. Это — смерть. И уже неважно, кто именно подпишет свидетельство. Так ведь, вроде бы? Почему Россия должна мучиться по поводу того, что она это,

прогнившее, потеряла? И как она могла ЭТО не потерять?

Чтобы «замылить» эту очевидную несуразицу, нужна патетика. Причём весьма дурнопахнущая: «Красный зверь требовал крови. Ему нужны были жертвы: царь и ещё сто миллионов человек». В начале фильма говорится об этих ста миллионах человек, погибших в России с 1914 по 1953 год.

Но, во-первых, если бы в России погибло столько народу, она бы вообще обезлюдела. Во-вторых, как сообщается в фильме, в их числе — погибшие в Первую мировую войну. Их кто погубил? «Красный зверь»? Или всё же Николай II как политический лидер и Верховный Главнокомандующий? А также вся совокупная белая элита?

Ну, может быть их погубил германский рейхсвер. Так это он «красный зверь»? И во-

обще, зачем создатели фильма ко всему этому приплели какого-то «красного зверя»? Где не только вкус, но и чувство меры, понимание политической целесообразности, наконец? В 2008 году в Российской Федерации к красным относится с симпатией больше половины электората. А говорят зачем-то о «красном звере». Реакцию просчитывают? Про «красного зверя» говорит государственный канал. То есть власть. Ну, не будет после этого избиратель голосовать за эту власть. Рухнет зыбкое «путинское большинство».

ЗАДАЧА-ТО В ЧЁМ? В ТОМ, ЧТОБЫ ОТТОЛКНУТЬ ОТ ВЛАСТИ РЕАЛЬНЫХ ГРАЖДАН С ИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ? ИЛИ В ТОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ПОДДЕРЖКУ ВЛАСТИ ЭТИМИ ГРАЖДАНАМИ? ИЗМЕНИТЬ В 2008 ГОДУ МЕНТАЛИТЕТ ЧЕЛОВЕКА С НЕОСОВЕТСКИМИ

СИМПАТИЯМИ С ПОМОЩЬЮ РАЗГОВОРОВ О «КРАСНОМ ЗВЕРЕ» НЕЛЬЗЯ. А ВОТ ОТТОЛКНУТЬ ЕГО С ПОМОЩЬЮ ТАКИХ РАЗГОВОРОВ — РАЗ ПЛЮНУТЬ.

Политическая система Путина, унаследованная Медведевым, основана на том, что власть может забрать неосоветский электорат у Зюганова, благо Зюганов его с лёгкостью отдаёт. Для того, чтобы забрать этот электорат, власть создаёт поливалентную патриотическую идеологию. Создав её и забрав электорат, власть обеспечивает за счёт этого какую-то стабильность.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ТЕПЕРЬ? РАЗВАЛИВАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, СОЗДАННАЯ С ТАКИМ ТРУДОМ? НО ЭТО И ЕСТЬ «ПЕРЕСТРОЙКА-2»!

Кому-то хочется говорить про «красного зверя»? Ну, пусть бы говорили по интерне-

ту, фильмы снимали и в кино показывали, на частных телеканалах самовыражались. А на государственных телеканалах, казалось бы, надо решать политическую задачу — укреплять систему. А также уважать всех своих сограждан — и тех, и других. В противном случае — «перестройка-2». Так может, она и нужна?

А тут ещё тема ритуальности в убийстве царской семьи! Мама родная! На месте власти (такой, которая есть) я бы отёр холодный пот. Чьи ритуалы, какие ритуальные убийства? Зачем это всё сооружали агитпроп Белой армии в ходе Гражданской войны, эмиграция в ходе борьбы с СССР и так далее — понятно. Естественно, говорилось — чьи убийства и что за ритуалы. Зритель, кстати, не дурак, и это в книгах и газетах давно прочёл. Телевидение договорить до конца не мо-

жет. Но говорит достаточно для того, чтобы запустить абсолютно ненужный власти процесс. «Перестройка-2»?

Банку с головой Николая видели в Кремле... Кто видел? Ну, предположим, что зритель поверит. Он, конечно, не поверит — потому что он ничему не верит. И самоопределяется в соответствии с тем, к какому из обрывков разорванного общества принадлежит. Консенсуса и вообще-то нет, а такие «заходы» истребляют даже его возможность.

Кроме того, немедленно вводится не только еврейская, но и масонская тема. Это только совсем диким людям кажется, что одно равно другому. Остальные знают, что весь царский двор баловался ритуалами и состоял в масонских ложах. И это подтверждено не чьими-то сплетнями, а архивными данными. Ошалевшая царская контрразведка рас-

терянно спрашивала, как бороться с парапо-литическими структурами в ситуации, когда начинаешь бороться — и обнаруживаешь, что все концы уходят в Зимний дворец?.. Что, не сетовала по этому поводу контрразведка?

Непонятно, (а) что с этим собираются де-лать сами белые, коль скоро шила в мешке не утаить, и (б) на кой ляд это всё нужно ны-нешней власти?

Если даже Роман Аркадьевич Абрамович, предвидя фильм про ритуалы и головы, мудро сошёл с чукотского пьедестала, то ведь многие другие остались на своих — как эконо-мических, так и политических — пьедесталах. Совокупная цена их пребывания на пьедеста-лах составляет, по самым скромным оценкам, несколько сот миллиардов долларов. Им так хочется потерять эти суммы вместе с голова-ми, над которыми будут осуществляться аль-

тернативные «ритуалы возмездия»? Им так уже не дороги не только их личные счета, но и жизни близких? Они во что играют и почему так заигрываются?

Но главное всё же — народ, электорат, политическая система. Ишь ты, «красный зверь»! Чай, не в 1988 году находимся! Для 60 процентов, а то и больше, это никакой не «красный зверь», а великая страна и священная история. Хотите, чтобы было не 60 процентов, а 75? Чаще говорите про «красного зверя». И что-нибудь ещё этакое исполните в некрофильском духе, пожалуйста.

Но вернёмся к нашей теленеделе.

Вечером 17 июля, в 90-летие со дня расстрела царской семьи, три телеканала — Первый, «Россия» и НТВ — поставили в сетку документальные фильмы о расстреле. На канале НТВ фильм почему-то не вышел. На Пер-

вом канале был показан фильм Эдуарда Радзинского «Последняя ночь последнего императора».

И опять — чехарда с ритуальным убийством. Она осуществляется чуть более аккуратно, но в том же ключе. Мол, есть много версий, говорит Эдуард Радзинский. Что убийство совершили садисты... Что убийство совершили евреи... Что это было ритуальное убийство...

В сознании контингента, готового нечто подобное воспринять (а иной контингент просто плюнет и разотрёт), нет разных версий. Есть одна уверенность — «ритуальное убийство совершили евреи-садисты». В противном случае надо говорить — чьи ритуалы. И показывать оперативную телесъёмку, сопровождая её показаниями культурологов, профессионально занимающихся садистскими риту-

алами.

Ну, хорошо. Предположим, что были какие-то ритуалы — и что? Это интересно для историка. Хотя настоящий историк потребует настоящих же доказательств. А они, как я уже показал, сегодня в принципе достаточно проблематичны.

Но там, где оперируют доказательствами, — рассматривают все «за» и все «против». Одна версия, другая... Обвинитель, защитник... Сейчас же НЕТ ДАЖЕ ПОПЫТКИ, ПУСТЬ БЫ И ЛУКАВОЙ, ВЫСЛУШАТЬ ДРУГУЮ СТОРОНУ, ПОЗВОЛИТЬ ЕЙ ВЫСКАЗАТЬ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ. Раньше это право предоставляли Шандыбину. Но теперь мы лишены и такого удовольствия.

Игра в одни ворота... Омерзительный перестроечно-репрессивный стиль, не имею-

щий ничего общего с тем, что можно назвать нормами приличного поведения. Но этот стиль не имеет также ничего общего с политической целесообразностью. Хотя бы самой циничной.

Даже Геринг, выступая на абсолютно сфабрикованном процессе по поводу поджога рейхстага, нуждался в Георгии Димитрове, который должен был высказывать альтернативную точку зрения. Казалось бы, власть была взята. Общество поставлено под контроль. Не было никакой рыхлости, была абсолютная кровавая, злая воля. Но даже эта воля, понимавшая, что она может сфабриковать всё, что угодно, из элементарной политической целесообразности нуждалась в том, чтобы были представлены альтернативные точки зрения.

Но тут-то других обвиняют в тоталитариз-

ме! Других! Сами же называют себя демократами и играют по вопиюще антидемократическим правилам. Что, на Нюрнбергском процессе (вновь и вновь буду подчёркивать, что параллель для меня омерзительна) судопроизводство велось заочно? Обвиняемым не давали слова? У них не было адвокатов? А ведь речь шла о военном процессе, последовавшем за абсолютным разгромом страны.

Вы что, уже страну разгромили? И, разгромив, освободились от самых элементарных приличий? Вы уже двадцать лет эти приличия не соблюдаете и двадцать лет говорите о том, какие вы приличные люди.

И что самое поразительное — нет мощной реакции отвращения на этот факт разнузданной игры в одни ворота. Ни здесь нет этой реакции у людей, которые могли бы сохранить в себе остатки этого самого правового демокра-

тического сознания, а также какие-то реликты представлений о порядочности и нормах дискуссии. Ни на Западе этой реакции нет. Как же всё-таки кому-то необходима эта разнузданная, односторонняя, циничная, неприличная травля! Как же боятся противника, который, вроде, повержен и растоптан! Как же мутит голову страх! Как вибрирует внутри мелкая трусливая ненависть, этот Танатос «перестройки»! Ну, давайте-давайте, добьётесь противоположного результата... «Из народа, как из древа, или икона, или дубина, в зависимости от того, кто обрабатывает — Сергий Радонежский или Емельян Пугачёв» — цитирует Радзинский Бунина. Это таким способом у нас нынче икону сооружают?

На 23.05 того же 17 июля по НТВ был заявлен документальный фильм Д.Штоколова «Призраки дома Романовых». Показан не

был. Судя по аннотации, автор, видимо, уже настолько «перебрал» по части всего сразу, что фильм отменили. Но аннотацию оставили. И там... Заговор масонов, проблематичность останков, найденных под Екатеринбургом, охрана Гитлером наследника российского престола. Кто-то в последний момент, видимо, обрёл минимальную вменяемость. Но, знаете ли... когда аннотация есть, а фильм не показывают, то это круче, чем просто показать фильм.

Я прошу читателя внимательно сопоставить микрокосм Ципко, с которого я начал, и этот телевизионный макрокосм, которым нас так порадовали. А после этого задать себе вопрос, возможна ли «белая перестройка-2» (не белая модернизация, не белая диктатура даже, а «белая перестройка-2»)? И как минимум, признать, что не на отдельном микро-

явлении я строю некую аналитику и прогностику.

Между тем, дело не сводилось к фильмам, хотя и их было бы достаточно. Творческий порыв сопровождал и аранжировал что-то вроде порыва политического. И это надо рассмотреть с предельным вниманием.

1 июля 2008 года в храме Христа Спасителя открывается выставка, посвящённая убийству царской семьи. Среди экспонатов — штык-нож, которым командир отряда Пётр Ермаков добил княжну Анастасию... Записка с требованием выдать 170 литров серной кислоты для уничтожения тел... Скажут: «Ну, выставка и выставка». Так-то оно так...

Однако 9 июля и.о. секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних церковных связей Московского патриархата священник Георгий Рябых заявляет о

том, что «осуждение коммунизма было начато в 1990-е годы, но так и не было доведено до конца». Рябых предлагает свою программу дебольшевизации. ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРОГРАММУ! Официальное церковное лицо переходит грань между «кесаревым» и «божьим». И ещё как! Рябых не осуждает злодеев морально. Он берёт за рога политического быка. Он требует не только покаяния, демонтажа памятников кровавым вождям, демонтажа кладбища у Кремлёвской стены, но и (внимание!) ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. Рябых прямо говорит: «Эта оценка нужна, и она должна быть выражена в публичных действиях и заявлениях. Осуждение преступления и общегосударственное признание подвига царской семьи противо-

действовало бы любой РЕМИССИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ». Хочет сказать «ренессансу», а говорит чушь (лат. remissio — уменьшение, ослабление).

Не установление истины нужно, а «противодействие ремиссии», слышите? Так прямо не говорили даже во времена «перестройки-1».

14 июля член Синодальной комиссии по канонизации протоиерей Георгий Митрофанов заявляет Интерфаксу: «Мы и так уже чрезвычайно опоздали с процессом декоммунизации нашей страны. Мы оказались в двусмысленном положении: русский народ, главная жертва коммунизма в мировой истории, ведёт себя по существу как народ, ощущающий свою духовно-историческую преемственность по отношению к этому режиму. Как

будто всех по-прежнему пытаются убедить, что русский — это коммунист, а самый последовательный коммунист — это именно русский. Это кощунство, когда жертва отождествляется с палачом».

Итак, мы (ваш покорный слуга, например, и множество других людей) с уважением относимся (и, что бы ни случилось, будем относиться) к чувствам определённой части наших сограждан. Но представители той части наших сограждан, чьё мнение мы уважаем, но не разделяем, не хотят относиться аналогичным образом к нашим чувствам. И им плевать на то, какой процент их сограждан не разделяет их чувств. Для них это не сограждане, а враги.

Митрофанов сетует на то, что народ, видите ли, ощущает «духовно-историческую преемственность» по отношению к советскому

режиму. Ну, ощущает он, и что? Это же твой народ! Твой! Задумайся, почему он ощущает преемственность? Уважай эти его ощущения! В 1917 году уже «донеуважались». Извлекай уроки. Хочешь изменить общественное сознание? Меняй действительность, ибо общественное сознание корнями уходит в неё, и только в неё.

Но нет! Уверены, что всё это — от лукавого. И что нужно поторопиться с декоммунизацией. То есть с «перестройкой-2». Ведь фраза Митрофанова о том, что «мы и так уже чрезвычайно опоздали с процессом декоммунизации нашей страны», по сути совершенно тождественна фразе Рябых о «противодействии ремиссии революционных настроений».

Как противодействовать? Оскорбляя народное чувство? Каким способом, кроме насильственного, можно исправить то, что Мит-

рофанов назвал «двусмысленной ситуацией»? Ведь большинство электората — неосоветское. А если даже и не большинство, а существенная часть? Что делать? Убедиться, что высший рейтинг — у Сталина, и начать подкручивать рейтинги так, чтобы все помирали от хохота?

Итак, 9 июля Рябых, 14 июля Митрофанов и... 14 же июля ещё одно официальное лицо, глава Издательского совета Московского патриархата протоиерей Владимир Силовьев, говорит в интервью Интерфаксу: «Чем раньше уберут мавзолей с Красной площади и имена преступников с названий улиц и городов, тем лучше будет для народа». Он также напоминает, что к 90-летию убийства царской семьи «так и не дана оценка — ни Думой, ни правительством, ни народом». Вновь перейдена грань между «кесаревым» и «божьим».

Притом, что эту грань православная церковь соблюдать умела всегда.

Силовьев заявляет: «Как в своё время был осуждён фашизм как человеконенавистнический режим, так же должен быть осуждён и коммунизм. Думаю, к этому мы придём в более или менее близкое время, этот процесс неизбежен». «Мы» — это кто? Силовьев уже ощущает себя инструктором всесильной ЦК КПСС, проводящей государственную политику? Так сказать, новым Ципко при новом Яковлеве?

В тот же день к хору, взывающему к российской власти, присоединяется диакон Андрей Кураев (в таком же интервью «Интерфаксу»): «Было бы хорошо объявить Российскую Федерацию правопреемницей Российской империи, точнее, Российской республики, то есть сказать, что правовое творче-

ство в нашей стране прекратилось с Октябрьским переворотом 1917 года, а все последующие нормативные акты — это акты, принятые диктатурой, хунтой, и современное государство считает их юридически ничтожными». Развивая свою мысль, он предложил на какое-то время объявить действующими законы Российской республики 1917 года «и тут же — скажем, буквально на следующий день после этого объявления, принять пакет законов современной Российской Федерации». Ну, что сказать...

Во-первых, я не имею ничего против того, чтобы объявить Российскую Федерацию правопреемницей Российской империи, и тут же заявить соответствующий масштаб претензий (как территориальных, так и историософских).

Во-вторых, Андрей Кураев — умный чело-

век и не хуже меня понимает, что это невозможно. Невозможно политически, социально и иначе.

В-третьих, он должен понимать, что отказ от правопреемства по отношению к СССР создаст для страны абсолютно сокрушительные последствия. Только как правопреемница СССР Российская Федерация входит в Совет безопасности ООН.

Но к этому всё не сводится. Возникнут системные проблемы, вплоть до проблем с ядерным оружием. Возникнут новые вопросы по части компенсаций тем или иным категориям пострадавших. Как минимум, придётся отдать Калининградскую область. Она передана СССР по факту победы во Второй мировой войне. В эпоху Российской империи она входила в Германию и называлась Восточная Пруссия. Проливы мы не получим, а Кали-

нинград потеряем.

Но Кураев говорит больше. Он предлагает объявить Российскую Федерацию «правопреемницей Российской империи, точнее, Российской республики».

Что такое Российская республика? Это та «февральская лабуда», которая стала расползаться на части на следующий день после обрушения монархии? В этой республике надо будет заново уточнять права территорий, входящих в состав государства? И ради чего всё это? Ради чего? Мы откажемся от советского исторического капитала — сами и в одностороннем порядке — и никакого другого капитала взамен не получим? Так это и есть «перестройка-2»!

В-четвёртых... Новая Конституция с новым правопреемством как будет приниматься? На референдуме? При неосоветском боль-

шинстве? А чем будет обеспечиваться победа? Примерно тем, чем обеспечивается поспешное превышение рейтинга Николая II над рейтингом Сталина? Есть один репрезентативный соцопрос — выборы называется. И этот соцопрос всё время показывает, какой у Николая II рейтинг. Был бы у него могучий рейтинг — не было бы гимна на музыку «Союз нерушимый...». Был бы — «Боже царя храни». Ну, что дурака валять!

В-пятых, я хочу знать точную цифру верующих, от лица которых выступает диакон Кураев. Только, пожалуйста, без дутых цифр! Это очень больной вопрос. Но от него никуда не уйти. И диакон Кураев, и другие выступают так, как будто бы они окормляют большинство российского населения. Но это же не просто не так. ЭТО СОВСЕМ НЕ ТАК. Лично я был бы совершенно не против, если

бы паства была в десять и даже в двадцать раз больше. Но есть то, что есть. И абсолютно не нужны — вредны и опасны для института — притязания, неадекватные реальности.

В-шестых... Медведев и Путин совместно выдвинули развитие в качестве безусловного приоритета. О каком развитии идёт речь? Я знаю два типа развития — проект Модерн в классическом буржуазном варианте и его советскую альтернативу. Оставим в стороне советскую альтернативу. Так что насчёт Модерна? Нельзя одновременно поднимать знамя Модерна и демонтировать его основные слагаемые: отделение церкви от государства, невмешательство церкви в политику и так далее.

Если некто во Франции заявит, например, что нужно отменить все акты «парижской хунты 1789 года» и вернуться к легитимной

монархии, то всё зависит от статуса этого «некто». Выражает ли он личную позицию (его право)? Или от лица какого-то института призывает к тому, что — в случае обнаружения института, стоящего за высказыванием, — французы назовут антиконституционной деятельностью?

20

15 июля «Интерфакс» публикует высказывание священника Георгия Рябых: «Было бы справедливо вернуть на кремлёвские башни двуглавых орлов, которые их украшали в течение столетий».

А если представитель католической церкви предложит изменить французский государственный флаг, сказав, что «было бы справедливо»? Или не флаг, а гимн?

17 июля средства массовой информации

сообщили, что Всемирный русский народный собор во главе с патриархом Алексием II призвал государство официально осудить убийство царской семьи. Помимо этого, на соборной встрече в Екатеринбурге прозвучало обращение к властям с просьбой реабилитировать Николая II и членов его семьи. Протоиерей Всеволод Чаплин заявил в связи с этим: «Государство, не осудившее преступлений, совершённых против царской семьи, отягощает себя, а в некоторой степени и народ, последствиями этих преступлений. Осуждение государством убийства царской семьи станет актом покаяния нашей страны перед убиенными царственными страстотерпцами». «Покаяние страны...», «Государство отягощает себя...» Заметим, что речь идёт уже не о «преступлениях коммунизма», а о конкретном деле — убийстве царской семьи.

Можно рассуждать, чем буржуазный строй отличается от коммунистического. Но гораздо труднее рассуждать, чем убийство Марии-Антуанетты, ставшее жертвой на алтарь построения буржуазного общества, отличается от убийства Александры Фёдоровны, ставшего жертвой на алтарь построения советского общества. По большому счёту — ничем не отличается. А если чем-то и отличается, то степенью соучастия народа в одном и другом убийствах. Во французском случае оно было неизмеримо большим. Толпы парижан, которые могли остановить убийство, ликовали по его поводу, рвались окунуть платки в кровь...

Русский же народ ничего подобного не делал и ведать не ведал об убийстве. Но французское государство не отягощено убийством. А Российская Федерация отягощена. Фран-

ция (страна!) не должна каяться. А Россия (опять-таки как страна!) — должна каяться. Почему? Потому что царственные жертвы революции 1917 года канонизированы? Этот особый статус придал им авторитетнейший духовный (но духовный, и не более того!) институт — РПЦ. Никто не давил на РПЦ с тем, чтобы этого не произошло. Но почему РПЦ давит на власть, представляющую не православных верующих, а всю нацию? Власть избирали не в храмах, а на избирательных участках.

Всемирный русский народный собор — это общественная организация, в существенной степени находящаяся в орбите РПЦ! Название не должно мутить разум. Если завтра я создам общественную организацию и назову её «Всенародное вече», то это не значит, что я собрал вече. Во-первых, я собрал не вече, а

сто человек (или тысячу). Во-вторых, вече не предусмотрено Конституцией.

Всемирный русский народный собор резко превысил допустимые нормы волеизъявления. Он — по какому-то праву — хочет давить на общенародную власть. А по какому праву? Если есть хоть какое-то право, то оно принадлежит не ему, а тому институту, в орбите которого он находится.

Но есть ли и у того такое право? Ведь слишком очевиден тогда переход грани между «кесаревым» и «божьим». Повторяю, речь тогда идёт о давлении церкви на власть и государство. Причём о таком давлении, которое убийственно и для власти, и для самого российского государства.

Власть должна разорвать консенсус с весьма существенной частью своего населения ради того, чтобы удовлетворить другую

часть? Любой политолог вам скажет, что следующим шагом на таком пути бывает диктатура. Или же — крушение власти. Государство, уступив, начнёт перекраиваться. Ибо оно при таких уступках перестаёт быть государством Модерна (отделение церкви от государства при уважении государством церкви — главный принцип Модерна).

А каким государством оно тогда становится? И как оно может им стать, не переписав Конституцию? И как можно переписать Конституцию без учёта интересов неправославных частей государства, а значит, без нового витка центробежных тенденций?

В любом случае, вдруг заговорили о покаянии страны (видимо, страны-преступницы) — причём массированно и под ПОЛИТИЧЕСКИМ углом зрения. Это — случайность?

18 июля на сайте телеканала «Россия»

(программа «Вести») появляется интервью, взятое у князя Александра Трубецкого и также посвящённое 90-й годовщине расстрела семьи Романовых. Трубецкой говорит: «Хочется верить, что в России начнут осознавать ужас, который постиг её историю. И что Россия будет приходить к чувству общего покаяния: это чувство, что каждый русский виновен в том, что произошло в истории страны. Первый этап покаяния — это когда Россия будет признавать открыто, что эти события (массовые расстрелы) — были. Это и будет покаянием».

Интервью князя Трубецкого, на мой взгляд, раскрывает всю подоплёку происходящего. Оговорю для вящей корректности, что интервью было размещено лишь на сайте канала «Россия», а в эфир программы «Вести» не вышло. Но разве сайта мало?

Вчитайтесь в текст интервью! Ощутите парадоксальность позиции! «Ужас постиг историю России...» Но не историю Франции?! «Чувство общего покаяния...» В каком смысле общего? Нация по-разному относится к событиям. Какое вообще может быть общее покаяние? Это совместимо с христианским персонализмом? На Страшном Суде судить будут нацию? Или каждого по грехам его? Чем виноваты люди, которые не жили в эпоху революции? Тем, что у них одна нация?

В чём виноваты рязанские мужики, которые никаким мыслимым способом не могли узнать, что происходит в Екатеринбурге? Что они должны были делать? Схватить вилы и побежать в Екатеринбург? И в чём они виноваты? В конкретном убийстве? Или в том, что «оскоромились коммунизмом»? Речь-то вроде идёт о конкретном убийстве?

Но как можно такое конкретное дело вешать на всех? А те, по поводу чьей судьбы должны в стольких поколениях так мучиться и так каяться, — они ни в чём не виноваты? И нет отдельной избирательной вины элиты (аристократии, клира, дворца, военного руководства)? Нет их вины ни в том ужасе, на фоне которого всё начало разворачиваться, ни в самом отречении, ставшем прологом к гибели?

А английское королевское семейство тоже будет каяться вместе с рязанскими мужиками? Оно ведь отказалось принять царскую семью, отказалось спасти её от гибели, неминуемой в условиях революционной ситуации!

Но главное, конечно, — так называемая монархическая элита. Она знает, что НА НЕЙ КРОВЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. На ней! И весь мир это знает. И что же? Эту кровь надо пере-

ложить с себя на русский народ? На несколько поколений этого народа? А самим учить других покаянию так же, как аппаратчики из ЦК учат ненависти к большевизму? «Каждый русский виновен в том, что произошло в истории страны...» Не слабо! А каждый француз тогда виновен в том, что произошло в истории Франции?

И как всё расчерчено! Как в плане строительных работ... «Первый этап покаяния...» Когда есть первый этап, то должны быть следующие...

Я уже говорил о герое фильма Абуладзе «Покаяние», выбросившем труп отца на свалку. Роль этого фильма в «перестройке-1» заслуживает самого пристального внимания. Пока же лишь оговорю, что где перестройка — там и покаяние. Где покаяние — там и перестройка. «Перестройка-1» — «покаяние-1».

«Перестройка-2» — «покаяние-2»... И так далее.

Никогда не забуду и не прощу того, как перестроечная тележурналистика показывала лица стариков-ветеранов. Как она, давая суперкрупные планы, смаковала приметы дряхлости. Она делала это так, будто у неё самой нет ни отцов, ни дедов. И будто бы она — вкусила даосского эликсира бессмертия.

Конечно же, это было, в том числе, и средством ведения идеологической борьбы. Но не только! Убеждён, что не только! Что перестройщикам нужно было заразить манипулируемые массы Танатосом.

То же самое происходит теперь.

Одно дело — беречь память усопших... Вглядываться в старые фотографии... Так соприкасаются с жизнью любимых, как бы воскрешая в памяти эту жизнь.

Совсем другое дело — навязчиво окунаться в буквальность останков, тления, праха. Это некрофилия. Где перестройка с её Танатосом — там и некрофилия. Не зря в этом самом фильме «Покаяние» так подробно и детально погружают зрителя в стихию гниения, трупные сюжеты и «запахи».

То же самое, увы, происходит вокруг столь активно раскручиваемой сейчас темы убийства царской семьи. Останки... Кости... Экспертизы... Вот эта косточка — она чья? Она точно принадлежит мальчику? Или — девочке?

Понятно, что для судмедэксперта или патологоанатома такой подход — норма профессии. Но почему надо устраивать по телевизору прозекторскую на всю страну? Причём с некоторыми очевидными элементами смакования?

Я могу представить себе, что подобный стиль, сильно смахивающий на постмодернистские инсталляции, просто нравится его конкретным создателям. Но вряд ли к этому можно свести и информационный штурм по поводу убийства царской семьи, и его некрофильскую составляющую. Речь идёт о масштабной спецоперации «Танатос», с помощью которой хотят решить определённые политические задачи.

Этим штурмом (и всей совокупностью очень опасных для страны и власти «покаянных» политических новаций), видимо, хотят заменить то необходимое, что слишком трудно осуществить. Обеспечение реальной стабильности и, тем более, сочетание стабильности и развития. Консенсус развития не нужен. Его активно не хотят и подменяют другим. За этим стоят самые разные, в том числе

и вполне банальные, интересы. Начнись развитие — ему надо соответствовать. Или покидать историческую сцену. Проблема носит и классовый, и групповой характер.

Класс уже однажды решил её определённым способом. Он не захотел соответствовать и отказался отдавать власть. Решение подобной двуединой задачи потребовало от него демонтажа СССР и обрушения РФ в социальный регресс. Если класс в очередной раз откажется — и соответствовать целям развития, и отдавать власть, — он снова займётся демонтажем и обрушением. Это и будет «перестройка-2».

Но речь идёт не только о классе. Речь идёт об интеллектуально-сервисной группе. Назовём её активом.

Заявлена тема развития. Надо хотя бы начать говорить о развитии. Но актив говорить

не может. Он в этом ничего не понимает, ему это скучно, тошно. Он видит в этом какой-то, знаете ли, даже подвох. Всё, что актив может, — это закатывать истерики, устраивать шоки, выкапывать и закапывать трупы, осквернять память жертв и так далее. В этом он дока. Его этому учили. Ему это нравится. Актив, как и класс, не хочет уходить с исторической сцены. А значит, он должен подменить разговор о развитии — разговором о негодяях (красных и прочих), дурными морализациями и так далее. Что он и пытается сделать.

Актив подталкивает класс, угадывая его сомнения, а класс стимулирует актив. Так было двадцать лет назад. И что-то сходное хочет повториться теперь.

У такого повтора должна быть фокусировка. Фокусом делают тему убийства царской семьи. Это, что называется, видно без

очков. Ну что ж, не мы призвали к фокусировке на этой — очень непростой и весьма деликатной — теме. Но раз уж кто-то пытается использовать именно такую фокусировку, то отказаться от дискуссии мы просто не имеем права. Надо только попытаться, чтобы дискуссия носила минимально конфронтационный характер.

Начну с рассмотрения политической логики и вытекающего из него прогноза развития политической ситуации. Предположим, что раскрутка темы убийства царской семьи возобладает. Что дальше? Следом за этой раскруткой с её надрывной морализацией (убиенные дети, убийцы с окровавленными руками, мерзавцы, творящие тайные ритуалы, и так далее), нужна эксгумация трупов в духе «Покаяния-2». То есть вынос Ленина из Мавзолея, демонтаж некрополя у Кремлёв-

ской стены и так далее.

Это актив умеет. Рассказать о белом проекте развития он не может. Выдвинуть концепцию будущего не может. А жонглировать трупами — «силь ву пле». Отжонглировали... Что дальше? Каков следующий этап покаяния, если я правильно понимаю замысел князя Трубецкого?

Понятно, что Ленин — не «кровавый палач» (или, точнее, ничуть не более кровавый, чем Кромвель или Робеспьер), а ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. Если до конца сплясать на костях Ленина и Сталина (а предлагается именно это), то неминуемо возникнут как уже обсуждённые мною проблемы с советской правопреемственностью, так и острейшие проблемы собственно политического характера.

НАЧНЁТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ — И

ИМЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ! — КРИЗИС, ПРИЧЁМ ЖЕСТОЧАЙШИЙ.

Ведь действие рождает противодействие... Власть отпадает от осуществлённого Путиным зыбкого идеологического синтеза? Тогда электорат отпадает от власти.

Путинское большинство испаряется.

Власть оказывается в изоляции от большинства и в объятиях «белой группы».

Большинство начинает наседать. «Белая группа» требует для самоспасения диктатуры.

Перед началом этой диктатуры политические лидеры (Путин и Медведев) должны исчезнуть со сцены как виновники дестабилизации.

Появляются новые фигуры.

Невозможность их легитимации порождает декоративный, но не лишённый кровавости

режим.

Режим быстро выходит из берегов.

Возникает не большая, как кажется, а значительно меньшая международная легитимация.

Режим становится ещё жёстче. Это называется «галопирующее ужесточение».

Нарастает и ответное ожесточение — и вне, и внутри страны.

Режим разваливается.

Россия исчезает с исторической сцены.

Кто-то думает, что события будут развиваться иначе? ГКЧП тоже думал («да в суп попал»). Кому-то хочется, чтобы противник попал в очередной «суп»? Но в «суп» попадёт не только противник, но и народ. И если мы этого не хотим, а это запускают, в том числе, используя тему убийства царской семьи, то придётся, обсуждая развитие, заняться ещё

и (по возможности, кратким) рассмотрением этого убийства.

Во-первых, потому, что мы и перспективы, связанные с развитием, обсуждаем политически (то есть, предполагая, что развитие могут превратить в свою противоположность, «перестройку-2»).

Во-вторых, потому, что если это всё начнётся, то реального развития не будет и в помине. А будет, напротив, очередной регресс. И всё это как раз под регресс и сооружается.

В-третьих, потому что есть неявная связь между данной исторической тематикой и всем, что связано со стратегией развития.

Начну всё-таки с того, что в Российской империи были самые разные силы, понимавшие, что развивать империю можно. Причём делать это надо жёстко, мобилизационно и вопреки разного рода элитным играм. Эти

силы существовали и в армии, и в тогдашних спецслужбах, и в интеллектуальной среде империи. Чаще всего упоминают в этой связи программы Маниковского и Главного Артиллерийского управления российской армии. Но это только верхушка айсберга. Архивы императорского Генштаба, другие спецархивы империи ломятся от нереализованных проектов, которые спасли бы всё, о чём мы запоздало плачем: и жертв гражданской войны, и царскую семью, и жертв коллективизации, и жертв 1937 года.

Нужно было только суметь мобилизовать имперскую систему на развитие. Не на стабилизацию, не на спокойные десятилетия, которые грезились Столыпину и которых не могло быть, — а на развитие. Были люди, были структуры, были разработанные проекты. Чего не было? Не было ВОЛИ — политиче-

ской адекватности лидеров и готовности правящего класса (элитных групп) соответствовать требованиям истории.

А когда нет такой ВОЛИ, то ужасная штука под названием «революция» становится фактически неотвратимой. Если группы и классы, лидеры и системы не могут соответствовать, то они должны быть безжалостно устранены, потому что в противном случае погибнет народ. В этом высшая и неотменимая революционная правда. Страшная правда, но правда. Да, надо сделать всё, чтобы избежать революции. Но если революция становится неизбежной, то она лучше, чем гибель нации.

УПРЯМАЯ ТУПОСТЬ КЛАССА И ЕГО ВОЖДЕЙ — ОНА И ТОЛЬКО ОНА! — ОБРЕКАЕТ НАРОДЫ НА РЕВОЛЮЦИИ.

Революция — жестокая сила, вырываю-

щая народ из сладких объятий Танатоса. Ромен Роллан, Че Гевара, многие другие настаивали на том, что революция — это не ненависть, а любовь. Странно, что такой весьма авторитетный подход, такая философско-историческая традиция, насчитывающая уже столетие, находится вне поля зрения сегодняшних борцов с революционностью как таковой. Но, увы, это так. Да что там эти борцы! Даже КПРФ заговорила, как мы помним, о неких странных «лимитах на революцию».

Но что же борцы с революционностью? Они хотят отменить ЛЮБЫЕ революции? Буржуазные тоже? А заодно и национально-освободительные, антифеодальные? Опираясь на какую философию, какую систему ценностей, можно это сделать? Понятно, что речь идёт не о философии Модерна и не о ценностях Модерна. То есть не о том, что по-

родило и современных западных либералов, и современных же западных консерваторов. Но тогда о чём же речь? А что, если речь идёт о какой-то новой и исторически беспрецедентной легитимации НЕРАЗВИТИЯ как такового через разговоры о «кровавых преступлениях революции» и о «лимитах на революцию»?

Не хотите революции? Осуществляйте развитие, а не топчитесь на месте!

Повторяю: и Главное Артиллерийское управление, и Военная разведка империи, и другие структуры имели спасительные планы, выполнение каковых предотвратило бы революцию и все её кровавые эксцессы, включая убийство царской семьи.

Но планы эти остались на бумаге! Кто их оставил на бумаге? Власть! Её косность, скованность борьбою элитных групп, историческая близорукость — суть Причина, След-

ствие же — Ленин и Сталин. И не надо путать причину и следствие!

Если элита отказывается реализовывать развитие — её сбрасывают. Таков всемирно-исторический закон. Наверное, его можно попытаться отменить. Не в этом ли задача глобализации? Но вряд ли его можно отменить без того, чтобы сгноить человечество на корню. Может быть, кому-то хочется именно этого?

В любом случае, планы по развитию, положенные под сукно, — это историческая вина господствующего класса. Класса как целого. Это вина как тех, кто был субъектом политической воли, но не проявил её, так и тех, кто, не будучи субъектом политической воли, входил в господствующее «мы», совершившее непростительную ошибку.

Это «мы» называется «династия». Она да-

ёт права, но она и взыскует — политически, метафизически и иначе.

Входящий в такое «мы» и ничем не проявивший себя ребёнок пользуется огромными преимуществами потому, что он сын царя, а не сын крестьянина. Но он и цену за эти, им лично не заслуженные, преимущества будет платить иную. Дети за отцов не отвечают? Правильно. А наследники за царей — отвечают.

Так было всегда и везде. Россия тут не какая-то аномалия. Это норма в эпоху абсолютных монархий, революций и мятежей. Если ты член династии, и династия не удержала власть, ты поплатишься.

Первый и основной вопрос состоит в том, почему власть не была удержана. А не удержана она была потому, что и в Российской империи место ускорения и прорыва (по Ма-

никовскому или иначе) заняла «перестройка» с её распутинщиной и прочим. Не дав состояться ускорению и прорыву, элита заплатила страшную цену.

Второй вопрос состоит в том, куда делись те наработки по развитию, которые не использовали царь и его элитные группы. Отвечаю, куда. Их-то и использовали Ленин и Сталин (точнее, ВКП(б) в целом). Они были молоды, решительны, свободны от устоявшихся предрассудков. Кто бы что ни говорил — достаточно образованы. Они подняли архивы, в которых мёртвым грузом лежали предложения по развитию. И пустили в дело, разобравшись, что им нужно, что и в какой последовательности должно быть осуществлено. Сделав это, они спасли русский народ и другие народы империи от абсолютного уничтожения во Второй мировой войне, которая

всё равно бы разразилась. Ибо фашизм нужен был не для борьбы с коммунизмом, а для борьбы с гуманизмом как таковым. Он был запланирован и неотменяем. И он всё равно обернулся бы «окончательным решением русского вопроса».

Единственная возможность отменить это решение заключалась в том, чтобы развиваться и не погибнуть. Сделав это, большевики спасли себя и мир. Если бы, повторяю, это сделал царь, — было бы в чём-то лучше. По крайней мере, крови было бы очевидным образом меньше. Но царь этого не сделал и поплатился. Он поплатился за свои ошибки, а не пал жертвой чьих-то ритуальных фантазий.

Третий вопрос — о роли в истории этих самых ритуальных фантазий. Когда французская царственная семья (в чём-то похожая на

российскую) была казнена, то, как говорят, некто ритуально соприкоснулся с кровью и воскликнул: «Ты отомщён, Жак де Моле!» Речь шла о тамплиерской мести за злодеяния Филиппа Красивого.

В чём тут французский урок нам?

Прежде всего, в том, что во Франции, где это в разных вариантах живописуют, разводят руками и говорят: «Ну, и что? Ну, был ритуал! Признаём! Ну, были интегрированы в революционный мутный поток какие-то парополитические силы! Можно долго разбираться, какие. Ну, совпали какие-то парополитические интересы и интересы истории... Главное-то тут история, а не конспирология. А если даже конспирология имела место — это ничего не меняет. Мы по причине её наличия вовсе не собираемся отменять «Марсельезу» как государственный гимн».

Урок и в том, что не бывает игры в одни ворота. Кровавый счёт всегда носит двусторонний характер. Грубо говоря, есть кровавый счёт РОМАНОВЫХ, а есть кровавый счёт К РОМАНОВЫМ. Иначе в истории не бывает.

Кровавый счёт к Романовым был много у кого. К Романовым вообще и к последнему царю в частности. Так называемый «красный граф» Игнатьев перешёл к красным потому, что считал (и, видимо, не без оснований) своего отца убитым по неявной отмашке государя императора. Если же учесть памятливость элиты, то общий исторический счёт к Романовым был огромен. Был и революционный счёт. Самый разный. У Анджея Вайды в «Пепле и алмазе» по этому поводу хорошо сказано: «Что ты делал во время восстания?» — «То же, что и все. Стрелял в немцев.» — «А

теперь в поляков?» — «А вы по воробьям. . . »

Романовы (включая последних) тоже стреляли. И не по воробьям, а по людям. Если через сто лет у одной стороны сохранился такой мстительный счёт, то почему у другой стороны не могло быть счёта: как исторического, так и буквального, — по кровавым следам того же 1905 года?

Кроме того, Николай II был Верховным Главнокомандующим в одной из самых кровавых войн человеческой истории. Давайте начнём аналогичным образом описывать те жертвы. Ту мясорубку. Те миллионы разлагающихся трупов. Давайте вспомним, о чём шушукались по всем углам (царица, Распутин, немецкое лобби, сдаваемые планы военных сражений). Обсуждалось же это! Однажды — даже на заседании Государственной Думы!

Так что? У семей погибших не было счёта к тем, кто своей ординарностью или двусмысленностью нагромоздил горы трупов? А почему у них не должно было быть счёта? Они не люди, что ли? Было бы очень странно, если бы такого счёта не было.

Мой дед, воевавший в «империалистическую», считал, что счёт этот был огромен. И что именно он всё в итоге и решил. Был ли счёт справедлив? Тут до сих пор нет конкретных правдивых ответов. Но ведь существует и великая в своей абсолютной неопровержимости правда истории!

Мы победили в войне 1941–1945 годов в условиях, когда против нас была вся захваченная нацистами Европа, а второй фронт открылся поздно. И, к тому же, был всё-таки очевидно вторым.

В войне 1914–1917 годов наш фронт был

скорее вторым, хотя и очень важным. И англичане, и французы несли немереные потери и воевали отчаянно. Против нас была не Европа и не тоталитарный фашистский режим, а две страны: Германия и Австро-Венгрия. Мы проиграли тогда. И отвечает за проигрыш — лидер. А также господствующий класс.

Отнять у Сталина лавры Победы невозможно. Как нельзя и игнорировать то, что Николай II привёл к иному военному, политическому, а значит — и историческому результату.

Так всё же — как надо относиться к трагедии царской семьи? Должны ли мы оплакивать людей, которых казнили столь свирепым образом? Безусловно, должны. Не станем же мы воспевать казнь, тем более казнь детей! Нужно ли возносить казнённых на ду-

ховный пьедестал (что уже сделала РПЦ)? Это дело РПЦ. Ей виднее. Я никогда не вмешивался ни в один спорный вопрос, который как-то задевал Русскую Православную Церковь. Потому что церковь всё-таки хранит хоть какие-то исторические традиции и хоть как-то поддерживает моральный дух в весьма проблематичном российском обществе.

Я готов бесконечно благодарить любого, сколь угодно далёкого от идеи Развития, священника, если он внушит своей пастве хоть что-нибудь моральное. Если он в чьём-то сознании проведёт какую-нибудь грань между добром и злом. Если он как-то будет противостоять нарастающей криминализации, одичанию, бесконечному духу наживы и стяжательства.

Но даже если он не будет этого делать, я всё равно ничего не скажу — хотя бы по-

тому, что это не моё дело. Пусть говорят те, кто находится внутри системы. Диомид или кто-то ещё. Я буду следить за этой дискуссией без всякого злорадства и искренне надеясь, что победит дух, способный сохранить церковь как одну из каркасных государственных конструкций. Как нельзя было, при любом отношении к КПСС, воевать против неё в конце 80-х годов (поскольку было слишком ясно, что это обернётся крахом страны), так нельзя сейчас воевать против РПЦ, слишком сильно связанной с устойчивостью российского государства.

Церковь решила возвести царскую семью на пьедестал великомученичества? Её полное право, заслуживающее нашего уважения. Но это церковный пьедестал. И его надо отличать от пьедестала политического.

Много говорится о сострадании и о прими-

рении. Но исторический опыт неопровержимо показывает, что сострадание приводит к примирению только тогда, когда оно адресовано всем участникам исторической драмы. Кроме того, политика диктует меру в вопросе о сострадании. Каждый из нас должен сострадать созвучно своей душе. А все мы вместе имеем право сострадать лишь в той степени, которая не является политически гибельной.

РОССИЯ — КАК ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ — ИМЕЕТ ПРАВО СОСТРАДАТЬ КАЗНЁННЫМ ЦАРСТВЕННЫМ ОСОБАМ НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ ФРАНЦИЯ СОСТРАДАЕТ МАРИИ-АНТУАНЕТТЕ, А АНГЛИЯ — КАРЛУ I.

РОССИЯ — КАК ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ — ИМЕЕТ ПРАВО СОСТРАДАТЬ СВОИМ ЖЕРТВАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ США СОСТРАДА-

ЮТ ЖЕРТВАМ СВОЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ РОССИИ НЕ БУДЕТ.

Если мы нарушим этот принцип, то мы лохи, а не моральные люди.

Мы идиоты, недостойные заниматься политикой.

Мы глупые рыбёшки, клюющие на двусмысленную моральную наживку.

Мы преступники, запускающие новые кровавые разборки якобы ради того, чтобы переосмыслить и переоценить пролитую когда-то кровь.

В этом урок «перестройки-1». Этот страшный урок должен вбить в сознание всех российских политиков одну заповедь: никогда нельзя каяться больше других.

Кто-нибудь отказывается от «Марселье-

зы» в связи со зверствами Французской революции? Никто! А почему не отказываются? Потому что знают, что в случае такого отказа государство погибнет. И потому там ведут себя взвешенно.

Ну, так и мы будем вести себя взвешенно. ВЗВЕШЕННО. Мы не будем потирать руки и повизгивать: «Так им и надо было, коронованным мерзавцам!». Но мы признаём сами (и добьёмся признания от других), что многие народы вели себя в революциях весьма и весьма свирепо. Ничуть не менее свирепо, чем народ нашей страны. Конечно, это прискорбно. И что? Мало ли прискорбного содержит в себе жизнь?

Я никоим образом не собираюсь противопоставлять мораль политике. Но вряд ли кто-то и впрямь считает, что политическая мораль тождественна морали обычной. Что для

обычного человека морально, то подчас для политика безответственно.

Мария-Антуанетта и Людовик XVI до конца вели политическую борьбу. Они не хотели сдавать власть. И в этом смысле поступали политически ответственно.

Подписание отречения от престола, которое произошло в России, не имеет мировых прецедентов. Оно в чём-то равносильно фантастическому сценарию, в котором Сталин перед Сталинградской битвой подаёт в отставку по состоянию здоровья, а партия эту отставку принимает. Как известно, положение обязывает. А положение помазанника Божия обязывает особо: кто дал, тот и взял.

Но даже без этого неизымаемого сакрального фактора проблема политической морали и её отличия от морали обычной — весьма и весьма болезненна. Как говорят в таких

случаях, «хороший человек — это не профессия». Никоим образом не хочу проблематизировать духовную оценку, данную церковью. Но ведь не может же церковь или кто-либо другой не ощущать, что речь идёт не только о духовном, но и о политическом лидере. А значит, кроме духовной оценки, обязательно должна существовать и оценка политическая. В противном случае, не надо ни той, ни другой оценки. Нельзя выводить политическую оценку из духовной. Духовная оценка может быть экстремально позитивной, а политическая — экстремально негативной.

Справился ли Николай II с ролью Верховного Главнокомандующего? Вопрос риторический, ибо результат всем известен.

Справился ли он с ролью политического лидера? Вопрос, опять-таки, риторический.

А если лидер не справился с взятой на себя

военной и политической ролью, то как можно его избавить от исторической вины, неотделимой от политической ответственности, которая с человеческой моралью находится по понятным причинам в очень непростых отношениях? За то, что Николай II не справился с взятой на себя ролью военного и политического лидера, русский народ заплатил страшную цену. Так кто перед кем должен каяться? Русский народ перед Николаем II? Или наоборот?

Я задам сейчас страшный вопрос: можно ли наращивать прославление Николая II, соединив в этом прославлении духовное и политическое, — и не проклясть свой народ, не предать его? Неужели непонятно, к чему стремятся при этом не искренние ревнители белой правды (которую я не разделяю, но уважаю), а подлинные архитекторы такого

далеко идущего начинания? Они хотят показать (использую имена не буквально, а сугубо метафорически), что Николай II — это как бы Христос, а русский народ — это как бы Иуда.

Яд этого замысла растворён в приправах и соусах. Но если замысел сработает, то прокляты будут все: повара, официанты и едоки.

21

А может быть, мы слишком большое значение придаём второстепенным вопросам? Так ли важно, в конце концов, какова будет оценка роли личности Николая II в истории России? «Дела давно минувших дней»... Почему бы не пойти тут на определённые уступки? Кому-то хочется, чтобы эта роль была оценена позитивно. А нам-то, по большому счёту, не всё ли равно?

Продолжая такую — глубоко порочную по

сути, но авторитетную — линию рассуждений, можно сказать: «А так ли важно, где будет лежать Ленин? Какие символы будут находиться над кремлёвскими башнями, как будут называться те или иные улицы, где будут захоронены те, кто сейчас покоится у Кремлёвской стены? Там ведь разные личности упокоены — как заслуживающие безусловного уважения всех наших сограждан, так и проблематичные для многих из них».

Общие дискуссии по поводу того, важно это или не слишком, могут длиться бесконечно. Поскольку в эти дискуссии вмонтированы ценности, тут вообще проблематично какое бы то ни было достижение договорённостей. В российском обществе нет реального идеологического консенсуса ни по одной стратегической проблеме. И уж тем более, по поводу собственной истории. Так может ли в

этом вопросе быть какая-то «точка схода»? Может ли быть предъявлена такая политическая очевидность, которая преодолеет идеологические противоречия, тонкие различия в подходах к истории, вкусовые предпочтения, принадлежность к тем или иным «внутренним партиям» и многое другое?

Мне кажется, что подобная очевидность наглядно предъявлена всем нам. И не сегодня. Я уже говорил об этой очевидности. Она называется «Декларация о порабощённых народах». Этот вопиющий по своей зловещей омерзительности документ был принят Конгрессом США в 1959 году, утверждён президентом Эйзенхауэром и превращён в главный инструмент подрыва территориальной целостности СССР. А также в нечто большее. В инструмент такого же подрыва территориальной целостности нынешней Россий-

ской Федерации. Поскольку в Декларации говорится об «освобождении от порабощения» Казакии и Идель-Урала (то есть поволжских народов).

Обо всём этом я уже говорил, но вскользь, стремясь не уходить от проблемы развития слишком далеко. А также считая, что речь идёт о многократно обсуждённой теме. «Декларация о порабощённых народах» до сих пор не отменена. В ней есть ещё одна позиция, которая превосходит по своей подлости и разрушительности всё остальное. Дело в том, что русский народ вообще не входит в число народов, «порабощённых коммунизмом». Ну, не входит, и всё! Из чего следует сразу несколько совершенно конкретных и беспощадных политических максим.

Во-первых, уже упоминание Казакии, Идель-Урала и прочего лишает русских пра-

ва на какое-либо вменяемое государство, выходящее за пределы скромного куска Восточно-Европейской равнины. Кстати, о том, что русские и не имеют права на другое государство, постоянно поговаривают в частных беседах весьма высокие представители нынешнего американского политического истеблишмента.

Во-вторых, неупоминание русского народа в числе народов, «порабощённых коммунизмом», означает, что русский народ, в отличие от прочих, не был порабощён коммунизмом, а сам породил это «чудовище», впитал его в каждую пору своего национального тела. И в этом смысле неисправим.

В-третьих, отсутствие русских в числе «порабощённых» означает, что они и являются поработителями. Они, а не какой-то там коммунизм! Коммунизм сам по себе — дух

(для авторов документа злой, конечно, но дух). Но этот дух нуждается в теле, причём в таком, из которого злой дух изгнать невозможно. Из других национальных тел можно, а из этого — нет.

Соединение этих трёх максим означает, что хороший русский — это мёртвый русский. И что настоящий враг — конечно, всё-таки именно русский народ, а не коммунизм.

Скажут, что я преувеличиваю, возвожу напраслину, стращаю. Но я убеждён, что сказать так на самом деле могут только те, кто (а) не читал внимательно эту самую Декларацию и (б) совсем не в курсе того, кто конкретно её сооружал.

Между тем, тут есть полная историческая ясность. Это не тайна за семью печатями. Сооружали данный документ конкретные представители специфических украин-

ских сил. Тех самых сил, которые обобщённо именуются бандеровцами. Доказать это не составляет никакого труда. Фамилии — известны. Люди, соорудившие Декларацию, гордятся тем, что они её соорудили. Излагать тут детали мне бы не хотелось. Это действительно уведёт в сторону. Но я отвечаю за каждое своё слово. Возможно, тема станет настолько острой, что придётся посвящать ей отдельное исследование. Но в рамках данного исследования — я ограничусь этим минимумом.

Почему для меня так важно установить обобщённо-бандеровский генезис данного документа? Украинский народ, безусловно, является одним из самых близких к русскому, и братство этих народов никогда не может быть поставлено под сомнение. Но веками осуществлялась определённая работа, направленная на создание внутри братского

украинского народа такой русофобской субкультуры, рядом с которой любые другие виды русофобии меркнут. В этой субкультуре «москаль» (то есть русский) — это недочеловек. Степень сочности, с которой описывается, НАСКОЛЬКО «москаль» недочеловек, однозначно говорит о том, ради чего нужны подобные описания. Они нужны не только для того, чтобы освободиться от «гнёта русских» (весьма проблематичного, по моему мнению), которые якобы погубили Украину. В конце концов, мнения могут быть разными. А исторический счёт к русским самодержцам у Украины есть. Как есть и обратный счёт. Реальная история не предполагает идиллий.

Но то, что за несколько веков взрастили на украинской почве конфессиональные конкуренты православия, — это не идеологическая система, призванная обес-

печить национально-освободительную борьбу или конфессиональный прозелитизм. Это нечто совсем другое! Это оружие уничтожения и русских как народа, и русской государственности в любой её исторически приемлемой ипостаси.

Конфессиональные конкуренты православия, начиная с гения по имени Игнатий Лойола, специализировались на взращивании «крыс, убивающих крыс». И если кому-то кажется, что речь идёт только о рецептуре по созданию евреев-антисемитов, то этот «кто-то» глубоко заблуждается. Речь шла о том, чтобы разжигать вражду между самыми близкими этническими родственниками (в том числе, славянскими). При этом считалось, что именно такая вражда будет главным — смертельным и окончательным — оружием. «Декларация о порабощённых наро-

дах» — смертный приговор русскому народу в его коммунистическом или любом другом обличье. Именно таким образом восприняли эту Декларацию отнюдь не только в Кремле. Таким образом её восприняли и в широчайших слоях русской белогвардейской эмиграции.

Русские, давно работавшие с ЦРУ по широкому кругу вопросов (и, конечно, по вопросу борьбы с коммунизмом), стали криком кричать по поводу Декларации, хорошо понимая, кто, почему и как её сварганил. Они кричали, что эта Декларация по своим целям абсолютно тождественна нацистскому «окончательному решению русского вопроса», и что они, как русские люди, бок о бок с теми, кто выдвинул Декларацию, работать не могут. В итоге они, конечно, работали. А как иначе, если Декларация стала стратегическим ориентиром американской политики, а люди, о

которых идёт речь, были и остаются вписаны в эту политику так, что дальше некуда?

И, тем не менее, отношение к «Декларации о порабощённых народах» было всегда хоть какой-то, пусть и очень лукавой, демаркационной линией. По одну сторону стояли те, кто хотя бы на словах как-то связывал себя с каким-то — конечно же, глубоко дебольшевизированным — русским вектором. Предполагающим и сохранение дебольшевизированного народа, и существование русского государства. А по другую сторону — стояли другие.

Эта — давно очень больная — тема стала ещё болезненнее после распада СССР и предъявления миру ельцинской России, отмежевавшейся от коммунизма. В ответ на это (а также на поднимаемый Козыревым платок госсекретаря США, на гарвардских со-

ветников Гайдара и Чубайса, на «друга Билла» и «друга Бориса» и т.д.), казалось бы, надо было отменить «Декларацию о порабощённых народах». Но её не отменили! Разговор об этом заходил многократно. И каждый раз, холодно глядя в глаза своим — не до конца чуждым русофильству — консультантам, их американские хозяева твёрдо говорили, что этого не будет. А консультанты понимали, почему этого не будет.

А теперь — о неких важных хронологических нюансах. «Декларация о порабощённых народах», принятая Конгрессом США в 1959 году, обязывает американских президентов ежегодно подписывать специальную «прокламацию о порабощённых народах» и провозглашать третью неделю июля «Неделей порабощённых народов».

На практике президент США обращается

к народу с соответствующей прокламацией в конце третьей недели июля, и объявляет следующую неделю (в этом году — 20-26 июля) «Неделей порабощённых народов».

То есть было заранее ясно, что 18 июля, перед началом «недели порабощённых народов», Буш озвучит нечто в духе приравнивания коммунизма к нацизму (или, как минимум, в духе категорического осуждения коммунизма). И было столь же ясно, что в России максимальный накал страстей в связи с 90-летием убийства царской семьи придётся на дату убийства, 17 июля.

А значит, если в России превратят поминовение последних Романовых в антикоммунистическое радение, то подыграют Бушу, который именно на следующий день переймёт эстафету. Ни российские политики (предположим, что и антикоммунистические, поче-

му бы нет?), ни те, кто отвечают за наполнение телепрограмм, ни Русская Православная Церковь это обстоятельство не могли не понимать.

Повторяю, «обращение» Буша «о порабощённых народах» 18 июля 2008 года было абсолютно предсказуемым. Ничего сверхординарного в этом «обращении» не было. Коль скоро американский президент обязан каждый год подписывать такое «обращение», а народы, согласно Декларации, порабощены коммунизмом, то Буш должен что-то сказать об этой порабощённости.

Экстраординарно не «обращение» Буша, а всё в совокупности. Вокруг России действительно сжимается какое-то кольцо. Дебольшевизаторская мировая истерика, явно увязываемая с косвенным, но очень напористым «отмыванием» фашизма, — наличествует. И

мало ли что ещё наличествует!

В любом случае, к «обращению» надо было быть готовым. И либо отвечать на него, либо «умываться».

Буш заявил, что «в XX веке зло советского коммунизма и германского фашизма были побеждены, и свобода распространилась по миру с появлением новых демократий».

ЧЕМ ПО СУТИ ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НАШИХ ВНУТРЕННИХ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ДЕМАРШЕЙ? И от того антикоммунистического крещендо, которое закатила РПЦ именно в те самые дни, когда в Америке готовились отметить, как я показал выше, вовсе не избавление от коммунизма, а будущую зачистку и нашего государства, и народа, и церкви?

26 июля (с задержкой на восемь дней) последовало заявление МИДа России, в кото-

ром «обращение» Буша оценивается как подпитка «усилий тех, кто в политических, корыстных целях стремится сфальсифицировать факты и переписать историю заново. Всё это происходит на фоне удивительной толерантности, проявляемой в Соединённых Штатах к тем, кто в ряде европейских стран пытается обелить «своих» приспешников нацистов».

Далее МИД заявляет: «Осуждая злоупотребления властью и неоправданную суровость внутриполитического курса советского режима того времени, мы, тем не менее, не можем равнодушно отнестись к попыткам уравнять коммунизм с нацизмом и согласиться с тем, что они были движимы одними и теми же помыслами и устремлениями. Исторические факты непреложно свидетельствуют, что именно СССР внёс решающий вклад

в победу над германским фашизмом. Именно благодаря Советскому Союзу, ратному и трудовому подвигу советских людей Европа была спасена от нацистской оккупации и порабощения. Память об этом навсегда сохранится в сердцах благодарных потомков».

Я полностью поддерживаю каждое слово в этом заявлении. И считаю его очень крупным и позитивным событием последнего времени. Но возникает естественный вопрос. Если МИД, а значит, и государство, заявляют на весь мир такую позицию в том, что касается не только роли СССР в войне, но и принципиального неравенства двух идеологий — нацистской и коммунистической (которые движимы, согласно заявлению МИДа, разными помыслами и устремлениями), — тогда что значит всё, что нам пришлось разбирать в последние недели? Включая вопли по пово-

ду «красных проектов».

Уж что-что, а графики у нас составлять не разучились. А из графика следовало, что «как только, так сразу». Как только (просто по графику событий) достигнут апогея антибольшевистские радения по поводу 90-летия убийства царской семьи, так сразу настанет время Бушу подхватывать тему и говорить нечто о так называемых поработительских ужасах коммунизма. «Обращение» Буша резко и правильно осуждено нашим государством. Но и наша церковь, и отдельные представители нашей творческой интеллигенции, которым так хочется взять власть в подельники по очередной дебольшевизации народа, — в каком они оказываются положении? Откуда ПО СУТИ (об остальном и думать не хочется) управляется информационная кампания, которую я вынужден разбирать?

Официальная позиция государства и всё, что говорится дебольшевизаторами, расходятся...

Официальная позиция Буша и всё, что говорится дебольшевизаторами, сходятся...

Государство официально оппонирует позиции Буша.

ТЕМ САМЫМ, НАШИ ДЕБОЛЬШЕВИЗАТОРЫ ФАКТИЧЕСКИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ С БУШЕМ ПРОТИВ СВОЕГО ГОСУДАРСТВА, ПОДЫГРЫВАЮТ БУШУ, РАЗМИНАЮТ ДЛЯ НЕГО ТЕМУ.

А теперь рассмотрим, чем это оборачивается в сфере воздействия на общественное сознание.

Время, когда считалось, что в армии вообще не надо заниматься пропагандистско-воспитательной работой, — позади. Теперь уже все понимают, что этой работой надо за-

ниматься, и занимаются. И как прикажете ею заниматься (а это ведь один из частных, но важных вопросов), если пропагандист должен проводить линию государства, но есть отдельная от этой линии линия церкви? А эта церковь тоже работает в войсках.

И что происходит в сознании у воина-христианина? Он должен руководствоваться идеологемой, согласно которой параллели между коммунизмом и фашизмом оскверняют его Родину и историю? Или он должен руководствоваться идеологемой, согласно которой «что коммунизм, что фашизм», и дебольшевизировать свою душу?

Соединить эти две идеологемы в своём сознании он не может. То есть может, но это знаменитая «сшибка по Камерону»! На ней основаны американские инструкции по ведению психологической войны и организации хаоса

в сознании солдат противника. На ней были основаны деструктивные действия в рамках «перестройки-1». Церковь в виде нового диссидента и идеологического конкурента государства?! Не слабо!

На месте белых патриотов я хотя бы объяснил другим и себе, чем их позиция отличается от позиции Буша, а также многих иже с ним, с кем они вряд ли хотят находиться по одну сторону баррикад (бандеровцев, прибалтийских фашистов etc).

Мне возразят, что государство не оракул, и его противоречивые вердикты — не истина в последней инстанции. Я с этим абсолютно согласен. И меньше всего хотел бы выступать в роли цензора, который ловит за руку всех, кто отошёл от очень извилистой и не всегда легко обнаруживаемой «государственной линии».

Церковь должна говорить народу правду. Это долг всех, кто занимается общественным сознанием. В том числе, и церкви. Неся свою правду в массы, она может не сверять эту правду не только с позицией власти, но и с интересами государства. Ибо нет ничего выше правды.

Двусмысленность начинается только тогда, когда, с одной стороны, сама церковь хочет выступать в роли, сходной с той, которую исполнял секретарь по идеологии ЦК КПСС. А с другой стороны, хочет говорить нечто, не сверяясь ни с интересами государства, ни с позицией других членов Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тут — либо-либо. Либо мнение церкви — это одно из мнений. В этом-то её счастье отделённости от государства. Её и общества. Церковь может учительствовать без оглядки на

что-либо. А общество — внимать и вырабатывать свою нравственную позицию с учётом мнения авторитетного института, имеющего тысячелетнюю традицию.

Либо — нет отделённости от государства. А ведь сейчас сама церковь осознанно движется в этом направлении. Но, двигаясь в этом направлении, она не имеет права нечто говорить без оглядки на государственные интересы. А также на международную политику, идеологическую игру и прочее.

Единственное, чего не может быть в природе, — это чтобы одной стороне доставались все плюсы, а другой ничего. Чтобы одна сторона всем всё диктовала так, как будто бы она является рупором идеократического государства, и одновременно могла позволить себе свободу от всякой государственной ответственности.

Впрочем, когда я говорю, что этого не может быть в природе, я вывожу из «могущего быть в природе» одно явление — перестройку. Когда идеологический отдел партии, сосредоточивший в себе всю ответственность за государство и монопольные возможности влияния на сознание граждан, решил разгромить, пользуясь этими возможностями, и сознание, и государство.

Так неужели кто-то хочет воспроизвести эту «внеприродную аномалию»? Но если кто-то хочет этого, то кто-то другой может хотеть и обратного. И этот другой не должен подчинять правду интересам государства. Государство, взявшее на вооружение ложь, обречено.

Хотела ли «внеприродная аномалия» двадцатилетней давности подлинной правды? Теперь мы точно знаем, что она этого не хотела. Есть, например, цифры жертв сталинских

репрессий, подтверждённые самыми авторитетными международными инстанциями. Это ужасные цифры, но это совсем не те цифры, которыми приводили в шок советское общество перестройщики, взрывая общественное сознание. Так чем они занимались? Манипуляцией или раскрытием правды?

И чем занимаются сегодня те, кто настаивает (причём весьма и весьма активно) на том, что отречение царя Николая II — это ГРЕХ РОССИИ, за который она теперь должна каяться (надеясь на возможность прощения, и не более того)? Это правда — или манипуляция?

РАЗВЕ — СПРАШИВАЮ СНОВА И СНОВА — ГРЕХ ОТРЕЧЕНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЬИМ-ЛИБО ГРЕХОМ, КРОМЕ ГРЕХА САМОГО ЦАРЯ НИКОЛАЯ II?

Разве нет священной обязанности

монарха-помазанника держать до конца власть, которую легитимным путём и отдать-то невозможно, ибо она сакральна? Держать власть и пасть в борьбе, если на власть посягнули?

У Павла I хватило на это силы духа. Он смог сказать: «Вы можете меня убить, но я умру вашим императором».

В случае Николая II произошло нечто другое.

Мы не должны тревожить тени мёртвых и муссировать, что именно произошло. Но мы же не можем делать вид, что этого не произошло. Мы притворимся — нас разбудят другие политики, которые начнут на это указывать.

Нам предлагают обсудить конспирологию убийства царской семьи? Мол, евреи, ритуалы и прочее. Уклоняться? Апеллировать к хорошему тону?

Да, есть сторонники запрещения подобного рода тем. Я с ними КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСЕН. Всё, на чём я настаиваю, — это серьёзность обсуждения. Тиражируемые легковесные мифы ничего общего с серьёзным обсуждением не имеют. Мы обязаны знать правду о своей трагической истории. Но правду, а не эрзац. Правда же требует интеллектуального усилия. Если хотите — разбирательства фундаментального.

Я никоим образом не претендую на то, чтобы осуществить это разбирательство в данном тексте. Но я занимался темой ничуть не менее тех, кто сейчас выносит скороспелые вердикты. У меня есть по этому поводу как открытая, так и закрытая аналитика. Под аналитикой открытой я имею в виду полное и лишённое некритических экстазов осмысление имеющихся опубликованных материалов.

Таких материалов много. Их надо собрать. Освоить. Осмыслить. Я эту работу проводил вместе со своими единомышленниками и готов поделиться результатами.

Есть и другие материалы — не опубликованные, находящиеся в разного рода архивах, включая семейные. Тут нужны такт и, опять же, научная осмотрительность. Потому что определённые данные задевают круг вопросов, не лишённых политической актуальности. Отвечать на эти вопросы в полном объёме — надо. Но нельзя сделать это без апелляции и к таким неопубликованным данным, и к данным, которые ещё более эксклюзивны.

Ответить в полном объёме — не значит вынести вердикт. В таких осмыслениях никогда не может быть сделано никаких окончательных выводов. Всё, что можно, — это резко продвинуться вперёд по отношению к сего-

дняшним беспомощным претензиям на «раскрытие тайн». Тему надо освобождать от подобного мусора. Но очень осторожно — так, чтобы не выплеснуть с водой ребёнка.

Имеющиеся данные позволяют утверждать с достаточной уверенностью, что нынешняя публичная трескотня по поводу тайн убийства царской семьи представляет собой НАБОР АБСОЛЮТНО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫХ МИФОВ, ПРЕТЕНДУЮЩИХ НА НЕКУЮ БЕСКОМПРОМИССНУЮ ПРАВДУ.

Всё в этой «правде» — ложь. Всё — агитационная подтасовка. Подтасовка грубая, нарочито лубочная. И — высказываю робкую надежду — если мы хоть чему-то научились за последние двадцать лет, то с сегодняшним обществом этот номер не пройдёт. Ну, если не с обществом, то хотя бы с его мыслящим

меньшинством. Может быть, хоть оно не купится на совсем дешёвый лубок, приняв его за окончательную правду о своей трагической (и крайне сложной, как всё трагическое) истории.

Кому-то больше всего не нравится, что данный лубок (мол, «ритуальное убийство» и прочее) не может не быть антисемитским — лукаво-деликатным или же «по полной программе». А мне больше всего не нравится, что это — лубок. Лубок унижает нацию. Он превращает её в «коллективного лоха». Дело не в том, что этот лубок кому-то удобен, а кому-то неудобен. Дело в том, что он замарает всех — и тех, кому он кажется неудобным, и тех, кому он кажется удобным. Шла ведь игра с лубками вокруг Сталина. Доигрались?

Я хотел бы, чтобы думающая часть российского общества попыталась получить от-

веты на некоторые вопросы. И постараюсь сформулировать эти вопросы. Я не превращаю свои вопросы в скрытые ответы. Ничего никому не навязываю. Просто спрашиваю и искренне надеюсь получить вменяемые ответы. Ответы, а не истерический вой, в котором тонет любое позитивное содержание.

Я задаю эти вопросы не только российской, но и зарубежной аудитории. В том числе и той, которая очевидным образом подпитывает нынешнюю истерику с её лубками. Неужели этой аудитории не хочется знать правду? Касающуюся, в том числе, и нечужих для неё людей с их и впрямь трагической участью? Или эта аудитория знает правду, а распространяет лубки? Это было бы слишком нечестно, я не хочу в это верить.

Прежде всего, я хочу понять степень достоверности нетривиальных материалов сле-

дователя Соколова. Мне достаточно ясно, что Николай Алексеевич Соколов — человек честный, последовательный, абсолютной белый по своим убеждениям, очень компетентный, смелый и в хорошем смысле слова дотошный. Я абсолютно уверен, что он и впрямь нечто запротоколировал. Однако внутри того, что он запротоколировал, есть как очевидные эпизоды, не требующие особой расшифровки, так и эпизоды, которые надо расшифровывать с применением всего арсенала современных аналитических методов. В том числе и методов контекстуального анализа. Ибо сегодня мы располагаем совсем не тем контекстом, которым располагал Соколов.

К сожалению, такой аналитики пока нет. Её место занимает конспирология. Однако российская аудитория и с сомнительной конспирологической продукцией знакома лишь

выборочно. Она питается выжимками из этой продукции. В результате трагедия превращается в трагифарс, а трагифарс самым оскорбительным для жертв трагедии образом переходит чуть ли не в анекдот, очень напоминающий пресловутое «ереванское радио»: «Правда ли, что Бабаян выиграл сорок тысяч в лотерею?» — «Правда. Но только не Бабаян, а Карапетян, не сорок тысяч, а сорок рублей, не в лотерею, а в преферанс. И не выиграл, а проиграл».

Вообще омерзительно, когда историю твоей страны препарируют, превращая в подобный анекдот. Политически бесконечно опасно, что такой анекдот уже озвучивается гостелевидением и может заполонить его. Что нечто, вызывающее сарказм в международной компетентной аудитории, в России начинают с пафосом тиражировать (мол, и мы до-

росли до понимания подлинных тайн). Это унижает и нацию, и элиту, и власть. И вызывает крайнее беспокойство. В связи с чем я продолжаю начатое аналитическое вопрошание.

Итак, была ли среди вещей императрицы икона с её собственноручной надписью «S.I.M.P. The green Dragon. You were absolutely right»? Не только вызывающие сомнения конспирологические изыскания, но и куда более серьёзные данные говорят о том, что икона была. Но что означает эта надпись?

Сегодня все уже понимают, что «green Dragon» — это не сообщество мифических сионских мудрецов, а совсем другая организация. Достаточно конкретная и подробно описанная.

Так что царица пишет? Что этот самый «green Dragon» спроектировал её и её семьи

трагическую судьбу? А также судьбы многих и многих семей (в том числе моих родственников, например, моего деда, погибшего в 1937 году)? В целом — судьбу нашей страны?

Если она пишет это, и если ей можно верить (а она, с одной стороны, — лицо, обладающее высокой компетенцией, но с другой стороны — женщина, не лишённая экзальтации и находящаяся в отчаянной ситуации), то при чём тут коммунисты, Юровский и его компания, Ленин, Свердлов и кто-либо ещё?

Вы хотите знать, что такое «green Dragon»? Вызовите на собеседование дух Карла Хаусхофера. Можно порекомендовать и более легко реализуемые технологии, в рамках которых вы можете побеседовать с некими конкретными лицами. Но давать такие рекомендации я лично буду только в частных

беседах, если сочту нужным.

Следующий вопрос касается инициалов. Что такое «S.I.M.P.»? Справедлива ли имеющаяся расшифровка, согласно которой это означает: «Superior Inconnu Maître Philip»? Соглашался ли с такой расшифровкой Соколов? По моим данным, да. Но в таком вопросе нет и не бывает окончательной достоверности. Или совместными усилиями всё-таки можно вывести этот вопрос за рамки банальной конспирологии? Ведь методы, позволяющие осуществить выход из слишком уж одиозной сферы, в XXI веке имеются. Почему их не хотят применить?

Следующий вопрос. Если фраза действительно адресована мэтру Филиппу, то это мессидж царицы ЕЁ учителю-мартинисту (уже умершему). О чём предупреждал царицу при жизни мэтр Филипп? О том, что

она доверилась некоему очень опасному кругу людей (включающему Распутина, но не сводимому, естественно, к данной неэлитной личности)? И что этот ЭЛИТНЫЙ круг её погубит? Но об этом же, кстати, предупреждал царицу и ученик мэтра Филиппа Папюс, который дольше наблюдал в действии тот самый элитный круг, чью гибельную функцию угадал мэтр Филипп.

Итак, что означает «You were absolutely right» («Вы были абсолютно правы»)? Абсолютно правы В ЧЁМ?

В том, что за спиной Распутина стоят весьма серьёзные международные элитные группы, а также центры иностранной резидентуры (как японской, так и германской), желающие гибели и царской семьи, и России? И что эти группы погубят царицу? Перед смертью царица признала правоту этого утвержде-

ния по поводу губительности данных элитных групп?

Но эти элитные группы уж никак нельзя отождествить с коммунистами. Как нельзя в 2008 году пробавляться шушуканьями о Симановиче. В стране достаточно специалистов, понимающих, что группы, о которых идёт речь в версии Филиппа и Папюса, имели (в виде высоких титулов и древних дворянских грамот) стопроцентное алиби от обвинений в причастности к «злым инородческим силам». Ну, так мы будем обсуждать эти «автохтонные» элитные силы, будем анализировать такой бэкграунд? Ведь это важно не только для понимания прошлого России, но и для ответа на вопрос о её будущем. Ибо люди приходят и уходят, а элитные бэкграунды остаются.

Позволю себе ещё один вопрос. Не из кон-

спирологических сплетен, а совсем из других источников я знаю о конфликте Николая Алексеевича Соколова и Николая Дмитриевича Тальберга, белого офицера, мешавшего расследованию Соколова как при Колчаке, так и позже. Должны ли мы разобраться в этом конфликте? Ибо если Соколову и впрямь мешали Тальберг и стоявшие за ним люди, то единственным внятным мотивом для их противодействия были приведённые выше нетривиальные материалы, полученные Соколовым.

Но тогда речь идёт о сопричастности Тальберга и тех, кто стоял за ним (а это весьма влиятельные международные аристократические круги, преимущественно немецкие, но и не только), тому, что царица (видимо, не без влияния Филиппа и Папюса) назвала «green Dragon». Подворотня с двумя извили-

нами может трактовать фамилию Тальберг как еврейскую. Но если у подворотни количество извилин превышает две, то и она уже не может этого делать. А если речь идёт вообще не о подворотне, тогда...

Понимаем ли мы, что тогда трагедия, которую поспешно пытаются превратить в истерический лубок, и впрямь оскверняется анекдотом: «Не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл»? Ибо место привычных фигур из антисемитских комиксов займут люди с совсем иной «расовой спецификой» и диаметрально противоположной идеологической ориентацией.

Речь идёт о конкретных людях, конкретных структурах, конкретном элитном генезисе. Хотим ли мы разобраться в этом серьёзно? Если хотим, то разберёмся. Может быть, нам понадобится для этого пять лет, а может

быть, десять — какая разница? Это история нашей страны, это наша национальная трагедия, и мы обязаны разобраться. Но разобраться! А не шутовски кривляться на глазах ухмыляющейся международной элиты.

Я могу задать ещё много подобных вопросов. Но достаточно и тех, которые задал. Задаю их потому, что меня эти сюжеты действительно волнуют. А волнуют ли они тех, кто разыгрывает сегодняшний трагифарс, оскверняющий всё на свете? И реальные судьбы, и историю страны, и государство? Да-да, наше нынешнее российское государство.

А теперь — совсем немного о тех моих семейных сюжетах, которые почему-то тревожат воображение Александра Сергеевича Ципко.

22

Как я уже указал ранее, Тальберг входил в некие прогерманские (точнее было бы сказать, остзейские) элитные группы. А также в разного рода организации отнюдь не сионистского, а диаметрально противоположного характера. Часть моих дальних родственников имела причастность к остзейской аристократии и знала её изнутри. А другая часть родственников ненавидяще шептала, называя остзейские фамилии (Унгерн, Будберг, Таль-

берг и другие): «Помни, помни эти фамилии. Помни, как только подобная нечисть создаёт «Союз русского народа», империя кончается».

Шептавшие никак не были комиссарами. Они были глубоко воцерковленными людьми с весьма специфическим отношением ко всему советскому. А также людьми, весьма далёкими от любого интернационализма. А также людьми, вполне нечуждыми определённым фобиям, которые я никак не разделяю. Но это были вполне адекватные и вполне компетентные люди. Мир праху их. А также праху тех, кто ими назван. Не будем будить злых духов истории. Всё, что я хотел сказать и сказал по этому поводу, продиктовано желанием уберечь нынешнее российское думающее меньшинство от ненужной поспешности, которую оно уже проявило двадцать лет тому

назад. Уберечь это меньшинство от духовного и интеллектуального Танатоса «перестройки».

ВОПРОС О ТОМ, НА КОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЕЖИТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ — КРАЙНЕ НЕПРОСТ. СВОДИТЬ ЕГО К ОБЫЧНОЙ АНТИСЕМИТСКОЙ ПРОПИСИ ГЛУПО, ПОШЛО И НЕДОСТОЙНО.

МЫ ХОТИМ ГЛУБОКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА? Если хотим — не избежать вопросов весьма болезненных. Болезненных не для народа, хотя и для него тоже, а для тех семей, которые так или иначе позиционировали себя по отношению к династии Романовых в целом и её отдельным представителям в частности. И нам понадобятся мудрость, сдержанность, терпение — чтобы, проведя такое разбирательство до конца, не взорвать об-

щество. Не породить нечаянно новую распрю, которая воспроизведёт не только старую, советскую, но и совсем-совсем старую.

Что абсолютно неприемлемо в таких разбирательствах — так это примитивизм и пошлость. А также желание что-то задеть походя по принципу «слышал звон, да не знает, где он».

Александр Сергеевич Ципко, думаю, абсолютно не понимает, где тот звон, который он когда-то «зарегистрировал». А это не надтреснутое позванивание семейного колокольчика — это набат истории. Это вопрос о том, почему переходили белые к красным (частный пример — тот самый мой дальний родственник Бонч-Бруевич, который так волнует некие умы). Это не вопрос о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Это вопрос об исторической и мета-

физической правде. В этом смысле — прямое продолжение вопроса о том, кто кого предал. А также, что важнее — Романовы или Россия? И какой сакральности надо быть верным в первую очередь — династической или исторической, то есть народной? Конечно, хочется быть верным и тому, и другому. А если нельзя?

Что-то тут я знаю по семейным преданиям. И, как говорится, многие знания умножают скорбь.

Глубоко чуждым всему большевистскому царским офицерам и генералам было ясно, что красным, для каких-то их целей, сильная Россия и сильная армия всё же нужны. Им было ясно также, что сильная Россия и сильная армия никогда не будут функциональным придатком к этим «всемирным» целям. Что заработает, так сказать, положительная

обратная связь. Им было ясно также, что династии и тому элитному политическому субъекту, который реально возглавил антибольшевистское дело, сильная Россия и сильная армия нужны лишь на риторическом уровне.

Ленин подписывал Брестский мир? А Краснов, конечно, ничего не подписывал с теми же немцами... И не грезил об отдельной Казакии... И не говорил сторонникам Добровольческой армии, которые назвали его «немецкой проституткой»: «А кто в таком случае вы, если живёте у нас на содержании?»

Я не говорю, что в белой среде не было настоящих патриотов. Их там было много. Я говорю о том, что в этой среде, и особенно в её высших стратах, гнездилось историческое предательство. Вполне конкретное и документально оформленное. Нынешние белые

патриоты любят говорить о Брестском мире. А об этом говорить не хотят. Но так нельзя — нечестно и бесперспективно.

Белая элита (прошу не путать с Белым движением) сначала предала царскую семью. Потом она (с остатками династии) предала Россию, руководствуясь и мстительным чувством (любой ценой наказать «быдло»), и корыстными интересами (лишь бы вернуть собственность, всё остальное вторично), и так называемым комплексом проигравших (мол, Россию мы уже не подымем, нужно опираться на иноземные силы, нужно быть им полезными, а раз им нужно расчленение страны, то что поделаешь...).

Увы, этот путь (во многом с трагической неизбежностью) был продолжен русской эмиграцией в эпоху так называемой «холодной войны». В противном случае как можно было

идти рука об руку с силами, соорудившими Декларацию о порабощённых народах? Вроде как и отмежёвываться от них, но продолжать общую игру под руководством общих кураторов.

Так кто предал? Красные (не поздние функционеры ЦК, а те, что верили) в итоге державу сохранили, а в каком-то смысле и возвеличили. А белые помогли тем, кто её в конечном счёте разрушил! И почему так патриотично примыкать к этому стану, имея в качестве результата его действий разрушение своей державы?

Мне — и как личности, и как представителю семьи — это совершенно непонятно. Между тем, абсолютная очевидность в этом вопросе возникла не в 2008 году, а в 1918-м.

Ленин, видите ли, кому-то хотел продать Крым… А что и кому продала та сторона?

Какие договоры она подписала по принципу «власть за территории»? И не является ли наблюдаемое нами сейчас — прологом к выполнению тех давних секретных договорённостей?

Так элита для элиты — или элита для народа и государства?

Зачем этой элите нужно государство? Чтобы взять реванш? А то и «попилить» напоследок? У них есть миссия? Есть чувство долга перед народом? Или народ для них — «иуда»? А ну, если так?!

Не будет народа без сильного государства российского. Но и государство само по себе — не фетиш. Без народа как субъекта истории (а не будучи субъектом истории, крупный народ распадается на племена и субплеменные региональные группы) нет государства. Поди-тка ещё собери такой народ, не

имея подлинного исторического драйва! Ну, так и где этот самый драйв?

Государство — это не аппарат насилия и не средство согласования интересов. Но это средство. И каждый, кто увидит в нём цель, фундаментальным образом ошибётся.

ГОСУДАРСТВО — ЭТО СРЕДСТВО, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО НАРОД ДЛИТ И РАЗВИВАЕТ СВОЁ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

Спросят: «А как же малые государства?» Но я ведь не о власти над миром говорю, а об историческом предназначении. И тут в принципе — что малые, что большие. Израиль — малое государство. Но за своё предназначение (как в религиозном, так и в светском смысле) он очень держится. И если бы этого накалённого ощущения предназначенности к чему-то (ещё раз — не обязательно к завоеванию ми-

ра) не было — не построили бы Израиль. Но и Палестина держится за предназначение. Думаю, что все в каком-то смысле держатся. Но даже если не все...

Назвался груздем — полезай в кузов. Назвался великим государством — плати. Не бывает приобретений без издержек. Кто-то скажет: «Надоело, не хотим быть великим государством и платить по этим счетам. Хотим жить обычной жизнью, быть обычным государством, а не приносить жертвы на алтарь какого-то там величия».

Что ответить? Что поздно спохватились и не там родились. Отменить историю России невозможно, даже если очень хочется. Умение быть обычным государством достигается отнюдь не сразу. Обычности этой учатся столетиями. Сейчас уже поздно. Идёт стремительная концентрация геополитического ка-

питала, параллельная концентрации капитала производственного и финансового. В XXI веке обычные государства будут — прямо или косвенно — поглощены великими.

Да Россия и в принципе не может быть обычным государством. Своими размерами, местоположением, всемирно-исторической ролью, своими подвигами (а если кому-то хочется так оценить, то и преступлениями) она это величие соединила неразрывными связями с каждой клеточкой своего социокультурного тела. Если теперь по этим «проводкам» опять начнут поступать месседжи по части исторической неполноценности, то она не из величия в обычность перейдёт. Она исчезнет, обрушится в бездну такого самоотрицания, из которого уже никогда не выберется.

Так что не говорите нам про нормальную,

обычную Россию как альтернативу «патологическому» величию. Для России величие и есть норма. А эта самая «обычность» — патология. И очень скоро призывы стать обычными превратятся в призывы распасться на части во имя желанной «обычности». Но и распавшаяся на части Россия не превратится в совокупность обычных государств. Каждая из частей будет нести в себе свой Танатос...

И что я должен делать? Доказывать, что каждому из осколков «не светят» позитивные перспективы? Что их безжалостно и унизительно подомнут не только восточные, но и западные соседи?.. Но что можно доказать людям, которые готовы отказаться от своего государства? И стоит ли им что-то доказывать? В любом случае, это другая тема.

Моя же тема — связь между развитием и пониманием своего исторического прошлого.

Сотни раз я говорил оппонентам, что даже если они готовы принять омерзительную для меня версию о равноценности нацизма и коммунизма, им следует прикинуть, в чём элементарная количественная разница между 12-ю годами нацизма и 72-мя (в конце горбачёвского правления говорить о коммунизме смешно) годами коммунистической власти. Это не просто шестикратное увеличение временного срока. Это совсем другое временное качество. А значит, и качество вообще.

Парню, которому до прихода Гитлера было 20 лет, после разгрома Гитлера было 32 года. У этого парня был донацистский социально-культурный опыт. И у него была постнацистская социально-культурная перспектива. Историческую расселину в 12 лет можно было попытаться перепрыгнуть. Опыт показал, что это практически невозможно,

что восстановление государственной полноценности (простое воссоединение Германии) немедленно порождает желание спеть «Дойчланд, Дойчланд, юбер алес!» даже у таких осторожных и тотально денацифицированных политиков, как Гельмут Коль. И, тем не менее, можно было надеяться перепрыгнуть узкую, длиной всего-то в 12 лет, историческую расселину.

Черчилль говорил о Хрущёве как о политике, который хочет перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Наши дебольшевизаторы — это люди, которые возжелали перепрыгнуть пропасть в шесть прыжков. То есть это либо крайне неумные люди. Либо люди — опять же крайне — двусмысленные.

У нынешнего поколения граждан России нет никакой естественной связи с так называемым белым (шире — дореволюционным)

опытом. Эту связь, конечно, можно отчасти восполнить песнями, фильмами и разного рода «возрожденческими» начинаниями. Но я всё время вижу нынешние «институты благородных девиц» и «дворянские собрания» глазами своей бабушки. Я даже толком не могу изложить своё видение на бумаге (для этого нужно не статьи писать, а фильмы снимать). Твардовский написал по другому поводу:

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своём отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли,
И слухом их не слышать мир отчасти?

Он писал о погибших в Великой Отечественной войне и нашей трансцендентальной ответственности перед ними. Но разве нет такой же трансцендентальной ответственности перед дворянами, которые ОТТУДА должны видеть дворню, кривляющуюся под дворян?

Где черпают легитимность устроители этих унизительных маскарадов, этих криминальных пародий на тогдашнюю жизнь? Этих плясок на костях нашего бытия и нашей истории?

Монархия, говорите? Какая? Хотите, я вам расскажу, что получится? Прежде всего, учтите, что никто активно сопротивляться не будет. В сегодняшней России вообще активно не сопротивляется никто. Будут ухмыляться. По большей части подлизываться, по меньшей части — отстраняться.

Затем понадобится установить, что за монархия. Конституционная или абсолютная... Если конституционная, то это вообще смех на палочке. Если абсолютная, то неизбежно кровавая. Тогда нужно будет найти системный актив для пролития крови. Чьей — это отдельный вопрос. Но он не так уж существе-

нен. Актив этот можно найти в стране и за рубежом. Если его искать за рубежом, то это понятно как называется. Это называется иностранная интервенция и полная потеря суверенитета. Потому что «та» элита, конечно, «не замаралась» в коммунизме (и только она и не замаралась). Но она в другом «замаралась», причём не слабо.

Если же речь будет идти об отечественном активе, то он — бел по форме и криминально-чёрен по содержанию. Маску Деникина наденет на себя резко ухудшенный батька Махно. Потому что исторический батька Махно был не лишён идеологических пристрастий. А нео-Махно будет их лишён полностью.

Разборка же по поводу того, кто «замаран» в коммунизме, а кто «не замаран», будет идти по принципу самораскручивающейся спирали. При этом окажется, что замара-

ны все. Чекисты — безусловно. И если кому-то из них кажется, что они достаточно системно «перековались» и превратились в безудержно православных людей, то им быстро напомнят прошлое. Напомнят и их детям и внукам, кто были отцы и дедушки. РПЦ? Ей припомнят всё. И Сталина, и Хрущёва, и Брежнева. И сотрудничество с КГБ — как подлинное, так и мнимое.

Начнёт она такую самораскрутку — вскоре окажется, что «была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная»... Что это ей, РПЦ, мнилось, что она поглотит «зарубежников». И при «путинизме» так бы и было. Но в условиях «белой перестройки-2» окажется, что «зарубежники» поглотили её. Ибо она «замарана», а они — белые и пушистые. Выиграет часть амбициозной церковной молодёжи, которая хочет завалить «стариков» (это про-

сто на лицах крупными буквами написано). А также те, кто встроились в ряды РПЦ, ожидая, когда можно будет начать разборку по части «преступлений сергианства» и прочих аппетитных вещей.

Действие всегда порождает противодействие. Зачистка всех «замаранных в коммунизме» где-то пойдёт легче, а где-то труднее. Центробежные тенденции будут нарастать. Поскольку системного неворующего актива нет, то и воровство будет нарастать.

Наиболее яркие представители криминальной и криминализованной элиты будут получать титулы. Мольеровский «Мещанин во дворянстве»? Его «новотитулованный» герой покажется образцом респектабельного интегрирования в элиту на фоне того гламурно-уголовного фарса, который начнёт исполнять так называемая «белая Россия

XXI века».

Очень скоро бойкие интеллектуалы, пристроившиеся к этому шабашу, станут обсуждать необходимость нового крепостного права. Пресловутый анекдот, в котором высокое должностное лицо, воспитывая зарвавшихся олигархов, говорит: «Пора и о людях подумать», а олигархи отвечают: «Да-да, душ по двести не мешало бы», — воплотится в жизнь. Продлится это всё от полугода до пяти лет. Рухнет по причине тотального саморазложения. Исторический позор будет беспрецедентным. А поскольку всё это будет сопровождаться больными амбициями (для здоровых места уже не останется), а разворачиваться — в ядерной стране, то мало никому не покажется.

В любом случае, такой разворот событий потребует абсолютного демонтажа существу-

ющей системы. Ровно такого же, какой был осуществлён при дебольшевизации-1 в период «перестройки-1». Теперь понадобится демонтаж путинской системы, которую кто-то называет «чекистской».

Её собрались использовать для целей развития подобно тому, как хотели использовать советскую систему в начале периода перемен? Ну, так надо учиться на горьком опыте! Тогда это называлось ускорение («ускорение-1»). Теперь, если верить словам о развитии, нужно «ускорение-2». Но если в эту песню так активно вплетается «белый мотив», то какое ускорение? Чего? «Чекистского ужаса»? Какая мобилизация возможностей системы на цели развития? «Ужасная система не мобилизуема! Это анти-система! Хуже, чем та, административная! Надо спасаться! Разрушать систему! Скорей!»

Так было сорвано «ускорение-1» за счёт истерической десталинизации, переходящей в такую же дебольшевизацию. Так будет сорвано «ускорение-2» за счёт истерик по поводу царской семьи и других сюжетов. Ленина-то вытащат из Мавзолея, звёзды снимут (много ума не надо). И даже, может быть, монарха ввезут. Только вдруг окажется, что Россия ещё через двадцать лет если и сохранится (а с чего бы это?), то в лаптях. Кто-то скажет: «И слава богу! Каков народ — такова и обувка».

Может быть, теперь скептическому читателю становится яснее, чего ради я стал так придирчиво разбирать откровения Александра Сергеевича Ципко... Может быть, теперь он уловит трупный запах «белой перестройки», этого готовящегося Танатоса-2.

Трупы... трупы... В центре очередной «покаянной» темы — политическое некро-

фильство самого разного рода.

С одной стороны, некрофильство по отношению к красным: взять эти тела и выкинуть туда-то... а эти тела — туда-то... выкопать!..выкинуть!..

С другой стороны, как я уже говорил, речь идёт и о некрофильстве белом (те ли это косточки... те... не те...) Где Танатос, там и особое мироощущение с его прикованностью к буквальности разлагающейся человеческой плоти.

Этот тип мироощущения хорошо разобран в мировой литературе. Он был непревзойдённо художественно оформлен в уже упоминавшемся мною фильме «Покаяние». Хочу оговорить, что автор фильма Тенгиз Абуладзе — очень талантливый человек. Но он согласился работать по выверенным политическим лекалам. И отработал. А после этого — уже не

мог снять ничего. И в этой неспособности есть нечто от метафизического возмездия. Нечто такое, к чему стоило бы приглядеться внимательнее. Однако не хотят приглядеться. Ну, не хотят, и всё тут.

Итак, «перестройка» и её мистерия — фильм «Покаяние». Ничего нельзя понять в метафизике явления, не анализируя его мистерию.

Первая ключевая особенность данной мистерии, она же фильм, — особая зацикленность на трупе. И не просто на трупе — на трупе отца. Труп выкапывают, хоронят, снова выкапывают, так много раз, и наконец выбрасывают на свалку. Абуладзе в трагифарсовой манере работает с темой, которую человечество затабуировало. С незапамятных времён оно запретило себе фарсы по этому поводу. По поводу смерти — пожалуйста. Идёт стару-

ха с косой, ей кто-то даёт под зад... Были такие средневековые жанры. Но чтобы выкапывать... Обнюхивать, ощупывать, закапывать, снова выкапывать...

А как вы думаете, зачем человечество это всё затабуировало? Почему так отчуждены от социума какие-нибудь индийские секты, осуществляющие таинства с мёртвыми телами на кладбищах? Вы считаете, что у человечества не было к этому фундаментальных оснований? Секты, нарушающие эти основания (табу), — выведены из социума... А нация? Нация, которая вдруг занялась растабуированием в духе «Покаяния», не рискует быть выведенной из человечества?

Не сейчас, по прошествии двадцати лет, а тогда же, по горячим следам игры, затеянной Абуладзе (когда рафинированный танатический фильм был рекомендован к кино-

прокату по всем колхозам, включая колхозы на кавказских и среднеазиатских окраинах), я спрашивал себя и других: «При чём тут Запад с его ценностями? Истоки западной культуры — в античной Греции. Её гении преподали уроки, которые и легли в основание моральных табу. Великая трагедия Софокла «Антигона» учит тому, что труп (труп Полиника) должен быть похоронен. ПОХОРОНЕН, а не выброшен на свалку».

Вторая ключевая особенность той же мистерии (а значит, и политической метафизики так называемого покаяния) касается уже не «дионисийского» (разнузданная игра с трупом), а, так сказать, «аполлонического» начала. Это начало олицетворяется храмом, к которому приводит дорога покаяния. Выкинул труп отца, отдал его на поругание — и пришёл к храму.

Спросят: «А что плохого в храме?» Ничего плохого в храме нет. Можно ли туда прийти после того, как совершил надругательство над трупом отца — отдельный вопрос. Но главное не в этом. А в том, что храм предстаёт зрителю (то бишь социуму, жаждущему пути) в виде… торта. Кто не верит — пусть проверит. Посмотрит внимательно финал фильма.

В финале вы должны лицезреть Храм — как Торт. Как очень жирный, сладкий, сусальный, бюргерский торт. Вы не должны лицезреть ни Реймский собор, ни Шартрский собор, ни церковь Покрова на Нерли, ни кафедральный собор Свети-Цховели. Вы должны лицезреть этот паскудный, жирный, сладкий кремовый храм. И это для режиссёра (и курировавшего его «сценариста») — невероятно важно.

Совершив своеобразное эксгумационное покаяние, вы можете прийти только в эксгумационный же анти-храм. В антихрам потребления. Он знаменует собой эксгумационизм наизнанку. Тот же Тананос, но вид сбоку. Кондитерский крем отдаёт трупом, лжепричащенье — некро-каннибализмом.

Лохи, соблазнённые дьяволом, надевшим покаянную маску, приходят в оргиастический вертеп особого, сошедшего с ума потребления. А тот, кто привёл их туда, хохочет. Разве не это дано нам в нашем сегодня в наказание за наше вчера — за «перестройку-1»? Тошнотворный потребительский крем вместо смысла жизни.

Недавно показывали документальный фильм об Ингмаре Бергмане. Очень интересный фильм. Бергман жил один на острове, в небольшом доме. В этом доме было всё

необходимое, включая маленький кинозал. Из этого дома можно было влиять на ход мировой истории больше, чем из гиперроскошных вилл на Антибах... Расскажите об этом взбесившемуся «новому русскому», гордящемуся, что он пьёт вино по тридцать тысяч евро бутылка. Он вам скажет, что Бергман... Да что говорить... Сами знаете, что он скажет.

Визги-то по поводу Красного проекта почему начались? О маленьком человеке так хотят позаботиться? О том, чтобы его не обобрали «новые комиссары»? Но его уже обобрали борцы с комиссарами — Гайдар в 1992 году, творцы дефлота в 1998-м. Ему в виде компенсации подбрасывают жалкие подачки. Такие подачки могут его удовлетворить только в одном случае — если он посажен на иглу «Икеи», как наркоман на героиновую иглу.

Он о душе думать не должен. Он не должен развиваться культурно, социально или как-то ещё. Он должен хватать потребительский кредит, покупать улучшенный телик и, пялясь в него, видеть себе подобного. А также — «старшего брата по потреблению». «Тебе «Икеа», ему — Мальдивы, а мне — самый дорогой дворец в Лондоне. Жалко, Букингемский не продают!»

Так заботятся? Так берут в подельники, так повязывают кровью... И о чём хлопочут-то? Вдруг оказывается, что чуть ли не о душе!

Материалистичность советского человека? Да, было мещанство, которое в конечном счёте и продало первородство за чечевичную похлёбку. Но даже это мещанство стереглось разнузданности, которая сегодня выходит за все пределы. Даже оно стеснялось сказать, что надо только потреблять, и что в этом

«только» — высшая правда жизни.

А теперь об этом говорят без тени стеснения! День и ночь, по всем каналам радио и телевидения. В какой стране мира об этом говорят так много и в такой разнузданной интонации? О да, конечно, вы заботитесь о душе! Со времён «Покаяния» и «Интердевочки» вы лишь о ней заботитесь неустанно! И неустанно же её спасаете от «красного зверя».

Маленький человек...

Посетителю «Икеи» внушают, что хозяева дворцов — его братья по потребительской вере. Эти гламурные братья смотрят на маленького человека как на лоха и шваль. Они относятся к нему с презрением, которое не снилось никаким Вандербильтам и Морганам.

Это они вдруг спохватились и стали защищать «брата меньшого» от «мясорубок красных проектантов»? Враньё! Они и

их информационно-пропагандистский сервис обеспокоены по сути лишь тем, чтобы ничто и никогда не прервало оргии в кремовом «храме имени Потребления». «И дольше века длится жор...» Дворец... «Икеа»... Маленький человек... VIP-человек... А собственно, почему человек-то? Кремовый храм нужен для того, чтобы расчеловечить существо, именуемое человеком, чтобы уничтожить его амбиции. «По образу и подобию, говоришь? Щас как кремом накормим — и проверим, по какому он подобию, хе-хе-хе...» «Человек — это звучит гордо» (Горький). «Я человек с крупными запросами... Я зеркальным шкафом интересуюсь» (Маяковский).

А вот ещё из того же произведения: «Он победивший класс, и он сметёт всё на своём пути, как лава, и брюки у товарища Скрипкина должны быть полной чашей». «Клоп»

Маяковского оказался не фарсом, а кошмарным метафизическим пророчеством. Этот клоп начал расти, раздуваться до чудовищных, чуть ли не космических размеров. Он не может насосаться, потому что он — существо с укрупняющимися запросами, и брюки у него должны быть соответствующими. Иерархия потребностей сломана. Остался один — невероятно раздутый — нижний уровень этих самых потребностей. Но любой ученик Маслоу, любой психолог вообще скажет вам, что когда остаётся ТОЛЬКО этот нижний уровень (чьё значение в иерархии никто не оспаривает), то человека нет, есть ЭТО. ЭТО во дворце... ЭТО в «Икее»...

Для того, чтобы уничтожить ЭТО, — не нужен никакой 1917 год. ЭТО само себя уничтожит. Существо, имеющее лишь одну мотивацию, — пересесть из «мерседеса» в «бент-

ли», из «бентли» в «ролс-ройс», а из «ролс-ройса» неизвестно куда, — может только сожрать всё на свете. И окружающих, и себя.

1917... 1937... Всё это не имеет никакого отношения к тому, что составляет содержание сегодняшнего процесса. «Перестройке» удалось запустить регресс. Борьба с регрессом — это не классовая борьба, не хилиастическое восстание, не национально-освободительная борьба и не буржуазная революция. От регресса отстраняются, как от скверны. От него уходят в социальные и культурные катакомбы. Его кремовому храму противопоставляют не мускулистую руку (какая рука, если регресс подорвал всё на свете — устойчивые формации, классовую структуру?). Его храму противопоставляют свою альтернативную социальную и культурную метафизику — метафизику развития.

Иногда продуманный альтернативизм спасает цивилизации, поддавшиеся регрессу. Иногда, но не всегда. Надо говорить правду. Не всегда удавалось решить данную задачу цивилизациям, с которыми случилось такое несчастье. Но если мы не ужаснёмся масштабу вызова, если подменим правду о негарантированности спасения криками о национальном возрождении, — мы лишимся даже имеющихся шансов на выход из ситуации. Не для того ли, чтобы мы не ужаснулись реальному вызову, нас пытаются ужаснуть вампуками на исторические темы?

Лобное место. На нём стоит Россия и хлещет себя бичами морального самоистязания. «Ах, зачем я, негодная, так расправилась с несчастной царской семьёй!» Рядом стоят бывшие работники ЦК КПСС и других активов «перестройки». И хлещут, хлещут стра-

ну теми же бичами. Мир, изумляясь, на это смотрит. Весь мир дивится этому диву. А уж как Китай дивится, так дальше некуда. Он уже двадцать лет изучает нашу «перестройку». Не как позитивный опыт, а как то, чего ни в коем случае нельзя допустить. Сторонится этого опыта — и развивается. Развивается — и ещё более сторонится.

Рядом с Лобным местом стоит глашатай, странно похожий лицом на Александра Сергеевича Ципко. И читает (цитирую): «Парадокс состоит в том, что наш бывший президент Путин, говоривший, что лежащие в основе «красного проекта» коммунистические идеалы были «пустыми идеалами», что на самом деле эти идеалы были чудовищами, которые уничтожили миллионы, причём самых талантливых, самых одарённых, самых независимых представителей российской нации,

никем не услышан».

Вы всё поняли? Путин никем не услышан, кроме Ципко! С одной стороны, это правильно. Ведь Ципко — это Аппарат. А Аппарат — он ведь ещё и слуховой аппарат. Хотя и не только. С другой стороны — что значит «никем не услышан»? Понятно, что мною не услышан и мне подобными. А начальники? Начальник всегда слышит лучше, чем подчинённый. Лучше всех генсека слышит секретарь по идеологии. Чуть хуже — завотделом ЦК. Ещё чуть хуже — консультант международного отдела ЦК. Консультант международного отдела ЦК всегда слышит лучше, чем Кургинян, тут спору нет. Но он слышит хуже, чем завтоделом. Неужели завотделом не услышал Путина? И тот, кто над ним, не услышал Путина? Определённо, аппаратный сбой (читай «В исправительной ко-

лонии» Кафки).

Путин — не оракул, не жрец. Он политический лидер со своими заслугами перед обществом. Как граждане страны, мы должны уважать лидера, который, во-первых, действительно решил какие-то из проблем государства и, во-вторых, активно поддерживается большинством населения. Но читать Путина, как Маркса-Энгельса-Ленина, руководствоваться его словами, как велениями партии, которая «ум, честь и совесть нашей эпохи», мы не только не должны. Мы на это в нынешней ситуации не имеем права, если мы — исследователи. Исследователи, несущие равную ответственность перед всеми, от Путина до рязанского мужика, только за одно. За правду о ситуации.

Что касается Путина, то он много разного сказал. О том, что распад СССР — геопо-

литическая катастрофа, он тоже сказал. И о развитии он тоже кое-что сказал. Как и Медведев.

Оценка прошлого, конечно, важна для понимания будущего. Но я не помню, чтобы Путин где-то сказал, что советские идеалы были чудовищами. И кстати, если бы он это сказал, то с чего бы МИД РФ стал так отчитывать Буша?

Впрочем, Ципко виднее. Но я бы предложил для начала обсудить — самостоятельно, без оглядки на высокие политические авторитеты и без псевдоморальной антибольшевистской психопатии, — качества советской действительности. Не идеалов даже, взятых в отрыве от этой действительности. Их тоже надо обсуждать, но на следующем этапе анализа. И не в их «прописном» варианте, а на уровне, отвечающем современным глобальным вызо-

вам. А также нашей нынешней, высокой как никогда, ответственности за понимание смысла своей истории.

Но прежде, чем заняться этим, надо обсудить ту советскую действительность, в зеркале которой мы только и можем увидеть действительность постсоветскую.

23

Президент Путин когда-то публично заявил, что считает распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». Но сегодня никто не может сказать, что она порождена идеалами. У нас есть исторические свидетельства, не позволяющие так говорить никому. Строй рухнул не по причине ложности идеалов.

Я сейчас не обсуждаю, хороши идеалы или плохи. По этому поводу можно спорить

бесконечно. Я же констатирую «медицинский факт», и не более. Идеалы не породили крушения строя ни в Китае, ни на Кубе. Для того, чтобы зафиксировать факт, достаточно назвать одно место. Фиделю Кастро пророчили фиаско сразу после советской геополитической катастрофы. Где фиаско? Уже двадцать лет прошло. В Китае — тоже геополитическая катастрофа, порождённая идеалами? Там готовятся перенять эстафету глобального лидерства!

Если распад СССР — это геополитическая катастрофа, то надо назвать виновника. Мы установили, что это не идеалы. Но это и не народ. Вряд ли кто-то хочет на него возложить ответственность и сказать, что китайцы или кубинцы хорошие, а русские плохие.

Глупо возлагать ответственность и на чьи-то происки. Уж какие происки чинились про-

тив Кастро — дальше некуда!

Ну, так кто же виноват? Логически, социально и политически мы вынуждены констатировать, что виновата элита, которая и обеспечила геополитическую катастрофу. А за счёт чего она её обеспечила? За счёт перерождения.

Что это такое, я уже описал, рассмотрев некий отдельный случай. Я никак не хочу всё сводить к случаю. Но он очень показателен. Это, так сказать, наглядное пособие по перерождению.

А что такое подобное перерождение с общих позиций? Это важный вопрос.

Я уже говорил о превращённых формах. Формах, любящих себя и ненавидящих своё содержание. Ну, так вот, — именно в этом превращении таинство перестройки. Советский Союз истребила превращённая форма. В пер-

вый раз я сказал об этом в 1992 году, написав об антиэлите. И с каждым годом всё больше убеждаюсь в своей правоте. Форма истребила своё содержание. Кстати, это и есть Танатос в чистом виде и доказательство того, что перестройка представляет собой активизацию внутрисистемного Танатоса. СССР как Содержание истребила номенклатура как превращённая Форма. Теперь она же хочет истребить и Российскую Федерацию, сменив демократическую маску на белую.

Хотите узнать судьбу новой системы, именуемой путинской? Присмотритесь к новой номенклатуре (она же — старая). Когда эта номенклатура под теми или иными лозунгами запоёт на танатический лад — предуготовьтесь.

А теперь давайте на время отвлечёмся от советских идеалов и вспомним непростую и

несовершенную советскую действительность, в которой все мы жили — в том числе, и я, и Ципко, и Путин. И не просто вспомним. У каждого свои воспоминания. А осмыслим и сопоставим кое с чем нынешним. А также с белой ностальгийной псевдоутопией, с помощью которой очередные перерожденцы хотят осуществить очередную подрывную работу.

Дебольшевизаторы любят расписывать ужасы советского коммунального быта.

Знаю этот быт по своему опыту. Воспевать его никоим образом не хочу, хотя... Ну, никак не могу сказать, что он меня раздавил или как-то особенно угнетал. В каких-то случаях он мог носить уродливые черты, а в каких-то нет. Но говорят-то совершенно о другом. О том, что советский быт неумолимо взращивал неполноценного человека. Какого человека? Почему между умеренными бытовы-

ми издержками и качеством личности должна существовать такая неумолимая корреляция? А древнегреческие герои, жившие даже без коммунальных удобств? Они тоже неумолимо приобретали антропологические изъяны, порождённые бытом? Но тогда чем лучше быт, тем лучше человек. И, как сказал чукча из анекдота, «я знаю этого человека».

Быт, конечно, может раздавить человека. Но он для этого должен носить особый характер. Тот самый, который в принципе именуется «социальным адом». Это быт, в пределах которого уже нельзя сохранять человеческое достоинство, возможности внутреннего роста, моральный стержень. Это быт криминальных бараков, латиноамериканских трущоб, африканских гетто. Это быт людей, которых не лечат, не учат, не охраняют от сопряжённой с таким бытом распущенности.

Вы хотите сказать, что это был советский быт? Вы лжёте! Этого не было. Этого не было ни в больших городах, ни в сёлах, где жили очень трудно. Ни даже в проблемных регионах, в которых мне лично пришлось бывать по роду первой профессии геофизика.

Социальный низ существует всегда. Дно тоже существует всегда. Но какие-то корректирующие импульсы, исходящие от всепроникающей власти (конечно, очень небезусловной), доходили если не до самого дна, то почти до дна. И эти импульсы имели не расчеловечивающий, а обратный характер. Власть в СССР не поощряла разврат, культурную дегенерацию, социальную маргинализацию. Она не всегда могла это остановить, но она явным образом пыталась. Она отвратительным образом затыкала рот, творила многообразные идеологические глупости. Но того,

что ей приписывают дебольшевизаторы, она не делала. И чем больше они ей будут приписывать, тем больше их будут презирать за откровенную ложь.

Кроме того, власть этот коммунальный быт преодолевала. И под конец чуть ли не преодолела. Дебольшевизаторы издевались над понятием «общественные фонды потребления». Над тем, что советская власть лживо заявляет, что в совокупности с этими фондами потребления уровень жизни советского человека в чём-то приближается к уровню жизни на Западе...

Теперь мы понимаем, что такое общественные фонды потребления. Это реально бесплатная медицина. Дебольшевизаторы орали, что она в СССР была плохая. Есть многолетние сводные данные ООН. И мы знаем по этим данным, какая она была и какая

она сейчас. Это было бесплатное образование далеко не худшего по высшим мировым меркам уровня. Дебольшевизаторы орали, что оно отстаёт по качеству. Но, опять-таки, есть данные ООН. А мы и без них сами знаем, что было и что стало. Чем был приличный советский педагогический вуз, и что такое сейчас какой-нибудь новоявленный «университет».

Я очень бегло скажу о другом.

Социально обусловленные цены на продовольствие и предметы первой необходимости. Очереди? Предложите сейчас людям среднего и низкого достатка постоять в тех очередях и получить продукты по тем ценам.

Бесплатные квартиры. Качество? Во-первых, оно не было плохим. А во-вторых оно что, сейчас в России лучше? Конечно, сейчас кто-то может построить виллы любого качества. Ну и что? А что могут оставшиеся?

И, наконец, главное. Дебольшевизаторы с упоением рассказывают о том, как хорошо жили в дореволюционной России представители среднего класса — врачи, учителя, инженеры. А также купцы. И другие успешные люди. Согласен, они жили хорошо. Именно они жили в тех больших многокомнатных квартирах, которые потом превратили в коммуналки. Ведь не дворцы же и не усадьбы в них превратили. Дворцы и усадьбы, которые не пожгли, превратили в музеи и санатории.

Но кто переехал в коммуналки и откуда? Дебольшевизаторы много рассказывают о том, как хорошо жили рабочие на какой-нибудь морозовской фабрике. Где-то они, наверное, жили прилично, не спорю. Но если бы они везде жили прилично, то на кой ляд они стали бы переезжать в коммуналки и тесниться там на общей кухне? Значит, где-

то они жили относительно прилично. А где-то совсем наоборот. И второго «где-то» было несравненно больше. Иначе вообще ничего понять нельзя. Людей в эти коммуналки не ЧК депортировала. Коммуналки ведь не ГУЛАГ! Люди туда с восторгом переезжали. Ещё раз спрашиваю — ОТКУДА?

Единственно возможный ответ: они переезжали туда из помещений, по отношению к которым пятнадцатиметровая комната в коммуналке воспринималась, как рай. Но тогда каков был социальный ад, в котором их держали до переезда? Они переезжали в комнату с окном. В их коммунальной квартире всё-таки были какие-то сантехнические удобства. А до того жили они в подвале, где дети вымирали или зарабатывали чахотку (читайте хотя бы Короленко).

Вот это-то и был расчеловечивающий со-

циальный быт (он же — ад). Который сочетался со всем остальным. В том числе, с отсутствием социальной перспективы (или, как минимум, с крайне затруднённой вертикальной социальной мобильностью).

Я не хочу сказать, что все успешные дореволюционные граждане, жившие в многокомнатных квартирах, упивались своими возможностями и плевали с высокой колокольни на несчастья социальных низов. Напротив, в отличие от нынешних успешных граждан, существенная часть тогдашних «счастливчиков» мучилась от сознания несправедливости жизнеустройства, при котором расчеловечиваются «братья». Именно это мучение и породило революционный актив — от Радищева до Герцена и дальше.

Одна часть успешной страты уходила в революцию, другая просто мучилась совестью,

иногда вполне деятельно. Чехов, например. Но если бы вся успешная страта состояла только из таких людей, то о ком бы написал Чехов: «Как в сущности много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила!»

Значит, была эта подавляющая сила, пребывающая в довольстве и счастье. И, как следует из чеховского морального диагноза, абсолютно безразличная к чужому несчастью.

Это безразличие счастливого меньшинства (как элиты, так и существенной части обывательствующего среднего класса) и это безмерное несчастье низов — они, и только они породили революционный взрыв. Когда безразличные допускают социальный ад, они должны знать, что кто-то спустится в этот ад и начнёт выводить оттуда. И за ним пойдут. И наступят страшные времена. Но, конечно, да-

же тогда жертвы этих страшных времён, потерявшие свои социальные достижения, никакой ответственности за случившееся не почувствуют. А тех, кто вышел из ада, будут называть «сволочью». И никакого внятного лозунга, кроме как «вернуться и пороть», не сформулируют.

Так чем были тогда коммуналки, которые этим людям предложили большевики? Они были выходом из ада. Чем была тогда дешёвая одежда при любой её скудности? Выходом из ада. Чем была борьба за чистоту («либо социализм победит вошь, либо вошь победит социализм»)? Выходом из ада. Чем была, наконец, борьба за развитие, за образование и воспитание, за открытую социальную перспективу? ВОСХОЖДЕНИЕМ ОНА БЫЛА, ВОТ ЧЕМ.

Это всё было путём к счастью для тех, кто

находился в аду. Говорят, что большевики перебили цвет нации. Наверняка в этом есть доля правды. Наверняка в числе жертв были и те, кто мучился совестью, и те, кто пытался деятельностью своей что-то исправить, и даже те, кто поддерживал революцию.

Но не они же одни. И куда денешься от чеховского диагноза? Довольные и счастливые люди слишком много думали о себе. И их было слишком много. Они не хотели заниматься социальным адом, не чувствовали ответственности за него. В итоге ад занялся ими. Люди пострадали безвинно. А класс, а страта? Как говорить об отсутствии их исторической вины при определённом историческом результате? Совсем нечуткие к метафизике люди ещё могут как-то отгородиться от исторической правды, да и то с большими издержками (лукавя перед самими собой). Но

как могут отгородиться от неё те, кто понимает, что такое бич божий? Или его секулярный эквивалент — историческая вина?

Создав такое зеркало прошлого — посмотрим на настоящее.

Я не так давно был в Белоруссии в составе одной делегации. Конечно, нас привозили в образцовые совхозы. И, конечно, в этих совхозах вовсю пахло застоем 70-х годов. Но в совхозных клубах — есть очень активно работающие кружки и секции. Дети танцуют, поют, учатся лепке и рисованию. Им не предлагают проституцию и уголовку в качестве «канала вертикальной мобильности». Их как-то тянут наверх. Примерно так, как было при Брежневе.

Я не любил брежневский застой. Я его яростно не любил. Я любил те потенциалы, которые позволяли двинуться из этого за-

стоя в постиндустриальное общество. Я любил энергию, которую общество накопило за сорок пять мирных лет. И которую можно было направить на восхождение, на прорыв, на взятие постиндустриального барьера.

Перестройщики эту энергию слили в канализацию. Есть ли в обществе теперь хоть какая-то энергия? Не будем даже обсуждать качества. Накапливается ли она? Конечно, нет ничего похожего на ту ситуацию. Конечно, царствуют регресс и апатия. Но они царствуют не беспредельно. Где-то — в каких-то нишах и какими-то путями — что-то накапливается. Вопреки всему, идут какие-то восстановительные процессы. И что? Эту (может быть, последнюю) скудную по количеству и небезусловную по качеству энергетику будут снова сливать в канализацию с помощью «перестройки-2», и при этом сюсюкать

по поводу несчастных, проживающих в ветхих домах?

История не знает сослагательного наклонения. Но если бы в течение последних двадцати лет СССР развивался так, как при Черненко, то есть по 3% в год, то, с учётом накопления этих 3%, ВВП был бы уже вдвое больше, чем в 1985 году. То есть, у каждой семьи была бы приличная бесплатная квартира, дача, машина среднего качества, бесплатные медицина и образование, нормальная социальная перспектива.

Мало? Серо? Так ведь и шла речь о том, чтобы переломить эту застойность переходом к ускоренному развитию!

Повторяю, я до тошноты ненавидел брежневский застой. Но то, что соорудили перестройщики, и есть триумф ненавидимого мною «застоя со знаком минус», освобождён-

ного от «застоя со знаком плюс». Этот «застой со знаком минус» (номенклатура минус социальные обязательства) «опустил» общество, дабы сохранить — да, сохранить, а не отдать — власть. Оглядитесь вокруг себя, и вы поймёте, что произошло именно это.

Номенклатура, боясь в условиях восхождения народа оказаться неконкурентной во власти, организовала регресс под видом перестройки. Перестройка — это Тень застоя. Это его манёвр, направленный на самоспасение. За счёт чего? «За счёт всего», — сказали мне застойные номенклатурщики, преуспевшие в постзастойное время. Согласитесь, определение ёмкое.

И вот теперь эти номенклатурщики начинают рыдать по поводу ветхих домов. Они понимают, в какое время живут? Они могут посмотреть на свой результат в зеркало совет-

ской действительности?

Жил-был город. Он был построен вокруг одного крупного предприятия военно-промышленного комплекса. Потом предприятие остановили. Жителей города никуда не вывезли. Других предприятий нет. Заботы государства по поводу судьбы обитателей этого города тоже нет. Вы примерно понимаете, что там происходит? Вы понимаете, что сегодня никто не социализует преступников, вышедших из зоны, даже на убогий советский манер? Что, выходя оттуда, они просто оседают в удобных для них, близких к зоне, неблагополучных анклавах.

Я имею в виду ту «братву», которая не рвётся в Москву. Такая есть. Она осёдлывает анклавы. Милиция носа туда сунуть не может. Вы понимаете, как там живут? И вы хотите сказать, что при советской власти тоже

так жили? Вы лжёте. Вы либо лишены социального опыта, либо сознательно жертвуете им в угоду агитпропу. И подменяете проблемную (и порою страшную) правду — лубком в духе «Груза-200».

Но оставим даже в стороне эти крайние случаи. Хотя, собственно, почему? Возьмём другие случаи, гораздо более расхожие и социально репрезентативные. В несовершенном СССР, в условиях отнюдь, повторю, не воспеваемого мною застоя, были всякие презрительно третируемые «малости»... Ну, например детская комната милиции... Вписанная в систему и потому реально работающая, а не вываливающаяся из неё и абсолютно декоративная. Или — бесплатные спортивные секции, причём очень и очень массовые. Теперь всего этого нет. Но зато есть очень специфический «телик», которого не было. А также

новая «улица», которой не было. И где дерутся не до первой крови, а совсем иначе.

Тогда детская комната милиции всё-таки как-то удерживала среднего паренька от криминалки и доводила до армии. В армии его тогда как-то воспитывали. Не ахти как, но как-то. Потом он возвращался в свой родной город, становился к станку, который работал (и попробуй не встань!). И, натерпевшись в армии, быстро делал детей какой-нибудь приглянувшейся барышне. Крутилась машина скудной, скучной, остывающей, но человеческой жизни.

Это было тогда. Что происходит теперь? Первичный криминальный опыт паренёк получает на улице. И при просмотре телевидения. К моменту прихода в армию он уже криминализован. В армии обучается владению холодным и огнестрельным оружием.

Потом приходит к закрытой проходной завода. Путь у него один — в криминалку. Этот путь широко открыт. Остальные закрыты. Вдобавок ему внушили (реклама у нас такая), что «только в BMW последней модели можно почувствовать себя настоящим мужчиной».

Возможность получить BMW последней модели у него — одна. А почувствовать себя настоящим мужчиной он хочет. И верит тому, чему его учат с телеэкрана. Табу никаких нет. Он начинает добывать этот самый BMW. Либо он преуспеет, либо нет. Если он не преуспеет, то окажется в тюрьме или на кладбище. Если преуспеет, то попадёт в «элиту» среднего уровня и станет присматриваться, как попасть в «элиту» высшего уровня. А там, глядишь, и в политику.

Вам описать, что такое криминальная молодёжь в возрасте от 12 до 15 лет? Вам опи-

сать окружающие Москву точки, где проводятся гладиаторские бои? Их организаторов, участников и зрителей сделает своим активом «белая перестройка»? Для этих людей освежевать Гайдара — раз плюнуть. Но Гайдар же сотоварищи и создали этих людей. Они дали такому «активу» путёвку в жизнь. Они породили почву для будущего фашизма. И отделить Гайдара от ответственности за это так же трудно, как Вальтера Ратенау от ответственности за Гитлера. С той лишь разницей, что Вальтер Ратенау своё заплатил. А Гайдар, я думаю, не заплатит. Впрочем, какая разница?

2007 год. Я участвую в телевизионной передаче, посвящённой Куршевелю и Прохорову. На передачу приезжает одна соответственно одетая и украшенная барышня, знакомая нашим политикам. Эта барышня позитивно

оценивает мой дресс-код, узнаёт меня как одну из телевизионных «говорящих голов». И поначалу относится уважительно. Но я осуждаю Прохорова. Барышня изумляется и огорчается (думала, что приличный человек, ан нет). И говорит с невероятным презрением: «Я думаю, что девушки там были счастливы... А что, было бы лучше, чтобы они справляли Новый год в своей родной деревне Бабушкины Вилы? Они вместо этого справляют с интересным человеком...» Конец 80-х годов. Школьница, посмотревшая фильм «Интердевочка», пишет режиссёру фильма П.Тодоровскому такое письмо: «От себя и от имени многих моих ровесников хочу поблагодарить Вас за создание замечательной картины, которая поможет современной молодёжи, особенно девушкам, в выборе будущей профессии. После просмотра фильма я, напри-

мер, сразу решила, если быть, то «интердевочкой». Мне семнадцать лет. В этом году я заканчиваю десятый класс».

Как вам такое зеркало?

Мы отвлеклись на политически актуальное... Это отвлечение может или помочь, или помешать нам разобраться в проблеме развития. Помочь оно может только в одном-единственном случае: если мы, сохранив метафизическое начало в недрах политически актуального, сумеем теперь, не отрекаясь от политики, высвободить это начало. При таком высвобождении политическая метафизика должна естественным путём превратиться в метафизику развития как такового. Можно ли это сделать? И как?

Размышляя об этом, я предъявил определённый счёт себе самому. «Вот ты, — сказал я себе, — говоришь, что никто из находящих-

ся на чужом для тебя (ну, скажем так, белом) поле не говорит о развитии. А собственно, почему ты так считаешь? И на основании чего? На основании того, что об этом не говорят высокие чины, что нет соответствующих выступлений по телевидению и разворотов в известных политических изданиях? Но разве это достаточный повод для столь огульного утверждения?»

А если всё же что-то есть? Я собрал своих коллег, попросил их сделать мониторинг высказываний на данную тему лиц (не только высокостатусных), принадлежащих к не разделяемой, но уважаемой мною белой идеологии. Причём высказываний — за рамками обычного круга популярных СМИ, ориентированных, всё-таки, на политику.

Собранный урожай вряд ли можно назвать обильным. Однако должен признать,

что в очень важной для белой идеологии православной среде давно идёт вполне содержательная дискуссия о развитии. Только вот эту дискуссию... то ли не замечают, то ли держат в загашнике. А она, между прочим, очень тонко сопряжена с рядом других метафизических дискуссий, которые вроде бы развития не касаются. И при этом имеют некий специфический обертон, вполне нечуждый всему сразу — и политике, и теории развития.

Но вначале всё же о том, как разворачивается православная дискуссия на тему развития. Самую глубокую и содержательную аналитическую разработку я прочёл не в политических газетах и политических же журналах, а в «Московском психотерапевтическом журнале» (#3 за 2005 год), где М.Миронова очень внятно разбирает альтернативные подходы к столь важному для нас всех вопросу

в своей статье «Категория «развитие» в психологии и христианской антропологии».

М.Миронова очень тактично и одновременно аналитично рассматривает точки зрения, существующие внутри того сообщества православных интеллектуалов, в которое она сама очевидным образом входит. Как психолога, М.Миронову интересует, по её собственным словам, прежде всего, «проблема переосмысления категории «развитие» в контексте христиански ориентированной психологии». Однако её аналитика, как мне представляется, важна не только для психологов, но и для всех, кого волнует проблема развития как такового.

Ведь не зря М.Миронова уже в заглавии своей статьи говорит не только о соотношении проблемы развития с психологией (христиански ориентированной, как она уточнит

ниже), но и о соотношении той же проблемы развития с христианской антропологией.

Я уже упоминал, что не раз наталкивался в своей деятельности на очень серьёзные и отнюдь не либеральные политические элитные группы с корнями в советской высшей страте, для которых вообще ненавистно или, по крайней мере, совершенно чуждо развитие как таковое. Само слово «развитие» вызывает в этой среде глубочайшее психологическое отторжение. Поскольку я никогда не злоупотребляю сведениями, почерпнутыми в частных беседах и на узких «круглых столах», то в открытой печати я и мог ограничиться только указанием на наличие подобных групп. Без всяких конкретизаций, которые я никогда себе не позволю как по причине элементарного человеческого такта, так и из политических соображений.

Ведь группы, о которых я говорю, — искренне патриотичны и к государственности (как к советской, так и пред- и постсоветской) относятся с глубоким трепетом. То, что в этих группах укоренилось такое отношение к развитию, никак их не демонизирует. Напротив, я и оговаривал-то наличие таких групп потому, что они для меня индикативны. Обладая и политическим опытом, и обострённой чувствительностью к угрозам государственной целостности, эти группы, видимо, имеют свои основания для подобного отношения к развитию.

Весь вопрос для меня состоял и состоит в том, сводятся ли эти основания к тому, что лозунг «развитие», провозглашённый в «эпоху перемен», привёл к разрушению страны и глубочайшему социальному регрессу? Или же, всё-таки, у этого крайне негативного от-

ношения к развитию есть более глубокий и фундаментальный генезис?

М.Миронова — ещё раз подчеркну, с глубочайшим тактом и деликатностью — артикулирует некие возражения против развития, которые кто-то высказал публично, а кто-то, как она говорит, «в частных разговорах». В том-то и беда, что данная тема прорабатывается в основном в этих самых частных разговорах. И, соответственно, не может быть предъявлена в качестве одного из пунктов национальной повестки дня.

Но М.Миронова обращает внимание на то, что тема развития обсуждается всё же не только в частных разговорах. Она предлагает к рассмотрению статью священника и психолога Андрея Лоргуса «Методологические проблемы идеи развития». Отец А.Лоргус предложил своё понимание этих проблем в

докладе на совещании «Преподавание в православных школах вопросов творения мира, жизни и человека». Совещание проводил 29 октября 1999 года Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, доклад о. А.Лоргуса был опубликован в 2000 году в сборнике «Шестоднев против эволюции» (издательство «Паломник»).

Суммируя возражения против развития, почерпнутые из указанного сочинения о. А.Лоргуса и своих частных источников, М.Миронова формулирует тезисы православных теоретиков, рассматривающих развитие со знаком минус. В большинстве случаев М.Миронова основывается на прямых цитатах из статьи о. А.Лоргуса.

Тезис 1 сформулирован в виде такой прямой цитаты: «Существуют явления, прямо противоположные развитию: явления дегра-

дации и регресса. И именно православная мировоззренческая точка зрения больше всего склоняется к ним. Представления о мире, разрушающемся и распадающемся, представления о личности человека, деградирующей, и истории человеческой, находящейся в непрерывном регрессе, свойственны православному пониманию мира и прямо противоположны идее развития».

Тезис 2 сформулирован тоже в виде прямой цитаты: «Духовный опыт показывает, что в настоящее время большинство людей находится в состоянии падения». Комментируя эту цитату, М.Миронова дополнительно указывает, что в кругах тех, кто против развития, много говорится о том, что феномен падения во всей его полноте будет наблюдаться в самые последние времена, о которых повествует Откровение Иоанна Богосло-

ва. И что, с точки зрения этих кругов, данное обстоятельство служит дополнительным подтверждением тому, что человечество лишь регрессирует в процессе истории.

Тезис 3 сформулирован опять же в виде прямой цитаты: «Библия не может смириться с таким представлением о человеческом существе, в котором интеллект, психика, речь и иные, собственно человеческие проявления жизни, возникли постепенно в результате развития».

Тезис 4... И вновь — прямая цитата из А.Лоргуса, приводимая М.Мироновой: «В христианском мировоззрении нет места представлению о развитии, в котором некая сущность может порождать и изменять себя «из себя же», не идёт здесь речи и о необходимости развития более сложных форм из более простых».

Тезис 5 (который, в отличие от предыдущих, М.Миронова формулирует не в виде прямой цитаты, а значит, опираясь ещё и на свои частные источники): человек не изменился со времён Адама, так как образ Божий был вложен в него при сотворении. Поэтому ни о чём новом в человеке — а следовательно, о его развитии — не может идти речи; правильнее говорить о совершенствовании того, что уже было заложено.

М.Миронова никоим образом не пригвождает А.Лоргуса к позорному столбу в духе перестроечного агитпропа, которому мне пришлось уделить такое большое внимание. Она без тени иронии выражает благодарность о. А.Лоргусу за то, что он «заострил внимание на действительно существующих противоречиях между традиционными психологическими и богословскими представлениями».

Я могу только присоединиться к позиции М.Мироновой во всём, что касается оценки сочинения А.Лоргуса. И впрямь, надо выразить благодарность православному интеллектуалу, внятно сформулировавшему то, что в размытом виде существует и обсуждается в определённых интеллектуальных кругах, чьё влияние отнюдь не ограничено (заявляю об этом со всей ответственностью) психологами, с которыми общалась М.Миронова. Я с психологами, увы, в отличие от М.Мироновой, общаюсь мало. А с политиками и близкими к политике интеллектуалами — много. И утверждаю, что группы, оценивающие развитие в полном соответствии с тезисами, которые были приведены выше, — и широки, и влиятельны.

Вести полемику с такими группами на публицистическом уровне совершенно бес-

смысленно. Столь же бессмысленно, более того, пошло и унизительно, восклицать: «Ах, у нас и Путин, и Медведев призывают к развитию, а вы его отметаете с порога, называете фантомом, химерой, заблуждением, в лучшем случае, ложной учёностью!» Указанные группы могут не разделять представлений Путина и Медведева даже по самым ключевым вопросам, и при этом быть лояльными гражданами, государственниками, патриотами, имеющими право как на высказывание своей позиции, так и на её отстаивание.

Кроме того, всегда можно сказать, что Путин и Медведев высказались по поводу развития с политических и технократических позиций, а здесь речь идёт о рассмотрении развития с позиций духовных. И это не одно и то же.

И, наконец, вашему покорному слуге одно

внятное слово (например, процитированного выше А.Лоргуса) дороже любого лояльно-размытого словоблудия тех, кто будет лепетать про развитие потому, что это созвучно указаниям руководителей партии и правительства. Но...

Но любой специалист по общественному сознанию скажет вам, что наличие вышеназванных тезисов, коль скоро они имеют весомую элитную и общественную поддержку, не позволяет выдвинуть идею развития в виде идеи консенсусной.

24

А нужна ли нам идея развития? Нужна ли нам (а) вообще какая-то консенсусная идея и (б) консенсус вокруг такой абстрактной и непрагматической идеи, как развитие? Ведь как неабстрактно полыхнуло в Южной Осетии! И как прагматично на это ответили!

Реагируя на текущие политические события (какая же без этих реакций ПОЛИТИЧЕСКАЯ теория развития), вводя сознательно в теоретический текст элементы идеологиче-

ской полемики, я уж никак не могу не рассмотреть — воистину несопоставимый с тем, на что я уже отреагировал, — югоосетинский «эпизод».

Он ворвался в нашу жизнь и неумолимо подчиняет себе её течение. Сначала конфликт, потом признание Южной Осетии и Абхазии, потом... Мало ли что ещё будет потом. В этой ситуации можно либо закрыть тему развития, сказав, что есть вещи поважнее. Либо дать внятный ответ на вопрос, почему развитие сегодня надо обсуждать гораздо более накалённо и фундаментально, чем вчера. Я убеждён, что обсуждать его надо. И что произошедшее придаёт обсуждению темы развития ещё большее значение. И вот почему.

Какие бы конкретные шаги ни осуществлялись, единственный стратегический ответ

на вызов фундаментально новой ситуации, сложившейся к концу августа 2008 года, — ЭТО СОЗДАНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ. Только создав сверхдержаву, мы сможем:

— остановить наползающую на мир ядерную войну;

— сохранить своё государство и проживающие в нём народы;

— не допустить множественных этноцидов, являющихся неизбежным следствием превращения произвольных административных границ, доставшихся в наследство от СССР, в границы государственные, не допустить повторения эксцессов такого рода, уже имевших место в процессе территориального переустройства Османской и Австро-Венгерской империй (пресловутая балканизация, и не только);

— не допустить новых саморазмножаю-

щихся эксцессов (в Крыму, Приднестровье и на том же Северном Кавказе);

— придать какое-то другое содержание (а значит, и направление) историческому процессу, который сегодня лишён любых «непрагматических» оснований, всё больше напоминает грызню звериных стай, оголённую и потому обезумевшую чисто силовую конкуренцию, избавленную от социальной и культурной легитимации.

Я мог бы ещё перечислять причины, по которым альтернатив созданию сверхдержавы нет. Но и этих достаточно. Я понимаю, что создания сверхдержавы не хочет никто. Но мало ли чего не хотел никто ещё несколько месяцев назад.

Если система, построенная за эти годы, выдержит новые нагрузки — пусть она отстаивает себя. Я буду рад этому. И помогу всем,

чем смогу. Но если она их не выдержит, то погибнет нечто, несопоставимое по ценности с этой системой, этой элитой, этим классом. Погибнет народ, история, возможно, и человечество. Цена вопроса именно такова. Она обнажилась со всей неумолимостью. Эта новая цена вопроса была бы очевидна всем, если бы так страстно не цеплялось нутро за вожделенные радости комфортного бытия.

Никто не хочет лишать этих радостей потому, что они противоречат каким-то мировоззренческим установкам. Если эти радости можно сохранить — пусть они будут сохранены. А если нельзя? Я спрашиваю — ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ? Каково тогда будет политическое решение?

Можно ли создать сверхдержаву? Не знаю. Но сначала надо сказать, что хотим этого, что спасительно только это, что без

этого нельзя. А дальше будем думать, как. Ясно, что такая задача находится ПО ТУ СТОРОНУ ВСЯЧЕСКОГО ПРАГМАТИЗМА. ЧТО ОНА ТРЕБУЕТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИДЕЙ, СВЯЗАННЫХ С РАЗВИТИЕМ. ГДЕ СВЕРХДЕРЖАВА — ТАМ И ЭТИ ИДЕИ. ЕСЛИ СВЕРХДЕРЖАВА НУЖНА — ТО ОНИ СВЕРХАКТУАЛЬНЫ. А ЕСЛИ ОНА НЕ НУЖНА — ТО ОНИ УПРАЖНЕНИЯ УМА. И ВОТ СЕЙЧАС Я УБЕЖДЁН, ЧТО ОНА НУЖНА, КАК НИКОГДА. А ПОТОМУ ИССЛЕДОВАНИЯ САМЫХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ — НАСУЩНЫЙ ХЛЕБ, А НЕ ПИРОЖНЫЕ НАШЕЙ ПОЛИТИКИ.

Я не хочу подменять практику теоретизированием. Это было бы просто смешно. Но

без ответа на фундаментальные вопросы, связанные с развитием, вся практика скоро начнёт приобретать очень трагикомический характер. Она — при любой её остроте и блистательности — разобьётся о нерешённые стратегические проблемы. Она уже о них разбивается. И с каждым днём это будет становиться всё очевиднее.

Мы — в Постцхинвалье. Ещё недавно казалось слишком многим, что «всё в шоколаде», и Россия вот-вот будет в Европе. А теперь мы в Посцхинвалье. Сгоряча это ещё не осознано в полной мере. Говорится о каком-то кризисе отношений с Западом, который надо разруливать. Конечно, надо... Только это не кризис. И чтобы ЭТО разруливать, следует признать, что ЭТО такое. Мужество решать конкретные проблемы — есть. Найдётся ли мужество для ответа на фундаменталь-

ные вопросы? Вот ведь от чего зависит судьба страны!

Каждый человек — это прежде всего личность. А ещё он представитель своего народа. А также представитель своего класса. Разорвать с классом — его ментальностью, его приоритетами, его стилем существования — очень, очень сложно. Но что, если личность и народный дух, который в ней просыпается, входят в противоречие с классом? Вот я уже вижу, как это происходит, на наших лидерах, — с каждой их новой речью, с каждым новым витком обострения.

Это — важнейший позитивный потенциал кризиса. Сумеют ли обладатели этого потенциала им правильно распорядиться? Или же их загонят назад в «классовое стойло»? Но только тогда — недолгое пребывание в уютном стойле будет для них лишь прологом к

путешествию на бойню.

Может быть, кто-то считает, что, мол, «рассосётся». Но пусть этот «кто-то» объяснит мне, как это рассосётся, так сказать, на девятом месяце? Политические лидеры откажутся от признания Абхазии и Южной Осетии? И Дума откажется? И Совет Федерации? Нет, миленькие, не рассосётся! Произошедшее необратимо и будет двигаться по своему пути. Мятеж? Глубокая зачистка? Не вижу ресурса! Но даже если он есть — это всё равно Постцхинвалье. А если его нет — это тоже Постцхинвалье. По факту это новая жизнь России. По факту это новый формат политики. Выпустите вы сейчас хоть сто Ходорковских — это не отменит Постцхинвалья. Его уже ничто не отменит.

Всё! Вы понимаете, господа гедонисты, — всё! Я не злорадствую, не ликую. Я конста-

тирую то, что вы бы и сами поняли, если бы вам не было так страшно и больно. Двадцатилетие закончено. Дело не в том, чтобы с кем-то сводить счёты, упаси бог! Я просто не хочу, чтобы уже постучавшаяся в дверь беда пришла к неподготовившемуся народу и растерянной элите.

Я не накликаю эту беду, не кричу, как буревестник: «Пусть сильнее грянет буря!» Я не хочу этой бури. Если бы для того, чтобы она не состоялась, нужно было бы никогда не выступать по телевидению, не писать в газетах и заняться чисто теоретическими разработками, — я с огромным воодушевлением сделал бы именно это. Я не бравирую — не тот момент. Я пытаюсь в обсуждении невероятно важного для страны вопроса взять ту интонацию, которую когда-то один герой Достоевского рекомендовал другому, сказав:

«Оставьте ваш тон и возьмите человеческий».

В Чёрном море — чужой флот. И наш тоже. Может быть, господа гедонисты не знают примерных возможностей плавающих в приграничных Грузии и Абхазии водах «изделий» и путают их со своими яхтами. Тогда пусть прикинут — того, что находится на этих «изделиях», достаточно... даже не буду договаривать. Потому что мне кажется, что и гедонисты знают, для чего достаточно. Говорится, что не надо пугать народ войной. А народ — он что, «кукукнулся» до такой степени, что не понимает значения маячащих на рейде чужих боевых кораблей? Если бы даже это был народ, доведённый либеральными реформами до состояния позднего палеолита, он бы всё равно понял.

Но наш народ — всё ещё один из самых образованных народов мира. Вы боитесь напу-

гать его угрозой войны? Вы знаете, как называется этот страх? Он называется «культивированием пацифистского сознания». В старой частушке пелось:

С неба звёздочка упала
Прямо к милому в штаны!
Пусть бы всё там оторвало —
Лишь бы не было войны!

Вы хотите вооружиться пацифистским сознанием и выстаивать в противостоянии с людьми, которые прямо говорят, что они солдаты армии Рейгана? Того самого Рейгана, который сказал, что уничтожение человечества лучше, чем крах Америки? Вы на языке пацифизма собрались разговаривать с диспенсиалистами? Ах, вы не знаете, кто это такие? Вы не наблюдаете, как они в ходе американской выборной кампании обсуждают, кто из кандидатов Антихрист? Так узнай-

те! А если знаете, то примерьтесь. Необязательно для этого обезьянничать. Но соотнестись надо.

Я крайне позитивно оцениваю интервью Путина CNN. В этом интервью есть и достоинство, и страсть, и адекватность происходящему. Внутренний некрикливый пафос очевиден — мы не хотим быть рабами американских господ. Этот пафос нашёл глубокий отклик в сердцах многих. НО ТОГДА ПРИ ЧЁМ ТУТ ПАЦИФИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ?

Либо-либо. Либо борьба с этим сознанием, либо отказ от продемонстрированных интонаций. И ползанье на брюхе. Но сочетание «мы не рабы» с «боже мой, только не пугайте наш народ угрозой войны!» — это нонсенс, причём губительнейший. Россия материально слабее НАТО. Но не фатально слабее. А главное — дух решает в войне очень многое.

Решение о начале войны возможно по многим причинам. Это будет не наше решение. Но оно уже прорабатывается. И остановить его можно только одним — всем известным — образом. Положить на другую чашу весов контрпотенциал, состоящий и из материального, и из духа. Но не из пацифистского же сознания, которое будет только распалять потенциального противника, внушая ему уверенность в безнаказанности.

Остановить войну — не значит сюсюкать, прятать голову под крыло. А сила духа не в том, чтобы закатывать милитаристские истерики. Но продемонстрировать мобилизационный духовный потенциал абсолютно необходимо. И не только продемонстрировать. Эпоха пиара позади. Этот потенциал надо разбудить в народе, которому двадцать лет внушали, что любая мобилизация — это отвра-

тительная и почти преступная затея.

Но главное — соединить мобилизацию с развитием. Не противопоставить — а соединить. Иначе сверхдержавы не будет. Ну, будет рычащее деградирующее чудовище. Кого-то оно чуть-чуть напугает, а кого-то раззадорит. Мало ли что этот раззадоренный «кто-то» может соорудить, помимо прямого ведения боевых действий?

Мобилизация и развитие! Не развитие в условиях отсутствия неприятностей, а развитие в условиях неприятностей, в каком-то смысле даже под воздействием оных, — вот единственно возможная формула. Кому-то казалось, что есть другие. Ну, и как?

Читатель, посмотри, с чего я начал свои размышления по поводу развития! С того, что Д.Медведев сказал о необходимости для России долговременной передышки. А я обратил

внимание на то, что ещё до того, как он об этом заговорил (да и Путин уже успел сказать что-то о необходимых нам десятилетиях развития в спокойных условиях), стало обсуждаться — из какого именно окна и пулей какого именно калибра с кем именно из этих «развивантов» будут разбираться.

Я что-нибудь выдумал? Я, что ли, тогда этот «политический сюжет» обнародовал, а не высокий американский эксперт? Я в ответ лишь объяснил, что Столыпину тоже не нужны были великие потрясения. Но они состоялись. И сейчас лишь фиксирую: чем именно отличается Южная Осетия от вековой давности «выстрела в Сараево» — понять невозможно. Если кто-то сумеет мне это объяснить, то этот «кто-то» — виртуоз по части ухода от правды жизни.

Страна должна встряхнуться. Проснуть-

ся. Осознать новую реальность. В стране должен произойти страшно важный ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕЛОМ. Вы слышите? Внутренний!

Я не призываю ни к 1937 году, ни к каким бы то ни было ВНЕШНИМ коренным переломам. Любой ВНЕШНИЙ перелом — абсолютно катастрофичен. Щас — начнём всех загонять в военный коммунизм, карточки раздавать, национализации проводить и чёрные воронки гонять почём зря! Не дождётесь. Какие-то практические шаги, конечно, необходимы. Но их можно осуществить без всякого ВНЕШНЕГО перелома — спокойно и деловито. Это-то действующая власть вполне сможет.

Дело в другом. Необходим коренной ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕЛОМ. Он должен быть, повторяю, ВНУТРЕННИМ. Но он ДОЛЖЕН БЫТЬ. Если его не будет — нам

всем хана. Этот внутренний перелом предполагает отказ от всякой подражательности, от любого обезьянничанья на чужой манер. Он преполагает не прагматический, а иной отказ от заданной двадцатилетием модели «вашингтонского обкома».

Можно поносить американский империализм почём зря (что уже делается и будет делаться ещё громче) и при этом находиться в абсолютной психологической зависимости от этого империализма, его моделей, концептуальной власти, задаваемой этими моделями. Надо показать не только, что это кончено — исчерпано, дискредитировано самим американским империализмом. Надо показать, что у нас есть своё фундаментальное послание миру в том, что касается понимания развития. И что на основе этого фундаментального понимания мы собираем вокруг себя народы,

готовые его разделить.

Я не призываю ни к каким реставрациям, ибо они бессмысленны. Позорно отказываться от своего опыта и своей самости. Но ничуть не менее позорно оказываться ностальгирующими «бобиками», не способными посмотреть в будущее. Я с методологических, а не идеологических, ценностных позиций предлагаю осмыслить то, что советская Россия при Ленине была неизмеримо слабее нынешней России в плане вооружений, экономической мощи и прочего. Но у неё было некое фундаментальное послание миру. И только это помогло ей выстоять.

Так уж устроен мир, что Россия, перестав ползать на брюхе, оказывается перед выбором — или собирать сверхдержаву, или быть уничтоженной. Сказал А (перестал ползать на брюхе), говори Б, В и так далее. Ищи по-

слание — да обрящешь.

Бряцание оружием, нагнетание страстей? Помилуйте! Кто их нагнетает? Флот, трущийся о флот в небольшой лохани по названием Чёрное море, — кто это соорудил? Ваш покорный слуга? Я сидел в костромской деревне и с наслаждением занимался изучением Блаженного Августина. Смотрел телевизор, с невероятной горечью констатируя, что всё, о чём я предупреждал, сбывается с пугающей меня неумолимостью. Да, пугающей! Я никогда не хотел, чтобы мои прогнозы сбывались. И никогда не считал, что страх — это нечто недостойное. Я, напротив, всегда считал, что отсутствие страха — симптом глубокого психического нездоровья.

Вот у мерзавца Саакашвили не было страха, когда он приказывал разрушать Цхинвал. Страх возник, когда самолёты начали летать

над его головкой, а не над головами осетинских детей. Тот, кто говорит, что у него нет страха, — это глубоко больной человек. Или псевдо-мачо, который обделается при первых неприятностях, касающихся лично его, как это случилось с Саакашвили.

Так что я повторяю — всё сбывается с пугающей неумолимостью. Но главное — с неумолимостью. Потому что для того, чтобы сказать, что никакой передышки не будет, не нужно было быть семи пядей во лбу. Агрессия против «непокорных грузинских провинций» начала рассматриваться соответствующими международными кругами в феврале 2008 года. Ещё до победы на выборах Д.Медведева. Примерно тогда же, когда стали обсуждать, как и по кому будут палить из винтовок с оптическими прицелами.

А вот что нужно было для того, чтобы

говорить о передышке? О мирных десятилетиях, в течение которых мы будем неуклонно развиваться и одновременно делать нашу жизнь всё более и более нормальной? Для этого нужно было быть людьми именно той генерации, к которой относятся и Путин, и Медведев. К генерации людей, твёрдо убеждённых, что Россия — может и должна стать великим государством, входящим в великий западный мир.

Это и есть российское державное западничество. Именно державное и именно западничество. И петербургский генезис здесь имеет существенное значение, и человеческий опыт. Путин работал в Германии, смотрел вокруг, видел ухоженность, опрятность, НОРМАЛЬНОСТЬ окружающей жизни и хотел, чтобы так было в России. Ему были абсолютно ясны две вещи. Первая — что именно в этом благо

для России. Вторая — что это благо достижимо.

Он и отнёсся ко всему происходившему соответственно. Как советский офицер и патриот, он острейшим образом пережил распад СССР и начавшийся демократоидный дурдом. Как человек с российскими державно-западническими убеждениями, он твёрдо верил, что коммунизм — это красивая, но вредная сказка. Что нужно добиваться нормальности. Что СССР развалился потому, что советские лидеры не дали народу вожделенной для него нормальной жизни. Они не дали! А мы... Мы добьёмся этой нормальности, станем нормальной (и великой) державой и войдём в этом качестве в нормальный (и великий) западный мир.

Он в это верил, как офицер, переживший катастрофу конца 80-х. Он в это верил, как

начинающий постсоветский менеджер. Он в это верил, как крупный администратор. Он в это верил, как человек, рискнувший всем, давая отпор в Чечне. Он в это верил, как утвердившийся политический лидер. И он выбрал преемника, который верил в то же самое.

С недоумевающей издёвкой Путин смотрел на Меркель (чей «генезис» ему, надо полагать, понятен ну уж никак не меньше, чем мне) и «пояснял для недоразвитых»: «Я давно привык к ярлыкам вроде того, что трудно разговаривать с бывшим агентом КГБ. Медведев будет более свободен от того, чтобы доказывать свои либеральные взгляды. Но и он в хорошем смысле такой же русский националист, как и я. Он настоящий патриот и будет самым активным образом отстаивать интересы России на международной арене».

Выбрал же он Медведева потому, что он

видел в нём два слагаемых, которые ему особо дороги — державность и западничество. Всё, что касается надёжности, взаимных личных симпатий, — это уже третье. Или, как говорят математики, необходимое, но недостаточное. Достаточным же было именно то, что я назвал. Путин — это офицер конца 80-х годов. У меня есть друзья с подобными же представлениями. И я знаю, что это даже не мировоззрение, а нечто большее. Это глубокая светская вера. Не мешающая её обладателям быть, например, православными или кем-либо ещё. Или же не быть оными.

Я знаю немало людей в гораздо более высоких военных чинах, чем Путин, которые верили именно в это. Я знаю людей из окружения Андропова, которые сочетали глубочайший патриотизм с таким же представлением о нормальном и должном. Ни эти люди,

очень близкие к Юрию Владимировичу, ни профессионалы-историки, занятые его личностью, ничего не могут утверждать наверняка. Но поскольку я занимаюсь этим давно, то мне кажется — подчёркиваю, кажется, — что у Ю.Андропова была какая-то затаённая мысль по поводу суперпроекта, основанного на тонком переигрыше противника. Ну, например, мы как бы разоружаемся, чуть-чуть разваливаемся, входим в макросистему противника, а потом оказывается, что мы там главные. А что делать? Не ядерную же войну начинать!

Сколько раз де Голль говорил о Европе от Атлантики до Урала. А нашим — нравилось. Ох, как им это нравилось! Им же говорили — и по-французски, и в переводе — до Урала! А после Урала — что? Политическая Европа кончается? Де Голль же о политической Ев-

ропе говорил! А государство под названием Россия (СССР или просто Россия) продолжается? Или за Уралом уже начинается Китай?

Потом начались химеры Евразии. Мы объединимся с Европой. Возникнет единая Евразия. Мы «уделаем» Штаты. Станем хозяевами мира. А для начала развалим СССР и хитренько так, нормализовавшись, освободившись от «совкового безумия», в это всё запрыгнем.

Запрыгнули?

Я адресую этот вопрос не вороватому быдлу, не любителям роскошных особняков, а серьёзным державникам-западникам. Так запрыгнули или нет? Стали частью Евросоюза?..Вошли в НАТО?..Вышвырнули американцев из Европы или поделили с ними мир?..НИЧЕГО ЭТОГО НЕ ПРОИЗОШЛО. И Постцхинвалье — время, когда всем придёт-

ся признать, что этого не произошло. Классу придётся признать. «Базису», то есть. А высшей политической «надстройке» — в первую очередь. Потому что если она этого не признает и не сделает выводов — её сдаст класс.

И не надо говорить, что у него нет способов. Способы всегда найдутся. Просто до Цхинвала класс был готов кого-то сдавать, дабы усидеть на двух стульях (державности и западничества). А после Цхинвала можно либо сдать всю «надстройку» целиком и ползти на брюхе к иноземным завоевателям (не будучи уверенными в том, что простят), либо стать адекватными новым вызовам. А они огромны!

СССР был сверхдержавой. Холодная война — это противостояние сверхдержав с разными идеологиями. Не религиями! Когда конфликтуют религии, да ещё поднагретые

эсхатологическими ожиданиями, то это не холодная война, а конфликт цивилизаций. На языке офицеров, о которых речь, — «фул абзац» (говорю культурно).

Конфликт же идеологий — не ахти какой ужас. Возможна дивергенция идеологий, возможна конвергенция. Есть общая база, есть глубокие расхождения. Возможна разрядка, а возможно нарастание напряжённости. И что? Если силы равны, то мир спокоен. Это и называлось Ялтинский мир. Кому-то он не нравился. Но нам-то он почему не нравился? Не нас разгромили и на обломках построили против нас какой-то там мир. Мы этот мир строили! Мы получили в нём больше, чем когда-либо имела Российская империя.

Почему мы этот мир сдали? Нам нужно было рынок внедрять, будь он неладен? Обогащаться нужно было нашей номенклатуре?

А что, китайская номенклатура не обогатилась? Не внедрила рынок, сохранив при этом стране всё, что та имела, в смысле державности? Или у Андропова не лежали на столе записки о китайском опыте, о том, куда Китай поворачивает после Мао Цзэдуна? Лежали, лежали! Но была какая-то мечта — очень давняя и очень опасная мечта. Мечта «слиться». И невозможно было объяснить, почему нельзя слиться. Невозможно было объяснить, что уже Ленин понял — победи он под Варшавой, и всему конец.

Россия — это альтернативный Запад. Именно Запад и именно альтернативный. Пока она будет — будет так. Когда же её не будет, то мир рухнет в ходе «войны за русское наследство». Россию даже развалить «культурненько» нельзя — она так устроена. Отдайте китайцам Сибирь — и нет никаких

США как сверхдержавы! Все начнут учить иероглифы. Я имею в виду тех, кто останутся живы.

На этой историософской проблеме сходили с ума русские цари и советские генсеки. Очень и очень неслабые люди. Наконец, страсть по вхождению в Европу стала настолько сильна, что все политические инстинкты оказались временно подавлены. Я подчёркиваю — временно подавлены.

Не предатели России совершили то, что произошло. Это сделали несколько групп, чьи интересы временно совпали. Лишь одна из групп — «пятая колонна» (эти самые предатели). Вторая группа — расхитители, воры, чревоугодники, обезумевшие от желания иметь ещё более роскошную жизнь, чем западные суперэлитарии. Третья (и решающая) группа — западники, воодушевлённые любо-

вью к России ничуть не меньше, чем те, кто оказался по другую сторону политического барьера.

В решающий момент всё зависело от поведения третьей группы. Она изнутри захватила главные элитные позиции к началу 80-х годов. Так произошло в силу определённых культурных и социальных причин, которые можно рассматривать отдельно. Здесь же мне важно только то, что это произошло. ГДР сдали не тогда, когда рухнула Берлинская стена. ГДР сдали окончательно где-нибудь в году 1979-м. Я не перепутал год. Не в 89-м, а в 79-м. Какие именно масштабные планы были в голове у Ю.Андропова по части мироустройства... Были ли они вообще... Тут окончательные ответы дать нельзя. А вот по поводу того, когда сдали ГДР, можно нечто утверждать с большей или меньшей досто-

верностью. И я не с потолка беру этот 1979 год.

Прошло тридцать лет. Тридцать лет мечтаний, интриг, спецпроектов, национальных несчастий, личных катастроф, колоссальных жертв, положенных на алтарь того, чтобы всё-таки слиться с Европой, зажить вместе с ней этой самой «нормальной жизнью».

Постцхинвалье — это время, когда надо подводить черту под давней мечтой. Для многих это страшно болезненно. Потому что эти многие — не твари, не циники. Верю, что, во всяком случае, часть из них руководствовалась своими представлениями о национальном благе, а вовсе не желанием похоронить страну, получив в обмен возможность пить вино по тридцать тысяч евро бутылка.

В момент, когда Путин был офицером, эти люди были руководителями совсем другого

ранга, хотя и сходного профиля. Жизнь прожита, принесена на алтарь несостоявшегося проекта. Что они думают, а главное, чувствуют теперь, когда трутся бок о бок в Чёрном море соответствующие «изделия»? Они же не дети! Они же понимают, что уже проблема военной конкуренции турецкого и нашего черноморского флота не имеет, так сказать, однозначного ответа! Они же понимают, что ради вхождения в Европу мы разоружились в одностороннем порядке!

Нам надо избежать холодной войны? Да холодная война была бы неимоверным благом по сравнению с тем, что нависло! Нам надо бы мечтать о холодной войне. А религиозным людям — молиться каждый день за то, чтобы войти в её формат. Потому что она-то ничем не угрожает ни нашим народам, ни всему, что мы любим. Мир стал бы равнове-

сен.

Он перестал им быть сразу после распада СССР. СССР, как тяжеленная плита, придавил и держал под спудом сконструированный для его подрыва радикальный исламизм (прошу не путать с исламом). СССР фактом своего существования, своей мироситемной ролью нарушил так называемый закон неравномерности развития империализма, выведя за пределы этого самого империализма существенную часть человечества. Теперь человечество оказалось целиком объято «неравномерностью империализма» и готовится к неизбежному последствию данной неравномерности — американо-китайской ядерной войне (уже «назначенной» некими прогнозистами на 2017 год).

СССР... Наши правозащитники с поджатыми губами, эти вчерашние хулители СССР,

теперь блеют, как прооперированные овцы, лишённые даже овечьих мозгов: «Ведь были же братские народы, а теперь!»

Лоботомированные правозащитные особи, вы мне скажите, когда были эти братские народы? Когда они были, я спрашиваю? Пока была сверхдержава, именуемая одним или другим способом! «Такой-то царь, в такой-то год, вручал России свой народ».

Мы что, не говорили о том, что малые империи гораздо свирепее, чем большие? И что Грузия своей репрессивностью покроет все рекорды советской эпохи, которые так было принято смаковать? Мы что, не пытались пробить ваши овечьи лбы элементарной аргументацией, предсказывая, что каждому «свободолюбивому народу, освобождающемуся от русского имперского сапога», немедленно придётся лизать другой имперский сапог?

Мы что, не показывали — и количественно, и качественно, — что мир не отказывается от империй, а наоборот, рвётся к их созданию в XXI веке? Что империей (и именно Четвёртым Римом) мнят себя и США, и Евросоюз? Что раньше или позже возникнет ещё пара кандидатов на имперское сверхдержавие? Причём именно такое, которое не будет совместимо ни с каким другим? И что нам в каждом из этих сверхдержавий места уже не будет? Что мы попадём между молотом и наковальней? Что отказаться от сверхдержавы ради евроутопии может только человек, разучившийся отличать мечту от действительности?

Я же не оспариваю эту мечту! Она совместима с жизнью России! Вошедшая в некое сверхдержавное поле Россия — могла бы жить. У этой жизни были бы плюсы и мину-

сы. По мне, так минусы будут больше плюсов, а для кого-то это иначе. Но... не дано такой мечте осуществиться! И не надо даже спрашивать, почему этого не может быть. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. «Теорехтически это, конечно, лошадь, а прахтически так она падает».

Теорехтически мы движемся в Европу. А прахтически мы трёмся о Запад ослабленными бронированными боками.

Западничество и державность вошли в клинч. Нужна не прахтическая милитаристская щетина, одевшая тело страны, млеющей от желания слиться в экстазе с Европой (Западом). Такая милитаристская щетина только погубит всё на свете — и себя, и других. Себя — в первую очередь. Нужны рыцарские латы, под которыми — сверхдержавный дух.

Скажут: «Да что щетина, что латы — всё

равно ядерная война».

А вот и нет! Потому что латы остановят. А щетина не остановит. Ну, если вам так не нравится метафора лат... Если вы так верите в пацифизм (а я лично ни на йоту в него не верю и имею все основания)... Если так, то есть другая метафора. Мои учителя мне говорили: «Самая удобная одежда — это фрак». А когда я спрашивал, почему, объясняли: «Потому что в нём нельзя ни драться, ни обниматься».

Обиженный западник может начать вести себя, как оставленная жена, которая пишет письмо в партком: «Мой муж негодяй, верните мне моего мужа!» Такая жена способна на неадекватное поведение. Державный субъект, знающий, что у него есть его путь (назовите его особым или как-то ещё) совершенно не обязательно должен быть невротизиро-

ван сдержанными отношениями с теми, кто идёт иным путём. Идеологический конфликт — это фрак в ситуации разрядки, и это латы в ситуации обострения. Многое можно варьировать, если мы добьёмся вменяемого идеологического конфликта. Но для этого надо иметь идеологию! А её нет! У сверхдержавы она была. А у нас сейчас её нет!

Самое страшное (не побоюсь слова «страшное»), что по большому счёту её нет ни у кого. Написав книгу «Слабость силы», я попытался «на языке фрака» обратиться к западным коллегам, объясняя это прискорбное обстоятельство. И получил много откликов. В том числе, от людей с Запада, не лишённых влияния. Многие уже понимают, что слабость силы состоит в том, что сила имеет один генезис, а власть — принципиально другой.

Истоки Запада — в греческой античности, ядром которой является трагическое как основа греческого мировоззрения. Кто породил трагическое? Эсхил. И в этом смысле он является родоначальником всего сразу — и мировоззрения, породившего Запад, и западной политики, являвшейся на рассматриваемом этапе составной частью мировоззрения и культуры.

Ну, так вот. В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» фигурируют два символических персонажа, ведущих Прометея к скале. Эти персонажи — Сила и Власть. Подчёркиваю, их два, и они отличны друг от друга. Власть имеет онтологически другую природу, нежели Сила. Власти-то в современном мире и нет! Потому что — и это давно показано (сошлюсь хотя бы на наиболее известного Кожева) — власть может быть сакральной,

по сути теократической (власть Отца), нормативной (власть Судьи), проектной (власть Вождя) и экзистенциальной (власть Господина над рабом по Гегелю). Можно приводить другие классификации — ничто от этого не изменится.

Теократическая власть предполагает (а) накалённую религиозность всего населения и (б) вытекающий из этой накалённой религиозности конфликт цивилизаций («фул абзац» в приведённой выше лингвистике).

Власть Судьи предполагает императив права. Настоящего права, не ориентированного на одностороннюю выгоду, а имеющего абсолютное значение. Эта власть преступно растоптана Клинтоном в Югославии и добита Бушем за счёт признания Косова. Её нет. Миром правит не право (жёсткое или мягкое), миром правит беспредел. Кто силён — тот и

прав. Но это уже не власть, это сила.

Власть проекта (и Вождя) предполагает наличие проекта. Проект растоптан в Ираке. Не потому, что Ирак стали бомбить. А потому, что, разгромив Ирак, не стали строить на пепелище модернизированное сильное национальное государство (как это делали, победив Японию или Германию). Вместо этого под жалкие и пошлые вопли о демократии соорудили хаос, наполненный суперрадикалами. Сооружённый же хаос, по сути, обрушили на своего союзника Турцию, воткнув ей в спину нож под названием «курдская проблема».

С этого момента стало ясно, что цезари обезумели. А обезумевший цезарь — это уже не цезарь. «Король голый!» — шептались придворные в сказке Андерсена. Голый король — это всё же ещё король, хотя и странный. То, что мы лицезреем по части «цеза-

рей», делится для меня на нечто привычно безнадёжное и ужасно странное. Привычно безнадёжное — это Маккейн. Ужасно странное — это Обама.

Голые короли? Это бы было ещё полбеды! Но король, не видя, что он голый, апеллирует, тем не менее, к своему сакралитету. Тут же апеллируют только к силе. Сила — очень серьёзное слагаемое. Но когда ею подменяют, а не дополняют власть, это конец королю — голому, одетому... Любому. Его место занимает громила. У громилы весьма впечатляющая мускулатура. И дубина — о-го-го какая. Но он не король. Не рыцарь. Он громила. И это все видят. Власти Проекта под названием «Модерн» — нет. Буш, который отрекомендовался его защитником, сам же его и похоронил в Ираке.

Что есть ещё? Власть Господина над ра-

бом по Гегелю. Ещё это называется признанием. Господин не боится смерти, а раб боится. Когда Господин доказывает рабу, что не боится смерти, — раб, понимая, что сам-то он боится, признаёт Господина, делая его таковым фактом своего понимания.

Кто-то хочет сыграть по этим правилам? Но по ним уже сыграли без нас. И если у режиссёров драмы под названием «шахиды» была большая цель, то она состояла именно в этом. Люди, демонстрирующие, что они идут на очевидную смерть за идею, тем самым подчёркивают, что это они не боятся смерти, а не те, кто хотят стать их господами. И если они не боятся смерти, то факт господства по Гегелю отменён.

А раз так, то обрушена и четвёртая, последняя схема власти Запада. Он НЕ избранник Бога, НЕ справедливый судья, НЕ созда-

тель Проекта Модерн и даже НЕ господин по признаку бесстрашия. Так кто он?

И НЕУЖЕЛИ НЕПОНЯТНО, ЧТО МАЛО-МАЛЬСКИ ПОЗИТИВНЫЙ ВЫХОД ИЗ КОЛЛИЗИИ, ЗАДАВАЕМОЙ ЭТИМИ ЧЕТЫРЬМЯ «НЕ», СВЯЗАН С РАЗВИТИЕМ? РАЗ-ВИ-ТИ-ЕМ! СТРАНА, КОТОРАЯ, ПЕРЕСТАВ КОПИРОВАТЬ ИСЧЕРПАННОЕ, СКАЖЕТ НЕЧТО НОВОЕ О РАЗВИТИИ, — ТЕМ САМЫМ СОЗДАСТ ПРОЕКТ. СОЗДАВ ПРОЕКТ, ОНА ВЕРНЁТ (ЛИШЬ ПРОЕКТОМ И ПОРОЖДАЕМУЮ) ВЛАСТНУЮ ЛЕГИТИМНОСТЬ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МИР ПОГИБНЕТ В ЯДЕРНЫХ СУДОРОГАХ БЕЗВЛАСТНОЙ, ТО ЕСТЬ ЧИСТО СИЛОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ.

Что же касается России, то, конечно, кого-то может запутать паскудный лепет на тему о

«тысячелетней рабе». А также казусы последнего двадцатилетия. Но Россия не раба. Что угодно, но не это. Она полюбила Запад, как Татьяна Ларина Евгения Онегина. Полюбила, считая, что у него есть эгрегор, дух, высшая идеальная правда. Когда она видит, что этого нет, происходит то, что описано у Пушкина. Губы шепчут: «Уж не пародия ли он?» И... Постцхинвалье.

Восстановить проект! Восстановить проект и вместе с ним что-то, адресующее к власти. Восстановить проект и сверхдержаву. Внести в нынешнее «безумие сильных» нечто, адресующее к идеальному, нечто сверхпрагматическое. Вот в чём спасение и России, и мира. Только в этом, и ни в чём другом. Опомнитесь, откройте глаза! Повторяю — вы в Постцхинвалье. Так случилось. Теперь придётся исходить из этого и либо гибнуть, ли-

бо... переходить в иной, сверхпрагматический, проектный формат. А там уж... удастся — фрак, не удастся — латы. Всё лучше и даже безопаснее, чем милитаристская щетина.

Проект — вы слышите! Или это — или конец российской истории. Выносить такой вердикт до признания Абхазии и Южной Осетии было рано. Вчера было рано. Завтра будет поздно.

Что случилось? К чему готовиться? Случилось Постцхинвалье. Оно обрушилось на неподготовленную страну, на неподготовленную элиту («базис»). Если бы только на «базис»! Постцхинвалье обрушилось на «надстройку», абсолютно не подготовленную к альтернативе между западничеством и державностью.

Это ясно, как божий день. С каждым ча-

сом, с каждой очередной телевизионной программой, с каждой газетной статьёй и радиодискуссией это будет всё яснее. Но элита этого не хочет понимать. И дико злится на тех, кто ей пытается объяснить нечто, теперь уже категорически очевидное.

Раньше можно было посылать на три буквы и говорить, что «всё в шоколаде». Вы идёте к реке, чтобы искупаться. Жаркий день, вы ждёте всех прелестей от этого купания. А вас уговаривают: «Да не ходи туда, не надо!» Ну, как не послать на три буквы-то?

Потом вас кусает овод... Вы по нему — бац! Вам говорят, что оводов будет больше. А вы отвечаете: «Да чё там, купнуться хочется! Может, кайф и не тот, но лучше купнуться. Да уже и до речки почти дошли».

Потом на вас набрасывается туча беспощадно жалящих насекомых. И вы понимаете,

что на берегу их ещё больше. Вы не начнёте менять маршрут? Будете объяснять, что очень купаться хочется?

А потом вы видите, что на вас ползёт крокодил. И что река полна крокодилов. Вы тоже будете туда прорываться? Но тогда вы не любитель купания, вы кто-то совсем другой!

Что произошло в Южной Осетии? Вас укусил отдельный овод? На вас набросилась туча ядовитого и смертельно опасного гнуса, способного вас сожрать до костей? Или крокодилы неожиданно обнаружились в такой умильной и желанной речке? Ответьте на это себе! Быстрее! Скажите правду! Успейте её осмыслить и сделать выводы! Не за оружие хватайтесь быстрее. Не на него уповайте. Оно необходимо, но недостаточно. Найдите в себе духовные силы для принципиально другого пути. Для проекта.

Нет проекта без идеи развития. В каком-то смысле югоосетинский вызов связан ещё и с попыткой России перейти к развитию. Этих попыток — даже самых мягких и деликатных — Запад боится больше всего. Сколь бы эти попытки ни были западническими — они пугают. Хотите правду? Они пугают ТЕМ БОЛЬШЕ, ЧЕМ БОЛЕЕ ОНИ ЗАПАДНИЧЕСКИЕ. Очень неудобно и горько говорить об этом, но это так.

Либо проект, основанный на углублённом, доходящем до предельных вопросов рассмотрении развития, — либо «фул абзац». Именно потому проблема развития не отменяется, а усугубляется.

Вроде бы всё так просто: все «за» — и за работу, товарищи! Но уже по казусу Лоргуса, рассмотрение которого я начал в предыдущей статье, видно, что это не так. И поверьте

— ради глубокого понимания насущной сегодня, как никогда, темы, стоит присмотреться к данному казусу. Не демонизировать кого-то, не устраивать «охоту на ведьм», а присмотреться. Вдруг да выяснится нечто существенное?

25

Вы призываете всё общество и всю элиту отбросить идеологические разночтения и поддержать, казалось бы, очевидную в своей позитивности и безальтернативности идею развития, а вам говорят: «А откуда вы взяли, что эта идея очевидна? Тем более, безальтернативна и позитивна? У нас, например, совершенно другая точка зрения. И вы своей плетью национально-государственнической аргументации наш духовный обух не переши-

бёте. Вам надо какое-то там развитие во имя победы в противостоянии с врагом государства. Мы тоже хотим противостоять врагу государства. Но мы знаем, что есть ещё враг человеческий, и что выше задачи спасения государства стоит задача спасения души. И вы нам это самое развитие не подбрасывайте! Ишь ты, «позитивное», «безальтернативное», «консенсусное». Что нам ваши мирские приоритеты? У нас есть приоритеты совсем иного порядка!»

А тут из-за спины этой — в принципе АБСОЛЮТНО НОРМАЛЬНОЙ И ВНЯТНОЙ — аргументации слышится второй, собственно политический, так сказать, голос: «Хватит, хватит... Доразвивались при Михаиле Сергеевиче...» И опять-таки — что скажешь? И впрямь, доразвивались.

Поскольку я убеждён, что оба эти голо-

са — духовный и политический — есть одно целое, то возникает крайне сложная ситуация. Ну и слава богу, что она крайне сложная! Иначе нам пришлось бы избыточно политизировать обсуждение развития и слишком разбавлять это обсуждение собственно политической проблематикой... Разрушительность дебольшевизации... Рамки политической рациональности в вопросе об убийстве царской семьи... Всё это, конечно, важно. Но только вкупе с настоящей теоретической проблематикой.

Наличие такого внятного оппонирования развитию, которое заявлено отцом А.Лоргусом, позволяет нам сделать шаг вперёд и начать обсуждать развитие как таковое, переходя от прикладной — к общей политической метафизике.

Внимательно ознакомившись с работой

А.Лоргуса «Методологические проблемы идеи развития», я обратил внимание на некоторые моменты, которые М.Мироновой, в силу её профессиональной ориентированности, не показались особо существенными. Мне же представляется, что без рассмотрения этих моментов беседа о метафизических pro и contra в вопросах развития рискует погрязнуть в частностях. Очень интересных, в том числе и для меня, но в политическом отношении не имеющих решающего значения.

Прежде всего, речь идёт о построении работы А.Лоргуса. Он делает свой доклад (ставший основой рассматриваемой статьи) в связи с дискуссией о дарвиновской теории эволюции, развернувшейся в определённых религиозных кругах и породившей совещание Отдела религиозного образования и ка-

техизации Московского Патриархата на тему «Преподавание в православных школах вопросов творения мира, жизни и человека». В теории Дарвина есть ряд моментов, болезненных для христианского сознания. Причём именно для сознания не слишком, так сказать, усложнённого. И при этом обременённого всеми сомнительными приобретениями нынешней российской эпохи, к числу которых, конечно, относится абсолютное пренебрежение ко всему, что сформировало на настоящий момент человечество.

Такое современное российское сознание (к сожалению, его приходится объективно оценивать как регрессивное), взяв на вооружение что угодно — от радикального демократизма до своеобразно понимаемой религиозности («а почему бы нет, могу выбрать и такой прикид»), — категорически отметает всё

остальное: «А чё такое? У меня новые ценности, а тут лезут с каким-то Дарвином, получается, что я от обезьяны произошла, а мне при моих новых ценностях это ну никак не подходит».

По сути именно это, как мне помнится, заявила одна школьница, подав вместе с отцом судебный иск с требованием, чтобы школа прекратила навязывать учащимся, имеющим религиозные ценности, какого-то Дарвина. Позиция школьницы и её отца не случайно оказалась в фокусе внимания ряда телевизионных каналов. Всё это явным образом отдавало пиаром с политической окраской.

Беспокойство вызывает не сама эта позиция, а способ её обсуждения. Ведь российская школьница и её отец — не первооткрыватели в данном вопросе. Таких исков в мире было множество, особенно в конце XIX — начале

XX века. Вызов дарвинизма мучительно осваивался христианством. Одним способом этот вызов осваивал Ватикан, другим — Российская империя и Русская Православная Церковь. И в том, и в другом случае существовала церковная иерархия, чей вердикт был обязателен для верующих. И тут надо говорить не о способе, а о способах принятия вызова, который и впрямь был достаточно болезнен для религиозного сознания.

У протестантов иерархии, способной вынести окончательный вердикт, не было. Именно поэтому наиболее яростно против Дарвина ополчились некоторые течения в протестантизме, особенно американском. И вели бои против Дарвина очень долго. А некоторые ведут до сих пор, хотя большинство вполне религиозного американского общества воспринимает их как мракобесие. Но за то время,

пока шли эти бои против дарвинизма, «воюющими сторонами» было столько сказано, что, казалось бы, навеки усвоено — такие бои не нужны никому. Ни науке, ни церкви.

Что касается Ватикана, то он, в свойственной ему гибкой манере, очень быстро справился с вызовом. Конечно, всегда («всегда» — это до второй половины XX века) сохранялись радикальные клерикальные круги, которые отрицали Дарвина. Но это уже не было мнением всего церковного Института.

Скажут: «Ватикан нам не указ». И я полностью соглашусь. Хотя... На уровне МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ — почему бы и не поучиться (сохраняя при этом и систему ценностей, и аутентичность православной позиции)? Но и впрямь ведь не указ. Заёмным опытом сыт не будешь. Однако есть же и свой опыт! Он для нас тоже не указ?

Граф Алексей Константинович Толстой никогда не был отлучён от православной церкви, в отличие от графа Льва Николаевича Толстого. Кроме того, Алексей Константинович Толстой никогда не был либералом и очень сдержанно (мягко говоря) относился к революционным демократам, в отличие от графа Алексея Николаевича Толстого.

В стихотворении, которое я приведу ниже, это выражено напрямую в его оценке нигилистов (то есть революционных элементов Российской империи). Эта его экстремально-негативная оценка, весьма тогда «немодная», никак не добавила ему популярности ни в либерально-буржуазных, ни в фрондирующих аристократических салонах России. Но он дал эту оценку потому, что таково было его мировоззрение. И он не хотел им поступаться — ни в угоду либеральной моде, ни в

угоду странным течениям противоположного рода. Дал он её по одному частному поводу.

М.Лонгинов — начальник Главного управления по делам печати в 1871–1875 годах, поддавшись давлению неких крайних (как сейчас сказали бы, контрмодернистских) группировок, всего лишь попытался запретить одно из произведений Дарвина. Повторяю — всего лишь попытался! Пошли слухи (разумеется, обоснованные, но слухи), что он это сделает. И граф Алексей Константинович Толстой на эти слухи откликнулся своим известным стихотворением «Послание к М.Н.Лонгинову о дарвинисме».

Это «Послание» советский агитпроп тоже не любил, поскольку слишком уж сильно граф «приложил» нигилистов, то есть революционных демократов, то есть предтеч большевиков (по каноническому опреде-

лению Ленина — «декабристы разбудили Герцена» и так далее). Но стихотворение стало суперпопулярным уже в момент его написания и оставалось таковым весь XX век.

Это стихотворение убило все попытки перенести на российскую почву протестантские (или католические в их радикально-инквизиторском исполнении) методы борьбы с Дарвином. Мне казалось, что стихотворение знает каждый образованный человек. В общем-то, так и было лет 30 назад. Кто-то цитировал наизусть, кто-то кусками. В школах стихотворение изучали. Не учили наизусть «от и до», как «Песню о Буревестнике», но изучали. А наиболее яркие фрагменты стихотворения вошли в быт достаточно широких кругов... ну, примерно так, как цитаты из Ильфа и Петрова вошли в быт несколько более широких кругов...

А.Лоргус не знает это стихотворение? Его бэкграунд хочет в очередной раз «по полной программе наступить на те же грабли»? Кто-то готов так же прямолинейно, как М.Лонгинов, начать работать с наукой вообще и теорией эволюции в частности, по прошествии конкретно 136 лет? Уже не в XIX и не в XX, а в XXI столетии?

А зачем? Нет, вы мне объясните, зачем? В чём какая-то политическая целесообразность? Если даже речь идёт о том, чтобы установить в стране абсолютно жёсткий теократический режим, то это всё равно не так делается! Россия не Иран, но и в Иране это не так делается! Главное, что будет этот теократический режим делать? Гоняться за сторонниками Дарвина и ждать, пока очередные научно-технические революции создадут такие виды оружия, против кото-

рых стареющий потенциал, унаследованный от СССР, будет бессилен? Соединять работу а-ля М.Лонгинов с развитием нанотехнологий?

Но главное всё-таки метафизика... Поскольку я хочу СРАЗУ обсуждать и её, и политику, я всё-таки приведу дословно метафизически небессмысленное стихотворение А.К.Толстого. Тем более, что оно столь же небесмысленно с политически-прикладной точки зрения.

Я враг всех так называемых вопросов.

Один из членов Государственного совета.

Если у тебя есть фонтан, заткни его.

Козьма Прутков.

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь . . . .,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зёрна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошёлся с Моисеем.

Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты б уж должен в заседанье
Запретить и Галилея.

Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья —
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотворенье?

Отчего б не понемногу
Введены во бытиё мы?
Иль не хочешь ли уж Богу
Ты предписывать приёмы?

Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати.

Ограничивать так смело
Всесторонность Божьей власти —
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!

Ведь подобные примеры
Подавать — неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!

Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга.

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто —
Ведь твоё гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

Нигилистов, что ли, знамя
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвином и теми?

От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть средины —
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.

В них не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинисма,
И сквозят в их диком строе
Все симптомы атависма:

Грязны, неучи, бесстыдны,
Самомнительны и едки,
Эти люди очевидно
Норовят в свои же предки.

А что в Дарвина идеи
Оба пола разубраны —
Это бармы архирея
Вздели те же обезьяны.

Чем же Дарвин тут виновен?
Верь мне: гнев в себе утиша,
Из-за взбалмошных поповен
Не гони его ты, Миша!

И ещё тебе одно я
Здесь прибавлю, многочтимый:
Не китайскою стеною
От людей отделены мы;

С Ломоносовым наука
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток,

Льёт на мир потоки света
И, следя, как в тьме лазурной
Ходят Божии планеты
Без инструкции цензурной,

Кажет нам, как та же сила,
Всё в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у Комитета.

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнёшь её теченья
Ты своей дрянною пробкой!

Конец 1872 г.

А.Лоргус в своём докладе, который М.Миронова считает столь индикативным (и я с нею абсолютно согласен), апеллирует к методологии как науке, которая, начиная с 40-х годов XX века, стала оказывать влияние на отношение к научной теории вообще и рассматриваемым им конкретным теориям, в частности.

Методология — интересное и в целом очень позитивное направление. Другое дело, что методология породила не только очень умные и правильные идеи, методы, приёмы работы — но и параллельную субкультуру со всеми её составляющими. В то время, как ве-

дущие методологи (особенно — глубоко уважаемый мною Г.П.Щедровицкий) категорически настаивали на необходимости изучения традиции мышления, требовали, чтобы определённые канонические философские произведения заучивались чуть ли не наизусть, — субкультура культивировала пренебрежение ко всему, что не есть методология. Было очень соблазнительно отказаться от изучения философской традиции и от апелляции к ней, и на всё смотреть «с методологического высока». Это порождало дилетантов.

Я никоим образом не отношу к ним А.Лоргуса, окончившего психологический факультет МГУ в 1982 году и Московскую духовную семинарию в 1992 году. Я просто обращаю внимание — и его, и других интеллектуалов со сходной точкой зрения, — что такой соблазн в принципе существует.

Но коль скоро А.Лоргус апеллирует к методологии, то я хочу обратить его внимание на то, что граф А.К.Толстой, не зная о существовании методологии, которая, по мнению А.Лоргуса, начала развиваться с конца 40-х годов XX века (а как же Джон Ди и его последователи?), построил стихотворный текст блистательно именно с методологической точки зрения. Да и с политической, кстати, тоже. То, что мы и в XIX веке не были за китайскою стеною... Согласитесь, граф угадал правильно. Кто-то хочет, чтобы мы оказались за нею в XXI столетии?

Так вот, насчёт православной методологии... Граф А.К.Толстой никогда не рвал связи с каноническим православием. Что же до разных его масонских шалостей, то кто из искренне верующих христиан (православных, в том числе), принадлежащих к высше-

му классу, не баловался чем-то подобным в XIX веке? Не только в России, но и в Германии, и во Франции, и т.д.?

Граф шутливо и одновременно всерьёз спрашивает о том, кто, относя себя к Твари, может осуществлять дескрипцию интенций Творца по поводу им творимого? Как это в принципе возможно? Не построено ли в религии всё и всегда на неисповедимости путей Господних?

Но если эти пути неисповедимы, то почему надо считать, что Ньютон или кто-то ещё (тот же Дарвин) не раскрывали нечто в этих путях (конечно, не до конца и несовершенным образом), а клеветали на Божий Промысел? Каким должно быть научное открытие, чтобы его нельзя было интегрировать в Божий Промысел, который — по методологическим основаниям, применяемым в гиперпрограмме

под названием «вера»! — всегда абсолютно эластичен?

Атеисты пели частушки: «Всю Вселенную прошли — нигде бога не нашли». Все понимали, что это чушь. Что прошли не всю Вселенную. Что понятие «нигде» для Бога вообще не существует. Что Вселенной всё не исчерпывается. Наука никогда в этом смысле не посягала на Бога, если это была серьёзная наука. Если отдельные «жрецы науки» это делали, то на свой страх и риск и в силу исторической ограниченности. Эйнштейн говорил о том, что со стороны Бога некрасиво бросать кости каждый раз, нечто определяя. Но он почему это говорил? Потому что считал, что Бог и не бросает эти кости. Ибо Он — единство истины, справедливости и красоты. Он не говорил, что Бог в принципе, если ему захочется, не может и кости побросать.

Всё он может. Ибо неисповедимы пути, и так далее.

Вульгарнейший атеизм, действуя с определёнными целями, мог подбрасывать слабо образованным людям: «Вам говорили, что бог на облаке? А там самолёты летают, а бога нет». Может быть, Лоргус хочет подобную чушь выдать за позицию науки?

Борис Викторович Раушенбах — крупный учёный и вполне верующий человек. С его статьёй «Четырёхмерное пространство», опубликованной в сборнике «Пристрастие» (издательство «Аграф», 2000 год), каждый может ознакомиться самостоятельно.

Вначале Раушенбах вводит четырехмерность просто как существование, наряду с обычными тремя пространственными измерениями, четвёртого. И оговаривает, что когда теория относительности только появи-

лась, за это новое четвёртое измерение принимали время.

Далее Раушенбах пишет о том, что есть «значительно более сложное четырёхмерное пространство, где четвёртой координатой является не время (что себе легко представить), а тоже пространственная координата (что представить себе немыслимо)». И указывает, что методы изображения этой немыслимой ситуации (если есть четвёртое пространственное измерение, то любая мистика допустима) давно были выработаны в русской иконописной школе.

Раушенбах размышляет о последствиях возрожденческого отказа от свойственных средневековому искусству приёмов. О том, что художники Возрождения «границу между миром видимым и невидимым стали показывать изображением облаков». Но ведь

Раушенбах понимает, что «границу между миром видимым и невидимым» просто стали показывать по-другому. То есть, что «облака» в искусстве Возрождения — это всё то же введение немыслимой пространственной четырехмерности. Он считает эту инновацию неудачной... Не будем спорить. Подчеркнём лишь, что обсуждение УДАЧНОСТИ и НЕУДАЧНОСТИ методов показа пространственной немыслимой четырехмерности лишь подтверждает, что речь идёт ИМЕННО О ПОКАЗЕ ЭТОЙ НЕМЫСЛИМОЙ ЧЕТЫРЕХМЕРНОСТИ, а не о чем-то другом.

Но наука на своём языке осваивает пространства с немыслимой четырехмерностью, а также большим количеством собственно пространственных измерений, что совсем немыслимо. При этом речь идёт — и это особо важно — не об абстрактных математических

n-мерных пространствах, а о пространствах физических (квантовых и космологических, прежде всего).

Наука и религия конкурируют друг с другом в том, что касается понимания сверхсложности подобной реальности. Такая конкуренция не носит антагонистический характер. Как поведёт себя религия в этой ситуации? Любая её попытка отказаться от конкуренции (и кооперации) с наукой в вопросе о сложности и сверхсложности — приведёт к тому, что пальма первенства перейдёт к науке. Религии же останется — пропись, элементарщина. Но в этом случае религия проиграет.

Так что такое атака церкви на науку? Граф А.К.Толстой, как православный методолог XIX столетия, показывает, что это ересь. Это посягательство на Бога. На его пре-

рогативы, на всевозможности Вседержителя. В чём изъян его методологических построений? И есть ли этот изъян?

Православный методолог XXI века А.Лоргус прекрасно понимает, что, с методологической точки зрения, изъяна нет. Существует Система (религиозная или иная). Существует Информация, отвечающая критериям достоверности («данные опыта» это называется, «верификация» и так далее). Как может Система не интегрировать в себя Информацию: данные науки, любые другие данные о мире, имеющие статус достоверности (притом, что достоверность всегда относительна)? Если Система этого не может, то одно из двух: или Система плохо построена, или... Или на самом деле она-то может, но ей мешают, чтобы развалить её, соорудив на пустом месте пустой и беспер-

спективный конфликт между Системой и Информацией.

Но А.Лоргус — не М.Лонгинов. Он и живёт, согласитесь, несколько позже. И замахивается на нечто большее. Если бы он замахивался только на теорию эволюции, я не стал бы столь подробно это обсуждать. Но он замахивается на теорию развития вообще. А поскольку ему мало замахиваться на теорию с позиций чистой веры (он слишком хорошо понимает, чем это чревато), то он берёт в союзники (чуть не сказал «в подельники») методологию и теорию систем. Мол, теория развития была хороша, пока не возникла теория систем.

Это классический игровой приём. Он же — политический «заход». Управляемый конфликт, так сказать. Манипуляция, она же — разводка. Вы хотите атаковать науку. Вы её

делите на «своих» (методологов и системщиков) и «чужих» (сторонников теории развития). Потом «свои» должны съесть «чужих». А вы — стоять, уперши руки в боки, и похихикивать. Чужими руками жар загребать.

Конфликт теории систем и теории развития? Не понял. Ну, гадом буду, — не понял. Я не выпускник психфака МГУ. Я кандидат физико-математических наук. Защищался в советскую эпоху, когда это кое-что значило. Защищался как раз по уравнениям, описывающим устойчивость систем, и сходным вопросам. У меня есть работы и по теории систем, и по распознаванию образов, и по обратным задачам. Я в политологии непрерывно применяю теорию систем.

Ну, так вот... Я не знаю ни одного профессионала, который осмелится сказать, что теория систем опровергает теорию развития. А у

А.Лоргуса сказано именно это. Я не по реферативным выжимкам, данным М.Мироновой, сужу. Я А.Лоргуса сам внимательно прочитал. И мне его методологический приём ясен. Берём некие научные дисциплины (например, дисциплину X и дисциплинуY), сталкиваем их с научной же дисциплиной Z, потом организуем проигрыш дисциплины Z дисциплинам X и Y, а потом «подчищаем» всё с помощью религии.

А.Лоргус делает буквально это. Дисциплина X — методология. Дисциплина Y (основной союзник А.Лоргуса) — теория систем. А дисциплина Z, которую надо разгромить, — теория развития. Вся теория развития целиком, понимаете?

Осуществляя такой методологический приём, надо ждать методологического же ответа. И не только от графа А.К.Толстого.

В ожидании методологического ответа надо ознакомиться с теорией систем. Я не знаю, в какой мере А.Лоргус является специалистом по методологии. Судя по тому, как он ею пользуется, тут есть вопросы. Но он психолог, методология близка психологии мышления... Всё может быть. В конце концов, методология — это сфера гуманитарного знания. И в силу специфики знаний у неё есть своё, достаточно размытое, представление о строгости.

Но с теорией-то систем всё иначе! Это математическая дисциплина. Там есть иное представление о строгости. Есть алгоритмы и аппарат. Есть круг авторитетов. Этот круг вполне обозрим. И я твёрдо говорю, что сталкивать теорию развития и теорию систем может только человек, который в теории систем не понимает НИЧЕГО. То есть ничего вообще

— за пределами модных сегодня ужимок: «я, мол, системщик». Теория развития и теория систем не могут противостоять друг другу в принципе — с методологической, опять-таки, точки зрения.

Теория систем — это «что». Что развивается? Система. Любая динамическая система имеет траекторию (в обычном пространстве, если речь идёт о механической системе, или в пространстве фазовых переменных, если речь идёт о системе более сложной). Траектория определённого типа — это траектория развития.

Как отличить траектории, не являющиеся траекториями развития, от траекторий, являющихся траекториями развития? Как выявить типы траекторий развития, увязать эти типы с классами систем, решить обратную задачу восстановления системы по траектории?

Этим всем должна заниматься теория развития.

И что значит противопоставить их друг другу? Примерно то же самое, что противопоставить слово «солёный» слову «огурец». Это логический, а значит и методологический, нонсенс.

Но что подобный казус знаменует собой в плане идеологическом (так и хочется сказать — схоластическом)? Что религия в том виде, в каком её понимает Лоргус, не хочет бороться с наукой, оставаясь только на своей территории. Как достигается такая победа — понятно.

Говорится, что есть мистический опыт, опровергающий нечто (например, развитие).

Оппонент спрашивает: «Что за опыт?»

Ему отвечают: «Вам не понять. Наш опыт внутри системы, а вы — вне неё».

Оппонент указывает на мистический опыт других людей, находящихся внутри системы. Опыт, утверждающий, а не опровергающий нечто (например, развитие).

Ему отвечают: «Мы между собой разберёмся, а вы тут лишний».

Ну, хорошо, я готов признать себя лишним.

Как быть с культурологией, историей религий, религиоведением — отдельный вопрос. Есть мнение, что всем этим можно заниматься, только находясь «внутри». Принимаю, но с одной оговоркой. А сравнительным религиоведением должен заниматься кто? Экуменист? Немного чудно.

Но в принципе, я готов рассмотреть всё сразу — и отказ от развития с апелляцией к мистическому опыту, и разделение на тех, кто «внутри», и тех, кто «не внутри». Однако то-

гда религия не должна никогда апеллировать ни к какой науке. Она должна апеллировать только к религиозному опыту и создавать такие формы его осмысления, которые будут свободны от научного искуса.

Такой подход к религии существовал. Говорили ведь о «греческом соблазне», имея в виду увлечение античными философствованиями. Но это очень быстро было отметено. Стало ясно, что подобный подход носит абсолютно тупиковый характер. Религии пришлось пойти на компромисс, взять внутрь себя и научный метод, и научные данные. Не сделай она этого — ей бы быстро пришёл конец.

Ведь речь идёт ни много, ни мало о вопросе соотношения между Разумом и Верой. И «оскоромились разумом» люди веры — не в XIX и не в XX столетии, а примерно тогда, ко-

гда Блаженный Августин заявил во всеуслышание, что без чтения греческих философов он пребывал бы во тьме. Он же не заявил при этом, что для него наука выше божественного! Он трактовал Платона и Аристотеля очень тонко и абсолютно своеобразно. И именно вокруг этих (и других, вкушающих от разума) трактовок сложилась хрупкая система христианского «вероразума». Начните изымать из этого сплава разум — система рухнет.

ПРОВОЦИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗРЫВ С РАЗУМОМ КАК ТАКОВЫМ — ЭТО ПОДРЫВНАЯ ОПЕРАЦИЯ. Говорю как специалист. Это точь-в-точь запуск Танатоса — но не по отношению к нации с определённым идеологическим опытом, а по отношению к конфессии.

Отношения между Разумом и Верой никогда не были гладкими и сусальными. На что опять-таки указывает А.К.Толстой, но и не только он, по этому поводу тысячи томов написаны. Да, они НЕ БЫЛИ гладкими. Но они БЫЛИ — были всегда! Кто-то говорил, что Разум подчинён Вере. Кто-то — что Вера подчинена Разуму. Кто-то предлагал тот или иной паритет в отношениях между Верой и Разумом. Кто-то особым образом трактовал Разум в его отношениях с Верой.

Возразят, что были и те, кто говорили: «Верую, ибо нелепо». Согласен. Без такой позиции религия мертва. Но такая позиция отдельных очень ярких личностей, позиция мистиков, духовидцев, отстраняющихся от разумного во имя ясности духовного зрения, всегда была интегрирована в институт под названием «церковь». И если бы эта позиция

не была интегрирована в институт и отчасти растворена в нём, то религии бы не было. Была бы секта духовидцев... Потом оказалось бы, что у одних — одни духовные видения, а у других — другие. Дать оценку статусу духовных видений невозможно: то ли мистическое откровение, то ли соблазн... И всё стало бы рассыпаться.

Чтобы не рассыпалось, как раз и нужен институт. Институт, а не отдельные, сколь угодно яркие, личности с их видениями, чурающиеся разума как препятствия и соблазна. Личности-то, может быть, и чурались. А Институт с разумом никогда не порывал! Потому что понимал, что это бессмысленно. Что нельзя построить здание без веры, но и на одной вере его не построишь.

Номиналисты, реалисты и концептуалисты — по-разному строили отношения меж-

ду Знанием и Верой. Но они всё и всегда эти отношения строили. В Средние века строили. Потом — тем более. Что такое Ренессанс? Это не безбожие, это иное давление античного Знания на христианскую Веру. Вера — выдержала.

Так они и жили... Этак полторы тысячи лет...

А потом наступило нечто, ради чего, в сущности, я так подробно всё это обсуждаю. Нечто называлось «проект Модерн». Модернисты — не безбожники. Есть католические, протестантские и православные модернисты. Не разрывая с Верой, они приняли вызов Нового времени. Времени, породившего стремительный взлёт науки и техники. А в силу этого — иное отношение к Разуму. Модернисты поняли, что теперь отношения с Разумом и Наукой надо строить по-новому. Или же ухо-

дить в глубочайшие катакомбы.

В эти катакомбы ушли так называемые контрмодернисты. Модернисты и контрмодернисты разошлись отнюдь не только в вопросе о внутрицерковных реформах. Да, и о них спорили. Но главным всё же был спор об отношении к Разуму. Религиозный модерн согласился принять Разум в дом Веры на совершенно других основаниях, нежели это происходило ранее. А контрмодернисты на это не согласились.

Без религиозного модерна нет проекта Модерн как такового. А без этого проекта Модерн — о каком развитии можно говорить с политической и стратегической точки зрения?

Многие путают Просвещение и Модерн. Эта путаница — от лукавого. Для меня лично и Просвещение — это великая эпоха с велики-

ми достижениями, со своими гениями, своими мучениками. Но вряд ли кто-то не согласится с тем, что Модерн намного шире Просвещения. Что в его основе — поиск новых внутрирелигиозных подходов к вопросу о Разуме и Развитии.

Прежде всего, речь пошла о соотношении Развития и Свободы Воли. Если Бог даровал Свободу Воли, то он сделал это зачем-то. Человек имеет право выбрать путь. И идти этим путём до конца. Он может идти к свету или к тьме. Кто-то говорил, что ещё и к свету через тьму. Но это отдельный и очень сложный вопрос. В ходе этого движения человек меняется. Меняется, ибо борется. Меняется, ибо само приближение к чему-то может осуществить в нём фантастические перемены.

Являются ли эти перемены актуализацией того, что заложено, или возникновением чего-

то совсем нового? Сложный вопрос. Понятно, что в примере, который приводит А.Лоргус (куколка, превратившаяся в бабочку), реализуется не индивидуальная, а внутривидовая программа. Куколке предписано стать бабочкой. И потому куколка не свободна. Но в примере с куколкой и бабочкой речь идёт о природе. И о природном же роке. Куколка не человек. Она не может менять программы, написанные программистом под названием «природа». Куколка, как и бабочка, безраздельно принадлежат природному.

А человек? Разве уже культура не является вызовом господству природы? А вторая реальность — реальность сознания? И доколе простирается человеческая свобода? И есть ли у неё пределы, если она дарована Богом?

Впрочем, даже и в плане соотношения Развития и Природы... Что такое, напри-

мер, мутация? Животное или зародыш облучили жёстким радиационным излучением. Возник... ну, например, монстр... Имеем ли мы право сказать, что радиационное излучение актуализировало заданные траектории динамической системы под названием «животное»? Если цыплёнок вылупился из яйца или куколка превратилась в бабочку, то ясно, что речь идёт о заданных (и реализованных) траекториях. Но если из яйца вылупился мутант, а из куколки вместо бабочки выпорхнуло нечто другое — то это тоже заданная траектория?

Но тогда всё на свете предзадано, и говорить просто не о чем. На самом же деле уже приведённый пример, — касающийся животного или растения, которые качественно менее свободны от диктата природы, чем человек, — доказывает, что возможно то, что

не задано изначально. И это-то и называется прорыв.

На сверхсложную систему, способную выйти за рамки автоматизированных программ поведения, оказано абсолютно нетривиальное воздействие. Система в существующем виде на это воздействие ответить не может. Но она хочет жить. И она представлена миллионами, а то и миллиардами, экземпляров с разной жизнеспособностью. Одни из них сверхнормативная нагрузка уничтожит, а другие преобразует («тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат»).

Развитие — это ответ системы на испытание, задающее нагрузки, превышающие пределы прочности системы. Механическая или любая просто сложная система ответит на нагрузки, превышающие пределы её прочности, одним-единственным способом: она раз-

рушится. А вот сверхсложная система... Может быть, разрушится, а может быть и нет. И в этом «может быть, нет» — механизм развития. Нет этого «может быть» — нет развития. И почему же это Творец не мог заложить такой механизм в Творение? Уже скоро компьютерщик сможет, а Творец нет? Странное отношение к Творцу (смотри А.К.Толстого). Странное — и, видимо, неслучайное.

26

Обсуждение тех или иных религиозных идей... Рассмотрение сложных внутриконфессиональных мировоззренческих разногласий... Так ли всё это актуально? Отвечает ли это заявленной теме? Почему этим надо заниматься на страницах газеты, а не в специальных изданиях?

Эти вопросы абсолютно закономерны. И проще всего было бы свести ответ к одному — лежащему на поверхности — обстоятель-

ству. Мы говорим: «Развитие или смерть!» А рядом представители весьма авторитетного института, церкви, утверждают устами священника и интеллектуала Лоргуса, что для христианина нет и не может быть развития как позитивной ценности. Если мы занимаемся политикой, мы не можем делать вид, что этого не происходит. Иначе это не политика, а башня из слоновой кости.

Читатель вправе спросить: «Кто об этом говорит? Представитель института или представители? Влиятельна ли эта точка зрения в элите, ориентирующейся на православие, в собственно православном сегменте современного российского общества? Если даже эта точка зрения влиятельна, то так ли она пагубна в политико-стратегическом смысле? И, наконец, причём тут светская часть российского общества?»

На часть из этих вопросов трудно дать прямые доказательные ответы. Косвенные ответы я уже давал. Читателю остаётся только поверить им. А также экспертным оценкам, согласно которым эта точка зрения влиятельна и имеет самые разные стратегические последствия. В том числе и собственно политические.

Ведь не только ваш покорный слуга, далёкий от конфессиональных дел, но и интегрированная в конфессию М.Миронова адресует, говоря о группе православных интеллектуалов, отрицающих развитие, как к тексту А.Лоргуса, так и к частным разговорам. Поскольку разговоры частные, то дальше вступает в действие система моральных ограничений. Они ведь на то и частные, чтобы на них не ссылаться. Кроме того, поскольку они частные, то любые ссылки будут бездоказа-

тельными.

Итак, читателю придётся верить на слово и исходить из того, что, дискутируя с А.Лоргусом, я на самом деле дискутирую отнюдь не только с ним. И это в каком-то смысле меня оправдывает. Но лишь в каком-то смысле.

Беспокойство читателя по поводу того, что подробные рассмотрения неочевидных и достаточно тонких религиозных идей могут увести нас далеко в сторону, я полностью разделяю. И постараюсь этого избежать. А также привести аргументы в пользу такого рассмотрения.

Первый аргумент я уже привёл. Если влиятельные группы говорят о том, что смыслы, весьма важные для России, несовместимы с развитием, то мы не можем не задуматься, так ли это.

И потому, что не хотим разговорами о развитии разрушить подобные смыслы.

И потому, что верим в развитие и не верим в то, что оно может оказаться антагонистичным великим смыслам, глубоко созвучным нашей культуре и государственности. Этот аргумент можно назвать идеологическим. Его надо поставить на первое место, но к нему нельзя всё сводить.

Второй аргумент — стратегический. Тезис о несовместимости развития с той или иной религиозностью — не нов. И выдвигается отнюдь не только христианами. В исламе, например, есть похожая авторитетная точка зрения, тоже разделяемая отнюдь не всеми мусульманами. И в католицизме есть. И в протестантизме. Сторонников невозможности сопряжения религии с развитием, как я говорил выше, называют контрмодерниста-

ми. Не фундаменталистами и даже не интегристами, а именно контрмодернистами. Мировая борьба между модернистами и контрмодернистами сегодня обострена до предела. Устраниться от участия в этой борьбе невозможно. Можно попытаться спрятаться. Но это не выход.

Хотим мы или нет, нам не избежать стратегической полемики по вопросу о Модерне и Контрмодерне. Эта полемика носит частный внутриконфессиональный характер?! Да что вы! От неё, прошу прощения за пафос, буквально зависит судьба мира. И трата времени на разъяснения сути стоящих перед миром альтернатив вполне окупается важностью вопроса. Тем более, что альтернативы не вскользь касаются нашей основной темы — проблемы развития — а сфокусированы ИМЕННО НА ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ.

Третий аргумент носит политико-метафизический характер. Россия затянута в воронку регресса. Сегодня она очень сильно отчуждена от источников, способных дать развитию контррегрессивную энергетику. Для того, чтобы преодолеть такое отчуждение, мало политических, социально-экономических, социально-культурных и даже философских рефлексий. Надо дойти до метафизических уровней. И там разбираться, почему оскудели живые ключи, энергетизирующие общество, и как это преодолеть.

В таких ситуациях всегда подробно и детально рассматривают метафизику как таковую, не пугаясь того, что это слишком абстрактно, слишком специфично и усложнено.

Если разберёмся должным образом — уйдём от простого к сложному, от абстрактно-

го к конкретному, от специфичного к общему. А если не разберёмся — будем блуждать в потёмках и удивляться, почему это у нас регресс, вопреки всему, остаётся макросоциальной тенденцией. Ведь не только потому он ею остаётся, что его пестуют, дают ему «зелёный свет» на телевидении, превращают в норму социального поведения. Нельзя сказать, что альтернативные направления удушены до конца. Почему же они не так популярны, как в конце 80-х годов? Почему нет тогдашнего спроса на сложную литературу, сложное кино, театр?

ПОЧЕМУ НЕ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ КУЛЬТУРНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РЕГРЕССА? В конце 80-х годов повестка дня, предложенная властью, не устраивала определённые слои общества. Но с какой энергией эти слои искали альтернативную повестку

дня! Как спорили на кухнях, с какой активностью искали точки альтернативного предложения! Тогда всё кипело страстями по развитию! Кипело вопреки очень скудному интеллектуальному рациону. Теперь рацион гораздо разнообразнее. А социального аппетита нет. Все так возлюбили деньги и упрощённые удовольствия? Ясно, что не все... Но тогда откуда этот всеобщий сон на бегу? Понятно, что людей сознательно дебилизируют. Непонятно другое — почему это действие, очевидное до наглости, не вызывает адекватного противодействия.

В старом фильме Крамера «Благослови зверей и детей» дети пытаются спасти бизонов, которых будут отстреливать. Они преодолевают всевозможные препятствия и, наконец, выпускают бизонов на свободу. Но бизоны не хотят бежать в прерию.

Почему не хотят бежать в прерию развития дебилизируемые группы российского населения, эти метафорические бизоны?

Наша политика отчуждена от мирового (да и своего) опыта. Она не знает и не хочет знать прецедентов. Она не понимает, что не впервые в истории возникает этот больной вопрос. Что с таким же вопросом (почему не хотят бежать некие метафорические бизоны) сталкивались все, кто делал стратегические проекты. Например, евреи-сионисты, которые мучительно пытались понять, почему народ не устремляется в Палестину.

Почему «бизоны» не бегут из Европы, где их будут зачищать? — спрашивал себя и других Теодор Герцль, наблюдая рост европейского национализма и предвидя фашизм. За ответом политики ранга Герцля обратились не к психологам и методологам, а к метафи-

зикам. Таким, как Гершом Шолем.

По существу, Шолем в своём ответе сказал, что отсутствие энергии связано с пересохшими метафизическими ключами. И стал заниматься метафизикой, заниматься детально и одновременно политизированно. И каждый раз, когда перед активистами различных проектов возникал вопрос, почему их бизоны не бегают, они шли на глубину, к метафизическим ключам. А не суетились на политической поверхности, перманентно впадая в ступор.

Я мог бы привести и более близкие примеры, говорящие о том, что глубокое рассмотрение так называемых «корней» (гносеологических, меатфизических и т.д.) окупается в политическом смысле. Но стоит ли?

Конечно, я испытываю определённый дискомфорт, вступая на данную специфическую

территорию. И, видит бог, не рвался к этому. Просто всё так сошлось, что отказываться от обсуждения уже невозможно. Я был бы очень признателен, если бы инициативу на себя взяли современные православные мыслители. Интеллектуалы высшей пробы есть. Вряд ли все они встали на позицию отца Лоргуса (хотя, кто знает?). И вряд ли им безразлично, как будет выглядеть конфессия в глазах мира (хотя, опять же, кто знает?).

Но по тем или иным причинам эти интеллектуалы молчат. Это их право. Но если все будут молчать — тогда какое развитие?

Итак, разрыв конфессии с развитием означает разрыв с Модерном. Во имя чего? Есть ли логический изъян в следующей схеме: «Если развитие — скверно, то всё, что ему противостоит, хорошо. И тогда регресс хорош. Он порождает архаизацию и возвращает в лоно.

Если развитие скверно, то дело не только в том, чтобы не развиваться, а в том, чтобы наносить по развитию всевозможные удары. То есть, противопоставлять развитию регресс. А как иначе бить по развитию?»

Все прекрасно понимают, что логических изъянов в данной схеме нет. Мне возразят, что долог путь от логики до политики. Не спорю. Ну, так я и хочу знать, какая часть пути уже пройдена. И, при всей важности ответа на этот вопрос, ещё важнее установить, что, сказав «а» и осудив развитие, будут говорить «б» и бороться с развитием.

Итак, «Долой развитие! Да здравствует регресс!»

Но регресс ведь не движется до той точки, которая задана чьими-то конфессиональными пожеланиями! Начавшись, он не может привести общество в точку желанного кому-

то нового Средневековья, а потом уйти, как сделавший своё дело мавр. Он не для того приходит, чтобы уходить. Все остальные уйдут — он останется.

Провозгласившие подобный лозунг православные интеллектуалы, если они интеллектуалы, не могут не понимать сокрушительности его последствий для христианства в целом. И неизбежности ухода общества от христианства в весьма специфическую «примордиальную архаику». «В язычество?» — спросят те, кто любит уточнять. Хотите, считайте так. Разве этого мало? Но на самом деле язычество не последняя остановка на триумфальном пути регресса.

Кстати, нельзя ли было бы уточнить, что такое — и в политическом, и в метафизическом смысле — Христианство, разорвавшее с Историей? Можно ли разорвать с Истори-

ей и не разорвать с Откровением? А может быть, существуют элитные группы, которые хотят Христианства, отступившего с территории Откровения на территорию Мифа?

Но будет ли это Христианство? Как оно удержится на этой самой территории Мифа? С какой именно — весьма своеобразной и никакого отношения к христианству не имеющей — эзотерикой оно должно сплестись, чтобы уцелеть на территории Мифа? О каком Мифе пойдёт речь? Как присягнувшее ему «христианство» будет сопротивляться исламу, который вряд ли собирается отступать на территорию Мифа? Как оно будет сопротивляться религиям Востока, которые с территории Мифа никогда не уходили? Ах, оно не хочет сопротивляться? Но есть закон систем! Система, которая не сопротивляется экспансии других систем, оказывается поглощённой

ими. И что тогда?

Неужели же подобные экстравагантные новации порождены грёзами о так называемом «национальном христианстве»? При том, что грезящие, называя себя православными, уже не хотят называть себя христианами? Но нельзя ли тогда попросить их более развёрнуто раскрыть понятие «нацхристианство»?

Есть понятие «национальная идеология». Пока мы оперируем этим понятием, всё в порядке. Но речь обычно идёт о секулярных идеологиях. Социалистической, например. Или какой-либо другой. Демократической, почему бы нет? Тогда появляются гибриды разного качества. Например, печально известный национал-социализм. Или национальная демократия... Что плохого?

У определённых политиков возникает желание создать более сложные гибриды. На-

пример, христианская демократия. Она создана? Создана. Есть вполне респектабельные партии. Например, что такое германская ХДС? ХРИСТИАНСКО-демократический союз. Значит, есть прецедент синтеза христианства и некоей идеологии.

А дальше может возникнуть и такая идея: если есть национальная демократия и есть христианская демократия, то почему не может быть христианско-национальной демократии?

Наверное, это возможно. И, безусловно, при этом христианское в рамках христианско-национальной демократии должно приобретать национальный оттенок. Но именно оттенок. Что значит перейти от оттенка к краске? Начнётся вполне добропорядочный разговор о великом вкладе конкретной нации в общехристианское дело, а кончится заявкой на

её уникальность в этом деле. Соответственно, рушится само дело: христианский универсализм. А под обломками гибнет всё.

То есть, как только оттенок превратится в краску, краска станет коричневой. Но и этим не будут исчерпаны возникающие при подобных метаморфозах проблемы.

Нация — это субъект и продукт Модерна. Всё мало-мальски корректное (христианско-демократическое и так далее), что наработано по части синтеза национального и христианского, ВСЕЦЕЛО ОБУСЛОВЛЕНО МОДЕРНОМ.

Контрмодернист не может апеллировать к нации. Если он и произносит это слово, то лишь по недоразумению, имея в виду на самом деле племя.

Отказавшись от Модерна, надо отказываться от упомянутых выше корректных (хо-

тя и проблематичных) вариаций на тему конструктивного синтеза нации и христианства.

Термин «национальное христианство» в контрмодернистском исполнении оказывается тождественен термину «племенное христианство». Что-то в этом направлении разрабатывали... даже не Гиммлер, а Гитлер и Розенберг. Начинали-то они с этого, да кончили другим.

Гитлер показал, что такое синтез христианского и племенного! И что при таком синтезе от христианства остаются рожки да ножки. Конкордат Третьего рейха с Ватиканом как раз и был констатацией того, что «ножки ваши, а рожки — наши». В нацистской Германии эстафета быстро перешла от изуродованного христианства к язычеству. Но и на этом всё не закончилось. Родилась весьма специфическая религия смерти. Как и полагается,

со своим Мифом.

Может быть, речь идёт о том, чтобы десантировать за счёт регресса наш народ на территорию этого Мифа и там уничтожить окончательно? Что сначала провозглашается по сути «долой развитие! да здравствует регресс!», а потом это плавно перерастёт в «долой жизнь! да здравствует смерть!»?

Отказ православия от развития порождает сокрушительные для православия политические и «корпоративные» последствия. Но религия не имеет права всё поверять лишь политической и «корпоративной» целесообразностью. Для религиозного человека метафизическая правда важнее политической целесообразности. Так в чём же эта метафизическая правда?

Её политически необходимое обсуждение закономерно уводит нас на территорию край-

ней — и крайне специфической — сложности.

Прежде всего, обсуждать приходится онтологический статус Адама, находившегося в раю. А также место рая, то есть сакральную географию. Имеет ли Адам, находясь в раю, провиденциально замысленную полноту? Если он её имеет, то ему дальше двигаться некуда. Только в сторону грехопадения. Но тогда имеет смысл говорить лишь об отрицательном движении. И Лоргус прав — метафизически развитие скомпрометировано. Однако если опираться на слова авторитетов церкви — и Святого Андрея Юродивого, и Григория Синайского, прокомментированные святителем Игнатием Брянчаниновым, — Рай, где пребывает Адам, не есть высшее небо. Рай — это первое («низшее») небо. Тем самым у Адама остаются возможности позитивного движения наверх — от первого неба к небесам

более высоким.

Спросят, возможно ли это даже для безгрешного человека, каковым был поначалу Адам? А разве нет указаний на то, что некто, повреждённый первородным грехом, поднимался выше первого неба? Разве не говорил об этом прямо апостол Павел во Втором послании к Коринфянам («Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищён был до третьего неба»)?

Разве есть хоть один церковный авторитет, который сомневается в том, что Павел говорил о себе? То есть, повторяю, о человеке, повреждённом первородным грехом? В любом случае, он здесь прямо говорит о наличии третьего неба. Святитель Игнатий цитирует рассказ Святого Андрея Юродивого,

поведанный им иерею Никифору: «. . . Он, обратясь ко мне, сказал: «Не бойся, нам должно взойти выше» — и подал мне руку. Когда я схватился за его руку, — мы очутились выше второй тверди («твердь» и «небо» суть одно — *С.К.*). . . . И опять руководивший меня обратился ко мне, и подал мне руку, говоря: «Нам должно взойти и ещё выше». С этим словом мы очутились выше третьего неба, где я увидел и услышал множество Небесных Сил, поющих и славословящих Бога».

Далее Святой Андрей говорит о том, как после видения Владыки Христа он, «не понимая и сам, как» — снова оказался «ходящим по раю». Святитель Игнатий Брянчанинов пишет в книге «Слово о смерти»: «Из этого видения святого Андрея видно, что рай есть ближайшая к земле небесная обитель, или первое небо, превыше которого находятся

другие небеса».

Наверное, кто-то может захотеть изъять из «христиански безусловного» апокрифы о Енохе, пророке Исайе, а также Ветхий Завет с вознесением пророка Илии. И забыть, что в этом корпусе текстов есть упоминания и о седьмом небе. Но Павла из христианства изъять нельзя. И что-то мне неизвестно о каких-либо попытках игнорировать суждения и толкования Св.Игнатия Брянчанинова.

Но если Адам был всего лишь в Раю до момента грехопадения, то без этого самого грехопадения он должен был восходить, то есть развиваться. Значит, он не был совершенен настолько, что ему некуда было развиваться дальше. А значит, развитие в положительном плане существует. Изначальная природа, будучи благой, не являлась совершенной настолько, чтобы не быть улучшаемой! Спасе-

ние, обожение предполагает отнюдь не только восстановление изначального, но и превышение его. И это достаточно очевидно. Но это превышение, по определению, является фундаментальным позитивным развитием. И осуществляется оно в историческом времени, которое тем самым тоже обретает фундаментальный же позитивный смысл.

Так что такое попытка Лоргуса скомпрометировать развитие с якобы церковных позиций? Или даже представить это развитие всего лишь как компенсацию?

А.Лоргус (и ведь не он один) пытается скомпрометировать не только движение, противопоставив его неизменности, но и меру этого движения — Время (противопоставив оное Вечности). Посмотрим, насколько это совпадает с представлениями церковных авторитетов.

Дионисий Ареопагит пишет в сочинении «О Божественных именах»: «Сущий (Исх.3,14) является сверхсущностной субстанциональной Причиной всякого возможного бытия, Творцом сущего, существования, субстанции, сущности, природы, начала, и Мерой веков, и Реальностью времён, и Вечностью сущих, и Временем возникающих, и Бытием всего, что только бывает, и Рождением всего, что только появляется... Всех сущих и веков бытие от Предсущего; и всякие вечность и время — от Него». Так значит, время — от Него!?

Преподобный Максим Исповедник так комментирует Дионисия: «...Выход Божией благости в чувственное, при его сотворении, мы называем временем». Время — выход Божией благости!

Мы видим, что А.Лоргус хочет ском-

прометировать Время, которое у Дионисия неразрывно с Сущим («Мера веков», и «Реальность времён», и «Время возникающих»), и которое Максим Исповедник называет «выходом Божией благости в чувственное». Так чем занимается А.Лоргус? Подкопом под Божью благость? Подо что ещё? Ясно, подо что! Под Творение!

Сборник, в котором напечатана статья Лоргуса, называется «Шестоднев против эволюции». Урок Лоргуса состоит в том, что, начав «за здравие», всегда кончают «за упокой».

Начав подкапываться под эволюцию, кончают подкопом не только под развитие, но и под Шестоднев. Сам по себе Шестоднев — это время? Время! Но тогда это благое Время! Это история? История! Но тогда это благая история! Значит, время и история могут быть

благими?

Одно дело — рассуждать, кто творит (Бог или человек).

Другое дело — поставить под сомнение то, что Творчество разворачивается во Времени. И что именно Творчество, развёрнутое во Времени, представляет собой смысл Истории.

Я уже обсуждал ранее метафизические идеи странного толка, согласно которым якобы Большой Взрыв (в терминологии астрофизиков), послуживший началом нашей Вселенной, — метафизически равноценен изгнанию Адама из Рая. Не началу Творения то есть — а моменту грехопадения. Одно дело сказать, что Бог за шесть дней своего творчества, развёрнутого во Времени, создал мир, разместил в нём Рай, а потом изгнал Адама из Рая, а Рай то ли сокрыл, то ли изъял из

мира. А другое дело — сказать, что все шесть дней Творения Бог работал не над этим миром, а над чем-то другим. А этот мир — то бишь Вселенная — является «отходами производства» под названием грехопадение.

Можно ли предлагать такую версию и одновременно осуждать гностицизм? Мне кажется, вопрос риторический. Но он ведь ещё и политический, не так ли?

На самом деле противопоставление Времени — Вечности весьма и весьма коварно. Потому что в этом противопоставлении осуществляется сокрытие разнокачественности самого времени. Шестоднев — это Время, но это сакральное Время. Бог не отстранился, сотворив мир. В противном случае, чем является пришествие Сына?

Для всех мировых культур очевидно наличие сакрального Времени, врывающегося

в обычное. Любая культура это чувствует, но наша, пожалуй, острее других. «Душа ПРАЗДНИКА просит», — говорят далеко не благообразные герои Шукшина. В России время праздника всегда ощущалось, как особое время. В каком смысле особое? В том, что сакральное.

Праздник разворачивается во времени. Он без этого разворота во времени немыслим. Но он разворачивается в ДРУГОМ, отчасти сакральном, времени. Не разворачиваясь во времени, он не является действом. А он является действом! Любое действо — церковное, ритуальное — имеет фазы и предполагает мистериальность. Что такое мистерия? Это чередование сакральных жестов и сакральных слов. Это процессуальность, не так ли? Как она может существовать без времени? «Душа праздника просит», она просит сакрального

очистительного Времени. И разве неясно, что сама Душа находится в очень плотном переплетении со Временем? Плотность этого переплетения варьируется. Но подчас её так наращивают, что становится в принципе невозможно разделить Душу и Время. Так что же, компрометация Времени должна стать ещё и компрометацией Души?

Я уже говорил о том, что небестрепетно «десантируюсь» на территорию внутриконфессиональной метафизики. Но Лоргус-то десантируется бестрепетно на территорию науки (той же теории систем, например)! И как дискутировать? Я не хочу уподобляться Лоргусу и выступать с позиций «симметричных ответов». Однако какой-то ответ должен быть дан, иначе неизвестно, куда это всё зайдёт.

А.Лоргус не ограничивается в своих заходах на территорию науки теорией систем. Он

ещё и апеллирует к термодинамике, утверждая, что Творение полностью подвластно энтропии (Второму закону термодинамики), и что, соответственно, у него нет потенциала саморазвития. А.Лоргус параллельно с подобными рассуждениями противопоставляет науку XXI века науке XIX века.

Странно, что А.Лоргус при этом ещё и учительствует по части методологии. Потому что в такой апелляции, таком выборочном черпании нужного ему из науки и таком противопоставлении науки XIX века науке XXI века нет никакой логики. И ему на это укажет любой грамотный методолог. Фатум Второго закона термодинамики — это типичное наследство науки XIX века. Мол, мир охлаждевает — и что с этим поделаешь? Или фатум, или Промысел. Но уже в начале XX века в ответ на коварный вопрос: «Что будет с челове-

чеством, когда погаснет Солнце?» — звучал ответ: «Мы зажжём новое». Атомная бомба ещё не была изобретена. Водородная тем более. Но наука уже отрицала фатум Второго закона термодинамики. А далее, по мере всё более глубокого проникновения в тайны мироздания, философы науки всё чаще рассматривали модель, в которой человек, доразвившись, находит способы согревать Вселенную, противостоя Второму закону термодинамики.

Пусть бы А.Лоргус почитал корифеев того, что он называет «методологией». Ильенкова, который был огромным авторитетом для Зиновьева и Щедровицкого, а значит, и для всей методологической школы. Или Лефевра, который просто является одним из отцов-основателей методологии. Все они писали о возможности такого антиэнтропийного космического действа, осуществлённого челове-

ком. Впрочем, ещё задолго до них об этом грезил верующий христианин Рихард Вагнер. А Ильенков непрерывно слушал музыку оного.

Хорошо это всё или плохо — пусть каждый сам решает для себя. Кто хочет, пусть скажет: «Вот какая гадость эта наука». Но пусть этот кто-то не профанирует объём проблемы, не навязывает науке какие-то школьные проповеди, от которых она ушла невероятно далеко. Для Лоргуса термодинамика — это линейная классическая термодинамика. Сегодня есть и квантовая термодинамика, и нелинейная термодинамика самоорганизующихся систем... И в это лезут, апеллируя к классической энтропии?

Однако почему, собственно, надо зацикливаться на термодинамике? Есть же ещё и теория информации! Тем более, что Лоргус говорит о теории систем как альтернативе тео-

рии развития. Что, и здесь он будет пугать общественность энтропией? После Людвига фон Берталанфи, Норберта Винера, Джона фон Ноймана? После того, как специально было введено понятие «негэнтропия» и этим подчёркнуто, что информация вне юрисдикции энтропии? Что там, где есть информация (между прочим, третье состояние бытия — не материя и не энергия), там с этой самой энтропией всё совсем не по учебнику физики Пёрышкина.

Наука XXI века — это в очень большой мере синергетика. Очень серьёзные православные физики рассматривали вопрос о том, как научная синергетика соотносится с религиозной. Предполагая, что придётся дискутировать по вопросу о развитии, я об этом упоминал. Сейчас настало время для более развёрнутых обсуждений.

А.Лоргус говорит, что формы не усложняются... М.Миронова с ним солидаризируется в этом вопросе... Как это они не усложняются?

Между прочим, говоря «усложняются» или «не усложняются», вы уже прибегаете к логике. К выбору между «да» и «нет». И как осуществить этот выбор? К каким аргументам апеллировать? Один скажет, что все эти формы — суть модификации совершенной Протоформы. Другой скажет, что формы следуют одна за другой. Как выбрать между двумя утверждениями? Вы готовы предъявить совершенную Протоформу (Форму Форм)? Готовы показать, что это она сама себя трансформирует, создавая видимость усложнения? Но ведь показать (то есть доказать) этого нельзя! Значит, речь идёт о самодостаточной Вере, освобождающейся от диа-

лога с Разумом. Ну, освободились...

Разум же будет набирать и набирать доказательства. Вот царство протоэлементарных частиц (кварков)... А вот уже возникает агломерация таких частиц, и появляются элементарные частицы, как таковые. Вот зоны Вселенной, где ничего, кроме элементарных частиц, нет. А вот зоны, где есть атомы, но нет ничего другого. А вот уже молекулы... Потом кристаллы... Органические молекулярные цепочки невероятно сложного типа... Ещё нет жизни, а восхождение форм началось. Потом возникает жизнь... Она качественно меняет свои формы и потенциалы...

Формы восходят. Почему в этом не может быть Божьего Промысла?

Почему это восхождение не может продолжаться и дальше?

И почему время — только порча, а не

нечто совсем другое?

27

Передо мной — книга Мартина Хайдеггера «Бытие и время»... «Эдмунду Гуссерлю в почитании и дружбе посвящается». Время, бытие, вечность, присутствие...

Хайдеггеру, конечно, бытие милее, чем время. О бытии он говорит, не обставляя каждое своё утверждение ссылками и цитатами. А о времени... То Гегель, то Дильтей, то вот граф Йорк фон Вартенбург, на чьи письма Дильтею Хайдеггер ссылается особенно ува-

жительно. Более уважительно, чем на сочинения Гегеля.

Граф пишет: ««Учёные» стоят перед силами времени как тончайше образованное французское общество перед тогдашним революционным движением».

Силы времени, ау! Вы породили Цхинвал, черноморские предъядерные судороги, мировой финансовый кризис. Что вы ещё припасли?

Силы молчат.

А граф Йорк фон Вартенбург — отвечает: «Колебания волн, вызванные эксцентрическим принципом, создавшим более четырёхсот лет назад некое новое время, мне кажется, до крайности расплылись и измельчали, познание прогрессировало до снятия его же самого, человек настолько оторвался от самого себя, что себя уже не замечает».

Вартенбург фиксирует некий «эксцентрический принцип», породивший новое время (то есть Модерн). Это уже открытие, поскольку главное-то как раз в том, что принцип не абы какой, а именно «эксцентрический». Он связывает возникновение этого принципа с Ренессансом, оформившим этот принцип более четырёхсот лет назад. Он говорит о неких колебаниях волн, вызванных этим принципом. Он оценивает изменения характера этих волн. Он связывает изменения характера волн с метаморфозой в отношениях между человеком и знанием. А в завершение он пишет: ««Человек модерна», т. е. человек после Ренессанса, готов для захоронения».

В середине XIX века Модерн вдруг начал дряхлеть с пугающей всех скоростью. Кто только об этом не писал, сравнивая эту дрях-

лость с древнеримской («Я — римский мир периода упадка»). Рецепт омоложения Модерну предложил коммунизм, и именно в его советской версии. Фашисты взвыли от ярости. Либералы говорили о спасительной вести с Востока. Россия спасла Запад не только от фашистской чумы, но и от предуготовления западного человека к захоронению, о котором так достойно и ёмко сказал граф Йорк фон Вартенбург.

Омолодившись за счёт коммунистов, проект Модерн продержался ещё сто лет. Когда коммунизм убили, он снова стал дряхлеть. И ещё более стремительно. Кто-то этому радовался, кто-то ужасался. Но все понимали, что падение коммунизма означает стремительное увядание присосавшегося к его относительно молодому телу Модерна. Что, Хабермас этого не понимал? И Адорно не понимал? И Мар-

кузе? И Хоркхаймер? И вся франкфуртская школа? Да и не только франкфуртская.

Не понимала этого только В.И.Новодворская, и то не факт.

Не понимали этого наши бойкие нувориши. И их ставленники. Да и то не все. Б.Ельцину — это всё было «по барабану». А интеллектуалы из его команды были «в курсе». А уж как Запад был «в курсе», так дальше некуда.

Прошло сто лет с момента предсказания графа фон Вартенбурга.

И вот на пороге неслыханного глобального кризиса, в момент абсолютного увядания Модерна российская политическая власть и околовластные российские интеллектуалы провозглашают... нашу модернизацию! Оказывается, только теперь мы к ней подошли (а двадцать лет-то что делали?)! И никто теперь

не смеет ей мешать! А проводиться она должна в самой оптимистической — так и хочется сказать «шикарной» — нерепрессивной модификации! Она должна быть и мягкой, и демократичной, и открытой всему на свете.

Но главное — чтобы ей никто не мешал. А даже если кто-то и будет мешать, то он всё равно не враг — он так... Бедолага, не избавившийся от атавизмов холодной войны. Не избавится — мы ему врежем в воспитательных целях и снова займёмся мягкой, демократичной, открытой и суверенной модернизацией.

То, что врежем — хорошо. А вот как займёмся? Как займёмся-то, когда и «эксцентрический принцип» — того... И волны эти самые — затухают... И человек Модерна уже «готов для захоронения»... Как займёмся, если вся суть мировой ситуации в этом са-

мом «захоронении»? А разного рода частности (такие, как мировой финансовый кризис или назревающая ядерная война) — это только проявления сути, то бишь, этого самого одряхления?

Суть мировой ситуации — в этом. А мы хотим (а) идти в фарватере мировой ситуации (упаси нас боже от изоляции, холодной войны и так далее!) и (б) ускоренно рожать то, что эта мировая ситуация ускоренно же хоронит.

В Россию раньше было модно привозить за большие деньги разного рода западных «тёлок», они же культовые актрисы Голливуда. Теперь «тёлок» тоже привозят, но это уже не так модно. Модно привозить другие культовые фигуры. Людей, лет сорок назад поражавших мир свежими идеями (ну, Тоффлера там али кого ещё). Привозят этих людей именно так, как десятью годами ранее приво-

зили «тёлок» (понты дороже денег).

Сами эти люди, с изумлением взяв деньги, которые для них дороже понтов, с глубоким соболезнованием смотрят на привозящих их неофитов. Они понимают, что огорчать щедрых хозяев — бестактно. И потому не хотят им говорить, в чём суть общемировой ситуации. Хотя понимают это, что называется, «от и до». Хоть и в маразме уже, хоть песок из них сыпется. Но всё равно понимают. Понимают, но молчат, как партизаны на допросе.

А наши интеллектуалы тоже молчат. Ибо искусство подобных интеллектуалов состоит вовсе не в том, чтобы говорить правду, как рекомендовал один плохо кончивший коллега по профессии («волхвы не боятся могучих владык»). Не побоялся и «схлопотал по полной программе». А почему схлопотал? Фишку не рубил, вот почему. Диковатый человек

был, да ещё, вдобавок, «негроидный».

Нынешний же интеллектуал всё понимает до мелочей. Он вибрации ловит. Понимаете? Вибрации начальства. И оформляет эти вибрации в экспертные заключения, которые начальство воспринимает с глубоким удовлетворением. Начальству хочется, чтобы ему сказали что-то приятное. Интеллектуал улавливает, что именно. На то он и интеллектуал, чтобы уловить. Это учёные говорят, когда поняли, что к чему. А эксперты — когда их спрашивают.

Но в сообществе людей, занимающихся так называемой игрой (она же — спецмероприятия), это называется «коробочка». На то, чтобы выстроить вокруг нужного начальника «коробочку», отсекающую его от реальности и помещающую в пространство собственных вибраций и экспертного резонёрства, тратят-

ся большие деньги. Годы уходят, чтобы эту «коробочку» сделать достаточно герметичной. Профессионалы высокого класса этим занимаются.

А у нас всё по принципу «быстренько, быстренько, сама, сама, сама». Интеллектуалы — «быстренько, быстренько»... А силы времени...

Я не знаю, понимает ли российская власть суть нынешней общемировой ситуации. Но, в конце концов, власть не для того существует, чтобы понимать суть. А для того, чтобы реагировать на муть, порождаемую этой, какая она ни есть, сутью. На всякие там Цхинвалы и прочее.

Но интеллектуалы-то наши российские... неужто всё по принципу «чего изволите-с»? Коли так — то добра не жди.

Никто не охарактеризовал эту самую

суть нынешней общемировой ситуации, суть, ускользающую от власти или игнорируемую ею, ёмче, чем покойный граф Йорк фон Вартенбург, чьи прозрения так высоко ценили и Дильтей, и Гуссерль, и Хайдеггер.

Владимир Владимирович Путин, в отличие от меня, блестяще владеет немецким языком. И он может насладиться прочтением писем графа Йорка фон Вартенбурга в оригинале (Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg 1877–1897, Halle a.d.S. 1923).

Я убеждён, что и прочтение этих писем, и прочтение откровений других выдающихся людей, говоривших о подготовленном к захоронению проекте Модерн, и порождённый этим прочтением иной взгляд на нашу реальность — могли бы многое изменить. В частности, прекратить несвоевременные разгово-

ры о модернизации как таковой. И уж о модернизации мягкой, открытой и органичной — тем более.

Один царедворец скажет: «Нашим лидерам недосуг». Другой добавит: «Им Иван Ильин нравится». Нравиться могут и должны барышни. Что же до Ивана Ильина, то он был просто заворожён тем мироощущением и миропониманием, которое так тонко выражено графом фон Вартенбургом в его письмах Дильтею.

То, что российским политическим лидерам нравится Иван Ильин и не нравится мобилизация, идеологизация и прочие рецидивы имперскости — понятно. Глухой не услышит.

Сталину, кстати, тоже абсолютно не нравилась индустриализация «от группы А» с её необходимостью концентрировать главные

ресурсы в тяжёлой промышленности. Тем более, что её навязывал Троцкий, требовавший посылать гильотину в деревню. Нравилась же Сталину индустриализация «от группы Б». Та, которую предлагал Бухарин. И он даже искренне восклицал, обращаясь к оппонентам Бухарина: «Вы нашего Бухарчика не трогайте!»

А потом нечто случилось. Называлось это нечто — мировым кризисом. А также... Впрочем, исторические экскурсы должны быть короткими. Случилось нечто, и всё. Это называется — сложилась новая объективная ситуация. К этой объективной ситуации добавилось и нечто субъективное. Апокрифы гласят, что Сталину, приехавшему с инспекцией и убеждённому в эффективности бухаринской модели, какой-то преуспевающий аграрий той эпохи, позже названный «кулаком»,

сказал: «А ты, рябой, мне спляши, тогда я, может, тебе и дам хлебушка!»

Сталин и тогда Льва Давыдовича не послушался и гильотину в деревню не послал. Он послал туда нечто, лишённое декоративной прецедентности, столь любимой Троцким. Что именно он туда послал, все мы знаем. И чем это обернулось, знаем. Но войну мы, как-никак, выиграли. А если бы не послал, то не выиграли бы. И всё было бы органично, открыто, мирно и по Бухарину. Но только не было бы ни России, ни человечества. А был бы один всемирный Освенцим.

Я не знаю, говорил ли нечто подобное какой-то аграрий Сталину. Но что именно Кондолиза Райс сказала Путину и Медведеву, я знаю точно. Впрочем, Кондолизу Райс я намерен обсудить несколько позже. А сейчас хотел бы завершить цитирование полюбивше-

гося мне графа фон Вартенбурга: «И тогда я наслаждаюсь тихим разговором с собой и общением с духом истории. Он Фаусту в его келье не являлся и маэстро Гёте тоже нет».

Далее граф говорит о том, что ни Гёте, ни Фауст не отшатнулись бы в испуге от такого явления к ним важного и захватывающего донельзя духа истории. Он говорит, что дух истории в каком-то глубоком смысле более дружествен и родствен человеку, чем обитатели леса и поля. После этого он говорит об УСИЛИИ, порождающем эту встречу человека и духа истории, и в завершение указывает: «Усилие тут имеет сходство с борьбой Иакова».

Вот ведь как человек, вёл-вёл и вывел на главное — усилие, имеющее сходство с борьбой Иакова.

Нет западного политика вообще и амери-

канского тем более, который бы не завибрировал при упоминании Иакова. Апелляция к Иакову — не «еврейская выдумка», а осевой принцип всей западной цивилизации (да и исламской тоже). Он особо почитаем протестантами вообще и англосаксонскими в первую очередь. Но нечто сходное есть и у народов, чья культура сформировалась без влияния Библии («потеря лица» в Китае, «кодекс чести» в Японии и так далее). Но мы сейчас анализируем Запад. Для него борьба Иакова, сходство усилий с борьбой Иакова — это, повторяю, принцип, порождающий очень многое. Внешнеполитическую доктрину, логику проведения переговоров, способы поведения в конфликтах, психологическую оценку партнёров...

Для Запада мир делится на «народы Иакова» и «народы Исава». В этом, конечно же,

есть и надменность, граничащая с расизмом, и почва для так называемой русофобии. Но есть и нечто, требующее не отторжения, а осмысления. Народы Иакова — это народы, для которых первородство важнее чечевичной похлёбки. А народы Исава — народы, которые готовы на богопротивный «иксчендж».

Западный политик, прежде всего, устанавливает, кто его партнёр. Он, так сказать, из колена Иакова или из колена Исава? Если он из колена Иакова, логика поведения одна. Если из колена Исава — другая. Группы, готовящие переговоры, отслеживающие их результаты, формирующие предложения по части кнута и пряника, создающие психологические портреты, могут и не использовать метафору Иакова и Исава. Но они пропитаны этим духом. Они воспитаны в этой культуре. И уж тем более в этой культуре воспитаны

политические лидеры.

Может быть, для романского мира это и не является сверхдоминантой, хотя всё равно присутствует. Но для англо-саксонского мира это именно сверхдоминанта. Так сказать, альфа и омега реальной политики.

А теперь введём поправку на ситуацию. Пока ситуация стабильна, и ничто никому не угрожает, всегда доминируют цинизм, система своекорыстных интересов, мелкие амбиции, политическая лень и прочее. Так мир устроен. Но как только возникает хотя бы кризис (а уж тем более угроза коллапса), как только обостряется конфликт, задевая экзистенциальную тему (что такое ядерная война? это экзистенциальная тема!), сверхдоминанта выходит на поверхность. И тогда альтернатива между Иаковом и Исавом (вопрос о первородстве и чечевичной похлёбке) допол-

няется тем самым усилием Иакова, о котором говорит граф фон Вартенбург.

С кем именно боролся Иаков, получая следующий после Авраама (более высокий) уровень отношений с Богом — с Богом ли, Ангелом или Сыном Божиим — это теологически открытый вопрос. Но то, что Исав рвался к похлёбке (Иметь), а Иаков к тому, чтобы Быть, и получил в результате новое качество Бытия, — это понятно всем. И теологам, и политикам.

Что такое первородство и Иаков? Это именно то, что Эрих Фромм называл Быть, а Хайдеггер — Бытием. А что такое чечевичная похлёбка и Исав? Это то, что Эрих Фромм называл Иметь. Присутствие духа истории (возникающее у человека, обладающего бытием, в особые экзистенциальные моменты) порождает усилие. Так это происходит у людей Иа-

кова. Когда они соединяются с духом истории — у них нечто включается, а когда оно включается, они способны бороться. Хоть с Ангелом, хоть с Сыном Божиим, хоть с Богом. Бороться за признание, за новый формат отношений.

Вот говорится, что нам не нужна мобилизация (мобилизационная экономика и так далее) и нужен мягкий проект Модерн. Я не спорю. Сама по себе мобилизация — штука неоднозначная. А мягкий проект всегда лучше жёсткого. А ещё нам нужны были десятилетия спокойной жизни для реализации проекта 2020. Мало ли что человеку бывает нужно. Дух истории апеллирует не к нужному, а к должному и возможному. Я могу только уважать людей, которым нужна мягкая модернизация и не нужна мобилизация. Мне отвратительны кровожадные люди, тираны,

властолюбцы, диктаторы.

Но все же понимают, что нет впереди никаких десятилетий спокойной жизни (нормальной жизни, как ещё говорилось). Что коридор возможного сужается. А давление стенок этого коридора апеллирует к должному. К должному — а не к желаемому (нужному). К должному и возможному. И эта апелляция всё равно породит — с неумолимостью закона Ньютона — необходимость мобилизации.

Мобилизация же — это довольно сложная штука. Она начинается с того, что ты возвращаешь себе отчуждённое бытие (если, конечно, оно отчуждено). Что ты самопреобразуешься — нет, не из Савла в Павла, а из Исава в Иакова. И ты преобразуешься, и весь народ. Тебя подсадили на это самое Иметь («бабки», комфортная жизнь и прочее), ты на это купился, теперь над тобой издеваются (обману-

ли дурака на четыре кулака)... Ты, конечно, можешь просто беситься, но это криминальный кураж. А вот если с тобой начнёт происходить что-то другое (примерно то, что со Сталиным, которому сказали: «Ты, рябой, спляши!»), если происходящее не просто заденет твоё самолюбие (плевать политику на самолюбие, ему страну спасать надо), а включит твой спящий экзистенциал, — то всё возможно. Если можно из Савла в Павла превратиться, то можно и из Исава в Иакова. Или из рябого Джугашвили в Сталина.

Надо только понимать, что в принципе всё возможно. Не мне решать — нужно ли. Но возможно — всё.

Всё начинается с тебя, а кончается твоей Родиной. Спаси себя — и спасутся многие.

И всего-то надо — обрести Бытие и включить Время (дух истории). Перейти от от-

сутствия к присутствию... А дальше — кто знает, может, что-то получится... Что именно получится, если это СДЕЛАТЬ, неясно. А вот что получится, если этого НЕ СДЕЛАТЬ, ясно. Возможно, это ясно только мне. Но поскольку я уже заговорил о парадигме Исава как альтернативе парадигме Иакова, то я покажу, что это такое в плане сугубо практическом. А иначе окажется, что я не политическую теорию развития строю, а воспаряю в высь поднебесную. «Независимая газета» от 19 сентября 2008 года. Статья Константина Ремчукова. «Кремль не намерен и далее углублять конфронтацию с Западом в целом и с США в особенности», — утверждает Ремчуков. Поразительная сенсация! Как говорил герой Чехова, «табак есть главным образом растение».

Но оказывается, что Кремль не просто не

намерен углублять конфронтацию. Он планирует уступки. Ремчуков пишет: «В скором будущем будет принят целый пакет мер, направленных на улучшение отношений и ослабление напряжённости в диалоге между Россией и её ключевыми западными партнёрами. Об этом сообщают сразу несколько информированных источников в администрации президента России и вокруг неё».

Эти же информированные источники (ну, кто из нас не знает источники господина Ремчукова!) разъясняют, что на состоявшееся решение Дмитрия Медведева перейти к политике «умеренной разрядки» в отношениях с Западом повлияло несколько факторов. Каковы же факторы?

Фактор #1, по Ремчукову — «весьма умеренная» реакция США и особенно Евросоюза на признание Россией Абхазии и Южной Осе-

тии. Мягкая?

19 сентября «Независимая газета» печатает программную статью Ремчукова.

А 18 сентября госсекретарь США Кондолиза Райс, выступая в Фонде Маршалла «Германия — США» в Вашингтоне, призывает Европу выступить единым фронтом с США против агрессии России. Говорит она при этом следующее: «Грузия выжила. Её демократия станет крепче. Её экономика будет возрождена. Её независимость укрепится. Её вооружённые силы со временем будут восстановлены. И мы ждём дня, когда территориальная целостность Грузии будет восстановлена мирным путём». В переводе с политического языка на нормальный это означает, что либо Россия дозреет до уступок (что после случившегося равносильно её капитуляции и отпадению Северного Кавказа, как

минимум), либо её развалят, либо... Вооружённые силы Грузии будут восстановлены? А зачем их восстанавливать, если одних грузин для возвращения отпавших провинций всё равно мало? Говорим о восстановлении вооружённых сил Грузии, а имеем в виду спецоперацию НАТО?

Это мягкая реакция? Кого за идиотов держите, господин Исав... прошу прощения, Ремчуков?

Ещё Кондолиза Райс заявляет: «Анахронические манифестации военной мощи России не смогут повернуть историю вспять». Райс издевается над Россией, оказавшейся в компании с Никарагуа и ХАМАС, и глумливо отзывается о визите в Венесуэлу «устаревших бомбардировщиков ТУ-160». И выносит вердикт: «Международный статус России сейчас хуже, чем когда-либо, начиная с 1991 года».

Но главное высказывание Райс в этом выступлении — о (цитирую) «параноидальном агрессивном импульсе» Москвы. Она прямо так и говорит! Кокетство, блажь, истерика? Полно! Так говорит народ Иакова с народом Исава.

На уровне риторики дают одну пощёчину (говоря о «параноидальном агрессивном импульсе»), на уровне прагматики — другую (заявляя о том, что территориальная целостность Грузии будет восстановлена). А Ремчуков блеет о факторах, порождающих стремление к достойным отношениям между равноправными партнёрами.

С фактором #1 мы ознакомились. Но есть ещё фактор #2. Что же это за фактор? Представьте себе, финансовый кризис: «с учётом того, что наша экономика стала частью мировой, справиться с его (кризиса этого самого

— С.К.) последствиями без помощи Запада и тем более в условиях изоляции России практически невозможно».

И это называют умеренной разрядкой? Это не умеренная разрядка, а безоговорочная капитуляция. «Плюс исавизация всей страны». Но кто же «исавизатор»? Кто архитектор этой новой перестройки, которую нам сулит Ремчуков?

Ремчуков говорит об архитекторе без всяких обиняков. Мол, архитектором является заместитель руководителя Администрации Президента РФ Алексей Громов. Нда... Громов — не Саркози. Ему зачем такие лавры? Какую бы в дальнейшем карьеру он ни хотел сделать, ему сейчас эти лавры даром не нужны. И Яковлеву они были не нужны. Лигачёву нужно было засветить Яковлева, а Яковлеву, как «архитектору», хотелось нахо-

диться в тени.

Даже тогда хотелось, а теперь... В 1988 году чечевичная похлёбка была хитом сезона. Прошло двадцать лет. Это уже не совсем так. А точнее — совсем не так. Засвечивать А.Громова в виде главного «чечевичника»... Это очень сомнительное занятие. Провокация? Не похоже. Не стал бы Ремчуков сам исполнять столь сомнительное спецмероприятие. Тогда зачем он орёт, как оглашённый: «Пацаны, бежите все к Громову скорее, он теперь главный «Яковлев»!»? Он рехнулся? Опять-таки, не похоже.

Какое тогда объяснение? Цейтнот! Нужно, чтобы все «пацаны» поскорее поняли, куда бежать. Им этот мессидж посылают в радиоэфир без шифровки. «Как-то скверно здесь пахнет», — говорили герои братьев Стругацких... Очень, очень сильно пахнет этим са-

мым Исавом.

Вчитаемся внимательнее в ремчуковские (вполне бестактные) восхваления Громова: «Пакет приоритетных мер в настоящее время разрабатывает неформальная рабочая группа, которую возглавил заместитель руководителя администрации президента Алексей Громов. Этот чиновник уже несколько лет занимается вопросами имиджа российской власти на Западе. Считается, что именно Громову принадлежит идея создания телеканала Russia Today, предоставляющего зарубежной аудитории объективную информацию о событиях в России, и регулярных встреч политологов — членов известного «Валдайского клуба» с российским руководством. На недавнем заседании «Валдайского клуба» Медведев особо отметил позитивную роль замруководителя АП в налаживании диалога офици-

альной России с международным экспертным и журналистским сообществом».

Дмитрий Анатольевич Медведев — законно избранный президент Российской Федерации. Что именно он поручил заместителю руководителя кремлёвской администрации — касается только президента и этого высокого чиновника. Вопрос на засыпку — почему обо всём этом надо говорить в газете и фактически день в день с донельзя наглой выходкой Конди Райс? Это ведь называется «активка», не правда ли? Спецмероприятие по сопровождению... А как иначе? День в день... Под вопли о том, что мы изжили «пятую колонну»... Как же, изжили...

Далее господин Ремчуков пишет: «По сведениям наших источников, президент чётко определил «группе Громова» «красные линии», за которые Россия отступать не может

и не будет».

Дмитрий Анатольевич Медведев что захотел, то и определил. На то он и президент, чтобы давать задания высоким администраторам. Уступки в политике всегда существуют. Не собираюсь заполошничать и заниматься охотой на ведьм. «Красные линии», которые называет Ремчуков, вполне патриотичны. И Абхазия с Южной Осетией сданы не будут... В общем, и волки будут сыты, и овцы целы. Короче, всё в шоколаде. Точнее, ништяк, рассосётся... Это раньше было в шоколаде. А теперь ништяк, рассосётся и... и будет в шоколаде. Не будет!

18-го — Райс. Ох, как её анонсировали! Тезисы по газетам разослали, подчёркивали, что выступление беспрецедентно жёсткое в отношении России.

19-го — Ремчуков. Райс хлещет по ще-

кам... Ремчуков надрывно шепчет: «Терпеть, терпеть — и будет всё в шоколаде». В шоколаде?

Я пригласил гостя, выставил на стол икру и хочу его угостить, а он мне орёт: «А ну, паскуда, мажь скорее бутерброд! Живо, пока тебя не прихлопнули!» Что я сделаю? Я возьму ножик в одну руку, банку икры в другую и... А вы, наверное, бутерброд намажете?

Райс не понимает, что делает? Её хозяева хотят разрядки, а она выкидывает фортель? Она — отморозок? Полно! Повторяю — она говорит с народом Исава на языке народа Иакова. Считая, что у неё есть первородство — а у вас один сплошной аппетит. У неё есть бытие и время — у вас пока что есть «бабки». Но это, дорогие мои, пока что! Она шлёт сюда мессидж: вы шваль, вы народ Исава!

А Ремчуков ей вторит: да-да, мы стопро-

центный народ Исава! Мы только мошки, мы ждём кормёжки! И... и давайте выстраивать достойные равноправные отношения, поскольку (совсем уж прямая иллюстрация на тему Исава) — «наша экономика стала частью мировой и справиться с последствиями кризиса без помощи Запада не может...».

Если у вас ни гроша, если вы на абсолютной мели — вы всё равно так говорить не будете, коль скоро ведёте переговоры. Вы так будете говорить, только если вы — «пятая колонна» американцев и хотите им побыстрее доложить, что их партнёр по переговорам сломан. Я провёл в своей жизни до сотни переговоров разного ранга. Но есть опытные переговорщики, которые счёт ведут на тысячи. Пусть хоть кто-нибудь мне докажет, что я неправ. Это не ход переговорщика. Это ход провокатора, стукача, «шестёрки» американ-

цев.

Ремчуков развивает тему: «Кремль может, подобно белорусскому президенту Александру Лукашенко, облегчить участь ряда российских граждан, которых на Западе считают политзаключёнными». Тут же Ремчуков пугливо оговаривается, что это не Ходорковский... Ну, ладно, ладно. А кто, интересно? Просто так интересно, что дальше некуда... Чтобы и Райс это было нужно... И Кремль не задевало... Таких просто нет. Райс же (и прочим разным) нужен только один политзаключённый — тот, который пока что плохо освоил профессию швеи-мотористки.

Причём все понимают, что, выпуская Ходорковского, надо кого-то... ну, если не посадить, то сдать. И все понимают, кого. И все понимают, что это дежа вю на тему возвращения из ссылки Сахарова. Но не это главное.

Когда новый политический лидер выпускает кого-то знакового — он тем самым осуществляет изменение курса. А вот когда он делает это под давлением и в порядке «баш на баш» — то это колониальная норма, не так ли? Причём тут суверенитет?

Вопрос на засыпку: демократия с лицом Исава (без бытия, времени, присутствия и усилия) может быть суверенной?

Следующая уступка, если верить Ремчукову, — «либерализация условий участия крупных транснациональных корпораций в стратегических сырьевых проектах на российской территории». В Конго уже нет такой либерализации. Говорим «либерализация», понимаем — «капитуляция»? Делаем политические уступки под давлением? Это значит сдаём политический суверенитет. Делаем экономические уступки под давлени-

ем? Сдаём экономический суверенитет. Ну, а дальше... Дальше вообще сдаём... А потом сдаёмся.

Вновь цитирую Ремчукова: «Ну, и конечно, «на десерт» (нет, согласитесь, что-то уж совсем официантское — «на десерт»! — С.К.) Кремль может предложить Западу определённые кадровые перестановки: некоторые чиновники, вызывающие излишнее раздражение в Вашингтоне и европейских странах, возможно, уйдут на задний план. Не в последнюю очередь речь идёт о министре иностранных дел Сергее Лаврове, который сегодня превратился чуть ли не в живой символ растущей российско-западной конфронтации, особенно после его нашумевшего пикантного разговора с британским коллегой Дэвидом Милибэндом...»

Далее следуют официантские же, цело-

вальные, так сказать, расшаркивания перед Лавровым, который и Медведеву нравится, и Путину. Которого и повысить можно, но при этом убрать. И которого надо заменить на Громова, руководителя рабочей группы по умеренной разрядке.

Всё это вместе называется (цитата) — «Дмитрий Медведев пытается найти решение, которое позволит стратегически замириться с Западом без какой бы то ни было «сдачи» геополитических позиций России».

А также (опять цитата) — «дружба сильных и равных».

Сильных и равных? Если вы сдадите под давлением Лаврова, выпустите политзаключённых (опять-таки под давлением), спустите с цепи свору перестроечных Ремчуковых, а объяснять всё будете тем, что не можете справиться с финансовыми неурядицами без

помощи США, которые никакой помощи не дадут, — то это дружба сильных и равных? Без сдачи геополитических позиций? Но — с восстановлением вооружённых сил Грузии, а также её целостности мирным путём!

Лавров им мешает? Я вчера родился и не знаю, кто им мешает? Они что, не говорят об этом на всех закрытых и полузакрытых международных тусовках? Сдать надо Путина и неких его особо одиозных товарищей. Гусинский об этом в открытую орёт по RTVi (если кто, конечно, слушать умеет). А уж как при этом Медведева хвалят! Так хвалят, когда... Как там у Ремчукова? «На десерт»? Разовьём образ — Лаврова в качестве салата, Сечина на бульон, Путина на жаркое, а Медведева на десерт.

Путин, Медведев верят в то, что государство российское станет той или иной ча-

стью некоего Запада (Европы, Евроатлантики)? Исключено. Это серьёзные политики, слишком хорошо знакомые с ситуацией и ощущающие её смертельный (и для них лично, и для России) специфический «холодок».

Есть идиоты, твердящие сейчас о нашем вхождении в Запад так же, как 30 лет назад твердили о скором пришествии коммунизма. И есть подонки, которые знают, что войдут в Запад они лично, а Россия будет расчленена. Это всё — «исав-дженерейшн», «похлебофилы».

России же пора вернуться к Бытию. Ох, как пора!

28

Рассмотрим в самом общем виде ситуацию, в которой вы любому «некто» предлагаете «нечто» (например, возвращение к Бытию). Какие тут возможны сценарии?

Сценарий #1 — речь идёт о «нечто», созвучном «некто». Вы в этом случае объясняете адресату, что ваше предложение реализует его желание. Что станет лучше. Причём лучше в том смысле, который адресату понятен и близок. В политике, экономике, администра-

тивной и иной деятельности это называется «меры по совершенствованию».

Вам могут сказать, что меры, которые вы предлагаете, неэффективны. Что издержки ваших нововведений не окупают обещаемых вами приобретений. И, наконец, что интересы тех, кто не хочет предлагаемых вами изменений, превалируют над интересами тех, кто их хочет. Но в принципе именно такой сценарий и нужен для нахождения взаимопонимания с «некто». «Некто» может оказаться косным и заворчать: «Вот ещё — «лучше». Да нам и так неплохо. А тут надо заново огород городить...». Но если «некто» не слишком консервативен, а ваши предложения для него являются внятными и разумными, то он их примет. В случае, конечно, если они разумно поданы — сформулированы и сопровождены.

Сценарий #2 — вы предлагаете «некто»,

которому хорошо, «нечто», абсолютно для него нежеланное. Если «некто» не взбесится сразу и не пошлёт вас куда подальше, то между вами обязательно завяжется такой диалог.

Некто: А зачем нам это нужно, если нам и так хорошо?

Вы: На самом деле нехорошо.

Некто: Это вам нехорошо, а нам — хорошо.

Вы: Это сегодня вам хорошо. А завтра и вам, и всем будет очень плохо.

Некто: Вот когда будет плохо, тогда и поговорим.

Вы: Тогда уже будет поздно! Сейчас надо предуготовляться, создавать необходимые антикризисные механизмы, менять систему. Это не быстрое и очень трудоёмкое дело.

Некто: На дворе прекрасная погода, а

вы нам о каких-то там бурях.

Вы: У меня на руках метеосводки такие, что дальше некуда.

Некто: Подумаешь, метеосводки.

(Вы уходите. Потом набегают тучи, и вы «через не хочу» приходите снова.)

Вы: Ну, как?

Некто: . . .

В идеальном случае «некто» скажет: «Да, вы правы. Давайте действовать». Но гораздо чаще происходит другое. Предлагаемые действия не осуществляются в полном объёме, их слишком долго обсуждают, уродуют, вымещают на вас раздражение, поскольку вы оказались правы. Вы опять уходите. И в третий раз не приходите. Не потому, что в вас взыграло «ретивое». А потому что буря. Ваши предложения касались предуготовления к буре. А теперь она уже началась. И готовить-

ся к ней поздно. «Некто» надо с бурей, а не с вами, вести диалог. Да и вам тоже.

Сценарий #3 — буря сокрушает всё, что дорого и вам, и «некто». Вы вместе с «некто» предпринимаете меры по спасению того, что дорого и вам, и ему. Если ваши совместные действия предотвратят губительное развитие событий, то всё вернётся к конфликту ценностей, который описан в сценарии #2. Но какое-то время вы вместе с «некто» можете «нечто» вполне успешно осуществлять.

Сценарий #4 — невнятен. Внятность — это когда вы предлагаете «некто», живущему в городе, вернуться в его родную деревню. «Некто» знает, где деревня, как до неё добраться и как в ней жить. Он не хочет снова жить в этой деревне, но если в городе нет тепла, воды и электричества, то «некто» примет ваше предложение и лучше вас обживёт пред-

ложенную вами избу. Ибо он жил в деревне, а вы человек умственный, городской. «Некто» потому до последнего и не хочет принимать ваше предложение ехать в деревню, что он там жил, всё знает «от и до», и его от деревенского жития выворачивает наизнанку. Но он, повторяю, понимает, что ему предлагают.

А вот если вы предлагаете «некто» не вернуться в его деревню (то есть устроить всё один в один как при Брежневе или Сталине), а отправиться невесть куда (в какое-то там Бытие вернуться), то «некто» просто не понимает, о чём вы. А поскольку он вас... ну, не то чтобы ценит, а так... считает и неглупым, и энергичным, то ему не может не показаться, что вы «пургу гоните». То есть подбиваете его на самом деле всё на то же возвращение в деревню, обставляя оное всякими красивыми словами. В лучшем случае, «некто» начнёт

вам петь в ответ есенинские романсы:

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость...

И так далее. Как у Василия Макаровича Шукшина в фильме «Калина красная». Опять же — красная, понимаешь...

Но это в лучшем случае. А в худшем начнётся «бенц»: «В деревню зовут, да ещё ходят вокруг да около! В Бытие какое-то надо, видишь ли, ехать... Что ещё за Бытие? Где деревня находится — мы знаем. А Бытие...» В стране, где наизусть заучивали, что «бытие определяет сознание», сложилась странная и неслучайная путаница. Люди почему-то решили, что быт определяет сознание. Они приравняли быт к Бытию. Те же, кто говорили, что «бытие определяет сознание», никоим образом не рассчитывали на подобную подме-

ну. Они хотели понять связь сознания вовсе не с бытом, а с Бытием. Им в страшном сне не могло присниться, что сознание определяется тем, имеет ли его обладатель зарплату в 5000 рублей или 5000 долларов. Речь шла о Бытии как «царстве качества» и о том, как это «царство качества» связано с сознанием. А также с совершенно отдельным «царством» — «царством количества».

Я поясню. Когда говорилось, что капитал за 1000% прибыли продаст родного отца, то имелась в виду экспансия товарно-денежных отношений в те сферы, в которых ранее им не было места. Капитализм и впрямь вынес очень многое на продажу. И для этого очень многого возник количественный эквивалент — цена. Как только нечто получает цену, оно переходит из «царства качества» в «царство количества».

Человек эпохи, предшествовавшей капитализму (и именуемой «традиционным обществом»), с трудом расставался, например, с домом, где жили его предки. Человек же, живущий в посттрадиционном обществе, холодно спросит о цене, которую ему предлагают, и если эта цена его устроит — то съедет. То есть дом предков перешёл при капитализме из «царства качества», в котором он находился ранее, в «царство количества».

Перед людьми, осмысливавшими капитализм, очень остро встал вопрос о том, что осталось в «царстве качества». Или, как они говорили, не оказалось в результате торжества капитализма предметом купли-продажи. Понятно, что труд оказался предметом купли-продажи... А вот родной отец?

Бытие — это ядро социокультурной системы. Кто-то скажет «цивилизации». Но на са-

мом деле социокультурные системы бывают разные. В ядре социокультурной системы находится то, что не имеет количественного эквивалента. Если при капитализме всё имеет количественный эквивалент, то в нём нет Бытия.

А что же есть? Есть то, что называется Иметь. Иметь — это обладать теми или иными количествами. Быть — это обладать качеством. Общественное сознание, как и сознание личности, определяется ядром социокультурной системы. И находящимися в ядре кодами. Содержание ядра (коды, связи между ними) не может быть наделено никакой количественной эквивалентностью. На любой вопрос, адресованный к этому содержанию: «Сколько стоит?» — ответ один: «Нисколько».

В зависимости от того, что именно «ни-

сколько не стоит», сознание качественно разное. У традиционного человека, для которого дом не стоит нисколько — оно одно. Для современного человека, потерявшего дом как качество — оно другое. Но это другое сознание, опять-таки, определяется тем, что современный человек не потерял как качество. А если он потерял всё, то он не человек. Можно сказать, что он постчеловек. Или неочеловек. Но он не человек. Совокупность «пост» или «нео» людей, не имеющих ядра и не способных ответить «нисколько» ни на один вопрос, не обладает Бытием. Можно с уверенностью утверждать, что такая совокупность не обладает и жизнью. А то, чем она обладает, следует назвать «постжизнью».

Тем, кто опять начинает раздражаться, подозревая в вышесказанном словесную эквилибристику, я должен задать один простой

вопрос: сколько стоит Родина? Или, точнее: за сколько её продаст наш российский капитал?

Если за 1000% прибыли он продаст родного отца, то за сколько процентов конкретно он продаст Родину? Люди, которые противопоставляют метафизике реальную политику, глубоко заблуждаются. Потому что единственный политический вопрос, без ответа на который невозможно ничто — ни стратегия, ни определение политического курса, ни совокупность антикризисных действий, ни внешняя политика — абсолютно метафизичен: когда и за сколько наш капитал продаст Россию? Не отца, как говорили классики, а Родину-мать.

Чем является для капитала Россия? И если он собирается её продать, то что надо делать с ним как с господствующим сослови-

ем? Что должно делать с ним общество (если общество, конечно, на вопрос о том, сколько стоит Родина, отвечает: «нисколько»)? И что должна делать власть? Она сама чем себя считает? Частью господствующего сословия? Или субъектом исторического действия?

Конкретная перспектива продажи России (а, точнее, осуществление развала России) была рассмотрена Збигневом Бжезинским сразу же после событий в Цхинвале. Уже 14 августа он написал, что для ответа на русский вызов не надо затевать ни холодную, ни горячую войну. Надо просто проинвентаризировать, в каких банках находятся крупные состояния российских капиталистов, и предъявить обладателям этих состояний конкретный ультиматум: делайте то, что вам скажут, или лишайтесь своих состояний. Бжезинский настаивает на том, что одно та-

кое конкретное действие разом оборвёт все амбиции, все бряцания оружием в Цхинвале, а также после. И кинет к ногам США расчленённый труп жалкой страны, чьё господствующее сословие не ценит ничего, кроме своих счетов в банках.

Бжезинский — не председатель мирового правительства. Но он умный, холодный и влиятельный человек. Он хорошо видит болевые точки ненавидимого им противника. А ненавидит он Россию по-настоящему. Он указывает на эту болевую точку как на основную и абсолютно смертельную. Он утверждает, что достаточно удара в эту точку, чтобы разом решить все проблемы.

А что по этому поводу думает власть? Она считает, что российский правящий капиталистический класс поступит иначе? Она готова разделить этот капиталистический класс на

компрадоров и патриотов и опереться на патриотов? Она считает, что класс не будет поставлен перед тем выбором, о котором говорит Бжезинский? Она хочет опереться не на это господствующее сословие, а на какой-то другой класс (страту, группу)?

Предположим, что за рубежом находятся 500 миллиардов долларов в виде (даю усреднённый вариант) ста состояний по 5 миллиардов каждое. О более мелких состояниях не будем даже говорить. Предположим, что обладателям этих состояний скажут: «Продавайте Родину — или мы отберём 500 миллиардов». Продадут ли те, кому это скажут, Родину за 500 миллиардов или за триллион долларов? Если ещё точнее, то, во-первых, захотят ли продать? И, во-вторых, смогут ли продать?

Я понимаю, что пока вопрос не будет поставлен ребром, российский капитал будет хо-

рохориться и даже посылать авиацию и флот к берегам Америки. А когда вопрос будет поставлен ребром — ЧТО БУДЕТ ТОГДА?

Ничуть не меньше наших реалистов и прагматиков я в своей жизни занимался сценариями, схемами и алгоритмами. И я абсолютно не понимаю, о каких конкретно сценариях, схемах и алгоритмах можно говорить без ответа на этот вопрос. Более того, я убеждён, что все реальные схемы и алгоритмы, избегающие ответа на данный вопрос, — это забалтывание ситуации, невротическая лихорадочная говорильня, а вовсе не солидные рассуждения людей, понимающих, чем конкретное отличается от абстрактного. Диалектика конкретного и абстрактного в нынешней ситуации как раз и состоит в том, что бы сначала ответить на этот вопрос, а потом заняться проработкой совершенно иного характера —

сухой, деловой и прагматичной донельзя.

Обладает ли российский капитализм Бытием? Обладает ли «новый русский» (между прочим, все ли понимают, что это — издевательский парафраз на «нового человека», о котором говорили коммунисты?) антропологическим статусом? Является ли он человеком или постчеловеком? Есть ли у него личностное ядро в том смысле, о котором я говорил? И что находится в этом ядре? А то ведь, может быть, в нём находится, например, понятие «ребёнок», но не находится понятие «Родина».

Но этот же вопрос может быть задан не только господствующему политическому сословию, но и всему российскому обществу, в семантике которого особое место занимает сейчас выражение «всё в шоколаде». Под «шоколадом» имеется в виду обладание но-

выми возможностями — купить за деньги очень и очень многое. Эти возможности пьянят.

Что дороже — Родина или эти возможности? И что такое Родина? Если Родина — это место процветания, преуспевания, и у неё есть количественный эквивалент, то её, по сути, нет, ибо в других частях мира при наличии денег ты можешь тоже преуспевать и процветать. Если же Родина определяется не количеством, а качеством и является единственным местом, где ты можешь обладать качеством, то есть Быть... И если, далее, у тебя самого есть потребность в этом качестве, то ты не обменяешь Родину как качество (Бытие) на процветание и преуспевание как количество. То есть на эти самые 1000% — покупаемые материальные и иные возможности.

Я вовсе не хочу сказать, что в жизни нет

места количеству, материальным и иным возможностям и отношениям купли-продажи. Всё это очень существенные слагаемые жизни. Место которым на периферии, а не в ядре социокультурных систем (групп, классов, обществ). Я всего лишь хочу указать, что настойчивый разговор о необходимости сменить социокультурное ядро субъекта под названием Россия (читайте хотя бы А.Ракитова) можно трактовать по-разному. В том числе, и как прикрытие для иной затеи — проекта по уничтожению ядра.

А это так просто! Привнесите в то, что не подлежит торгу и купле-продаже, эти самые отношения количественной эквивалентности, — и ядра не будет. Не будет страны как исторической личности, не будет общества и народа, не будет даже личностей как таковых. Всё это заменит постчеловек и постжизнь. И,

конечно, проект был именно в этом. А его острие было направлено в ядро нового господствующего сословия — этих самых «новых русских», которых и хотели взрастить в виде постчеловеков.

Почему моё стремление обсудить эту больную тему не является предметно-политическим, а болтовня о модернизационных сценариях и прочих конкретных благодетельных инновациях — является?

Речь должна идти о выстроенной системе и её способности держать нагрузки. Нагрузки будут увеличиваться. «Шоколада» будет всё меньше, а проблем всё больше. Выдержит ли нагрузки эта система? И чем мы располагаем для построения другой системы, адекватной росту нагрузок? Только, пожалуйста, не надо мне говорить, что мы вырастили новых, активных рациональных людей... Вы предъ-

явите бытийственность этих людей, а также социальных систем и групп. Перефразировав древнегреческого философа, могу сказать: покажи мне, каким потенциалом Бытия располагаешь, и я скажу тебе, какова должна быть политика. Когда же политику в ситуации «быть или не быть» начинают строить, не обсуждая потенциал Бытия, — это странно.

Ещё страннее другое. Налицо два типа действий, осуществляемых параллельно.

Один тип действий (триумф патриотизма в Южной Осетии и Абхазии, посылка самолётов и флота к берегам Америки, накалённая антиамериканская информационная война, ведущаяся нашими телеканалами и доходящая до обсуждения на основном государственном телеканале версии, по которой ЦРУ взорвало ВТЦ 11 сентября 2001 года) нара-

щивает нагрузки на систему. И всё было бы ничего.

Но другой тип действий (параллельный — вот, что особо странно), делает систему всё более хрупкой. Я имею в виду подробно проанализированный мною феномен Ремчукова, назначение Чубайса главою «Роснанотехнологий» с параллельным его триумфальным приходом в международный совет ключевого американского банка J.P. Morgan Chase.

А какое место в пределах этого одновременного наращивания давления на систему и её хрупкости занимает убийство Руслана Ямадаева, фантастическая эскалация ингушской напряжённости, явная попытка обострить осетино-ингушские отношения?

Без ответа на основной вопрос, который я задал, описанный мною странный «хрупкодав» будет продолжаться. Ибо в его основе

— противоречивость класса, который хочет и умилостивить Запад, чтобы оставить в целости и невредимости свои зарубежные счета, и покуражиться, погрозить «кузькиной матерью». Всё это было бы мило, если бы, повторяю ещё и ещё раз, не приводило и к наращиванию нагрузок на систему, и к ослаблению способности системы выдерживать эти нагрузки.

Но мы же все понимаем, что такое одновременное наращивание нагрузок на систему и снижение её прочности! Это развал! Когда прочность снизится до критической, а нагрузки достигнут максимума — система схлопнется. Она просто не может не схлопнуться.

Нельзя одновременно проклинать американцев, грозить им бронированным кулаком — и идти в постиндустриальное будущее под знаменем А.Б.Чубайса, всегда донельзя аме-

риканизированного и американизирующегося теперь больше, чем когда бы то ни было. Или кто-то считает, что так можно? Но пусть он объяснит обществу, на чём основана такая уверенность?

Нельзя ставить на уши уже утвердившийся американский гегемонизм, совершая беспрецедентное действие с признанием Южной Осетии и Абхазии (которое я всячески поддерживаю) и аранжировать это действие стонами и посулами Ремчукова.

Нельзя возвеличивать героизм тех, кто воевал в Южной Осетии (это возвеличивание я, опять же, поддерживаю), и сквозь пальцы смотреть на убийство брата одного из героев этой войны, совершённое в зоне ответственности ФСО, в час пик, на глазах у всех, чуть не под стенами здания Правительства и рядом с британским посольством. Это даже не ситуа-

ция, когда правая рука не знает, что делает левая. Это ситуация, когда правая рука давит на систему, а левая ломает в этой системе все рёбра жёсткости.

Класс под патриотические фанфары сдаёт Россию? Или он готов сказать, что Россия для него дороже накопленных и вывезенных на Запад состояний? Или же он раскалывается на тех, кто говорит «Родина», и тех, кто говорит «бабки»? Нужна ясность, но её нет! Класс хочет спрятаться от прямого вопроса: Родина или «бабки»? Не «Родина и бабки» (кто же откажется? красиво жить не запретишь!), а «Родина или бабки». А когда Бжезинский и его бэкграунд поставят этот вопрос ребром — что будет тогда?

Мы не имеем права не задавать себе этот вопрос. В памятной всем, наверное, песне пелось: «С чего начинается Родина?» И пере-

числялось: «с картинки в твоём букваре», «с хороших и верных товарищей», с песни матери и прочее. А дальше говорилось: «С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять».

Но у нас же отняли? По факту — взяли и отняли. Нет СССР.

Владимир Владимирович Путин сказал, что распад СССР — это геополитическая катастрофа. И я его в этом всецело поддерживаю. Но мне кажется, что настало время сказать гораздо большее. И что это, большее, обязано быть сказано именно теперь.

Большее же состоит в том, что *распад СССР — это катастрофа не только геополитическая, но и метафизическая. Это прежде всего метафизическая катастрофа.* Ибо Быть было отдано за Иметь, первородство — за чечевичную похлёбку. «Царство

количества» ворвалось туда, куда оно не врывалось ни при каком нормальном капитализме. Да и ненормальном тоже. Такой экспансии количества в сферу качества не видела никакая Колумбия.

Такая экспансия количества — это метафизическая катастрофа. Она бросает вызов жизни и человеку. Она создаёт постжизнь и постчеловека. Мы не ответим на новые вызовы, не поняв, как следует, что это такое. Сегодня уже не может быть политики, оторванной от метафизики, от экзистенциальных вопросов. В момент, когда встаёт ребром вопрос: «Быть или не быть России?» — подчёркиваю, не вопрос «какой ей быть?», а вопрос «быть или не быть?» — только экзистенциальное и метафизическое начало может придать политике упругость и эффективность.

Так что же такое вызов Иметь, вызов ко-

личества, вызов антибытийности, вызов постжизни? Оторвав эти вопросы от политически актуального, мы рискуем погрузиться в пустые умствования. Но, подчинив эти вопросы злобе дня — мы не придадим искомой политике экзистенциального качества.

Вот почему я обращаюсь к опыту тех наших великих философов, которые не чурались политики и не скользили по метафизической поверхности. Я по-своему трактую этот опыт, но не подменяю его анализ своими собственными построениями.

Первым из таких философов, к которому надо обратиться за пониманием феномена постжизни и постчеловека, является Фёдор Михайлович Достоевский. Это он сказал устами своего героя в «Записках из подполья»: «Это уже не жизнь, господа, а начало смерти». Что самое важное в этих словах? Понятие о НА-

ЧАЛЕ смерти. Смерть для Достоевского не одномоментна. Она начинается. И — длится. Длящаяся смерть — и есть постжизнь. А плывущий в потоке постжизни — постчеловек.

Глубже всего Фёдор Михайлович рассматривает это в своём «Бобке». Вчитаемся в его сокрушительные метафизические и политические пророчества.

Я уже обсуждал феномен неприличности Ремчукова и спрашивал себя и других: «Что это?» Достоевский отвечает: это постжизнь. И связывает постжизнь — социальное, политическое и культурное тление — с возрастанием этого самого неприличия. «Заголимся!» — восклицают герои «Бобка», объятые тлением. Достоевский, исследуя личность и её тление, говорит и о других каркасных личностных конструкциях, атакуемых тлением. Например, о способности удивляться.

Он говорит о том, что тление личности порождает способность НЕ удивляться ничему на свете. И что эта способность «почему-то признана» правящим сословием Российской империи — «за хороший тон». Чем это кончилось для правящего сословия — мы знаем по результату. А Достоевский это предвидел. И выводил из своей концепции тления личности. Тление личности порождает неспособность отличить приличное от неприличного... Оно же порождает неспособность удивляться... Что ещё оно порождает?

Анализируя крах той империи, мы постоянно сталкиваемся с чем-то, вызывающим оторопь. С какой-то особой склонностью делать именно то, что не надо, и не делать то, что надо. Подобную склонность принято называть «политической глупостью». Это не обычная глупость. Это метафизическая глу-

пость, порождённая тлением личности и постжизнью как длящимся тлением. Таково, по крайней мере, мнение Достоевского, предчувствовавшего гибель любимой им Империи. И пытавшегося что-то объяснить Победоносцеву, Суслову Российской империи, мечтавшему её подморозить.

Подморозить... Не правда ли, это слово отдаёт моргом? Подморозить — это сдержать тление. Ну и как, удалось его сдержать? Дело не в том, чтобы сдерживать тление, а в том, чтобы обрести потерянную личность, то есть воскреснуть. Признаем же, что воскресла Россия в 1917 году. Нравится нам, как она воскресла, или нет — будем элементарно честными.

Французское правящее сословие перед революцией 1789 года было столь же изощрено и изысканно, как российское правящее со-

словие перед революцией 1917 года. И столь же метафизически (а в результате и политически) глупо. Оно тоже истлело. Граф Йорк фон Вартенбург объясняет это тление потерей связи с историческим духом. Что ж, потеря связи с духом всегда впускает в субстанцию это самое тление. А восстановление связи?

Революционеры были людьми достаточно простыми. Но обладали поражавшим всех политическим умом, имевшим метафизический генезис. Умом, связанным с присутствием исторического духа и восстановлением личностного начала.

Личность всегда умна, считает Достоевский. Она может быть наивна, даже примитивна. Но постольку, поскольку она личность — она всегда метафизически (а значит, и политически) умна. Индивидуум же, расстав-

шийся со своей личностью, всегда метафизически глуп. Он может быть хитёр, чуток, сложен, образован, тонок. Он может быть невероятно цепок. И потому успешен в определённых ситуациях, не требующих этого метафизического ума. В каких именно ситуациях? В ситуациях, когда «всё в шоколаде».

А по ту сторону «шоколада»? Там необходимо соединение с историческим духом, обретение личности и метафизического (то есть, и политического) ума. Возможно ли это? Да, возможно. В той степени, в какой возможно то, что называется воскресением. Если бы я не считал, что это возможно, я не написал бы ни строчки по поводу судьбы развития в России. Ибо и судьба, и развитие предполагают Бытие, личность и не предполагают той самой особой метафизической глупости, которая порождена, уверен, «исавизацией всей

страны», тлением личности и постжизнью.

Освободиться от глупости «а ля бобок» можно, только воскресая (опять же в социальном, культурном, политическом смысле). Воскресая, вновь становишься умным. Так считает Достоевский. И для меня абсолютно очевидно, что, размышляя об отдельной личности (её тлении и воскресении), он размышляет и о России. Так поразмышляем и мы. Право же, есть о чём.

Может ли воскреснуть нынешняя Россия? Именно воскреснуть — причём не в поэтически размытом смысле, а в смысле обретения исторической личности? В смысле соединения её субстанции с её же историческим духом. Тем духом, связь с которым разорвала перестройка. Разорвала, предложив обменять первородство на чечевичную похлёбку, организовав — подчеркну ещё раз — и геополи-

тическую, и метафизическую катастрофу. Запустив Танатос, то есть это самое тление (регресс). Истлевающее — теряет Быть и получает взамен Иметь. Эрих Фромм, говоривший об Иметь и Быть, был абсолютно солидарен с концепцией тления Достоевского.

Воскресить Россию — значит вырвать её из трясины всеобъемлющего Иметь. Посадить на цепь воющее тоскливое вожделение: «Это хочу иметь, и это, и это». Изгнать количество из качества (менял из храма).

Личность — это то, что способно Быть. Экспансия Иметь — это тление. Достоевский напряжённо наблюдает за тем, как тлеет в бесконечно им любимой России правящее сословие. В том числе, за тем, как, тлея, то есть, теряя личностное, сословие приобретает способность ничему не удивляться и считает эту способность — хорошим тоном.

Достоевский прямо связывает подобное «хорошетоние» с тем, что индивидуумы, слагающие это сословие, тлея — глупеют. Ещё раз подчеркну: для Достоевского потеря личности — это приобретение глупости. В итоге Достоевский выносит такой вердикт: *«Ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать».*

Потрясающая точность и глубина мысли! Достоевский устанавливает, что потеря способности удивляться имеет общий источник с потерей способности соблюдать приличия, то есть что-то уважать — себя, других, страну и так далее. И что этот общий источник — метафизическая глупость, порождаемая тлением личности.

А ещё Достоевский в своей концепции тления вводит понятие «инерция». Он утвержда-

ет, что глупость порождает инерцию, а инерция усугубляет глупость. Предреволюционное состояние правящих сословий всегда чудовищно инерционно. Казалось бы, небольшой точный поворот — и всё будет спасено. Но поворот невозможен. Как и точность. Кого исторический дух хочет наказать, того он поражает инерционностью.

Чтобы не быть голословным, позволю себе ещё одну цитату из того же «Бобка»: *«Наверху, когда ещё мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь* (разговор ведётся, как вы, наверное, помните, между покойниками на кладбище — С.К.) *ещё раз как будто оживает, остатки жизни сосредотачиваются, но только в сознании. Это — продолжается жизнь как бы по инерции [...] ещё месяца два или три... иногда даже полгода... Есть,*

например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё ещё вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок [. . .] Ну, а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь? Это. . . хе-хе. . . тут вонь слышится, так сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца УСПЕТЬ СПОХВАТИТЬСЯ (выделено мною — С.К.) *. . . Так сказать, ПОСЛЕДНЕЕ МИЛОСЕРДИЕ* (выделено мною — С.К.)».

Наши западники после 26 августа 2008 года пребывают, по сути, в фундаментальной экзистенциальной ситуации «Бобка». Они могут отреагировать на эту ситуацию по-разному. Могут УСПЕТЬ СПОХВАТИТЬСЯ. Прошу, прислушайтесь к этим удивительно ёмким словам российского гения — именно

УСПЕТЬ и именно СПОХВАТИТЬСЯ. Они могут успеть спохватиться... А могут... могут и не успеть.

29

Мне звонят мои друзья, возмущённые передачей «Судите сами» на Первом канале 2 октября 2008 года. Передача была посвящена трагическим событиям 1993 года — октябрьскому расстрелу Дома Советов и другим «шалостям» раннего ельцинизма. Например, знаменитому апрельскому референдуму «Да-да-нет-да». Тому самому референдуму, на котором впервые были применены запрещённые технологии взлома психики. Нейролинг-

вистическое программирование (НЛП), прочие наработки, созданные военными психологами для подавления психики чужого населения в условиях ведения военных действий на его территории. Тут же этими средствами вели войну со своим населением. Или — уже чужим?

На все возмущения моих друзей я отвечаю: «Идёт политическая война».

Друзья говорят: «Мы же видим, что твоё высказывание искромсано! Мы достаточно профессиональны, чтобы и более тонкие склейки улавливать. А тут — грубейшие склейки. Таких склеек не было со времён НТВ Гусинского!»

Я отвечаю: «Идёт политическая война».

Друзья говорят: «Ты не можешь не понимать, что Первый канал сознательно играет на стороне монстров либерализма, валя-

ющихся на свалке истории. А когда ты им оппонируешь, то кромсают не скальпелем — штык-ножом».

А я опять отвечаю: «Идёт политическая война».

Друзья заводятся: «А как же эти, эти и эти (называются имена телевизионных работников). Они на чьей стороне воюют? Они патриоты? Конъюнктурщики? Засланные казачки?»

Я: «Это совершенно нормальные люди. У них есть и позиция, и свой взгляд на происходящее. Дело не в них, а в Системе. Система входит в режим автоколебаний. А люди... Они же не только люди, но и функционеры этой Системы».

Друзья начинают называть ещё более высокие имена.

Я: «И это нормальные люди. И у них есть

позиция. Но если телевизионщики — функционеры Системы, то эти люди — высокие функционеры Системы. Надо смотреть правде в глаза — старая Система не выдерживает новых нагрузок. Она взяла на себя совершенно не свою роль. У неё парадигмальный кризис, понимаете? Не кризис функционирования, не кризис системной архитектуры, а кризис оснований. Это страшная штука».

Тогда друзья называют совсем высокие имена.

Я отвечаю: «А это — высочайшие функционеры Системы. Той самой Системы, которая не выдерживает нагрузок, путается в кодах, логистике. Вы мне имена называете?.. Имена вторичны. Любой функционер — заложник автоколебаний не справляющейся Системы».

Друзья отпускают ядовитые реплики. А когда телефоны умолкают, я остаюсь наедине

со своими мыслями и понимаю, что для друзей события 1993 года не имеют метафизического смысла, а для меня имеют.

Я благодарен Путину за то, что он назвал распад СССР геополитической катастрофой. И абсолютно убеждён, что он сделал это от сердца, а не по конъюнктурным соображениям. Но для меня-то распад СССР — это метафизическая катастрофа. И я эту оценку считаю научной, а не базирующейся на симпатиях и ценностях. А из различия оценок качества катастрофы вытекает очень многое.

Главное — представление о необходимых действиях в посткатастрофический период. Травма пространства и травма смысла лечатся по-разному. Конечно, пространство связано со смыслом, а смысл с пространством, но это всё-таки не одно и то же.

В период с 1987 по 1991 год (всего-то четы-

ре года) Верх обменяли на Низ, идеал — на совокупность определённых... скажите, как вам нравится... Соблазнов? Возможностей? Ну, пусть возможностей. В число возможностей, которые обменяли на идеал, входили прежде всего возможности материальные. Еда — отсутствие дефицита (полные прилавки вместо пустых), другой ассортимент продуктов (не для всех, но для многих), а также возможность не стоять в очередях, что отнюдь не мелочь. Следом за едой речь шла обо всей корзине потребительских товаров, о новых возможностях решать жилищную проблему (уже для немногих) и, наконец, о развлечениях (отсутствие идеологической цензуры, нравственных ограничений, возможность отдыха за рубежом).

То, что я назвал, — это материальные возможности. Но я согласен приплюсовать к ним

другие, более высокие. За рубежом можно, например, не только отдыхать, грея телеса на пляже, но и любоваться Римом, Парижем, проводить часы и дни в Лувре или в галерее Уффици.

Но это — всё равно возможности. Герой О'Генри едко заметил: «Песок — плохая замена овсу». Является ли для кого-то идеал «песком», а все эти совокупные жизненные возможности «овсом», или наоборот — неважно. Важно, что обмен идеала на возможности — это игра на понижение, движение сверху вниз, скольжение, контриницииация. А значит — падение в буквальном смысле слова. Оно же — метафизическая катастрофа.

Мне кажется, что скоро это начнут понимать все. Политики, в том числе. Потому что это слишком очевидно. Как слишком очевидно и то, что именно новые материальные воз-

можности предопределили решение широких общественных групп поддержать сначала перестройку, а потом... 1993 год.

Эти широкие общественные группы вполне можно назвать омещаненными. База перестройки и ельцинизма, конечно, была шире. Я не хочу редуцировать её до общественных групп с данной характеристикой. Но эти группы были локомотивом, запевалами, осью будущей властной Системы. Они быстро отодвинули все другие группы на периферию, а потом и безжалостно их растоптали. Другим группам оставалось маргинализоваться и либо запоздало проклинать новую Систему, либо поддерживать её, вопреки своей очевидной маргинализации. Последнее тоже имело место.

Омещанивание — грех позднего советизма. Страшный грех. Но поздний советизм —

это раствор с мещанской взвесью и не более того. Взвесь ещё надо было осадить, спрессовать, превратить в иной по качеству социальный субстрат. Перестройка сделала это и опёрлась на новый субстрат. Мы пожинаем плоды.

Я часто слышу, что «негодяи осуществили заговор, сменив Верх на Низ». Заговор был. Его можно даже назвать «заговором Карнавала». Именно карнавал меняет Верх на Низ. Это его основополагающее социальное и культурное свойство. Михаил Бахтин талантливо это описал. Он ещё и рассмотрел «технологии Низа», используемые Франсуа Рабле и его последователями. А это — отдельная (и очень непростая) страница в истории мировой культуры и мировой параполитики.

Всё так. Да, совращали, да, растлевали. И что? Всех ведь растлевали, всем внушали,

что Верх надо поменять на Низ. Но кто-то не поменял, а кто-то поменял. Значит, была возможность не поменять? Просто кто-то ею воспользовался, а кто-то нет.

Никто не снимает с растлителей вину за растление, но можно ли снять вину за падение с падшей женщины? Особенно если она не Соня Мармеладова? Воля человеческая свободна. Это касается как отдельного человека (личности), так и народа, являющегося исторической личностью.

Когда мы говорим, что кто-то пал, а кто-то не пал — это абсолютная правда. Огромное количество наших сограждан — не пало. Они проявляли и проявляют колоссальный социальный героизм. Нянечки, которые за крохотную зарплату возятся с тяжёлыми больными, сохраняя добросердечие, приветливость, отзывчивость, — не пали. И мы, в

конце концов, можем сказать, что пало активное меньшинство, а не большинство.

Но, отказываясь от концепции коллективной вины, мы должны отказаться и от концепции собора, от концепции народа как единой исторической личности. Хотим ли мы отказаться от этой концепции? Я, например, не могу от неё отказаться. Для меня общество не совокупность индивидуумов, а Целостность. И если Целостность сажает себе на шею Ельцина, то она совершает выбор и делает всех заложником этого выбора. Меня — тоже.

Я лично никогда ни от чего не отказывался, не делал в своей жизни никаких понижающих выборов, не поддавался никаким соблазнам нынешней эпохи.

Я лично говорю в 2008 году в точности то же самое, что говорил двадцать лет назад. Конечно, не как попугай, а как человек, кото-

рый ищет ответы на новые вызовы, не меняя при этом основополагающих представлений.

Я лично прекрасно знал, что я должен был бы сказать и от чего отказаться для того, чтобы вкусить разного рода возможностей. Но я, опять-таки лично, отверг такой соблазн.

Потому что я (снова скажу — «я лично») прекрасно понимал, чем первородство отличается от чечевичной похлёбки, а человек, у которого есть подлинность, от человека, у которого её нет. И я лично хотел иметь подлинность.

Всё это — лично. Но, кроме личного, есть и нечто другое. Есть Целостность, в которую я вхожу и за которую отвечаю. Как только я признаю, что являюсь частью Целостности (а я никогда от этой Целостности, она же Родина, Отечество, не откажусь), так сразу же поступок, совершённый этой Целостностью,

бросает и на меня свою экзистенциальную и метафизическую тень.

Я лично не сдавал ни Хоннекера, ни Наджибуллу, и выражал глубокое отвращение по поводу этой сдачи. Хоннекера и Наджибуллу (а также многих других) сдала власть, про которую я лично всегда говорил то, что думал.

Но если бы историческая личность, к которой я принадлежу, испытала настоящее отвращение к этому предательству, совершаемому властью, то не было бы такой власти — ни самого Ельцина, ни его Системы. «Если бы да кабы»... Историческая личность отвечает за предательство власти, а я отвечаю за историческую личность, являясь её частью.

Знаю все возражения — мол, народ кто-то должен организовать и так далее. И убеждён, что в этих возражениях всегда есть до-

ля лукавства. Даже у тех, кто выдвигает их с абсолютно немеркантильными целями. Достоевский про это говорил: «В душе насмешка шевелится». Увы, нельзя не признать, что метафизическая катастрофа 1988–1993 годов происходила в условиях беспрецедентной для России политической и социальной свободы — и этим усугублялась.

Потому что выбор между идеалом и возможностями, первородством и чечевичной похлёбкой — совершался не под дулами автоматов. В бордели и казино не свозили в «чёрных воронках»... Люди отрекались от своего прошлого не потому, что их вздымали на дыбу. И давно пора посмотреть этой горькой правде в глаза.

1993 год занимает в метафизической катастрофе (а катастрофа — это процесс, разворачивающийся во времени) особое место.

В 1991 году народ взяли врасплох. Ему слишком многое пообещали. И это многое в конце концов и впрямь не сводилось к материальным приобретениям. В частности, народу пообещали верховенство закона над идеологическими предвзятостями, «крутизной» отдельных личностей, однопартийной блажью. Народу пообещали конкурентные правила политической игры и Конституцию как гарантию их соблюдения.

А в 1993 году оказалось, что конкурентные правила политической игры, они же демократические институты, — важны, пока выигрывает тот, кто задаёт правила. А когда он проигрывает (ну, как шахматист партию в шахматы) — он бьёт выигрывающего по лицу шахматной доской и затем предлагает сыграть новую партию.

Такой, весьма наглядно осуществлённый,

подход изымал из приобретённых народом возможностей последние крупицы идеального. Согласившись на изъятие идеального, народ признал, что именно материальные возможности, будучи положены на одну чашу весов, перевесили идеальное, положенное на другую чашу. Это признание усугубляло метафизическую катастрофу.

Пусть даже в 1991 году народ, поддержавший Ельцина, надеялся на новую жизнь, а не только на новое стойло и новое пойло. Мне очень хочется в это верить, ибо в этом оправдание народа, той Целостности, частью которой я себя ощущаю.

Но к 1993 году всё всем уже было ясно. Ельцин пообещал лечь на рельсы — и не лёг. Гайдар обокрал народ беспрецедентным в истории образом. Кичливость новых «социальных триумфаторов» была предельно оскор-

бительной. Рабочие, инженеры, учёные, аграрии, вся так называемая бюджетная сфера (да и весь реальный индустриальный и постиндустриальный уклад) оказались варварски подавлены во всех смыслах — нравственном, социальном, экзистенциальном. Всё «нечечевичное», что вместе с чечевицей противостояло первородству в 1991 году, испарилось в 1993-м. ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ЧЕЧЕВИЦА. К ней-то и апеллировал Ельцин в этом особо горьком 1993 году: мол, коммунисты придут, прилавки опустеют, халява кончится, опять попрётесь вкалывать, и так далее.

Для народа наступил момент истины. Правила политической конкурентной игры и Конституция сломаны. Маски сняты, нуворишский оскал, скрывавшийся за этими масками, виден всем. Социальные, нравственные и прочие слагаемые, определяющие качество

жизни, растоптаны. Если вы всё это поддерживаете (а не сопротивляясь этому, вы это поддерживаете), то вы признаёте, что Низ важнее Верха. А это — метафизическое признание.

Но, может быть, средства сопротивления были народу недоступны? Это не так. Всего-то нужно было, чтобы к конкретной точке — зданию Верховного Совета — пришло от 300 до 500 тысяч людей, готовых поддержать законно избранную власть. Перед этим на демонстрацию 9 мая пришло больше 300 тысяч человек. А ведь одно дело демонстрация, другое — указ 1400, растаптывающий и Конституцию, и политические институты, то есть то «нечечевичное», что могло как-то оправдать произошедшее в 1991 году.

В 1993 году народ не поддержал людей, достаточно мужественных для того, чтобы,

сказав Ельцину «нет», оказаться в осаждённом Доме Советов, в кольце колючей проволоки. Людей, готовых вооружиться. Людей, призвавших народ дать отпор посягательству на Конституцию, политические права, институты. Людей, призвавших дать отпор очевидному социальному и культурному надругательству над большинством населения.

Народ не поддержал людей, восставших против его, народа, беспрецедентного ограбления. Народ не поддержал людей, которые, в конце концов, заплатили за своё «нет» ельцинизму — и нахождением в обстреливаемом здании, и тюремным заключением, а многие и жизнью. Да, никто из депутатов не был убит. Но другие-то люди были убиты! И очаг сопротивления был! И было понятно, как его поддержать. Но ведь не поддержали.

То есть кто-то — поддержал. Однако если

бы поддержала Целостность (да хотя бы просто 300 тысяч пришедших к зданию Верховного Совета), то ельцинизма не было бы. Мне скажут, что могло быть что-то похуже. Но, один раз показав, что посягательство на политические институты, права, Конституцию и многое другое не проходит, — народ приструнил бы всех. И очень надолго.

Многое было метафизично в те осенние дни 1993 года.

Метафизичен был выбор толпы, стоявшей рядом со зданием Верховного Совета и готавшей под выстрелы по своему законно выбранному парламенту. Кому-нибудь на Западе в конце XX века мог присниться страшный сон, в котором танки расстреливают французский или британский парламент?

Когда до пьющих пиво сквозь стрельбу доносится запах палёного человеческого мяса и

вопли жертв, а они аплодируют — это не метафизическое падение? А что это?

А что такое сначала призвать народ не допустить ельцинской Конституции, а затем фактически поддержать её своим участием в выборах? Это не метафизический грех, не блуд на крови?

Я никогда не забуду, как по причинам, скажем так, социологического характера оказался на предвыборном шоу, устроенном Зюгановым. После окончания шоу ко мне подошёл плечистый, утянутый ремнями человек средних лет и спросил: «Вы тоже станете депутатом?» Я грубо послал его, а человек не только не обиделся, но возбуждённо прошептал: «Спасибо тебе, спасибо». И добавил: «Говорил я им: «Ребята, уходить надо». А они — «надоело бегать, лучше за правое дело умереть». Вот, умерли, а тут...» Дальше шли

незабываемо оскорбительные высказывания в адрес тех, кто потопал на выборы, поддержав Конституцию, а перед этим призывал умереть, но не позволить этой Конституции растоптать устои общества и принципы социальной справедливости.

Качество жизни в 2008 году во многом определяется метафизической катастрофой предшествующего периода. И её кульминацией — событиями 1993 года. Ещё раз подчеркну, что о едином выборе всех говорить не приходится. Кто-то пассивно отвергал ельцинизм и доказал это результатом выборов в Думу в самом конце 1993 года. Тем результатом, о котором один из либералов сказал: «Россия, ты одурела». Россия не одурела, а отвергла постфактум тех, кто организовал бойню в октябре 1993 года.

Но если ельцинизм состоялся, если он во-

шёл, как нож в масло, в тело России, то не говорить о её историческом выборе в пользу ельцинизма — нечестно.

В 1917 году Россия выбрала коммунизм. В 1933 году Германия выбрала фашизм. Наличие Добровольческой армии, не поддержавшей коммунизм, или Тельмана, не поддержавшего фашизм, не меняет факта выбора, сделанного исторической личностью. В 1993 году Россия как историческая личность выбрала ельцинизм. Не выбрала бы — сколько бы он ни утюжил гусеницами не только набережную Москвы-реки, но и одну седьмую планеты — ельцинизм всё равно бы рухнул. И очень скоро. А он не рухнул.

Метафизическое качество выбора, сделанного Целостностью в 1993 году, очевидно. Обсуждать можно и должно другое — является ли это нисхождение (хождение в Низ, то

бишь падение) необратимым. Если да, то «бобок» будет неумолимо волочить Целостность к катастрофическому метафизическому финалу. А если нет, то она спохватится.

Я уже несколько раз оговаривал, что не Путин и не Медведев создали колею нисхождения, по которой движется до сих пор, увы, моя Родина. Создала эту колею перестройка. Это она запустила регресс, включив Танатос — дух смерти, смрада и тления. Это она, запустив регресс, карнавальными методами поменяла Верх на Низ. Это она, наконец, присосалась к идее развития (ускорения, модернизации и прорыва) и извратила эту идею.

И да не присосётся к развитию перестройка-2.

И да минует на этот раз чаша сия мою Родину. Минует ли?

Наличие ада и рая не означает полно-

го территориального размежевания погибели и спасения. Есть мир. Всё бытие. При окончательном территориальном размежевании (размежевании во времени и пространстве) царство погибели было бы жалким хутором. Всеми презираемым скотским двором, населённым очевидными для всех хрюкающими уродливыми ничтожествами. Этими наглядными пособиями на тему о жалких последствиях погибели.

Царство погибели становится могучим, лишь когда оно проникает своими щупальцами на территорию спасения. Как мы знаем, на всю территорию, включая рай. Проникновение, метафизическая вербовка — вот подлинное оружие царя погибели и его приспешников. Они, так сказать, метафизические разведчики. Они должны уйти из своего царства в чужое и там преуспеть.

Чтобы преуспеть, погибель ищет себе место как можно ближе к спасению. Развитие может быть спасением России, а может стать и её погибелью. Не понимал бы я этого — не начал бы метафизического странствия в поисках политических истин. Горбачёвская эпоха перемен, заявив о развитии, поместила развитие как спасение (ускорение — прорыв) в невероятной близости с развитием как погибелью (карнавал — Танатос — перестройка — регресс).

Перестройка-2 — сделает то же самое. Она опять поставит на... На что? НА ЧТО?! Тут очень много значит верное слово.

Что может погубить Россию? Американская мощь? Китайская демографическая экспансия? Халифатистский ислам? Происки иных злых сил? Кто может отнять у нас Родину в 2011 году так же, как в 1991 у нас от-

няли СССР? Назовите правильные слова! А лучше бы одно слово. Если вы сносили семь пар башмаков в метафизических странствиях и добыли это слово, вы выиграли. Назовите именно правильное слово. Конфуций призывал давать вещам правильные имена, видя в этом единственную возможность воскрешения лежащего в прахе и бесконечно любимого им Китая. Да и не только Конфуций.

Ну, так слово-то каково? В какую точку будут бить умные люди, ненавидящие Россию и желающие её окончательной смерти? Идиоты будут считать своим главным оружием гонку вооружений, беспилотные самолёты, лазеры, глобальную ПРО, пост-ядерное и пост-термоядерное оружие. Но ненавидящие нас умные люди, к которым я отношу Бжезинского, укажут на другую технологию обеспечения нашей погибели.

Бжезинский на эту технологию уже указал. Поскольку это начинает приобретать всё большее значение у нас на глазах, я обязан не только пересказать его мысль (что я уже сделал), но и дать буквальную развёрнутую цитату из его статьи «Не опускать глаза перед русскими», опубликованной 14 августа 2008 года в журнале «Time»:

«Говорить о том, какие конкретно меры должен принять Запад, сейчас было бы преждевременно. Однако необходимо сделать так, чтобы до России дошло: она стоит перед лицом опасности международного остракизма. Особенно чувствительно это должно быть для новой бизнес-элиты России, всё более уязвимой к давлению со стороны глобальной финансовой системы. **Влиятельные российские олигархи держат на счетах в западных**

банках сотни миллиардов долларов, и в случае начала «холодной войны» они многое теряют, ибо в результате такого противостояния Запад может на определённом этапе заморозить эти средства».

Кто-то фыркнет: «Ишь ты, «бабки» он отбирать будет! А мы их куда-нибудь перепрячем».

Такое фырканье возможно только при буквальном прочтении тех глубоких подходов, которые предлагают наши ненавистники для нашей погибели. Откажитесь от буквального прочтения и найдите, повторяю, точное слово! Найдите слово — или зачем метафизика?

Это слово витает в воздухе, но сделано всё, чтобы оно не было названо. Ну, так я его назову. Это слово — НИЗОСТЬ.

Враг, стремящийся нас добить, делает

ставку на нашу низость.

Низость нашей элиты. Низость нашего общества. Низость вообще.

Почувствуйте это слово — НИЗОСТЬ. Русский язык гениально раскрывает метафизическое существо игры, где ставкой являются спасение и погибель.

Низость — это Низ. Ставка на низость — это ставка на Низ. Именно эту ставку и сделала перестройка с её метафизикой карнавала, предлагающей замену Верха на Низ. И такую же ставку сделает перестройка-2.

Ставку на низость класса...

На низость элиты...

На низость в душах...

На низость в поступках...

На «бобок-с». «Бобок» — это метафизический термин. Есть близкий научный термин — социокультурный регресс.

Карнавал и царствующий в его лоне Танатос запустили регресс, сломали механизмы, обеспечивающие восхождение человека. Толкнули вниз и продолжают толкать. Толкать человека вниз гораздо проще, чем тянуть его наверх.

Танковые залпы 1993 года отдавались в моих ушах этим самым словом «регресс». Мы после этих залпов живём на территории регресса. Просто жить на ней — значит тлеть. Мы боремся. Мы противопоставляем регрессу контррегресс, царству низости — катакомбы, в которые этой низости вход закрыт. Но мы живём не только в катакомбах!

Конечно, тут каждый выбирает для себя! Кто-то может так оградиться от повреждённого, тлеющего социума (сказав, вдобавок, что рыба тухнет с головы), что потом и не достучишься.

Так отгородились старообрядцы после Петра I. Они не уклонились от участия в общей народной жизни и породили много ценного для России. Но их поведение в корне отличалось и от поведения ранних катакомбных христиан, и от поведения современных групп с катакомбными стратегическими претензиями, например, тех же ваххабитов, которых Буркхардт когда-то назвал «протестантами ислама».

В чём суть различия? Ведь не в том же, что ранние христиане были менее чутки к тлению Рима — параллельно с ними существующего и господствующего политического и социального мироустройства. Не они ли называли Рим блудницей, не их ли третировал этот Рим? Нет, их чуткость к низости, к «бобку», и отчуждение от оных — было ничуть не меньше, чем у старообрядцев.

Но они шли на территорию регресса, веря в силу своего духа, в возможность преображения, в возможность смены возобладавшего в тлеющем Риме Низа — на Верх. И они преуспели. Каким бы было человечество, если бы они не преуспели? Византия за счёт этого их преуспеяния продержалась тысячу лет. Вы только подумайте! Не семьдесят лет, как СССР, и не четыреста лет, как проект Модерн, а тысячу!

Но ведь и Запад спасся за счёт выхода тех катакомб на территорию регресса! Да, Рим спасти не удалось. Но папа сумел ввести в какие-то берега обезумевших мелких варваров, этих царей-бандитов ранней феодальной Европы. А дальше началась долгая история превращения мелких царей-бандитов в элиту Священной Римской империи. Византия продержалась тысячу лет, а западный Рим,

рухнув, воскрес. И этим в огромной степени определил, вместе с Византией, лицо современного человечества.

Так имеем ли мы право забывать тот урок? Или мы считаем, что у нас нет своей метафизической правды? Но чего ради тогда мы проживаем на территории регресса? Нам так нравятся берёзки? Мы «бабки» вместе с регрессорами стрижём? Егор Гайдар рекламировал свою деятельность, в том числе (им организованную и проплаченную — читайте Геращенко) пальбу по Дому Советов, — прямым цитированием из Стругацких, как «прогрессорство». Но понимал он, что на самом деле занимается — причём буквально — РЕГРЕССОРСТВОМ. Впрочем, не в Гайдаре — и даже не в Ельцине — суть дела.

Суть дела — в слове «низость». Ощутите значимость этого слова для будущего России.

Бжезинский делает ставку на низость и говорит: «Это ахиллесова пята».

А если и в самом деле это «ахиллесова пята»?

Низость элит обрушила СССР. Бжезинский делает ставку на то, что это совершится во второй раз, и Российская Федерация рухнет в силу низости новорусского нуворишского сословия. Двадцать лет назад элитам удалось заразить низостью широкие слои населения. А теперь?

Всё зависит от нравственного обоняния. Его-то мы и должны развивать.

Мы знаем, что это многим не нравится. Ну, и что? Ведь мы также знаем, что это абсолютно необходимо. Что только развитие нравственного обоняния (равно как и понимания происходящего) может позволить людям, оказавшимся в ситуации регресса, — спохва-

титься. Сегодня спохватываются одни, завтра другие. Мы не должны ни радоваться, ни сетовать — только работать. Работать на территории регресса.

Люди типа Ремчукова и его присных отсчитывают наши выступления по телевидению и сплетни по поводу наших заходов в Кремль. «Бобок» всегда всех меряет своей меркой. И реагирует «бобок» понятным и единственно возможным для него образом: «Чу, живым духом пахнет!»

Пятнадцать лет назад Россия не спохватилась, её нравственное обоняние не учуяло мёртвый дух, вонь тлеющей души. Чем в большей степени мы разовьём нравственное обоняние, тем больше у нас надежд на это спохватывание сегодня. Других надежд у нас, по определению, нет и не может быть. Кремль, телевидение... Спохватятся там —

мы будем рады. Не спохватятся? Мы так же спокойно будем делать дело, которому посвятили жизнь.

В отличие от моих друзей, мне важно не качество передачи на Первом канале, а причины, породившие это качество. И я спрашиваю себя и других:

1) Зачем вообще нужна была передача по поводу октябрьских событий 1993 года на Первом канале? Ведь вполне можно было обойтись без неё. Мало ли острых тем!

2) Почему, заявив эту передачу, надо было впасть в специфическое эмоциональное состояние, понятное всем, кто смотрел передачу?

3) Чем так опасна сейчас тема 3–4 октября 1993 года?

4) Для кого она опасна? Для Путина? Он мирно прошёл восемь годовщин октябрьских событий, не представлявших для него хоть

какую-то политическую проблему. Палил по Дому Советов не Путин, а Ельцин. Как раздавать сёстрам по серьгам («и в этом есть хорошее, и в том») — Путин знает, что называется, «от и до».

5) Значит, казалось бы, эту тему нельзя назвать горячей.

6) Но произошедшее показало, что тема не горячая, а обжигающая. И это единственное, что интересно.

7) Для кого она столь горяча, непонятно, но — ох, как горяча! Не только «чучела ельцинской эпохи», недоумевавшие, почему их поддерживают, но и очень умные (а главное — адекватные) люди были напряжены до предела.

8) Для Медведева тема 1993 года ещё более безразлична, нежели для Путина. Даже если он хочет повернуть политический курс

— не руками же Шейниса он будет его поворачивать!

9) Так для кого так горяча тема? Для тех, кому адресованы угрозы Бжезинского. Он указал, куда бить — в «чакру низости». В неё и ударили. Капитал, в чью чакру ударили, — бесится. Ох, как он бесится! Он прямо распространяет вокруг себя волны паники, волны метафизического безумия.

10) Специфическое цензурирование наших высказываний — рябь, порождённая этими волнами. Интересна не рябь, а волны. Вашего покорного слугу ещё не так цензурировали. Работа на территории регресса предполагает всё, что угодно, кроме упования на правила хорошего тона.

11) Как аналитику, мне интересно зарегистрировать некий сигнал и понять его масштаб и его генезис. Чем масштабнее сиг-

нал, тем интереснее. Чем он страннее, тем опять-таки интереснее. Гражданин скорбит, когда приходит беда. Учёный радуется, получив впечатляющие данные. Как гражданин я скорблю, как учёный радуюсь. Потому что полученные данные предполагают одну возможную интерпретацию.

Если тема октября 1993 года оказалась супергорячей темой, то лишь потому, что между октябрём 1993 года и октябрём 2008 года есть какая-то неочевидная, но очень актуальная параллель. Причём параллель сугубо практическая.

Политическая почва вибрирует. Это предвещает землетрясение. Все, кто улавливают вибрации политической почвы, впадают в особое состояние. Это состояние вторично — первичны политические сейсмосигналы. Их и надо анализировать.

На все звонки я отвечаю: «Идёт политическая война».

Кто с кем воюет? За что?

30

Побочными результатами проводимого мною исследования являются:

(а) само понятие «метафизическая катастрофа» и его политическое использование,

(б) определение распада СССР и краха коммунизма как метафизической (и именно метафизической!) катастрофы («катастрофа первородства», «катастрофа смысла»),

(в) определение постсоветского периода нашего существования как бытия, травмиро-

ванного этой катастрофой («падение», «бобок», «регресс», «травма смысла»),

(г) вытекающее из подобной оценки представление о необходимости преодоления наличествующего, а не потакания оному,

(д) некие наработки, касающиеся методов преодоления («спохватывание», «воскрешение», «контррегресс», «социокультурные катакомбы», «посттравматическая реабилитация»).

Побочными я называю эти результаты потому, что мейнстрим исследования — теория развития.

Историческими циклами я заниматься не хотел. Лавры Артура Шлезингера («Циклы американской истории») меня никоим образом не привлекают. Да и вообще — теория циклов любого рода не является ни моим коньком, ни пределом моих теоретических

амбиций, коль скоро таковые вообще имеются («философы лишь различным образом объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменить его»).

Но если по ходу исследования мы можем описать циклы русской истории — то, согласитесь, это немало. И почему бы их не описать? Это и интересно, и политически небессмысленно. Это может помочь нам в решении основной задачи.

Но для того, чтобы говорить о циклах, мы должны «всего лишь» установить, что не только распад СССР, но и распад Российской империи был метафизической катастрофой (преодолённой впоследствии, но свершившейся). Что и в Российской империи речь шла о метафизических симптомах — Танатосе, карнавале, заголении, отсутствии нравственного обоняния, «бобке», тлении души, измене и

самоизмене элит, падении, прострации, инерции.

Словом, обо всём, что мы уже обсуждали в связи с перестройкой-1 и возможностью перестройки-2.

Нелишним при этом было бы обратить внимание на теорию Александра Янова, так восхитившую А.Н.Яковлева. В этой теории циклы российской истории описываются как колебания между реформами и контрреформами. При этом нет и тени желания раскрыть тонкую структуру феномена реформ и контрреформ, выявить двусмысленность того и другого, обнаружить этот самый Танатос, приводящий вовсе не к колебательным, а к катастрофическим результатам.

В атипичных циклах, которые выявляем мы, главный герой — эта самая двусмысленность. Всё начинается с воли к переменам,

с разговоров о развитии и... в это тут же встраиваются Танатос, карнавализация (смена Верха и Низа), война со своей историей и её смыслом, активизация внутреннего «бобка». В результате крах — не упругий откат к чему-то другому, а именно крах. Точнее, катастрофа истлевания и метафизическое падение.

Никаких волн по Янову, копирующему Шлезингера, копирующего Тойнби или Шумпетера, нет и в помине. Место экстремумов занимают провалы, чёрные дыры. Ну, не работают в России колебательные схемы. Не работают, и всё. Ни схемы Янова или Шлезингера, ни схемы Гумилёва, ни схемы Тойнби. То-то и интересно, что они не работают. Циклы есть — но они не обычные, колебательные, а сингулярные (апокалиптические).

Непредвзятый взгляд на происходящее в

России просто не может не столкнуться с вопиющим несоответствием всего, что случается в определённых точках нашей истории, с любой концепцией, предполагающей ритмизацию (обычную колебательность, плавное движение между двумя несингулярными экстремумами, сжатия и растяжения и так далее).

Но если в когнитивной матрице исследователя заложено задание обнаружить эти циклы любой ценой, то он их обнаруживает. Находит — вопреки очевидности — и описывает.

Политический смысл такого обнаружения, осуществляемого сейчас весьма компетентными западными специалистами, прозрачен донельзя. Говорится следующее:

«Путин — это контрреформы.

Медведев — это переход от контрреформ к реформам.

Но следом за Медведевым начнётся новая фаза контрреформ. И эта фаза будет ужасна! Как же её не допустить? Если мы не хотим, чтобы захлебнулись реформы и возобладали циклы российской истории, то, увы, есть только одна возможность это ужасное захлёбывание не допустить — государственный распад.

Не распался бы СССР после Горбачёва (читай — РФ после Медведева), начался бы контрреформизм. Ну, не с лицом Сталина, так с лицом Крючкова или кого-то ещё.

Но СССР распался, и на новом госпространстве (в Российской Федерации) можно было длить упоительные реформы (что и сделал Ельцин). А потом Ельцин наткнулся на контрреформистское ограничение и вместо того, чтобы дозволить

новый распад, сделал ставку на Путина.

Путин осуществил контрреформы.

Если Медведев не захочет после полосы своего реформизма допустить распад Российской Федерации, возобладает кошмарный контрреформистский чекизм.

Поэтому Медведев обязательно должен что-нибудь развалить. Без этого любые медведевские послабления будут только паузами.

А вот если Медведев решится на переконфигурацию пространства (например, отделение Северного Кавказа — ведь уже «отрезанный ломоть», так сказать), то после Медведева может быть хоть Касьянов, хоть Каспаров (как Ельцин после Горбачёва). И реформизм будет продолжен. Ведь это главное!»

Считайте, что мне подобное развёрнутое

высказывание приснилось. Приснилось, что я сижу на высоких совещаниях, проводимых крайне уважаемыми и влиятельными фондами (не чета каким-то там «бильдербергам»), и просто слышу, как говорят, слово в слово, именно это.

Во сне слышу, разумеется. А как ещё-то? Я даже фонды могу перечислить, в которых обсуждается управление сбивом контрреформистских откатов в пределах российской цикличности, и утверждается, что сбивать контрреформистские откаты можно только через распад.

Но это всё — мои дурные сны, и не более того. А то, что сны мои иногда бывают вещими, так это... Это, к сожалению, случается! Лишь постольку, поскольку это, увы, случается, я продолжаю исследование, раздражающее очень и очень многих.

И в ходе исследования вдруг наталкиваюсь на гипотезу: а вдруг цикличность российской истории не укладывается в обычные представления о цикличности? Вдруг это особая цикличность? С сингулярностями, провалами, метафизическими катастрофами?

Гипотезы надо обосновывать. А для того, чтобы такую гипотезу обосновать и выявить атипичную цикличность в качестве главной характеристики российской истории, надо заняться содержанием коллапса, произошедшего в феврале 1917 года в России. И называемого почему-то буржуазной революцией. Если в этом коллапсе обнаружится вся совокупность слагаемых, характерных для метафизической катастрофы, то гипотезу можно будет считать обоснованной. При развале Российской Империи возымело место подобное, и при развале СССР, и сейчас нависает нечто

сходное... Как сказал бы коренной представитель Чукотки из известного анекдота: «Однако, тенденция».

Если мы выявим такую тенденцию, то можно обсудить и то, как её преодолевать. Но тогда надо преодолевать её, а не нечто другое. Понимая масштаб вызова — и не пасуя перед этим масштабом.

Но выявить такую тенденцию можно, только занявшись досоветским катастрофизмом. А как им заняться? Как анализировать Российскую империю (сложнейший, между прочим, предмет), не меняя мейнстрим исследования? И как сохранить жанр, в рамках которого мы общее улавливаем не академическим путём, а следя за политическим рисунком, формирующимся на наших глазах?

Что-то должно вторгнуться в течение наших размышлений и побудить нас к такой —

абсолютно неизбежной и потому обоснованной и методологически, и жанрово — коррективе. Коррективе, выводящей нас на новый уровень понимания событий февраля 1917 года. А также того, что к этому февралю неумолимо влекло Россию на протяжении, как минимум, большей части XIX столетия. «О Дух истории, — взмолился я, — вторгнись! И я проведу коррективы! Ты только пошли мне необходимое знамение! Любое по качеству, хоть бы и отвратительное. Но главное — побудительное».

Взмолившись, я знамение получил. Открываю газету «Завтра»... Не Первый канал включаю, не «Эхо Москвы», не «Независимую газету» от скуки перелистываю... Нет, открываю газету «Завтра» и аккурат напротив своей очередной статьи читаю гневную отповедь двух ужасно «белых» господ, воз-

мущённых моей клеветой на Российскую империю.

В отповеди — несколько впечатляющих констатаций по поводу вашего покорного слуги (это вам не телекупюры на Первом канале, это покруче) и некая, так сказать, теория, разоблачающая мифы о плохом царе Николае II и плохой Российской империи.

Мол, империя была бурно развивающаяся (преодолеваем миф #1 об отсталости), гармоничная (преодолеваем миф #2 о «тюрьме народов»), с сильным лидером (преодолеваем миф #3 о безвольном царе), бесконфликтная (преодолеваем миф #4 о «Кровавом воскресенье») и — безотреченная. Оказывается, отречение Николая II — это миф #5. А на самом деле он не отрёкся, а его — цветущего, могучего, благородного государя — сковырнули злые силы в лице ряда депутатов, генералов

и членов царской семьи. Ну, а за этими негодяями стояли супернегодяи — дело известное (Шиффы, Варбурги — и понеслось).

Ну, думаю, дождался... Не отвечать нельзя (как-никак, родная «Завтра»). А отвечая, придётся заняться катастрофой 1917 года, определяя и объём этой катастрофы, и её тип. Что 1917-й, что 1991-й... Катастрофа элит... «бобок»... беспрецедентное отпадение от смысла... тление... Нда... Ну и знамение прислал мне Дух истории, откликнувшийся на просьбу о помощи...

Но что сетовать по поводу качества знамения? Сам просил — и вот, напросился. Нарывался? Теперь ответствуй. Хошь, не хошь — уподобляйся этому самому Шлезингеру. И выдавай доказательства специфичности циклов российской истории. Легко сказать — доказательства. У нас цикличность-то не толь-

ко спец-ифична. Она у нас, к сожалению, ещё и просто «спец».

Демарш господ Аверьянова и Мультатули на страницах газеты «Завтра» «Другой царь и другой Сталин» от 8 октября 2008 года можно интерпретировать по-разному.

В том числе и как очередное (причём не первое) спецначинание, призванное проблематизировать проводимое мною (и, видимо, «доставшее» слишком многих) исследование. Но, как сказал Оккам, не надо умножать сущности. Если можно отнестись к данному тексту просто как к тексту — зачем вводить в анализ текста это самое «спец»?

Почему бы не предположить, что господ Аверьянова и Мультатули (а также других участников так называемой «Екатеринбургской инициативы», в число которых входит, между прочим, А.С.Ципко), просто задели

мои статьи по поводу «белой перестройки» или «перестройки-2»?

Почему бы им не быть задетыми, если они представляют так называемый белый (монархический) фланг патриотического движения?

Почему бы им не ответить на мой весьма развёрнутый резкий мессидж, касающийся этого самого белого фланга?

Почему бы газете «Завтра» и её главному редактору, для которого делом жизни является связь белого и красного, не дать белой части политического спектра высказать своё отношение к моим анти-белым мессиджам? «Почемучники» хотят, чтобы я поверил в то, что А.Проханов, только что пережив вместе со мной определённую ситуацию на ОРТ и дав этому соответствующую оценку, тут же стал воспроизводить сам нечто сходное у себя в «Завтра»? Что он, вопреки

морали и здравому смыслу, санкционировал некие определения, которые не только подорвали бы в этом случае основу наших человеческих отношений, но и дискредитировали бы его самого, зачем-то предоставившего бесчисленные полосы своей газеты лицу, так нелицеприятно охарактеризованному господами Аверьяновым и Мультатули? Что он, дав такую санкцию, сам подорвал проект, под который он же сильно «подзаложился»?

Я на сто один процент знаю, что это не так. Не знал бы я этого с такой достоверностью, вы бы не читали уже эту статью в газете «Завтра». Но вы прочтёте и эту статью, и следующие, господа Аверьянов и Мультатули, и, обещаю вам, получите большое удовольствие.

Как мы все понимаем, тут либо-либо. Поскольку Проханов санкций на рассматриваемую мною публикацию не давал, то она, по

определению, представляет собой спецпроект. И это не первый спецпроект, призванный подорвать наше общее с Александром Андреевичем амбициозное начинание.

Я не хочу погружать читателя в разного рода пикантные спецдетали — как именно подбирали время для внедрения, как простраивали и обставляли спецоперацию. Мы живём не в краю непуганых идиотов, умеем получать достоверную информацию по интересующим нас вопросам, чувствуем стиль и почерк. . .

А главное — понимаем, что когда тебе всерьёз оппонируют очень сильно тобой задетые специалисты, желающие тебя разгромить, то они могут использовать любые выражения. В том числе, и крайне некомплиментарные. Но они обязательно будут нечто доказывать. Им же надо и показать, что они специалисты (это

всегда приятно), и наказать по-настоящему задевшего их наглеца (что без доказательств сделать невозможно).

Когда задетые интеллектуалы говорят, что критикуемый ими автор (а) «скатывается к упрощениям и предвзятости», (б) «прибегает к домыслам и ложной аргументации», (в) использует «голословные заклинания» и (г) аж демонстрирует «неопрятный цинизм» (согласитесь, сильное выражение), — то они так или иначе будут это аргументировать. Подтасовывая доказательства или соблюдая профессиональную честность. А вот если они провокаторы (иначе — спецпроектанты), то они ничего доказывать не будут. Им всегда — это их родовое качество — надо походя мазнуть и отскочить. У них задача такая.

Ну и давайте разбираться, с чем мы имеем дело. Причём абсолютно спокойно и с ис-

кренним желанием убедиться в том, что господа, написавшие текст, — доброкачественны. Что они либо доброкачественно заблуждаются, либо... либо не они заблуждаются, а я — почему бы нет? Итак, приступим.

Тест #1. Господа Аверьянов и Мультатули, разоблачая мифы, якобы мной насаждаемые, первым из этих мифов называют миф о Российской империи как о «тюрьме народов». И этим сразу обнаруживают свою вопиющую недоброкачественность. Ибо я (и это общеизвестно) двадцать лет отстаивал и отстаиваю имперскость как благо. Я начал делать это тогда, когда слово «империя» было тотально дискредитировано. «Шить» мне «тюрьму народов» — это... согласитесь, это диагноз.

Тест #2. Я в той же мере никогда не говорил ничего о Российской империи в плане её отсталости и малой пригодности для жиз-

ни. «Отсталость», «малопригодность»... как и «тюрьма народов», это не мой язык. Причём настолько не мой, что случайно приписать его мне невозможно. Отсталость и малопригодность — западническая «феня», постулирующая, что неотсталым и «многопригодным» местом для жизни в XIX, да и XXI веке — являются Швейцария, Дания или США.

Господа Аверьянов и Мультатули спорят не со мной, а с Гайдаром и Новодворской по поводу того, была ли Россия близка к неотсталости и многопригодности Запада (как они считают), или же была далека от этого идеала (как считают Гайдар и Новодворская). Мне же этот идеал и вытекающая из него шкала критериев — невероятно чужды. Господа, с теми, кто отстаивает советское, нельзя спорить, присваивая им позицию Новодворской и выдвигая против них аргументы, от-

точенные в споре с Гайдаром! Это дурдом и саморазоблачение. Потому что вы просто показываете, что Гайдар и Новодворская вам гораздо ближе, чем мы.

Так это, кстати, и есть «бобок» белого движения (как XX-ого, так и XXI-го века), его главная тайна и ахиллесова пята. Сначала заголяется Ципко, обнаруживая сокровенное. Теперь вот другие его коллеги. Заголяйтесь сколько угодно, но мы-то тут причём? Чем больше вы заголяетесь, тем более всем видно, что либералы и белые — это те же западнические яйца, но вид сбоку. И в этом источник альянса красных и тех дореволюционных элит, которых от псевдомонархического западнического «бобка» (позже породившего белое) тошнило всю вторую половину XIX-го столетия, а уж в XX-ом — так просто вырвало.

Тест #3. Был ли царь безволен или не был... Меня НИКОГДА не волновала ЛИЧНОСТЬ Николая II. Личность Наполеона волновала, а личность Николая II нет. Меня перепутали не только с Гайдаром и Новодворской, но и с Э.Радзинским. Я вынужден напомнить, что зовут меня С.Кургинян. И интересует меня только ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ деятельности Николая II, но не его личность.

Николай II был абсолютным властителем в Российской империи, которая при нём катастрофически рухнула, погребая под собой миллионы человеческих жизней, в том числе и жизни членов моей семьи. Он отвечает за этот политический результат, или нет? Горбачёв отвечает за распад СССР и жертвы, порождённые этим распадом? Да или нет? Что некорректного в моей постановке вопроса? И

кем надо быть, чтобы жёсткий и абсолютно актуальный политический вопрос переводить в вопрос сентиментальный, ретро- психологический? Не могу и здесь не заметить симптомы того, чему уже поставил диагноз.

Властитель отвечает за то, чтобы держава не рухнула. Исходя из этого я, как гражданин и профессионал, требовал чрезвычайных мер для недопущения распада СССР. И на тебе! Господа Аверьянов и Мультатули обнаружили во мне отвращение к репрессивности. Опять с кем-то путают! На этот раз, наверное, с В.Лукиным. Может быть, есть правозащитник по фамилии Кургинян? Но тогда это мой однофамилец. Я же, повторяю, неоднократно указывал, что отсутствие жёстких — и, конечно же, умных! — мер порождает неизмеримо большую кровь, чем их своевременное и адекватное применение. Эта моя пози-

ция была неоднократно осуждена нашей либеральной интеллигенцией. И известна всем, кроме соавторов статьи, которую приходится обсуждать. Ну не диагноз ли?

Ответственность за распад державы! Этим счётом я оцениваю и Николая II, и Горбачёва. Личные судьбы у них разные, но факт того, что при первом распалась Российская империя, а при втором — СССР, отменить невозможно. Как и всё, что вытекает из данного факта. Жертвы огромны — а ответственность?

По поводу 9 января и всей первой русской революции в целом сказано мною было одно — что кровь всех граждан имеет единую цену. По крайней мере, для их родственников. И что без такой констатации не может быть гражданского примирения. Это не предмет полемики, а очевидная для всех аксиома.

Отрицать которую можно, лишь выставляя себя на посмешище. Себя, а не оппонента. А заодно и всё своё, так называемое «белое», дело.

Тест #4. Есть царь, который отвечает за страну. Началась революция, по его мнению, губительная для страны. Царь, спасая страну, применяет репрессии.

Вроде бы всё очевидно: где ответственность за страну, там и ответственность за репрессивные действия. Ан нет! Нам говорят, что царь ответственности за репрессии не несёт! Что за 9 января и всё последующее (Первая русская революция называется) отвечают японская разведка, нанятые ею провокаторы, смутьяны и стрелочники.

Странный подход... Но тогда его очевидным образом надо применять и к злосчастьям Николая II. И тоже говорить о стрелочни-

ках и разведках. Оснований в данном случае, заметим, гораздо больше — страна распалась, клубится хаос, каждый дудит в свою дуду, разведкам раздолье, заинтересованность их хозяев в ликвидации Николая и его семьи очевидна...

Однако выясняется, что за красные репрессии должны ответить красные вожди, а за белые репрессии — кто угодно, кроме самих белых. Видимо, опять-таки красные вожди. «Почему ты живёшь везде, а я нигде?» — спрашивал пьяный, стучась в пятый раз в чужую дверь. Извините, но пора протрезветь.

Власть, применяющая репрессии, отвечает за их последствия. Искупаются последствия — сохранением страны. Ибо потеря страны порождает несоизмеримо более страшные последствия. Где страна? Вот вопрос к Николаю II, и не только к нему. И

не надо подменять этот больной вопрос тем, что Лермонтов назвал «жалкий лепет оправданья».

Что касается заговоров, чинимых злыми силами, разными полковниками Акаси, Шиффами, Варбургами и прочими — то хорошо известно, что мешает плохому танцору. Направляйте своих агентов в Японию — и пусть японцы свергнут императора. Или начнут против него революцию. А агентов КГБ направляйте в США, и пусть они развалят США, а не агенты ЦРУ — СССР.

Словоблудие на тему о Николае II — чем опасно и почему должно быть прекращено? Потому что оно культивирует слабость, создаёт культ слабости, по сути, героизирует проигрыш, или хотя бы оправдывает его. А в нынешней ситуации стране нужно мобилизоваться, то есть

сказать себе, что проигрышу оправдания нет и не может быть. Именно поэтому страна выбирает Сталина, а не Николая II. До тошноты понятно, почему ей навязывают Николая II — чтобы она смирилась с очередным проигрышем.

И, наконец, мы подходим к главному тесту — тесту #5. Добровольно или недобровольно отказался Николай II от власти?

Кому-то может показаться, что это уж и вовсе второстепенный вопрос. Отнюдь нет. Это вопрос, ответ на который во многом определяет будущее страны. И именно наличие такого вопроса позволяет мне утверждать, что странные личности, странным образом сотворившие странный текст на страницах газеты «Завтра», посланы нам Духом истории. Да и о личностях мы, разбираясь с их ответом на данный вопрос, поймём нечто прелюбопыт-

ное.

И Путину, и Медведеву, и всем ныне действующим российским политикам, присягнувшим государственности российской (которая, поверьте же, опять под вопросом), надо постоянно напоминать, что СТРАНУ РАЗВАЛИВАЕТ ЭЛИТА. А ещё точнее — НИЗОСТЬ ЭЛИТЫ.

Господа Аверьянов и Мультатули, добравшись до пятого мифа (он же тест #5 в моём ответном исследовании), начинают перечислять тех элитариев, чья низость погубила Российскую империю. Они пишут: «Презренные имена изменников известны. Это председатель Государственной Думы камергер Родзянко, депутаты Государственной Думы Гучков, Милюков, князь Львов, эсер Керенский, начальник Штаба Ставки генерал-адъютант Алексеев, великий князь Нико-

лай Николаевич, генерал-адъютант Рузский, генерал-адъютант Брусилов, генерал Крымов, генерал Корнилов».

Глупость — ближайший сосед провокации. В молодости я считал, что глупость это повреждение ума, и не более. С годами убедился, что всё намного печальнее. И научился уважать глупость, считаться с ней как с очень серьёзным врагом. И потому для начала готов предположить, что предлагаемый — вопиющий по своей эклектичности и избирательности — список изменников порождён именно этим могучим врагом человеческого ума. А также полным отсутствием понятийного аппарата.

Давайте всё-таки определим понятие «изменник». Изменник — это человек, совершивший измену. А что такое измена? Ходорковский может изменить Путину в 2007 году? Не

может — ни технологически (он изолирован), ни по месту в системе (он внесистемный элемент). Березовский или Невзлин могут изменить Путину в тот же период? Опять-таки не могут. Они могут чинить козни, потому что, в отличие от Ходорковского, находятся на свободе и обладают средствами и желанием использовать оные против Путина. Но изменить они не могут, как в силу того, что определяют себя открыто антипутински, так и в силу своей внесистемности. И Лимонов не может изменить Путину. И Каспаров. И Касьянов. И Новодворская.

Изменить может только тот, кто присягнул, завоевал доверие, получил место (не в системе даже, а в ядре системы) и соответствующие возможности. И Зюганов не может изменить Путину. И даже Жириновский. Мы говорим об очевидных вещах, не правда

ли? Но если это очевидно, то как можно ввести Керенского в список изменников? Этак и Троцкого с Лениным можно в подобный список ввести!

О чём мы говорим — о заговоре или об измене? Что погубило Российскую империю? Что потом погубило СССР, и что может теперь погубить Россию?

Что объединяет власть в Российской империи, власть в СССР и власть в современной России, при всём их очевидном отличии? Понятие «политическая система». Причём, все три политические системы достаточно жёсткие. Что может погубить жёсткую политическую систему? Внутреннее тление, истачивание рёбер жёсткости или удар могучим молотом какого-то врага.

Конечно, враг может ударить не молотом, а тонким шилом в особую точку системы. Но

система-то должна знать свои особые точки и их особым образом защищать. Перестаёт она их защищать тогда, когда механизмы защиты истлевают вместе с рёбрами жёсткости. Ленин великолепно всё это понимал, утверждая, что никто не победит большевиков, если они сами себя не победят. И никто не победит Кремль-2008, кроме самого Кремля. И так далее — вплоть до микросистем.

Российская Федерация (как и некогда СССР) обладает достаточным ядерным потенциалом для того, чтобы не бояться военного разгрома. Властные механизмы достаточно эффективны для того, чтобы не бояться «оранжевых революций».

А значит, для того, чтобы Российская Федерация распалась, система должна истлеть. Вот когда её рёбра жёсткости перестанут нести нагрузки, а механизмы защиты особых

точек рассыплются, то не надо будет ни удара могучего молота по системе, ни коварного укола в особую точку. Достаточно будет громко чихнуть. Оказать любое внешнее или внутреннее воздействие.

Власть же боится забастовок, революций, других нагрузок. Она почему-то не боится собственного истлевания — «бобка». А бояться-то надо только этого!

Давайте всмотримся в мистерию истлевания Российской Империи. В реальную мистерию, а не в карикатуру, которую нам предлагают. В карикатуре этой всегда соседствуют двусмысленно-недостаточный список изменников и двусмысленно-избыточные сетования на козни сверхмогучих врагов. Приглядимся, прежде всего, к сетованиям.

Неумеренно невротизированная и страшно поверхностная болтовня о Шиффах, Вар-

бургах и иже с ними — в итоге порождает... комплекс национальной неполноценности! Страна ведь может погибнуть либо по причине нашей слабости, либо по причине силы врага, не так ли?

Одно дело сказать, что сами сплоховали: допустили уйму ошибок, развалили Систему, сгноили её на корню, потом гнилое здание подтолкнули (евреи, немцы, неважно кто) — оно завалилось. Другое дело сказать, что власть безупречна, что правили могуче и мудро. Сказали... Все умилились, поверили, потом спрашивают: «А страна-то где, почему развалилась?» На это отвечают: «На страну ополчился Сион, сила необоримая. И потому не справилась даже такая мудрая, безупречная и могучая власть!»

Перевели стрелку на ворога и... впали в прострацию. Ибо ворог необорим! Святой Ни-

колай II и тот не устоял! А нам-то, грешным, куда! «Мы обречены!», — начинают шептать губы властителей. «Надо ехать в новую Орду за ярлыком», — шепчут другие губы. И вот мы уже имеем то, что имеем.

Судьба страны всегда — и в 1917, и в 1991, и в 2008 году — в руках властителей. И народа. Властители могут создавать адекватные и неадекватные вызовам политические системы. Они могут преодолевать или поощрять элитный «бобок», способный заразить всё общество. Если властители правильно выстраивают систему (а в эту правильность, конечно, входит адекватное понимание суперфактора по имени «народ») и если они преодолевают элитный «бобок», государство сохраняет жизнеспособность. Если же они этого не делают — обрушиваются и они, и страна. Но власть, допустившая такое обрушение, долж-

на быть проклята, а не возведена в сан святых со ссылкой на ущербность народа и неодолимость злых сил.

В этом, и только в этом исторический и метафизический опыт распада Российской империи. Господа Аверьянов и Мультатули хотят скрыть этот опыт от нашего общества (программа минимум) или посадить обществу на голову суперистлевший белый «бобок» (программа максимум). Они хотят также насадить в обществе культ овцы, называя этот культ культом агнца. Все «танцы» вокруг Николая II ведут к этому и только к этому.

Агнец — это красиво. Но я убеждён, что это соблазн. Вам предложат роль агнца, потом окажется, что это роль барана. А потом вам поведают жуткую тайну, сказав, как называется кастрированный баран.

Но мы же, вроде бы, не решились поменять свой исторический тотем (медведя) — на барана. Нам сегодня нужен героизм победителя, героизм служения и чести, героизм мобилизации, героизм, считающий поражение постыдным, героизм, готовый добиваться победы и платить за неё высокую цену. Нам не нужен ни криминальный героизм, в котором нет места служению, ни героизм, совместимый с поражением и готовый к нему. Это должно быть изгнано.

Мы готовы преклоняться перед белыми царями-победителями и возносить их на любой пьедестал. Прощая этим царям многое. Как мы прощаем Петру Великому. Мы готовы преклоняться перед красными вождями-победителями, прощая им многое, как мы прощаем Сталину.

Но мы не хотим и не будем сюсюкать по

поводу проигравших, по поводу лузеров — белых (Николай II), красных (Горбачёв) или трёхцветных. Всем лузерам, которые, ссылаясь на что бы то ни было, пустят в распыл страну, должно быть понятно, что их ждёт историческое и всяческое проклятие. Никакой другой философии и метафизики у нас нет, и не может быть. И любая идеология должна строиться на этой философии и метафизике.

Задача наша в том, чтобы, поняв и пережив правду о том, что было, не допустить нового государственного распада. Но для этого нужна правда, вся правда, а не отцензурированный сусальный лубок. Карикатурный список изменников, предлагаемый Аверьяновым и Мультатули — кого может убедить в 2008 году, при таком обилии исторических материалов и при столь остром ощущении надви-

гающейся беды?

Я приведу имеющиеся факты в необходимом объёме, и попытаюсь на их основе разобраться в качестве тогдашней измены. А ну, как она и впрямь тянет на метафизический — и именно метафизический — катастрофизм?

31

Из второй части статьи В.Аверьянова и П.Мультатули «Другой царь и другой Сталин»: «Сегодня мы каемся не за «мнимый грех», не за то, что наши предки убили Царскую Семью, а за то, что они позволили состояться этому лютому злодеянию, положившему начало трагедии всего народа, каемся потому, что и нам сегодня нужна метанойя — «перемена ума» — и пытливое переосмысление своего прошлого, а не повторение приду-

манных «старшими товарищами» агитационных клише».

А вы, наверное, читая первую часть их статьи, решили, что господа беспокоятся по поводу порабощенности вашего сознания ложными мифами? Покаяние — вот что им от вас нужно! Покаяние-2, -3, -4, -5 и так далее.

Я уже обсуждал тему покаяния. Сейчас вынужден к ней вернуться ещё раз. И ещё раз оговорить, что метафизическая обязательность покаяния отменяет любые политические и социальные целесообразности. Если историческая личность (народ) совершила нечто метафизически отрицательное (то есть пала), то она должна каяться — со всеми вытекающими, в том числе, и политическими, последствиями.

Но метафизическая обязательность пока-

яния может возникать лишь в двух случаях. Подчёркиваю — в двух, а не в трёх, пяти и так далее.

Первый случай — когда историческая личность, отпав от Идеального (Верха, первородства), присягает материальному (Низу, чечевичной похлёбке).

Второй случай — когда историческая личность, опять же отпав от Идеального, присягает анти-Идеальному (абсолютному злу).

Оба этих случая должны рассматриваться объективно, без ценностной предвзятости, при которой ваш идеал — это идеал, а любой другой идеал — это антиидеал или безидеальность. Извините, но объективные критерии существуют. И подсунуть вместо них пустопорожний трёп о покаянии уже не удастся.

То, что произошло в феврале 1917 года, нам, благодаря демаршу Аверьянова и Муль-

татули, придётся обсуждать подробнее. И потому я называю этот демарш мессиджем, ниспосланным мне Духом истории.

Но то, что произошло в октябре 1917 года, никак не может быть отнесено к первому случаю. Потому что в октябре 1917 года Россия очевиднейшим образом присягнула новому накалённому Идеальному, именуемому «коммунизм». Каждый имеет право оценивать это Идеальное по-своему. Это вопрос аксиологии (ценностей), но не метафизики. Отказать коммунизму в идеальности как таковой невозможно. А значит, октябрь 1917 года — не то, что я назвал первым случаем. Но, может быть, это второй случай? Я уже давал внятные разъяснения и по этому поводу. Что ж, дам их ещё раз.

Сталин красный проект не отменил. Он не разогнал ВКП(б), не выволок Ленина из

мавзолея, не ввёл частную собственность, не произвёл реституции, не снял звёзды с кремлёвских башен, не растоптал красное знамя, не вернул белых из эмиграции и так далее. Он красный термидорианец, а не белый царь. Имейте совесть! Не позорьте себя и белое дело!

Раз так, то Сталин и красный проект — это единое целое. СССР, красная империя, — победила Гитлера. А какие красная империя вносила коррективы в свою идеологию и политику при Сталине — это частности, ничего не меняющие в красном качестве данной империи. А значит, и в метафизическом качестве произошедшего.

Мы ведь о метафизике говорим? В том числе, о метафизической войне Третьего рейха (чёрной империи) и СССР (красной империи). Ну, так давайте определим метафи-

зическое качество воюющих сторон. И договоримся, что мы всё-таки не язычники. Что метафизическое зло — не Олимп, на котором расселась парочка равнозначных злых богов, один из которых опекает красную империю, а другой — чёрную. Люцифер опекал либо СССР, либо Третий рейх. Если вы считаете, что Люцифер опекал СССР, то Россия должна каяться, а Германия должна быть оправдана. Но тогда, господа, вы — поклонники гитлеризма. Ибо, утверждая подобное, вы говорите, что Люцифер НЕ опекал Третий рейх и Гитлера. Что они не причастны метафизическому абсолютному злу. Что империя абсолютного зла — это СССР, а не Третий рейх. Так идите к рейгановцам и болтайте с ними об этом, а не лгите о своём патриотизме, своей державности.

Идёт шулерская игра на метафизическом

поле. Игра с понятными уже для всех и весьма далеко идущими политическими последствиями.

Люди, говорящие всерьёз о необходимости покаянии России за коммунизм, говорящие об этом как метафизики — отмывают Гитлера, Третий рейх и ставят крест на России. В годы войны такие люди были с Гитлером, требовали расчленения России. Позже солидаризировались с теми, кто называл её империей абсолютного зла. Это люди принципа — наши страшные враги, но... Враги — это иногда не самое худшее. С ними хотя бы всё понятно. А вот что такое контингент, пытающийся и о великодержавности поговорить, и о том, что «России — быть», — и о покаянии за коммунизм? Контингент, впутывающий в метафизическую проблему (качество идеальности) обычные, хоть и трагические, историче-

ские события. Что это за загадочный контингент? Отвечаю: это либо наипустейшие болтуны, либо... ревнители покаяния как спецпроекта. То есть «спецпокаянщики».

Доказательства? Неужели нужно называть конкретные имена высокостатусных работников западных спецслужб, разрабатывавших концепцию этого самого спецпокаяния? Неужели нужно обсуждать — где, когда, кто и зачем проводил тренинги, в которых Россия выводилась в качестве лица, кающегося перед восточноевропейцами, и не только? Неужели нужно описывать психотехнологии, призванные обеспечить сопряжение между этим спецпокаянием и расчленением России (буквально: «разделкой туши»)? Надо будет — назовём, обсудим, опишем. Поверьте — не залежится!

Но, во-первых, это другая тема.

А, во-вторых... Вам мало фильма «Покаяние»? Вам мало лицезрения освобождённых из-под нашего «ига» лимитрофов, занятых не своими государственными делами, а продажей готовности вцепиться нам в горло? Продажей этой готовности (и способности) не только в качестве геополитического товара, но и в качестве единственного смысла своего национально-исторического бытия?

Вас всё ещё не тошнит, когда вы наблюдаете за тем, что делается с памятниками нашим героям, освободившим мир от фашизма? Вы не спрашиваете себя, надо ли было всех их освобождать — чехов, венгров, поляков и прочих — всех тех, кто сейчас так злобствует по нашему поводу?

«Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд.
И на груди его светилась

Медаль за город Будапешт.»

Вы не спрашиваете себя, зачем умерли наши парни, не родив детей, не увидев внуков, не вкусив обычного человеческого счастья? Ради того, чтобы... быть оплёванными в этом самом Будапеште? А также Праге, Варшаве et cetera. Чтобы их медалями на Арбате торговали? Ради этого?

Эта мерзость — чем порождена? Тем, что перерожденцы из ЦК КПСС (А.Н.Яковлев, его команда, вся элитная цэкистская «диссида»), имея монополию на СМИ, обрушили на общество это самое перестроечное «покаянчество» в виде беспрецедентных психологических репрессий. Объявив войну своей истории, то есть идентичности своего народа, соорудив социокультрный шок («ломку хребта» и так далее). Именно выдвижение идеи покаяния историко-культурной личности (стра-

ны) и репрессивно-монопольное осуществление этой идеи привело к вышеописанному. Не правда ли? И вот мы слышим снова те же слова о покаянии — покаянии страны и народа. От кого? От тех, кто называет себя патриотами.

Полемизируя по острым вопросам, задевающим ценности, приходится оговаривать очевидное: религиозный человек должен каяться за свои грехи. Я лишь говорю, что покаяние, предписываемое стране и, как я уже показал, в случае России метафизически абсолютно необоснованное, — недопустимо.

Конечно, при подходе, отменяющем историчность, любая смена идеалов (то есть революция) может называться падением, за которое следует каяться. Но при таком подходе и Великая французская буржуазная революция, и другие революции, создавшие совре-

менное человечество — это падение. Тут можно договориться до страшных вещей.

И в любом случае, пусть тогда наши любители отменять свою историю — отменят историю как таковую. И потребуют всеобщего за неё покаяния. Это, во-первых. Во-вторых, отменив историю, пусть отменят развитие. Опять же для всех. А в-третьих... В-третьих, не антиисторичность правит бал во всём, что касается нынешних призывов к покаянию, как и призывов к покаянию в разгар перестройки. Никто покаяния от Франции не требовал и не собирается требовать. И это — тест, неопровержимо свидетельствующий, что мы являлись и являемся единственными жертвами спец- и именно спец-покаяния.

Кто-то хочет, теперь уже под белой маской, повторить спецпокаяние. Не выйдет! Лучше сами покайтесь перед народом, а не

требуйте этого от него.

Либеральный диссидент из приснопамятного анекдота писал объявление в газету: «Пропала собака, сука... б.., как я ненавижу эту страну!». Правопреемник этого диссидента, прячущийся под белой маской, пишет в ту же метафорическую газету: «Купил поместье, борзую собаку, суку. б.., почему же эта сука не кается?»

Повторю ещё раз то, что очень плохо заходит в определённые головы: государство — это средство, с помощью которого народ длит и развивает своё историческое предназначение. Поклонение государству как цели — путь к тлению государства. Спасти от тления может только огонь исторического предназначения. Огонь этот хранится в метафизических схронах. Не хотите тления — ищите огонь. К 1917 году у власти огня не было. Ситуацию

спас красный огонь. Признайте это и думайте о будущем. А также о том, какую роль вы себе выбрали, встав в ряды «спецпокаянщиков-2008».

Думайте — а не кликушествуйте: «...мы категорически не принимаем конспирологические теории, связывающие отмечание в этом году 90-летия убийства Царственных Мучеников с желанием подыграть США с их «неделей порабощённых народов»».

Эти кликушествования не прогоняют, а усиливают скверную мысль по вашему поводу. «Не принимаем»... Вы аналитики или жеманные барышни? Вы не знали последовательности дат, не понимали политической логики своих и чужих мероприятий? У вас на руках политического календаря не было? Можно, конечно, и это предположить. Но тогда речь идёт о такой дремучести, такой по-

литической неадекватности — которые вряд ли предполагают учительскую позу, занятую Аверьяновым, Мультатули и их бэкграундом.

Но я-то убеждён, что никакой дремучести и неадекватности не было. А был, прошу прощения, согласованный двухмодульный проект. Один модуль — Декларация о порабощённых народах, другой — покаяние на 90-летие убийства царской семьи. А между модулями — внятный, прекрасно прописанный иноземцами интерфейс.

Я уже показал, что исторической личности каяться не в чём.

Людям каяться тем более не в чём. Об этом говорит элементарный здравый смысл. А также тонкая структура исторической событийности, которой мы ещё займёмся.

Но «покаянщики» хотят, чтобы каялись. Причём по принципу — чем дальше от вины,

тем больше надо каяться. Народ дальше всех от вины. Ему и предписывают покаяние. Элита российской империи ближе всех к вине. Её-то и отмывают.

Я обещал расширить список элитных изменников, который предложили Аверьянов и Мультатули, говоря о крахе монархии. Я обещал, далее, осмыслить этот расширенный список. Я обещал, наконец, дать политическое определение тем, кто подменяет реальный список — урезанным. Что ж, попытаюсь выполнить сразу все свои обещания.

Из дневника посла Франции в России Мориса Палеолога. Запись от 14 марта 1917 года (все даты у Палеолога даны по новому стилю, отречение императора Николая произошло 15 марта по новому стилю): «Великий Князь Кирилл Владимирович объявил себя за Думу. Он сделал больше. Забыв присягу

в верности и звание флигель-адьютанта, которое он получил от императора, он пошёл сегодня в 4 часа преклониться пред властью народа. Видели, как он в своей форме капитана 1-го ранга отвёл в Таврический дворец гвардейские экипажи, коих шефом он состоит, и представил их в распоряжение мятежной власти». (Палеолог М. Царская Россия накануне революции, Москва, 1996, стр. 213).

Отчего-то в списке изменников, предложенном Аверьяновым и Мультатули, места главному изменнику не нашлось. Не потому ли, что он по совместительству является «царём в изгнании», прадедом нынешнего претендента на российский престол? Ведь игра в том, чтобы посадить нам на шею правнука обер-изменника, не так ли? Но для этого надо скрыть, что прадед не просто изменник, а обер-изменник. А также гипер-, мега-

изменник и так далее. А как скроешь-то?

Дворцовый комендант В.Н.Воейков в своей книге воспоминаний цитирует слова Кирилла: «Я и вверенный мне Гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам. Командир Гвардейского экипажа Свиты Его Величества контр-адмирал Кирилл». (Воейков В. С Царём и без Царя, Гельсинфорс, 1936, стр. 251).

Не называя Кирилла Владимировича, Аверьянов и Мультатули называют Керенского, Гучкова, Милюкова, Львова, Родзянко! Повторяю для совсем непонятливых: Гучков, Милюков, Львов, Родзянко могли изменить царю не в большей степени, чем Зюганов, Жириновский и, скажем так, Лимонов — Путину. Керенский сопоставим в подобном

ряду разве что с Каспаровым. А вот изменившего Кирилла Владимировича в списке Аверьянова и Мультатули нет как нет! Об измене негодовать можем, а списочек-то расширить слабо. Надо сквозь зубы несколько имён назвать — и скорее к покаянию страны переходить, к покаянию народа, рязанского мужика (он, видите ли, предал!).

На самом деле — и прежде всего — предал Великий князь, командир Гвардейского экипажа Свиты Его Величества! У него в руках были войска. Он находился рядом. Он мог пасть в бою, отстаивая государя. Мог попытаться спасти государя (и члена своей семьи), вырвав его из рук тех, кто, арестовав монарха, повёл его путём гибели. Он что сделал?

Вот свидетельство генерала П.А.Половцева, будущего главкома войск Петроградского военного округа в период

премьерства Керенского: «Появление Великого князя под красным флагом было понято как отказ Императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли. А неделю спустя это впечатление было ещё усилено появлением в печати интервью с Великим князем Кириллом Владимировичем, начавшееся словами: мой дворник и я, мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет всё. И кончавшееся заявлением, что Великий князь доволен быть свободным гражданином, и что над его дворцом развевается красный флаг». (Половцев П. Дни затмения, Париж, БГ, 1925, стр. 17–18).

Но, может быть, Половцев клевещет?

Вот аутентичный текст интервью, которое Великий князь Кирилл дал газете «Бир-

жевые ведомости»: «...даже я как великий князь, разве я не испытывал гнёт старого режима?..Разве я скрыл перед народом свои глубокие верования, разве я пошёл против народа? Вместе с любимым мною гвардейским экипажем я пошёл в Государственную Думу, этот храм народный... смею думать, что с падением старого режима удастся, наконец, вздохнуть свободно в свободной России и мне. Впереди я вижу лишь сияющие звёзды народного счастья». («Биржевые ведомости», 1917 год, #16127 (вечерний выпуск), 9 — 22 марта, стр. 1).

А вот ещё одно интервью (интервью, а не воспоминания, которые могут быть позднейшими измышлениями), данное Кириллом «Петроградской газете» по весьма пикантному поводу. А именно — по поводу ареста царской семьи: «Исключительные обстоя-

тельства требуют исключительных мероприятий. Вот почему лишение свободы Николая и его супруги оправдываются событиями. . . » («Петроградская газета», 1917 год, #58, 9 марта).

Тема добровольного или недобровольного отречения от власти императора Николая II — весьма болезненна для сознания части наших сограждан. Прежде всего, потому, что если критерием падения является неверность престолу в 1917 году (это не мой критерий, но я согласен его применить), то никто не пал в большей степени, чем семейство, которое теперь кое-кто хочет возводить на престол. И это очевидно. Оттого никакое достойное обсуждение данной темы вообще невозможно в нынешних монархических кругах. Там всё покоится на лжи. На скелете в шкафу. Не надо никаких усилий, чтобы выволакивать скелет

из шкафа. Его просто невозможно там сохранить. Он выпадает при первом прикосновении к этому самому шкафу. И тогда его назад запихивают — и лгут, лгут, лгут. Чего-то там причитая про чужой «цинизм».

И вот мы узнаём, что царь не отрекался, что документы поддельны, что мы в плену лживой версии Александра Блока.

А, может, это действительно так? Давайте вместе порассуждаем. И даже примем версию, согласно которой текст отречения, устроивший всех, включая монаршие дворы того времени, сомнителен. Почему об этом не говорили большевики, понятно. А белые? А эти самые европейские монархии, столь чувствительные к процедурам? Но главное, почему царь, пребывая под не слишком строгим надзором при Временном правительстве, да и впоследствии, не передал своим сторонникам

документ, призывающий Россию не верить в его отречение и бороться за сохранение монархии?

И как нам относиться к дневникам Николая II? Будто бы нет записи в дневнике от 2 марта (здесь и далее — по старому стилю): «Утром пришёл Рузский и прочёл свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно моё отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев — всем Главнокомандующим фронтов. К двум с половиной часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я со-

гласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».

Как много значит построение фразы. Одно дело сказать, что царь ОКРУЖЁН изменниками. И совсем другое, что он ОКРУЖИЛ себя изменниками. Он проводил кадровую политику? Он или нет? Что ахать-то! Истребляй измену! Гибни в неравном бою. Ишь ты — предали!

Все предали... Михаила Сергеевича Горбачёва. Но он безупречен. Ах, как он безупречен — на фоне этого, по определению, им сооружённого изменничества. У него «тяжёлое чувство»... Мне скажут, что Горбачёв про-

цветает, а Николай II принял мученическую смерть. Согласен. Но это вопрос о личной судьбе. Меня же интересует вопрос о державе, о судьбе её граждан, об исторической миссии. А вас?

Телеграмма Николая II начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего, генералу Михаилу Алексееву: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

Запись, которую отрёкшийся монарх сделал в дневнике 3 марта: «Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилёв. Все чины Штаба были на платформе. Принял Алексеева в ва-

гоне. В 9.15 перебрался в дом. Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша (младший брат царя — С.К.) отрёкся. Его манифест кончается четырехххвосткой (так называли прямые, равные, всеобщие и тайные выборы — С.К.) для выборов через шесть месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто его надоумил подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше».

Никогда не собирался становиться узким специалистом по Николаю II и его отречению, поскольку не являюсь ревнителем белого дела. Но если люди — адепты монархизма, создают «Екатеринбургскую инициативу» и учат всех других, что такое добросовестность и что такое цинизм, то они должны знать, кому именно принадлежит та или иная

фраза. Нужно быть очень странными людьми, чтобы автором фразы «отрёкся, как будто эскадрон сдал» сделать Александра Блока. Эта фраза была крылатой, и повторяли её многие. Блоку были хорошо известны и данная фраза, и её источник: генерал-майор Свиты Его Императорского Величества Д.Н.Дубенский. Сказанное Дубенским сразу после отречения звучало так: «Отказался от престола просто, как сдал эскадрон».

Люди начинают развеивать мифы и... путают Блока, повторившего чужую фразу, с первоисточником — Дубенским. А ведь понятно, почему таким неслучайным образом путают. Блок, как известно, «Двенадцать» написал, в его устах всё, что угодно, можно считать наветом. Другое дело Дубенский. Он по факту должности (генерал Свиты) видел, КАК царь отрёкся. И его это несказанно впе-

чатлило.

А что делать с известнейшим письмом царицы от 2 марта 1917 года: «А Ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь, в западню, что Ты можешь сделать?» Как прикажете к этому письму отнестись, если у всех на памяти фраза императрицы Феодоры (жены Юстиниана), сказанная во время мятежа, по размаху ничуть не меньшего, чем в феврале 1917 года? Феодоре было доложено, что всё готово для эвакуации императора из Константинополя, но Феодора сказала: «Порфира — это лучший саван». И она, и император остались. В итоге им удалось через своих посланцев внести неразбериху в среду повстанцев, и бунт был ликвидирован.

С одной стороны — «а Ты один... не имея армии... мышь в западне...».

С другой стороны — сухо и коротко: «Пор-

фира — это лучший саван». И всё.

Высшее сословие царской России фразу про «лучший саван» знало наизусть. Она, фраза эта, была камертоном для тех, кто ещё не истлел до конца и верил в монархию. А для нынешних лживо умствующих монархистов?

Профессионалы сверяют тексты отречения Николая II, анализируют зачёркнутые слова. Мол, сначала было сказано, «не имея сил руководить», потом «руководить» было зачёркнуто и написано «не имея сил вывести империю из тяжкой смуты», а ещё было зачёркнуто «великие неудачи», а ещё было сомнение — написать «дана» ли «власть от Бога» или «вручена»...

Потом полный текст... «Почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных». Это называется — отречение ради консолида-

ции. Мол, я являюсь источником смуты, отрекусь, и будет консолидация. Он взрослый человек, он понимает, что когда он отречётся, начнётся не консолидация, а офигительный бардак, на фоне которого апрельские тезисы Ленина — это заклятие хаоса. В апреле — словом, потом — и делом. Слова...

Отчаявшийся народ ждёт слов, которые утолят отчаяние. В 1917 году это отчаяние утолили красные слова. Это факт, а не ценностно окрашенное суждение. Давайте вслушиваться в слова, если хотим что-то понять. «Не желая расстаться с любимым сыном Нашим...» У этих слов свой вкус, цвет, запах, свой музыкальный лад. «Я солдата на фельдмаршала не меняю». Фраза совсем другого звучания.

В заключительной части своей статьи Аверьянов и Мультатули предлагают соору-

жать оптику, в которой Николай II и Сталин окажутся совместимы. Пусть они попробуют эти две фразы совместить для начала! Исторический синтез — не попурри.

Слова — настоящие, живые, горячие. От кого хотел народ их получить в первую очередь? От церкви, конечно. Он их не получил.

Теперь страна, народ должны каяться. А церковь?

Мы что, совсем не знаем истории? Не знаем о призывах товарища обер-прокурора Н.Д.Жевахова к Синоду? Не знаем о телеграммах некоторых (только некоторых) отделений Союза русского народа, адресованных Синоду? И Жевахов, и эти самые немногочисленные отделения умоляли Синод найти слова для народа и этим поддержать рушащуюся монархию. Как же, поддержали!

Уже 2 марта члены Синода признали

необходимым немедленно войти в сношения с Исполнительным комитетом Государственной Думы.

4 марта на заседании Синода архиереи не скрывали радости по поводу наступления новой эры в жизни Православной Церкви. В этот же день из зала заседаний Синода было вынесено царское кресло — как символизирующее порабощение Церкви государством.

За редким исключением архиереи воспользовались определением Св. Синода от 7 марта и вычеркнули имя Помазанника Божия из богослужебных книг. В соответствии с определением, вместо монарха стали поминать «благоверное Временное правительство».

7 марта всем епархиям был разослан текст присяги новой власти (само наличие этой присяги кощунственно по монархиче-

ским критериям).

И, наконец, в знаменитейшем (и позорнейшем, с позиций белой монархической нормативности) Обращении Св. Синода от 9 марта говорится: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни... доверьтесь Временному правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы. Святейший синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного российского правительства».

Послание подписали ВСЕ члены Синода, включая митрополита Киевского Владимира

и митрополита Московского Макария, которые считались крайними монархистами.

Такой призыв церкви парализовал монархическое движение абсолютно. Понимаете? Абсолютно! ВСЕ пребывали в шоке. Шок ещё усилился к 12 июля 1917 года, когда Синод обратился с посланием к гражданам России, «сбросившей с себя сковывавшие её политические цепи».

Господа Аверьянов и Мультатули понимают, о каких цепях идёт речь? О цепях монархии! Синод благословляет то, что Россия «сбросила политические цепи» монархии, а народ... народ должен каяться за убийство Николая II?!

Бердичевский портной на вопрос, что бы он делал, если бы был царём, сказал, что он бы жил даже лучше, чем царь, потому что он ещё бы немножко шил. Те, кто призывает

нас каяться, наверное, тоже хотят немножко шить... Красиво шить не запретишь.

Между прочим (так, к слову), когда в августе 1991 года Б.Н.Ельцину предлагали сдаться, то он сказал, что сдастся, если его благословит Патриарх. Патриарх через Руцкого передал, что он отнюдь не благословляет сдаваться, а, напротив, благословляет «стоять».

Работа Николая II над отречением (и над текстом, поскольку он не фальшивка, но если даже текст фальшивка, то над процедурой, которую, как мы опять же видим, отменить невозможно) вообще происходила без Церкви. Царя не интересовало получение от Церкви благословения на отречение или, упаси боже, на «стояние». Церковь миропомазала царя, но взять у неё благословение на уход ему даже в голову не пришло. Церковь сдавала

царя, царь — церковь.

Правила, приличия, нормы уже никого не интересовали — ни одних, ни других. Но... и узы семейной, клановой солидарности были порваны с такой же беспощадностью — как истлевшие от «бобка» гнилые верёвки.

Господа Аверьянов и Мультатули называют отдельных изменников. Очень странные господа! И странный список изменников. Николай Николаевич изменил? Рузский, Брусилов, Крымов, Корнилов?

Вы помните фильм «Операция «Ы» и другие приключения Шурика?» Там есть знаменитая фраза: «Огласите весь список». Ну, так я и оглашаю вместо Аверьянова и Мультатули.

Первое место в этом списке у неназванного по понятным причинам Великого князя Кирилла Владимировича, чья семья особо

усердствует по части необходимости общероссийского покаянства (так и хочется сказать «окаянства»).

Но есть и другие, кому, вроде бы, надо каяться больше, чем рязанскому мужику. Это: Великие князья Борис Владимирович, Николай Михайлович, Александр Михайлович, Сергей Михайлович, принц Александр Ольденбургский. Кто не изменил Николаю II, кроме генерал-адьютанта Хана Нахичеванского и генерал-лейтенанта графа Ф.А.Келлера?

Кто не изменил, если изменили церковь, близкие родственники, двор, подавляющее большинство генералитета?

И спрашиваю незнамо в который раз подряд: КТО ОТВЕЧАЛ В СТРАНЕ ЗА КАДРОВУЮ ПОЛИТИКУ? Ась? Не слышу! Кто назначал этих генералов-изменников?

Silentium...

Спор по поводу личности Николая II бесконечен. Да, был такой Михаил Кольцов, который восхвалял царя Николая II. Наверное, это был искренний и умный человек — допускаю. И на основании его свидетельства ваш покорный слуга, по мнению Аверьянова и Мультатули, должен устыдиться легковесности своих суждений о личности Николая II.

А если мне кажутся более адекватными нелицеприятные отзывы Витте, то это, конечно, значит, что я красный пропагандист. «Старший товарищ», придумывающий «агитационные клише». Наверное, даже сосед А.С.Ципко по ЦК КПСС...

Нет, я всего лишь сын историка, и я понимаю, чего стоят свидетельства Витте, прекрасно знакомого с императором (в отличие, заметим, от Мультатули, Аверьянова и всей

«Екатеринбургской инициативы»). Витте — прекрасного психолога, администратора, государственного деятеля, одного из умнейших и независимейших людей своего времени. Я понимаю, что вымарывать свидетельства современников (Витте, Кони и десятков других людей, к большевизму никакого отношения не имевших) может только белый неумный цензор, он же — бывший красный неумный цензор. За счёт таких вымарываний нам предлагают «открытие собственной цивилизации», «восстановление социальной ткани Отечества»?

Почему-то вспоминается Галич — и не его политическая сатира, а сатира бытовая: «Вот на койке я сижу нагишом и орудую консервным ножом». И видится мне этот консервный нож новой белой цензуры, которым кромсают «социальную ткань Отечества», добива-

ясь открытия «собственной цивилизации» и выковыривая «агитационные клише», приду-манные «старшими товарищами». . . Не знаю, добьются ли радеющие за монархию господа таким способом метанойи (перемены ума), но паранойя им обеспечена. Ладно бы только им!

32

Если бы речь шла лишь о «-нойных» (мета-, пара- etc) суждениях двух конкретных ревнителей покаяния-2... Ан нет. Один из государственных каналов российского телевидения — на 99% занят подобной «-нойностью». Да и другие. Речь идёт о политической войне — войне за сознание лиц, ответственных за решения.

Эта война приобрела особо наступательный характер после избрания Медведева. По-

нимание того, чем она чревата, побудило меня к объединению в одном исследовании политической полемики и собственно философии. К работе в жанре публицистического (и философского) марафона.

Марафон подходит к концу. Исследование оказалось нужным и существенным для думающей и политически небезразличной части нашего общества. В каком-то смысле оно оказалось даже более существенным, чем это можно было предположить в момент, когда возник странный замысел, воплощённый в цикле «Медведев и развитие».

Я начал этот цикл тогда, когда избранный президентом России Дмитрий Медведев сказал, что нам нужны десятилетия спокойной жизни для развития. Тогда же я обратил внимание на трагическое сходство этого пожелания с пожеланиями Столыпина. На то,

что — как тогда, так и теперь — нам не будут отпущены десятилетия спокойной жизни. А также на необходимость отличать желаемое (десятилетия спокойной жизни) от реального. Я был уверен, что спокойствия не будет. События в Южной Осетии и то, что за ними последовало, мировой финансовый кризис и то, что за ним последует, — лишь подтверждают это.

Когда я предупреждал о грядущем скором неблагополучии, на политическом горизонте ещё не было ни единого реального облачка. Теперь же на нём сгущаются такие тучи, что дух захватывает. Завершается российская передышка, восемь относительно тучных лет, являющихся в полном смысле слова, как это кому-то ни покажется странным, эпохой Путина — Буша. Чуть позже я постараюсь объяснить, что это за эпоха, почему она кончает-

ся и чем это чревато. Но разве мало фактов? Если их для кого-то мало, то могу заверить — ближайшие месяцы подарят столь многое, что даже закоренелый оптимист, считающий, что «ништяк, рассосётся», расстанется со своими иллюзиями.

Процесс, который в начале нашего исследования был ламинарным, явным образом становится турбулентным. Турбулентность нарастает. Не надо быть физиком, чтобы понимать, что это такое. Большинство читателей знает, что такое тихая заводь, по которой «плывёт, качаясь, лодочка», и что такое стремнины и водовороты. Ну, так вот, «тихая заводь» — это ламинарный процесс. А «стремнины и водовороты» — турбулентный процесс. Когда вместо «стремнин и водоворотов» лодочка попадает в нечто наподобие Ниагарского водопада, то это назы-

вается «турбулентный процесс с разрывом сплóшности струй».

Не буду сулить читателю скорый разрыв «сплошности» наших политических и экономических струй. До такого разрыва — ещё несколько лет. Но турбулентность, наверное, ощущает и сам читатель.

Решаясь на довольно странный проект под названием «Медведев и развитие», я должен был ответить самому себе на вопрос — «с чего бы это, собственно». Давая себе ответ на такой вопрос, я, ещё не взявшись за перо, сформулировал десять условий, позволяющих рассчитывать на получение серьёзного результата. Условия таковы.

1. Проект эффективен, пока процесс ламинарен. Это не значит, что процесс должен иметь застойный характер. Но как только начнутся турбулентности, надо прекращать

марафон.

2. Проект немыслим без анализа политически актуальных обстоятельств (событий, высказываний), без ведения острой полемики и так далее.

3. Параллельно с этим анализом и внутри этой полемики должна обнаруживаться связь между актуальным (буквальным содержанием полемики) и фундаментальным (историософским, метафизическим) смыслом, прочитываемым за актуальностью.

4. Эта связь не должна быть натужной, высосанной из пальца. Она должна быть органической.

5. Параллельно с обнаружением связи между актуальным и фундаментальным должен разрабатываться, так сказать, «с колёс», аппарат, позволяющий глубже понять нечто, волнующее нас всех. Причём нечто такое, что,

не являясь злобой дня, действительно нас всех к себе притягивает.

6. Это нечто достаточно очевидно. Речь идёт о том, кто мы такие, в какой переплёт мы попали, и как нам из него выбираться.

7. Ни на минуту не должна теряться связь условий 1–6 с фундаментальной проблемой развития. С судьбой развития в России и мире. Не должно быть подмены судьбы развития судьбой как таковой. Ни судьбой России, ни судьбой мира. Но и судьба развития не должна отрываться от вопроса о судьбе страны и человечества в целом.

8. В какой-то момент придётся, анализируя фундаментальное, отказаться от актуального, то есть прекратить марафон. Но не исследование как таковое.

9. Этот момент наступит тем раньше, чем раньше ламинарный процесс превратится в

турбулентный. Ведь турбулентность неизбежно начнёт комкать политически актуальный рисунок, делать его слишком резким и жёстким, превращать его в самоцель. А значит, противопоставлять актуальное фундаментальному. Вот тут-то и надо прекращать марафон, отрываться от актуального, заныривать на глубину, добираться до предельных уровней рассматриваемой проблематики, обретать в этом погружении искомое знание о метафизическом смысле и содержании развития. И использовать это знание как фундамент для политически осмысленного существования в условиях этой самой турбулентности, которая очень быстро превратится в падение с «разрывом сплошности струй».

10. Это погружение на глубину не должно быть сковано жанром марафона. Можно печатать в десятках номеров газеты

философско-детективный роман. Это рискованно, но возможно. Но нельзя превращать в газетный сериал, ну, скажем, «Науку логики». Закончить марафон, осуществить отдельное от него погружение, соединить марафон с этим погружением и, переработав всё, издать книгу, причём достаточно быстро. Вот в чём конечная цель.

Марафон подходит к концу. Политическая турбулентность приобрела зрелый характер в 20-х числах октября 2008 года. Выходя на финишную прямую, должен оговорить, что в осуществлённом были, конечно же, сверхзадачи. Опять же — и актуальная (политическая), и фундаментальная (метафизическая).

Актуальная сверхзадача достаточно очевидна. Мне не хотелось (и не хочется), чтобы вновь избранный президент стал заложником так называемых оттепельных процессов

(перехода от контрреформ к реформам). Эти оттепельные процессы совершенно не нужны сегодняшней России, а в новом мировом контексте способны приобрести сокрушительный характер. Я верил и верю, что этого можно избежать. И что для недопущения таких перекосов надо говорить правду, с предельной внятностью описывая, чем являются эти самые оттепели и эти реформизмы. И в какую ловушку попадает политик, который в них вовлекается.

Колебание России между контрреформами и реформами, выдаваемое Александром Яновым за циклы российской истории, является на самом деле способом уничтожения России. Причём тут совершенно неважно, отклоняется ли Россия в сторону реформ или контрреформ. В пространстве, где альтернативой реформам являются контрреформы,

плохо всё. Это ощущал (к сожалению, крайне смутно) совсем не близкий мне консервативный российский политик Константин Победоносцев, считавший: что демократия, что собор — один конец для России.

Колебания между контрреформами и реформами происходят по очень известной схеме. Россия устаёт от аскетического мобилизационного напряжения (затягивания поясов), связанного с необходимостью давать отпор явным или скрытым внешним угрозам. Усталость эта обычно носит многомерный характер.

Это, прежде всего, усталость от так называемого культа личности, всевластия лидера, который олицетворяет нечто наподобие мобилизационного усилия и сопровождает мобилизационное усилие так называемым закручиванием гаек.

Это ещё и усталость, порождаемая корыстным использованием мобилизационного пафоса бюрократией в целом и отдельными бюрократическими кланами, в особенности.

Это также усталость от избыточных оборонных расходов, становящихся совсем нестерпимыми в условиях неблагоприятной для России экономической конъюнктуры, последние пятьдесят лет определяемой ценами на нефть.

Мало ли какая ещё это усталость. Отдельную книгу по этому поводу написать можно.

Устав, Россия шарахается в сторону того самого реформизма, которому с тонкой иронией аплодирует Александр Янов. Культ личности разоблачается, жертвы культа восстанавливаются в правах, элементы мобилизационного сознания демонтируются и дискредитируются, оборонные расходы снижа-

ются... Бюрократические (и иные) кланы, связанные с оборонным, мобилизационным, контрреформистским, «культ-личностным», атакуются как политически, так и иначе. Начинается борьба с коррупцией, засильем чиновников, излишней зарегулированностью.

Очень быстро обнаруживается, что это всё — путь в никуда. Июльский пленум 1953 года и XX Съезд КПСС (классика оттепели, то есть движения в сторону реформ) сменяются Октябрьским пленумом 1964 года и XXIII Съездом КПСС (классика застоя, то есть движения в сторону контрреформ).

Александр Янов отнюдь не только подменами занимается. Он справедливо обнаруживает на всех этапах российской истории процессы, сходные с вышеназванной классикой. Хоть Киевскую Русь возьми, хоть Московское царство, хоть Российскую империю, хоть

СССР — всюду это есть.

Яновские подмены начинаются тогда, когда содержание российской истории сводится к этим биениям между реформами и контрреформами. Потому что на самом деле — не эти биения создают те полюсы, которые маркируют собою действительные циклы российской истории. Биения, образно говоря, истирают Россию в прах. Они усугубляют тление, наращивают его. После серии таких биений возникает отрицательный полюс цикла — «бобок».

Благодаря полемике с Аверьяновым и Мультатули мы убедились, что отрицательный полюс цикла, который называется «Российская империя», — вполне подходит под определение «бобок». Элиты Российской империи истлели. Чему доказательством абсолютность элитной измены, осуществлённой в феврале 1917 года. Политическая система

стала абсолютно дисфункциональной. Если власть не может вызвать на свою поддержку даже полк (не то, что дивизию), если к ней никто не прислушивается, её приказы не выполняют, от неё с наслаждением отрекаются — то это дисфункция, причём всеобъемлющая.

Всеобъемлющая дисфункция системы и истление элит — это и есть «бобок». В «бобок» входит также характерное поведение политических лидеров и самого института лидерства. В случае Российской империи лидер — это государь Николай II, а институт — монархия. Неадекватная инерционность, ступор лидера и института лидерства — часть «бобка».

Итак, «бобок» февраля 1917 года. Но ведь и в августе 1991-го был тот же «бобок». Так не является ли «бобок» инвариантом,

описывающим отрицательный полюс каждого российского цикла (не путать с псевдоциклами реформистско-контрреформистских биений)?

Всмотримся в ещё один отрицательный полюс — начало Смутного времени. Там всё происходит аналогичным образом. Про это крайне много написано. Если бы не жанр, можно было бы приводить исчерпывающие развёрнутые доказательства. Данные так смердят, что становится страшновато, когда в виде безусловной и консенсусной даты выбирается 4 ноября — как подведение черты под ужасами Смутного времени.

Что касается ситуации накануне завоевания России татаро-монголами (отрицательного полюса, завершающего цикл Киевской Руси), то тут данных меньше. И, конечно, надо проводить отдельное

исследование собственно исторического (или историко-политического) характера. Но то, что враг воспользовался распрей князей, что поведение элиты по отношению к татаро-монгольскому врагу не было консолидационно-мобилизационным — общеизвестно.

И не приближаемся ли мы сейчас к очередному «бобку», метафизическому отрицательному полюсу, особо опасному потому, что предшествующего положительного полюса в целом не оформилось?

Что же такое положительный полюс в рамках нашего понимания цикла?

Это момент, когда исчезает биение между реформами и контрреформами, снимается противоречие между отпусканием и натягиванием вожжей, преодолевается либерально-консервативный «тяни-толкай», а главное —

отменяется ложная альтернатива между безопасностью и развитием. Безопасность становится развитием, а развитие безопасностью. Это как минимум. Как максимум, развитие становится метафизической потребностью и элиты (класса), соединившейся с духом истории, и народа, преодолевшего падение, являющееся во всех отрицательных полюсах выпадением из истории.

Такова историософская диалектика российских сингулярных исторических циклов, весьма далёких от обычных циклов с их растяжениями и сжатиями, положительными и отрицательными экстремумами. Отрицательный полюс — это всегда метафизическое падение, сингулярность, рассыпание в прах формы, именуемой «государство». Положительный полюс — это всегда мобилизационное развитие, имеющее под собой мета-

физическое основание, это всегда соединение с историей, это всегда преодоление альтернативы между безопасностью и развитием.

Так и живём. А кому не нравится, должен жить в другом месте.

Как сделать, чтобы не оформился новый «бобок», не произошло нового обрушения, истления? И что делать, если это произойдёт? На что обопрётся развитие? И не окажется ли новый «бобок» последним и окончательным?

Метафизика очистительного огня имеет здесь решающее значение. А также метафизика спохватывания. Ведь при совершенно иных, гораздо более оптимистических в плане «безбобковости» и развития, параметрах ранне-советской действительности, реакция Сталина на «ты мне, рябой, спляши» была именно метафизическим спохватыванием.

Если бы нервом всего нашего исследова-

ния не была попытка ответить на этот вопрос, мы бы давно запутались в арабесках политического и метафизического характера. Но мы не запутались.

И именно желание ответить на вопрос, как же не допустить очередного «бобка», оправдывает внимание к разного рода сомнительным опусам. В том числе и тому последнему, который кое-что нам рассказал (и доказал) по части «бобка» февраля 1917-го.

Для преодоления «бобка» надо решить три задачи.

Задача #1 — соединить элиты с духом истории (создать субъект).

Задача #2 — вернуть историческое население, сделав его народом (создать субстанцию, ибо народ — это население, ставшее субстанцией исторического).

Задача #1 и задача #2 не могут быть ре-

шены без решения задачи #3 — соединить элиты с народом через дух истории, превратить «элиты для себя» («класс для себя») в «элиты для других» («класс для других»).

Покаяния в их рассмотренных мною спецвариантах — это подрыв решения сразу всех этих задач. Но лишь их решение в совокупности может преодолеть заваливание в очередной «бобок». И степень внимания к спецпокаяниям (либеральному спецпокаянию-1, квази-белому спецпокаянию-2) определяется именно этим.

В момент, когда нам нужно снять дихотомию «реформы — контрреформы», оформить мобилизационный проект развития, который только и может снять эту дихотомию (а также ложную дихотомию «безопасность — развитие» и т.п.), нам, по сути, непрерывно подсовывают коварнейшую подмену. Вместо

проекта развития (который не может не быть мобилизационным) нам подсовывают реформы, являющиеся не синонимом развития, а его отменой. В такой отмене, как я уже показал, суть так называемой перестройки. То есть нам и впрямь навязывают «перестройку-2».

Картина становится совсем уж очевидной, когда к навязыванию реформ вместо развития добавляется навязывание спецпокаяния. Ведь спецпокаяние — это разрыв с историей. Не только с прошлым (что немало), но и с самим духом истории. А дух истории — это единственное, способное преодолеть «бобок».

Где дух истории, там Иаков. Где спецпокаяние, там Исав. Риторика спецпокаянства убеждает в этом раз за разом. Итак, нам опять подсовывают Исава, отнимают первородство ради чечевичной похлёбки. И когда

же это делается? При ценах на нефть ниже 60 долларов за баррель. То есть на пороге ситуации, которая одним щелчком превратит в труху даже жалкий нынешний консенсус Исава. Это самое лживо-примитивное нефтяное благополучие.

Мне представляется крайне важным рассмотреть ещё одно не вполне очевидное обстоятельство, имеющее серьёзнейшее значение для нашего будущего.

Весь XIX век контрэлита Российской империи была обуреваема долгом перед народом, хождением в народ, заботой о нём. Элита издевалась над этим. И до 1917 года, и особенно после. Но именно народофилия контрэлиты не позволила «бобку» февраля 1917 года подвести черту под российской историей.

Народофобчество сформировалось потом — в диссидентской среде, ушедшей во внут-

реннее подполье, в белоэмигрантской среде. Либеральное спецпокаяние-1 и квази-белое спецпокаяние-2 являются буквальной альтернативой народофилии. Произошёл, так сказать, «разворот вектора на 180 градусов». То есть инверсия. Мол, беспокоились и добеспокоились. От страстной народофилии — к столь же страстной народофобии, лже-евангелием которой стало, конечно, «Собачье сердце» как политический и метафизический (гностический) манифест. Что беспокоиться-то о Шарикове? Добеспокоились («народ-богоносец надул»).

Либералы (покаяние-1) и так называемые «белые патриоты» (покаяние-2) — это парадоксально единое целое. Источник единства — в народофобии. Понаблюдайте, как наши нувориши обнимаются с эмигрантской аристократией. Аристократией, ненавидящей

этих нуворишей социально, культурно, этнически. Что общего у столь разных элитных групп? Народофобия, что ещё? Квинтэссенция народофобии — спецпокаяние. Ибо это ВСЕГДА по сокровенной (а иногда и обнажённой) сути своей — покаяние народа перед элитой. И НИКОГДА — покаяние элиты перед народом.

Но что такое элита без народа? Это «элита для себя», постыдная и жалкая тусовка, обречённая на шикарное прозябание. Связь с народом — это не умение пить водку и закусывать огурцом. И не хождение босиком по траве-мураве. Подлинная связь между элитой и народом обеспечивается духом истории. Им и только им.

Элита (класс), вобрав в себя историческую энергию, перестаёт быть элитой для себя (классом для себя) и становится мощ-

ным историческим генератором (субъектом). В качестве такового она передаёт историческую энергию народу (субстанции). Субстанция, откликающаяся на исторический зов, — это исторический народ. Народ-Иаков. Субстанция, не способная откликнуться на исторический зов, — это мёртвый народ. Народ-Исав.

Только живой народ, живая субстанция, заполненная тонкими историческими вибрациями, создаёт передовое (а значит, жизнеспособное) государство. Государство — это форма. Содержание — исторические вибрации. «Государственники»? Нельзя поклоняться форме. Форма, отвергшая содержание, истлевает. Народофобческая элита, будучи вне истории, обречена на «бобок». Народофобческая политическая система — на дисфункцию. Дисфункция и «бобок» губят госу-

дарство даже при отсутствии «врагов унешних и унутренних». Чуть-чуть истлевшее рухнет, только если будет нанесён сильный удар. Сильно истлевшее — если чуть-чуть подтолкнут. А совсем истлевшее рухнет под своей тяжестью.

Как бороться с подобной макротенденцией?

Адекватно её масштабу и содержанию. Если масштаб таков, как я описал, то мы и впрямь имеем дело с метафизическим дежа вю. Всмотритесь в это дежа вю ещё и ещё раз. «Бобок-1» — маразм наших элит перед татарским нашествием. «Бобок-2» — маразм элит, породивший Смутное время. «Бобок-3» — маразм февраля 1917 года, который мы столь подробно рассмотрели. «Бобок-4» — маразм советских элит перед августом 1991 года.

Нам нужен ещё и «бобок-5»?

Всмотритесь и... Если в вас возникает внутренний протест, и вы хотите противодействовать «бобку-5», то ищите связь с духом истории. Других возможностей противодействия нет.

Народофобия и дух истории — «две вещи несовместные». Дух истории приходит только к элите, не разорвавшей связь с народом. Иначе зачем ему приходить? Ведь он приходит для того, чтобы субъект соединился с субстанцией. А если субъект заранее разорвал отношения с субстанцией? Дух истории, лишь заприметив это, сразу покидает территорию, на которой допущен подобный — по сути ликвидационный — разрыв.

В XIX веке, повторяю, хотя бы контрэлита была одержима народофилией (не декоративной, а подлинной) и потому выстояла в XX-м, пройдя через «бобок-3», создав проект,

сверхдержаву, осуществив великие исторические деяния. Что сейчас?

Приближаясь к завершению своего марафона, я всё же обращу ещё раз внимание на несколько актуальных политических публикаций. Ведь всё же марафон продолжается. А его закон — в таком обращении к актуальному.

Одна из таких публикаций — это статья А.Пионтковского в «Гранях.ру» от 24.10.08. Статья называется «Родина или кузькина мать?». Дело отнюдь не в том, что автор подробно меня цитирует, именуя своим далёким собратом по разуму. А в том, что он раз за разом использует острые противопоставления, задействуя в них слово «Родина» абсолютно некорректным образом. Некорректным и научно, и политически. Поелику в условия нашего исследования входит ещё и построение

аппарата, причём «с колёс» (смотри пункт 5 в приведённом мною списке условий), то я просто обязан ответить. Причём и концептуально, и политически.

Некогда А.Пионтковский поставил в один ряд Родину и Романа Аркадьевича Абрамовича («За Родину! За Абрамовича! Огонь!»). Теперь А.Пионтковский ставит в один ряд Родину и «кузькину мать». (Для справки: «кузькина мать» — это бомба в 50 мегатонн, которую СССР испытал на Новой Земле. У А.Пионтковского «кузькина мать» — это синдром национал-клептократии, которой, в отличие от глобальной клептократии, я якобы симпатизирую в качестве красного Савонаролы.)

Чтобы не выпячивать политическое, зафиксируем очень коротко, что ни на Украине никто никогда не опубликовал бы книгу «За

Родину! За Рабиновича! Огонь!», ни в США никто никогда не опубликовал бы книгу «За Родину! За Голдмэн&Сакс! Огонь!». Но это политическое (слишком политическое, как сказал бы Ницше). Намного важнее — концептуальное. В сознании почти всех без исключения начинают путаться несколько политических категорий. Эта путаница особо опасна в случае, когда в число перебираемых и смешиваемых категорий входит категория «Родина».

Моё беспокойство носит не академический характер — отнюдь. Я знаю — и по опыту, и по соцопросам, — что существенная часть нашего бизнес-сообщества, так называемого среднего класса, обозлившись на чиновничество, называет это самое чиновничество не иначе как «Родиной» («Родина хочет с нас 50 тысяч баксов» — имеется в виду, что их хочет

тот или иной чиновник за определённую административную услугу). Это часто говорят «на автомате» даже вполне патриотичные и любящие Россию люди.

А раз так, то пора развести категории. И установить, что есть ряд категорий, в пределах которого категориальные единицы, ну, никак не могут быть сведены одна к другой. Это и позволяет называть единицы категориальными. Предлагаю обсудить следующие, особо актуальные, категориальные единицы, между которыми путаница совсем уж недопустима.

Категория #1 — Родина.

Категория #2 — страна.

Категория #3 — население.

Категория #4 — народ.

Категория #5 — государство.

Категория #6 — элита (класс).

Категория #7 — власть (политическая система).

Категория #8 — властитель (государь).

Список категорий можно было бы продолжить, но остановимся хотя бы на этом как на особо актуальном.

Прежде всего, надо установить, что Родина — это не государство, не класс и элита (Абрамович) и не население. Родина — это единство территории, населения и актуального смысла. При этом актуальность смысла является главным. Теряется актуальность — человек перестаёт ощущать территорию Родиной. Он перестаёт её защищать. Он не хочет за неё умирать. Возникает метафизический коллапс. И всё распадается. Распадается тем быстрее, чем важнее смысл для данной культуры, данного (ею скреплённого) населения.

Актуальность (нагретость, огненность) смыслу придаёт дух истории. Когда дух истории уходит, смысл остывает. Если бы всего этого не было, государства бы не распадались. Россия распалась два раза за одно столетие. А почему? Потому что страна, как место проживания, переставала быть Родиной. Смысл остывал — и всё начинало истлевать, рушиться.

Состояние, при котором страна является территорией актуального смысла, называется активным историческим состоянием. Люди, живущие на территории актуального смысла, не просто живут, процветают, самореализуются. Они ещё и спасаются. И это главное. Красный проект предложил актуальную для своего времени формулу спасения. Её приняли те, кто уже отверг предыдущую формулу. И началась новая исторически актив-

ная жизнь. Её трудно описать, трудно свести к любым — позитивным или негативным — социально-культурным прописям. Маяковский называл страну, ставшую территорией активного смысла, «весной человечества». А кто-то проклинал тот смысл. Но всё вместе жило в среде, заполненной особыми вибрациями, в особом времени (кайросе). Вокруг того, что жило таким особым образом, собралась сверхдержава (СССР). Потом исторически активное ушло в песок. Но на песке остались отпечатки. Страна, на метафизическом песке которой есть отпечатки, — это тоже Родина.

Кроме того, исторически активное оставляет след и в связанном со страной ноосферном, так сказать, измерении — эгрегоре. То, что хранится в эгрегоре — это Небесная Родина. Небесная Родина связывается с земной че-

рез отпечатки и ожидание нового пришествия исторического. Этого пришествия ждут. Иногда веками. Помнят о том, что это было, и ждут. Ожидание — тоже Родина.

Родина — это тончайшая и сложнейшая идеально-материальная сущность. Нельзя объяснить до конца, как у простых людей возникает ощущение Родины. Но все мы знаем, как оно пропадает. И как простые люди перестают защищать безлюбое, ещё вчера бывшее предметом бесконечной любви.

Повторяю, Родина — это сложнейшая, тончайшая сущность.

Ведь вы же можете представить себе, что страна осталась, а Родины нет, не так ли? Или наоборот — что страны нет. А Родина есть. Израиля как страны не было в течение двух тысяч лет. А Израиль как Родина оставался. И потому, что был Небесный Израиль. И по-

тому, что отпечатки на метафизическом песке сохраняли для народа исключительное значение. Примерьте эту коллизию на себя. Нет земного СССР. А Небесный (эгрегориальный) СССР есть. И отпечатки на песке есть. И потому можно и выйти из «бобка», и вернуться в историю. А значит, спастись. Родина — это не место процветания. Это место спасения.

Самое страшное — это потерять Небесную Родину. Потому что тогда не будет и земной. Причём никогда. Ибо любое восстановление земной Родины осуществляется через связь субъекта, который осуществляет это восстановление, с Небесной Родиной. Связь такая — это историческая (огненная) мистерия.

Нет Родины без исторической мистерии. Поскольку Родина — это союз живых и мёртвых. И только этот союз — поймите же, только он — имеет право называться собором.

Путать трансцендентную соборность с имманентной коллективностью очень наивно. Метафизика это или политика? Это, конечно, метафизика. Но это и политика тоже, да ещё какая.

Если правящий класс захочет продать Россию, то этому должно воспротивиться население. А если население, проникнувшись духом Исава и продав первородство за чечевичную похлёбку, захочет продать Россию и даже проведёт референдум на тему «150 триллионов долларов за Россию»? А что? Каждый россиянин получит миллион долларов. Разве мало? 150 миллионов населения, согласившихся на эту продажу, не могут её осуществить, потому что есть ещё миллиарды мёртвых, умерших за Россию. И есть Небесная Россия как совокупная память об историческом, то есть Родине. Единство метафизи-

ческой России, находящейся в эгрегоре, и актуальной России, которая должна вернуться в историю, — это Родина.

Господин Пионтковский противопоставляет Родину «кузькиной матери». Это некорректное противопоставление. Тут важно — Родина для «кузькиной матери» или «кузькина мать» для Родины. Если Родина для «кузькиной матери», то это уже не Родина. А если наоборот? И стоит ли вообще так смаковать композиции, в которых имманентное недопустимым образом переплетается с трансцендентным? Это ведь не только политически, но и научно неверно. А также морально, экзистенциально и так далее.

Господину Пионтковскому стоило бы прочитать «А зори здесь тихие» Васильева. Находящийся на грани безумия старшина, видящий, как погибают девушки, спрашивает —

ради чего. Ради Беломоро-Балтийского канала имени Сталина (сравни «кузькину мать» или «Абрамовича» у Пионтковского)? И одна из девушек отвечает, что Родина — это не канал. Что защищали её, а не канал. Канал — имманентное, Родина — трансцендентное. Девушки это понимали. А Пионтковский не понимает. И многие, многие другие — тоже.

У нас в застойную эпоху любили петь «С чего начинается Родина». Перечислялись имманентности (картинка в букваре и так далее). А дальше оптимистически заявлялось: «С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять». Отняли! Под вопли о покаянии стирали отпечатки на метафизическом песке. Воюя с историей, ломали связь с эгрегором, со смыслом как таковым. Но главное — смысл остыл. И его удалось отделить от страны. Теперь нужен преемственный нагре-

тый исторический смысл. Лишь он восстановит всё — тонкую структуру, отпечатки, эгрегориальный канал, — Родину.

33

«Имя Россия»... Шоу на краю пропасти... Продюсер проекта А.Любимов заявляет: «*Великолепен День России. Пора уже прекращать язвительные споры по его поводу. ...Потеряв территории* (имеется в виду распад СССР), *мы просто сбросили балласт».* Вот ведь какие мы, оказывается, умные! Сбросили балласт! А когда снова сбросим? Северный Кавказ, например? И когда, наконец, балластом станет государ-

ственность как таковая, а также всё, что с ней связано? И что сделать, чтобы «просто-сбрасыватели» не сбросили нас в итоге в помойную яму, в безгосударственное ликвидационное гетто?

Для того, чтобы этого не произошло, надо суметь ответить на два вызова.

Первый — «вызов 0,5». «0,5» — это полтриллиона долларов, вывезенные нашей «элитой» за рубеж. «Вызов 0,5» — это предложение выбрать: ИЛИ «0,5», ИЛИ Россия. Элита невротически отрицает возможность такого вызова. А все крупные западные аналитики (Бжезинский, Сестанович и другие) придают именно ему решающее значение («припугнём русских хорьков, они струхнут и всё сдадут — лишь бы не потерять свои «0,5»»).

Второй вызов — «150». Что сделает нынешнее население России, если ему предло-

жат продать Родину за 150 триллионов долларов? Не хмыкайте («таких денег в природе нет!»), а посмотрите правде в глаза. Знаю лучше многих изъяны Слободана Милошевича. Но население Сербии продало своего лидера и терпело унизительные для нации измывательства над ним — за что? За возможность под руководством Бориса Тадича в обкромсанном до несовместимости с национальной жизнью и растоптанном виде войти в Европу... Нечто подобное по отношению к России я называю «вызовом 150».

Говорить, что всё сводится к «вызову 0,5» — значит, врать самим себе. Был бы только «вызов 0,5» — справились бы в два счёта. «0,5» знает, что её спасение — «150». «0,5» формирует «150», проводя соответствующую культурную политику. Сериалы — это «150», «Груз-200» — это «150», «Аншлаг», «Дом-2»

— это «150». «Адмиралъ» — тоже. И много что ещё.

Чем мы располагаем в качестве альтернативы «0,5» (контрэлиты) и альтернативы «150»? Какую часть своего населения мы можем называть народом? Если клочку России (например, Северо-Западному) предложат завтра войти в Европу в качестве независимого государства, то какая часть населения окажется народом, отвергнувшим этот выбор? Что подвигнет на борьбу отвергнувших? Нужен горячий, великий смысл, обращённый в будущее. И нужно помнить — остывший смысл не спасает. Ведь при распаде СССР речь шла не только о «проблеме 0,5» в её тогдашнем варианте («сейчас развалим и о-го-го как пограбим!»), но и о «проблеме 150» в её тогдашнем варианте («ё-моё! — у них там на прилавках 150 сортов сыра!»).

Родина ИЛИ «150»! Но почему ИЛИ? Позднесоветское «ням-ням» с сытым недоумением смотрело выпущенный на экраны в 1987 году (и снятый в 1968 году) коварный фильм «Интервенция». Высоцкий нравился... почти как шикарные американские джинсы. И песенку он пел клёвую:

Нам будут долго предлагать — не прогадать.
— Ах! — скажут, — что вы, вы ещё не жили!
Вам надо только-только начинать... —
Ну, а потом предложат: или-или.
Или пляжи, вернисажи или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи...
Или просто — деревянные костюмы.

Через четыре года «ням-ням» выбрало пляжи, вернисажи, экипажи, скачки, рауты, вояжи, 150 сортов сыра... Начался ельцинский бордельеро («забег в ширину», как гова-

ривал Василий Макарович Шукшин). К 1999 году страна оказалась на грани небытия. Пришедший вместо Ельцина Путин не предложил «ням-ням» ИЛИ-ИЛИ. Он предложил И-И. «Ням-ням» (как элитное, так и низовое) с радостью согласилось. Сформировался патриотизм «времени И» (И пляжи, И «замочим в сортире»). Оформился «консенсус И-И», «политическая система И-И». «И дольше века длится И...» (сравни — «десятилетия спокойной жизни, нужные нам для развития»).

Даже теперь никто не хочет понять, что «время И» кончилось. И началось «время ИЛИ».

Когда И «0,5», И Россия — кто откажется? И шика больше, и «0,5» можно превратить в «1», имея Россию (скверное, но очень точное в своей двусмысленности слово).

Ну, а потом предложат: ИЛИ-ИЛИ.

Для начала на мобильниках с «брюликами» загорится «0,5» (обыски в Испании и так далее). Потом на мобильниках попроще (да и телеэкранах) в том или ином виде загорится «150» (где рост благосостояния, пляжи, вернисажи и прочее?). Где-где...

Абонент не отвечает или временно недоступен...

Это смотря какой абонент. И.Юргенс, председатель правления Института современного развития (того самого, которым руководит президент РФ Д.Медведев), очень внятно отвечает — и за себя, и за это самое «0,5» (см. «Московский комсомолец», М.Ростовский, «Голая правда о кризисе», 22 октября 2008 года).

Ростовский (оппонируя тезису И.Юргенса о неминуемом скором сближении

США и России): *А разве Америка не будет нам мстить за своего «поруганного» союзника — Грузию?*

Юргенс «через не хочу» признаёт наличие в Америке враждебных нам значительных сил, которые будут «накалять обстановку». И тут же добавляет: *«У нас тоже есть ястребиные силы, которые будут тоже действовать точно так же. Иногда их интересы настолько смыкаются — в противовес долгосрочным национальным интересам США и России, — что просто диву даёшься».*

Итак, мы впервые узнаём, что на вершине российской властной пирамиды есть некие «ястребиные силы», действующие в сговоре с «ястребиными силами» США и работающие на подрыв национальных интересов.

Согласитесь, сильное, а главное очень све-

жее утверждение. Римейк на тему о сговоре «нашего Тухачевского» с «ихним абвером».

Юргенс: Конкретный пример просите? (Фигура речи. Ростовский ни о чём не просит. Это Юргенсу надо любой ценой расставить точки над «i».- *С.К.*) *А кому, по-вашему, был выгоден весь этот грузинский конфликт?*

И в самом деле, кому? Слежение за логикой Юргенса даёт однозначный ответ — новому «коллективному Тухачевскому» для подрыва российских нацинтересов.

Юргенс: До начала войны у нас была восходящая экономическая динамика. А сейчас, как уже было сказано выше, кризис ликвидности постепенно переливается в кризис доверия. И одна из причин такого положения — обострение внешнеполитической обстановки вокруг России.

Опасаясь ещё и новой «холодной войны» с Западом, часть российского среднего и высшего класса выводит свои капиталы из страны.

И.Юргенс отрекомендован М.Ростовским как «лицо, близкое к государю-императору» (стиль-то каков!). Трепещи, читатель! Сейчас явится сам «государь-император» и, назвав бояр-изменников ПОИМЁННО, накажет их за самое тяжкое из всех возможных преступлений — подрыв долгосрочных интересов России: «Пошто возбудили часть российского среднего и высшего класса, и бабки потекли прочь из страны?».

Трепеща, читатель ждёт, чтобы были названы имена высокопоставленных негодяев — нового Курбского, нового Тухачевского, нового Берии. Последнее ближе всего к делу. Ибо И.Юргенс явно претендует на роль провозвестника новой (по факту его должности —

медведевской) оттепели. А где оттепель, там разоблачения тирана и кара его опричникам. Кара может быть жёсткой (процесс над Берией) или чуть более мягкой («антипартийная группа Молотов, Каганович, Маленков и примкнувший к ним Шепилов»).

А как быть с тираном? Оттепель без тирана — это всё равно, что выпить и не закусить. Вы всё ещё не улавливаете, в чём особая пикантность оттепельной заявки Юргенса? Хрущёв стал разбираться с Берией и другими «опричниками» в посттиранический период. Здесь же всё начинается при неотстраненном от власти Путине, чья роль в этой оттепельной пьесе, как мне кажется, не вызывает сомнения.

И всё же главный герой манифеста «Оттепель-2008» не тиран и не освободитель, не контрреформистские опричники и не бро-

сающий им вызов отважный реформатор — а «класс 0,5». Именно его интересы с поразительной откровенностью отстаивает новый Сперанский.

Тиран и его опричники соорудили юго-осетинский напряг, благородный и мудрый «класс 0,5», наложив в штаны от одной только мысли о возможности перерастания напряга в «холодную войну», начал выводить капиталы. Удивительно нервный и нежный класс! Был бы он поспокойнее и погрубее, рассуждал бы так: «У меня капиталы в России. Будет «холодная война»? У, как на этом можно нажиться! А ну-ка, менеджеры, — мухой! Быстро скупать всё, что пахнет оборонкой. И к начальству, к начальству! На полусогнутых! Просите у начальства долю в оборонзаказе! Объясняйте ему, что у нас заводики о-го-го какие!»

Демидов так не делал? Делал. Путилов так не делал? Делал. Виккерсы так не делали? Делали. Крупп так не делал? Делал. А вот наш «класс 0,5» так делать не хочет. И «лицо, близкое к императору», топая ногами на тирана и опричников, заходится в негодовании, грудью бросаясь на защиту «0,5», чью тонкую нервную систему подвергли недопустимой нагрузке. «Класс 0,5», «проблема 0,5»... Капризная, жирная бабища заходится в непристойных истериках, а вокруг неё бегают «лица, близкие к...», спрыскивают духами, обмахивают опахалами, подтирают, подмывают, потакают... Кто будет колебаться при выборе ИЛИ-ИЛИ? Эта «бабища 0,5»? Её клевреты?

Сталин ведь в 1929 году не от обиды на то, что его назвали «рябым» и предложили сплясать, затеял коллективизацию. Он про-

сто понял, что ИЛИ «класс 0,5» (он же — кулачество как класс), ИЛИ победа в Великой Отечественной войне. Кулачество было не так отвратительно, как эта нервная «бабища 0,5». Кулачество, может быть, и детей бы на фронт послало, и в церквах помолилось за победу нашего оружия, и на пожертвования покалеченным солдатушкам скидывалось бы. Но хлеба бы оно задарма не отдало ни рябому, ни безрябому, никому.

А тогда — пиши пропало. Никакой индустриализации в 1929 году (падение цен на хлеб, аналогичное падению нынешних цен на нефть) не могло быть в условиях наличия класса, не согласного отдавать экспортный продукт по демпинговым ценам. Да и с «продовольственной проблемой 1941–1945» такой класс был несовместим. Поднялся ли бы он против «коммуняк» при подходе немцев? Мо-

жет быть, да. Может, нет. В целом этот класс был достаточно патриотичен, в отличие от жирной «психопатки 0,5», волокущей бабки за рубеж при мысли о возможности «холодной войны». Кстати, вы понимаете, как для этого должны быть устроены эти бабки, чтобы их так быстро «туда-сюда»? Понятно вам, о каких бабках, гордо называемых инвестиционными, на самом деле идёт речь? Если я дом начал строить и в него вложился, то я бабки в один день не выведу. Я буду продолжать строить и думать: «Авось пронесёт!» А вот если я краткосрочными спекуляциями занимаюсь — тогда почему бы нет?

Я не поношу кулака и не прославляю сталинскую коллективизацию. Я готов этого кулака хоть бы и воспеть, и сказать, что в обычных условиях, о которых грезил Бухарин, кулак страну бы поднял (по схеме от «груп-

пы Б»). Но в предвоенных условиях он был несовместим с выживанием страны. И вопрос оказался поставлен ребром: ИЛИ этот класс, ИЛИ страна.

Кулака-то я мог бы и воспеть (хотя, конечно, не так умильно, как деревенщики). А эту «бабищу 0,5» с её истериками в августе 2008 года — ну, никак воспеть не могу. И просто не понимаю, что делать с ней в условиях «времени ИЛИ». Она страну сдаст — и не задумается. Выразитель её блажных прихотей, которые даже интересами назвать нельзя, — И.Юргенс — хвалит её за это. А ругает тех, кто её нервирует...

Сие совместимо с государственностью?

С государственностью «времени И» — кое-как совместимо.

С государственностью «времени ИЛИ» — нет.

Я знаю представителей российской буржуазии, вполне совместимых с «временем ИЛИ». Им скажут «ИЛИ-ИЛИ» — они выберут Россию, да ещё и сумеют нарастить индустриальные мощности своих предприятий, как это сделал при Петре Демидов. Справедливости ради замечу, что И.Юргенс говорит: бабки стала уводить ЧАСТЬ российской буржуазии («среднего и высшего класса»). Так почему мы должны цацкаться с этой капризной, оплывшей от жира ЧАСТЬЮ? Мы же не обязательно схему 1929 года должны повторять! Достаточно волевой и эффективной политики, при которой те, кто отвечает требованиям «времени ИЛИ», будут поддержаны. А остальным будет сказано (и подтверждено делом), что цацкаться с их «капризами 0,5» никто не намерен. Может, тогда и капризов будет поменьше?

Но Юргенс-то предлагает совсем другое! Он предлагает потакать «капризам 0,5». А всех, кто раздражает истеричную капризницу, именует подрывными силами. Силы-то должны понимать, что их сначала именуют подрывными, а потом... Потом, что называется, «по полной программе» — за подрывную деятельность...

Разумеется, дело не в Юргенсе, а в Путине, сказавшем элите и населению, что они будут И процветать, И преисполняться патриотической гордости. А кто ж против? Ни «элита 0,5» не возражала («бабок как грязи!»), ни «население 150» («что-то ведь и нам достаётся»). Футболисты побеждают! Восстанавливается международный авторитет! И живём лучше, И гордимся больше. И-И... И-И... Так сербы понимали патриотизм до американских бомбардировок. Ну, а потом....

Ну, а потом предложат: ИЛИ-ИЛИ.

Сербам предложили — они выбрали Тадича. А Милошевича отправили на скамью подсудимых. Нам кажется, что нас это всё не касается, потому что у нас есть ядерное оружие? Опаснейшая иллюзия!

Власть упорно не желает признать неотвратимость «времени ИЛИ». Август 2008 года был для Путина и Медведева не только тактическим, но и стратегическим — а также метафизическим — вызовом. На тактический вызов ответили жёстко и адекватно. А вот на метафизический вызов «времени ИЛИ»...

Наши западники шепчутся: события на Кавказе создали антизападный крен, а кризис создаст крен прозападный...

Почему кризис может создать прозападный крен — понять нельзя. Что же касается прозападного крена, то он очевидным обра-

зом начался СРАЗУ ЖЕ после крена антизападного. То есть не в связи с кризисом, как это кажется западникам, а в связи с шоком, вызванным встречей «власти И-И» с ситуацией ИЛИ-ИЛИ.

Формула политической системы, созданной Путиным, — «западничество И государственность». «Суверенная демократия» — это одна из возможных идеологических вариаций на эту тему. Вариации создают идеологи. Тему создаёт глава государства.

Сменить формулу «западничество И государственность» на формулу «западничество ИЛИ государственность»?..У этого барьера власть упирается и говорит, что «мы с пути не свернём». А если на пути — мина? Или скала? Власть любой ценой хочет сохранить формулу «И-И» и категорически отказывается переходить к формуле «ИЛИ-ИЛИ»! И

флот к американским берегам — И Чубайс во главе «Роснанотехнологий»... И-И! И-И! «Система И-И» входит в весьма опасный режим. Статистика несовместимых «И», следующих друг за другом (тот же М.Ростовский назвал это «Равняйсь, мирно!»), даёт кривую биений между $И_+$ («равняйсь», оно же «И государственность») и $И_-$ («мирно», оно же «И западничество»). Аппроксимация биений между $И_+$ и $И_-$ позволяет вывести формулу:

$$И = И_0 \times \frac{\sin \omega t^2}{t - t_k}$$

Каждому системщику ясно, что это формула так называемых автоколебаний. «Система И-И» идёт в разнос! В момент t_k биения с нарастающей амплитудой и частотой разнесут эту систему в клочья. Под обломками системы в нашем случае неизбежно окажется не

только власть. Крах системы, безусловно, повлечёт и крах государства. А значит, раньше, чем это произойдёт, должна возникнуть другая система — другая идеология, другая оргструктура, другие адресации к другим опорным группам, другая система элитного отбора и построения элитных конфигураций. Нужно, чтобы власть сама перешла от «системы И-И» к «системе ИЛИ-ИЛИ». Тогда мы выдержим в условиях «времени ИЛИ». Но со всей откровенностью надо сказать, что только тогда мы выдержим.

А ещё нужно признать, что как только власть (из моральных или иных соображений) выберет не «0,5», а Россию, «класс 0,5» начнёт активнейшим образом апеллировать к «населению 150» и призывать его сбросить власть. Что сделает власть? Обращаться к России по принципу И-И (что она очень

успешно делала до сих пор) уже будет невозможно. Опираться на «население 150» — тоже. «Население 150» вместе с «классом 0,5» сдадут упирающуюся власть в реальную или метафорическую Гаагу.

Значит, власти нужно пробиться и к контрэлите (альтернативе «классу 0,5»), и к народу, граду Китежу, андеграунду, катакомбной России (альтернативе «населению 150»). С нынешней идеологией, нынешней культурной политикой (порождёнными «форматом И-И») — туда пробиться нельзя.

Власть надеется, что ИЛИ-ИЛИ исчезнет, как дурной сон. А почему исчезнет-то? С какой стати? Кризис отрегулирует наши отношения с Западом? Почему? Запад нам поможет? С какой стати? И чем? Он себе помогать будет. Мы ему должны помочь? Чем?

Это ведь, пожалуй, наиболее важный во-

прос.

Как сформировался наш «класс (или элита) 0,5»? Да очень просто! Кризис, который мы сейчас переживаем, — это третий всеобщий кризис капитализма. Он должен был разразиться ещё в 1992 году. Но... В своём интервью И.Юргенс говорит, что НАС спасёт данная НАМ Богом «подушка безопасности» (сырьевые ресурсы). Во-первых, Богом ли? «Подушку» дала НАМ державная воля, расширившая княжество до масштабов империи. Не будет воли — НАША «подушка» станет ИХ. А во-вторых... Распад СССР 1991 года как раз и превратил НАШУ «подушку безопасности» — в ИХ «подушку». И ценой НАШИХ лишений спас тогда ИХ от кризиса. Зарубежные хозяева поднаняли будущее «0,5». Вывезено было, как вы понимаете, намного больше 0,5. 0,5 — это только посредни-

ческая маржа.

Так в чём теперь должна быть НАША помощь ИМ? Со Стабфондом всё уже понятно. Но этого мало. Значит, помощь должна быть в том, чтобы распалась РФ? И способные «ребята», продолжая работать на хозяев, вывезли ещё «гораздо больше, чем 0,5» с территорий, находящихся в новом, ещё более глубоком, чем в 1991 году, катастрофическом состоянии? А в обмен на это получили новую маржу, превратившись из «0,5» в «1»?

Нашим реформаторам кажется, что Запад хочет их поддержать, дабы сблизиться с очищенной от контрреформизма Россией. А Запад ждёт не дождётся нового Горбачёва и «перестройки-2». Он изнывает в этом ожидании. А ну как удастся сгоношить оттепель, превратить её в перестройку, осуществить развал, поднажиться на паях с «0,5» и

погрузить российское население (ещё раз пойманное на наживку «150») в безгосударственный ад?

М.Ростовский пишет: *«В какой-то момент глава МИДа Сергей Лавров и госсекретарь США Кондолиза Райс настолько обиделись друг на друга, что совсем перестали общаться. И тогда именно Игорь Юргенс был отправлен в Вашингтон для налаживания неформальных контактов».*

Я оставляю одну тысячную процента на то, что Игорь Юрьевич Юргенс не читал и не визировал текст интервью. Одна тысячная остаётся потому, что систему лихорадит по формуле, которую я описал выше. Но, скорее всего, И.Ю.Юргенс этот текст (в котором описан абсолютно допустимый, нужный, но обычно не обсуждаемый и подрываемый лю-

быми обсуждениями феномен back channel) визировал.

Что касается того, что руководители внешнеполитических ведомств США и РФ обиделись друг на друга и перестали общаться — то это... это даже не Кащенко. США — полноценная ядерная сверхдержава. То есть и ядерная сверхдержава, и сверхдержава во всех других смыслах этого слова. РФ — увы, не сверхдержава во всех других смыслах слова. Но РФ — ядерная сверхдержава #2. Ну, а раз так... Скажу брутально, но чтобы все поняли и перестали гнать пургу: если бы Буш тихим голосом сказал Райс, что она должна отдаться Лаврову, то вопреки самым разным несовместимостям, она бы это немедленно сделала со счастливой улыбочкой на лице.

Итак, мы ГОВОРИМ «обиделись», а ПОДРАЗУМЕВАЕМ нечто другое. Что Юргенс

решал задачи в режиме back channel. Что за задачи? И почему «засвечивается» back channel?

Западу нужна «перестройка-2»! Поверьте мне, в США это обсуждают достаточно откровенно и на очень высоком уровне.

Сначала разминочки, расшаркивания. А потом...

Ну, а потом предложат: ИЛИ-ИЛИ.

ПредложАТ? Или уже предлагаЮТ?

Чехов предупреждал: мир гибнет из-за мелочей.

Назовём мелочью #1 текст Юргенса, который мы начали обсуждать. И обратим внимание ещё на один фрагмент этого текста, касающийся плана-2020, плана развития, с обсуждения которого я начал свой философско-аналитический марафон. Тогда, когда я начал это обсуждение, данный план назывался

«планом Путина-Медведева». Что теперь?

Ростовский: И всё-таки не придётся ли теперь положить под сукно амбициозную путинскую (вы читать умеете? путинскую — а не путинско-медведевскую, в этом суть — *С.К.*) *программу модернизации России — план-2020?*

Юргенс: В любой трудной ситуации очень важно ставить перед собой амбициозные задачи. Если всё вокруг «кризис, кризис, кризис» и хороших перспектив не видно, это психологически самоубийственно. План-2020 — хорошая политическая цель, которую снимать нельзя. Но...

Подруга моя — девочка хорошая, но...

Юргенс: ...но вот все контрольные цифры снимать нужно (цифры, являющиеся содержанием плана-2020 — *С.К.*). *Они*

сейчас выглядят наивными. Уж слишком поменялась окружающая реальность.

Ну, вот... Хорошая подруга, но «пробы ставить негде»! Сначала похлопывания по плечу, потом это «но...» — и тут же нокаутирующий апперкот. Сказать, что цифры надо снимать, а план оставлять — это нокаут.

Итак, мелочь #1 — это текст Юргенса, начинённый подобного рода перлами, часть которых мы обсудили, а часть ещё собираемся обсудить.

Мелочь #2. 28 октября 2008 года «Независимая газета» (как мы помним, газета К.Ремчукова) публикует статью Э.Билевской и А.Самариной «У президента своя «Стратегия»». Утверждается, что «на днях» Д.Медведев подписал указ о создании Совета по вопросам развития информационного общества. Совет должен возглавить бывший

руководитель Минкомсвязи Леонид Рейман. Задача Совета — представить на рассмотрение главы государства доработанную редакцию «Стратегии-2030».

Факт или сплетня? Скорее всего, факт. Но даже если сплетня — и что? Сплетня — это факт информационной войны. Авторитетная газета сообщает об указе и... И «разводит»: *«Деятели науки побоялись, что те, кто запишется в разработку инициированной президентом «Стратегии-2030», попадут в чёрный список премьера, занимающегося реализацией «Стратегии-2020»»* (слова приписываются авторитетному неназванному околовластному источнику, что придаёт им особый вес). «Разводка» осуществляется 28 октября. А 27-го...

27 октября 2008 года проходит заседание правительства РФ под руководством

В.Путина, посвящённое не чему-нибудь, а (в существенной части, как минимум) именно плану-2020, который так специфически охарактеризован сначала (22 октября) в интервью Ростовского и Юргенса, а потом (28 октября) в статье «У президента своя «Стратегия»».

Случайные совпадения? А то, что сначала Ремчуков, а потом Юргенс говорят о реформистской оттепели и борьбе с контрреформистскими силами — это тоже случайное совпадение?

Мелочь #3 называется «игра вокруг изменения даты оглашения президентского Послания». Сообщаю читателю только информацию, опубликованную серьёзными источниками.

15 октября 2008 года Д.Медведев заявил на заседании президентского совета по нау-

ке, что оглашение Послания Федеральному собранию состоится достаточно скоро.

Газета «Ведомости» сообщала: за неделю до намеченного срока сотрудники администрации президента неофициально оповестили сенаторов, депутатов и правительственных чиновников, что оглашение состоится 23 октября.

20 октября, по данным газеты «Коммерсант», правительственным чиновникам класса А (в том числе вице-премьерам) были разосланы официальные приглашения на 23 октября. Приглашённые скорректировали свои графики, а заседание правительства было перенесено с 23 на 27 октября.

21 октября выступление президента было отложено на неопределённый срок. Пресс-секретарь Медведева Н.Тимакова сообщила «Коммерсанту», что «президент лично редак-

тирует послание, ежедневно вносит в него коррективы в связи с меняющейся ситуацией в мире».

Что в мире произошло такого в ночь с 20 на 21 октября, что до произошедшего нужен был один текст Послания, а после произошедшего — другой, при том, что Д.Медведев не собирался говорить о мировом кризисе? Но и внутри мирового кризиса ничего за одну ночь не произошло. Так стремительно могут разворачиваться только внутриполитические события (борьба околовластных групп, конфликты другого рода).

23 октября Послание не прозвучало.

В тот же день вечером Д.Медведев выступил с записью в видеоблоге.

Если он решил в корне переработать Послание в связи с новой ситуацией — то зачем выступление в видеоблоге? Ува-

жаю Интернет. Но Д.Медведев не президент интернет-сообщества, а президент России. Противопоставлять «обинтернеченный» электорат «необинтернеченному» более чем опасно. Если до выступления на видеоблоге часть журналистов ещё считала, что в отмене зачтения Послания нет политической интриги, то после выступления на видеоблоге все сказали: «Интрига есть».

27 октября первый вице-премьер И.Шувалов заявил журналистам, что президент занимается Посланием лично, а огласит, «когда оно будет в таком виде, что он сможет его представить Федеральному собранию».

К 27 октября, если верить И.Шувалову, Послание не было в таком виде, что его можно было представить Федеральному собранию. Тем более, оно не было в таком виде 20

октября. Но 20 октября его решили представить. А 21-го отменили решение...

Есть в стране кризис или нет... Не хочу здесь это обсуждать. Но то, что страна на нервах, всем очевидно. И зачем тогда фальстарт, усугубляющий нервотрёпку?

Для справки: в период президентства Путина был случай, когда оглашение Послания было отложено на один день — в 2007 году из-за похорон Б.Н.Ельцина.

29 октября пресс-служба президента РФ официально сообщила, что Послание будет оглашено 5 ноября.

Уверен, что президент РФ Д.Медведев выступит 5 ноября с убедительным Посланием, отвечающим содержанию нынешней ситуации и перспективам на будущее.

Но произошедший сбой тянет на ещё одну, вполне автономную и небезопасную, мелочь.

Особенно с учётом того, как именно этот сбой обсуждается. А не обсуждаться ведь он не может.

Мы уже рассмотрели разводку «Независимой газеты» (от 28 октября 2008 года): мол, «учёные боятся» впутываться в конфликт и так далее.

А вот что та же газета говорит в тот же день по поводу рассматриваемого нами сбоя (И.Родин, «Послание-2008: два в одном»):

«...Как сообщают разнообразные источники на Охотном Ряду, Медведев отказался от организации соответствующего мероприятия на прошлой неделе исключительно потому, что его не устроил состав разработчиков документа. Якобы не все медведевские люди получили допуск к подготовке текста Послания, а потому президент вроде как и отверг его в це-

лом».

А кто формировал состав разработчиков документа? Не Медведев? А кто? Ведь это уже не разводка одних учёных с другими и одной программы с другой (а также политических субъектов). Теперь газета утверждает, что президент Медведев не субъектен (не контролирует состав спичрайтеров и интеллектуальных консультантов, допущенных к подготовке его ГЛАВНОГО документа)! Что он в последний момент (почему в последний?) обнаруживает, что кого-то не допустили, и потому отменяет объявленное выступление в условиях, которые ну уж никак нельзя назвать безмятежными.

Я мог бы перечислять другие мелочи. И я хочу верить, что все эти мелочи в итоге не обернутся никакими дополнительными нагрузками на политическую систему, нахо-

дящуюся в весьма специфическом состоянии. Но не обратить на мелочи внимание было бы аналитически непростительным.

В общем контексте перечисленных «мелочей» интервью (а я так считаю, что манифест) И.Юргенса, согласитесь, требует особого внимания. А ну, как политический процесс и впрямь переходит из ламинарного в турбулентное состояние?

Ещё раз сказав «да не будет так!», займёмся более тщательным рассмотрением высказываний лица, отрекомендованного как «близкое государю-императору», лица, явно желающего быть провозвестником реформаторства.

Что ж, история российских реформ весьма поучительна. И при реальных императорах были близкие к ним реформаторски настроенные особы. Одна из ярчайших — Спе-

ранский. Не хочу проводить никаких параллелей. Хочу лишь сказать, что «государь-император» — это «государь-император». А «лицо, близкое» — это всего лишь «лицо, близкое», и не более. Оговорив же это — займусь не лицами (близкими и не очень), а процессами. Конкретно — теми биениями между реформами и контрреформами, которые мы уже обсуждали, и которые кое-кто (прежде всего, А.Янов) пытается выдавать за циклы российской истории.

Никогда — подчеркну ещё раз — реформизм не оформлялся при действующем, сохраняющем позиции контрреформаторе. А значит — либо всё как-то и впрямь рассосётся, во что хочется верить (но зачем такое накапливать?), либо эксцесс будет больше, чем когда бы то ни было. И включать он будет в себя всё сразу: разоблачение культа личности, ан-

типартийных групп, возврат к чистоте ленинизма (прошу прощения — ельцинизма), реабилитацию жертв репрессий, разрядку международной напряжённости... если тут ещё и покаяние-2... тогда с приветом от перестройки. Второй и последней.

Ещё раз подчеркну: Я НЕ ГОВОРЮ, ЧТО ТАК БУДЕТ, Я ГОВОРЮ, ЧТО ТАК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ. ЧТО СТРАНА ЭТОГО НЕ ВЫДЕРЖИТ. НЕ ТОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, НО И СТРАНА.

34

4 ноября 2008 года Барак Хуссейн Обама стал президентом США.

5 ноября 2008 года президент РФ Д.Медведев выступил с очень важным Посланием Федеральному собранию.

7 ноября 2008 года М.Ходорковский опубликовал явным образом альтернативный Посланию Медведева манифест.

Начну с Послания Медведева.

Оно состоит их трёх равновеликих частей.

Одна — внешнеполитическая. В ней заявлена позиция, которую я уже охарактеризовал как «$И_+$» («равняйсь», в терминологии М.Ростовского).

Другая — внутриполитическая. В ней заявлена позиция «$И_-$» («мирно», в терминологии М.Ростовского).

Есть ещё и третья, практическая, часть (на какой срок кого будем выбирать и так далее). Об этом — потом. А сейчас о главном. О том, как Д.Медведев понимает, кто мы такие (в моей терминологии — «$И_-$»). И как он понимает, что мы будем с «ними» делать, если «они» нас тронут (в моей терминологии — «$И_+$»).

Проще всего сказать: «Поддерживаю «$И_+$» (решительность в отпоре «их» посягательству на наши национальные интересы) и не поддерживаю «$И_-$» (уподобление «нас»

«им» в вопросе о ценностях)».

Но в том-то и дело, что нет двух разных «И», а есть уже описанное мною биение:

$$И = И_0 \times \frac{\sin \omega t^2}{t - t_k}$$

Мы И бросаем «им» жёсткий конкретный вызов («$И_+$», оно же «равняйсь»), И столь же жёстко деисториософизируемся («$И_-$», оно же «мирно»). Что такое деисториософизация? Это констатация того, что «мы» являемся субъектом, который порочным образом хотел быть историософской альтернативой «им», но в последние 15 лет образумился и стал «им» ускоренно уподобляться. Признаем это и капитулируем перед «ними»? ОТНЮДЬ!

Деисториософизируясь («$И_-$»), мы одновременно наращиваем резкость нашего отпо-

ра «их» попыткам нас умалить («$И_+$»).

Тем самым деисториософизация не позволяет нам вести с «ними» холодную войну (ведь нет расхождения ценностей и идеалов), но отнюдь не исключает (а в чём-то даже предполагает) возможность ведения войны горячей в качестве ответа на ущемление «ими» наших интересов. «$И_+$», предъявленное в Послании Д.Медведева, уже вызвало беспрецедентный международный скандал. Как гражданин страны и представитель определённого течения в общественно-политической мысли, я полностью поддерживаю президента в этом самом «$И_+$». Но с деисториософизацией-то как быть? «$И_+$», «$И_-$», «$И_-$», «$И_+$»... Биения...

Медведевское «$И_+$» слагается из оценки США как амбициозно-агрессивного зарвавшегося субъекта и предложений по оса-

живанию наглеца, предписывающего что-то остальному миру. Для осаживания наглеца (в случае, если он будет наглеть) президент РФ предлагает вполне конкретные и очень жёсткие меры. Мы воздерживаемся (в этом случае) от снятия с боевого дежурства трёх полков ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске. Для нейтрализации американской системы ПРО мы (опять-таки — в этом случае) развёртываем в Калининградской области ракетный комплекс «Искандер». А также предусматриваем использование в этих целях ресурса ВМФ России. С территории Калининградской области мы (вновь — лишь в этом случае) будем осуществлять радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО США.

Ну, а теперь об «И_».

Вот как характеризует президент

Д.Медведев соотношение между новой и старой Россией:

«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем — как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков. И хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: «Прежде всего, надлежит создать гражданина и когда задача эта будет осуществлена — гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот»».

Возникает сразу несколько вопросов (точнее, «вопросительных замечаний»).

Вопрос #1. Сказать, что в России на протяжении веков ГОСПОДСТВОВАЛ некий нехороший культ государства, можно, только если где-то этот культ НЕ ГОСПОДСТВОВАЛ. Где? Ежу ясно, что на Западе. Не в Китае же и не в Африке.

Вопрос #2. Утверждение о том, что на Западе на протяжении веков господствовал хороший культ, а в России плохой — оригинально? Никоим образом. Это классическое западническое либеральное утверждение о порочном культе государственности в России. Только начни цитировать предтеч — и окажется, что вполне патриотичный лидер попадает в совсем чужую ему компанию. Включающую много кого — вплоть до В.И.Новодворской.

Вопрос #3. Что такое порочный культ государства и мнимой мудрости административного аппарата? Он ведь не гидропоника (культ отдельно, народ отдельно). Гидропоника не проживёт и года. А тут столетия. Да какие! Создаётся огромное государство, побеждающее Наполеона и Гитлера... Нет уж — или-или.

Или есть сверхсложная историософски обусловленная система (наша судьба, наше предназначение, наша миссия, наконец), выковыривать из которой негативы — бессмысленно. Система, ценная вообще и особо ценная в условиях формирующегося всемирного тупика... Или... или мы историософские банкроты, поклонники порочного многовекового культа государственности. Но тогда всё по Чаадаеву... Мы — прискорбный урок для человечества, ходячее историософ-

ское заблуждение. Со всеми, так сказать, вытекающими. . .

Заблуждение — штука страшная. Породило оно в нас, упорствующих столетиями, — социальные, культурные и прочие ПАТОЛОГЕМЫ, от которых теперь избавляться надо.

ТАКОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ И ЕСТЬ ДЕИСТОРИОСОФИЗАЦИЯ.

Вопрос #4. Но заблуждение-то откуда взялось? Для одних (мягких деисториософизаторов) его навязали нам чужаки, заразившие нас этой тяжёлой болезнью. Для других (жёстких деисториософизаторов) народец наш — монстр. И нечего на чужаков пенять (кстати, раз речь идёт о столетиях, то чужаки, как понимаем, самые разные).

Демократия для монстра? Для тяжёлого больного? Помилуйте! Деисториософизация с демократией несовместима. Как несовмести-

ма она и с духовным суверенитетом. Суверенитет чего? Историософского заблуждения? А как без духовного суверенитета отстаивать политический?

Ссылается наш президент на Столыпина. А кто такой Столыпин? Непорочный министр в порочном государстве, исповедующем порочный культ?

Кстати, приведённая Д.Медведевым фраза Столыпина адресует к весьма проблематичному и совершенно антидемократическому (а не наоборот) методу — социальному конструированию. Сначала царизм, передоверившись русскому Бонапарту, позволит ему сконструировать гражданина (читай — кулака), потом передаст вожжи в руки Бонапарта (Петра Аркадьевича), а потом... будет суп с котом. Возможно, демократическим.

Французский Бонапарт преуспел потому,

что, в отличие от Столыпина, опирался на восходящий исторический поток, рождённый Французской революцией. И граждан он не конструировал, а получил в качестве исторического дара. Со Сталиным было то же самое. Пётр I — вот пример российского успешного социального конструирования. Но Пётр не проклинал столетия культа государства, а возвёл этот культ в бесконечную степень. И потому его революция сверху стала революцией развития. Только потому!

Есть государство, и оно сверху хочет создать граждан. До конца лояльный гражданин — это просто подданный. Значит, нужен не вполне лояльный гражданин. А что значит не вполне лояльный? В нём нет нового исторического всеобщего содержания, которое есть у гражданина, совершающего великую революцию. У «гражданина для революции»

есть и абсолютная нелояльность к наличному государству, и нечастная страсть, сулящая новое государство. А вот у гражданина, конструируемого сверху, такой нечастной страсти — нет. У него есть страсть только частная — в ней он чуть-чуть не подданный, за счёт неё он не вполне лоялен, но не более того. Так вот именно частная страсть, страсть-ублюдок, как раз и достаточна для того, чтобы старое государство разрушить, а новое не создать.

Столыпин — охранитель, а Пётр — революционер на троне. Пётр мог разбудить большую страсть и одновременно по-крупному усмирить её, приумножая культ государства. Столыпин был просто охранителем. И потому мог разбудить только мелкую страсть, недостаточную для нового государственного строительства. Да он о нём и не мечтал. Ко-

гда же оказалось, что мелкая страсть чревата понятно чем, его отозвали. А Горбачёва не отозвали. И разбуженная им мелкая страсть пошла вразнос.

Рецепт очистительной революции сверху — большая страсть и готовность резко усиливать, а не ослаблять культ государства. Тогда революция сверху может быть революцией развития. В любом другом случае — это перестройка, то есть деструкция. Революция снизу, неся в себе большую страсть, рождает настоящего Бонапарта и не приводит к деструкции.

А эта верхушечная игра в условного гражданина... Она опаснее всего.

Ельцин ведь тоже, озверев от бюрократизации, поиграл под конец в «гражданина-олигарха» (других граждан бывший секретарь обкома не обнаружил). Но понял абсо-

лютную разрушительность этой игры и для государства, и для себя лично. Так появился Путин, укрепивший условный квазибонапартизм, рождённый Ельциным в 1993 году. Подлинным бонапартизмом тот бонапартизм не стал. Да и путинский тоже. Исторической страсти на это не хватило. Всего-то ведь был в основе взбудораженный Горбачёвым квази-гражданский, частно-мелкотравчатый контингент.

Революция сверху как апелляция к большой, отнюдь не частной, страсти своего актива — и резкое укрепление государственности. Или это — или перестройка-2.

Вопрос #5. Д.Медведев говорит о СТОЛЕТИЯХ этого самого порочного культа? За это уцепятся. Когда конкретно возобладал порочный культ? При каком царе? Порочно царство? Империя? Если империя, то День

народного Единства — это день фактического зачатия романовской империи. И что мы празднуем? А если царство... В любом случае — поверьте опытным людям — власти не поздоровится. Медведеву же в первую очередь.

Вопрос #6. Д.Медведев одновременно с утверждением, которое я развёрнуто анализирую, заявил (цитата): *«Наш народ духовно и нравственно богат. Нам есть, чем гордиться, есть, что любить».*

Полностью солидаризируюсь с этим утверждением. Но нельзя проводить деисториософизацию («$И_{-}$») и говорить о духовном богатстве народа («$И_{+}$»). Ведь в этом случае неминуем вопрос: ЧЕМ духовно и нравственно богат народ, создавший порочный культ государства и сформированный этим порочным культом? Очевидное отсутствие ответа

на подобный вопрос породит серьёзнейшие политические последствия.

Вопрос #7. Д.Медведев, говоря об ужасе культа государства, господствовавшего на протяжении веков, ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ И ИМЕННО ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ этому ужасу СТАРОГО государства — благость государства НОВОГО. Мы имели порочный культ на протяжении веков и (цитата) *«ПОЭТОМУ принятие в 1993 году Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность — стало беспрецедентным событием в истории российской нации».*

Вы понимаете? БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫМ СОБЫТИЕМ!

За всю нашу тысячелетнюю историю самое беспрецедентно позитивное — это ельцин-

ская Конституция! Меньше всего хочу дискредитировать нынешнюю Конституцию. Не хватало только добить ещё и её. Но чем выше её возносят, тем для неё это опаснее. Даже не хочу подробно рассуждать, почему. Это так очевидно. Покажут пальбу по Белому дому, референдум «да-да-нет-да» и спросят: «Это то беспрецедентно позитивное, что противостоит предшествующему историософскому заблуждению?»

Вопрос #8. На минутку предположим, что мы и впрямь перешли в 1993 году историософскую черту (чего, безусловно, не было) и разорвали на бумаге (Конституция — это разрыв на бумаге) с порочным культом, господствовавшим столетиями. Как должен был бы оформляться переход от разрыва на бумаге к разрыву на деле?

Порочная практика, осуществляемая сто-

летиями, не может выкорчёвываться даже самым умным и судьбоносным правовым документом.

Мало Конституции, нужен субъект, который день за днём, месяц за месяцем, год за годом будет выкорчёвывать въевшуюся в плоть и кровь порочную практику. Субъект этот должен существовать автономно от государства и как некая его антитеза. Ну, так — представьте себе — и возник подобный субъект в 90-е годы. Его можно назвать «граждане-олигархи». Ельцин за этих граждан ухватился в 1996 году, поняв, что бюрократия пробуксовывает. А граждане-олигархи принялись выкорчёвывать порочный культ государственности — вместе с самой государственностью. И очень лихо.

Довыкорчевывались до катастрофического государственного кризиса 1998–1999 годов.

Окончательный триумф граждан-олигархов означал очередной развал страны. Путин этого не допустил. И стал корчевать корчевателей. Государство было спасено, а выкорчевываемый гражданами порочный культ... При Путине бюрократия (которую уничтожить можно только вместе с государством) усилилась, её реальные антагонисты (олигархия и криминалитет) признали это усиление и стали играть по новым правилам.

Культ, знаете ли, не Конституцией руководствуется. Вы ему хучь американскую, хучь французскую. А уж ельцинскую... «А Васька слушает да ест». И что прикажете делать? Бюрократию снова уничтожать? Как? Вместе с государством? Культ снова выкорчёвывать — чьими руками? Граждан-олигархов? Тех самых, которых Путин приструнил? «У меня для вас других выкорчевы-

вателей нэт». А эти выкорчёвывают прежде всего государство, а уж потом какой-то там культ. Им государство распилить надо, а не на культ разменяться. И распилить его им надо побыстрее.

Совершенно согласен с президентом Медведевым в том, что государство — это средство и только средство. Вопрос лишь — чьё средство и средство чего.

Государство — это средство, с помощью которого народ длит и развивает своё историческое предназначение. Где деисториософизация — там нет исторического предназначения, а значит, нет и народа. Но чьё тогда средство государство? И средство чего?

Д.Медведев отвечает: *«Сильное государство и всесильная бюрократия — это не одно и то же. Первое нужно гражданскому обществу как инструмент разви-*

тия и поддержания порядка. Для защиты и укрепления демократических институтов. Вторая — смертельно опасна для него» (по тексту понятно, что гражданского общества — С.К.).

Итак, государство — это средство, находящееся в руках гражданского общества и используемое им...

Но Кремль не Высшая школа экономики. И не РГГУ. Пусть они грезят — а Кремлю надо что-то делать с «классом 0,5», иначе он с Кремлём что-нибудь сделает.

Что же касается гражданина...

Гражданин — понятие, меняющееся в зависимости от исторической эпохи. Есть гражданин античного полиса. Так он без рабов ни тпру ни ну. Сообщество граждан античного полиса — это гражданское общество? А кто рабы?

Существует представление, сформировавшееся в XVIII–XIX вв., согласно которому есть государство — и гражданское общество как сфера, охватывающаяся всё многообразие социальных связей, лежащих между индивидом и государством. Но ведь ещё надо знать, каково это многообразие. И что оно думает насчёт государства. Мы передадим ему в руки государство — и что оно с ним будет делать? А ну как срочно распиливать? И почему это оно должно что-то делать с государством, а не государство с ним? Гегель, например, считал, что государство должно руководить гражданским обществом, а не наоборот.

А ещё есть представление о гражданском обществе как совокупности всех сообществ. Общества любителей рыбной ловли и эсперанто будут использовать государство для обеспечения порядка и развития в усло-

виях дебюрократизации и деисториософизации? «И$_+$», потом «И$_-$», потом «И$_-$», и так далее.

Аристотель, Локк, Фергюсон, Мэдисон и так далее — все понимали гражданское общество по-своему. Для Мэдисона гражданское общество — гарантия от тирании (в нашем контексте читайте — от тирании Медведева). Для Локка гражданское общество — это система неприродных сообществ (семья — это для него природное сообщество, а вот другие сообщества — это политическое, гражданское общество).

Всё это хорошо для умного разговора и не имеет отношения к реальной политике. Что же имеет отношение? То, что для ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫХ И ВЕСЬМА ВЛИЯТЕЛЬНЫХ СИЛ гражданское общество — это антагонист государства и его могильщик. При-

чём эти, повторяю, ОЧЕНЬ КОНКРЕТНЫЕ И ВЕСЬМА ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ интересует не любое государство, а государство, представляющее опасность. И, соответственно, они (Сорос прежде всего, но не только) вплотную занимаются гражданским обществом.

Но может быть, гражданское общество следует вырвать из их рук и передать в руки подлинных ревнителей государства? Внимательный исторический анализ показывает, что только в очень специфичной англосаксонской культуре, от которой мы особо далеки, выработаны какие-то (тончайшие и деликатнейшие) механизмы сотрудничества государства и гражданского общества. Причём в критической ситуации эти механизмы ломаются.

В любой другой культуре гражданское общество — это или фантом, или враг государ-

ства. Не бюрократии, а государства. И в этом смысле инструмент в очень определённых руках. И в чём такая ценность этого самого гражданского общества? Ведь соответствующий контингент пытается доказать, что без гражданского общества страна существовать не может, и ссылается на всю мудрость мира, которая якобы солидарна в этом вопросе. На самом деле никакой такой солидарности нет и в помине.

Для Канта гражданское общество — это этап в движении к «обществу граждан мира». Для Гегеля гражданское общество — момент в историческом развитии, который уже преодолён (снят) в форме прусского государства. Маркс считал, что гражданское общество — это буржуазия и только. А использование государства гражданским обществом как своего средства — это просто обнажение классо-

вой природы явления, то есть того, что государство в эпоху буржуазии — это государство, которое служит интересам буржуазии. Он, кстати, имел для этого далеко не только лингвистические основания (bürgerlich — это и «буржуазный», и «гражданский»).

Сейчас всё в большей степени становится ясно, что Маркс был прав.

Но бог с ними, с Марксом, Кантом, Гегелем, Мэдисоном, Локком и Аристотелем. Это всё теория, практикой будет Сорос. Д.Медведев в других местах своего Послания говорит Соросу и оранжевым «цыц», а тут... «$И_+$», «$И_-$», «$И_-$», «$И_+$». «Bürgerlich»? Ради бога! Если нашему «bürgerlich» как классу нужно государство в качестве средства самоутверждения в мире, если оно ему нужно дозарезу, если оно любимо им, то пусть оно его делает и им пользуется. Но это как суп из

топора. Нельзя сделать государство (никакое вообще, а сильное и великое тем более), не выполнив сотни условий. Притом, что на сегодняшний день в России не выполнено ни одно из этих условий. И Послание Медведева, увы, не приближает нас к пониманию того, будут ли условия выполнены, и что для этого сделает власть. Ответственная отнюдь не только перед «bürgerlich», не правда ли?

Государь (не государь-император, по М.Ростовскому, а просто законно избранный глава государства) не может передать государство в качестве средства «классу 0,5». Он может либо создать другой класс, либо отделить этот класс от государства. Так что мы делаем с капитализмом в России?

Мы преобразуем «0,5» во что-то другое? Мы отсекаем от совокупного «bürgerlich» его нездоровую часть, она же «0,5»? Мы предель-

но дистанцируем «0,5» от государства? Или мы, как считает Юргенс, подчиняем государство интересам «0,5»?

Но тогда причём тут «Искандеры» в Калининградской области??? А главное, что мы всё-таки делаем? Сейчас, пока не поздно, до лета 2009 года?

Дополнительно к уже сказанному берусь с цифрами на руках доказать, что по всем сколько-нибудь реальным критериям в нынешней России гражданское общество системно замещено криминалитетом. Власть, называя бюрократию смертельным врагом ОТСУТСТВУЮЩЕГО (и что ещё хуже — СИСТЕМНО ЗАМЕЩАЕМОГО КРИМИНАЛИТЕТОМ) гражданского общества, на что обрекает страну?

Д.Медведев говорит, что бюрократия должна помнить своё место и не «кошма-

рить» бизнес?

Кто-то ждёт, что я ему в пику заору: «Должна «кошмарить»! Должна!»? Не дождётесь! Я вовсе не призываю бюрократию «кошмарить» этот самый бизнес. Я хочу знать — это «бизнес 0,5» или другой бизнес? И даже если это «бизнес 0,5», дело не в том, чтобы его «кошмарить», то есть побуждать делиться с «бюрократией 0,5». Дело в том, чтобы решать больную «проблему 0,5», понимая, что если ты не решишь её, она порешит тебя.

Решать можно по-разному — мягко, жёстко. Всегда желательно решать мягко, но главное — решать эффективно, не прячась от живых мучительнейших проблем в утопию гражданского общества, сооружённую «академишн», чей «несоросовский» настрой надо, извините, ещё доказать.

Но разве нет очевидной для всех омерзительной и губительной бюрократическо-воровской оргии?

Есть. Но только бороться с ней надо соразмерно проблеме. А у нас проблема сама по себе, а борьба сама по себе.

Борьба — это когда какое-то семейство Двулучанских (генерал-отец и сын) бичуют за эту самую оргию. Семья и впрямь из госсредств себе добыла кредит, если считать в долларах, почти в 7 миллионов.

А проблема — это когда 130 тысяч семей военнослужащих не получают квартиры. Я не хочу сказать, что квартира стоит миллион долларов. Но даже если она стоит 100 тысяч долларов (а это не так), то кто-то украл 13 миллиардов долларов, а не 7 миллионов. И до тех пор, пока «академишн» будут упражняться в абстрактных этюдах на тему о граждан-

ском обществе, легко превращаемых в конкретные «оранжевые» этюды, — 13 миллиардов будут сами по себе, а борьба останется «приколом» по поводу 7 миллионов, то есть 0,05% искомой суммы.

Вор — бюрократия? Да! Надо бороться? Да! Но бороться или «прикалываться»?

Политический подход к реальной борьбе таков.

Класс и народ строят государство.

Фетишизация государства (а о ней, по сути, говорит Д.Медведев в своих порицаниях порочного культа, столетиями господствовавшего у нас) и впрямь означает, что класс как субъект, народ как субстанция, история как Содержание попадают в капкан Формы (то есть бюрократии), освободившейся от своего Содержания, а не выражающей его. Иногда же — и уничтожающей Содержание (превра-

щённая Форма).

Превращение — это когда Минобороны начинает уничтожать оборону, Минобразования — образование, и так далее. И это — «кранты».

Что делать власти, если она подобное уловила? Поглаживать по головке превращённую Форму? Ни в коем случае.

Власть, отвечая за Содержание, должна в этом случае адресоваться к субъекту, субстанции и истории — то есть к классу, народу и историческому предназначению (укоренённому в традиции, с которой воевать нельзя, плюс устремлённому в будущее). В рамках ЭТОЙ адресации МОЖНО преодолевать бюрократическое превращение.

Но на кой ляд тогда в Послании перечеркнули традицию (если столетиями господствовал порочный культ — какая традиция)? И

почему нет будущего? Ходорковский лепечет о том, что мы стоим на пороге смены парадигмы мирового развития, и тут же комически саморазоблачается, называя эту смену парадигмальности концом эпохи Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Вот уж эпоха-то! Но если бы не этот курьёз, то получилось бы, что в Послании о новой исторической эпохе и кризисе как именно её провозвестнике ни слова — а Ходорковский-то о-го-го! Аж новая парадигма!

На самом деле, и кризис (который сгладится, а потом опять обострится), и многое другое — это начало общемировой катастрофы, являющейся наказанием за распад СССР и метафизические слагаемые этого распада (крах коммунизма как отказ от истории). Это навязанный нам и миру историософский крах. Не преодолеем мы его — миру конец и

нам тоже.

Преодолеть — не значит скопировать то, что рухнуло. Но это значит ревальвировать свою историософию, а не девальвировать её. Деисториософизация — это предельная девальвация. «Искандеры» в качестве «$И_+$» не скомпенсируют такое «$И_-$», а биения к хорошему не приведут. В конце концов, дело же не в том, чтобы любой ценой развязать ядерную войну, а в том, чтобы избежать войны и сохранить Родину. Но в условиях деисториософизации подобное невозможно.

Россия нужна миру не как историософский капитулянт, а как историко-культурная личность, обращённая в будущее. А мы миру... Нате вам, гражданское общество... То бишь бифштекс «0,5» под соусом «оранжи», приготовленный на кухне мистера Сороса.

Преувеличение? Помилуйте! Против Рос-

сии ведётся реальная финансовая война. Прочитайте незамыленным взглядом интервью Юргенса и... подымайте брошенную перчатку «0,5». Не прячьтесь в умствования по неуместному гражданскому поводу. Речь идёт о политической и социальной стабильности в апреле-мае 2009 года, о судьбе власти, судьбе страны.

Владимир Путин 31 октября на совещании по экономическим вопросам сказал по поводу антикризисных мер: *«Все эти меры будут работать только в том случае, если мы перекроем спекулятивный отток капитала из России».* Полностью поддерживаю в этом премьер-министра. Но спрашиваю: КАК мы этот поток перекроем? Пресса это путинское высказывание ВИРТУОЗНО проигнорировала, обрезав цитату. Подчёркиваю — ВСЯ пресса (к вопросу о гражданском

обществе, «bürgerlich» и так далее).

Но как же, всё-таки, перекрывать поток, являющийся, как я уже показал, «потоком 0,5»? Это можно делать двумя способами — капитулируя или совсем иначе. Иначе это делал не только Сталин, но и Рузвельт. И мы точно знаем, как. По беспощадности методы перекрытия были вполне сопоставимы со сталинскими. Они были изящнее, но не более того.

Ну, хорошо, ни Сталин, ни Рузвельт нам не урок. Но перекрывать-то как-то надо! И вот Юргенс предлагает перекрыть этот «поток 0,5», капитулируя. Это отвратительно и бесперспективно. Мы, затаив дыхание, ждём, что скажет Медведев.

Он, в отличие от Юргенса, не капитулирует (отнюдь!!!), но и поток не перекрывает. По сути — это равнозначно тому, чтобы открыть

загон и кинуть в сонное ещё стадо «0,5»... нет, не гранату Ф-1, но солиднейший взрыв-пакет.

Медведев вытирает ноги о юргенсовские рекомендации (и слава богу). Медведев очень сильно напрягает отношения с Западом (смотри многочисленные отклики на его Послание, сравнимые только с откликами на мюнхенскую речь Путина) — и слава богу. Но что с «0,5»? После такого Послания капиталы «класса 0,5» должны побежать из страны уже не рысью, а галопом. «The Financial Times» тут же на это реагирует а-ля Юргенс: *«...хотя президент пообещал провести демократические реформы, своей вчерашней речью он стёр значительную часть роста на московских рынках ценных бумаг, котировки которых с 24 октября поднялись на 50%. Медведеву стоило бы*

следить за реакцией рынка, так как появляется всё больше уверенности в том, что БРАВАДА РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ окажется сломленной её слабеющими экономическими позициями».

Эта фраза про браваду, которая будет сломлена, видит бог, достойна самого пристального внимания всего политического руководства страны. Оно ведь не хочет быть сломленным, не правда ли? Или хочет? Но оно БУДЕТ сломлено, если не решить проблемы «0,5» и «150». Рассуждениями о гражданском обществе эти проблемы решить нельзя, их можно только усугубить.

Спросят: «А бюрократия? Она не продаст государство?»

Отвечаю. Бюрократия «0,5» — такая же предательница, как и «олигархия 0,5». Что

касается любой обычной — даже грязной — бюрократии, то она, конечно, сгноит государство, но не сразу. И мало ли что за это время подрастёт в контрэлите, народном андеграунде. «Ты что предпочитаешь — сразу умереть или помучиться?», — спрашивает Абдулла Сухова. «Лучше помучиться», — отвечает Сухов. И если мы верим, что наш народ это всё же Сухов (а не дистрофик, которого и впрямь гуманней убить сразу, чем долго мучить), то мы ответим, как Сухов. Я, по крайней мере, отвечаю так.

Мои американские респонденты предупреждают: вопрос о полном освобождении России от ядерного оружия обсуждается людьми Обамы гораздо более оживлённо, чем людьми Буша. Этот вопрос уже ставился в повестку дня нашей «гражданственной» антибюрократической олигархией предпутинской и ранне-

путинской эпохи. Называлась даже цена, за которую эта олигархия готова «слить термояд» (помнится, речь шла о сотнях миллиардов долларов). Вернуться к такому решению — мечта люмпен-олигархии. И она будет искать поддержки у иного люмпена, многоликого и многочисленного. Все, кто по другую сторону, должны быть вместе.

Не бюрократия против граждан, и не граждане против бюрократии, а контрэлита и народ против люмпен-олигархии, люмпен-бюрократии и прочего люмпена — вот главный лозунг эпохи.

В таких условиях правильная апелляция к ценностям решает всё. И что же?

Возьмите любую ценность, предъявленную в Послании Д.Медведева. И спросите себя: «С чего тот, кто всерьёз воспримет именно эти ценности, станет отказываться от проекта

«Россия как новый Техас в составе США»?»

Честность судов, ответственность руководителей, политическое равноправие... Всё это энергично заявлено, от души. И... вполне совместимо с вышеназванным проектом. А дальше... как будто кто-то к каждому энергичному заявлению о приоритете частного над общим в полусне дописывает: а ещё народ, а ещё нация... «Хочу, чтобы У МЕНЯ всё было хорошо, а ещё чтоб и того... нация... Ну, а если не будет нации, так и... Частное-то всё-таки главное».

Частное должно возобладать над общим? И ТОГДА появится гражданин? ТОГДА гражданин умрёт. Гражданин — это только тот, для кого общее важнее частного. Тот, кто без этого общего (Родина, исторический смысл), обладая любым частным, сойдёт с ума или повесится. Вот такой гражданин —

и будет защищать Родину. Но он не подпишется под ценности, в которых что Россия, что новый Техас в составе США.

Семейные ценности... Любовь и верность унд «bürgerlich» унд К.Собчак на гостелевидении. Кто-то, наверное, поверил Локку? Решил, что семья относится к природному состоянию? Не верьте, семья — не прайд.

«Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, — и уж ясны
Заветы тёмной старины...».

Есть эти соединённые два-три звена — есть заветы и есть семья. Сочетаемо ли соединение звеньев с деисториософизацией? Конечно, нет.

35

Есть ценности, несовместимые с потерей суверенитета.

И есть ценности, совместимые с потерей суверенитета.

Пример ценности, совместимой с потерей суверенитета: бедная женщина, живущая в древней Галлии, страстно любит своего ребёнка. Цезарь завоёвывает Галлию. Геноцида не устраивает. Бедная галльская женщина может так же страстно любить своего ребён-

ка, подчиняясь власти Цезаря. Жить ей при Цезаре никак не хуже (было — хуже некуда), а в чём-то и лучше (гнёт верхов становится более упорядоченным)...

Историософия — она и только она — формирует ценности, несовместимые с потерей суверенитета. А деисториософизация разрушает эти ценности. И гипертрофирует другие, совместимые с потерей суверенитета (они же — общечеловеческие ценности, к которым постоянно апеллировал М.С.Горбачёв в ходе перестройки).

Защищать суверенитет, опираясь на ценности, совместимые с потерей суверенитета, нельзя.

В Послании Д.Медведева упомянуто много таких ценностей. Какие же ценности, несовместимые с потерей суверенитета, там упомянуты?

Патриотизм.

В Послании сказано: *«При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее, в любых обстоятельствах, всегда — вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре».*

Сказанное обладает тонкой структурой, каждый элемент которой должен быть проверен на совместимость (или несовместимость) с потерей суверенитета.

Элемент #1 — ПРИВЯЗАННОСТЬ К РОДНОМУ КРАЮ.

«То берёзка, то рябина,
Куст ракиты над рекой:
Край родной, навек любимый,
Где найдёшь ещё такой?»

Элемент #2 — ПРИВЯЗАННОСТЬ К

НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ КУЛЬТУРЕ.

Привязанность... В песне о берёзке и рябине сказано о любви, причём о любви навек! О привязанности к супруге — когда говорят? Когда признаётся — в качестве слишком уж очевидного обстоятельства — отсутствие любви как сильного и горячего чувства. Но надо оговорить наличие какого-то другого чувства — более слабого и холодного. Его-то и называют привязанностью, не правда ли?

Но предположим даже, что к краю и к нашей великой культуре не привязаны, что их любят навек. Ну, есть у вас сильное и страстное чувство по отношению к природе (Цветаева про куст рябины писала), языку, культуре...

Но для формирования ценностей, несовместимых с потерей суверенитета, нужно такое же чувство, имеющее другой адресат. Нужна

любовь к исторической личности.

Давайте всё же признаем очевидное — люди, влюблённые в родную природу и родную культуру, шли под гитлеровскими знамёнами, понимая, что Россия не будет суверенна под властью Гитлера. А почему они шли под этими знамёнами? Потому что, любя природу и культуру, они ненавидели историческую личность — «Совдепию». Эмиграция раскололась по отношению к исторической личности. Те, кто хотел спасти свою любовь к исторической личности, а не к природе, культуре и языку, начали искать в Октябрьской революции великий исторический смысл. И, найдя его, тут же стали отстаивать суверенитет новой России, ибо за новой — есть вечная. Это они стали кричать: «Руки прочь от России — пусть и красной! Всё равно это бесконечно любимая историческая личность, по сути, та

же личность! Великий смысл остался!»

А другие? Другие сказали, что смысл «был да сплыл». Что можно любить язык, природу, культуру, а эту новую историческую личность можно лишь бесконечно ненавидеть и презирать.

Эти другие, противопоставившие своё отношение к исторической личности отношению к культуре, природе и языку, отстаивать суверенитет новой России сразу же отказались!

Я даже не хочу обсуждать, кто хорош, кто плох. Я только хочу показать, ЧТО формирует ценности, несовместимые с потерей суверенитета. Эти ценности формирует только любовь к исторической личности (иначе — историософская страсть). А все остальные типы любви, и уж тем более привязанности, этих ценностей не формируют.

Но ведь в исследуемом высказывании Д.Медведева упомянута и история! А как она упомянута?

Элемент #3 — ПРИ САМОМ ТРЕЗВОМ, КРИТИЧЕСКОМ ВЗГЛЯДЕ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ... Трезвость, критичность к своей истории — это хорошие качества. Но предпишите их Тилю Уленшпигелю. А ведь фламандцы очень трезвы и критичны. И французы, между прочим, тоже. Но не в том, что касается Жанны д.Арк. Ценности, несовместимые с потерей суверенитета, и вдохновляемые этими ценностями герои (Тиль Уленшпигель, Жанна д'Арк и так далее) формируются только на основе трепета перед историей, а не трезвого и критичного взгляда на неё. Этим определяется «этос» — благоговение перед *историософски обусловленными святынями*

родной земли. Все ценности, несовместимые с потерей суверенитета, обусловлены этосом. И вне него не существуют. А трезвый, критический взгляд...

Как-то так у нас повелось в последние десятилетия, что где трезвость и критический взгляд — там перестройка. То есть разрушение этоса. Сказали «трезвость и критический взгляд» — и понеслось: покаяние, переименование улиц, фильм «Адмиралъ» etc.

Иноземцы ухмыляются: «Не понимаете, что такое этос — трезвейте и «окритичнивайтесь» и дальше. Но — под властью Цезаря. А почему бы нет? Он даже поможет вам развить вашу трезвость и вашу критичность. Конечно же, не по отношению к Цезарю».

Элемент #4 — ВЕРА В РОССИЮ.

Опять «И-И». И трезвость с критичностью, И вера.

Вера в Россию рекомендована была Тютчевым. Так он сначала трезвость с критичностью проблематизировал («умом Россию не понять»), а потом сказал о вере («в Россию можно только верить»).

Для меня бесспорно то, что нужно верить в Россию. Но верить в Россию можно только историософски. «Мы попробуем любовью», — писал Тютчев, противопоставляя Бисмарку (с его «железом и кровью») НАШ историософский принцип симфонии, положенный в основу НАШЕЙ государственности. Нельзя верить в Россию и производить деисториософизацию. Нельзя верить в Россию и рекомендовать только критичность и трезвость (рацио).

НЕЛЬЗЯ сочетать в одном высказывании элементы, заряженные прямо противоположной смысловой энергией.

Да, Постмодернизм пренебрегает таким НЕЛЬЗЯ. Но за счёт чего? За счёт выхолащивания смысловой энергии вообще и соединения «освобождённых» от неё элементов по принципу так называемых склеек.

Склейте из кусков всего, что окажется под рукой, бутафорский меч... Пока вам надо этим мечом размахивать на представлении — что склеенный меч, что выкованный. А когда надо воевать? А ведь скоро будет так надо, что дальше некуда. И что тогда произойдёт с постмодернистским мечом, склеенным из несочетаемых друг с другом осколков?

В Послании говорится: *«Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой — человек».*

Это впечатляло... Неискушённую публику в 1988 году. Теперь неискушённые Посланий не читают. Что же касается искушённых,

то они подразделяются на тяготеющих к публицистике (мой российский «далёкий собрат по разуму» А.Пионтковский, например) и тяготеющих к научному подходу (мои зарубежные «далёкие собратья по разуму» из Сорбонны, Гарварда, Оксфорда и других мест).

Тяготеющие к публицистике, услышав об идеологии, в центре которой человек, скажут: «Все чукчи знают этого человека».

Тяготеющие к научному подходу тонко и деликатно улыбнутся. И промолчат. С их точки зрения (которую я, кстати, не разделяю), идеология умерла в 80-е годы XX века, и ей на смену пришла политическая антропология, которая доводит до предела человекоцентричность любого мировоззрения.

Но ведь и в идеологиях человекоцентричность наличествовала — с незапамятных времён до нашего времени. Коммунисты говори-

ли: «Всё во имя человека, всё для блага человека». Но имели в виду определённого человека («Ты же советский человек!» — кричит комиссар Мересьеву). Новый человек и новый гуманизм у коммунистов... Сверхчеловек и антигуманизм у фашистов... В центре любой идеологии — человек (чему б ещё быть в центре-то?). Вопрос — какой именно?

КАКОЙ ЧЕЛОВЕК НАХОДИТСЯ В ОСНОВЕ ИДЕОЛОГИИ, К КОТОРОЙ АПЕЛЛИРУЕТ ПОСЛАНИЕ Д.МЕДВЕДЕВА? Это человек, чьи ценности несовместимы с потерей суверенитета? Это человек, чьи ценности совместимы с потерей суверенитета? Это ТАКОЙ человек, каковым его сделала личная сопричастность нашей истории? Или это ДРУГОЙ человек, каковым его делает продолжающаяся деисториософизация?

Вот строчки из стихов покидающего Рос-

сию Бродского:

«Вези меня по родине, такси.
Как будто бы я адрес забываю.
В умолкшие поля меня неси.
Я, знаешь ли, с отчизны выбываю.
Как будто бы я адрес позабыл:
к окошку запотевшему приникну
и над рекой, которую любил,
я расплачусь, и лодочника крикну.
(Всё кончено. Теперь я не спешу.
Езжай назад спокойно, ради Бога.
Я в небо погляжу и подышу
холодным ветром берега другого.)».

Бродский не Тютчев. Но и для него таксист, подвозящий к КПП, за которым — эмиграция, несёт «в умолкшие поля» (в Аид). Бродский понимает, что ему предуготованы в эмиграции успех, признание, безопасность, комфорт. И — превращение в ДРУГОГО че-

ловека.

За то, чтобы не оказаться в «умолкших полях», а остаться на Родине, МОЖНО терпеть лишения и гибнуть. Это не значит, что ты ХОЧЕШЬ терпеть лишения и гибнуть. ХОЧЕШЬ ты, конечно же, преуспевать и жить. Но когда тебе предложат «ИЛИ-ИЛИ», и ты в сердце своём по-настоящему переживёшь коллизию «умолкших полей» и лодочника, — то ты, возможно, выберешь Родину. А главное — ты тогда ТАКОЙ, а не ДРУГОЙ человек (к вопросу о том, что в центре идеологии, КАКОЙ человек).

Мой дед, и не он один, сделал свой выбор и погиб на Родине в 1937 году. А другие представители его класса сделали другой выбор. За что я их никоим образом не упрекаю. Но они, сделав другой историософский выбор, стали ДРУГИМИ. Не говорю — плохими.

ДРУГИМИ. Как это видно по потомкам белоэмигрантов! И крестятся, и русский язык безупречен, и в русскую культуру влюблены... А уже ДРУГИЕ.

Кстати, у англичанина, преподающего русскую культуру в Оксфорде, со знанием нашего языка и нашей культуры тоже всё в порядке. Может, и его назовём патриотом России?

Турбулентность, о которой я предупреждал, уже налицо.

Не за горами момент, когда небрежное отношение к историософскому, если оно не будет преодолено (хотя я на это преодоление продолжаю надеяться), подорвёт союз власти со всеми, кто готов выстаивать, опираясь на ценности, несовместимые с потерей суверенитета, и на историософию, единственно порождающую такие ценности.

А те, кто не готов выстаивать («население 150» и «элита 0,5»), власть будут сносить вместе с государством — «оранжевым» или иным образом. Занимаясь деисториософизацией и противопоставляя «глупым и жестоким» ценностям, несовместимым с потерей суверенитета, — умные и добрые ценности, совместимые с этой потерей (к вопросу о Цезаре и галльской женщине).

Нас, приверженных ценностям, несовместимым с потерей суверенитета, нас, не желающих потерять своё право быть ТАКИМИ, какими нас сформировала наша великая история (не бывает великой культуры без великой истории), — ОЧЕНЬ много. Мы ОЧЕНЬ разные. А ещё — мы слабы, разрознены, дезориентированы, травмированы. Но это не значит, что нас НЕТ. Мы ЕСТЬ. Мы ЕСТЬ, поскольку ЕСТЬ Родина. Но и Роди-

на ЕСТЬ, поскольку ЕСТЬ мы.

Пока остаётся на данной территории сообщество тех, кто хочет быть ТАКИМИ людьми, какими это им предписано их историческим смыслом, их историософией — до тех пор, повторяю, здесь будет и армия, и всё остальное. И никто сюда не сунется. А как только этот социальный массив испарится (в том числе, и с помощью деисториософизации) — испарится и всё остальное. Государство, власть, политическая система, олигархия, бюрократия — всё.

Я верю, что в душе президент Медведев всё понимает правильно. Но я не о душе — о Послании.

Политическая борьба 2009–2015 годов отделит зёрна от плевел, булат от стекла, дробимого кризисом, людей, имеющих ценности, несовместимые с потерей суверенитета,

от людей, чьи ценности прекрасно совмещаются с потерей оного.

Патриотизм как ценность? Я помню, кто и как издевался над этой ценностью в 1988 году и поносил меня за то, что я тогда назвал себя патриотом. Потом патриотами стали все, кто меня третировал. Я постоянно вижу их лица на телеэкране. «Слаб человек»? Согласен. Но человек, который слаб, — хорош, покуда всё «в шоколаде». А поелику «шоколад» тютю, человек этот... Он как от слабости своей вдруг СТАЛ патриотом, так (от этой же слабости) и ПЕРЕСТАНЕТ им быть. Погодите совсем немного, и вы получите по этому поводу самые наглядные доказательства.

Я обещал, завершая марафон, обсудить ещё Обаму, кризис и манифест Ходорковского.

Ходорковский сначала сделал стратегиче-

скую заявку («кризис — это смена парадигмы»), но тут же заявку провалил (парадигма — это «тэтчеризм-рейганизм»). Смешно...

Кризис и впрямь тянет на смену парадигмы. Смена эта произойдёт не в один день. Но не исключено, что на неё уйдёт всего лишь 6–8 лет. Обычно парадигмы менялись многими десятилетиями, но и такая длина переходного периода воспринималась как катастрофический скачок. А тут...

Да, кризис парадигмален. Но не потому, что отменяется «тэтчеризм-рейганизм», а потому, что не отменяются законы капитализма. Всеобщие кризисы капитализма — не выдумка. После двух первых всеобщих кризисов были мировые войны. Которые и выводили из кризисов. Других способов выводить из всеобщего кризиса капитализм не знает. В условиях кризиса подешеветь должно всё,

кроме собрания сочинений К.Маркса. Потому что всё происходит строго по Марксу. Презирали Маркса, презирали... Допрезирались.

А ещё кризис парадигмален потому, что исчезла дуальность мира. У капитализма нет «альтер эго» (им были СССР и мировая коммунистическая система). А капитализм без «альтер эго» — это та ещё штучка. Скоро и Ремчуков с Юргенсом поймут, какая именно.

Парадигмальность парадигмальности рознь. Есть такое понятие «ранг». Формационная парадигмальность имеет высокий ранг. Но более высокий ранг — у парадигмальности мегапроектной. Кризис, по существу, подводит черту под всей эпохой Модерна и спрашивает человечество: «У вас есть, чем этот Модерн заменить? Не Постмодерном же!». Нет ответа? Наступает великое удушье. Всемирный «бобок».

Но и мегапроектная парадигмальность — не наивысшая.

Наивысшая же по своему рангу парадигмальность кризиса адресует к человеческому роду как таковому. К его барьерам и тупикам. Мы и впрямь приближаемся к барьеру, по своей непреодолимости и чудовищности равному барьеру между палеолитом и неолитом. Технологический рост, несовместимый с антропологической консервацией, играет тут очень важную роль... Да и многое другое.

В Послании Медведева смене парадигм вообще места не нашлось. Скажут, что и в Посланиях Путина ничего такого не было. Да, но и В РЕАЛЬНОСТИ (к которой текст всё же должен иметь отношение) не было при Путине явлено того, что явлено сейчас. Мы предупреждали, что это будет явлено. И к этому надо готовиться. Но от предупреждений

отмахивались, говоря, что всё «в шоколаде». Теперь же отмахнуться невозможно!

Кроме того, Послания Путина всегда были (причём сознательно) прагматичны донельзя. А Медведев-то от прагматичности ушёл. А к «парадигматичности» (когда-то доклады генсеков съезду КПСС неслучайно начинались с «содержания всемирно-исторической эпохи») не пришёл.

И ясно, почему. Потому что всё ещё работает изношенная, дышащая на ладан стратегическая формула «И-И» (И западничество, И патриотизм). Согласно этой формуле, определять содержание всемирно-исторической эпохи должна цитадель западничества. И всем понятно, что за цитадель. Ну, вот — теперь в цитадели этой Обама. Пиарщику кажется остроумным приурочить Послание президента РФ к избранию Обамы. Но мало

«приурочиться». Надо ещё и соотнестись.

Барак Хусейн Обама — это сложнейшее уравнение со многими неизвестными... Культ племени луо, к которому принадлежал дедушка... Сопричастность исламу деда, отца и отчима... Значение негритянской теологии освобождения в церкви Джереми Райта, от которой так мучительно открещивался в ходе президентской кампании Обама... Параллели между Линкольном и Обамой, а также между Джоном Брауном («Джон Браун пал на поле боя»), от которого как бы открестился Линкольн, и Джереми Райтом, от которого как бы открестился Обама... Русский язык, изучавшийся отцом и матерью Обамы... Не вполне ординарная, не чуждая истеблишменту, белая бабушка... Колумбийский университет, в который поступил Обама... Его сенсационная, беспреце-

дентная по сути для афроамериканца карьера в Гарварде, предполагающая специфические каналы вертикальной мобильности... Внутренний круг Обамы, включающий не только стратега Дэвида Аксельрода и менеджера Дэвида Плуффа, которых Обама публично благодарил, но и Валери Джаррет, Роберта Гиббса, чикагских экономистов (Остена Гулсби и Джефри Либмана), Сьюзен Райс (будет у нас новая Райс), а также легенду ЦРУ Джона Бреннана, вне понимания роли которого разговор об Обаме бессмыслен. И о котором говорить будут меньше всего.

А тут ещё и вице-президент Джозеф Байден, по сути, главный организатор бомбардировок Сербии... Старая клинтоновская гвардия... Збигнев Бжезинский и его молодая поросль... Предупреждения Байдена и Комиссии по оборонному бизнесу о том, что Оба-

ме вскоре после начала правления предстоит столкнуться с кризисом (возможно, имеющим отношение к России)... Заявление Обамы о том, что русские «демонстрируют поведение зла (evil behavoir)», сделанное в ответ на вопрос Тома Брокоу, является ли Россия при Владимире Путине «империей зла»... Место, где это было сказано (Нэшвил, штат Теннесси — это всё равно, как если бы Медведев сделал подобное заявление по поводу США в «атомном» Сарове)... Не чуждый порождению кризиса Пол Волкер, который теперь — при Обаме — от кризиса должен спасать ...

Приурочили Послание к избранию Обамы? СООТНОСИТЕСЬ! А это ведь более чем непросто. Потому что феномен Обамы донельзя проблематизирует формулу «И-И». Сковывающую и Путина, и Медведева ничуть

не меньше, чем мировой кризис.

Почему проблематизирует?

Во-первых, потому, что Обама, понимающий, что ему придётся иметь дело с беспрецедентными вызовами, апеллирует в своих выступлениях перед американцами ПРЕЖДЕ ВСЕГО К ИДЕАЛЬНОМУ. Не к идеальному НАРЯДУ с чем-то другим. И не ТОЛЬКО к идеальному. А именно ПРЕЖДЕ ВСЕГО К ИДЕАЛЬНОМУ.

Во-вторых, потому, что в отличие от Послания Д.Медведева, апелляции Обамы посвящены ценностям, несовместимым с потерей суверенитета, — то есть американскому историософскому идеальному. Обама, зная, что предстоит мобилизация (жертвы, затягивание поясов и так далее), как бы говорит: «Американцы, мы же с вами народ Иакова!»

Итак, «обамизм» — это новый вызов. При-

урочиться к нему легко. Соотнестись с ним трудно. Ибо это не просто новый вызов. Это новый системный стратегический вызов. Каковы же слагаемые вызова?

#1 — идеология. Это слагаемое мы только что обсудили.

#2 — геополитика. При Буше Европа, США и ислам были порознь. Теперь они могут (и даже должны) оказаться вместе. Вместе — против кого? А ну как против России? Близкий к Обаме Бжезинский прямо говорит именно об этом.

#3 — экономика. Ведь чаще всего американским демократам (представляющим не только Уолл-стрит, но и обрабатывающую промышленность), в отличие от американских республиканцев (представляющих не только ВПК, но и нефтяников), НУЖНЫ НИЗКИЕ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ. Кризис сам

по себе понижает эти цены, но их понижение ещё и нужно победившим американским демократам. Между тем, высокие цены на нефть и отсутствие консолидированного (американо-европейско-исламского) международного давления на Россию — это два немаловажных условия, при которых могла существовать предыдущая (путинско-бушевская) система.

#4 — историософия. Обама ведь и впрямь назвал поведение России «поведением зла»... А это... Это в устах демократа звучит более эксцентрично, чем в устах республиканца Рейгана. Нет ни коммунизма, ни СССР, а это есть. Да ещё и, повторяю, в демократическом исполнении.

#5 — психология. Обама — это ещё и новизна личности. А когда новизна личности помножена на новизну ситуации (то бишь,

кризис), то грань между объективным и субъективным размывается. Кризис всегда обостряет конфликты. Ресурсов меньше — аппетиты всё те же. Кто «облизнётся» на чьи ресурсы? И как будет прокладывать себе к ним дорогу?

#6 — политика как таковая. В избрании Обамы есть один-единственный КОНКРЕТНЫЙ смысл, ПРЯМО касающийся внутренней политики России.

Приди к власти республиканец (желательно такой, как Буш, то есть не «заточенный» специально на Россию, но даже и любой, вплоть до Маккейна), что бы это нам подарило? Большее или меньшее наращивание холодной войны... Что само по себе не страшно. Да, специфические объективные обстоятельства в сочетании с субъективной заданностью (которая в случае Маккейна бы-

ла очевидна) сулили ещё и возможность перерастания холодной войны в горячую. Но столь ли велика была эта возможность?

А вот избрание демократа вообще (и Обамы в частности) знаменует собой не разрядку, как это кому-то хотелось бы, а оттепель, перерастающую в перестройку. Причём на фоне новой внешнеполитической конфигурации, кризиса и снижения цен на нефть. От нас ждут не избавления от зол («чекистского» или иного), а 1991-го или 1993 года. То есть, или развала страны, или паралича власти за счёт конфликта дуумвиров... и опять же развала страны.

Ничего другого от нас не ждут! Беда же в том, что слишком многие считают, что ждут другого — белого и пушистого. Эти ожидания другого опасны больше, чем «холодная война». Выстоять в новых условиях можно. Но

только по модели Иакова.

Обама использует эту модель для США. А мы... В последний раз даю слово И.Юргенсу, успевшему за это время несколько раз выступить, в том числе и в «The New Times» (замечу: А.Н.Яковлев у В.И.Новодворской в газете не выступал).

Юргенс: *«С одной стороны, как призывал Бухарин, обогащайся. А с другой — иди в русле коллективной воли и покажи всем вокруг величие. Но величие заключается в миссии. А какую именно миссию мы сейчас несём?»* «Принцесса, вы так наивны, что можете сказать нечто слишком неприличное», — говорили придворные из детской сказки. Именно так наивны наш «класс 0,5» и его идеологи. Обама и Аксельрод американцам про миссию, а наш «класс 0,5» и его идеологи русским про Бухарина (с

восхваления которого, как мы помним, началась перестройка-1).

Хуже всего, что Юргенс кое в чём прав. И пора, завершая марафон, сказать, в чём же именно.

За период с 1991 по 2008 год в России сформировался некий ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ. Этот (скажем так, существенно безидеальный и даже анти-идеальный) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ устраивает как власть, так и подавляющее большинство населения. Этот ПОРЯДОК — уникален. И — неслучаен. Его создание является плодом многолетних дерзновенных усилий всего господствующего капиталистического класса планеты.

Поясню. Страх этого господствующего класса перед коммунистической революцией был огромен. Но, к чести класса, страх не парализовал, а мобилизовал класс, причём в

неслыханной степени.

Мобилизация была всесторонней — в том числе, интеллектуальной. В поисках лекарства от коммунистической революции капиталистический класс не высмеивал и не сжигал на кострах, а штудировал Маркса. И понял, что Маркс — прав. Что история неминуемо отменит господство класса капиталистов так же, как отменяла господство других классов. А на смену господству класса капиталистов придёт или господство других классов, или нечто совсем новое.

Поняв этот исторический рок (а понять его класс мог, только осмыслив Маркса), класс не спасовал, не подчинился року, а стал искать способ сохранения своего классового господства.

Способ, как ни странно, был подсказан самим Марксом (а в ещё большей степени

Гегелем). Если история отменяет господство класса, то класс, желающий сохранить господство, может сделать только одно — ОТМЕНИТЬ ИСТОРИЮ.

Ни египетские жрецы, ни Платон, ни контрреформаторы Средневековья не могли осуществить проект под названием «отмена истории». Они могли мечтать об этом и мечтали, но не более того. А вот капиталистический класс, вооружившись Марксом и принципиально новыми возможностями, предоставленными ему историческим развитием, — уже мог и выдвинуть, и осуществить такой неслыханно амбициозный проект.

Гуманитарные технологии — не мелочь. Это оружие пострашнее ядерного или химического. Если человека можно, как Буратино, обстругать под некоторый (в принципе неважно даже, какой) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ,

то этот ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ будет поддержан всем сообществом обструганных Буратино. Гуманитарные технологи, отвечая на заказ господствующего класса капиталистов, сказали классу:

«Обстругать можно. В XIX веке было ещё нельзя, в первой половине XX-го было ещё нельзя. А теперь — можно, но... Но это будет фундаментально деисториософизированный человек. Человек, из которого вытравлено всё историческое. Этот человек будет бороться за место в ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ и не посягать на порядок как таковой. Но он не сможет развиваться. Вытравливая из него всё историческое, мы вытравим из него имеющийся в нём «развиватель» — орган развития, механизм развития, мускул развития. Человек будет находиться в гомео-

стазе с ПОРЯДКОМ ВЕЩЕЙ.

Вы можете нам задать параметры ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ. Мы выстругаем Буратино под заданные параметры. Но это будет Буратино. Он будет счастлив. Но он не сможет ни развиваться, ни развивать (и даже поддерживать) ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ. Симбиоз Буратино и Буратинии — будет основан на контристорическом проседании. Мы сможем управлять скоростью этого проседания. Но превратить проседание в развитие мы уже не сможем.

Вы заказчики — решайте, нужно это или нет. Это будет называться... ну, неважно, например, потребительское общество. Главное тут не общество, а человек. Если можно выстругать потребителя под потребительское общество

как ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ — история прекращается. И по вашему заказу мы её прекратим, если вам это нужно. Но вы должны понимать последствия».

Класс, к которому пришли «буратинизаторы», — задумался. И согласился на частичную «буратинизацию» нужных ему стран первого мира, где было надо любой ценой погасить «огонь истории». В этих странах он согласился, повторяю, лишь на частичную «буратинизацию». Но ему очень хотелось понять, что такое «буратинизация» полная, тотальная. Для этого нужно было провести эксперимент в отдельно взятой стране. Причём именно той, где пылал ненавистный классу «огонь истории», угрожающий классовому господству. То есть в СССР.

Сюда-то класс и направил «буратинизаторов». И сказал им: «Тут обстругивайте Бу-

ратино полностью. И так, чтобы эти Буратино навсегда возлюбили Буратинию и гнили с нею вместе, опускаясь сколь угодно низко и с любой скоростью». «Буратинизаторы» отработали. Ошалев от масштаба задания и предоставленных средств, они сначала чуть-чуть поныли: «Ах, ох, трудно быть богом! Надо же, хищные вещи века! Не может быть! Факультет ненужных вещей!». Но, поныв, они засучили рукава. И обстругали так, что дальше некуда. ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ опирается на Буратино, Буратино поддерживает ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ. «Буратинизаторы»... Они же регрессоры... Социокультурный шок, карнавализация, архаизация, культ карго... Много стружек — и Буратино. Довольный предоставленными возможностями и тогда, когда они велики, и тогда, когда они так себе, и тогда, когда они «скуднее скудного». Ибо и

тогда ведь — дешёвый алкоголь, наркотики, отсутствие принуждения к труду, криминальная вольница, приобщение к низкой, но праздничности.

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ... Никто из наших оппозиционеров (ни Зюганов, ни Лимонов, ни скинхеды, ни белые монархисты — НИКТО) не посягает всерьёз на этот, устраивающий столь многих, ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ.

И уж тем более на него не посягает власть, которой абсолютно непонятно:

а) что плохого в этом порядке вещей,

б) как на него можно посягнуть,

в) чем его можно заменить,

г) зачем его на что-то заменять, если и так хорошо (точнее, если только так и хорошо).

Но причём тут тогда развитие? Поддерживая этот ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ, мы должны признать, что в центре идеологической над-

стройки, освящающей этот базис, — ЭТОТ человек, по имени Буратино. Причём, чтобы этот человек оставался Буратино, его надо всё время подстругивать.

Власть хочет разместить «5 И», от «интеллекта» до «инноваций», в этом ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ и в порождённом ПОРЯДКОМ ВЕЩЕЙ человеческом материале? Но это невозможно.

Власть мыслит «5 И» как добавку к наличествующему: Буратино скушает пищевую добавку 2020 или 2030, и у него будет побольше жирка «5 И»? Но «5 И» — это не нагуливаемый жирок.

Где есть Буратино, там нет «5-ти И». А где есть «5 И», там нет Буратино.

Буратино — деисториософизирован. Потому он и Буратино. А где деисториософизация, там нет ценностей, несовместимых с потерей

суверенитета. Точнее, эти ценности валяются на полу в виде стружек. А где нет ценностей, несовместимых с потерей суверенитета, — там нет суверенитета. Причём никакого суверенитета — ни духовного, ни политического.

Если нет ни развития, ни ценностей, несовместимых с потерей суверенитета, — какое государство, какая власть и так далее? Властвовать над Буратино легко. Но как побудить Буратино мобилизоваться для защиты отсутствующих у него ценностей, несовместимых с потерей суверенитета? А значит, и всего остального. В том числе, между прочим, и власти.

Путин, Медведев, вся наша актуальная элита, в которой немало умных и совестливых людей, — упорно отказываются признать очевидное.

Что И Буратино, И развитие — не вытан-

цовываются. ИЛИ Буратино, ИЛИ развитие. Человек, находящийся в симбиозе с существующим ПОРЯДКОМ ВЕЩЕЙ и реализующий «5 И» (и уж тем более опережающее развитие), возможен в той же степени, что и гордый папуасский космонавт, первым прилетающий на Марс или Альфу Центавра.

Буратино создаёт Буратинию. Но и Буратиния доструг ивает Буратино. Приглядитесь к обоюдоострому процессу. Буратино делают — стружки летят.

Специалисты по развитию — с чего начинают? С помещения в центр идеологии человека, способного к развитию. Любому развитию! А уж если речь идёт об опережающем развитии, тогда... Тогда совершенно особое значение придаётся эмоциям, стимулирующим развитие, иерархии потребностей (хотя бы по Маслоу, но желательно потонь-

ше и посовременнее), трансцендентирующему началу, устройству очагов развития в человеческом мозге, управлению целеполаганием. Все понимают, что в основе лежит смысл, экзистенциальное беспокойство. А если «homo обструганному» и без этого хорошо... если он выструган под это «хорошо»... если он день и ночь говорит это «хорошо» в интонации престарелого генсека Черненко, опускающего бюллетень в урну («хорошо-о-о...»)... Тогда какое развитие (если ему ТАК хорошо-о-о)?

ИЛИ-ИЛИ... ИЛИ преодоление «буратинизации» (глубочайшая посттравматическая реабилитация, широкий комплекс восстановительных социокультурных программ и т.д.)... ИЛИ... Или это «хорошо-о-о...». И симбиоз «хорошиста» с «хорошизмом», Буратино с Буратинией, абсолютно губительный

для государства, политической системы, народа. Симбиоз, и задуманный для того, чтобы всё сгноить... А потом ещё сгноить гной... И в итоге возвести гной в бесконечную степень.

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ?

Что в «2020» и «2030» от опережения? Какое отношение модернизация имеет к опережению? В каком социальном и культурном смысле следует говорить об опережении? ОПЕРЕЖЕНИИ ЧЕГО? КОГО? Мировых лидеров? Но они потому и лидеры, что побежали по своему историческому пути.

Как минимум, опережение означает, что либо у нас будет своя «Калифорния-2020», до которой в США если додумаются, то лет на 50 позже, либо... либо у нас будет нечто такое, чего у США никогда не будет. Нечто, определяемое нашей траекторией исторического движения. Но тогда это даже не опере-

жение, а нечто большее. Предположим, что мы уже знаем, что у них тупик, знаем, как выйти из тупика и вывести из него человечество, идём сами этим путём и выводим других... Вам это ничего не напоминает?

МЕЖДУ ПРОЧИМ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ НАС ДО СИХ ПОР ЖДЁТ ТОЛЬКО ЭТОГО И НИЧЕГО ДРУГОГО. А МЫ ПРЕДЪЯВЛЯЕМ ЕМУ ОБСТРУГАННОЕ И СТРУЖКИ.

Для кого-то Буратино — это метафора?

А аномия по Дюркгейму (болезнь ценностей, все её признаки налицо) — для вас тоже метафора? Люди, оптимистически обсуждающие какую-то модернизацию, — что стали бы делать на Западе, если бы их спросили: «а сочетаема ли модернизация с аномией»? Но эти лжеоптимисты отлично понимают, что они не на Западе. Эти высоколобые прогрессивные

эксперты-модернизаторы, порицающие «совок» (в котором человек, способный к развитию, очевидным образом был — просто по факту), сами ведут себя, как в анекдоте брежневской эпохи: «Уважаемый товарищ... Чаушеску!» — «Лёня, Герек это, Герек!» — «Уважаемый товарищ... Чаушеску!» — «Да Герек же, Лёня, Герек!» — «Сам вижу, что Герек, но тут написано «Чаушеску»!»

Вот и эксперты наши... «Сам вижу, что аномия. Но пишу — инициативный актор новой модернизации!»... «Сам вижу, что Буратино. Но пишу...» Ох, допишетесь! Не к добру всё это. И не ко времени.

В Послании говорится: *«Наши цели неизменны».*

Мало сказать «неизменны». Надо сказать, в чём цели.

Демократические институты, частная соб-

ственность, политические свободы — это не цели. Вот, например, опережающее развитие — это цель. Но тогда всё остальное — средства. А средства не могут быть неизменными. Вы идёте к «Граду на холме». Путь преграждает река. Вы садитесь в лодку. Вы же не скажете, что неизменно будете идти только пешком, и никак иначе!

Так что же, цель — поддержание ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ? Но предъявление в качестве цели поддержания любого ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ, как мы понимаем, до крайности проблематизирует развитие. Если цель — гомеостаз, то какое развитие? А если цель — поддержание того ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ, который я описал и назвал Буратинией, то она СОВСЕМ несовместима с развитием. И абсолютно тождественна его антитезе. То есть регрессу.

Кроме того, есть «наши цели» и «их». А

ну, как мы скажем, что наши цели неизменны, а они изменят цели? Например, они отменят капитализм, а мы его продолжим лелеять... Говоря о неизменности целей... Но это тогда будет точь-в-точь «капитализм в отдельно взятой стране». То есть автаркия. Однако ведь в Послании-то утверждается, что *«мы давно сделали свой выбор в пользу глубокой интеграции в мировое хозяйство»*. Сделав такой выбор, мы не можем говорить о неизменности наших целей, не правда ли? Ибо наши цели уже предопределены целями тех, кто управляет мировым хозяйством...

Или мы решили, что мы управляем мировым хозяйством? Решить-то, конечно, можно всё, что угодно. Если оторваться от реальности. Но вряд ли стоит так от неё отрываться. Тем более, рекомендуя трезвый и крити-

ческий подход к своему прошлому. Наверно, и к настоящему нужен тоже такой подход?

Уже не только Сорос, но и Гринспен проклял тот «рынок» который привёл к нынешней экономической катастрофе. Что же касается демократии, то все мы понимаем — она не панацея, а нечто вторичное по отношению к господствующему классу. Класс держит рамку, без которой демократия не существует. Без рамки так называемая полноценная политическая борьба (а какая без неё демократия?) — это не гарантия от ошибок, а разрушительная самоубийственная грызня.

Демократия «0,5»? Демократия «0,5 плюс 150»? Да-да, и кризис в придачу. За два месяца съедено более 20% имеющихся резервов... Самое время для демократии.

Или кто-то считает, что демократия — это народовластие?

Для народовластия нужен народ. Для гражданского общества — граждане.

Буратино — это ультра-потребитель, «потребо-ман» (богатый, бедный, неважно). «Потребо-ман» — это антигражданин. Сделать государство средством для «потребо-мана» в условиях сжимающегося потребления — это политический и государственный суицид.

Давайте попытаемся лучше преодолеть синдром Буратино или хотя бы прекратить этого Буратино обстругивать и дальше (причём наигубительнейшим, наиболее противоречащим всему происходящему, ультрапотребительским образом).

Приятно, конечно же, стругать Буратино и кокетливо восклицать: «Трудно быть богом!» Но история создателей големов повествует о том, что подобные кокетливые воскли-

цания, обрываясь, переходят в вопль ужаса, исторгаемый создателями, на которых эти големы набрасываются.

Пора, пора... Пора, пора, пора... Пора, пора, пора, пора — СПОХВАТИТЬСЯ.

США, Китай, Европа, ислам могут увеличить нагрузку на нашу истлевающую систему. И за счёт этого она рухнет быстрее. Обама и кризис могут ускорить обрушение и грозят его ускорить, что, мне кажется, уже для всех очевидно. Но источник тления — УЛЬТРА-ПОТРЕБИТЕЛЬ, Буратино конца истории.

Брежнев не помешал обстругивать Буратино.

Горбачёв призвал Буратино под знамёна перестройки и дал ему разрушить страну.

Ельцин ревностно достругивал Буратино, служа его взрослеющему и алчущему нутру.

Путин попытался соединить Буратино и

патриотизм по принципу «И-И».

Новый тип вызовов и угроз подводит черту под этим экспериментом, который (поелику хоть как-то был реабилитирован какой-то патриотизм) я не намерен демонизировать. Но путинское «И-И» очевидным образом в прошлом. Вскоре те, кто будут сносить и Путина, и Медведева (а они на подходе) провозгласят: «Долой патриотизм! Да здравствует освобождённый от его цепей Буратино!»

А мы? Бороться с властью под знаменем «освобождённого Буратино» (а знамя, вот увидите, будет таким и только таким) аморально и контрпродуктивно. Фрустрированный кризисом Буратино сожрёт и власть, и страну.

Альтернатива этому только в одном. В стратегическом отказе от Буратино. Этот отказ предполагает прекращение «буратиниза-

ции», масштабную реабилитацию наших «бу-ратинизированных» сограждан, а также (и это главное) — поиск необструганного чело-веческого материала, способного к развитию и обладающего ценностями, несовместимыми с потерей суверенитета.

Этот материал есть. Он накапливается в российских катакомбах, не принявших чече-вичной похлёбки. Помочь накоплению и пе-рейти от накопления к структуризации — вот всё, что можно и должно делать.